

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 464. Март

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 464. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абдрашитова М.О., Богданова А.Г. Реализация концепта дистанционное образование в современной русской лингвокультуре	5
Волошина С.В., Демешкина Т.А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сёл)	13
Головко В.М. Эпистемологический потенциал литературоведческой категории «идея человека»	23
Коротченко Т.В. Политическая проблематика наследия Ф.М. Достоевского: американская рецепция	32
Мамонтов А.С., Жукова А.Г., Столярова А.Г. Концепт «прошлое» в русской языковой картине мира	42
Якимова С.И. Портретный очерк ВС.Н. Иванова 1920-х – начала 1930-х гг. в контексте событий эпохи	51

ФИЛОСОФИЯ

Бирюков Д.С. Линии в ноологии Григория Паламы. Паламизм и платонизм	60
Грязнова Е.В. Субстратный подход в исследовании цифровой культуры	68
Шабалина А.О. Энактивистская критика нейробиологической теории сознания	76

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В. Социальное и политическое взаимодействие местных сообществ региона в условиях реактивных отношений: кейсы благоустройства городского пространства	81
Подшибыкина Т.А., Константинов М.С., Васильева А.А. Когнитивно-идеологическая матрица: диффузионная модель динамики	91
Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти	99

ИСТОРИЯ

Алпыспаева Г.А. История деятельности Акмолинского уездного союза кооперативов (1917–1922 гг.)	113
Вельмакина М.С. Репрезентация «женского вопроса» в официальных Сибирских периодических изданиях второй половины XIX – начала XX в.	122
Лошкарёва М.Е. Отлученные принцы: экскоммуникации в средневековом Уэльсе	127
Новиков М.В. Советская помощь Испанской республике в 1936–1939 гг.: современные консервативные версии	134
Пузанов Д.В. «Авраамическая метацивилизация» VIII–XIII вв.	143
Рычков А.В. Научно-производственные объединения и научно-производственные системы в сельском хозяйстве Сибири в 1980-е гг.	153
Шульц Э.Э. Ленин: проблемы осмысления собственной истории	159

CONTENTS

PHILOLOGY

Abdrashitova M.O., Bogdanova A.G. Realization of the Concept <i>Distance Learning</i> in the Modern Russian Linguistic Culture	5
Voloshina S.V., Demeshkina T.A. Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech)	13
Golovko V.M. The "Idea of Human" Literary Category: Epistemological Potential	23
Korotchenko T.V. Political Issues in Fyodor Dostoevsky's Writings: American Reception	32
Mamontov A.S., Zhukova A.G., Stolyarova A.G. The Concept "Past" in the Russian Language Picture of the World	42
Yakimova S.I. Vsevolod Ivanov's Portrait Essay of the 1920s – Early 1930s in the Context of the Events of the Era	51

PHILOSOPHY

Biriukov D.S. Lines in the Noology of Gregory Palamas. Palamism and Platonism	60
Gryaznova E.V. A Substrate Approach in the Study of Digital Culture	68
Shabalina A.O. Enactivist Criticism of the Neurobiological Theory of Consciousness	76

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V. Social and Political Interaction of Local Communities in the Region in the Context of Reactive Relations: Cases of Urban Space Improvement	81
Podshibyakina T.A., Konstantinov M.S., Vasileva A.A. The Cognitive-Ideological Matrix: A Diffusion Model of Dynamics	91
Shestopal E.B. Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities	99

HISTORY

Alpyspaeva G.A. History of Activities of the Akmola District Union of Cooperatives (1917–1922)	113
Velmakina M.S. Representation of the "Women's Question" in Official Siberian Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries	122
Loshkareva M.E. Excommunicated Princes in Medieval Wales	127
Novikov M.V. Soviet Aid to the Spanish Republic in 1936–1939: Modern Conservative Versions	134
Puzanov D.V. The "Abrahamic Metacivilization" of the 8th –13th Centuries	143
Rychkov A.V. Scientific Production Associations and Scientific Production Systems in the Agriculture of Siberia	153
Shults E.E. Lenin: Problems of Comprehension of Own History	159

ПЕДАГОГИКА

Абрамова И.Е., Шишмолина Е.П. Профессионально ориентированное обучение студентов неязыковых направлений: международные профессиональные конкурсы	171
Дементьева Т.М. Немецкий язык как второй иностранный язык для российских студентов – дилемма выбора: классический или плюрицентрический немецкий язык?	181
Егоров К.Б. Концептуальные основания независимой оценки квалификации выпускников педагогических направлений подготовки	193
Захарова А.Н., Карвунис Ю.А., Каплевич Л.В. Мониторинг и менеджмент здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи	203
Куклина С.С., Шевченко А.И. Опытно-экспериментальная проверка методики формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде вуза	216
Сизова И.А. Музей – активный участник рынка непрерывного образования	225

ПРАВО

Бачурин Д.Г. Конвенциональное правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости государствами-участниками Совета сотрудничества стран Персидского залива	232
Зайцева Л.В., Абакумова О.А. Виртуальная мобильность и трансграничная дистанционная работа: наступившая реальность и правовая неопределенность	239
Новикова Т.В. Территориальный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи	251
Тарасов М.Ю. Новый элемент в процедуре экстрадиции	261
Терентьева В.А. Условное осуждение и помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение: особенности применения и соотношения в контексте системности уголовного права	267
Фазльева Л.К. Полномочия органов местного самоуправления по установлению целевого назначения земель и его разрешенного использования: анализ теоретических проблем	272
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	277

PEDAGOGICS

Abramova I.E., Shishmolina E.P. Professionally Oriented Foreign Language Teaching to Non-Linguistic Students: International Professional Competitions	171
Dementyeva T.M. German as a Second Foreign Language for Russian Students – A Dilemma of Choice: Classical or Pluricentric German?	181
Egorov K.B. Elements of the Conception of an Independent Assessment of Pedagogy Graduates' Qualification	193
Zakharova A.N., Karvounis Yu.A., Kapilevich L.V. Monitoring and Management of Students' Health, Lifestyle and Physical Activity	203
Kuklina S.S., Shevchenko A.I. Experimental Verification of Methods for the Intercultural Competence Formation in the Professionally Oriented Informational Educational Environment of the University	216
Sizova I.A. Museum as an Active Participant in Continuing Education	225

LAW

Bachurin D.G. Conventional Legal Regulation of Value-Added Taxation by the Member States of the Gulf Cooperation Council	232
Zaitseva L.V., Abakumova O.A. Virtual Mobility and Cross-Border Remote Work: Current Reality and Legal Uncertainty	239
Novikova T.V. The Territorial Approach to the Content of the Closest Connection Principle	251
Tarasov M.Yu. A New Element in the Extradition Procedure	261
Terentieva V.A. Suspended Sentence and Placement in a Special Educational Institution: Features of Application and Correlation in the Context of the Systematic Nature of Criminal Law	267
Fazlieva L.K. Local Self-Government Powers to Establish the Target Purpose of Lands and Their Permitted Use: Analysis of Theoretical Problems	272
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	277

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

М.О. Абдрашитова, А.Г. Богданова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ* В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рассмотрен концепт *дистанционное образование*, репрезентирующий определенный фрагмент национальной картины мира современных носителей русского языка. Работа строится на сопоставлении интерпретаций лексикографических данных с данными результатов экспериментальных исследований. На основе интерпретации полученных языковых данных уточняется статус исследуемого концепта в языковом сознании носителей современной русской лингвокультуры, раскрывается его актуальное смысловое содержание.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; русская лингвокультура; рецептивный эксперимент; ассоциативный эксперимент.

Сложившаяся в настоящее время эпидемиологическая ситуация во многом определила изменения, произошедшие в различных областях жизни современного мирового сообщества. Согласно данным ЮНЕСКО, более 91% обучающихся (1 576 021 818 человек) из 188 стран мира испытали на себе влияние массового закрытия образовательных учреждений в ответ на пандемию коронавирусной инфекции [1]. Современная система образования столкнулась с целым рядом вызовов глобального характера, среди которых наиболее острым является масштабный перевод образовательной деятельности в средней и высшей школах в область современных компьютерных технологий. Это привело к необходимости создания соответствующей «новой» реальности образовательной среды, выходящей за рамки привычной кампусно-аудиторной модели организации образования.

Происходящие социальные процессы, безусловно, находят отражение в языке. Так, современная эпидемиологическая обстановка привела к возникновению новых реалий, обогатив русский язык такими неологизмами, как «самоизоляция», «ковидный», «коронакризис», а также к включению в национальный лексикон бывших ранее специфическими профессиональных терминов, таких как «пандемия», «санитайзеры», «дистанционное образование», «социальное дистанцирование» и др. Изучение новых языковых явлений позволяет выявить возникающие социокультурные тенденции и определить их влияние на современную ментальность.

В центре предлагаемого исследования находится концепт *дистанционное образование*. Выбор данного концепта в качестве объекта исследования обусловлен необходимостью проследить расширение его смыслового поля, выявить произошедшие в его структуре трансформации групп концептуальных признаков, обусловленные влиянием глобальных экстралингвистических факторов, главным из которых стал массовый переход на удаленный формат обучения. В определенном смысле современная социокультурная действительность может характеризоваться как особый фон, дающий возможность исследователю-лингвисту стать свидетелем и воочию наблюдать рождение, становление и модификацию ряда концептов в сознании носителей современной культуры.

Обзор современных лингвистических исследований свидетельствует о том, что концепт определяется учеными многообразно и противоречиво. Исходя из определения данного термина, строится и методика его описания (см. работы [2–11]). В настоящем исследовании вслед за М.В. Пименовой концепт определяется как «означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления. Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющего сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [12. С. 129]. В структуре концепта выделяются мотивирующие, понятийные, образные, ценностно-оценочные и символические группы признаков. Концепт отражает ступень знаний, функционально и прагматически существенный для представителей соответствующего этноса и вербализованный на уровне лексем. Анализ лексического уровня реализации концепта позволяет определить основные компоненты, формирующие его структуру.

Изучение содержания концепта возможно посредством моделирования его структурных элементов. Мотивирующие признаки концепта закреплены во внутренней форме слова и выявляются на основе данных этимологических и толковых словарей. Понятийные признаки актуализированы в словарных дефинициях репрезентанта концепта в виде семантических компонентов (сем), а также в системе синонимов. «Выделение остальных когнитивных признаков – образных (признаков живой и неживой природы) и символических – происходит на материале Национального корпуса языка, в контекстах (словах и словосочетаниях) с включенным репрезентантом исследуемого концепта анализируется его окружение» [13. С. 25].

Предлагаемое исследование строится на сопоставлении интерпретаций лексикографических данных с данными результатов экспериментальных исследований.

На первом этапе с целью экспликации важнейших черт исследуемого концепта и установления понятийных признаков в его структуре были проанализированы дефиниции ключевых слов, вербализующих исследуемый концепт, представленные в тезаурусах современного русского языка. Ключевой номинацией исследуемого концепта выступает устойчивое слово-

сочетание *дистанционное образование*, которое имеет высокую степень обобщенности значения и является стилистически нейтральным.

Устойчивое сочетание *дистанционное образование* трактуется в «Педагогическом терминологическом словаре» как «технология целенаправленного и методически организованного руководства учебно-познавательной деятельностью учащихся (независимо от уровня получаемого ими образования), проживающих на расстоянии от образовательного центра» [14. С. 73].

Толковый переводоведческий словарь под редакцией Л.Л. Нелюбина определяет *дистанционное обучение* как «обучающую систему с использованием ЭВМ как средства хранения и доставки пакета учебной информации пользователю в режиме самостоятельного доступа по телекоммуникативным сетям. Способ взаимодействия: обучаемый – ЭВМ (человек – машина) (без преподавателя или с меньшей долей его участия непосредственно в организации процесса обучения)» [15. С. 64].

В словаре бизнес-терминов зафиксировано следующее определение дистанционного образования: «процесс приобретения знаний и навыков с помощью образовательной среды, основанной на использовании информационных технологий, обеспечивающих обмен учебной информацией на расстоянии, и реализующей систему сопровождения и администрирования учебного процесса» [16].

Согласно интернет-энциклопедии «Википедия» дистанционное образование – это «образование, которое полностью или частично осуществляется с помощью компьютеров и телекоммуникационных технологий и средств. Субъект дистанционного образования удален от педагога и/или учебных средств, и/или образовательных ресурсов» [17].

В результате анализа лексикографических источников русского языка авторами были сформулированы следующие понятийные признаки концепта *дистанционное образование*, формирующие его структуру:

1) технология руководства (организации и администрирования) учебно-познавательной деятельностью на расстоянии;

2) обучающая система с использованием компьютера и телекоммуникационных (информационных) технологий и средств;

3) частично или полностью самостоятельное обучение по телекоммуникационным сетям.

Следует отметить, что лексикографические источники не всегда способны полностью и своевременно осуществлять фиксацию релевантных для современного языкового сознания понятийных признаков. С целью выявления дополнительных и ставших сравнительно недавно актуальными понятийных признаков в структуре концепта *дистанционное образование*, а также для экспликации его оценочного компонента авторы обращаются к экспериментальной методике исследования. Вербальная актуализация исследуемого концепта в языковом сознании носителей современного русского языка осуществляется при помощи серии психолингвистических экспериментов, проведенных авторами в марте–апреле 2020 г. Обращение к экспериментальной методике обусловлено

тем, что данный инструмент исследования позволяет максимально приблизиться к ментальному лексикону и современным культурным стереотипам народа.

Общее количество опрошенных составило 167 человек. Среди данных информантов фиксировались пол, возраст и род деятельности респондентов. В эксперименте приняли участие 64 человека в возрасте от 18 до 30 лет, 55 человек в возрасте от 31 до 50 лет и 48 человек в возрасте от 51 года и старше, что позволило разделить респондентов на три возрастные группы: младшую, среднюю и старшую. По гендерному признаку группы были приблизительно равные. Респонденты были опрошены методом заочного онлайн-анкетирования. Испытуемые были предварительно проинформированы о необходимости самостоятельных ответов и несущественности грамматических и орфографических ошибок.

На *первом этапе экспериментального исследования* авторы обращаются к рецептивному виду эксперимента, что обусловлено его направленностью «на понимание, восприятие концепта, на получение субъективных дефиниций имени концепта» [18. С. 187]. Посредством рецептивного эксперимента становится возможным не только верифицировать понятийные признаки концепта, выявленные на основе содержащихся в словарных дефинициях данных, но и установить незафиксированные в лексикографических источниках дополнительные понятийные признаки исследуемого концепта. Респондентам предлагалось дать собственное определение имени изучаемого концепта. В результате проведения данного вида эксперимента было получено 164 дефиниции и три отказа от ответа. Полученные дефиниции были распределены по следующим семантическим группам и представлены по принципу уменьшения частотности их актуализации:

1. Технология руководства (организации и администрирования) учебно-познавательной деятельностью на расстоянии (51 реакция). Возможность участия в образовательном процессе вне стен образовательной организации – в соответствии с высокой степенью частотности актуализации данный признак является ключевым в сознании представителей современного русского этноса: *без посещения учебных заведений; форма обучения, когда учитель и ученики физически не находятся рядом; на удаленном расстоянии от других учащихся; обучение на расстоянии, учеба из любого места*. Следует отметить значительное количество приведенных информантами реакций, включающих номинацию *дом*, что во многом свидетельствует об отождествлении исследуемого концепта в современном русском языковом сознании с пространством дома: *обучение из дома; образование через интернет из дома; университет дома; форма домашнего обучения* и др.

2. Частично или полностью самостоятельное обучение по телекоммуникационным сетям (34 реакции). Согласно реакциям данной группы, самостоятельное обучение стимулирует развитие и одновременно предполагает наличие таких личных качеств обучающихся, как ответственность, дисциплинированность, стремление к саморазвитию: *одна из форм образова-*

ния, направленная на максимально самостоятельное и эффективное обучение; обучение, которое заставляет человека стать более дисциплинированным и ответственным; обучение – саморазвитие; когда учишься сам и сам развиваешься и др.

3. Обучающая система с использованием компьютера и телекоммуникационных (информационных) технологий и средств (32 реакции). Неотъемлемым условием организации дистанционного образования является применение телекоммуникационных технологий: *использование новейших технологий для преподавания удаленно, применение информационных технологий в образовательной среде, использование ИТ для обучения и др.* Ассоциаты данной группы анализируют представление носителей современного русского этноса о дистанционном образовании как об образовательном процессе, который предполагает преимущественно опосредованное общение преподавателя/учителя и учащихся: *обучение, которое проходит онлайн без преподавателя; процесс, который происходит без личного контакта преподавателя и учеников посредством интернет-технологий; учеба с применением дистанционных технологий, что дает возможность преподавателю почти не участвовать в процессе; заочное образование через интернет и др.*

Понятийные признаки концепта *дистанционное образование*, сформулированные на основе анализа корпуса полученных вербальных реакций респондентов, совпали с набором основных семантических групп концепта, выявленных в ходе его лексикографического описания. При этом в результате проведенного рецептивного эксперимента не в полной мере актуализированной оказалась группа признаков, выявленная при лексикографическом изучении имени концепта, – *обучающая система с использованием компьютера и телекоммуникационных технологий и средств*. Среди реакций респондентов отсутствует реакция «*обучающая система с использованием компьютера*». Стремительное развитие современных технологий позволило использовать помимо компьютера различные мобильные устройства: планшеты, ноутбуки, смартфоны, что, предположительно, обусловило не полную актуализацию данного понятийного признака в структуре исследуемого концепта, моделируемого посредством экспериментальных методик. Кроме того, наличие доступа к информационным технологиям посредством компьютера и других мобильных устройств, на наш взгляд, носит уже во многом препозитивный характер.

Проведенный рецептивный эксперимент позволил не только верифицировать данные относительно понятийных признаков концепта *дистанционное образование*, полученных в ходе лексикографического описания, но и дополнить данную группу двумя незафиксированными в тезаурусах современного русского языка понятийными признаками, а именно:

1) перспективная форма образования (25 реакций): *образование будущего, университет будущего, перспектива и возможности, новый вид образования и др.*;

2) обучение в домашней обстановке, сопровождаемое излишним расслабляющим комфортом (22 реакции): *обучение из дома, при котором можно поесть и*

поспать; форма обучения, вызывающая чувство сонливости во время пар; расслабляющий вид обучения; прокрастинация; учеба и релакс и др.

На *втором этапе экспериментального исследования* авторы обратились к свободному множественному ассоциативному эксперименту, который способствует выявлению не только понятийных признаков, но и позволяет раскрыть комплекс «эмоционально-оценочных нюансов» концептов [19. С. 53–54] и, соответственно, интерпретировать полученные ассоциаты как комплексное отражение концептуальных признаков исследуемого концепта. Проведение свободного множественного ассоциативного эксперимента предполагает продуцирование респондентами реакций на определенный стимул без количественного ограничения. На данном этапе респондентам было предложено привести неограниченное количество ассоциатов на словосочетание-стимул *дистанционное образование*. По окончании эксперимента авторами была изучена структура ассоциаций, выявлена их частотность, произведена классификация полученных ассоциатов согласно их содержательным характеристикам с целью формулировки понятийных и ценностно-оценочных признаков, составляющих структуру концепта *дистанционное образование*.

В результате проведения данного вида эксперимента на словосочетание-стимул было получено в общей сложности 786 ассоциативных реакций, из которых 52 – единичные. Последние не учитывались при обработке данных ввиду низкой степени репрезентативности единичных данных и отсутствия устойчивой связи в сознании респондентов между заданным стимульным словосочетанием и его ассоциатом. Полученные совпавшие реакции (отдельные слова и словосочетания), которые эксплицируют различные когнитивные признаки исследуемого концепта, по содержательному признаку были распределены на две основные группы: предметные реакции и реакции, выражающие оценочные характеристики.

1. Предметные реакции, включающие в себя номинации реалий, соотносимых с компьютером и телекоммуникационными технологиями. Представленная группа является наиболее частотной, номинации данных реалий носят нейтральный характер:

1) компьютер, аксессуары и периферия (162 реакции): *компьютер, мышь, ноутбук, колонки, клавиатура, планшет, наушники, смартфон и др.*;

2) программное обеспечение и онлайн-сервисы (140 реакций): *скайп, зум, платформа MS Teams, Moodle, видеочаты, видеоконференции и др.*;

3) формы образовательной деятельности (124 реакции): *тесты, опросы, презентации, обсуждения, задания со множественным выбором, тексты и др.*

II. Реакции, выражающие качественные характеристики. Вошедшие в данную группу реакции в основном репрезентируют оценочные признаки исследуемого концепта. Полученные ассоциаты были разделены на следующие группы:

1) организационно-содержательная оценка (122 реакции): *плохо организованное, непонятное,*

странное, неочевидное, пустое, неудобное, глупое, надуманное, поверхностное и др.;

2) социальная и эмотивная оценка (83 реакции): *(одиночество, никому не интересен, затворничество, заточение, изоляция, отсутствие общения, нежелание слушать собеседника и др.;*

3) этическая оценка (64 реакции): *хитрый, бесконтрольное, обманное, суррогатное, низкого качества, халтурное, нечестное и др.;*

4) телеологическая оценка (39 реакций): *бесцельное, ненужное, бессмысленное, неэффективное и др.*

Согласно собранному фактическому языковому материалу репрезентация изучаемого концепта носит преимущественно негативный оценочный характер. На наш взгляд, данный факт обусловлен быстрым и вынужденным переходом на дистанционный формат обучения, осуществляемый на фоне общего социального эмоционального напряжения, связанного с текущей эпидемиологической ситуацией, социальной изоляцией.

Грамматическая классификация полученных в результате проведения данного вида эксперимента ассоциаций по их частеречной принадлежности позволила выявить синтагматические (слова, относящиеся к отличным от словосочетания-стимула частям речи) и парадигматические реакции (слова, относящиеся к аналогичной со словосочетанием-стимулом части речи). Синтагматические реакции составили 62% от общего числа полученных реакций, парадигматические реакции – 38%. Количественное доминирование синтагматических реакций над парадигматическими свидетельствует о том, что для носителей современного русского языка характерна тенденция к речетворчеству, которая находит свое отражение в стремлении к выражению индивидуального в языке. При этом в младшей возрастной группе, представленной преимущественно студенческой аудиторией, синтагматические ассоциации составили 81%, что объясняется меньшей константностью и большей подвижностью сознания молодежи.

На *третьем этапе* авторы обратились к направленному множественному ассоциативному эксперименту. Респондентам необходимо было привести неограниченное количество реакций, выраженных прилагательными, на словосочетание-стимул *дистанционное образование*. Обращение к данному виду эксперимента было продиктовано необходимостью выявления в структуре исследуемого концепта ценностно-оценочной группы признаков, исчерпывающая экспликация которой возможна на основе анализа прилагательных. Отметим, что выявление особенностей оценочного компонента в структуре концепта позволяет моделировать аспекты национальной языковой картины мира и достаточно часто находится в центре исследовательского интереса (например, работы [20, 21]). Оценочный признак концепта включает в себя аксиологический компонент значения, актуализирующий принятую в социуме систему ценностного восприятия действительности и находящий отражение в языке.

В результате проведения *направленного* множественного ассоциативного эксперимента было полу-

чено 668 реакций, из которых 47 – единичные; были выделены группы прилагательных, объединенных на основе классификации типов оценок, предложенной Н.Д. Арутюновой [22]. Отметим, что в классификации реакций, полученных в результате данного вида эксперимента, отсутствуют группы *сенсорно-вкусовых* и *эстетических* оценок, что, предположительно, обусловлено отсутствием чувственно-физического ощущения и визуальной репрезентации исследуемого концепта. Представим типы оценок концепта *дистанционное образование*, сгруппированных на основе актуализации положительного, нейтрального и отрицательного компонентов значения (при этом нейтральный оценочный компонент репрезентован группой признаков).

Положительный оценочный компонент включает:

1) психологическую оценку, раскрывающую признаки, «связанные с ощущениями, чувственным опытом <...> психическим. Они ориентируют человека в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности» [22. С. 76]. Психологическая оценка состоит из двух типов:

а) интеллектуальная оценка (64 реакции): *интересный, развлекательный, креативный, многообещающий, простой, легкий, понятный;*

б) эмоциональная оценка (47 реакций): *веселый, расслабленный, спокойный;*

2) утилитарную оценку (25 реакций): *новый, актуальный, современный, полезный, гибкий, индивидуальный;*

3) телеологическую оценку (22 реакции): *удобный, эффективный, практичный;*

4) нормативную оценку (14 реакций): *дисциплинированный, самостоятельный.*

В корпусе реакций с положительным ценностно-оценочным значением группа признаков, выражающая этическую оценку исследуемого концепта, остается имплицитной.

Нейтральный оценочный компонент включает:

1) признак, указывающий на технические характеристики (41 реакция): *дистанционный, мобильное, виртуальный, технологичный;*

2) пространственный признак (13 реакций): *домашний, далекий, удаленный;*

3) темпоральный признак (11 реакций): *временное, быстрое, долгое.*

Отрицательный оценочный компонент включает:

1) психологическую оценку, состоящую:

а) из интеллектуальной оценки (96 реакций): *непонятное, странное, неочевидное, бессмысленное, глупое, поверхностное, пустое, сложное, надуманный;*

б) эмоциональной оценки (87 реакций): *страшное, беспокойное, стрессовое, напряженное, погруженный, напрягающее, дискомфортное, депрессивное, нервное, одинокое, скучное, грустное, безличное, безличностное, плохое, ленивое, утомляющее, неприятное, усталый, подавленный, раздраженный, растерянный;*

2) нормативную оценку (72 реакции): *бесконтрольное, суррогатное, низкого качества, некоммуникативное, асоциальное, частичное, фрагментар-*

ное, затянутое, недисциплинированный, несвоевременное;

3) утилитарную оценку (58 реакций): *бесполезное, ненужное, немотивирующее, маловариативное, трудозатратное*;

4) этическую оценку (44 реакции): *хитрый, обманный, нечестное*;

5) телеологическую оценку (27 реакций): *неудобное, неэффективный*.

В корпусе ассоциатов-прилагательных, полученных в ходе данного вида эксперимента, доля негативных оценочных признаков исследуемого концепта составила 384 ассоциата, или 58%, положительных – 172 ассоциата, или 31%, нейтральных – 65 реакций, или 10%. Количественное доминирование отрицательного оценочного компонента обусловлено преимущественно отсутствием привычных и психологически комфортных условий участия в образовательном процессе. Отмечается недостаток непосредственной личной коммуникации в академической среде, осуществляемой между самими учащимися и учащимися и преподавателями/учителями, а также наличием технических сложностей, сопровождающих обучение в дистанционном режиме.

Кроме того, обращает на себя внимание факт частотной вербализации содержательных признаков исследуемого концепта при помощи антитезы. В собранном фактическом материале в подавляющем большинстве репрезентированы синонимичные и антонимичные пары признаков: *безличный – индивидуальный; дискомфортный – комфортный; удобный – неудобный; полезный – бесполезный; сложный – простой; обязательный – добровольный; скучный – интересный; долгое – быстрое; актуальное – несвоевременное; трудозатратный – легкий; спокойный – беспокойный, стрессовый; напрягающий – расслабляющий; полезное, эффективное – бесполезное, бессмысленное*. Частотное преобладание антонимических пар ассоциатов, а также противоречивое оценочное восприятие *дистанционного образования*, зафиксированное в анкетах одних и тех же информантов среди реакций на разные виды экспериментов, во многом свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточной степени сформированности представления и отношения носителей современного языкового сознания к исследуемому феномену.

Таким образом, направленный множественный ассоциативный эксперимент позволил уточнить и существенно дополнить данные, полученные в ходе проведения свободного множественного ассоциативного эксперимента. На основе анализа приведенных реципиентами ассоциатов-прилагательных был выявлен целый ряд дополнительных оценочных признаков исследуемого концепта.

Качество и степень актуализации когнитивных признаков изучаемого концепта в сознании представителей современной русской лингвокультуры может варьироваться в зависимости от возраста респондентов. С целью выявления наличия возрастной детерминации когнитивных признаков, формирующих структуру исследуемого концепта, в проведенном исследовании, как отмечалось ранее, реакции информантов

были классифицированы по трем возрастным группам: младшая, средняя и старшая. Младшую группу составила преимущественно студенческая аудитория, наиболее часто являющаяся реципиентом образовательной деятельности. Данная группа также представляет собой так называемую социально перспективную группу, которая в ближайшем будущем станет определять базовые социальные тенденции [23. С. 85]. В среднюю возрастную группу вошли респонденты, как правило, имеющие непосредственное отношение к дистанционному образованию в связи с родом собственной профессиональной деятельности и (или) наличием детей школьного возраста. Старшую группу респондентов составила более разнородная аудитория, включавшая в себя представителей с различным видом трудовой деятельности, в том числе педагогической.

Исходя из фактических данных, полученных в результате проведения серии психолингвистических экспериментов, можно заключить, что информанты всех трех возрастных групп осмысливают исследуемый концепт достаточно противоречиво. Кроме того, степень детализации и актуализации формирующих его структуру признаков является различной. Так, анализ полученных реакций показал, что представители младшей возрастной группы более детально и разнообразно трактуют имя концепта *дистанционное образование* по сравнению с представителями средней и старшей возрастных групп. В корпусе ассоциатов, полученных в результате всей серии экспериментов, доля реакций респондентов младшей группы составила 56%, средней – 28%, старшей – 16%. Многочисленность реакций представителей младшей группы обусловлена во многом непосредственной и непрерывной вовлеченностью именно молодежной аудитории в современный образовательный процесс, а также большей склонностью к речетворчеству.

Анализ фактических данных рецептивного эксперимента показал наличие в корпусе реакций младшей возрастной группы всех групп понятийных признаков, зафиксированных при лексикографическом изучении имени концепта. Кроме того, в данной группе было зафиксировано два дополнительных понятийных признака концепта: *перспективная форма образования и обучение в домашней обстановке, сопровождаемом излишним расслабляющим комфортом*. При этом в средней и старшей возрастных группах выявлен единый набор понятийных признаков: *частично или полностью самостоятельное обучение по телекоммуникационным сетям, а также процесс получения знаний при помощи информационных технологий*. Таким образом, можно предположить, что в отношении дистанционного образования умения в области организации самостоятельной работы, самодисциплина, самоконтроль являются ключевыми в сознании представителей средней и старшей возрастных групп.

При сравнении выявленных в трех возрастных группах когнитивных признаков был обнаружен ряд дифференциальных характеристик. Так, в младшей возрастной группе в структуре исследуемого концепта актуализированы оценочные признаки, выражающие все пять типов оценок: *интеллектуальную, эмо-*

циональную, утилитарную, телеологическую, нормативную. Аналогичная классификация оценочных признаков выявлена и в средней возрастной группе. Однако в старшей возрастной группе отсутствует группа признаков, выражающая *эмоциональную оценку*. Так, в младшей группе зафиксированы реакции: *грустный, растерянный, депрессивный*, в средней – *нервный, раздражающий, потерянный*. В старшей возрастной группе эмоциональная оценка не актуализирована, что, вероятно, обусловлено меньшей степенью вовлеченности и большей отстраненностью данной целевой аудитории от изучаемого феномена.

Следует также отметить разноаспектность оценочных признаков исследуемого концепта среди реакций респондентов различных возрастных групп. Например, по результатам направленного множественного ассоциативного эксперимента в младшей и средней возрастных группах было зафиксировано значительное преобладание отрицательных оценочных признаков в структуре исследуемого концепта. В младшей группе количество негативных оценочных характеристик *дистанционного образования* составило 164 реакции, в средней возрастной группе – 63. Респонденты младшей группы отметили признаки, характеризующие *дистанционное образование* как неэффективный способ получения знаний: *бесполезная работа, ненужная учеба, никому не нужная*, а также указывали на отсутствие в процессе обучения межличностного общения: *грустный, одинокий, никому не нужный, сам себе* и др. При этом представители старшей возрастной группы оценивают *дистанционное образование* в основном положительно: *интересный, новый, актуальный, перспективный* и др.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что представления носителей современного русского языка о *дистанционном образовании* зависят от возраста респондентов. Данный факт находит свое отражение в наличии количественной и качественной асимметричности выявленных в ходе проведения серии психолингвистических экспериментов когнитивных признаков.

Итак, предпринятое исследование позволило заключить, что концепт *дистанционное образование* является важной частью современного русского языкового сознания, о чем свидетельствует значительное количество приведенных респондентами ассоциативных единиц и их разнообразие, а также наличие четко выраженного ценностного компонента в его структуре. Основываясь на полученных результатах, можно утверждать, что концепт *дистанционное образование* обладает многомерной структурой, представленной разнообразными концептуальными признаками, отличается динамичным характером, проявляя трансформацию своей структуры под влиянием глобальных экстралингвистических факторов. Большинство зафиксированных в лексикографических источниках понятийных признаков исследуемого концепта являются константными и проявляют свою актуальность в сознании носителей современного русского языка. Использование комплексной методики исследова-

ния структуры концепта позволило, с одной стороны, уточнить наличествующие понятийные когнитивные признаки, выявить их приоритетность для носителя современного сознания, а также установить дополнительные незафиксированные в современных лексикографических источниках когнитивные признаки исследуемого концепта. Основными понятийными признаками концепта *дистанционное образование* являются признаки, указывающие на возможность удаленного получения знаний при преимущественно в домашних условиях, а также на необходимость развития личных качеств обучающихся, связанных с умением самостоятельной работы, самоконтроля, тайм-менеджмента. При этом наличие непосредственно компьютерного оборудования для доступа к телекоммуникационным технологиям оказывается имплицитным признаком в сознании носителя современной лингвокультуры. Проведенный рецептивный эксперимент с представителями современного русского этноса позволил зафиксировать расширение смыслового поля исследуемого концепта путем включения в группу понятийных признаков двух дополнительных признаков – *перспективная форма образования* и *обучение в домашней обстановке, сопровождаемое расслабляющим комфортом и прокрастинацией*.

Посредством обращения к ассоциативному свободному и направленному экспериментам стало возможным выявить когнитивные признаки оценочного компонента концепта *дистанционное образование*. Интерпретация данных, полученных в ходе проведения экспериментов, позволила сделать вывод о том, что когнитивные признаки, формирующие структуру исследуемого концепта, отличаются своей разноаспектностью и антиномичностью. При этом следует отметить, что в настоящее время исследуемый концепт воспринимается носителями современного русского языкового сознания как ментальный продукт, актуализирующий в большей степени отрицательные реакции со стороны участников дистанционного образовательного процесса. Анализ собранного фактического языкового материала позволил также изучить и сопоставить понимание концепта *дистанционное образование* современными носителями русского языкового сознания, относящихся к различным возрастным группам, и сделать вывод о том, что представления носителей современного русского этноса различных возрастных групп о дистанционном образовании являются вариативными.

Таким образом, проведенный количественный и качественный анализ структуры концепта *дистанционное образование* отражает социокультурные установки и сложившиеся на современной стадии развития общества стереотипы, а также специфику языкового сознания различных возрастных групп. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейшего экспериментального исследования современного содержания концепта *дистанционное образование* на материале разных лингвокультур, в том числе в сопоставительном и диахроническом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЮНЕСКО : официальный вебсайт. URL: <https://en.unesco.org/> (дата обращения: 06.06.2020).
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 236 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М. : РУДН, 2008. 336 с.
4. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. С. 280–287.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–16.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
7. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 75–80.
8. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. С. 3–11.
9. Пименова М.В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта душа) // Язык. Этнос. Картина мира : сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово : Комплекс «Графика», 2003. С. 28–39.
10. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
11. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж : Истоки, 2001. С. 58–65.
12. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54), т. 2. С. 127–131.
13. Богданова А.Г. Антропоморфные признаки концептов ВЕЖЛИВОСТЬ И HÖFLICHKEIT (на материале произведений русских и немецких авторов) // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 23–34.
14. Педагогический терминологический словарь / под ред. Б.М. Бим-Бад. М. : Большая Рос. энциклопедия, 2002. 528 с.
15. Толковый переводоведческий словарь / под ред. Л.Л. Нелюбина. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
16. Словарь бизнес-терминов. URL: <https://rus-business-terms.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.07.2020).
17. Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 26.06.2020).
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
19. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.
20. Корлякова А.Ф., Шустова С.В. К вопросу о национальной специфике оценки («гордость» в английском социуме) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. С. 319–321.
21. Мырина Д.Ф., Абдрашитова М.О. Концепт «Родной город» в русской, немецкой и вьетнамской культурах (опыт экспериментального изучения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3, ч. 3. С. 136–140.
22. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 339 с.
23. Ерофеева Е.В., Белоусов К.А. Семантические модели актуальных представлений о России (на материале психолингвистических экспериментов разных типов) // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 80–89.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2021 г.

Realization of the Concept *Distance Learning* in the Modern Russian Linguistic Culture

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/464/1

Maria O. Abdrashitova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mabdrashitova@hse.ru

Anna G. Bogdanova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bogdanovaag@tspu.edu.ru

Keywords: cognitive linguistics; concept; Russian linguistic culture; receptive experiment; association experiment.

The article describes the concept *distance learning* which represents a certain fragment of the national world view typical of the native speakers of modern Russian. The study is based on the comparison of the interpretations of lexicographic data with the data obtained in the course of receptive and association experiments conducted with representatives of the modern Russian ethnic group. On the basis of the obtained linguistic material, the status of the studied concept in the minds of modern Russian speakers is determined and specified, its current semantic content is revealed. Besides, transformations that occur in its structure due to the influence of global extralinguistic factors are discovered. As a result of the research, the priority of conceptual cognitive features of the concept *distance learning* was established. Among the features of the concept that form its structure are characteristics indicating the possibility of receiving knowledge remotely, staying mainly at home as well as the need to develop students' personal qualities associated with the ability to work independently, self-control and time management. Application of a comprehensive methodology for studying the structure of the concept also made it possible to reveal the additional cognitive attributes of the studied concept that are not stated in modern lexicographic sources. The inclusion of two new groups of features in the conceptual structure – *a promising and perspective form of education and training in a home setting accompanied by relaxing comfort and procrastination* can be observed. The analysis of the collected actual language material allowed identifying cognitive characteristics of the evaluation component of the concept *distance learning*. It facilitated concluding that the cognitive features forming the structure of the concept under study are characterized by various features of antinomian nature. This fact can, presumably, be explained by the insufficient development and representation of the concept in the minds of modern Russian language speakers. It should be noted that, at present, the concept *distance learning* is perceived as a mental product that actualizes mainly negative reactions from the participants of the educational process. Interpretation of the data obtained during a series of psycholinguistic experiments also allowed studying and comparing the content of the concept *distance learning* represented in the minds of Russian native speakers of different age groups. It can be concluded that the ideas implied in the concept under study are varied. The greatest variety of definitions of the concept name, as well as the actualization of numerous and versatile evaluative features, was revealed mainly in the younger age group. This fact can be explained by the greater involvement of its representatives in distance education.

REFERENCES

1. UNESCO. (2019) [Online] Available from: <https://en.unesco.org/>. (Accessed: 06.06.2020).
2. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow: Gnozis.
3. Vorob'ev, V.V. (2008) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: RUDN.

4. Zalevskaya, A.A. (2001) Psikholingvisticheskiy podkhod k probleme kontsepta [Psycholinguistic approach to the problem of concept]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 280–287.
5. Karasik, V.I. (1996) Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in the language]. In: Karasik, V.I. (ed.) *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [Language Personality: Cultural concepts]. Volgograd; Arkhangel'sk; Peremena. pp. 3–16.
6. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
7. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001) Lingvokul'turnyy kontsept kak edinita issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 75–80.
8. Pimenova, M.V. (2005) Predislovie [Foreword]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 3–11.
9. Pimenova, M.V. (2003) O tipovykh strukturnykh elementakh kontseptov vnutrennego mira (na primere kontsepta dusha) [On typical structural elements of the concepts of the inner world (on the example of the concept of the soul)]. In: Pimenova, M.V. (ed.) *Yazyk. Etnos. Kartina mira* [Language. Ethnos. Worldview]. Kemerovo: Kompleks "Grafika". pp. 28–39.
10. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
11. Sternin, I.A. (2001) Metodika issledovaniya struktury kontsepta [Methodology for researching the structure of a concept]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological Problems of Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki. pp. 58–65.
12. Pimenova, M.V. (2013) The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2 (54). Part 2. pp. 127–131. (In Russian).
13. Bogdanova, A.G. (2011) The anthropomorphous features in the concepts of politeness in Russian and German (in the works of Russian and German writers). *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3 (15). pp. 23–34. (In Russian).
14. Bim-Bad, B.M. (ed.) (2002) *Pedagogicheskiy terminologicheskiy slovar'* [Pedagogical Terminological Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
15. Nelyubin, L.L. (ed.) (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation]. 3d ed. Moscow: Flinta: Nauka.
16. *Slovar' biznes-terminov* [Dictionary of business terms]. (2010–2021) [Online] Available from: <https://rus-business-terms.slovaronline.com/>. (Accessed: 01.07.2020).
17. *Wikipedia: the Free Encyclopedia*. (n.d.) [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/>. (Accessed: 26.06.2020). (In Russian).
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-Cognitive Analysis of Language]. Voronezh: Istoki.
19. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. Moscow: Gnozis.
20. Korlyakova, A.F. & Shustova, S.V. (2015) An approach to the issue of nationally (ethnoculturally) specific valuation ('pride' in English society). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 6 (7). pp. 319–321. (In Russian).
21. Mymrina, D.F. & Abdrashitova, M.O. (2015) Concept "native city" in the Russian, German and Vietnamese cultures (experience of experimental studies). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 3 (3). pp. 136–140. (In Russian).
22. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Values. Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
23. Erofeeva, E.V. & Belousov, K.A. (2015) Semantic models of popular images of Russia (based on psycholinguistic experiments of various kinds). *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 80–89. (In Russian).

Received: 27 January 2021

С.В. Волошина, Т.А. Демешкина

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕДУШКАХ И БАБУШКАХ В СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ СЁЛ)

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
(проект №19-412-700001р_а «Автобиографические практики
как способ отражения социокультурных процессов региона»)*

Анализируются воспоминания жителей сибирских сёл о дедушках и бабушках как важный элемент речевого жанра автобиографического рассказа. Материал исследования – 200 устных автобиографических рассказов, записанных на территории Томской области с 1960-х по 2020 г. Выявляются тематика воспоминаний и их жанровые особенности. Определено, что воспоминания о дедушках и бабушках выполняют жанрообразующую, текстостроительную, дидактическую функции, а также участвуют в самопрезентации и самоидентификации информантов.

Ключевые слова: автобиографический рассказ; бабушка; дедушка; речевой жанр; воспоминание; Сибирь.

В изучении автобиографической идентичности существуют разнообразные подходы. Одним из них является реляционный (relational approach), который, по мнению исследователей, усложняет представления о саморепрезентации, отдавая предпочтение межсубъектному (интерсубъектному) над индивидуальным, а одним из ключевых открытий в теории автобиографии в 1990-е гг. является вывод о том, что идентичность – как мужчин, так и женщин – обязательно связана с отношениями, она формируется и определяется в контексте других людей [1. С. 492].

Л.Р. Еakin отмечает, что «Я» (первое лицо) в автобиографиях на самом деле множественно по происхождению и дальнейшему формированию, «Я» всегда связано с другими и определяется через других [2. С. 43]. Исследователь с этой точки зрения выделяет автобиографии, в которых большое воздействие на автора текста оказали: 1) вся социальная среда (семья, социальные институты – школа, церковь и т.д.) или 2) значимые люди, чаще всего члены семьи и преимущественно родители [2. С. 9]. Изучать роль других людей в становлении личности возможно на материале автобиографических текстов, поскольку в них отражается не только информация об авторе, но и преломление событий глобальной истории в истории личной, сведения о значимых людях: родственниках, друзьях, учителях, коллегах, соседях и т.п., их роли в жизни отдельного человека [3, 4].

Цель данной статьи – описание тематики, особенностей жанрового оформления и функций воспоминаний о дедушках и бабушках в структуре автобиографических рассказов жителей сибирских сёл.

Новизна научной информации, представленной в статье, определяется несколькими факторами. Во-первых, исследование данных фрагментов служит выявлению новых фактов в построении устных автобиографических рассказов; во-вторых, определению места семейной истории в жизни человека, формировании его идентичности; в-третьих, изучению языковых, содержательных особенностей разнообразных

автобиографических практик, в частности, способствует разграничению устных и письменных автобиографических текстов (делопроизводственных автобиографий-документов).

Материалом анализа выступают 200 устных автобиографических рассказов, записанных во время диалектологических экспедиций сотрудниками кафедры русского языка ТГУ с 1960-х гг. по 2020 г. в сёлах Томской области. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus>), аудиозаписи речи сельских жителей, сделанные авторами исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., а также устные автобиографические рассказы, записанные С.В. Волошиной и М.А. Толстовой в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2018–2020 гг., с. Больше-Жирово Асиновского района Томской области в 2019–2020 гг.

Диалектологические экспедиции последних лет (2017–2020 гг.) в сёлах Томской области (Мельниково, Монастырка, Больше-Жирово, Мало-Жирово, Вершинино и др.) показали, что «чистых» носителей диалекта осталось не так много, поэтому в настоящее время записывается речь не только диалектоносителей, но и носителей литературного языка, просторечия и информантов, в речи которых наблюдается взаимодействие разных вариантов русского языка. Языковая ситуация, сложившаяся в Среднем Приобье, отражает общую тенденцию перехода от диалекта к литературному языку, наметившуюся в сёлах и «малых» городах России. Исследователи предлагают выделять региональный вариант литературного языка, при этом отмечают, что «между диалектом и региональным вариантом литературного языка существуют переходные формы с большим или меньшим количеством диалектных черт – смешанные типы речи, в которых представлены, кроме фонетических, и грамматические диалектные признаки» [5. С. 16].

Таким образом, материал включает рассказы местных жителей как носителей старожиловских говоров Среднего Приобья, так не диалектоносителей, в том числе добровольных и вынужденных пересе-

ленцев в Сибирь. По нашим наблюдениям, исконные сельские жители сохраняют в речи некоторые диалектные черты, а «новосёлы» приобретают их [6].

Автобиографический рассказ и воспоминание – наиболее частотные речевые жанры (РЖ), встречающиеся в аудиозаписях, сделанных во время диалектологических экспедиций. Это обусловлено тем, что, несмотря на цель исследования, первая встреча с информантами, знакомство с ними сопровождаются сбором информации о них, об их жизни и о том, как жили раньше. В силу данных обстоятельств названные жанры диалектной коммуникации являются наиболее изученными и популярными объектами коммуникативной диалектологии и диалектного жанроведения [7–16].

Автобиографический рассказ – информативный, спровоцированный исследователями речевой жанр, который в процессе порождения выстраивается по законам естественной коммуникации, основной целью его является рассказ о жизни с момента рождения информанта и до момента общения с диалектологами [16]. Информанты, как правило, ограничены во времени: рассказ о себе в среднем занимает 1,5–2 часа. За это время внимание рассказчика фокусируется на наиболее важных событиях и этапах жизни, он отбирает значимые факты, которые «работают» на его саморепрезентацию. Сбор материала осуществлялся с помощью как фокусированного (направленного) интервью, в рамках которого была задана одна тема – автобиография информанта, так и нефокусированного (ненаправленного), не имеющего общей темы, однако, вне зависимости от цели сбора материала, диалектологи обращались к жизни информанта, знакомству с ним. Собиратели, как правило, стараются не прерывать, не перебивать информанта, записывая монологическую речь. Вместе с тем встречаются записи автобиографических рассказов, в которых воспоминания о бабушках и дедушках спровоцированы вопросом: «А помните ли вы своих бабушек и дедушек?», тематика же этих воспоминаний исследователями не была задана.

Типичный диалектный рассказ о своей жизни строится по следующей схеме: сообщение о годе, месте рождения → информация о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи → сведения о переезде, перемене места жительства → повествование о событиях в личной жизни, о сферах деятельности → информация о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время [16]. Автобиографические рассказы недиалектоносителей, как показывает исследование, также укладываются в приведенную схему.

Информация о семье, в которой родился говорящий, о хозяйстве как одном из основных элементов этой схемы, включает в себя в том числе рассказы о дедушках и бабушках. Поскольку автобиографические рассказы порождаются в устной форме, они могут строиться с нарушением хронологии повествования, отступлением от основной схемы. S. Bluck и T. Habermas отмечают, что какие-то эпизоды, интерпретации могут появляться в автобиографическом рассказе в связи с коммуникативной ситуацией и обу-

словлены причиной создания текста [17]. В течение жизни автобиографические рассказы человека могут изменяться, потому что воспоминания о себе конструируются в соответствии с текущими событиями, «Я» в настоящем. Какие-то события могут терять или приобретать значимость со временем, и, соответственно, всё, что попадает в рассказ, имеет ценность и определенные цели [17]. Воспоминания о бабушках и дедушках могут быть в любой части анализируемых автобиографических рассказов: в начале, середине и в конце, в зависимости от темы, которую раскрывает говорящий и, безусловно, являются значимыми для него, помогают ему выстроить историю своей жизни, занимая в ней определенное место.

Типология воспоминаний в структуре автобиографических рассказов может быть осуществлена по разным основаниям. Предметом повествования могут быть воспоминания о месте рождения и проживания, об отдельных периодах жизни, о глобальных событиях в жизни страны, о старших членах семьи и родственниках. Тематика воспоминаний свидетельствует о том, что индивидуальная идентичность в значительной степени определяется связью с семейной и национальной историей [1. С. 493].

Несмотря на то, что сведения о семье составляют один из основных тематических блоков в структуре автобиографического рассказа, отметим, что воспоминания в них о бабушках и дедушках не становились предметом отдельного исследования. В существующих работах рассматривается концепт «Семья» на материале внутрисемейных родословных [18], в речевых практиках сибирской крестьянки [19], анализируются воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов жителей сибирских сёл [20], воспоминания брата и сестры о деревенском детстве, в которых упоминаются родственники, в том числе бабушки [21], и др. Роль бабушек и дедушек в жизни человека в основном рассматривается в работах по социологии, психологии и педагогике, при этом отмечается, что во многих культурах уровень взаимосвязи семьи с прародителями достаточно высокий [22], но проблемы родительства в специальной литературе изучены лучше, чем проблемы прародительства и детско-прародительских отношений [22, 23]. В большинстве работ указывается, что прародители – самые родные для ребенка люди после родителей, они много времени проводят с внуками, принимают участие в их воспитании и транслируют ценностные ориентиры [24, 25], «их мнение и советы, как людей умудренных опытом, оценочные характеристики людей и событий имеют большое значение для детей и внуков» [26. С. 187], они обогащают социальный опыт внуков иным, чем в родительской семье, жизненным укладом и способами взаимодействия, способствуя развитию у детей более высоких социальных и коммуникативных навыков [23. С. 102]. Изучаются также особенности эмоционального взаимодействия детей дошкольного возраста с прародителями и отмечается, что участие бабушек и дедушек в воспитании ребенка не заменяет воспитание родителей, но обогащает его и дополняет [27].

Существуют исследования этнографов, историков, которые анализируют воспитание детей в конце XIX – начале XX в. в семьях старожилов и переселенцев Западной Сибири [28] и Алтая [29]. В этих работах также отмечается большое значение воспитательной роли бабушек и дедушек в крестьянских семьях, передачи ими нравственного опыта, «их сильное влияние на детей часто объяснялось душевной чуткостью, умением наладить психологический контакт» [28]. Важным, как отмечает В.А. Зверев, в народной педагогике был принцип возрастной иерархии, трансляции знаний от старших к младшим, но не наоборот: от бабушек и дедушек внуки перенимали «элементы крестьянской философии, медицины, этики, эстетики, народной теологии и демонологии – тех отраслей мировоззренческого действительного и мнимого знания, которые были в значительной мере автономны от производства» [28].

Рассмотрим особенности воспоминаний о дедушках и бабушках в автобиографических рассказах жителей сёл Томской области XX–XXI вв.

По данным рассказов, бабушки и дедушки могли жить вместе с детьми и внуками в одном доме, а также в разных домах, сёлах, областях и т.д.: *Раньше плохо жили. У нас семья была двенадцать ли чё ли душ. Дедушка были, бабушка были, братовья, сёстры; Папа-то он ссыльный был, ну-у-у, с Алтайского края. Там бабушка была и... ну как от я помню это. [бабушка с Вами жила?] Не-ет. [Или там осталась, в Алтайском крае?] Нет-нет, они все, они все в деревне жили, ну-у, ну как вам сказать сколько. [А, ну не в нашем доме просто.] Нет. Сначала бабушка жила она с дочерью жила, отдельно...*

Если бабушки и дедушки отсутствовали/умерли, то этот факт также упоминается в рассказах: *Я говорю, у нас мама не была любительница, вот бабушка у меня – та стряпала. Очень она любила стряпать всё. Но я её не захватила. Она в пятьдесят'ом году умерла. А я уже в пияс'т втором родилась. Володя-то, старший, помнит бабушку, помнил, тоже его уже нету, а я-то откуда, я... Я ни одной бабушки, ни дедушки родных не видела. Так что... Мы около матери с отцом воспитались.*

Для обозначения прародителей в текстах используются следующие номинации: **дед, дедушка, дедонька, бабушка, баушка, бабуля, баба, бабка**: *Ну мы звали дедонька, а так он Игнатий был. А мы его «дедонька» звали; У меня был любимейший котёнок, звали его Мишкой. Мы с ним все время кашу ели вместе. Ложкой, хорошо помню, возьму ложкой, но бабка маслом помажет, как положено, коровье, естественно, и вот: «Ешь, Мишка», сидит маленький котенок лижет, я жду... и т.п.*

Контекстуальный анализ позволяет выявить тематику воспоминаний о прародителях. Так, в автобиографических рассказах информанты вспоминают о следующих этапах, событиях, моментах жизни:

– **месте рождения бабушек и дедушек, их исконном месте жительства**: *... а дедушка-то, бабушка, они-то были сибиряками коренными, с тех мест. Я, как поняла, собственно я не вникала, но из рассказов я поняла, что они были переселенцы из Европы;*

Прабабушка моя из Перми была, а бабушка и мама тутока' родились и по'мерли. Отцов отец крепостной был и сосланный был, не знаю, за чё. Ссылали из Россее'и в Нары'мску тюрьму;

– **национальности**: *Вот этот вот дед был поляк, и это самое, и жена у него, мамина мама, была полячка тоже, но она рано умерла. <...> Его Пётр звали, деда. Вот, Амилия, его сестра родная, была, я знаю, что Амилия. Юзэ'на, сестра родная тоже была; наверно, переселе'нные, потому что все были переселе'нные оттуда. Бабушка белоруска, а дедушка поляк. Ну, до какого-то, я не помню, года... Переехали сюда...*

– **образовании**: *Но он, дед, был совершенно неграмотный! Ни одной буквы не знал, бабушка тоже; Ну, я же помню, рассказы дедушек своих. Дедушка у меня один-то, вот это, мамин-то отец, он такой был, вот, как староста деревни, вот. Он же как грамотный, поразвите'е. А второй дед – тот пил. Тот опять ходил в эти, как их, в Иркутск, на лошадях ездили. Уедет, оттудова возвращается, пропьёт всех коней!*

– **продолжительности жизни**: *Она мою мать пережила. Мать у меня в семьдесят втором году умерла, а бабушка в семьдесят четвёртом-пятом где-то так. Она прожила 90 с лишним лет; Бабушка у меня, конечно, сто лет жила; и баушка, мамина мать, до ста двух лет прожила. Я её хорошо помню. Она всё чай любила пить. У нас самовар большой был, ведерный, дак они со старухами соберутся и за вечер его выпивают;*

– **внешности**: *Баба Таня у нас была очень крепкая, очень сильная, такая вот-от... здоровее дедушки, такая вот-от мощная. Женичина, знаешь, как говорят, на скаку остановит; Бабушка у нас умерла в сорок шестом году... Дедушка умер – я теперь не помню... поляк был красивый такой был...*

– **о здоровье**: *бабушка <...физически она была очень такая, ну в общем-то, с детства если работать, конечно, сила физическая у неё, она была наделена хорошей; У нас в семье все были здоровые, а я маленька в бабушку. У нас порода крепкая. Бабушка девятнадцать детей приносила – семеро остались. А дедушка девяносто пять лет прожил, и очки не носил, и ни разу не хворал, даже в больнице ни разу не лежал...*

– **чертах характера**: *До того властная была вот. Она [бабушка] тётку, конечно, затюкала. Она даже тётке не дала замуж выйти. Она месяц пожила, она не дала ей жить. Уже лежала она в постели, рядом палка стояла. «Надька, я блинов хочу». Она ей напекёт блинов. «А чё без масла-то? Масла положи». Масло сверху растает, скинет: «Куда столько налила? Сделай мне сухих блинов»;*

– **работе / роде деятельности / профессии**: *Бабушка принимала моя [меня]. Она и лечила, и роды принимала. Раз она вот это всё умела, да, то её и называли типа колдуньей. В войну приезжали из Новосибирска, с Кемерова большие начальники. Они на фронте побывают, естественно, от снарядов контузии, туда-сюда. А при контузии очень большие головные боли. В госпиталях лечили, а их не вылечивали.*

А к ней приезжали, вылечивали. И она лечила их. Здесь они по неделе, по две жили. И она лечила, да; И всё она и с конями, и с хозяйством. Так что **очень-очень работающая моя бабушка была и благодаря тому, что вот она вот такая работающая, всё-таки всю семью вытянула**, всё-таки по меркам... семь детей поднять это живых, а были ещё те которые... умирали. Вот по этой причине хочу сказать, что... сказать, что просто бабушка молодец была. И **всех** она как бы **в люди** выбила; Дед у нас потом работал в колхозе и это, помню, делал дуги, возжси коням, там смола у нас стояла, дёготь постоянно где-то там под сараем, вот, рядом конный двор был. Все трудились, все... Я помню около себя близко бабушек – все были в работе, потому что рано уходили, поздно приходили, мы вечно... не дом, в не доме, на речку да везде и всюду, вот; А у меня мама, бабушка – все были портные, шили хорошо;

– **хозяйстве / ведении хозяйства:** Вся деревня была небедная, понимаете. Они сильные такие, хозяйственные очень были, дома построили добротные, вот. Не было как таких вот. Потом уже были вакуи'рованные приехали, из други'х вот деревень приехали, которые... Вот. Они, конечно, нуждались во всём; Ну така' она [бабушка] была старенька, ну чистюля, вот почему-то от мне вот это до сих пор. От у меня сестра шеся'т лет умерла в том году, она тоже так от помнит чё. Начнём разговаривать, я грю: «Вер, помнишь, кака' у них была чистота?» Она гыт: Как люди могли? Знашь от, деревенские, ага, а такие вот чистюли вот были такие вот, всегда это, порядок всегда, чистота, кода', как чё успевали ж как-то?; Ну а выживали, э, как могли: бабушка с дедушкой держали корову, мы вот молока, сметану, конечно, мы этого ничего не видели, но, как, я теперь уже как это, соображаю, помню, что всё это были налоги, надо было сдавать. Ну вот, а бабушка молоко на сепараторе когда пропускала вот этот обрат, вот этот обрат мы считали за молоко и всегда говорили: «Ой, а нам бабушка даёт по три литра молока» – это вот я помню уже я говорила;

– **месте проживания, доме:** У отца был дом, его строил дед, ну обыкновенный дом, кирпичный, двух-этажный еще, на хрена он нужен был деду этот дом, не знаю. В общем, построил!; Вот ещё, моя бабушка, ещё жили, дом был, посередь дома был костёр, около костра грелись. Окон тоже, стекла не было, стёкла так делали, вот это из животных, ну, от коров, например, эту требуху очищали от всего, вот этим занавешивали, забивали, чтоб светло было днём, вот так вот жили, в общем...; Помню, и бабушку помню, и дедушку. Вот там, где мы были в Вознесенке... там полтора километра... деревня... Перелюбка, а за Перелюбкой три километра ещё в лес... была деревня Фимушинка. И там жили... мои бабушка, дедушка, то есть родители моей мамы – Циро Пётр. Вот и... мы на лето... приезжали;

– **воспитании:** Я знаю, что она, мать, допустим, на поля уедет, а мы вот здесь уже, **бабка** за нами смотрит. А так, друг за другом смотрели, вот и всё; ...бабушка у нас, она была властная. Почему? Потому что она выросла в таких условиях... в крестьян-

ских, где приходилось... добывать всё и еду и всё, чтобы с голоду не умереть. И она вот как: «Маруся, это тебе носки, это тебе Сонька, это Надька, Надежда была, Зойка». Вот... то есть, понимаете? Она выросла в этих условиях, что всё она делала сама, и... там же самая дети. Воспитывала так детей;

– **обучении:** А я у бабушки, значит.. У меня разница была с братом, он средний, целых 6 лет, поэтому я маленький ещё, всё внимание бабушка на меня, естественно, как любая бабушка, хоть мальчишка, хоть девчонка все равно, ребёнок маленький, значит, он требует большего внимания, чем следующий. И вот она меня учит и рассказывает, что какой-то Лазарь, был там, а он действительно был, в Библии я потом мельком глянул, когда взрослый стал...

К.Д. Ушинский называл бабушек и дедушек природными русскими педагогами [30], в анализируемых рассказах информанты отмечают роль бабушек и дедушек в их воспитании, передаче жизненного опыта, трансляции ценностей, культуры, обучении грамоте: Я уже была, на работу ужасно ездила, бабушка в год померла, а дедушка семь лет ешо прожил. Помнила я, в каком году. Ну я помню хорошо. Они сказки нам рассказывали, то-сё...; Бабушка у меня была золото с дедушкой. Очень даже хорошая. Я её всё время вспоминаю. <...> Однажды меня в школе, не меня, а весь класс: напишите, у бабушек, у дедушек спросите, какую-то пословицу, поговорку, сказку – что-то такое в общем. Я ей говорю: «Баб, нам велели написать», а она прилегла уже вечером, когда делать нечего, легла на койку, дед тоже уже улёгся спать. Ну и она мне это, начала загадки загадывать. Господи, я и сроду не видела, не слышала. Потом я уже закричала: «Баба! такую не надо, она нехорошая». А она: «Язви тебя, да какая же нехорошая-то?» Это же вот это, ткать на станке. Чё-то «брюхом ткнёшь, ногой пнёшь». В общем интересная была загадка такая, все старые. И вот это самое, она тогда и гыт: «Ну и нечего спрашивать, если не угодила».

– **периодах своего проживания у дедушек и бабушек:** Я в сорок четвертом году уехала с дедушкой снова в Монастырку, где и родилась, там два года училась в пятом-шестом классе, а в это время отец пришел с фронту, больной, ну какое-то время они пожили в Каргаске, а потом отца перевели в село Парабель, оно там рядом два района, уже он технологом маслопрома работает, а я у бабушки живу. В сорок шестом году приезжаю с дедушкой, туда в Парабель, заканчиваю семь классов Парабельской средней школы и поступаю в Колпашевское педучилище в сорок седьмом году; ...У меня бабушка была, я, ну, я у ней всегда в деревне жила, у ней русская печка. От на ней спали, и зимой, и летом. Они же готовили в русской печке, там ни плиток же, ничё не было там, русская печка, там хлеб пекли, всё, знаю я эту печку. И даже от: ну летом, зимой-то часто от как если приедешь, спали там, тепло, так от там, знаете, дерюга расстелена такая, ну самотканая, знаете, дерюга, на дерюжке всегда чисто тоже у бабушки было. Ну летом-то мы спали, та у ней така' горница, они закрывались эти, половицы, раньше

не двери были, а от, ну, чё-то такое от, с двух половин. От на полу спали всегда, ага, а на печке если чё летом, дак там спа'рися...

– **приготовлении пищи:** А мы прибежали к ней [к бабушке] домой, они здесь жили, а мы через три дома. Всегда хлеба напекёт, краюшку раз-раз отрежет там, с молоком туда-сюда. Особо там такого не было. Но конфетки, всегда конфетами угощала. То, что характерно, мать работала, там некогда, мы прибежали и здесь кушали. Она кормила всегда, никаких проблем; У меня Бабушка была, и в колхоз хлеб пекла, и себе хлеб пекла, и все блю'ды. И щас разные салаты делают, всё на свете, и всё покупают, а раньше всё своё было. Свёкла, морковка, картошка, вот и... Капуста ешо. Кода' свежая, кода' и кислая. Вся, оуурцы. Вот вся закуска; Парёнки – это... чистили, мыли, чистили свёклу, морковь, брюква, репа когда была. И всё это... в чугунок такой, закрывали сковородкой, чтобы там... и ставили, когда печка уже прогорело всё, вот в этот жар. И она испа'рят-ся – так ели, а потом бабушка ещё выкладывала их на листик и опят же в печку, они высохнут – как конфеты ели!

– **уходе, заботе:** Поэтому жизнь в войну была очень трудная, нас спасали [смеётся] мама и бабушка, которые старались чем-то накормить, как-то одеть, обуть, чтоб мы были не хуже других;

– **отношении к религии:** Действительно, я крещёный, всё как полагается и так далее. А бабушка мне толковала про какого-то Лазаря, она у нас единственная в семье была, которая действительно верила... но икона висела, как у всех, над столом, в красном углу, что называется...; Она с тысячи восьмьсот девяносто восьмого года рождения. Вот, а в восьмидесятом, то есть она прожила восемьдесят два года. Всегда была крепкая, всегда... зрение хорошее. Вот так... без очков, никогда очки, но очень была... божественная...; Бабушку, она была там у нас это... така верующая, молилась всё это... ну у батюшки спрашиваем, говорит. Ну, говорит, **перекрестить** бы надо, он моли... она **молитвы** эти же самы читат, но только что надо там мазать да это... ну у нас тоже щас ходит дочка в эту... церковь, и внучка. Дак она **перекрестила** себя и ребятишек;

– **привычках:** Бабка Павлина молодец была. Она говорит: «Я герой Советского Союза». Я, говорит, её спрашивают: «Бабка, самогонку гонишь?» – «Гнала... гоню, гнала и гнать буду». Она любительница была выпить;

– **событиях** (глобальных, исторических, культурных и др.) и их отражении на жизни прародителей, их отношения к этим событиям: Это у меня, у нас кода' радио провели в деревне первое, и бабушка, я пришла к ней, она рассказывала, как их подключили-то, ага. А тогда же были динамики такие в коробочке. Она грит: «Я подхожу, грит, а они, грит все черти, гыт, в коробочке сидят».

Многие автобиографические рассказы включают воспоминания о жизни семьи в военное время: У меня бабушка рассказывала, она прожила, кстати, сто два года. Она, была вот у ней артель, она говорила,

они занимались этой рыбалкой. И приезжали домой они даже, она говорит, у них низ это, чирки', вместо вот, не сапоги, а чирки'. Там им заворачивали портянки, и портянки пристывали прям а'жно к чиркам это, их снимали... и всё это отдавали, сдавали, на войну, а самим ись нечего было. Они вот картошку выкопают, в поле останется мёрзлая, они её наберут, натрут. Из них там драников сделают, из мороженой, всё. В общем, у ней такая сложная... У ней одиннадцать, десять детей, а выжило всего четверо. Четыре дочери. И как она объясняла: Бог дал, Бог и забрал. В то время вот [усмехается] сами себе рожали, сами себе крестили...

Определение круга тем воспоминаний о бабушках и дедушках имеет условный характер, поскольку многие фрагменты совмещают сразу несколько тем, например: В войну мы не голодали. Вот, хотя и маленькая была, я не помню, конечно, раз в сорок первом я родилась. Я уже помню себя только с 10 лет. Вот как корову начала доить, так я себя помню... Но только знаю, что мы не голодали. Корова была, картошка была. Дедушка был рыбак. Рыба была, вот. Ну а хлеб, значит, сколько-то давали. Они же уже были рабочие, дедушка с бабушкой. Им что-то давали, а тем более у них еще погиб, были убиты два сына, то есть у них два зятя и два сына, четыре мужчины из семьи у нас погибли. Давали там сколько-то, маленько муки. А потом на меня давали еще. Ну сколько там давали, я тоже не знаю. Там принесут, может быть, стакан сахара, может быть, там пенсионные сколько-то, там муки. Но бабушка картошку, муку, лепёшки в русскую печку, там рыба была, то есть как бы мы не голодали. Основная тема данного фрагмента из автобиографического рассказа посвящена воспоминаниям о жизни в военное время, которое информант пережил с бабушкой и дедушкой, испытывая их заботу на себе. Кроме того, он сообщает о роде занятий дедушки и бабушки.

Наряду с тематикой воспоминаний, одной из сложных задач является определение их жанровой характеристики. Воспоминания о дедушках и бабушках могут быть отражены в одном высказывании и могут представлять собой целые самостоятельные рассказы, относящиеся к речевому жанру воспоминания.

Выделяются части автобиографических рассказов, являющиеся одной из разновидностей воспоминаний и относящиеся к речевому жанру рассказа о случае, они, как правило, вводятся высказываниями, содержащими намерение рассказать о случае: И был такой случай. Она [бабушка], значит, ну как вам сказать, вот как я сижу, вот так вот кровать проходила, вот здесь окошко было, вот здесь дверь, вход, ну вот... с... ну как бы сквозное [показывает]. И во время грозы залетела шаровая молния. Вот это окно выбила, развалилось да? И вот как она сидела, да, вот так мимо неё пролетела шаровая молния. В ту комнату залетела, ну как в прихожая, там кухня и прихожая, да? В зал залетела, там всё, что могла разрушила, и в окно опять вылетела. На бабушке ни один волосок не упал. И она сказала: «вот что значит вера». Что она

вот нас всегда учила, что верьте, бог есть. И когда вот это случилось у неё это, она и говорит: «Только бог меня спас».

В речи одного информанта встречаются повторяющиеся истории, повествования, воспроизводимые через определенное время в более-менее устойчивом виде, представляющие собой речевой жанр рассказа-пластинки [31. С. 26]. «Форма таких рассказов выверена и многократно отточена, хотя и допускает некоторое варьирование в зависимости от адресата или субъективных факторов» [32. С. 44–45]. Для данных рассказов, по мнению исследователей, характерна установка на юмор, шутку, языковую игру [31, 32]. Вместе с тем М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова отмечают, что, «видимо, можно говорить и о других жанровых разновидностях многократно репродуцируемых текстов, для которых характерна иная, более “серьезная” коммуникативная установка рассказчика. Это обычно рассказы о драматических эпизодах семейной истории (болезнь, пожар и т.п.), рассказы притчевого характера и др. Их собирание и жанровая интерпретация – задача будущего» [32. С. 45]. В анализируемом материале встречаются такие рассказы-пластинки, в которых информанты вспоминают о случаях, связанных с бабушками и дедушками и о том, чему они их учили, что говорили и т.п. Одним из таких рассказов-пластинок является воспоминание информанта из с. Мельниково о бабушке и дедушке, посвященное здоровью, отсутствию медикаментов в середине XX в.

Приведём фрагмент рассказа, записанный студентами в июле 2018 г.: *А дедушка у нас уже последнее время лежал в постели. Так вот... а раньше гнали все самогон. Раньше все в деревне гнали самогон, без этого не жили. И вот она [бабушка] разольёт по бутылкам... Миша, вот этот братишка, на три года старше. Он во всём, он уже такой... крепкий такой вот-от был. И он с бабушкой наравне, считай, косил. Бабушка брала «девятку», Миша – «семёрку», и они косили, потом это всё переворачивали. А меня оставляли больше следить за дедушкой, потому что то воды поднести надо, то ещё что-нибудь. Вот, то тот же горшочек надо было поднести. И мне оставляли как бы, всё-таки дедушку же одного не бросишь. Я больше была. Вот он у меня просил, а бабушка хитрая была. Вот она, таблеток не было обезбаливающих, а всё же болит у него. И вот этой давала самогонки... то есть вот из бутылки вот так-от чем-то чиркнет... уровень. Налёт в стопку, и так раз, заметку сделает, чтобы я не отлила. А у него, видать, болит всё, он и говорит: «На-а-а, нале-ей мне маленечко?». Я говорю: «Бабушка будет ругаться». «А ты чуть-чуть ниже её вот этой... чёрточки». И вот я потихонечку отливала, чтобы... чёрточка, чёрточка то есть, пониже чёрточки, да? Ну, там сколько, вот да, потом бабушка приходит, допустим, на обед, да. В обед ему полагалось ещё обезбаливающего стопка. И вот она опять налёт ему, опять заметочку делает. Она уходит, а он у меня опять просит, потому что никаких таблеток, девочки, не было. Это всю боль они терпели. Вот... ну и как говорится, долго он не прожёл, а бабушка у нас прожила долго.*

Второй отрывок из автобиографического рассказа был записан во время диалектологической экспедиции (апрель, 2018 г.), адресаты – сотрудники кафедры русского языка ТГУ и жительница села Мельниково, которая участвовала в разговоре:

У нас дедушка с войны пришёл, ранение имел, и он сначала на костылях ходил, а бабушка у меня такая мощная, она физически очень сильная, она вручную на коров косила, а он это, и вот гнала самогонку, и вот так вот отольёт, а лекарств не было, а он заживо гнил, и вот она ему так налёт, обезбаливающее, даст и пошла косить. И на бутылке делает зазор, и вот он, значит: «Надь, налей маленько, всё болит».

Г.Г. Метка.

Н.А. *«Деда, деда, баба ругаться будет». «Ты только чуть-чуть отлей, чтобы это самое, вот эта метка была». И вот я наливаю туда, туда, туда, наливаю, сколько там у меня получается. Дам ему, она в обед приходит с покоса, ну, как говорится, есть и всё. Опять норму наливает, опять заметку ставит, и вот так я лето, чтобы маленько помочь, как говорится, ухаживать за дедушкой, чтобы она ушла, и, как говорится, стакан воды или что-то, меня туда отправляли за дедушкой ухаживать. И вот так я наливала, его отпаивала. Никаких лекарств не было, вот так вот.*

Оба рассказа посвящены одной теме – воспоминанию о дедушке и бабушке, в них говорящий описывает одну и ту же ситуацию. Первый рассказ (259 слов) более объёмный, отличается большей детализацией, подробностями, которых нет во втором рассказе. Сообщается о том, что все в деревне гнали самогон, в том числе и бабушка, какой косой она косила: *Бабушка брала «девятку», Миша – «семёрку», и они косили, потом это всё переворачивали*, рассказывается о том, почему информанта оставляли с дедушкой: *А меня оставляли больше следить за дедушкой, потому что то воды поднести надо, то ещё что-нибудь. Вот, то тот же горшочек надо было поднести. И мне оставляли как бы, всё-таки дедушку же одного не бросишь*; даётся оценочная характеристика: *бабушка хитрая была*; а также сообщается о продолжительности жизни дедушки и бабушки. Второй рассказ (169 слов) меньше первого по объёму, однако здесь сообщается, почему дедушка болел: *с войны пришёл, ранение имел, и он сначала на костылях ходил; он заживо гнил*. Возможно, информант выстраивал тексты в зависимости от адресатов, а также от места данного эпизода в повествовании и коммуникативной ситуации: в первом случае это воспоминание включено было в двухчасовой автобиографический рассказ информанта; во втором случае – это короткий автобиографический рассказ, поскольку основным информантом выступал другой человек.

Средствами языкового воплощения воспоминаний о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа являются метакомпонентные высказывания, включающие глаголы *помнить*, *вспоминать*, глаголы в форме прошедшего времени или с семантикой настоящего исторического: *А когда вот мы не ссыльные, вот ещё до ссылки были, у нас в деревне очень хорошая была церковь. Ходили, и я вот помню, как нас бабушка*

води́ла. Мы небольшо́е'нькие вот такие вот были́, бабушка уже веде́т нас, пойдёмте, в церковь, Боженьку молиться будем. Это вот мы ходи́ли. Эта мамина мать нас води́ла; И вот знаете, в этой печке она [бабушка] вот такой борщ, вот салом заправит, вот знаете, я до сих пор, я даже не сварю такой щас борщ на плитке, ага? И вот она там ставит туда вот этот борщ всегда на обед, каждый день. И вот ел бы его и ел, и ел. Знаете, вот такой от в... какой-то напарится от, такой, я от воспоминаю часто.

Как уже отмечалось, в структуре автобиографического рассказа могут быть представлены не только воспоминания о бабушках и дедушках, но и воспоминания о селе, родителях, школе, войне, событиях прошлого и т.д., а схема представления информации исследуемого речевого жанра позволяет выявить важную особенность автобиографического рассказа – наличие в нем двух временных пластов: 1) рассказ о жизни в прошлом и 2) отражение жизни в настоящее время. Две основные смысловые части в текстах – прошлое и настоящее – распределяются в текстах неравномерно: преобладает повествование о прошлом. Соответственно, в автобиографическом рассказе как ретроспективно направленном речевом жанре, воспоминания (в том числе о дедушках и бабушках) выполняют текстообразующую, жанрообразующую функцию, они направлены на реализацию коммуникативной стратегии самопрезентации. Рассказывая о родственниках, информанты сообщают одновременно о себе; эти воспоминания выполняют функцию самоидентификации, определения, закрепления себя в мире, служат экспликации связи собственной жизни и истории семьи: *У нас в семье все были здоровые, а я маленька в бабушку; Родился я, вообще интересно, в 30-ом году, то есть в 29-ом году в феврале, моих родителей выслали в Пудинск, это остров среди болот, Пудинский район. Вот так, собственно говоря, в феврале. Как они там жили, не знаю, ну а почему выслали? Деду предложили вступать в колхоз. Он числился середняком. Он отказался.*

Рассказывая о том, как их воспитывали и чему учили дедушки и бабушки, информанты пытаются воспроизвести их речь, используя различные способы передачи чужой речи (прямая, косвенная, несобственно-авторская): *Так и так, и жись прошла вся. Только я не видела, когда она прошла. Как не лучше моей бабушки: вот, говорит, ничё хорошего не видела в своей жизни. А как жизнь, гыт, прошла, не видела. А теперь её частенько воспоминаю.* Эти воспоминания выполняют, на наш взгляд, дидактическую функцию, поскольку, обращаясь к опыту прародителей, информанты преследуют цель передачи этого опыта следующему поколению, к которому относятся в том числе и диалектологи. Обращаясь к прошлому, связанному с бабушками и дедушками, информанты в ряде случаев либо сами используют диалектные лексемы, являющиеся в диалекте в настоящее время устаревшими

(чирки), для описания тех или иных реалий, либо воспроизводят их, передавая речь представителей старшего поколения.

Таким образом, высвечивается еще одна функция у такого рода воспоминаний, связанная с сохранностью диалекта как формы коммуникации. Говорящий, описывая жизненные ситуации, оказавшие большое влияние на формирование его нравственных качеств, осознает себя как часть семейного сообщества с определенными ценностями, идентифицирует свою родовую принадлежность. В речи информантов встречаются высказывания обучающие, поучающие, объясняющие бытовые реалии крестьянской жизни и т.п.: *...бабушка зара'ньше черessedельник принесла <...Раньше така' поверья была, черessedельник лупить. Ну и вот и, мама сидит так вот, бабушка взяла меня и на полу и давай волтузить меня этим черessedельником: «Никогда морков чужую... Ни морков, хоть чё чужое лежит, никогда ничего не тронь. Шобы никогда не брала ничего!» Лупила меня. Я ревели там, не знаю, мама не заступилась даже. Я за мокрого вся заревелася. И вот у меня в голове это до сих пор всегда, шоб чужое – это Боже избав! Меня отучили. Ма'ленька была. Вот так. Никода' в жизни говорит, ничего не бери. Из-за этой морковки, я грю... Девчонкам ничё, а мне попало. За всех. От так от; Вспоминать, как они жили и как они тяжело, она как-то не любила. Она всё говорила, деточки, вы такого не, не, как она говорила, деточки, вы, говорит, не поймёте, что пришлось нам пережить.*

Следует отметить, что включение в повествование «чужой речи» и воспоминаний о словах дедушек и бабушек отличает устные, неофициальные автобиографические практики от письменных, делопроизводственных автобиографий, в которых подобная информация о дедушках и бабушках не встречается. Данные о дедушках и бабушках указываются в автобиографиях-документах редко и только в начале текстов: при обозначении происхождения, социального положения, рода деятельности, воспитании при отсутствии родителей: *Дед мой, ХХХ, в 1920 г. приехал в Сибирь из Вятской губернии по вызову сына, моего дяди; Отец до 1913–1914 г. занимался крестьянством вместе со своим отцом и двумя братьями, имея мелко-середняцкое хозяйство. ... Мать, дочь захудалого попа, вышла замуж за отца в 1910 г.; Отец вместе с дедом занимались отходничеством.*

Таким образом, воспоминания о бабушках и дедушках – один из элементов речевого жанра автобиографического рассказа, выполняющий различные функции: самопрезентации, самоидентификации, дидактическую, текстостроительную, жанрообразующую. Информанты вспоминают о месте рождения и проживания, национальности, профессии, чертах характера, внешности и других характеристиках прародителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis R. Mediating historical memory in Asian / American family memoirs: K. Connie Kang's «Home was the land of morning calm» and Duong Van Mai Elliott's «The sacred Willow» // Biography. 2007. Vol. 30, № 4. P. 491–511.

2. Eakin P.J. *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca : Cornell UP, 1999. P. 43–98 (Chapter 2. Relational Selves, Relational Lives: Autobiography and the Myth of Autonomy).
3. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 200. P. 563–568.
4. Волошина С.В. Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 16. С. 35–51.
5. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2013. С. 12–16.
6. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // *Русин*. 2021 (в печати).
7. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
8. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
9. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск : АмГУ, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
10. Мызников Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
11. Калиткина Г.В. Трансляция традиции в диалектном дискурсе // *Русин*. 2015. № 3 (3). С. 167–182.
12. Леонтьева Т.В. Автобиографические мемуары о детстве (по письмам Шурыгиной Таисии Ивановны, уроженки и жительницы деревни Плосково Костромской Области) // *Мир Евразии*. 2016. № 3 (34). С. 38–43.
13. Литвинова Н.Б. Структурно-семантическая актуализация исторической информации в вербальном пространстве диалектного текста-воспоминания // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 55–58.
14. Матлин М.Г. Устные рассказы о голоде 1941–1945 годов как источник изучения повседневности сельского населения ульяновского Поволжья // *Научный диалог*. 2018. № 8. С. 147–160.
15. Толстова М.А. Вербализация представлений о мужчине в женском автобиографическом рассказе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 117–125.
16. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10.
17. Bluck S., Habermas T., The Life Story Schema // *Motivation and Emotion*. 2000. Vol. 24 (2). P. 121–147.
18. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
19. Волошина С.В. Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы IV Междунар. конф. (13 октября 2020 г., г. Орёл). Орёл : ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020. С. 223–228.
20. Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / Айзикова И.А и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. Ч. 1.2. Речевые практики сибиряков. С. 55–95.
21. Ганичева С.А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 67–78.
22. Беднарчук А.И. К вопросу о функциях старшего поколения (бабушек и дедушек) в современной семье // Система ценностей современного общества. 2016. № 50. С. 143–148.
23. Булыгина М.В., Комарова С.В. Прародители и внуки (обзор зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 97–105.
24. Михальчик М.З. Воспитательные возможности бабушек и дедушек // Пути, тенденции и направления развития социальной сферы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. С. 197–199.
25. Михайлова Е.В. История жизни и опыт поколения бабушек и дедушек в интерпретации современных студентов (на примере студентов ЯГПУ, обучающихся по специальности «Социология») // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3, № 2. С. 161–168.
26. Лихачева Э.В., Бондаревская С.В., Беляева Е.С. Идеальный внук и реальный внук глазами бабушек и дедушек // *Инновационная наука*. 2015. № 7-1 (7). С. 186–189.
27. Кузьмишина Т.Л. Особенности эмоционального взаимодействия дошкольника с прародителями в современной семье // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2, № 4. С. 249–253.
28. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : НГПИ, 1993. 244 с. URL: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/641> (дата обращения: 21.01.2021).
29. Явнова Л.А. Воспитание детей в семьях старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX веков (по материалам устных источников) // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 336–339.
30. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения : в 6 т. М. : Педагогика, 1990. Т. 5. 420 с.
31. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. Саратов : Амирит, 2015. С. 26–36.
32. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Русские словари, 1999. 396 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 марта 2021 г.

Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 13–22.

DOI: 10.17223/15617793/464/2

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: autobiographical story; grandmother; grandfather; speech genre; memories; Siberia.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-412-700001p_a.

The article analyzes Siberian villagers' memories about grandparents as an important element of the speech genre of the autobiographical story. The aim of the article is to describe the themes, types of genres and functions of memories about grandparents in the structure of autobiographical stories of residents of Siberian villages. The material of the research is 200 oral autobiographical stories recorded on the territory of Tomsk Oblast from the 1960s to 2020. It is determined that memories about grandparents perform genre-forming, text-building, and didactic functions, as well as participate in the self-presentation and self-identification of the informants.

Possible types of intra-genre and inter-genre intersections are analyzed. Memories, being an independent complex speech genre, can at the same time be a part of another genre – an autobiographical story, a story about a case. Participants of the speech genre (sender and receiver) are in certain kinship relationships (grandchildren and grandparents: grandmothers and grandfathers). The author of the text, referring to the history of their family and the experience of previous generations, realize a self-identification process, comprehending their belonging to the genus, family by various identification characteristics: nationality, education, upbringing, and others. The micro-themes of memories are revealed; they allow determining the most significant parameters that the author of the text uses for self-presentation, including oneself into the family history (place of residence, profession, features of character, etc.). Reference to the axiological dominants of the previous generation is one of the strategies of self-presentation and self-identification of the residents of the modern village. The stories of the informants serve as a means of creating an ideal image of their grandparents, who appear in memories as kind, gentle, literate, telling fairy tales, non-drinkers, long-living, having good health, hardworking, economical, clean, and able to feed, to treat, to teach, to educate. The grandparents' role in preserving and transmitting cultural and moral values to the younger generation, in forming behavioral patterns (commandments, instructions), such as the need to work, not to steal, not to drink, and to believe in God, is great. Thus, memories of grandparents are one of the elements of the speech genre of the autobiographical story, which performs self-presentation, self-identification, didactic, text-building, and genre-forming functions. The informants recall the place of birth and residence, nationality, profession, character traits, appearance, and other characteristics of their grandparents.

REFERENCES

1. Davis, R. (2007) Mediating historical memory in Asian/American family memoirs: K. Connie Kang's "Home was the land of morning calm" and Duong Van Mai Elliott's "The sacred Willow". *Biography: An Interdisciplinary Quarterly*. 4 (30). pp. 491–511.
2. Eakin, P.J. (1999) *How Our Lives Become Stories: Making Selves*. Ithaca: Cornell UP. pp. 43–98.
3. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2015) The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 563–568.
4. Voloshina, S.V. (2018) Autobiographical practices in the context of Siberian verbal culture. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 16. pp. 35–51. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/16/3
5. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2013) [Provincial speech: from dialect to literary language]. *Regional'nye varianty natsional'nogo yazyka* [Regional Variants of the National Language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulan-Ude. 17–20 October 2013. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 12–16. (In Russian).
6. Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2021) Rechevoy portret zhitelya transgranichnogo regiona (russko-belorusskoe vzaimodeystvie) [Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction)]. *Rusin*. (In print).
7. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного высказывания. Aspekty semantiki* [The Theory of Dialectal Sentence. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Gyngazova, L.G. (2001) [On the speech genre of recollection (based on the language of personality)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Relevant Directions of Functional Linguistics]. Proceedings of the Conference "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka" [The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century]. Kemerovo. 1–3 December 2001. Kemerovo; Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
9. Laguta, N.V. (2005) O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya) [On the speech genre of recollection (based on the Russian dialects of the Amur region)]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [The Word: Folklore-dialectological almanac]. Vol. 3. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 86–101.
10. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre "reminiscence story". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (28). pp. 66–72. (In Russian).
11. Kalitkina, G.V. (2015) Translation of the tradition in the dialect discourse. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. pp. 167–182. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/3/13
12. Leont'eva, T.V. (2016) Avtobiograficheskie memoraty o detstve (po pis'mam Shuryginoy Taisii Ivanovny, urozhenki i zhitel'nitsy derevni Ploskovo Kostromskoy Oblasti) [Autobiographical memoirs about childhood (according to the letters of Shurygina Taisia Ivanovna, a native and resident of the village of Ploskovo, Kostroma Region)]. *Mir Evrazii*. 3 (34). pp. 38–43.
13. Litvinova, N.B. (2016) Structural and semantic actualization of historical information in verbal area of dialectal text-reminiscence. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 3 (12). pp. 55–58. (In Russian).
14. Matlin, M.G. (2018) Oral Histories about the Famine of 1941–1945 as the Source of Knowledge of the Everyday Life of the Rural Population of the Ulyanovsk Area of Volga Region. *Nauchnyy dialog*. 8. pp. 147–160. (In Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-147-160
15. Tolstova, M.A. (2020) Verbalization of ideas about a man in a woman's autobiographical story. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 4 (210). pp. 117–125. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-117-125
16. Voloshina, S.V. (2010) Speech genre of autobiographical story (on dialect material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (10). pp. 5–10. (In Russian).
17. Bluck, S. & Habermas, T. (2000) The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*. 24 (2). pp. 121–147.
18. Pavlova, A.A. (2004) *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera (na materiale vnutrisemeynykh rodoslovykh)* [Genre, Hypertext, Intertext, Conceptual Sphere (Based on intra-family genealogies)]. Belgorod: Belgorod State University.
19. Voloshina, S.V. (2020) [Memories about Parents in the Structure of Autobiographical Stories of Siberians]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izucheniye i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Learning and teaching]. Proceedings of the IV International Conference. Orel. 13 October 2020. Orel: Orel State University. pp. 223–228. (In Russian).
20. Gyngazova, L.G. (2019) Klyuchevye kontsepty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechevykh praktikakh sibirskoy krest'yanki [Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of Siberian peasant woman]. In: Ayzikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–95.
21. Ganicheva, S.A. (2019) Brother and sister's memories about village childhood: the linguogenderological aspect. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 5 (92). pp. 67–78. (In Russian).
22. Bednarchuk, A.I. (2016) K voprosu o funktsiyakh starshego pokoleniya (babushek i dedushek) v sovremennoy sem'e [To the question of the functions of the older generation (grandmothers and grandfathers) in the modern family]. *Sistema tsennostey sovremennoy obshchestva*. 50. pp. 143–148.
23. Bulygina, M.V. & Komarova, S.V. (2019) Grandparents and grandchildren (review of foreign studies). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*. 4 (8). pp. 97–105. (In Russian). DOI: 10.17759/jmfp.2019080410

24. Mikhal'chik, M.Z. (2009) [Educational capability of grandmothers and grandfathers]. *Puti, tendentsii i napravleniya razvitiya sotsial'noy sfery* [Ways, Tendencies and Directions of Development of the Social Sphere]. Proceedings of the II International Conference. Vitebsk. 3–4 December 2009. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 197–199. (In Russian).
25. Mikhaylova, E.V. (2017) History of life and experience of the grandfathers' and grandmothers' generation through the interpretation of the presentday students (using as an example the YSPU students' interpretations, major in "Sociology") *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*. 2 (3). pp. 161–168. (In Russian).
26. Likhacheva, E.V., Bondarevskaya, S.V. & Belyaeva, E.S. (2015) Ideal'nyy vnuk i real'nyy vnuk glazami babushek i dedushek [Ideal grandson and real grandson through the eyes of grandparents]. *Innovatsionnaya nauka – Innovation Science*. 7–1 (7). pp. 186–189.
27. Kuz'mishina, T.L. (2014) Features of emotional interaction of the toddler with grandparents in the modern family. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4 (2). pp. 249–253. (In Russian).
28. Zverev, V.A. (1993) *Deti – ottsam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.)* [Children are substitutes for fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. [Online] Available from: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/641>. (Accessed: 21.01.2021).
29. Yavnova, L.A. (2013) Education of children in families old-timers and Altai migrants in late 19th – early XX century (based on oral sources). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 3 (40). pp. 336–339. (In Russian).
30. Ushinskiy, K.D. (1990) *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical Works]. Vol. 5. Moscow: Pedagogika.
31. Bukrinskaya, I.A. & Karmakova, O.E. (2015) Izuchenie dialektного teksta: rasskaz-plastinka [The study of dialectal text: story-plate]. In: Kryuchkova, O.Yu. & Krysin, L.P. (eds) *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V.E. Gol'dina* [Language in the Space of Speech Cultures: On the 80th anniversary of V.E. Goldin]. Saratov: Amirit. pp. 26–36.
32. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1999) *Rech' moskvichey: Kommunikativno-kul'turologicheskiy aspekt* [Speech of Muscovites: Communicative and cultural aspect]. Moscow: Russkie slovari.

Received: 08 March 2021

В.М. Головки

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ИДЕЯ ЧЕЛОВЕКА»

Анализируется теоретико-методологическое содержание категории «идея человека». Рассматривается ее потенциал в изучении философско-эстетических принципов, определяющих целостность и логическую непротиворечивость историко-культурных эпох, художественно-познавательных циклов, литературных направлений, больших стилей и творческих методов. Доказывается, что обновлением «обобщенной идеи человека» детерминируется преемственное развитие художественных систем и активизация жанрообразовательных процессов.

Ключевые слова: идея человека; тип мироотношения; художественно-познавательный цикл; литературное направление; художественный метод; «большой стиль»; система жанров.

Развитие и совершенствование категориальной системы современного литературоведения во многом определяется актуализацией исследований в области философии литературы. Активизировалось изучение специфики бытования философских смыслов в образных нарративах, закономерных процессов обогащения художественного дискурса философским и, в свою очередь, расширения философского за счёт эстетических форм познания действительности, жизни и человека (см., например: [1–5]). Проблема связи языка философии и литературы оказалась не менее дискуссионной (см., например: [6–8]), чем методологические вопросы изучения «философии в литературе» и «литературы в философии» [9, 10].

При комплексном подходе к изучению многих аспектов современного литературоведения, начиная с вопроса о типе творчества или спецификации культурно-исторической эпохи и завершая поэтикой произведения как идейно-художественной целостности, в понятийную систему филологического анализа включается философско-эстетическая категория «идея человека». Её органичность для литературоведческих исследований определяется двумя основными факторами: во-первых, принципиально то, что художественная литература является феноменом нетеоретического философствования, чем и обусловлена её познающая и познавательная природа; во-вторых, литература как вид искусства представляет собою область художественного человековедения.

Человек, по словам М.М. Бахтина, – это «организующий формально-содержательный центр художественного видения... Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый вокруг данного человека как его ценностное окружение... Эта ценностная ориентация и уплотнение мира вокруг человека создают его эстетическую реальность» [11. С. 162–163]. Психологическое раскрытие процессов интериоризации в литературе и искусстве адекватно отражает ценностную природу категории «сущность человека», поскольку в художественном творчестве неизменно обнаруживается прямая зависимость авторской аксиологии от уровня и качества ролевых функций изображаемого человека. Очевидно и то, что антропоцентрическая парадигма в современном литературоведении складывалась и продолжает формироваться в процессе всё большего

приближения к такой научной идентификации художественно-познавательной установки писателя (и литературы в целом), в которой манифестируется наличие «человеческого измерения» в качестве стратификации всех уровней литературы как многосоставной эстетической системы.

Художественные формы познания не противостоят научно-теоретическим: и философия, и литература «уясняют... понятие человека, смысла его бытия... уясняют само наличие “высших” целей человека, или “высшего” смысла его существования» [12. С. 56]. Для этих специфических форм осмысления человеческого бытия характерна общность системы понятий и категорий (мир, вселенная, жизнь, смерть, движение, развитие, добро, зло и т.д.), т.е. общность таких «мыслительных конструкций» [12. С. 146–147], которые рассматриваются как в философии, так и в литературоведении. Когда в эпицентр познания выдвигается вопрос о «смысле жизни» как исходной ситуации «наличного бытия», о социокультурном и экзистенциальном компонентах «человеческого капитала личности» [13. С. 65], эта проблематика становится в равной мере органичной для теоретического и эстетического понимания мира и человека, что и определяет интерес писателя к философии. Но философско-теоретическое и художественное понимание различно по своей сути.

О «науке и искусстве» как формах «понимания истины» писал в своё время В.Г. Белинский. Утверждения критика о том, что «философ говорит силлогизмами, поэт – образами, а говорят оба они одно и то же» [14. С. 367], не являются бесспорными. Говоря о «науке» и «поэзии», философии и искусстве как разных формах бытования смыслов, следует иметь в виду, что парадигмы миропонимания у «философа» и «поэта» различны: для первого ведущей является проблема «человек и мир», для второго – «человек в мире». При рассмотрении особенностей познания в научных и художественных текстах речь должна идти не только о разных способах познания, но и о разном содержании познавательной деятельности, о разных смыслах как результатах этой деятельности. В то же время общность гносеологических основ научного и художественного творчества, типологическая природа процесса познания и понимания создают предпосылки для использования философских категорий в лите-

ратуроведческих исследованиях. «Идея человека» в этом случае может быть оторефлексирована как на онтологическом (в парадигме «новой онтологии»), так и эпистемологическом уровнях. Во-первых, художественная реальность бытует в жанровых типах формосодержательной целостности, а бытие литературного жанра характеризуется тем, что жанр существует, понимая [15. С. 136–152]. Во-вторых, эпистемологический ресурс обеспечивает качество литературоведческого анализа при рассмотрении логики преемственной смены литературных направлений и жанро-образовательных процессов, которые находятся в компетенции «идеи человека».

В работах по художественно-философской антропологии эта категория непосредственно сопрягается с понятием типа мироотношения, которым очерчиваются рамки художественно-познавательных циклов и которое лежит в основе законов эволюции и художественных ритмов историко-литературных эпох. Вводя в эстетический дискурс категорию «идея человека», М.М. Бахтин формулировал её как логическую дефиницию обобщенного представления о человеке, характерного для той или иной историко-культурной эпохи (например, «нормативная», «неподвижная» идея человека» эпохи синкретизма, «его» в идее человека эпохи Возрождения, «естественный человек» в антропологии эпохи Просвещения и т.д.) [11. С. 53; 16. С. 218, 256]. При этом в компетенции идеи человека оказывается и «организация образа человека», «процесс построения идеи человека (человек как ценность)» [11. С. 52–58; 16. С. 218]. Когда в теоретико-литературных исследованиях синергетический подход к анализу философско-эстетических принципов художественных направлений реализуется в процессе идентификации «концепции мира и личности», реализуемой в «типологических художественных моделях мира» [17. С. 48–49], или при характеристике «новой концепции личности» формирующегося литературного направления, то, по сути, обозначается сфера компетенции «идеи человека» определённой формации (стадии) эстетического познания.

Р.Р. Москвина и Г.В. Мокроносов указывают на то, что «идею человека» следует рассматривать как «предельно общий принцип миропонимания», «каркас, лежащий в основе философского и художественного осмысления сущности человека в ту или иную эпоху», как «общее понимание человека... в каждую историческую эпоху», «общий тип мироотношения» [12. С. 89, 112]. Этими авторами аргументируется положение о том, что деятельностный (социально-антропологический) подход к проблеме человека определял в философии и литературе «“деятельный” тип мироотношения», начиная с эпохи Ренессанса; он обогащался в эпоху романтизма в форме «духовно-деятельного типа мироотношения», а как тип «“деятельно-практического” мироотношения» определял эстетику классического реализма XIX в. [12. С. 145]. В искусстве модернизма «“деятельный” тип мироотношения» санкционировал «освоение “внутренней”, субъективной сферы человеческого бытия, духовного опыта в его полноте, в его значимости для личности» [12. С. 141]. При этом антипозитивистская философ-

ская мысль неклассического этапа её развития заостряла внимание на идее самоценности «микрокосма» человека, его уникальности. Н.А. Бердяев, например, подчёркивая, что «личность человеческая более таинственна, чем мир», доказывал, что не «мировая среда» творит человека, а человек созидает свой мир [18].

Природа и сущность человека являются предметом философской антропологии, но эта проблематика составляет смысловое ядро идеи человека, которая прорабатывается всеми формами общественного сознания конкретной историко-культурной эпохи. Художественно-философские идеи одновременно с теоретическими учениями о человеке формируют стадиальные, исторически обусловленные концепции антропосоциогенеза.

В виде «обобщённой идеи человека» данная категория становится фиксируемой эпистемологической областью исследований и предметом философской рефлексии с конца XVIII в. [19. С. 94]. Когда М. Шеллер в историографическом освещении выделял пять основных, в равной мере односторонних «идей человека» («основных типов самовосприятия человека»), то он обобщал данные теологической, естественнонаучной и философской антропологии в содержательной оппозиции *homo sapiens* – *homo faber*, связывая философию человека с идеей свободы, трактуемой в парадигме «постулатного атеизма серьёзности и ответственности» [20]. Общие типы мироотношения, прорабатываемые историко-культурными эпохами, в своей совокупности дают представление не только об эволюции понимания человека, но и об ответе на вопрос о человеке. На этот вопрос ответ «способна дать не одна культура, а совокупность возможных типов культурных традиций» [21], именно поэтому самоценным является изучение идеи человека каждой историко-культурной эпохи и философско-эстетических принципов соответствующего ей литературного направления.

«Идея человека» – это категория современного методологического арсенала науки о литературе, которая далеко не в полной мере оторефлексирована в качестве самодостаточной при изучении разных стадиальных этапов развития художественного сознания: она, если и освещается в литературоведческих работах, то не как предмет специального изучения, а, скорее, растворяется в общетеоретическом анализе философско-эстетических принципов того или иного литературного направления или художественного метода. Но и такой принципиально важный для научного познания подход к изучению типологии крупных единиц литературного процесса в последнее время встречается крайне редко, что объясняется сменой приоритетов в научной проблематике и вытеснением широких концептуальных построений достаточно эмпирическими сюжетами, теми исследовательскими практиками постмодернистской эстетики, которые ориентированы преимущественно на текст, а не на литературное произведение как «смысловое целое» (М.М. Бахтин). В философско-литературоведческом наследии М.М. Бахтина эта категория обоснована и реализуется именно при анализе эпохальных культурно-исторических и эстетических общностей. В фило-

софском дискурсе данная категория была использована в парадигматических целях в выше указанном исследовании Р.Р. Москвиной и Г.В. Мокроносова, что, по сути, остаётся пока единственным примером глубоко содержательного и результативного оперирования данной категорией в научно-гуманитарном познании. Поскольку «идея человека» («тип мироотношения») определяет эстетическое качество художественной системности в целом, то в литературоведческих работах она становится необходимым инструментом как для теоретического изучения вооззренческих основ литературных направлений, «больших стилей», творческих методов, так и для историко-литературного анализа жанрообразовательных процессов и динамики жанровых систем. В таком историко-литературном аспекте уже рассматривалась «идея человека» как жанрообразующий фактор в литературе классического реализма [22, 23], как и обусловленность эволюцией «идеи человека» динамики жанровых систем русской реалистической литературной классики [24]. В подобном ключе исследовался и функциональный аспект «идеи человека» в герменевтике литературного жанра [15]. Такие исследования позволяют актуализировать вопросы теоретической поэтики, выходить на более высокий уровень научно-абстрагирования при изучении логики развития художественного сознания и закономерной, преемственной смены художественно-познавательных циклов. Проектная идея указанного проблемно-теоретического освещения данного аспекта в изучении функционального значения категории «идея человека» становится основной целью при рассмотрении её эпистемологического потенциала.

В этом случае речь идёт именно о возможностях и резервах категории «идея человека» при изучении закономерностей литературного процесса, о перспективных направлениях в освещении воззренческих, философско-эстетических принципов литературных направлений и творческих методов. Такие исследования приобретают особую актуальность, поскольку методологические инновации в области изучения художественных методов являются насущной задачей современного литературоведения: теория художественного метода (особенно реализма) нуждается в существенном обновлении и не может рассматриваться лишь как область дискуссионных полемик. «Пересмотр» методологической базы отечественного литературоведения в постсоветский период самым негативным образом отразился именно на состоянии изучения теоретических метанарративов. Актуализация «идеи человека» («типа мироотношения») как научной категории нацелена прежде всего на привлечение исследовательского внимания к методологическим проблемам анализа именно таких метанарративов и прежде всего – в области идентификации историко-литературных эпох, литературных направлений, творческих методов на основе категорий художественно-философской антропологии.

В современной отечественной философии при рассмотрении данной категории выделяются типологические общности в трактовке природы и сущности человека, характеризующие антропологию классиче-

ского, неклассического и постклассического периодов развития теоретической мысли в её динамике и эволюции. Смысловое ядро этой категории конкретизируется в процессе выделения его определённых составляющих в зависимости от методологии философских направлений. «Идея человека» в экзистенциализме, например, рассматривается с точки зрения «родовой сущности человека», как «новый определяющий судьбу ответ человека своему Ты» [25], в философии постклассического этапа – как «совершенный человек» [26] или «возможный человек» в «связке истории и человека» [27], как «творческое самоопределение» человека «в перспективе возможности абсолютного самопознания», как «абсолютный предел самопознания» [28] или как выражение «свободы творческой деятельности» [29] и т.д.

В новейших исследованиях при характеристике типов культур в истории философии Нового времени – Возрождения, романтизма, реализма, «предэкзистенциализма» (типов самосознания, типов мироотношения) – исторические общности в интерпретации «идеи человека» маркируются концептами «образ» («идеал», «чувственно-конкретный образ совершенного человека»), «понятие» («понятие всего внешнего в единстве с самосознанием»), «экзистенция» («попытка практического осуществления понятия»). При этом справедливо подчёркивается, что идея человека рассматривается не только как устойчивое смысловое ядро, но и «как импульс, разрушающий догматические представления» о человеке, сложившиеся в ту или иную культурно-историческую эпоху [28]. Это закономерный процесс, потому что исторически меняется не только сам человек, но и представление, знание о нём. Но что ещё важнее, «историческое развитие идеи человека показывает»: происходит смена «основополагающих онтологических картин той или иной культурной эпохи» [30], и «каждый новый виток развития» идеи человека «в философии начинается с обращения к прошлому, с переосмысления фундаментальных начал человеческого бытия» [28]. Это значит, что идея человека (тип мироотношения) каждой последующей историко-культурной эпохи меняет воззренческую матрицу по отношению к предыдущей и обновляет её уже в той культуре, которая, в свою очередь, тоже будет отрицаться культурой последующего исторического периода. Если же происходит обновление культуры «в себе самой» (а это, по словам М. Бубера, возможно [25]), то смены идеи человека не происходит, а значит, не происходит и смены художественно-познавательного цикла (литературного направления, «большого стиля»).

При всех эпистемологических вариантах и инвариантах дефиниции «идеи человека» общим в работах исследователей разных направлений гуманитарного знания остаётся идентификация «типа мироотношения», того понимания природы и сущности человека, которое свойственно культуре определённой стадии исторического развития и является фактором, определяющим целостность и логическую непротиворечивость каждой историко-культурной эпохи. Показательно, что Д.С. Лихачёв, конкретизируя понятие «стиль эпохи», рассматривал его «не в узколитера-

турном или языковом смысле», а как «весь стиль отражения мира: стиль описания человека, понимания его внутренних и внешних свойств, его поведения, стиль отношения к общественным явлениям – их видения и близкого этому видению отражения в литературе действительности, стиль понимания природы и отношения к природе» [31. С. 12].

Таким образом, идея человека – величина переменная, историческая. В перспективе стадийного развития художественной литературы она претерпевает существенные, а порою и кардинальные изменения. Эволюция идеи человека определяет «культурную динамику», периодичность, закономерную смену (цикличность), чередование эстетических целостностей, художественных систем, обозначаемых такими понятиями, как «культурно-историческая эпоха» («историко-литературная эпоха»), «художественно-познавательный цикл», «литературное направление», «художественный метод», «большой стиль», «великий стиль», «стиль эпохи» и т.д. Развитие и обновление основополагающих принципов художественно-философской антропологии обуславливает, в конечном счёте, почти «математическую» (А.М. Панченко) закономерность смены художественных направлений, «больших стилей», творческих методов в литературе Нового времени: романский стиль (X–XIII вв.), готика (XII–XV, XVI вв.), Ренессанс (начало XIV–XVI вв.), маньеризм (XVI – первая треть XVII в.) / барокко (XVII–XVIII вв.), классицизм (XVII – XIX вв.), просветительский реализм (конец XVIII в.), сентиментализм (20–80-е гг. XVIII в., в России – конец XVIII – начало XIX в.), романтизм (конец XVIII в. – первая половина XIX в.), классический реализм (XIX в.), модернизм (конец XIX – начало XX в.), неореализм (XX в., в России с начала 1930-х гг. социалистический реализм), постмодернизм (вторая половина XX в.), гиперреализм (конец XX – начало XXI в.).

Философско-эстетический принцип чередования историко-культурных эпох и их воззренческих парадигм установлен и теоретически обоснован Д.И. Чижевским в работе «Культурно-исторические эпохи» (1948) [32], затем конкретизирован и актуализирован акад. А.М. Панченко [33]. Закономерная сменяемость противоположных по философским парадигмам историко-культурных эпох и литературных направлений («великих стилей»), как показал Д.И. Чижевский, «безусловно подчиняется закону колебания противоположностей»: повторяющиеся художественно-эстетические общности бинарного типа (Ренессанс – барокко, классицизм – романтизм («романтика»), реализм – модернизм («неоромантика» («символизм»))) обусловлены оппозициями «реалистического» и «мистического», материалистического и идеалистического способов познания человека и мира.

«Парадигма Чижевского» вызывала разную реакцию исследователей: от безусловного принятия до методологической критики (за «выпрямление» литературного процесса, недооценку роли исторического детерминизма и т.д.) и попыток внести существенные коррективы. Так, Д.С. Лихачёв, напоминая о том, что в истории науки было немало «теорий замкнутых циклов развития культур» (Э.Р. Курциус, П.А. Соро-

кин и мн. др.), полемизировал с Д.И. Чижевским в трактовках понятия «стиль эпохи» [31. С. 177–178]. Но Д.И. Чижевский, как и его предшественники Я. Бурхардт, Г. Вёльфлин, Ф.И. Шмит, имел в виду не столько стиль в искусстве, сколько тип культуры, обусловленный онтологической парадигмой историко-культурной эпохи.

Культурологическая идея Д.И. Чижевского подкрепляется данными современной философии о закономерной смене «глобальных научных революций как смены типов рациональности», что, по мнению В.С. Стёпина, проявляется во взаимосвязи философской антропологии и философии науки [34. С. 618]: смена парадигм в философской антропологии неизбежно вызывает кардинальную трансформацию типов мироотношения, а значит, и дискурсов разных «типов рациональности».

А.М. Панченко, вслед за Д.С. Лихачёвым различая «первичные» и «вторичные» стили, «главные» и «относительные» движения в литературе, полагал, что в бинарных оппозициях стилей (например, готика/Ренессанс, барокко/классицизм, романтизм/реализм) первое («вторичный стиль») традиционно имеет пейоративный оттенок, а второе («первичный стиль») всегда окрашено положительно [33]. История литературы – это постоянная смена «реалистической» (материалистической) и «мистической (идеалистической) философско-онтологических основ художественных систем. Так, «идея человека» эпохи классического реализма (как западноевропейского, так и отечественного) формировалась с ориентацией на традиции философского материализма, а «идея человека» искусства модернизма, поддерживаемого традициями Ламберта, Канта, Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, Гуссерля, философского интуитивизма и символизма, – на константы «идеи», «логоса», «феномена», «сознания», «духа». Таким образом, общекультурное явление – чередование эстетических систем – возникает в результате «отрицания» одного художественно-познавательного цикла другим, опирающимся на противоположную философско-антропологическую традицию.

При смене эстетических приоритетов может происходить и своеобразная переакцентировка смыслов. В данном случае имеется в виду «главное и общее движение», «однонаправленное развитие, проходящее поверх всех смен стилей»; «относительное» же движение «внутри каждой пары» первичного и вторичного стилей [33. С. 168] почти «математическую» их смену столь явно не проявляет. На отдельных этапах развития ведущего литературного направления могут сосуществовать традиции предшествующих художественных методов и формироваться последующие. Д.И. Чижевский тоже вовсе не «выпрямлял» литературный процесс, предлагая «концепцию бесконечного взаимопереплетения и взаимопределения параллельных рядов... Бесконечно обедняет действительность любой монизм – материалистический или идеалистический, – писал он. – Жизнь бесконечно богата проявлениями, в которых нет начала и конца. Движение идёт не просто, а зигзагообразно, спиралевидно... Одни ряды отстают, другие их опережают, происходят

катастрофы и провалы, но развитие (не путать с прогрессом!) вечно» [35. С. 25].

Это особенно важно иметь в виду при изучении историко-литературной эпохи классического реализма. Реализм Гончарова или Лескова, например, невозможно трактовать с позиций «монизма». Игнорирование категории художественного метода, столь очевидное в современной науке о литературе, усугубляется при освещении проблем литературного процесса XIX в. и эстетики реализма. Как только из объекта научного внимания исчезает парадигматическая функция «идеи человека» («типа мироотношения») и не дооценивается, игнорируется «зигзагообразное, спиралевидное» литературное «движение», «взаимопереплетение материалистического и идеалистического», сразу же дискредитируется воззренческая, философско-эстетическая доминанта историко-литературной эпохи, т.е. та матрица, которая определяет специфику и границы реализма как художественно-познавательного цикла.

В постсоветский период в научной литературе неоднократно предпринимались попытки объявить научную категорию «творческий метод» схоластической по своей сути и, в частности, представить метод классического реализма как некий симулякр. Такая тенденция была намечена в книге В.В. Кожина «Размышления о русской литературе», который от оправданного отрицания термина «критический реализм» перешёл к отрицанию реализма как литературного направления и творческого метода, фиксируя в литературе второй половины XIX в. сосуществование разных эстетических систем («критического реализма», «сентиментального натурализма», «просветительского реализма», «романтизма» и т.д.) [36].

В монографии В.П. Руднева «Прочь от реальности» [37] эта тенденция проявилась уже в введении реализма XIX в. за рамки литературного процесса вообще. Уместно напомнить, что уже в конце собственной литературной деятельности Достоевский определял суть своего творчества как проявление «реализма в высшем смысле», Тургенев писал о том, что он «реалист по преимуществу» и т.д. Однако, изучая логику литературного развития этой историко-литературной эпохи, некоторые исследователи вынуждены приводить определённые аргументы для своего обращения к проблемам типологии реализма. «Несмотря на очевидную сегодня проблематичность понятия “реализм” в применении к русской классике XIX в., есть смысл сохранить этот термин, когда речь идет о становлении новых творческих писателей круга В.Г. Белинского...», – пишет например, Е.К. Созина в статье 1997 г. [38. С. 58].

Ситуация с рецепцией и интерпретацией классического реализма метода за последние двадцать лет после публикации указанной статьи практически не изменилась. Реализм как творческий метод и в XX в. был объектом научной полемики, в процессе которой конкретизировались вопросы его специфической художественно-познавательной природы и методологии её изучения. Так, одни исследователи акцентировали внимание на проблемах правдоподобия (Р.О. Якобсон, Д.Д. Благой и др.) или художественного де-

терминизма (Г.А. Гуковский, Л.Я. Гинзбург и др.), другие – на принципах объективного отражения действительности и жизни (Г.Н. Пospelов, М.Б. Храпченко, С.М. Петров, В.Д. Днепров и др.), третьи – на определяющей роли в них художественного социально-исторического анализа (В.М. Жирмунский, Б.Л. Сучков, М.Г. Зельдович и др.). Ю.М. Лотман, например, с «реалистической художественной системой» связывал множественность взаимопроектируемых точек зрения, которой объективируется идейно-художественное содержание при изображении действительности [39. С. 24]. Подчеркнём, что в данном случае речь идёт о реализме не как о «продукте определённой парадигмы мышления» исследователей [40. С. 61], а о специфике художественного мышления писателей культурно-исторической эпохи классического реализма.

За три почти десятилетия постсоветской истории теми, кто пытался обосновать «проблематичность понятия “реализм”», так и не была создана какая-либо альтернативная концепция, как не была выработана и философско-эстетическая парадигма анализа художественной системности классического реализма как литературного направления, что позволило бы чётко определить типологическое единство и динамическую целостность того историко-литературного периода, который преемственно сменил романтизм и предшествовал эпохе модернизма.

Классический реализм – динамичная, открытая эстетическая система, коррелирующая с другими художественными общностями, но синергетическая функция «идеи человека» определяет те историко-типологические черты, которые являются характерными для аксиологии творческого метода именно этого литературного направления. Тип «практически деятельного мироотношения» обусловил акцентировку внимания писателей на деятельностной природе и сущности личности, их понимание и освещение вопроса о пределах детерминированности судьбы и свободе воли человека. Типология конфликтов и сюжетно-композиционных структур их произведений определялась в этом случае ролью такого важнейшего идейно-эстетического критерия, как жизнедеятельность героя, одухотворяемая его внеличными целями. На этой основе персонажи оценивались по типу потребностей, мотивов и целей поведения. Осознание потребностей и целеполагание выступали в качестве базисных основ жизнедеятельности героя, при этом категории сознания и самосознания являлась не просто компонентом художественной характерологии, а ценностным критерием эстетической системы реализма [22. С. 90–92]. Закономерно, что при характеристике реализма в соответствии с воплощаемым в произведениях этого типа «“деятельно-практического” мироотношения» [12. С. 145] указывается прежде всего на то, что писатели «ставят в центр произведения человека и народ, личность и общество» [17. С. 50], показывают «человека социального» и т.д.

Таким образом, «идея человека» фиксирует доминантный «тип мироотношения», который очерчивает рамки «большого стиля», определяет целостность и логическую непротиворечивость художественной

системы конкретной литературной эпохи, типологию стилевого развития в рамках национальных литератур, характер изображения человека в художественном мире писателей, объединяемых творческим методом. Именно ею причинно обусловлены способы познания и ценностной интерпретации изображаемого, системность образных знаков, специфика художественного обобщения. «Идея человека» (тип мироотношения), с одной стороны, находится в корреляционных отношениях с философской мыслью данной эпохи, а с другой – определяет концепцию человека (человека и действительности) ведущего для литературного направления творческого метода. Создание синтетической истории искусств с единой типологией (истории литературы, в том числе) потому и ограничивалось отдельными «пробами» связи между мироощущением эпохи и её эстетическими системами, что законы художественных ритмов чаще всего пытались определять не в антропоцентрической парадигме (т.е. не на основе «идеи человека», «типа мироотношения»), а на «границах внутрихудожественного мира и мира ментальности данной эпохи» [41. С. 140]. На таких «границах» можно бесконечно долго искать «особую формулу каждой эпохи». «Идея человека» наполняет философско-эстетическим содержанием и смыслом такую «формулу».

Динамикой идеи человека в рамках одного художественно-познавательного цикла определяется диахрония жанровых систем. Например, в историко-литературной эпохе русского классического реализма на основе эволюции в изображении человека и действительности выделяются периоды «синкретического» реализма 1820–1830 гг., этап в развитии реализма 1840-х гг. (движение от механистического детерминизма к освоению противоречивой взаимосвязи человека и среды, личности и общества), период переключения художественного внимания со среды на внутренний мир героя в реализме 1850-х, расцвет метода в 1860–1880-е гг., кризис «позитивистского», ортодоксально-материалистического мировидения и формирование «идеи человека» модернизма («нового идеализма») в литературе 1890-х гг. Эволюция «идеи человека», изменения в художественно-философском сознании этой историко-литературной эпохи проявляются в доминировании эпоса как рода литературы, в динамике эпических жанров, в их влиянии на жанры лирические и драматические, в появлении предпосылок нового художественного синтеза (искусства модернизма).

В практике литературоведческих исследований порою отождествляется «идея человека» и жанровая «концепция человека», особенно в тех случаях, когда рассматриваются изменения в понимании человека в пределах одной историко-литературной эпохи. Но переменная, историческая величина – это именно «идея человека» («тип мироотношения»), а жанровая «концепция человека/личности», составляющая «ядро», «идею» того или иного литературного вида и определяющая его конструктивный принцип, – величина постоянная, устойчивая, типологическая, фиксируемая, по терминологии М.М. Бахтина, «архаикой жанра». Если «жанровая концепция челове-

ка/личности» обеспечивает типологическое, устойчивое в том или ином литературном виде (через систему «род – вид – жанр»), то «идея человека», опосредованная в эстетике художественного метода, – «динамически живое» в нём, историческое, изменяемое (через систему «метод – жанр – стиль»). Когда исследователи описывают «движение», «обновление» «концепции личности» в рамках одного этапа историко-литературного цикла, то в этом случае речь должна идти не о развитии философско-эстетической «идеи человека», т.е. не о методологических изменениях, а о внутренней эволюции идеи человека конкретного художественно-познавательного цикла, следовательно, и о динамике способов изображения отношений между человеком и действительностью в рамках одной «идеи человека».

«Идея человека» как категория историческая прорабатывается всеми жанрами одновременно; ею, в конечном счёте, обусловлены особенности художественного воплощения жанровой «концепции человека/личности» в литературных видах определённой историко-литературной эпохи, а также типологические черты художественно-философской антропологии писателей данного литературного направления на уровне понимания ими природы, сущности человека и воплощения этого понимания в творчестве. С одной стороны, важнейшим критерием жанровой типологии является константное изображение целостного бытия человека, т.е. «воплощение специфического “измерения”... сущности человека как единства индивидуального, социального и “родового”» [12. С. 74]. С другой – тип мироотношения («идея человека»), свойственный тому или иному художественно-познавательному циклу, предопределяет особенности художественной интерпретации целостного бытия человека, которые объективируются в «типе индивидуальности» каждого литературного героя.

Опора на традиции философии литературного жанра М.М. Бахтина позволяет усваивать лучшее в антропологической (не сциентистской) направленности теории жанра, согласно которой жанровую «концепцию человека/личности» можно рассматривать как жанрообуславливающий фактор, обеспечивающий самодостаточный познавательный потенциал каждого жанра [15]. Именно такая концепция определяет характер художественно-завершающего оформления действительности, способы, средства «понимающего овладения» действительностью, «степени широты охвата и глубины проникновения» в неё [42. С. 80]. «Идея человека» детерминирует (наряду с жанровой доминантой) жанрообразовательные процессы. Жанровые типы любого литературного направления (классицистическая трагедия, реалистическая повесть, постмодернистский роман и т.п.) фиксируют стадийный этап в эволюции жанров. Как категория исторической поэтики жанровый тип определяется на основе «снятия», во-первых, художественно-познавательных свойств, «повторяющихся» во всех образцах жанра и жанровых разновидностях, и, во-вторых, – особенностей изображения, причинно обусловленных творческим методом [23. С. 59–62].

Жанровые взаимодействия, благодаря структурообразующей роли «идеи человека» каждой историко-литературной эпохи, носят не эклектический характер, напротив, приобретают целесообразный (системный) вид. Жанры на любом этапе развития художественного сознания одновременно дифференцируются и взаимодействуют друг с другом, их перегруппировкой фиксируется динамика жанровой системы каждого художественно-познавательного цикла. В свою очередь границы доминантной «идеи человека» очерчиваются эволюцией системы жанров, поскольку жанрообразовательные процессы непосредственно реагируют на изменение «идеи человека», которая в ту или иную историко-литературную эпоху активизирует заложенные в них родовые и видовые потенциальные возможности. В историко-литературную эпоху классического реализма, например, наблюдается такая динамика жанровых систем, когда в роли «старших жанров» (Ю.Н. Тынянов) выступают: в 1830 г. – «синкретический» роман, в 1840-е – очерк – роман, в 1850-е – повесть – роман, в 1860–1870-е – роман – повесть; в 1880–1890-е – рассказ – повесть [15. С. 131]. Философская «идея человека», характерная для историко-литературной эпохи, причинно обуславливает доминирование жанров определенного литературного рода, расцвет и развитие тех из них, которые оказываются наиболее предрасположенными к адекватному воплощению собственно эстетических и внеэстетических законов эволюции этой идеи.

Трудно говорить о существенной философской, мировоззренческой трансформации «идеи человека»,

имея в виду один период развития литературы (культурно-историческую эпоху). Другое дело, что на данном этапе литературного процесса уже может формироваться новая «идея человека». В этом смысле можно говорить о движении концепции человека и действительности в контексте развития представлений о природе и сущности человека, эстетически воплощаемых в художественных произведениях данной историко-литературной эпохи. В этом случае происходит значительное (на воззренческом уровне) философско-эстетическое обновление «идеи человека», а следовательно, меняются способы художественного мировидения, в недрах одного художественно-познавательного цикла зарождается другой.

Подобной эволюцией объясняются взаимонаправленные процессы дифференциаций и интеграций жанров, трансформация жанровых систем, появление новых синтетических форм, жанровых рядов, филиаций, разновидностей, не характерных для литературы предшествующего времени, и т.д. Периодическая и устойчиво направленная смена философских доминант («идеи человека») вызывает перестройку художественных систем в целом. Если происходит значительное философско-эстетическое обновление «идеи человека», т.е. изменяется само понимание человека и его отношений с миром, происходит смена способов художественного мировидения в литературе, одна историко-литературная эпоха с её доминантным творческим методом «уступает место» другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Danto A. Philosophy as (and) of Literature // Post-Analytic Philosophy / Ed. by J. Rajchman and C. West (eds.) Post-Analytic Philosophy. N.Y. : Columbia University Press, 1985. P. 63–83.
2. Nussbaum M. The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics. Princeton University Press, 1996. 584 p.
3. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц. и вступ. ст. Н. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. 520 с.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003. 416 с.
5. Колесников А.С. Мировая философия в эпоху глобализации. Москва; Нью-Йорк; СПб. : Northem Gross Publishing, 2008. 434 с.
6. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. Вып. 3. С. 8–36.
7. Трубина Е.Г. Повествование и наука: от альтернативности к симбиозу // Альтернативные миры знания. СПб. : ПХГИ, 2000. С. 142–170.
8. Автономова Н.С. Философия и филология (О российских дискуссиях 90-х годов) // Логос. 2001. № 4. С. 91–105.
9. Mackey L. An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature. Lanham : University Press of America, 2002. 292 p.
10. Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. 548 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
12. Москвина Р.Р., Мокроносов Г.В. Человек как объект философии и литературы. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 202 с.
13. Пилошенко А.В. К вопросу о социально-философском содержании человеческого капитала личности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 64–67.
14. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1982. Т. 8. 784 с.
15. Головкин В.М. Герменевтика литературного жанра. 5-е изд. М. : Флинта; Наука, 2019. 184 с.
16. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 504 с.
17. Боров Ю.Б. Художественное направление – инвариант художественной концепции мира и личности // Теория литературы. Т. IV: Литературный процесс. М. : Наследие, 2001. С. 47–50.
18. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Самопознание. URL: <http://avidreaders.ru/read-book/metafizika-pola-i-lyubvi-samopoznanie-sbornik.html> (дата обращения: 08.01.2019).
19. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. URL: <https://unotices.com/book.php?id=45838&page=1> (дата обращения: 08.01.2019).
20. Шелер М. Человек и история. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwib_a_TvcvAhUJCwKXHV1ID2cQFjAAegQIABAC&url=https%3A%2F%2Ffigiti.hse.ru%2Fdata%2F987%2F313%2F1234%2F3_3_1S_chel.pdf&usq=AOvVaw0ihgfRmcXoG5_UFEeWswTG (дата обращения: 08.01.2019).
21. Зильберман Д.Б. Традиция идеи человека. URL: <http://www.fondgpr.ru/old/lib/mmk/188.html> (дата обращения: 31.08.2020).
22. Головкин В.М. Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. Москва; Ставрополь : Моск. гос. откр. пед. ун-т; Ставроп. гос. пед. ун-т, 1995. 439 с.
23. Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести. М. : Флинта; Наука, 2010. 280 с.
24. Головкин В.М. «Идея человека» как модус художественно-философского познания // Intuitus mentis русских писателей-классиков / под общ. ред. В.М. Головкин. Ставрополь : Изд-во СГУ; Мысль, 2010. С. 12–30.
25. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000376/st001.shtml> (дата обращения: 08.01.2019).

26. Генисаретский О.И. Совершенный человек: пространственность и событийность перфективного праксиса. URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/21> (дата обращения: 08.01.2019).
27. Мамардашвили М. Проблема человека в философии. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5481> (дата обращения: 08.01.2019).
28. Цыганова А.Ю. Идея человека в западноевропейской философии. URL: <http://www.dissercat.com/content/ideya-cheloveka-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii> (дата обращения: 10.01.2019).
29. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755> (дата обращения: 10.01.2019).
30. Попов А.А. Развитие онтологических представлений и идея человека. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=76&ved=0ahUKEwjO_5rc9f_bAhXL2ywkHb1PCnI4RhAWCEQwBQ&url=http%3A%2F%2Fopencu.ru%2Fuploads%2Frazvitiye-ontologicheskikh-predstavlenij_ispr.pdf&usq=AOvVaw2G9Y-tMCdGoRBeC9qtIBUn (дата обращения: 10.01.2019).
31. Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. 206 с.
32. Чижевський Д.І. Культурно-історичні епохи // Чижевський Дмитро. Українське літературне барокко: Вибр. праці з давньої л-ри. Київ: Обереги, 2003. С. 345–357.
33. Панченко А.М. «Великие стили»: терминология и оценка // Русская литература и культура Нового времени. СПб.: Наука, 1994. С. 166–177.
34. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
35. Чижевський Д. Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. Тернопіль, 1994. 480 с.
36. Кожин В.В. Размышления о русской литературе. М.: Современник, 1991. 524 с.
37. Руднев В.П. Прочь от реальности. М.: Аграф, 2000. 432 с.
38. Сокина Е.К. Антропологическая проблематика в литературе русского реализма 1840–1850-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 58–77.
39. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. URL: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf (дата обращения: 29.08.2020).
40. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–66.
41. Кривцун О.А. Эстетика. М.: Аспект Пресс, 1998. 430 с.
42. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928. 232 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 декабря 2019 г.

The “Idea of Human” Literary Category: Epistemological Potential

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 23–31.

DOI: 10.17223/15617793/464/3

Vyacheslav M. Golovko, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Keywords: idea of human; type of attitude to world; artistic and cognitive cycle; literary direction; artistic method; “big style”; system of genres.

The “idea of human” (“type of attitude to the world”) is considered as a relevant category of the conceptual apparatus of the modern science of literature. The aim of the work is to analyze the theoretical and methodological potential of this category on the basis of large typological units of the literary process, marked with the concepts of “historical and literary era”, “artistic and cognitive cycle”, “literary direction”, “big style”, “artistic method”. The research used the methods of a typological and complex study of literary works, which in the synthesis of literary criticism and philosophy determine the strategy of searches in the field of theoretical and methodological content of the “idea of human” category as the foundation of the literary and philosophical anthropology of cultural and historical eras. The historical and genetic links between the worldview aesthetic principles and the artistic practice of literary trends are problematized. The logic of the research reveals the concept “object – knowledge”, fundamental for epistemology, in the aspects of the structuring of the knowledge of the methodological semantics of the “idea of human” category and of the functioning of the definitions “generalized idea of human”, “type of attitude to the world”, “concept of human and reality”, “whole of human”, “human as a value”. The article shows that the “idea of human” as a philosophical and aesthetic interpretation of the nature and essence of human at a certain stage in the development of artistic consciousness, worked out by the whole culture (R.R. Moskvina, G.V. Mokronosov) and defining integrity and logical consistency of the artistic system, is a synergistically functional semantic core of the historical and cultural era, and this core contains the dialectical potential of “negation of the negation”. As a variable, the historical “idea of human”, in the perspective of the stage development of artistic consciousness, undergoes dramatic changes and is realized in the logic of the successive change of historical and cultural epochs and their philosophical paradigms, in the constant alternation of “realistic” and “mystical”, materialistic and idealistic methods of cognition and images of human and the world (D.I. Chizhevsky, A.M. Panchenko, and others). The conclusions are substantiated that the successive development of literary trends, creative methods and their axiological systems is conditioned by the dynamics of “types of attitude to the world”; that the functioning of the “idea of human” category in literary discourse is focused on argumentation of the ontological nature of fiction, on the identification of philosophical and aesthetic principles that determine the systematic nature and the successive change of artistic and cognitive cycles; that the evolution of the “idea of human” within the framework of one artistic and cognitive cycle is fixed by the dynamics of genre systems since, in the correlations of method, genre and style, “the idea of human” acts as a factor in genre formation.

REFERENCES

1. Danto, A. (1985) Philosophy as (and) of Literature. In: Rajchman, J. & West C. (eds.) *Post-Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press. pp. 63–83.
2. Nussbaum, M. (1996) *The Therapy of Desire: Theory and Practice in Hellenistic Ethics*. Princeton University Press.
3. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
4. Habermas, J. (2003) *Filosofski diskurs o moderne* [Philosophical Discourse about Modernity]. Translated from German by M.M. Belyaev et al. Moscow: Ves' mir.
5. Kolesnikov, A.S. (2008) *Mirovaya filozofiya v epokhu globalizatsii* [World Philosophy in the Era of Globalization]. Moscow; New York; Saint Petersburg: Northem Gross Publishing.

6. Kolesnikov, A.S. (2000) *Filosofiya i literatura: sovremennyy diskurs* [Philosophy and Literature: Contemporary Discourse]. In: Kolesnikova, I.A. (ed.) *Istoriya filosofii, kul'tura i mirovozzrenie* [History of Philosophy, Culture and World Outlook]. 3. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. pp. 8–36.
7. Trubina, E.G. (2000) *Povestvovanie i nauka: ot al'ternativnosti k simbiozu* [Narration and science: from alternative to symbiosis]. In: Porus, V.N. & Chertkov, E.L. (eds) *Al'ternativnye miry znaniya* [Alternative Worlds of Knowledge]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 142–170.
8. Avtonomova, N.S. (2001) *Filosofiya i filologiya (O rossiyskikh diskussiyakh 90-kh godov)* [Philosophy and philology (on Russian discussions of the 1990s)]. *Logos*. 4. pp. 91–105.
9. Mackey, L. (2002) *An Ancient Quarrel Continued: The Troubled Marriage of Philosophy and Literature*. Lanham: University Press of America.
10. Smirnov, I.P. (ed.) (2001) *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dney: Antologiya* [German Philosophical Literary Criticism of Our Day: Anthology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
11. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
12. Moskvina, R.R. & Mokronosov, G.V. (1987) *Chelovek kak ob'ekt filosofii i literatury* [A Human as an Object of Philosophy and Literature]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Pilyushenko, A.V. (2018) On the sociophilosophical concept of an individual's human capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 430. pp. 64–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/430/9
14. Belinskiy, V.G. (1982) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Golovko, V.M. (2019) *Germenevtika literaturnogo zhanra* [The Hermeneutics of the Literary Genre]. 5th ed. Moscow: Flinta; Nauka.
16. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Borev, Yu.B. (2001) *Khudozhestvennoe napravlenie – invariant khudozhestvennoy kontseptsii mira i lichnosti* [Art movement – an invariant of the artistic concept of the world and personality]. In: Borev, Yu.B. (ed.) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. IV. Moscow: Nasledie. pp. 47–50.
18. Berdyaev, N.A. (2006) *Metafizika pola i lyubvi. Samopoznanie* [Metaphysics of Sex and Love. Self-knowledge]. [Online] Available from: <http://avidreaders.ru/read-book/metafizika-pola-i-lyubvi-samopoznanie-sbornik.html>. (Accessed: 08.01.2019).
19. Foucault, M. (n.d.) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. [Online] Available from: <https://unotices.com/book.php?id=45838&page=1>. (Accessed: 08.01.2019).
20. Scheler, M. (1993) *Chelovek i istoriya* [Man and History]. Translated from German by T.I. Dudnikova. Thesis. 3. [Online] Available from: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf. (Accessed: 08.01.2019).
21. Zil'berman, D.B. (2015) *Traditsiya idei cheloveka* [The Tradition of the Idea of Man]. *Nekommercheskiy nauchnyy Fond "Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo"* [Non-profit Scientific Foundation "Shchedrovitsky Institute for Development"]. [Online] Available from: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/188.html>. (Accessed: 31.08.2020).
22. Golovko, V.M. (1995) *Russkaya realisticheskaya povest': germenevtika i tipologiya zhanra* [Russian Realistic Short Novel: Hermeneutics and typology of the genre]. Moscow; Stavropol: Moscow State Open Pedagogical University; Stavropol State Pedagogical University.
23. Golovko, V.M. (2010) *Istoricheskaya poetika russkoy klassicheskoy povesti* [Historical Poetics of the Russian Classical Short Novel]. Moscow: Flinta; Nauka.
24. Golovko, V.M. (2010) "Ideya cheloveka" kak modus khudozhestvenno-filosofskogo poznaniya ["The Idea of Man" as a Mode of Artistic and Philosophical Knowledge]. In: Golovko, V.M. (ed.) *Intuitus mentis russkikh pisateley-klassikov* [Intuitus mentis of Russian classic writers]. Stavropol: Stavropol State University; Mysl'. pp. 12–30.
25. Buber, M. (1995) *Ya i Ty* [Me and You]. [Online] Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000376/st001.shtml>. (Accessed: 08.01.2019).
26. Genisaretskiy, O.I. (1997) *Sovershennoy chelovek: prostranstvennost' i sobyitiynost' perfektnogo praksisa* [Perfect Man: Spatiality and eventfulness of perfect praxis]. [Online] Available from: <http://prometa.ru/olegen/publications/21>. (Accessed: 08.01.2019).
27. Mamardashvili, M.K. (2007) *Problema cheloveka v filosofii* [The problem of man in philosophy]. *Gumanitarnyy portal* [Humanitarian Website]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5481>. (Accessed: 08.01.2019).
28. Tsygonyayeva, A.Yu. (2011) *Ideya cheloveka v zapadnoevropeyskoy filosofii* [The Idea of Man in Western European Philosophy]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg. [Online] Available from: <http://www.disscat.com/content/ideya-cheloveka-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii>. (Accessed: 10.01.2019).
29. Genisaretskiy, O.I. (2006) *Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva* [Cultural and anthropological perspective]. *Gumanitarnyy portal* [Humanitarian Website]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2755>. (Accessed: 10.01.2019).
30. Popov, A.A. (1995) *Razvitie ontologicheskikh predstavleniy i ideya cheloveka* [Development of Ontological Concepts and the Idea of Man]. [Online] Available from: http://opencu.ru/uploads/razvitie-ontologicheskikh-predstavlenij_ispr.pdf. (Accessed: 10.01.2019).
31. Likhachev, D.S. (1998) *Razvitie russkoy literatury X–XVII vv.: epokhi i stili* [The Development of Russian Literature in the 10th – 17th Centuries: Epochs and styles]. 3d ed. Saint Petersburg: Nauka.
32. Chizhevskiy, D.I. (2003) *Ukrains'ke literaturne barokko: Vibr. pratsi z davn'oi l-ri* [Ukrainian Literary Baroque: Selected works from ancient literature]. Kyiv: Oberegi. pp. 345–357.
33. Panchenko, A.M. (1994) "Velikie stili": terminologiya i otsenka ["Great Styles": Terminology and Evaluation]. In: *Russkaya literatura i kul'tura Novogo vremeni* [Russian Literature and Culture of the Modern Age]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 166–177.
34. Stepin, V.S. (2003) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
35. Chizhevskiy, D. (1994) *Istoriya ukrainskoi literaturi. Vid pochatkiv do dobi realizmu* [History of Ukrainian Literature. From the beginning to the era of realism]. Ternopil: Femina.
36. Kozhinov, V.V. (1991) *Razmyshleniya o russkoy literature* [Reflections on Russian literature]. Moscow: Sovremennik.
37. Rudnev, V.P. (2000) *Proch' ot real'nosti* [Away from Reality]. Moscow: Agraf.
38. Sozina, E.K. (1997) *Antropologicheskaya problematika v literature russkogo realizma 1840–1850-kh gg.* [Anthropological Problems in the Literature of Russian Realism in the 1840s – 1850s.]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 58–77.
39. Lotman, Yu.M. (n.d.) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. [Online] Available from: https://adview.ru/wp-content/uploads/2015/09/Yu_M_Lotman_Struktura_Teksta.pdf. (Accessed: 29.08.2020).
40. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu. M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–66. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
41. Krivtsun, O.A. (1998) *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Aspekt Press.
42. Medvedev, P.N. [Bakhtin, M.M.] (1928) *Formal'nyy metod v literaturovedenii: Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poetiku* [Formal Method in Literary Criticism: A critical introduction to sociological poetics]. Leningrad: Priboy.

Received: 08 December 2019

Т.В. Коротченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: АМЕРИКАНСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
«Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского», № 18-012-90020\20*

Выявлены этапы и направления «политической» рецепции творчества Ф.М. Достоевского в США XX–XXI вв. Прослежена эволюция осмысления исследователями политической проблематики: от анализа художественного воплощения политических взглядов Достоевского (1950–1960-е гг.), обращения к публицистике (1970–1980-е гг.) до синтеза эстетических принципов писателя с его религиозными и политическими размышлениями (2000–2010-е гг.), что определяется литературным процессом в Америке и политическими отношениями между странами.

Ключевые слова: рецепция Ф.М. Достоевского в США; политика; диалог культур.

Творчество Ф.М. Достоевского давно вышло за рамки национальной литературы и в полной мере стало фактом мировой культуры. Интерес к личности и к творческому наследию писателя не ослабевает на протяжении всего XX в. и сохраняется по настоящий момент, о чем свидетельствует появление как новых переводов художественных произведений писателя, так и работ, посвященных вопросам изучения творчества писателя и его рецепции.

Литературная репутация Достоевского за рубежом формировалась по-разному в зависимости от особенностей культурно-исторической парадигмы, литературного процесса воспринимающей страны, а также переводческого осмысления произведений писателя. В США интерес к творчеству русского писателя как со стороны читательской аудитории, так и научной мысли возник только в середине 1940-х гг., в то время как в европейских странах так называемый культ Достоевского приходится на начало XX в. Возможно, именно поэтому американское литературоведение изучает творчество Достоевского с учетом сложившихся традиций в европейском и российском достоевковедении. В этом контексте обращение к исследованию опыта американского достоевковедения, объединяющего разные подходы и тенденции к изучению творчества писателя, представляется крайне актуальным.

К проблеме осмысления рецепции творчества Достоевского в США обращались как в отечественном, так и зарубежном литературоведении. Среди российских исследователей стоит упомянуть работы Т.Л. Мотылевой [1], А.Л. Григорьева [2], А.Н. Николюкина [3], диссертационные исследования Н.Б. Мединской [4] и И.В. Львовой [5]. На основе различного фактического материала исследователи анализируют влияние творчества Достоевского на американских писателей, выявляют основные методологические позиции в американском достоевковедении. В США среди работ, посвященных изучению осмысления творчества Достоевского, стоит назвать книги Х. Мачник. «Английская репутация Достоевского» [6] и Д. Брюстер «Восточно-западные связи» [7]. Обе исследовательницы обращаются к изучению вопросов восприятия творчества Достоевского в Ан-

глии и США в первой половине XX в., анализируют причины и особенности интереса к наследию русского писателя, прослеживают историю русско-американских культурных связей.

Несмотря на наличие работ, посвященных анализу восприятия творчества Достоевского в США, вопросы, связанные с исследованием обращения литературоведов к политическим размышлениям писателя, не получили должного освещения в современном достоевковедении. Отметим, что политические взгляды Достоевского, их своеобразие не раз становились предметом обсуждения филологов, историков и политологов. Среди современных авторов, которые обращаются к анализу творчества писателя в аспекте сближения филологии и политологии, можно назвать труды Е.Г. Новиковой [8], А.И. и Н.Г. Щербининых [9], М.В. Михновец [10], М.В. Подрезова [11] и многих других. Однако на сегодняшний день не существует специального исследования, посвященного изучению эволюции восприятия Достоевского как политического мыслителя.

Целью данной работы является изучение на материалах работ американских исследователей особенностей репутации Достоевского как политического мыслителя. В частности, предпринимается попытка показать эволюцию репутации Достоевского-политика, сформировавшейся в рамках научного американского дискурса. Вне поля исследовательского интереса остались работы, посвященные анализу художественного мира произведений русского писателя. Изучение иноязычной научной рецепции творчества Достоевского позволяет не только выявить те предпосылки в его творчестве и особенности его восприятия, которые сформировали определенный портрет Достоевского как политического мыслителя в США, но и раскрыть механизмы диалога двух культур. Настоящее исследование выполнено на основе следующих подходов: типологический, позволяющий выделить основные направления в американском достоевковедении, и компаративистский, в рамках которого привлекаемый для анализа материал рассматривался в сравнительно-историческом и сравнительно-культурном аспектах. Важной методологической основой также послужили работы Ю.М. Лотмана «Семиотиче-

ское пространство» [12] и «Механизмы диалога» [13]. Периоды в рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте рассматриваются как «партии в диалоге» русской и американской культур, которые вписываются не только в литературно-культурное семиотическое пространство, но и широкий политический контекст.

Анализ восприятия творчества Достоевского в США демонстрирует изменение фокуса внимания литературоведов. В США интерес к творчеству Достоевского возник намного позже, чем в Европе. При этом, как и в европейских странах, Достоевского в большей степени рассматривали выразителем русской души, психологом и пророком, обладающим мистической способностью обнажать самые сокровенные тайны человеческой природы. Однако в отличие от Европы, где начало XX в. принято называть временем «культа Достоевского», американская культура, в которой все еще господствовала «традиция благопристойности», демонстрировала сдержанное отношение к творчеству русского писателя.

Новый этап в осмыслении творчества Достоевского начинается приблизительно в середине XX в. В центре внимания исследователей находится художественный мир писателя, своеобразие поэтики его произведений. В США открываются центры по изучению русского языка и русской литературы, а также творчества Достоевского. Свидетельством нарастающего интереса к личности писателя и популяризации его творческого наследия является появление новых переводов произведений.

В конце XX в. начинается третий этап в изучении творчества Достоевского. На фоне большого многообразия применяемых методов и подходов к анализу произведений русского писателя можно говорить о широком распространении методологии М.М. Бахтина и таких ее ключевых идей, как полифония, диалог и двуголосое слово. При этом внимание исследователей к проблемам поэтики и своеобразию художественного мира Достоевского сочетается в американском литературоведении с изучением идеологической стороны его произведений, интересом к христианскому мировоззрению писателя.

Несмотря на смену исследовательских доминант, стоит подчеркнуть тот факт, что внимание к политической проблематике, хоть и в разной степени, но сохраняется на всех этапах американской рецепции творчества Достоевского. Это подчеркивает важность данного аспекта в литературном портрете писателя создаваемом в американской культуре, и определяет, необходимость исследования эволюции восприятия творчества писателя в заданной парадигме.

Первые высказывания исследователей относительно политических воззрений Достоевского можно отнести к 1915 г., когда в американском журнале «Нью Репабикан» выходит ряд статей, авторы которых попытались дать характеристику политической сути Российской империи, выявить особенности национального русского характера. В январском выпуске журнала публикуется сразу две статьи: «Славянская мечта» (здесь и далее перевод мой. – Т.К.) [14], автором которой является Г.Н. Брейлсфорд, и

«Варвары» Р. Уэст. [15]. В данных статьях авторы пытались объяснить политические установки Российской империи через анализ ее духовных и политических лидеров. Г.Н. Брейлсфорд рассматривает российский панславизм с отсылкой к фигуре К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода. Р. Уэст из всех известных людей XIX в. выделяет Достоевского как ключевую фигуру, определяющую своеобразие русского характера.

В мартовском выпуске журнала того же года в полемике о миссии России на мировой политической арене и сути русского характера включается Дж. Цейтлин. В статье «Достоевский-реакционер» [16] он обращается к анализу политических воззрений обер-прокурора Победоносцева и Достоевского, транслируемых в своих художественных произведениях. По мнению Д.Ж. Цейтлина, в самих размышлениях писателя о судьбе России, ее мессианском предназначении нет ничего угрожающего для других наций и мироустройства в целом, однако, если учесть «его (Достоевского) способность воодушевлять молодое поколение мессианскими идеями» [16. Р. 177], творческое наследие писателя может быть легко использовано в качестве манипулятивного инструмента воздействия на сознание русских людей с целью воспитания, с одной стороны, покорности власти, с другой – чувства собственной значимости, позволяющего стране захватывать новые территории, прикрываясь благородными идеями о всеобщем братстве. Едва ли статью Дж. Цейтлина можно рассматривать как полномасштабное литературоведческое исследование политической проблематики в творчестве Достоевского. Однако автору, на наш взгляд, удалось предвосхитить или в какой-то мере определить основные направления, в рамках которых в дальнейшем будет формироваться политический портрет Достоевского в американском научном дискурсе.

Первое направление включает исследования, отличительной чертой которых является установка на абсолютное взаимопроникновение политики и литературы в русской культуре. Такое восприятие русской литературы обусловлено самой спецификой российской действительности. Цензурная политика царской России, которая в середине XIX в. стала «атрибутом тиранического режима» [17. С. 215], во многом определила отношение русской интеллигенции к художественному слову. Художественная литература, и прежде всего роман, становится средством обличения современного политического устройства, обнажения существующих проблем и выражения альтернативных решений. При этом в исследованиях американских литературоведов, выполненных в рамках обозначенного направления, стоит выделить две категории работ, посвященных анализу творчества Достоевского в политическом аспекте. К первой категории можно отнести работы, в которых исследователи осознанно подчеркивают синкретизм российского социума, где невозможно и не следует разделять политику, религию и культуру, в частности литературу, поэтому анализ художественного произведения, по их мнению, в первую очередь должен вскрывать особенности взаимодействия социально-политических реалий и худо-

жественного слова. Ко второй категории стоит отнести работы, авторы которых не писали напрямую о связи русской литературы и политики как о ее определяющей черте, но при этом выбор приемов интерпретации художественных произведений писателя во многом обусловлен ориентацией на социально-политический контекст. В целом, в рамках данного направления, стоит прежде всего упомянуть работу И. Хоу «Достоевский: политика спасения» (1955 г.) [18]. Анализ политических взглядов писателя в данной работе предваряется описанием особенностей русской культуры и литературы, в частности, исследователь определяет отличие западного романа от русского, которое заключается в том, что «романное слово на Западе рассматривается, прежде всего, с художественной точки зрения, а в России оно приобретает пророческий пафос» [18. Р. 42]. О взаимопроникновении литературы и политики как об определяющей особенности русского социума писал Г. Кокс: «Национальная литература может дать ценные представления о специфике моделей поведения не только отдельных граждан, но и определенных групп и политических институтов. Это особенно актуально, когда речь идет о такой стране, как Советский Союз, где литература, политика и национальное самосознание тесно взаимосвязаны» [19. Р. 88].

В рамках второго направления американские исследователи рассматривают политические воззрения Достоевского с точки зрения империализма России, национализма и ее мессианской роли в судьбе человечества. Несмотря на очевидную неразрывность политики и литературы, принципиальным отличием данного направления можно считать следующее: вписывая произведения Достоевского в социополитический и исторический контексты, авторы работ приходят к резко негативной оценке русского национального характера, политической роли России и творчества Достоевского в целом, усиливая тем самым русофобские настроения в западной культуре. Наиболее яркими исследованиями в рамках данного направления можно назвать статьи Дж. Ф. Мэтлока «Литература и политика: влияние Федора Достоевского» (1979 г.) [20], Г. Кокса «Психология Достоевского и культурно-политическая идентичность России» (1984 г.) [19]. На основе анализа романов «Бесы» и «Братья Карамазовы», публицистического наследия писателя, а также работ В.В. Розанова и американского исследователя Э. Сэндоза, Дж.Ф. Мэтлок, в будущем посол Соединенных Штатов в СССР, предпринимает попытку сформулировать политическую философию Достоевского, вычленив истинно его точку зрения. Рассматривая «Легенду о Великом инквизиторе» как квинтэссенцию политической философии писателя, Мэтлок, по сути, обвиняет романиста в несоответствии описанной в «Легенде» концепции мироустройства с его политическими размышлениями, представленными в «Дневнике писателя». Опора на отдельные высказывания Достоевского, рассматриваемые вне целостной этико-исторической системы координат писателя, приводит к однобокому восприятию Достоевского-политика, пропагандирующего, по мнению исследователя, исключительность русского народа и право-

славия и поддерживающего военное решение социальных проблем. Основная идея работы Г. Кокса заключается в том, что в психологическом портрете литературного героя произведений Достоевского можно найти те национальные черты, которые объясняют особенности поведения России на мировой политической арене, начиная со времен Крещения Руси и заканчивая эпохой Советского Союза. Автор последовательно доказывает, что закомплексованность, отсутствие уверенности в себе и национальной самоидентификации являются основными чертами протагониста Достоевского. Проблема самоидентичности, по мнению автора, приводит, во-первых, к отрицанию всего «чужого», во-вторых, к «демонстративному самобичеванию или, наоборот, самовозвеличиванию» [19. Р. 88]. Выявленные особенности характера героя Достоевского являются доминантными чертами русского национального характера, что и обуславливает специфику как внутренней политики страны (включая отношения в семье, народа и правительства), так и ее внешнеполитической стратегии, которая всегда определяется либо «напористостью» [19. Р. 91] и национализмом, либо «склонностью к подчинению» [19. Р. 92] и подражанию.

С точки зрения хронологии, на наш взгляд, можно выделить четыре основных этапа в формировании портрета Достоевского-политика в американском научном дискурсе. Критериями для выделения периодов в осмыслении творческого наследия Достоевского стали, во-первых, интенсивность интереса к политической проблематике в творчестве писателя (а именно количество опубликованных работ), во-вторых, появление новых ракурсов исследования и, наконец, изменения в культурно-политических отношениях между Россией и Западом.

Первые серьезные исследования, направленные на изучение политических воззрений Достоевского, появились в 1950–1960-е гг. Несмотря на небольшое количество опубликованных в данный период работ, можно утверждать, что в середине столетия в Америке начинается новый этап в осмыслении политической проблематики в творчестве писателя. В 1955 г. в свет выходит статья И. Хоу «Достоевский: политика Спасения» [18], которая, с одной стороны, знаменует начало нового периода в политическом осмыслении творчества Достоевского, с другой стороны, закрепляет в литературоведческой американской мысли ранее намеченную Дж. Цейтлином тенденцию к рассмотрению в неразрывной связи политики государства и литературы. Однако в осмыслении И. Хоу такая связь политики и литературы осложняется наличием третьей составляющей – религии. По мнению автора, политические размышления Достоевского напрямую связаны с его духовными поисками, с попыткой объяснить несовершенства человеческой природы, с опасением, что интеллигенция, «выйдя из-под контроля христианства и отстраняясь от сердечности русского народа, может совершить ужасные поступки ради удовлетворения собственного тщеславия» [18. Р. 46]. Произведения Достоевского нельзя рассматривать только в политическом аспекте или только в религиозном ключе, такой подход «неизбежно будет

обеднять духовные поиски писателя» [18. Р. 51]. На основе подробного анализа общественно-политической ситуации, сложившейся в России в середине XIX в., а также детального анализа романа «Бесы», И. Хоу формулирует одну из главных особенностей Достоевского как политического мыслителя, которая заключается в объединении идей панславизма, радикализма и православия. Стоит заметить, что, начиная с работы И. Хоу, в дальнейшем политическая мысль Достоевского (за исключением редких случаев) будет рассматриваться в неразрывности с религиозными взглядами писателя.

В 1963 г. Дж. Франк публикует статью «Достоевский: встреча с Европой» [21]. Как и И. Хоу, Дж. Франк не отделяет политические размышления писателя от его религиозных воззрений. Проводя параллели и системные связи между «Зимними заметками о летних впечатлениях» и «Записками из подполья», автор на примере анализа образов «муравейника» и «хрустального дворца», размышлений Достоевского о свободе и социальном счастье приходит к заключению, что «уже в “Зимних заметках” кроются ответы на многие “тайны” социально-политических воззрений писателя» [21. Р. 251], одна из которых заключается в том, что, по мнению Достоевского, «будущее не за Западом, а за Россией, однако только в том случае, если она сохранит истинный христианский характер коммуны (общества) и не будет создавать новую» [21. Р. 250].

Очевидно, что основным материалом для изучения социально-политической проблематики творчества Достоевского становятся его художественные произведения. Никто из авторов представленных работ не обращается для подтверждения собственных концепций к анализу «Дневника писателя», писем Достоевского, несмотря на то что первый перевод «Дневника» на английский язык был опубликован еще в 1949 г. Возможно, игнорирование публицистического наследия писателя связано с основной задачей, поставленной в этот период западным достоевведением, а именно выявить художественное своеобразие творческого метода писателя. В подтверждение этой мысли показательными можно считать работы Р. Фюлепа-Миллера «Литературная репутация Достоевского» (1951 г.) [22] и Э. Симмонса «Достоевский: становление романиста» (1940 г.) [23], где исследователи особенно отмечают «новый реализм» Достоевского [22] и значимость его художественных достижений для мировой литературы.

Очевидная ориентация исследователей на эстетическую сторону творчества писателя, возможно, продиктована и историко-политическими обстоятельствами. В конце 1920-х гг. США переживает крупнейший в истории страны экономический кризис, который заставил американское общество обратиться к поиску другого порядка жизни. В этом аспекте положительный опыт плановой экономики СССР становится для США ориентиром в определении нового курса. Неслучайно А. Эткинд в книге «Россия и Америка в трагедиях и интертекстах» обозначает 1930-е гг. как период подражания США России [24]. Используя терминологию исследователя, можно говорить о том, что США в

диалоге с Россией, которая представляется «образом Другого», в этот период использует схему «ассимиляции», которая чаще «вызывает скуку» [24. С. 8], чем недоверие и напряжение. Позволим здесь процитировать фрагмент из беседы И.В. Львовой с профессором американского университета Д. Райсом, в которой последний в качестве основной причины популярности Достоевского в США обозначил страх: «Когда нечто происходит в России и Запад чувствует угрозу для себя, то он обращается к Достоевскому, чтобы понять Россию» [5. С. 17]. В этой связи закономерным выглядит отсутствие большого количества работ, посвященных исследованию политических взглядов Достоевского в период ориентации США на экономический и культурный опыт СССР, однако ситуация начинает постепенно меняться после окончания Второй мировой войны, с ростом авторитета СССР и началом холодной войны. Указанные события побуждали американских исследователей обратиться к социально-политической проблематике творчества Достоевского. В этом отношении показательно следующее утверждение: «Перемены в политике стали одним из определяющих факторов в знакомстве Запада и Америки с русской литературой и творчеством Достоевского, в частности. Изменения в репутации Достоевского во многом связаны с политическим климатом и характером русско-американских отношений» [5. С. 17].

Робкое внимание исследователей к политической проблематике творчества Достоевского в середине столетия сменяется в последующий период – 1970–1980-е гг. Среди большого корпуса работ можно выделить несколько доминирующих направлений. Прежде всего большое количество исследователей рассматривает политические воззрения писателя в тесной взаимосвязи социума и религии, при этом в большей мере своеобразие Достоевского-политика видится в его религиозных убеждениях. В этом аспекте стоит прежде всего упомянуть труд Р. Бэлнепа. «Националистическая идеология и риторика Достоевского» (1972 г.) [25], а также работы Э. Сандоза «Политический апокалипсис: анализ поэмы “Великий инквизитор” Достоевского» (1971 г.) [26] и «Философский подтекст политики Достоевского» (1978 г.) [27]. Обращаясь к анализу как художественных, так и публицистических произведений Достоевского, Э. Сандоз делает вывод о том, что в миропонимании писателя любая политическая теория теряет всякий смысл, если в ее основе лежат только рациональные начала, другими словами, любая политическая теория должна быть ориентирована на поиск истины. Исследователь пишет, что все «великие романы (Достоевского) были написаны с целью изменить человеческие жизни, кардинально поменять суть существования человека, сориентировав его в направлении божественной истины» [27. Р. 668]. Таким образом, политические размышления писателя, по мнению исследователя, выходят за рамки эмпирического познания действительности. Интересным также видится и то, как Э. Сандоз закачивает одну из своих работ: исследователь приводит цитату из произведения А.И. Солженицына о том, что «...большой писатель в стране – это ...как бы вто-

рое правительство» [27. Р. 674]. Выбор такой цитаты в качестве заключительной фразы исследования о политической философии Достоевского еще раз подчеркивает неразрывность русской литературы и политики в восприятии американских литературоведов.

Статья Д. Уолша «Открытие Ф.М. Достоевским христианских основ политики» (1986 г.) [28] написана в аналогичном ключе. Автор показывает, что в миропонимании Достоевского вне человека не может быть социума и истории (все, что происходит в рамках человеческой души, экстраполируется в социум и определяет его политическое устройство), а основная проблема современных ему политических движений заключается в «отсутствии в них Христовой любви как единственной движущей и объединяющей» [28. Р. 49].

Рассмотрение политических взглядов Достоевского в аспекте его религиозного мировоззрения неизбежно актуализировало в исследованиях тему противостояния православия и католицизма в творческом наследии писателя. В этом ключе к анализу произведений Достоевского обращались такие авторы, как Б.К. Ворд «Критика Запада Достоевским: в поисках рая на земле» (1986 г.) [29] и Д. Диэршорл «Ф.М. Достоевский и католическая церковь» (1986 г.) [30]. Исходя из представления Достоевского о неразрывной связи государства и церкви, Б.К. Ворд обращается к анализу размышлений писателя о социальном счастье и социальной гармонии и приходит к выводу, что в мировоззрении Достоевского русское православие предстает как возможность сохранения и преумножения личной свободы человека, в свою очередь, католицизм нацелен на лишение человека свободы. Д. Диэршорл анализирует причины формирования неприязненного отношения в русском обществе к католической церкви, которое, как показывает исследователь, сложилось задолго до рождения Достоевского и сохранялось в XX в. Показательно, что обращение к фигуре Достоевского, привлечение его размышлений о католицизме как на художественном, так и публицистическом материале, исследователь объясняет самим феноменом Достоевского, который, по его мнению, «стал единственным русским писателем, так яростно отстаивающим интересы родной страны» [30. Р. xiii].

Абсолютно новым направлением в изучении политических взглядов писателя становится обращение исследователей к теме Востока. Одной из первых работ по данной проблематике стала статья М. Футрелла «Достоевский и ислам (а также Чокан Валиханов)» (1979 г.) [31]. Обращаясь к анализу писем, обширного художественного материала, автор статьи исследует явные и скрытые отсылки к мусульманской культуре, в частности Корану и образу Пророка Мухаммеда. Особое внимание уделяется личности Чокана Чингисовича Валиханова, событиям, которые побудили писателя обратиться к мусульманскому Востоку, а также источникам, из которых Достоевский черпал знания о мусульманской культуре. В своей следующей работе «Буддизм и Братья Карамазовы» (1981 г.) [32] М. Футрелл исследует философию старца Зосимы в контексте буддизма, выявляет параллели между теориями дзен-буддизма, Махаяны, тибетского буддизма и идеями старца Зосимы о всеобщей ответ-

ственности, объединении людей и рае на земле. В данном направлении также размышляли такие исследователи, как Дж. Райс «Родственник Мухаммеда или целительное безумие» (1985 г.) [33] и К. Сахни «Восточные фантомы: взгляды Ф.М. Достоевского на Восток» (1986 г.) [34]. На основе анализа художественных текстов Достоевского К. Сахни выявляет эволюцию политических взглядов писателя от нейтральной оценки до ненависти ко всему мусульманскому миру, вслед за Дж. Мэтлоком исследователь отмечает противоречия между высказываниями героев о Востоке и собственными размышлениями писателя, представленными в «Дневнике писателя», в котором Достоевский предстает как «ярый националист» [34. Р. 42], религиозный фанатик, «испытывающий ненависть ко всем народам Востока», «выступающий за колониальную экспансию России» [34. Р. 41].

Достаточно проблематично абсолютно четко обозначить даты начала или окончания того или иного периода. Безусловно, рост интереса к творчеству и фигуре Достоевского начался еще до 1970-х гг. Так, в 1963 г. Х.Т. Мур отмечал огромную популярность писателя, в том числе вне академических кругов Америки: «Достоевский процветает в Америке мыльных опер, футбольных праздников и мюзиклов <...> Достоевский широко изучается в американских колледжах, четыре его романа признаны величайшими: “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Братья Карамазовы”» [35. Р. VI]. В контексте взаимодействия культур периоду активного транслирования новых текстов, в нашем случае исследований, посвященных изучению творчества Достоевского в политическом аспекте, должен предшествовать период насыщения новой информацией, период активного осмысления культурой нового инокультурного семиотического материала. Так, постепенное встраивание перевода «Дневника писателя» в метакультурную сферу, происходившее на фоне поиска американским достоевковедением основ художественного метода Достоевского, требовало определенного времени. Именно поэтому период 1950–1960-х гг. можно рассматривать как подготовительный, предшествующий периоду активного транслирования американским достоевковедением исследований, посвященных изучению политических воззрений русского писателя.

Безусловно, особым событием, знаменующим новый этап в осмыслении творческого наследия писателя, можно считать создание Международного общества Достоевского (1971 г.). С 1971 г. начинает издаваться Бюллетень Международного общества, а затем – периодический журнал «Dostoevsky Studies», объединяющий исследователей по всему миру. Не менее важным является также тот факт, что к началу выделенного нами периода были повторно переведены наиболее известные произведения Достоевского, что не могло не сказаться на росте интереса к творческому наследию писателя. Помимо указанных сугубо культурных и литературных событий, способствующих популяризации творчества Достоевского и привлечению внимания исследователей к его наследию, немаловажную роль также играет и экстрасемиотическая реальность. Напомним, что начиная с конца

1960-х гг. руководители стран восточного блока и Запада встали на путь снижения международной напряженности. Проводились встречи, заключались договоры, ограничивающие распространение ядерного оружия. Однако при внешней ориентации на конструктивные отношения стран Запада с СССР противостояние по-прежнему продолжалось, и уже с середины 1970-х гг. начинают создаваться новые виды оружия, начинается новый этап в гонке вооружения. Противостояние между двумя блоками государств, во главе которых стояли США и СССР, сопровождалось постоянным поиском новых сфер влияния (Латинская Америка, страны Африки, Азия) и вспышками локальных вооруженных конфликтов. Возможно, такой интерес с обеих сторон к странам Востока, Азии обусловил появление исследований творчества Достоевского, связанных с восточной проблематикой.

Идея о том, что перемены в политических отношениях России и США определяют вектор исследовательского интереса к творчеству Достоевского, подтверждается минимальным интересом исследователей к политической проблематике в творчестве писателя в 1990-е гг. В этот период в свет выходит только две работы, в частности монография С.К. Картера «Политические и социальные взгляды Ф.М. Достоевского» (1991 г.) [36] и статья А. Кэлли «Ирония и утопия в творчестве А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского» (1991 г.) [37]. Картер, рассматривая социально-политические размышления писателя в контексте второй трети XIX в., выделяет 6 этапов эволюции социальных и политических взглядов Достоевского, а также причины, которые послужили стимулом к формированию крайне антизападных воззрений писателя. Статья А. Кэлли посвящена сопоставлению произведения А.И. Герцена «С того берега» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского в аспекте идеологической проблематики. Исследователь демонстрирует, что сложившаяся полемика между двумя писателями определила утопический характер размышлений Достоевского об истории, свободе и личности.

Выделенный нами третий период начинается с распадом Советского Союза. Уровень напряжения между Западом и постсоциалистическими странами заметно снижается, начинается постепенное сближение наций, ориентация на диалог культур. Для американского достоевсковедения в этот период характерно применение трех основных методологических подходов, а именно интерпретационного, компаративистского и методологии М.М. Бахтина, которые получают широкое распространение. В рамках применения методологии Бахтина исследователь рецепции творчества Достоевского в Америке в конце XX в. Н.Б. Мединская выделяет «собственно бахтинское направление» и «постбахтинское направление» [4. С. 26] и делает вывод о том, что «в результате усилий “постбахтинского” направления, оформляется концепция Достоевского как религиозного художника» [4. С. 27]. И если в 1970-1980-е гг. американское литературоведение изучало философско-религиозные вопросы в творчестве Достоевского в тесной взаимосвязи с его политическими убеждениями, отношением к славянофильству, народности и миссии России, то в

конце XX в. на фоне ослабления политической напряженности в центре внимания американских исследователей остаются только вопросы художественного своеобразия Достоевского и его религиозного мирозерцания.

Заключительный этап в рецепции творчества Достоевского в политическом аспекте начинается приблизительно с начала 2000-х гг. В рамках этого периода можно выделить три основных направления: политические взгляды Достоевского в сочетании с его религиозным мировоззрением; тему Востока в творчестве русского романиста; анализ художественного текста Достоевского на основе привлечения теорий политической философии.

Изучение политических размышлений писателя в аспекте его религиозных убеждений можно считать наиболее устойчивым направлением в американском достоевсковедении. Вслед за учеными середины XX в. исследователи начала нового столетия ставят цель реконструировать целостную картину мироустройства Достоевского, включая такие понятия, как государство, политика, социум, религия и человек. При этом наряду с исследованиями, в которых в большей степени для анализа привлекается публицистический материал творчества писателя, появляется целый корпус работ, центром внимания которых становится художественное воплощение политических воззрений Достоевского. В этом аспекте стоит упомянуть монографию Б.Д. Райденур «“Желание самое скромное”: идеальное государственное устройство России Достоевского» (2006 г.) [38], статью А. Джоэ «Тайные замыслы в романе “Братья Карамазовы” Ф.М. Достоевского» (2007 г.) [39]. Обращаясь к анализу текста романа «Братья Карамазовы», Б.Д. Райденур реконструирует идеальное, по мысли Достоевского, государственное устройство России. А. Джоэ в заключительном романе писателя исследует скрытые отсылки к тайным сообществам и сектам (масонство, раскольники, скопцы, бегуны). Автор подробно разбирает символические значения имен героев романа, предлагает новые интерпретации поэмы «Великий инквизитор» на историческом, философском и личном уровнях.

Отличительной чертой данного периода можно считать появление масштабных исследований, сборников, посвященных изучению политической проблематики в творческом наследии писателя. Впервые, эта книга английской исследовательницы С. Хадспис «Ф. Достоевский и идея русскости: новый взгляд на соборность и братство» (2004 г.) [40], опубликованная как в Англии, так и в США. Книга посвящена анализу славянофильских взглядов Достоевского на материале большого корпуса как художественных, так и публицистических произведений писателя. В центре внимания автора вопрос о русской идентичности, который рассматривается в контексте как нравственно-религиозных размышлений писателя, так и основных идей славянофильства. Издание «Политическая мысль Достоевского» [41], опубликованное в 2013 г., представляет собой сборник статей, посвященных изучению творчества Достоевского с точки зрения политической мысли: от его религиозных и

философских взглядов до политики Европы XIX в. В 2016 г. издательство Кембриджского университета издает книгу «Ф.М. Достоевский в контексте» [42], получившую распространение и в США. Собранные в книге статьи проливают свет на основные исторические и политические события, происходившие в России во второй половине XIX в., общественно-политические течения, особенности культурной, литературной и религиозной жизни русского народа. Представленный в книге анализ социокультурного, политического и исторического контекстов, в которых жил и творил Достоевский, позволяет выявить особенности художественного осмысления писателем окружающей его действительности.

По-прежнему в начале XIX в. сохраняется интерес исследователей к теме Востока в творчестве Достоевского. В рамках этого направления стоит упомянуть статью Х. Хан «Грезы об Исламе: видение Достоевского будущего России в романе “Преступление и наказание”» (2000 г.) [43], а также работы Д.О. Томпсона «Исламские мотивы в художественных произведениях Ф.М. Достоевского» (2009 г.) [44] и «Исламские мотивы: поэтические трансформации исторических событий» (2010 г.) [45]. Объединяющей чертой этих исследований можно считать внимание, прежде всего, к художественному воплощению темы Востока в творчестве писателя. Так, Х. Хан на основе детального анализа скрытых и явных отсылок к восточной проблематике и «восточному вопросу» (Турция, Египет, Крымская война 1853–1856 гг.), деталей материального мира, (турецкий диван, шляпа Раскольникова и т.д.), интертекстуальной связи между сном-грезой Раскольникова и стихотворением А.С. Пушкина из цикла стихотворений «Подражание Корану» доказывает отсутствие у главного героя национальной самоидентификации и приходит к выводу, что отказ Раскольникова от всего иностранного (мусульманского) лежит в основе его спасения. И именно такой путь Достоевский считал единственно верным для России. Д.О. Томпсон обращается к анализу повести «Двойник», роману «Преступление и наказание», выявляя разные функции образа Магомета в художественной структуре произведений. Анализ романа «Братья Карамазовы» в заявленном аспекте позволяет исследователю проследить эволюцию отношения Достоевского к мусульманской культуре от нейтральной оценки до резко негативной.

Наконец, можно выделить корпус работ, в которых исследователи для анализа художественных произведений Достоевского привлекают теории политической философии. Интерес зарубежных политологов к литературе как источнику достоверных фактов об окружающей действительности возник еще в середине 1990-х гг. Это время в западной науке о политике принято называть «literary turn» – «литературный поворот». Исследователи, работающие на стыке политологии и литературы, выделяют два магистральных подхода к литературе: анализ литературного произведения с целью получения фактов о реальности для создания политических теорий и анализ литературного текста с целью понимания механизмов воздействия текста на общество. Оба подхода

основаны на утверждении, что любой текст политичен или идеологичен. В рамках данного направления стоит назвать работы Р. Авраменко и соавт., такие как «Истерзанный скукой: анализ “Бесов” Ф.М. Достоевского через призму философии Э. Фегелина» (2004 г.) [46], «Герои Достоевского: или сострадание русской женщины» (2013 г.) [47], «Свобода от свободы: метафизика свободы в “Преступлении и наказании” Достоевского» (2013 г.) [48], и Л. Трепанные «Политика и опыт действенной любви в “Братьях Карамазовых”» (2009 г.) [49]. Характерной чертой указанных исследований является фокус на анализе непосредственно художественного текста. Исследователи, работающие в рамках данного направления, не привлекают к анализу публицистический материал писателя, выдержки из его писем. В их задачу не входит понять позицию писателя, выявить его отношение к определенному историческому факту или политическому событию. Рассматривая художественный текст как «намеренно созданный целостный объект» [50. Р. 6], исследователи «нацелены на выявление того, как художественный текст соотносится с политическим режимом» [50. Р. 6].

В итоге, что касается эволюции восприятия творчества Достоевского в США, можно говорить о доминировании направления, в котором политические размышления рассматриваются в тесной взаимосвязи с его религиозными представлениями. Наиболее резкие высказывания относительно национализма, империализма и шовинизма Достоевского наблюдаются в тех работах, авторы которых не вписывают политические взгляды писателя в его религиозное миропонимание. Своеобразие формирования репутации Достоевского как политического мыслителя заключается также в постепенном переключении внимания американских исследователей с публицистического наследия писателя на непосредственно художественные тексты.

Проведенный анализ наглядно демонстрирует важность политической проблематики в формировании литературной репутации Достоевского в США. Обращение к политическим размышлениям писателя сохраняется на всех этапах развития американского достоевсковедения. При этом, безусловно, можно говорить о периодах повышенного интереса к данной проблематике и периодах «тишины». Во многом изменения в политических отношениях России и западного мира становятся стимулом для обращения к политическим размышлениям русского писателя. Данный вывод подтверждается еще и тем фактом, что ранее выделенные периоды развития американского достоевсковедения лишь частично совпадают с периодами обращения исследователей к политическим размышлениям Достоевского. На наш взгляд, данный факт подтверждает неразрывность русской литературы (творчества Достоевского) и политики в восприятии американских литературоведов. Однако помимо сугубо политических причин цикличность периодов в обращении исследователей к изучению политической проблематики в творчестве Достоевского можно объяснить самим механизмом диалога культур, который, в соответствии с терминологией Ю.М. Лотмана,

предполагает наличие периодов «так называемого спада», за которыми следуют «периоды трансляции» [13. С. 269]. Исходя из разработанной Ю.М. Лотманом теории о диалоге культур, можно говорить о том, что исследования политических воззрений писателя, находясь на периферии семиотического пространства, связанного с изучением творчества Достоевского на Западе, в 1950–1960-е гг., а также в конце XX в. находились на этапе «пассивного насыщения» [13. С. 269], получения новой или дополнительной информации относительно творчества русского писателя. Таким новым материалом, необходимым для последующего «ответного слова», в середине прошлого столетия

можно считать публикацию перевода «Дневника писателя», а также осмысление американским достоевсковедением своеобразия художественного метода Достоевского. В 1990-е гг., помимо определенных политических событий, повышенный интерес американского достоевсковедения к методологии М.М. Бахтина, связанный с попыткой переосмыслить накопленный семиотический опыт, приводит к периоду «пассивного насыщения» в рамках рецепции политических взглядов писателя, за которым следует новый этап, объединяющий эстетическое своеобразие творчества Достоевского, его религиозные, философские и политические размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мотылева Т.Л. Иностранная литература и современность. Статьи. М. : Советский писатель, 1961. С. 212–275 («Достоевский и мировая литература»).
2. Григорьев А.Л. Достоевский в современном зарубежном литературоведении // Русская литература. 1972. № 1. С. 192–214.
3. Николокин А.Н. Взаимосвязи литературы России и США. М. : Наука, 1987. 350 с.
4. Мединская Н.Б. Ф.М. Достоевский в американской критике 1980–1990-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. 226 с.
5. Львова И.В. Литературная репутация Ф.М. Достоевского в США (1940–1960-е годы) : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000. 216 с.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English Reputation (1881–1936) // Smith College Studies in Modern Languages. Northampton Smith College, 1939. Vol. 20 (3–4). 350 p.
7. Brewster D. East-West Passage: A Study of Literary Relationships. London : George Allen and Unwin Ltd, 1954. 328 p.
8. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302.
10. Михновец М.В. Кавказ в системе геополитических представлений Ф.М. Достоевского // Studia Rossica Gedanensia. Rocznik / Ежегодник / Annual. № 6. Gdańsk, 2019. С. 97–106.
11. Подрезов М.В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 118–122.
12. Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
13. Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
14. Brailsford H.N. The Slavonic Hope // The New Republic. 1915. January 9. P. 12–13.
15. West R. The Barbarians // The New Republic. 1915. January 9. P. 19–20.
16. Zeitlin J. Dostoevsky the Reactionary // The New Republic. 1915. March 20. P. 176–178.
17. Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2000. 239 с.
18. Howe I. Dostoevsky: The Politics of Salvation // The Kenyon Review. 1955. Vol. 17, № 1. P. 42–68.
19. Cox G. Dostoevskian psychology and Russian cultural and political identity // Mosaic 17. Summer 1984. P. 87–102.
20. Matlock J.F. Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky // The Political Science Reviewer. Hampden-Sydney. 1979. Vol. 9. P. 39–60.
21. Frank J. Dostoevsky: the encounter with Europe // Russian Review. 1963. Vol. 22. P. 237–252.
22. Fueleop-Miller R. Dostoevsky's Literary Reputation // The Russian Review. 1951. Vol. 10, № 1. P. 46–54.
23. Simmons E. Dostoevsky. The Making of Novehst. New York : Oxford, 1940. 416 p.
24. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
25. Belknap R.L. Dostoevsky's Nationalistic Ideology and Rhetoric // Pamphlet. 1972. January 1.
26. Sandoz E. Political Apocalypse: A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor. Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1971. 263 p.
27. Sandoz E. Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics // The Journal of Politics. 1978. Vol. 40, № 3. P. 648–674.
28. Walsh D. Dostoevsky's Discovery of the Christian Foundation of Politics // Religion & Literature. 1987. Vol. 19, № 2. P. 49–72.
29. Ward B.K. Dostoevsky's Critique of the West: The Quest for the Earthly Paradise. Waterloo, Ont. : Wilfrid Laurier Univ. Press, 1986. 202 p.
30. Dirscherl D. Dostoevsky and the Catholic Church. Loyola University Press, 1986. 177 p.
31. Futrell M. Dostoevsky and Islam (and Chokan Valikhanov) // Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57, Is. 1. P. 16–31.
32. Futrell M. Buddhism and the Brothers Karamazov // Dostoevsky Studies. 1981. Vol. 2. P. 156–162.
33. Rice J. Dostoevsky and The Healing Art. New York : Ann Arbor, 1985. P. 259–279.
34. Sahni K. Oriental Phantoms: F. Dostoevsky's Views on the East // Social Scientist. 1986. Vol. 14, № 7. P. 36–45.
35. Moor H.T. Preface // Pachmuss Temira. F.M. Dostoevsky. Dualism and Synthesis of the Human Soul. Illinois, 1963. P. III–X.
36. Carter S.K. The Political and social thought of F.M. Dostoevsky. London : Routledge, 1991.
37. Kelly A. Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: «From the Other Shore» and «Diary of a Writer» // Russian Review. 1991. Vol. 50. P. 397–416.
38. Ridenoure B.D. «A Most Modest Wish»: The Ideal Form of Dostoevsky's Russia. Senior Honors Theses. 2006. 144 p.
39. Johae A. Secret Designs in Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» // Dostoevsky Studies. 2007. Vol. 9. P. 76–97.
40. Hudspeth S.F. Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood. London ; New York, 2004. 240 p.
41. Dostoevsky's Political Thought / ed. by R. Avramenko, L. Trepanier. MD : Lexington Books, 2013. 254 p.
42. Dostoevsky in Context / ed. by D. Martinsen, O. Maiorova. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 329 p.
43. Khan H. Dreaming of Islam: Dostoevsky's Vision of a New Russia in Prestuplenie i nakazanie // Russian Literature. 2000. Vol. 48, Is. 3. P. 231–261.
44. Thompson D.O. Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866 // F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. 2009. P. 480–491.
45. Thompson D.O. Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events // Dostoevsky's «Brothers Karamazov»: Art, Creativity, and Spirituality. Heidelberg, 2010. P. 101–114.
46. Avramenko R. Bedeviled by Boredom: A Voegelinian Reading of Dostoevsky's Possessed // Humanitas. 2004. Vol. XVII, Is. 1–2. P. 108–138.
47. Avramenko R., Ying J. Dostoevsky's Heroines: or, on the Compassion of the Russian Woman // Dostoevsky's Political Thought. MD : Lexington Books, 2013. P. 73–93.

48. Avramenko R. Freedom from Freedom: on the Metaphysics of Liberty in Dostoevsky's Crime and Punishment // Dostoevsky's Political Thought. MD : Lexington Books, 2013. P. 159–181.
49. Trepanier L. The Politics and Experience of Active Love and The Brothers Karamazov // Perspectives on Political Science. 2009. Vol. 38, Is. 4. P. 197–205.
50. Trepanier L. What Can Political Science Learn from Literature? // The Political Science Review. 2020. Vol. 44, № 1. P. 1–19.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 января 2021 г.

Political Issues in Fyodor Dostoevsky's Writings: American Reception

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 32–41.

DOI: 10.17223/15617793/464/4

Tatiana V. Korotchenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana1003@mail.ru

Keywords: reception of Fyodor Dostoevsky in USA; policy; dialogue of cultures.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\20.

The article explores the American reception of Fyodor Dostoevsky's political ideology. The relevance of the study is due to the interdisciplinary character of modern literary criticism and perception of Dostoevsky not only as a talented writer, but also as an original philosopher and political thinker. It is for the first time when the reception of Dostoevsky's political ideology is revealed on the basis of works by American philologists and political analysts; namely, the study unveils the image of Dostoevsky as a political thinker formed within American scientific discourse. In addition, the analysis of the reception of Dostoevsky's writings in a foreign scientific culture contributes to a deeper understanding of the mechanisms of cultural interaction. The analysis of literary works on the basis of comparative-historical and comparative-cultural approaches, as well as modern semiotic concepts, reveals the basic periods and trends in the reception of Dostoevsky's writings on political issues in the USA in the 20th and the 21st centuries. The evolution of scholars' views on the writer's political ideology is disclosed. In the 1950s–1960s, Dostoevsky's political philosophy is primarily analyzed in terms of its fictional representation. In the context of cultural interaction, this period can be termed as a preliminary one followed by the period of active transmission of the texts that explore the essence of Dostoevsky's political ideology. Indeed, an intensive study of political views of the writer started in the 1970s–1980s. At this time, scholars addressed Dostoevsky's opinion journalism, incorporating the writer's political ideology into his social and religious views. A new period started in the 2000s. It is characterized by the synthesis of the most characteristic features of Dostoevsky's artistic method, his philosophical and political ideas. Thus, the image of Dostoevsky as a political thinker in American literary studies is characterized by analyzing the writer's political philosophy within his religious and social thoughts and considering Russian literature closely connected with the state policy. The most negative evaluation of Dostoevsky's political ideology, accusatory statements on writer's nationalism, imperialism, and chauvinism are found in the works whose authors investigate Dostoevsky's political ideology beyond his religious views. The interest of American scholars in Dostoevsky's political ideology is registered at all stages of Dostoevsky studies development. The changes in diplomatic relations between Russia and the Western world stimulate American scholars to address political issues in Dostoevsky's writings. However, besides pure political circumstances, the alteration of periods in addressing political issues in Dostoevsky's writings is due to the mechanisms of cultural interaction when the period of passive saturation with new semiotic material is followed by the period of active transmission of new texts.

REFERENCES

1. Motyleva, T.L. (1961) *Inostrannaya literatura i sovremennost'*. Stat'i [Foreign literature and modernity. Articles]. Moscow: Sovetskii pisatel'. pp. 212–275.
2. Grigor'ev, A.L. (1972) Dostoevskiy v sovremennoy zarubezhnoy literaturovedenii [Dostoevsky in modern foreign literary criticism]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 192–214.
3. Nikolyukin, A.N. (1987) *Vzaimosvyazi literatur Rossii i SShA* [The relationship between the literatures of Russia and the United States]. Moscow: Nauka.
4. Medinskaya, N.B. (1997) *F.M. Dostoevskiy v amerikanskoy kritike 1980–1990-kh gg.* [Dostoevsky in the American Criticism of the 1980s and 1990s]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. L'vova, I.V. (2000) *Literaturnaya reputatsiya F.M. Dostoevskogo v SShA (1940–1960-e gody)* [The literary reputation of F.M. Dostoevsky in the USA (1940s–1960s)]. Philology Cand. Diss. Petrozavodsk.
6. Muchnic, H. (1939) Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). *Smith College Studies in Modern Languages*. 20 (3–4).
7. Brewster, D. (1954) *East-West Passage: A Study of Literary Relationships*. London: George Allen and Unwin Ltd.
8. Novikova, E.G. (2016) "Zapadnye slavyane" v "Dnevnikakh pisatelya" F.M. Dostoevskogo perioda Russko-turetskoy voyny 1877–1878 gg. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (5). pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/5/3
9. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the slavic world in the Diary of a Writer by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 4 (54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
10. Mikhnovets, M.V. (2019) The Geopolitics of the Caucasus in the Works of Fyodor Dostoevsky. *Studia Rossica Gedanensia. Rocznik / Ezhegodnik / Annual*. 6. pp. 97–106. (In Russian).
11. Podrezov, M.V. (2020) Austria as an object of the geopolitical and ideological views of Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 454. pp. 118–122. (In Russian). 10.17223/15617793/454/13
12. Lotman, Yu.M. (2004) Semioticheskoe prostranstvo [Semiotic space]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB.
13. Lotman, Yu.M. (2004) Mekhanizmy dialoga [Dialogue mechanisms]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB.
14. Brailsford, H.N. (1915) The Slavic Hope. *The New Republic*. January 9. pp. 12–13.
15. West, R. (1915) The Barbarians. *The New Republic*. January 9. pp. 19–20.
16. Zeitlin, J. (1915) Dostoevsky the Reactionary. *The New Republic*. March 20. pp. 176–178.
17. Starkova, L.K. (2000) *Tsenzurnaya politika samodержaviya v pervoy polovine XIX veka* [Censorship policy of the autocracy in the first half of the 19th century]. History Dr. Diss. Saratov.
18. Howe, I. (1955) Dostoevsky: The Politics of Salvation. *The Kenyon Review*. 17 (1). pp. 42–68.
19. Cox, G. (1984) Dostoevskian psychology and Russian cultural and political identity. *Mosaic*. 17. Summer. pp. 87–102.
20. Matlock, J.F. (1979) Literature and Politics: The Impact of Fyodor Dostoevsky. *The Political Science Review*. 9. pp. 39–60.
21. Frank, J. (1963) Dostoevsky: the encounter with Europe. *Russian Review*. 22. pp. 237–252.

22. Fueloep-Miller, R. (1951) Dostoevsky's Literary Reputation. *The Russian Review*. 10 (1). pp. 46–54.
23. Simmons, E. (1940) *Dostoevsky. The Making of a Novelist*. New York: Oxford University Press.
24. Etkind, A. (2001) *Tolkovanie putestestviy. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Belknap, R.L. (1972) Dostoevsky's nationalistic ideology and rhetoric. *Pamphlet*. January 1.
26. Sandoz, E. (1971) *Political Apocalypse: A Study of Dostoevsky's Grand Inquisitor*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
27. Sandoz, E. (1978) Philosophical Dimensions of Dostoevsky's Politics. *The Journal of Politics*. 40 (3). pp. 648–674.
28. Walsh, D. (1987) Dostoevsky's Discovery of the Christian Foundation of Politics. *Religion & Literature*. 19 (2). pp. 49–72.
29. Ward, B.K. (1986) *Dostoevsky's Critique of the West: The Quest for the Earthly Paradise*. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier Univ. Press.
30. Dirscherl, D. (1986) *Dostoevsky and the Catholic Church*. Loyola University Press.
31. Futrell, M. (1979) Dostoevsky and Islam (and Chokan Valikhanov). *Slavonic and East European Review*. 57 (1). pp. 16–31.
32. Futrell, M. (1981) Buddhism and the Brothers Karamazov. *Dostoevsky Studies*. 2. pp. 156–162.
33. Rice, J. (1985) *Dostoevsky and The Healing Art*. New York: Ann Arbor. pp. 259–279.
34. Sahni, K. (1986) Oriental Phantoms: F. Dostoevsky's Views on the East. *Social Scientist*. 14 (7). pp. 36–45.
35. Moor, H.T. (1963) Preface. In: Pachmuss, T. *F.M. Dostoevsky: Dualism and Synthesis of the Human Soul*. Carbondale: Southern Illinois University Press. pp. III–X.
36. Carter, S.K. (1991) *The Political and social thought of F.M. Dostoevsky*. London: Routledge.
37. Kelly, A. (1991) Irony and Utopia in Herzen and Dostoevsky: "From the Other Shore" and "Diary of a Writer". *Russian Review*. 50. pp. 397–416.
38. Ridenoure, B.D. (2006) "A Most Modest Wish": *The Ideal Form of Dostoevsky's Russia*. Senior Honors Theses.
39. Johae, A. (2007) Secret Designs in Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". *Dostoevsky Studies*. 9. pp. 76–97.
40. Hudspeth, S.F. (2004) *Dostoevsky and the Idea of Russianness: A New Perspective on Unity and Brotherhood*. London; New York: Routledge.
41. Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) (2013) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books.
42. Martinsen, D. & Maiorova, O. (eds) (2016) *Dostoevsky in Context*. Cambridge: Cambridge University Press.
43. Khan, H. (2000) Dreaming of Islam: Dostoevskij's Vision of a New Russia in *Prestuplenie i nakazanie*. *Russian Literature*. 48 (3). pp. 231–261.
44. Thompson, D.O. (2009) Islamic motifs in Dostoevsky's Literary Works, 1846–1866. In: F.M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues. Budapest: ELTE. pp. 480–491.
45. Thompson, D.O. (2010) *Islamic Motifs: Poetic Transformations of Historical Events. Dostoevsky's "Brothers Karamazov": Art, Creativity, and Spirituality*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter. pp. 101–114.
46. Avramenko, R. (2004) Bedeviled by Boredom: A Voegelinian Reading of Dostoevsky's *Possessed*. *Humanitas*. XVII (1–2). pp. 108–138.
47. Avramenko, R. & Ying, J. (2013) Dostoevsky's Heroines: or, on the Compassion of the Russian Woman. In: Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books. pp. 73–93.
48. Avramenko, R. (2013) Freedom from Freedom: on the Metaphysics of Liberty in Dostoevsky's *Crime and Punishment*. In: Avramenko, R. & Trepanier, L. (eds) *Dostoevsky's Political Thought*. MD: Lexington Books. pp. 159–181.
49. Trepanier, L. (2009) The Politics and Experience of Active Love and The Brothers Karamazov. *Perspectives on Political Science*. 38 (4). pp. 197–205.
50. Trepanier, L. (2020) What Can Political Science Learn from Literature? *The Political Science Review*. 44 (1). pp. 1–19.

Received: 27 January 2021

КОНЦЕПТ «ПРОШЛОЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматривается концепт «прошлое» в русской языковой картине мира. Решается задача комплексного описания прошлого с опорой на лексикографические источники и трехчастную модель концепта по В.И. Карасику – «образ, понятие, ценность». Основные результаты исследования связаны с моделированием семантической структуры концепта и позволяют утверждать, что его ценностный компонент представляет собой двухполюсную зону, внутри которой сосуществуют две группы поведенческих норм.

Ключевые слова: русская языковая картина мира; концепт «прошлое»; концептуальный анализ; обыденное сознание; ценностный компонент концепта; поведенческие нормы.

Введение

Лингвокультурология как наука имеет своим предметом концепт как единицу языка, «обладающую культурно-значимым наполнением, являющуюся тем “каналом”, по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса» [1. С. 12]. Ее основной целью является описание «с помощью и на основе языковых данных базовых оппозиций культуры, закрепленных в языке и проявляющихся в дискурсе; отраженных в зеркале языка и в нем зафиксированных представлений об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т.д., проступающих сквозь призму языка древнейших представлений, соотносимых с культурными архетипами» [1. С. 13]. В задачи лингвокультурологического анализа входят «экспликация ценностей русской лингвокультурологической общности, объективированных семантикой языковых единиц; изучение механизмов представления культурных смыслов компонентами значения слов; исследование вербализованных в русском языке стереотипов, составляющих содержание концепта» [2. С. 38] и др.

При самом широком подходе в число концептов включаются все лексемы, составляющие содержание национального языкового сознания и формирующие «наивную языковую картину мира» его носителей. Совокупность таких концептов образует концептосферу – совокупность концептов, которая концентрирует в себе всю культуру народа. Представители данного подхода считают, что в языке, отражающем национальный способ миропонимания, нет единиц, которые бы не выражали в той или иной степени культурно-национальной специфики. По меткому замечанию О.А. Корнилова, «как в любой портрет нужно включать все детали человеческого лица независимо от их специфичности, так в неё (языковую картину мира – авторы) следует включать все языковое содержание, поскольку не существует “неспецифического” в семантике языка, без чего язык не утратил бы своей целостности и уникальности. <...> Выводя за рамки (языковой картины мира. – Авт.) любой кажущийся нам “неспецифическим” фрагмент, мы неизбежно нарушаем огромное количество связей, которыми это слово связано с множеством других фрагментов единой языковой системы, нарушаем непрерывность языкового поля, обедняем и искажаем его»

ишь, и 94]. Основным методом исследования при таком подходе является выстраивание и описание концептуальной модели: выделение основных компонентов семантики концепта, поиск и анализ устойчивых связей между ними.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является концепт «прошлое» в русской языковой картине мира, который мы считаем целесообразным рассмотреть не в рамках многократно исследованного концепта «время» (см., например, работы [4–7] и др.), а в качестве самостоятельной единицы, так как, согласно нашей гипотезе, объем его культурных смыслов не покрывается полем концепта «время» целиком, а входит в него лишь частично.

Методология

Мы склонны согласиться с мнением В.И. Карасика о том, что культурный концепт следует рассматривать как структуру, в которую входят образный, понятийный и ценностный компоненты. Однако, на наш взгляд, описанные структурные компоненты культурного концепта с точки зрения лингвокультурного подхода нельзя считать равноценными. Ориентируясь на определение культуры как совокупности значений, ценностей и норм, передаваемых из поколения в поколение [8], мы считаем доминантой лингвокультурологического концептуального анализа выявление и описание ценностного компонента культурного концепта. Ценности как таковые не поддаются описанию лишь на основании собственных ощущений и переживаний, поэтому наиболее релевантным при научном исследовании оказывается их определение через оценки и поведенческие нормы, зафиксированные в коннотативных значениях и внутренней форме слов, фразеологизмах, пословицах и поговорках, культурных текстах и др. При этом далеко не последнюю роль в экспликации ценностного компонента культурного концепта способно играть обращение к сопоставительным исследованиям концептосфер в разных лингвокультурах [9].

Предлагаемая В.И. Карасиком [10] трехчастная структура концепта, на наш взгляд, согласуется с описанной О.А. Корниловым структурой обыденного сознания [3], на основе которой мы выстраиваем алгоритм анализа культурного концепта, включающий в себя анализ сенсорно-рецептивного, логико-понятийного, эмоционально-оценочного и ценностно-

нравственного компонентов концепта. Сенсорно-рецептивный компонент, или «образ» в концепции В.И. Карасика, представляет собой «зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, релевантные признаки практического знания» [10. С. 107]. Он является «определяющим при формировании национального “мирочувствования” и “мироощущения”» [3. С. 231]. Под понятийным компонентом концепта принято понимать «сгусток рациональной части концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» [10. С. 107], «детерминирует “национальную логику”» [3. С. 231]. Разделение ценностного компонента (по В.И. Карасику) на эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный (в концепции О.А. Корнилова) не является случайным. Оценки, формируемые в эмоционально-оценочном компоненте сознания, – это простейшие оценки (оценки 1-го уровня), которые «непосредственно фиксируют именно эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому» [3. С. 231] и реализуются в бинарной оппозиции «положительное отношение – отрицательное отношение». Ценностно-нравственный компонент сознания порождает более сложные оценки (оценки 2-го уровня), которые применяются «по отношению к наиболее типичным социально значимым ситуациям, моделям поведения в таких ситуациях, по отношению к жизненно важным для любого социума категориям» [3. С. 232]. Это обобщение коллективного жизненного опыта, имеющее сложную логическую структуру, указывающее на связи между явлениями, причинно-следственные связи, предписанный порядок действий в определенных ситуациях, ценностную иерархию общества, обобщение, формирующее поведенческие нормы языкового коллектива.

Так как чувственному восприятию и закреплению в виде сенсорно-рецептивного компонента сознания подвержены лишь конкретные предметы и явления, а прошлое как отрезок времени не может быть познано эмпирически, мы обходим стороной сенсорно-рецептивный компонент и начинаем описание концепта «прошлое» с его логико-понятийного компонента, выявляемого на основе анализа словарных дефиниций лексемы *прошлое*. Эмоционально-оценочный компонент анализируется нами на основе синонимов, сочетаемости и фразеологизмов, а ценностно-нравственный компонент – на материале паремического фонда.

Обращение к тому или иному типу материала на каждом из этапов анализа не означает его строгой привязки к определенному компоненту концепта. Так, например, простейшие оценки (эмоционально-оценочный компонент) можно обнаружить и в дефинициях, и в паремиях, а оценки 2-го уровня могут содержаться в свернутом виде во фразеологизмах и т.д. Однако алгоритм, при котором описание концепта ведется последовательно на материале толковых словарей, словарей синонимов, сочетаемости и фразеологизмов и, в конечном итоге, паремииологических сло-

варей, представляется нам удобным инструментом, позволяющим выйти за пределы лексемы (ключевого слова) и охватить как можно больший объем концептуального поля. При этом каждый новый тип материала, с одной стороны, верифицирует результаты предыдущих процедур, а с другой – расширяет набор выделенных ранее компонентов концепта.

Исследование

Анализ словарных дефиниций лексемы *прошлое*. Проведенный нами анализ ряда толковых словарей разных лет издания позволил сделать вывод о том, что самое развернутое толкование лексемы *прошлое* представлено в Большом академическом словаре русского языка, причем содержательно оно чрезвычайно схоже с толкованиями других словарей.

В БАС русского языка, как и в большинстве толковых словарей, существительное *прошлое* не вынесено в отдельную словарную статью и описано как второе значение прилагательного *прошлый*: «ПРОШЛЫЙ, ая, ое. 1. Предшествовавший настоящему, прошедший, минувший. ◇ Прошлый век, год, прошлая неделя и т.п. ◇ Прошлый раз. // Происходивший, имевший место раньше. ◇ Дело прошлое. О том, что прошло и уже не имеет значения. // Предыдущий. 2. В знач. суш. Прошлое, ого, ср. То, что прошло, минуло, отошло. ◇ Прошлое кого, чего-л. ◇ Уйти, отойти, кануть и т.п. в прошлое. Перестать существовать, миновать, забыться. ◇ В прошлом. Раньше, прежде, некогда. // Предосудительная прошедшая жизнь кого-л.» [11. С. 401–402].

Из дефиниции прилагательного *прошлый* извлекаем 5 сем: сему 1 ‘находиться перед настоящим’ (*предшествовавший настоящему, предыдущий*), сему 2 ‘период времени до настоящего момента’ (*прошлый век, год, прошлая неделя, раньше*), сему 3 ‘события, ситуации, имевшие место до настоящего момента’ (*происходивший, имевший место*), сему 4 ‘то, чего уже нет’ (*прошедший, минувший*), сему 5 ‘то, что уже не имеет значения, не актуально, не оказывает влияния на настоящий момент’ (*дело прошлое*). Сема 1, 2 и 4 вербализованы в дефиниции, поэтому мы помещаем их в ядро семантической структуры «прошлое». Сему 3, эксплицированную в примере, и сему 5, извлеченную из фразеологически связанного выражения, помещаем на периферию семантической структуры.

В дефиниции субстантива *прошлое*, помимо семы 4, вербализована сема 3, что позволяет переместить последнюю в ядро семантической структуры лексемы. Далее на основе примеров расширяем семный ряд. Так, из словосочетания *прошлое кого, чего-л.* извлекаем сему 6 ‘период существования кого, чего-л.’. Из поясняющей лексемы *забыться* извлекаем сему 7 ‘прошлое как воспоминания, память’. В сопутствующем примере *Юлия Сергеевна, в прошлом зубной врач* находим также сему 8 ‘жизнь’. Словосочетания *человек с прошлым, жена без прошлого* со значением «предосудительная жизнь в прошлом» дают оценочную сему 9 ‘плохие или неоднозначные, с точки зрения общества, поступки, совершенные человеком до настоящего момента’ с

отрицательной коннотацией. Ни одна из выделенных таким образом сем не является обязательным компонентом семемы, поэтому мы помещаем их на периферию семантической структуры.

Единственным словарем, в котором субстантив *прошлое* вынесен в отдельную словарную статью, является Новый толково-словообразовательный словарь Т.Ф. Ефремовой [12]. Лексеме *прошлое* здесь приписывается два значения: 1) 'то, что минуло, отошло, прошло', 2) 'предосудительная жизнь в прошлом'. На основе данной дефиниции можно выделить четыре семы, которые соответствуют выделенным ранее семе 3 'события, ситуации' и семе 4 'то, чего уже нет', семе 8 'жизнь' и семе 9 'плохие или неоднозначные, с точки зрения общества, поступки, совершенные человеком до настоящего момента'. Сему 3 и 4 также причисляем к ядерным семам; сему 8 и 9 – к периферийным.

Анализ синонимов и сочетаемости лексемы *прошлое*. С помощью анализа словарных дефиниций мы выделили ядерные семы семантической структуры лексемы *прошлое*, а также несколько сем, которым приписали статус периферийных. Расширим данную модель путем анализа синонимов и сочетаемости лексемы *прошлое*.

В объяснительном словаре синонимов русского языка под общ. ред. Ю.Д. Апресяна [13] собственно синонимами лексемы *прошлое* считаются лишь *былое* и *минувшее*. В качестве близких по смыслу рассматриваются *старина* 1 и *древность* 2¹, отличие которых, по мнению авторов словаря, заключается в том, что они указывают на большие исторические эпохи и находятся дальше от настоящего, чем *прошлое*, *былое* и *минувшее* (сема 2). Близкими по смыслу авторы считают также словосочетание *вчерашний день*, которое обозначает нечто устаревшее (сема 6), и лексему *вчера*, указывающую на недавнее прошлое (сема 2). В качестве аналогов² даются *прошедшее*, *старое время*, *старина* 1, *древность* 2, *античность*, *история* 2, *предыстория*, *истоки*, *зая* 2 (цивилизации).

Согласно словарю З.Е. Александровой, лексема *прошлое* собирает вокруг себя три группы синонимов: 1) *прошедшее*, *минувшее*, *прежнее*, *былое*, *былые времена*, *прожитое*, *старое*, *вчера*, *вчерашний день*; 2) *старина* (далекое прошлое, прежние или давние времена); 3) *история* [14. С. 404, 482].

Распределение синонимов по выявленным семам позволяет наметить коннотативный фон той или иной семы. С помощью знаков «0», «–», «+» обозначим нейтральный(0), негативный(–) или позитивный(+) коннотативный фон.

К семе 1 относится синоним *прежнее*(0), связанный с лексемой *прошлое* заложенным в его внутренней форме архаическим представлением о том, что время и человек движутся в сторону прошлого и что более раннее находится впереди.

К семе 2 мы относим синонимы, указывающие на прошлое как отрезок времени: *прошедшее*(0), *минувшее*(0), *былое*(0), *былые времена*(0), *старое время*(0), *вчера*(0), *вчерашний день*(0), *старина*(0), *древность*(0).

Пример: прошедшее время, минувшее время, в былое время, в былые времена; Вчера еще был ребенком, а сегодня уже сам стал отцом. Вчерашний день, часу в шестом... (Некр.) В старину люди верили, что в лесу живет леший, а за печью – домовый. В древности люди готовили пищу на костре.

К семе 3 относим синонимы, способные указывать на содержательную сторону прошлого – события и ситуации: *прошедшее*(0), *минувшее*(0), *былое*(0).

Пример: на прошедшем совещании, минувшие события, мои былые поступки.

С семой 4 'то, что уже не существует, чего уже нет' связаны синонимы *прошедшее*(0), *минувшее*(0).

К семе 5 относятся синонимы с семантикой несоответствия настоящему моменту, обычно обладающие негативной коннотацией: *вчерашний день*(–), *старое*(–), *старина*(–). Наличие оценки заставляет переместить сему 5 из околядерной области на периферию.

Пример: Этот фасон – вчерашний день. От старого и ненужного надо избавляться. Старо как мир. Монархия – бред! Дряхлая старина! (С. Алексиевич)

К семе 6 'период существования' относим синоним *история*(0).

Пример: История Вселенной насчитывает 14 млрд. лет. 31 октября 2011 года население Земли впервые за всю историю человечества превысило 7 миллиардов человек.

К семе 8 относим синоним, подчеркивающий соотношенность прошлого с жизнью человека: *прожитое*(0), *былое*(0), *минувшее*(0). При этом *былое* «указывает скорее на время, отображенное в воспоминаниях, субъективное» (сема 7), а *минувшее* – «скорее на то, что было в реальности» [13. С. 896] (сема 3).

Пример: Вдруг вспомнилось прожитое. Я не печалюсь о прожитом. Он предаётся воспоминаниям о былом. Минувшее отложило на него свой отпечаток.

Синоним *старое*(+) может также обозначать нечто проверенное временем и потому вызывающее доверие, ценное. Этот смысл указывает на новую периферийную сему – сему 10 'то, что известно, проверено, надежно, ценно' с положительной коннотацией.

Пример: старый друг, старая фирма, старые фильмы

Кроме того, синонимы и аналоги (по терминологии [13]) *история*(+), *старина*(+), *древность*(+), *античность*(+), *истоки*(0) также формируют новую периферийную сему – сему 11 'прошлое как ценность с точки зрения истории и культуры'. Прошлое здесь раскрывается в виде коллективной памяти народа, его многовековых традиций и культуры. Данная сема несет положительную коннотацию, так как именно в ней утверждается мысль, что без прошлого нет будущего.

Пример: история учит (ср. уроки прошлого), история страны, народа, поколений; Когда свою собственную историю мы начинаем забывать, мы получаем то, что имеем сегодня (Ю. Соломин). Живая старина русского средневековья соседствовала с общественными и частными зданиями, построенными по самым модным тогда канонам классицизма

ма (В. Безотосный). И вновь зазвучала наша **стари-на**: В низенькой светелке огонек горит... (И.П. Максимов). Такая **древность**! Такая ценность! (Ю. Домбровский).

Обратимся к словарям сочетаемости [13, 15] и попытаемся еще больше конкретизировать выделенные компоненты значения лексемы *прошлое*.

Если мы говорим о прошлом как временном отрезке (сема 2), мы можем назвать его *далеким*(0) или *недалеким*(0). Движение во времени назад называют *путешествием в прошлое*(0). Кроме того, такой способ осмысления прошлого позволяет нам представить его как время, из которого можно *прийти*(0), в которое можно или нельзя *вернуться*(0).

События и ситуации прошлого (сема 3) могут сделать его *славным*(+), *великим*(+) или *трагическим*(+/-). Последствия прошедших событий называют *эхом*(+/0/-), *отголоском*(+/0/-), *следами*(+/0/-) *прошлого*.

Несуществующее прошлое (сема 4) – это прошлое *забытое*(0), прошлое, которое *невозможно вернуть*(0).

Если что-то либо не имеет значения для настоящего момента, не связано с ним или устаревает (сема 5), мы называем его *пережитком*(-) *прошлого*, говорим, что оно *принадлежит прошлому*(+/-), *отошло/отходит, ушло/уходит в прошлое*(0), *стало прошлым*(0). О человеке, утратившем связь с настоящим, живущим по устаревшим принципам, представления которого отстают от темпов развития общества, говорят, что он *живет в прошлом*(-).

Прошлое может выступать как период существования кого-, чего-либо (сема 6), и тогда мы говорим о *прошлом Земли*(0), *прошлом нашей Галактики*(0), *прошлом страны*(0), *прошлом человечества*(0), *прошлом семьи*(0) и т.п.

То, что больше не существует в реальности (сема 4), но остается в памяти (сема 7), может формировать особый тип прошлого, вызывающего *тоску*(-) по *утраченному*(-), *сожаление*(-) о нем. Особенность такого прошлого заключается в желании человека вернуть то, что он любит или хочет изменить. Данный смысл мы оформляем в новую периферийную сему 12 ‘то, что вызывает тоску и сожаление’.

Прошлое, существующее в памяти (сема 7), можно *забывать*(-/0), *стирать*(-/0), *ворошить*(-), *вспоминать/помнить*(0) и таким образом *возвращать*(0). *Прошлым* можно *жить*(-), на него можно *оглядываться*(0), а еще в нем можно *копаться*(-), *лежать воспоминания*(+/-) о нем, *говорить*(0) и *рассказывать*(0). Если субъект отказывается помнить о прошлом или жить так, как он жил прежде, он *рвет с прошлым*(+/-), *отрекается от прошлого*(+/-).

Прошлое как период, составляющий часть человеческой жизни (сема 8), отделено от точки отсчета лишь несколькими годами или десятилетиями (*мое*(0) *прошлое*) и может быть *счастливым*(+) или *несчастливым*(-).

Если под прошлым подразумеваются неблагоприятные поступки, осуждаемые обществом (*человек с прошлым*(-), *женщина с прошлым*(-)), обоюдная вражда или неприязнь (сема 9), то его называют *тем-*

ным(-), *запутанным*(-), *постыдным*(-). *Забыть* такое *прошлое*(+) означает простить другого человека или друг друга, а *порвать с ним*(+), *отречься от него*(+) – внутренне измениться и начать новую жизнь.

Пример: *Забудем прошлое, уставим общий лад...* (И.А. Крылов).

Прошлое как коллективную память, историю, культуру и традиции (сема 11) можно *любить*(+) и *возродить*(+). Предметы или явления, *принадлежащие*(+) такому *прошлому*, *памятники*(+) *прошлого* особо ценятся и оберегаются. История хранит память о культурно значимых личностях и объектах, существовавших в тот или иной период времени: *поэтах, художниках, музыкантах* и т.п. *прошлого*(+). Сема 11 тесно связана с семой 3 ‘события, ситуации’, и исторические периоды могут характеризоваться на основании тех или иных событий (*военное*(+/0/-), *боевое*(+/0), *пролетарское*(0/-), *легендарное*(+) и т.п. *прошлое*). Метафорическое представление об истории как открытой книге раскрывается в выражении *страницы истории*(0). Историческое прошлое *изучают*(0), *анализируют*(0), *осмысляют*(+/0), *описывают*(0).

Словосочетания *знание прошлого*(+), *опыт прошлого*(+) позволяют выделить еще одну периферийную сему с положительной коннотацией – сему 13 ‘прошлое как опыт’.

Еще одна новая периферийная сема – сема 14 ‘то, что подвергается оценке, осмыслению, эмоциональному переживанию’ – обнаруживается в таких словосочетаниях, как (*не*)*счастливое*(+/-), *славное*(+), *великое*(+) *прошлое*, *любовь к прошлому*(+), *сожалеть о прошлом*(-), *осмыслять прошлое*(+/0) и т.д.

Анализ фразеологизмов о прошлом. Во фразеологических словарях В.Н. Телия [16] и А.И. Федорова [17] мы обнаружили большой ряд фразеологических единиц, связанных с лексемой «прошлое» общими семами: *глаз набит/наметан(ный)/наметанным глазом, за плечами*³, *стоять за спиной*⁴, *кануть в вечность, материнское молоко на губах не обсохло, много воды утекло, нет и следа, от века, при царе горохе, с колыбели, с молодых (молодых) ногтей, след простыл, спокон веков, стреляный воробей, морской волк, золотой век*⁵, *золотое время, будто вчера на свет родился, берedit старую рану, без году неделя, поминать добром (добрым словом), не поминать лихом, рвать на себе (на голове) волосы, посыпать голову пеплом, кусать локти, тертый калач, видать виды*⁶, *прошел (через) огонь, воду и медные трубы, прошлогодний снег* и другие⁷.

Наибольшим количеством фразеологических репрезентаций обладает ядерная сема 3 ‘события, ситуации’, представленная в таких фразеологизмах, как *за плечами, стоять за спиной, кануть в вечность, много воды утекло, при царе горохе, с колыбели, след простыл, стреляный воробей, видать виды, пройти (через) воду, огонь и медные трубы*. Все они так или иначе говорят об отнесенности описываемых событий к плану прошлого, однако характер этих событий, соотношение их с планом настоящего и с человеком конкретизируются дополнительными семами. Ядерная сема 4 ‘то, чего уже нет’ обнаруже-

на нами во фразеологизмах *кануть в вечность, нет и следа*, которые описывают то, что уже минуло, исчезло из жизни и из мира. Сема 2 'время' актуализируется во фразеологизмах *кануть в вечность, много воды утекло, от века, след простыл, спокон веков, будто вчера на свет родился, без году неделя, золотой век*, указывающих на течение времени, временную дистанцию, косвенные проявления времени (движение, изменение).

Периферийная сема 5 'то, что уже не имеет значения, не актуально' – реализуется во фразеологизмах *при царе горохе и прошлогодний снег* и соотносится с тем, что представляется несовременным, устаревшим, ненужным.

Сема 6 'период существования кого, чего-либо' находит выражение во фразеологизмах *спокон веков и от века*.

Сема 7 'память' является компонентом значения фразеологизма *кануть в вечность*, который может выступать символом забвения, а также фразеологизмов *помянуть добром (добрым словом) и не помянуть лихом*, выражающих идею «озвучивания» памяти о добром и «умалчивания» памяти о плохом.

Сема 8 'жизнь' представлена во фразеологизмах *материнское молоко на губах не обсохло, от века, с колыбели, с младых ногтей, будто вчера на свет родился, видать виды, пройти (через) огонь, воду и медные трубы, золотой век, золотое время*. Данные фразеологические единицы связывают прошлое с жизнью конкретного человека, либо фиксируют идею связанности времени и человеческой жизни вообще (*от века*).

С семой 12 'то, о чем тоскуют и сожалеют' связаны фразеологизмы *рвать на себе волосы, кусать локти, посыпать голову пеплом*. В них фиксируется эмоциональное переживание невозможности вернуть или изменить то, что осталось в прошлом.

Частотной оказалась периферийная сема 13 'прошлое как опыт': она представлена во фразеологизмах *глаз набит/наметан, за плечами, стоять за спиной, материнское молоко на губах не обсохло, с колыбели, стреляный воробей, морской волк, тертый калач, видать виды, пройти (через) огонь, воду и медные трубы, будто вчера на свет родился, без году неделя*. Яркая эмоциональная окраска данной семы проявляется в наличии бинарной оценки: наличие опыта оценивается положительно, а его отсутствие – отрицательно. При этом опыт может быть обусловлен разными факторами: многократностью повторения действия (*глаз набит/наметан*), трудностью ситуаций, через которые пришлось пройти человеку (за плечами, *стоять за спиной, стреляный воробей, пройти огонь, воду и медные трубы* и др.), большим количеством времени (*с колыбели*); неопытность же связывается с молодостью и незрелостью (*материнское молоко на губах не обсохло, будто вчера на свет родился*), небольшим количеством времени, в течение которого человек занимается каким-либо делом (*без году неделя*).

Периферийная сема 14 'то, что подвергается оценке, осмыслению, эмоциональному переживанию' находит выражение в таких фразеологизмах, как *зо-*

лотой век, золотое время, беречь старую рану, помянуть добром, не помянуть лихом. При этом осмысление прошлого может вызывать как положительные (*золотой век, золотое время, помянуть добром*), так и отрицательные (*беречь старую рану, не помянуть лихом*) эмоции.

Помимо сем, описанных ранее, на основе фразеологизмов нам удалось выделить еще три периферийные семы. Сема 15 'упущенная возможность' реализуется во фразеологизмах *задним умом (крепко), к шапочному разбору/под шапочный разбор, махать кулаками после драки, пока не поздно, пропустить свой час, прохлопать ушами*, которые указывают на отрицательную оценку того, что кто-либо в силу своей медлительности, нерасторопности, глупости и т.п. упустил возможность совершить необходимое или желательное действие.

Такие фразеологизмы, как *а был ли мальчик? заметать следы, покрыто мраком неизвестности, прятать концы в воду*, содержат сему 16 'то, что вызывает сомнение, нуждается в проверке, может быть сфальсифицировано, скрыто', указывая на то, что прошлое, будучи уже не существующим, поддается искажению, намеренному уничтожению, сокрытию.

Сему 17 'то, с чем сознательно обрывают связь, от чего отказываются, отрекаются' реализуют фразеологизмы *обрубить концы, отрясти от ног прах, пройденный этап, сжечь все мосты, сжечь свои корабли*. Данные единицы фиксируют отказ от продолжения, повторения прошлого, желание избавиться от него.

Таким образом, фразеологизмы о прошлом реализуют почти весь ряд сем (за исключением одной семы 9 'плохие поступки, не одобряемые обществом') семантической структуры концепта «прошлое», что еще раз подтверждает выводы, сделанные нами в анализе дефиниций, синонимов, сочетаемости и ассоциаций.

Анализ пословиц и поговорок о прошлом. С помощью паремнологических словарей [18, 19] и свободного поиска в сети Интернет мы выделили пословицы и поговорки, реализующие те или иные компоненты значения концепта «прошлое».

Самая большая группа паремий отсылает к оценочно нейтральной ядерной семе 4 'то, чего уже нет' и в самом широком смысле раскрывает идею 'того, что было в прошлом, уже нет; прошлое нельзя вернуть или пережить заново': *Не пожить тех дней, что прошли; Прожитое, что пролитое, – не воротить; Что было, то сплыло, а бывшее быльем поросло; Что было, то сплыло; Что минуло, то сгинуло; В руках было, да промеж пальцев сплыло; Прошедшего не возвратит, а думай, как наперед жить; Прошлого не воротить, не на конях – не заворотить; Прошлого не догонишь, а от завтра не уйдешь; (Что) Было, (то) да прошло и быльем поросло; Прожитого не пережить, в прошедшего не воротить; Много помнится, да не воротится; Умчались годы, как веиние воды; Прошлого не вернуть; Что прошло, того уже не вернуть; Пролитого не соберешь, прожитого не вернешь*. Как видно из примеров, данная группа пословиц, помимо семы 4, содержит также сему 8 'жизнь', т.е. ограничивает про-

шное отрезком жизни человека и заставляет ощутить невозвратность прошлого на личном опыте: *Жизнь прошла мимо; Будто и не жил.*

Нейтральная ядерная сема 4 конкретизируется в выявленной нами на основе фразеологизмов периферийной семе 15 'упущенная возможность', которая выражает отрицательную оценку несвоевременности осуществляемого действия. Формируемая данной связкой сем поведенческая норма предписывает не упускать возможности, не опаздывать, делать все своевременно, «в пору»: *Время ушло; Женатому учиться – время ушло; Молодому жениться – рано, старому – время ушло; Тридцать лет жены нет – и не будет; Привел коня ковать, когда кузница сгорела; Люди с базара, а Назар – на базар; Спустия лето по малину не ходят; После времени по грибы, да еще и большим кузовом; По снегу за грибами; После пожара по воду; Поздно беречь вино, когда бочка пуста; Догадался, когда проигрался; Спихватился, когда головы не стало; Спихватился Рождества, когда Масленица прошла; Спихватился Данила, когда дочь родила; Опоздавшим – поскребыши; Позднему гостю – глодать кости; Кто поздно пришел, тому мосол; Спящим-гуляющим – нет ничего; Побеждает тот, кто не опаздывает. После драки кулаками не машут.*

Нейтральной с точки зрения эмоциональной оценки ядерной семе 'то, чего уже нет' соответствует периферийная сема 5 'то, что уже не важно, не имеет значения', которая конкретизирует ядерный смысл путем присвоения ему оценки, нейтральной или негативной. В зависимости от типа оценки пословицы предписывают ту или иную поведенческую норму. Так, явление, предмет, ситуация и т.д. могут считаться устаревшими, неактуальными и получать оценку(–). В этом случае мы получаем прескрипцию забыть прошлое, не говорить о прошлом, не вспоминать прошлое, не руководствоваться прошлым, избавиться от прошлого и т.д. (сема 17(+)): *Чего не воротить, про то лучше забыть; Что было, то прошло – вспоминать грешно; Что о том говорить (тужить), чего нельзя воротить; За прошлое ничего не дают; В карете прошлого далеко не уедешь; Старого не молодить, а лобанить; Что прошло – поминай на что? Поминай старое – шевелить костями; Вспомнила баба свой девичник; Слыхали мы эту песенку; Об этом уже и собаки не брежут; Когда я ходил пешком под стол, у этого анекдота уже была длинная борода; Стара эта песня; Этому будет в обед сто лет; Пора списать в архив; Старо как мир.* В сочетании с семой 8 'жизнь' сема 5(–) указывает на неспособность старого человека приносить пользу, качественно выполнять свою работу: *Был конь, да изъездился; Пора на мыло; Пора с ярмарки; Стонет старинушка, кричит старинушка, пора старинушке под холстинушку.* Оценка(0) также формирует прескрипцию, которая, тем не менее, оказывается довольно слабой именно из-за нейтральности исходной оценки. Поведенческая норма в этом случае предписывает принятие прошлого и отказ от попыток исправить его или изменить: *Что было, то было; Все в прошлом. Чуть более сильной данная прескрипция становится в случае сочетания семы 5(0) с семой 12 'то, что вызывает*

тоску и сожаление': Время вылечивает раны; Время – лучший лекарь; Всякая могила травой зарастает.

Неактуальность прошлого, его отсутствие в настоящем может подчеркиваться через сравнение с очень далеким (мифическим) временем: *Это было, когда царь Горох с грибами воевал; Давно, когда еще бабушка внучкой слыла; Давно, когда еще баба девкой была; Это было при дедушке Мирошке, когда денег было трошки.*

Развитие семы 5 'то, что уже не важно, не имеет значения' может получать и в виде идеи, что рано или поздно все новое станет старым, т.е. устареет и будет оцениваться негативно: *И новая песня стареется; Одно золото не стареется.*

Несмотря на тесную связь между семой 4 и семой 5, прошлое как уже не существующее (сема 4) не всегда рассматривается как несущественное (сема 5) и может конкретизироваться периферийной семой 7 'прошлое как память'. В результате мы получаем прошлое как то, что уже не существует в реальности, но еще существует в памяти. И здесь, как и в случае с семой 5, пословицы прескрипции будут зависеть от исходной оценки, позитивной или негативной, прошлых событий (сема 3 + сема 18(+)). Если события оцениваются негативно (периферийная сема 9 'плохие поступки, не одобряемые обществом'), то поведенческая норма предписывает их помнить, но не вспоминать вслух, т.е. не актуализировать с точки зрения настоящего момента: *Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет – тому оба; Кто старое (зло) вспомнит, того черт на расправу потянет; Быть тебе (ему) семь веков на людских памятах; Быль молодцу не укор; Не поминай лихом; Старое не вороши.* Если же события оцениваются позитивно, о них нужно не только помнить, но и говорить: *Добро вспоминается, а лихо не забудется; Добром – так вспомни, а лихом – полно; Хорошее (добро) не забывается.* Вместе с тем, встречаются также и пословицы, указывающие, что плохое следует убирать из своей памяти: *Дружбу помни, а зло забывая; Не будь злопамятен; Не попомни зла; Не держи сердца.*

Оценочно нейтральной ядерной семе 3 'события, ситуации' соответствует также периферийная сема 10 'то, что известно, проверено, надежно, ценно', обладающая положительными коннотациями. Связь между данными семами обуславливается тем, что познание, проверка, оценка чего-либо производятся на основе конкретных событий, дел и ситуаций в прошлом. Чаще всего данную связку сем можно встретить в пословицах о дружбе: *Старый друг лучше новых двух; Не изведен – друг, а изведен – два друга; Изведен друг – куль соли вместе съели.* Выражаемая ею идея заключается в том, чтобы сохранять прошлое, доверять проверенному старому, ценить его больше, чем неизвестное новое: *Вешний лед обманчив, а новый друг ненадежен; Друг неиспытанный, что орех нерасколотый; Друг лучше старый, а платье новое; Нового счастья ищи, а старого не теряй; Старая любовь долго помнится; Старая любовь не ржавеет; Своих друзей заводи и отцовских не забывай; Новых друзей заводи, но не забывай и старых.*

Сочетание ядерной семы 3 'события, ситуации' и семы 8 'жизнь' соответствует семе 13 'прошлое как опыт',

которая всегда оценивается положительно независимо от того, какие события прошлого подразумеваются. Связка данных трех сем формирует идею 'прошлое надо ценить за его уроки; человек в настоящем – это совокупность его жизненного опыта и полученных им ранее знаний': *День сегодняшний – ученик вчерашнего; Добрый разум наживешь не сразу; Жить да быть – ума копить; Умнеют не от хохота, а от жизненного опыта; На ошибках учатся; Из ошибки извлеки пользу.* Опытный человек всегда ценится больше неопытного, а неопытность часто ассоциируется с молодостью: *За одного битого (ученого) двух небитых (неученых) дают (да и то не берут); Старый конь борозды не испортит; Старого воробья на мякине не проведешь; Зелен виноград не вкусен, млад человек не искусен.* Следствием переживания опасных ситуаций является осторожность: *Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду; Пуганая ворона куста боится.* Позитивная программа данной связки сем предписывает человеку оценивать положительно любой опыт, извлекать пользу не только из хорошего, но и из плохого.

Опыт и память могут быть не только индивидуальными, но и коллективными. Второй тип опыта и памяти обычно осмысливается как культура, традиции, устои, ценности, история и т.д. (сема 11 'прошлое как ценность с точки зрения истории и культуры'). С этой точки зрения культуру и историю нации можно было бы определить как коллективный опыт народа, хранящийся в его коллективной памяти. Прошлое в таком понимании имеет абсолютную ценность, выступает ориентиром для осмысления жизни в настоящем и подлежит сохранению. Пословицы, заключающие в себе эту идею прошлого, предписывают жить по традиции, придерживаясь устоявшихся норм: *Жили деды так, и мы проживем; Живи по-старому, а говори по-новому; Давность – не малый свидетель (не старый свидетель); Всегда новизна, да редко – правизна.* Кроме того, сюда же относится идея, что все новое – это повторение старого: *Старое по-старому, а вновь – ничего; Старая песня на новый лад; Все новое – это хорошо забытое старое.*

Ценностная абсолютизация прошлого является причиной его идеализации, в результате которой прошлое представляется как «золотой век», счастливое, обильное время. Так появляется идея 'раньше было лучше, настоящее и будущее хуже прошлого', отраженная в таких пословицах, как *Деды наши жили – мед, пиво пивали, а внуки живут – и хлеба не жуют; Было времечко – ела кума семечки, а теперь и толкут, да не дают; Бывали у вороны большие хоромы, а ныне и кола нет; Деды не знали беды, да внуки набрались муки.*

Наконец, интересным нам представляется тот факт, что в пословицах человек способен выступать пассивным наблюдателем происходящих событий. Пословицы *Что было, видели деды, что будет, увидят внуки; Что было, то видели, что будет – увидим; Поживём – увидим* в чистом виде реализуют ядерную сему 3 'события, ситуации'; они эмоционально нейтральны и безоценочны.

Подводя итог анализу русских паремий о прошлом, необходимо отметить двойственность, при-

сущую отношению русского человека к прошлому. Так, если под прошлым понимается нечто **старое(–), устаревшее(–), отрицательно оцениваемые события и поступки(–)**, то такое прошлое оторвано от настоящего, его значение, по сравнению со значением настоящего и будущего, нивелируется, человек утрачивает связь с ним. С этих позиций положительно оценивается способность освободиться от него, и человек каждый раз будто бы начинает жить заново. Возникает идея, что все в мире со временем обесценивается, устаревают. В зависимости от того, какая связка сем актуализируется, определяются поведенческие нормы:

- не упускать возможности, не опаздывать, делать все своевременно (сема 4(+) сема 15(–));

- забыть прошлое, не говорить о прошлом, не вспоминать прошлое, не руководствоваться прошлым, избавиться от прошлого (сема 4(+) сема 5(–));

- принять прошлое и отказаться от попыток исправить его или изменить (сема 4(+) сема 5(0));

- помнить негативные события, плохие поступки, зло, но не вспоминать вслух, т.е. не актуализировать с точки зрения настоящего момента (сема 4(+) сема 7(+) сема 9(–)).

Если под прошлым понимается нечто **старое(+)**, то такое прошлое связано с настоящим посредством сохранения его в памяти в виде личного или коллективного опыта и оценивается положительно. Оно проверено и надежно, поэтому ему доверяют больше, чем настоящему (новому и неизвестному). *Старое(+)* как синоним прошлого реализует себя в трех значениях: 'проверенный, надежный', 'имеющий опыт, знания, умения, мудрость', 'ценный с точки зрения истории и культуры'. В зависимости от того, какая связка сем актуализируется, определяются поведенческие нормы:

- говорить о событиях, оцениваемых позитивно (сема 4(+) сема 7(+) сема 3(+));

- сохранять прошлое, доверять проверенному старому, ценить его больше, чем неизвестное новое (сема 3(+) сема 10(+));

- оценивать положительно любой опыт, извлекать пользу не только из хорошего, но и из плохого (сема 3(+) сема 8(+) сема 13(+));

- жить по традиции, придерживаясь устоявшихся норм (сема 11(+)).

Заключение

Проведенный нами анализ концепта «прошлое» в русской языковой картине мира, в основу которого был положен комплекс методов (анализ словарных дефиниций, построение образно-семантического поля на основе синонимов и сочетаемости ключевого слова, анализ фразеологизмов, анализ паремий) и данные словарей разных типов, позволил выделить в семантической структуре прошлого 18 сем и представить их в виде поля, состоящего из ядерной и периферийной областей. В своем исследовании мы исходили из идеи, что лингвокультурология в процессе изучения проявлений культуры в языке должна быть нацелен-

ной в первую очередь на обнаружение и описание ее ценностных компонентов, которые мы вслед за О.А. Корниловым разделяем на эмоциональные оценки и поведенческие нормы.

Подход, при котором культурный концепт последовательно описывается на сенсорно-рецептивном, логико-понятийном, эмоционально-оценочном и ценностно-нравственном уровнях, привел нас к выводу, что прошлое в русской языковой картине мира представляет собой двухполюсную зону с двумя группами противопоставленных друг другу оценок и поведенческих прескрипций: прошлое как нечто *старое*(–), *устаревшее*(–) и прошлое как нечто *старое*(+).

В первом случае человек стремится разорвать связь настоящего с прошлым, представляет его тем, от чего необходимо освободиться; такому прошлому соответствуют прескрипции «забыть прошлое», «не руководствоваться прошлым», «принять прошлое», «не пытаться изменить прошлое», «не говорить о прошлом» и т.д.

Во втором случае прошлое связано с настоящим, заключает в себе то, что ценно, проверено временем,

надежно. Поэтому поведенческие нормы предписывают говорить, вспоминать о прошлом, сохранять его и доверять ему, ценить любой тип опыта, жить, ориентируясь на традиции и культуру своего народа.

Культурный концепт «прошлое» был рассмотрен в настоящем исследовании не в рамках концепта «время», а в качестве самостоятельного компонента национальной языковой картины мира, при этом правомерность такого подхода была подтверждена тем, что в концепте «прошлое» мы обнаружили как семы, связанные с идеей времени (например, сема 2 'время', сема 6 'период существования кого-, чего-л.', сема 8 'жизнь'), так и нетемпоральные семы (например, сема 9 'плохие или неоднозначные, с точки зрения общества, поступки человека', сема 11 'прошлое как ценность с точки зрения истории и культуры', сема 16 'то, что вызывает сомнение, нуждается в проверке, может быть сфальсифицировано, скрыто', сема 17 'то, с чем сознательно обрывают связь, от чего отказываются, отрекаются', сема 19 'то, что человек непосредственно наблюдал'), обеспечивающие концепту самостоятельную культурную ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оба в значении «историческая эпоха, предшествующая настоящему и отделенная от него другой эпохой или эпохами» [13. С. 1105].

² Аналогами в словаре [13] называются «слова, значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигают той степени близости к нему, которая конституирует собственно синонимию» [13. С. XX].

³ В значении 'в прошлом, позади' [16].

⁴ В значении 'в прошлом' [16].

⁵ В значении 'лучшее время в чьей-либо жизни' [17].

⁶ В значении 'многое знать, испытать, пережить в жизни' [17].

⁷ Приведение всех выявленных нами фразеологических единиц представляется невозможным в силу ограниченного объема статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
2. Чернова О.Е. Методика концептуального анализа в системе филологической подготовки студентов вуза (на примере концепта «горе») // Гуманитарно-педагогические исследования. Магнитогорск : МГТУ им. Г.И. Носова, 2018. Т. 2, № 1. С. 37–45.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира. Иванов : Иванов. гос. ун-т, 2003. 252 с.
5. Баруздина С.А. Лингвокультурный концепт «Время» в метафорических репрезентациях (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 188 с.
6. Обухова Т.А. Вербализация концепта «время» во французском и русском языках: лингвокультурный аспект: на материале лексических единиц и свободных словосочетаний : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 175 с.
7. Шербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 209 с.
8. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Союмонов; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
9. Лебедько М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление русской и американской концептосфер. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 240 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 331 с.
11. Большой академический словарь русского языка / под ред. А.С. Герда. М.; СПб. : Наука, 2012. Т. 21. 630 с.
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/265697.html>
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / авт. словар. ст.: В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
14. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 2001. 568 с. (Библиотека словарей рус. яз.).
15. Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/verbal-compatibility/fc/slovar-207-11.htm#zag-4657>
16. Фразеологический словарь русского языка / сост. Е.Н. Телия. 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>
17. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13 000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. 3-е изд., испр. М. : АСТ; Астрель, 2008. 878 с.
18. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 2000. 544 с. (Б-ка словарей рус. яз.).
19. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 736 с. (Настольные словари русского языка).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 декабря 2020 г.

The Concept “Past” in the Russian Language Picture of the World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 42–50.

DOI: 10.17223/15617793/464/5

Alexandr S. Mamontov, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Arina G. Zhukova, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: agzhukova@pushkin.institute

Alexandra G. Stolyarova, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aleks-stolyarova@yandex.ru

Keywords: Russian language picture of world; concept “past”; conceptual analysis; everyday consciousness; value component of concept; behavioral norms.

The article analyzes the concept “past” as a component of the Russian language picture of the world. The authors make a comprehensive conceptual description of the past based on the three-part model of the concept according to V.I. Karasik – “image, concept, value”. Addressing this topic is due to the lack of a linguocultural description of the concept of the past in Russian science, as well as the need to expand the fund of conceptual descriptions of the components of Russian linguistic culture. The aim of the research is a comprehensive description of the concept of the past focused on identifying its value characteristics, which corresponds to the linguistic cultural direction, within which culture can be understood as a set of meanings, values and norms. The research methodology is based on the structure of everyday consciousness described by O.A. Kornilov and includes an analysis of sensory-receptive, logical-conceptual, emotional-evaluative and value-moral components of the concept. The procedures of conceptual analysis include the analysis of dictionary definitions of the keyword, the construction of a figurative semantic field based on synonyms and compatibility, the analysis of associations, the analysis of phraseological units, the analysis of proverbs and sayings. The main sources of the research are explanatory dictionaries of the Russian language edited by D.N. Ushakov, A.S. Gerd and T.F. Efremova, *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms* edited by Yu.D. Apresyan, dictionaries of synonyms edited by Z.E. Aleksandrova, *Associative Thesaurus of the Modern Russian Language* edited by Yu.N. Karaulov, phraseological dictionaries of the Russian language edited by E.N. Teliya and A.I. Fyodorov, dictionaries of proverbs and sayings edited by V.I. Zimin and V.P. Zhukov. The main results of the study are related to the modeling of the field structure of the conceptual field “past” with the identification of its neutral core, perinuclear and connotatively marked periphery. The final stage of the analysis suggests that the value component of the concept “past” is a bipolar zone, within which two mutually exclusive groups of behavioral norms coexist, reflecting the two value centers of the concept.

REFERENCES

1. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: Lectures]. Moscow: ITDGG “Gnozis”.
2. Chernova, O.E. (2018) Metodika kontseptual'nogo analiza v sisteme filologicheskoy podgotovki studentov vuza (na primere kontsepta “gore”) [Methodology of conceptual analysis in the system of philological training of university students (on the example of the concept “grief”)]. *Humanitarno-pedagogicheskie issledovaniya – Humanitarian and Pedagogical Research*. 2 (1). pp. 37–45.
3. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. 2nd ed. Moscow: CheRo.
4. Mikheeva, L.N. (2003) *Vremya v russkoy yazykovoy kartine mira* [Time in the Russian language picture of the world]. Ivanovo: Ivanovo State University.
5. Baruzdina, S.A. (2008) *Lingvokul'turnyy kontsept “Vremya” v metaforicheskikh reprezentatsiyakh (na materiale nemetskogo yazyka)* [Linguocultural concept “Time” in metaphorical representations (based on the German language)]. Philology Cand. Diss. Smolensk.
6. Obukhova, T.A. (2011) *Verbalizatsiya kontsepta “vremya” vo frantsuzskom i russkom yazykakh: lingvokul'turnyy aspekt: na materiale leksicheskikh edinits i svobodnykh slovosochetaniy* [The concept “time” in the phraseology of the German and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
7. Shcherbina, V.E. (2006) *Kontsept “vremya” vo frazeologii nemetskogo i russkogo yazykov* [Concept “time” in German and Russian phraseology]. Philology Cand. Diss. Ufa.
8. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Translated from English. Moscow: Politizdat.
9. Lebed'ko, M.G. (2002) *Vremya kak kognitivnaya dominantna kul'tury. Sopostavlenie russkoy i amerikanskoy kontseptosfer* [Time as a cognitive dominant of culture. Comparison of the Russian and American conceptual spheres]. Vladivostok: Far Eastern State University.
10. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: person, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
11. Gerd, A.S. (ed.) (2012) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language]. Vol. 21. Moscow; Saint Petersburg: Nauka.
12. Efremova, T.F. (2012) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: Explanatory and derivational]. [Online] Available from: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/265697.html>.
13. Apresyan, V.Yu. et al. (2003) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskiy spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov* [Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical guide: about 11,000 synonym groups]. 11th ed. Moscow: Rus. yaz.
15. Biryuk, O.L., Gusev, V.Yu. & Kalinina, E.Yu. (2008) *Slovar' glagol'noy sochetaemosti nepredmetnykh imen* [Dictionary of verb collocations of non-objective nouns]. [Online] Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/verbal-compatibility/fc/slovar-207-11.htm#zag-4657>.
16. Teliya, E.N. (2006) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>.
17. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13 000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: about 13,000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: AST; Astrel'.
18. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th ed. Moscow: Rus. yaz.
19. Zimin, V.I. (2016) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [The thesaurus dictionary of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Received: 02 December 2020

С.И. Якимова

ПОРТРЕТНЫЙ ОЧЕРК ВС.Н. ИВАНОВА 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг. В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ ЭПОХИ

Анализируются портретные очерки Вс.Н. Иванова 1920-х – начала 1930-х гг. На основе архивных материалов и контента владивостокских небольшевистских газет («Русский край», «Русская армия», «Вечерняя газета»), периодических изданий дальневосточной эмиграции (газеты «Свет», «Гун-Бао», журнал «Рубеж») рассматриваются внутри- и внелитературные факторы, обусловившие своеобразие мемориальных и некрологических портретных очерков, выявляются актуальность и общность их нравственно-философской проблематики.

Ключевые слова: Всеволод Никанорович Иванов; портретный очерк; журналистика; российский Дальний Восток; дальневосточная эмиграция; социокультурный контекст.

Введение

Изучение истории отечественной журналистики периода Гражданской войны в России не может быть полным и исчерпывающим без включения в ее контекст журналистики российского Дальнего Востока и дальневосточного зарубежья.

Журналистика российского Дальнего Востока начала 1920-х гг. в силу особого статуса существовавшей там до октября 1922 г. Дальневосточной республики (ДВР) существенно дополняла богатое и сложное информационное пространство России, на большей территории которого к началу 1920-х гг. уже установилась советская власть с ее идейными приоритетами, подрывавшими демократические основы жизни общества. Трагические последствия Гражданской войны требовали всестороннего и глубокого анализа, в то время как советская журналистика по идейным причинам была лишена возможности масштабно и полно освещать происходившие процессы. Поэтому политическое многоголосие, существовавшее на рубеже 1920-х гг. на российском Дальнем Востоке, в относительно свободном от идеологического диктата большевистской власти уголке России, способствовало развитию свободы слова в историко-культурном и информационном пространстве.

Актуальность и социокультурная востребованность жанра портретного очерка в журналистике дальневосточного региона России во многом были обусловлены особой социокультурной ситуацией, сложившейся в ДВР, а также возросшей ролью влиятельных, знаковых фигур в период идейного раскола и смены аксиологической парадигмы в жизни нового российского государства.

Запечатлевая в себе рассказ о жизни и культурном вкладе значимых в историко-культурном развитии страны фигур периода революции и Гражданской войны, портретный очерк вместе с тем становился продуктивной формой глубокого исследования исторического прошлого России, которое приобретало в рамках происходивших перемен особую философско-эстетическую значимость. Своей обращенностью к будущему через осмысление прошлого и современного опыта идейно-политической борьбы портретный очерк 1920-х гг. отразил определенные видоизменения и трансформации, которые нашли яркое вопло-

щение в журналистском творчестве Всеволода Никаноровича Иванова (1888, Волковск Гродненской губернии, – 1971, Хабаровск), личности неординарной, активно выступавшей против идеологии большевизма.

Высокий авторитет Вс.Н. Иванова в журналистской среде был сформирован его предшествующей профессиональной журналистской деятельностью в составе Русского бюро печати при адмирале А.В. Колчаке в Омске, тогдашней «столице» Сибири, где он редактировал одно из изданий правительства А. Колчака, омскую «Нашу газету».

Свой первый журналистский опыт Вс.Н. Иванов приобрел в годы учебы в Санкт-Петербургском университете еще до начала Первой мировой войны, которая поставила молодого человека перед экзистенциальными вопросами. Ответы на них ассистент кафедры философии и права Пермского филиала Санкт-Петербургского университета, начинающий поэт, журналист искал, опираясь на синтез науки и творчества. Этот своеобразный синтез на десятилетия предопределил главные линии творчества Вс.Н. Иванова, обусловил широту его эрудиции, философскую концептуальность всего масштабного творчества.

Присущие Вс.Н. Иванову чувство гражданской ответственности, высокий уровень филологической культуры, сформированная классическим образованием приверженность гуманистическим ценностям способствовали укреплению его авторитета не только в журналистской среде. Активное участие Вс.Н. Иванова в начале 1920-х гг. в создании и руководстве телеграфного агентства (ДИТА), выдвижение его кандидатуры на пост Уполномоченного по информации Временного Приамурского правительства открывали большие политические перспективы, от которых Вс.Н. Иванов отказался в пользу независимой журналистики. Оставляя за собой статус издателя и редактора «Вечерней газеты» во Владивостоке, Иванов считал необходимым информировать об этом общественность через опубликование 27 июля 1921 г. во владивостокской газете «Русский край» своего публичного заявления. Правительство, приняв заявление Иванова, с сожалением констатировало: «Ваши организаторские способности, ваша опытность в газетном деле являются настолько несомненными, что у Пра-

вительства не может быть другого более подходящего лица, которое с такими же, как Вы, успехами и знанием дела мог бы вести эту трудную и весьма ответственную работу» [1. С. 5].

Принципиальность, независимость, порой категоричность суждений Вс.Н. Иванова с максимальной полнотой проявили себя в серии рассматриваемых в статье портретных очерков, посвященных видным деятелям современной ему политики и культуры, а также знаковым фигурам предшествующих переломных эпох в истории России.

Актуализация жанра портретного очерка в творчестве Вс.Н. Иванова

Исследование проблем настоящего вывело Иванова к исторической проблематике, к поискам причин и истоков происходящего. Творящаяся на глазах история ярче всего предстала Иванову через ее ярких представителей, деятелей политики и культуры. Его внимание к знаковым фигурам из недавнего прошлого в мемориальных очерках по-особому дополнилось изучением трагических событий настоящего в некрологических очерках-портретах.

В статье проанализировано восемь портретных очерков Вс.Н. Иванова, написанных и опубликованных в несоветских или эмигрантских газетах в рамках острой политической полемики с идеологическими приоритетами советской власти. Из них два отнесены нами к некрологическим очеркам, которые отличает высокая степень актуализации драматизма происходящего, в то время как в мемориальных очерках журналист выходит на обсуждение нравственно-философской проблематики. Значительный объем созданных Ивановым в рассматриваемый период мемориальных очерков отражает глубину и содержательность портретной очеркистики автора, во многом определяет горизонты его дальнейшей журналистской и писательской деятельности.

Свой заметный вклад в развитие жанра портретного очерка Иванов внес через использование многообразия его видов, мемориального, исполненного философского, культурно-созидательного начала, и некрологического портретного очерка с его трагическим пафосом.

Портретный очерк, как жанр авторской, или писательской, журналистики позволил очеркисту Иванову представить своих героев в нетривиальной ситуации, не просто раскрыть их систему ценностей и выразить свое к этому отношение, но и открыть в своих героях индивидуальные точки роста, моменты преодоления себя, выхода за рамки привычного, предсказуемого ради достижения своей цели, защиты и продвижения общественно значимых идеалов и целей. Предметом документально-художественных исследований Вс.Н. Иванова в портретных очерках наряду с личностью героя всегда становилась проблемная ситуация, для разрешения которой писатель и мыслитель Вс.Н. Иванов использовал богатый аналитический опыт, теоретические методы и подходы, а для проникновения в психологию исследуемой личности опирался на методы художественные.

Внимание данной статьи к жанру портретного очерка в творчестве Вс.Н. Иванова продолжает научное изучение универсального наследия писателя, мыслителя и журналиста, в котором нашли отражение драматизм личной биографии автора и истории России в контексте событий первой трети XX в. Художественное своеобразие творческой манеры Иванова, советского писателя, автора исторических повествований, привлекло внимание исследователей в тот период, когда его эмигрантское творчество было недоступно не только читателю, но и исследователю [2].

Масштабное изучение наследия этого художника слова, внесшего заметный вклад в воссоединение русской литературы и журналистики диаспоры и метрополии, началось в конце 1980-х гг., когда в научную повестку были включены получившие актуальность вопросы изучения русской зарубежной литературы и журналистики. Как журналист и писатель, более двадцати лет проживший в эмиграции в Китае, Вс.Н. Иванов всем корпусом созданных им в доэмигрантский и эмигрантский периоды произведений научной-публицистической, художественной литературы и журналистики открыл перед исследователями отечественной литературы и журналистики новые перспективы в изучении особенностей развития единой отечественной литературы и журналистики XX в.

Первой крупной работой по обобщению и систематизации творчества Вс.Н. Иванова стала монография, а затем и одноименная докторская диссертация автора данной статьи [3]. Новые аспекты творчества Вс.Н. Иванова-поэта послужили предметом изучения И.Ю. Ковальчук [4]. Заметными вехами стали как отдельные статьи, так и сборники коллективных научных изданий преподавателей-исследователей кафедры журналистики Тихоокеанского госуниверситета (ТОГУ), посвященные изучению литературы и журналистики русского зарубежья Дальнего Востока [5]. Один из разделов данной коллективной монографии посвящен изучению вопросов поэтики творчества и мировоззрения Вс.Н. Иванова. Первые подступы к исследованию очеркистики Вс.Н. Иванова 1920-х гг. представлены в обзорной статье Н.А. Выхованец [6]. Издаваемые кафедрой журналистики ТОГУ с 2012 г. сборники научных статей по материалам регулярно проводимой международной научно-практической конференции «Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.» дважды посвящались юбилейным датам (125-летию и 130-летию) со дня рождения Вс. Н. Иванова и включали статьи о нравственно-философской проблематике (евразийство, культура востока), о жанровых приоритетах (историческое повествование, историческая повесть, жанр очерка, сонет) в его творчестве, приобретающем особую актуальность в рамках преподаваемых учебных дисциплин по направлению подготовки студентов (42.03.02 «Журналистика»). Формирующийся контекст изучения творчества Вс.Н. Иванова обнаруживает тенденцию ко все большему переходу от изучения общих проблем идейно-художественного своеобразие масштабного наследия Вс.Н. Иванова к исследованию частных, конкретных вопросов индивиду-

ального почерка автора, обуславливающего его личный вклад в развитие отечественной литературы и журналистики. Жанр портретного очерка, обнаруживающий свою особую продуктивность в творчестве писателя и журналиста Иванова 1920-х гг., предметом отдельного научного исследования до настоящего времени не выступал.

Мемориальный очерк в портретной галерее Вс.Н. Иванова

Серию портретных очерков, созданных Вс.Н. Ивановым, отличает богатство представленных в них человеческих типов и проблематики, своеобразие мировоззренческой позиции их автора, прожившего в изгнании более двадцати лет, что обусловило особенности авторского обобщения действительности, ее масштабность. Портретные очерки, лаконичные зарисовки крупными мазками образов своих знаменитых соотечественников-современников, деятелей политики и культуры, Вс.Н. Иванов органично дополняет очерками о выдающихся, знаковых исторических личностях России, посвящая им мемориальные очерки, в которых выражается концептуальная позиция Вс.Н. Иванова по отношению к истории, прежде всего к истории России, как источнику истины, критерию нравственной ценности человеческой личности. Не случайно в своей книге философско-культурологического характера «Дело человека: Опыт философии культуры» (Харбин, 1933) он актуализирует, наряду с наукой, религией и искусством, историю как один из четырех путей познания. Научный подход Вс.Н. Иванова к изучению истории, истории своей страны привел его к евразийству, сделал продолжателем идей великого русского философа В.С. Соловьева, послужил толчком к созданию главной книги Вс.Н. Иванова-евразийца «Мы: Культурно-исторические основы русской государственности» (Харбин, 1926), близкой по жанру к философско-исторической публицистике.

Опубликованный Вс.Н. Ивановым в 1921 г. во владивостокской газете «Русский край» мемориальный очерк «Кровь царя» актуализировал одну из трагических страниц русской истории, еще «не поросшей травой забвения», расстрел большевиками в 1918 г. русского императора Николая II. Очерк открывается личным воспоминанием автора очерка о единственной, нечаянной, но существенно повлиявшей на сознание одного из воспитанников Санкт-Петербургского «12000-го университета», кем был в начале XX в. Вс.Н. Иванов: «Мне только раз удалось видеть покойного императора» [7. С. 15]. Вплетая свою биографию в повествовательную ткань портретного очерка, автор показывает неразрывность индивидуальной судьбы человека с историей страны, их сопряженность. Сопровождающий воспоминания лирический пейзаж способствует раскрытию авторского миропонимания, его аксиологической картины мира: «Был один из тех изумительных петербургских прозрачных зимних дней, когда Невский проспект в легком морозце казался ослепительным» [7. С. 15].

Проникнутый светлыми, жизнеутверждающими нотами пейзажный зачин очерка резко контрастирует с его публицистически острым, драматическим финалом, отражающим непримиримость автора очерка с большевистским произволом: «Уже теперь, через три года после этой беспримерной жертвы царей за Россию, начинается все ярче и ярче вставать сознание – да что же мы сделали?» [7. С. 18]. В авторском «мы» отражены неразрывная связь писателя и журналиста с судьбой России, высокое чувство гражданской ответственности за происходящее с его страной, личной причастности как к ее богатому, так и негативному опыту. Соединяя лирическую и публицистическую формы подачи материала, журналист, обращаясь к широкой аудитории эмоционально, художественно, выполняет свою целевую установку: повлиять, изменить ее самосознание.

В художественную структуру очерка органично входит типологически общий для биографических жанров конфликт между точкой зрения автора и его окружения, так называемых других, обуславливая логический переход от лирической формы повествования к публицистической. Вечером, находясь под впечатлением от случившейся «встречи» с императором, Вс.Н. Иванов не менее изумлен безразличием со стороны своих приятелей-студентов, услышав в ответ на свой рассказ о «встрече» с русским императором: «Мишура!..» [7. С. 15]. Воспоминания Вс.Н. Иванова о малой родине соединяются в очерке с размышлениями о настоящем, беллетристика – с эссеистикой: «Они были, в общем, хорошие люди, эти приятели в студенческой комнатке у хозяйки-эстонки Лизы Федоровны. Но был какой-то дефект в их душах. Волга развертывала перед нами на наших каникулах свои широкие воды: труд и предприимчивость кипели в промышленном размахе, побивая слабых, укрепляя сильных, – а они не знали слова Родина, эти молодые люди, и пели на вечеринках каторжные песни...» [7. С. 15–16]. Пробуждавшаяся этими песнями в душах людей ненависть трансформировалась в наваждение, которое, по мысли автора, и привело к разрыву с прошлым, с традицией, к трагедии саморазрушения. Отказ и даже стыд собственного мнения, как подчеркивает Иванов, привели к разрыву с национальной исторической традицией: «Мало того, что мы порвали с традицией, – мы не просто оставили ее в стороне. Мы возненавидели ее смертельной ненавистью, ненавистью к родному» [7. С. 17].

В очерке, пронизанном мотивом тоски, прошлое анализируется с главной установкой – извлечь из него урок гуманизма: «Кровь русского императора будет поворотной осью тому, о чем говорит не испорченный полунаучкой русский рассудок и русская трезвая совесть, о чем говорит Волга и русские церкви – к неиссякаемой радости жизни, творчества, к той силе, о которой пророчествует Достоевский: «Народы слагаются и движутся силой повелевающей и господствующей, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Это есть сила беспрестанного и беспрерывного подтверждения своего бытия и отрицания смерти, – реки воды живой... И как эта сила, пусть так же животворна да будет кровь русского царя

нашим внукам: – Ибо она на нас и на детях наших!» [7. С. 19]. Над страницами очерка Вс.Н. Иванова лейтмотивом витают «Бесы» Ф.М. Достоевского, усиливая ощущение катастрофичности бытия, разрухи в делах, смуты в сознании. Иванов развенчивает ложную, губительную романтизацию нигилизма, порождавшую ненависть к России: «И эта ненависть, чужая ненависть, как туманом, крыла все величественные картины нашего исторического прошлого, искажала до неузнаваемости все пышные формы исторической традиции» [7. С. 17]. Иванов апеллирует к тому же, с чем связывал свои глубокие надежды Достоевский, к человеческой душе, ее духовно-нравственному богатству и красоте, человеческой совести: «Мы не знаем долга. Мы знаем только грех и его покаянное искупление. И этот великий грех русского народа – путь к его искуплению» [7. С. 19].

Воссозданная в очерке историческая трагедия личности в эпоху социальных потрясений, отражая сформированную гуманистическими традициями русской классики аксиологическую картину мира Вс.Н. Иванова, сохраняет свою необычайную актуальность: «Молчаливы поруганные тени предков и национальных героев. Молчат сброшенные с пьедесталов их монументы, неслыханно оскорбляя тех, кто их ставил» [7. С. 18]. Воссозданная в очерке национальная трагедия, соединенная с верой в преодоление духовно-нравственного кризиса, отражает тонкий переход некрологического портретного очерка в мемориальный, передавая высокую степень погружения автора в существо экзистенциальной проблематики, наполняя очерк подлинной художественной достоверностью.

Своим современникам, деятелям культуры Вс.Н. Иванов посвятил очерки «Проф. Д.В. Болдырев» и «Василий Федорович Иванов», опубликованные в 1921 г. во владивостокской газете «Русский край». В мемориальном очерке «Проф. Д.В. Болдырев», открывающемся трагическим событием в биографии молодого профессора Пермского университета по кафедре философии, коллегой которого в пору преподавательской деятельности был ассистент Вс.Н. Иванов, лирическое начало перерастает в публицистическое содержание, соединяющее в себе высокую эмоциональную художественность и научность философских обобщений. Автор очерка воссоздает яркие эпизоды из биографии ученого-философа и выдающегося деятеля русской православной церкви, одного из участников-основателей в 1917 г. в Петрограде «Братства св. Софии». Иванов, включая историю жизни и подвижнического труда Д.В. Болдырева в социокультурный контекст бескомпромиссного противостояния духовной культуры и большевистской идеологии, используя богатый фактический материал из периодики тех лет («Русская мысль», 1917; омская «Сибирская речь», 1919), выступает и как историк отечественной журналистики.

Представленная в очерке характеристика периода Гражданской войны в России содержит уникальный синтез личного и общего, биографического и публицистического, научного и художественного, формируя индивидуальность стиля Вс.Н. Иванова, что впо-

следствии определит особенность творческой манеры писателя: «Нас, русских, всегда окружало это тончайшее эфирное облако удивительных переживаний, которые, затвердев в русском творчестве, алмазами сияют в нашей поэзии. Но слишком мало всегда у нас было людей, которые, веря в себя, прислушивались бы к этому исконному “перезвону сосен” в своей душе. <...> Но тем и ценнее тогда в эти периоды разрухи и крушения те фигуры, которые слушают, не смущаясь, в своем сердце это цветение души. Какая бездна переживаний и настроений волнуется тогда перед нами в такой личности, объединяя в себе те действительные элементы, которые органически создавали всё, что называем мы русским. Такой именно личностью был покойный Дмитрий Васильевич Болдырев» [8. С. 36–37]. Журналист и писатель, вынося глубоко личные оценки непродолжительному, но очень значимому своим разрушительными последствиями периоду идеологического противостояния, раскрывает свои аксиологические принципы: «Пожирается во имя земных благ личное, индивидуальное, пышное, радостное сияние, цветение широкой русской души» [8. С. 36].

В портретном очерке «Василий Федорович Иванов» автор запечатлевает один из уникальных типов русских людей, поначалу воспринимаемых как человек с чужинкой, в критической ситуации обнаруживающих в себе удивительную жизнестойкость благодаря приверженности здравому смыслу. «Вас. Фед. Иванов весь в том мире, куда образованным людям как бы нет хода, потому что там нет никаких проблем. Этот мир здравого смысла, вековых устоев отношения людей между собой, чуткого, совестливого восприятия вековых идей, не укладывающихся ни в какие прокрустовы ложа «прогресса» [9. С. 55]. Многообразие человеческих типов и характеров, запечатленных в портретных очерках Иванова, отражает, с одной стороны, реальную сложность картины бытия, а с другой – широту взглядов автора, профессионального журналиста, стремящегося к максимальному, порой субъективному самовыражению.

В 1921 г. владивостокская газета «Русская армия» опубликовала его очерк «Семеновщина» о крушении личности атамана Семенова его ближайшим окружением. Очерк рождает емкие, сохраняющие актуальность нравственно-философские размышления Вс.Н. Иванова о сложной природе политической борьбы, о противостоянии политики и нравственности: «<...> у атамана Семенова удивительный дар подбирать себе таких деятелей, что хоть всех святых вон вынести. Вокруг атамана образовался двор, твердый, непроницаемый, и во дворе этом все служили не делу, а лицу атамана, а через него – лишь себе» [10. С. 65].

Исследование трагического опыта русской революции, ее последствий Вс.Н. Иванов продолжил в серии мемориальных портретных очерков эмигрантского периода (1922–1945). Восьмой годовщине со дня казни адмирала Колчака Вс.Н. Иванов посвятил очерк «Адмирал Колчак», в котором, продолжая исследование человеческой природы, природы вождей в эпоху социокультурных потрясений, не скрывает авторских оценок, аксиологическая природа которых

отражает устойчивость гуманистических принципов автора очерка: «Для преодоления революции нужна была совесть, а совести-то и не было. Ни в красном, ни в белом стане» [11. С. 167]. Небольшой, в семь страниц, очерк включает в себя 12 фрагментов из журналистской биографии Иванова, эпизодов политических баталлий и конфликтов в ближайшем окружении адмирала Колчака, запечатлевая сложность реальных событий гражданской войны через их хаотичную смену во времени и пространстве. Экспериментируя в области формы, соединяя журналистский талант с писательским, Иванов в своей горячей публицистике отстаивал идеалы гуманизма: «Но не к присутствующей толпе, по большей части азартной, себялюбивой и равнодушной, направляется мой взор. Туда, назад, к бесконечным просторам Сибири, которую мы изошли в Ледяном походе, уходя из России... Там витают кровавые призраки тех, кто смертью запечатлел свой подвиг верности. Эти видения можно видеть только совестью. И во имя этой совести – придет время и будет историей учинено жестокое действие с теми, которые это душевное качество потеряли, предаваясь своим делам и делишкам, предаваясь себялюбивой политике» [11. С. 171–172].

События октября 1917 г., продолжая и в эмиграции оставаться предметом раздумий писателя и журналиста Вс.Н. Иванова, рождали ассоциации с трагическими эпизодами русской истории, истории культуры в лице ее ярких представителей, углубляли авторский историзм. В серию мемориальных очерков Вс.Н. Иванова входит полемический для советской атеистической эпохи, концептуальный для всего последующего творчества писателя-историка очерк «Оправданный Аввакум», в котором автор актуализирует один из аспектов историко-культурной миссии вождя русских старообрядцев протопопа Аввакума Петрова. Публицистическая заявка автора очерка на переосмысление культурно-исторической миссии протопопа Аввакума, оправдание его протеста против радикальных церковных нововведений обусловлены социокультурными обстоятельствами советской эпохи, проводившей радикальные реформы во всех сферах жизни российского общества. «Нет, не фанатизм умудренно видим мы теперь в действиях протопопа Аввакума, не слепую ярость, а разумный и трезвый взгляд на вещи», – утверждает Вс.Н. Иванов, отмечая в современной ему жизни дефицит разумного и взвешенного отношения к переменам [12. С. 284].

Очерк стал своеобразным подступом писателя к сложной проблематике своего большого исторического повествования (именно так писатель называл свои исторические произведения послеэмигрантского периода. – С.Я.) «Черные люди», документально-художественного исследования глобальных проблем в истории России XVII в. в их обусловленности ролью отдельных личностей: церковный раскол русской православной церкви – протопоп Аввакум Петров; бунташный XVII век – царь Алексей Михайлович; освоение российского Дальнего Востока – Ерофей Хабаров; крестьянское освободительное движение – Степан Разин и др. В произведениях больших и малых жанров о переломных периодах в истории России

Вс.Н. Иванов, преисполненный тревогой о будущем своей страны, искал пути решения актуальных нравственно-философских проблем эпохи. Мемориальный очерк о знаковой фигуре из далекого прошлого, написанный Вс.Н. Ивановым в начале 1930-х гг. в эмиграции, перерастает в проблемный, актуализирующий в себе идею консолидации россиян на основе уроков прошлого: «Разруха настоящего, которая превзошла собой всякое вероятие, заставляет нас оглянуться назад и отметить в прошлом то, на что мы прежде не обращали должного внимания. Мы видим, что, в противоположность настоящему, в прошлом мы имели крепкое, сильное, слаженное государство, и это преисполняет нас уважением к тем деятелям этого государства, которые его создали, и тем, кто держал тогда высоко стяг русского национального дела» [12. С. 279]. Очерк раскрывает авторскую картину мира, сформированные классическим образованием, устоями дореволюционной жизни принципы, подвергавшиеся в контексте советской идеологии попыткам радикальной переоценки: уважение к истории своей страны, готовность учиться у прошлого, приоритет духовных ценностей.

Некрологический очерк-портрет в журналистике Вс.Н. Иванова

Жанр портретного очерка, соединяя в себе идейно-художественные черты и признаки многих разновидностей жанра, в творчестве журналиста Вс.Н. Иванова изучаемого периода проявил свою исключительную продуктивность. Серия мемориальных очерков-портретов существенно дополнилась вызванными к жизни трагическими событиями послереволюционной эпохи некрологическими очерками-портретами, в которых мотивы покаяния и искупления звучали остро и трагично.

Влияние внелитературных факторов диктовало очеркисту тему, высвечивало проблему, а способ ее раскрытия и решения писатель искал в художественном арсенале, где эстетика взаимодействовала с публицистикой, усиливая процессы лиризации и субъективизации в отображении драматических событий эпохи. Импрессионистический способ мышления эпохи Серебряного века, находя отзвуки в поэтике Вс.Н. Иванова, дополнялся влиянием новых философско-эстетических концепций, что способствовало переводу размышлений журналиста, писателя и критика в эссеистский план.

В создавшихся драматических условиях необыкновенную продуктивность через внедрение своих элементов в другие жанровые образования критики проявил жанр литературного портрета. Элементы литературного портрета проникали в критические очерки, рецензии, монографические статьи, некрологические очерки-портреты и т.д. Главной задачей отечественной литературно-художественной критики в условиях идейного и духовного раскола стало художественно-целостное изображение живой писательской индивидуальности во всей неповторимости ее «лица», мышления, языка, воплощенных в «характере, манере поведения, <...> биографии» [13. С. 12].

В 1921 г. в Петрограде большевиками был расстрелян поэт Николай Гумилев, в том же году умер поэт Александр Блок. Трагедия необыкновенным образом сблизила этих разных поэтов, которые стали вершинными фигурами, высшими ориентирами не только для поэтов в изгнании, но и для всей русской эмиграции. 1921 год остался навсегда запечатленным в некрологических портретных очерках Вс.Н. Иванова, находившегося в этот период времени на пороге эмиграции, во Владивостоке. Очерк Вс.Н. Иванова «Причастный тайнам (Памяти А. Блока)» открыл новый этап в осмыслении творческого наследия поэта, прозревавшего за трагедией настоящего светлые дали. Вс.Н. Иванов одним из первых ощутил в поэме «Двенадцать» А. Блока не романтику революции, а «стихийное бушевание этой подлинной, мировой тоски, которая в русском народе» [14. С. 2]. По мнению журналиста и критика Иванова, «мистическое содержание этой иной подлинности, тоскующей реальности и составляет другое содержание «Двенадцати» [14. С. 2]. Очевидной становится и причина полярных трактовок поэмы разными политическими силами. Она – в неразгаданности, в недостаточности проникновения в ее глубинный смысл, «потому что проникновение – это дело самого поэта, дело Причастного Тайнам, особым тайнам поэта» [14. С. 2].

Журналистика российского Дальнего Востока начала 1920-х гг., а затем и русского зарубежья Дальнего Востока развивалась во многом благодаря продуктивности литературно-критической деятельности писателей и журналистов и становилась уникальным средством коммуникации, отражающим полифонию социокультурной жизни россиян и идейно-эстетическое богатство внутрироссийской и эмигрантской литературной жизни соотечественников. Анализ творчества поэта стал для журналиста и критика Иванова, оказавшегося на последнем островке свободной России, во Владивостоке, профессиональным средством прогностики будущего России: «И надо знать Блока, с его мистическим ясновидением, с его напряженным пронизывающим созерцательным взором, направленным именно в будничную жизнь, чтобы там открыть иные, подлинные аспекты жизни, чтобы понять, что поэма эта – не только фотографический снимок, а полное выражение мировоззрения поэта» [14. С. 2].

Через десять лет, уже в эмиграции в Китае, Вс.Н. Иванов вновь обратится к поэтической фигуре и наследию А. Блока в литературно-критическом мемориальном очерке-портрете «Александр Блок (к исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта)», выразит углубившееся с годами творческое взаимодействие русской литературы и русской эмигрантской литературы, особенно, с идейно-эстетическими идеалами Серебряного века. Характерная для этой публикации манифестационность заявлена в первых строках эпиграфа: «Неужели вы позабыли, // Что поэзии имя – Блок?» [15. С. 9]. Трагизм настоящего сменяется верой и надеждой, в которых нуждалась русская эмиграция: «Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед рево-

люцией. Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, – нет, он пережил, перечувствовал их. <...> Революция задавила его годами, кровью, глухотой, но он провидел за ней какие-то новые, светлые, примеренные дали. <...>

– Всё будет хорошо, – записывал Блок в 1918 году в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..

И великий поэт умер, не дождавшись, в темном Петербурге, умер со старым, светлым именем Пушкина на последнем своем стихе» [15. С. 9].

Критик, решая задачи познания мира художественного текста и бытия, послужившего его источником, вместе с тем создает и распространяет вокруг отдельного творения и всего корпуса произведений поэта соответствующее информационное, эстетико-аксиологическое поле. Такие «поля», возникая вследствие гигантского рассеяния россиян на рубеже 1920-х гг. по всему миру, актуализировали социально-преобразующую миссию отечественной журналистики и литературно-художественной критики этого сложного в истории отечественной литературы и журналистики периода.

Трагическая гибель Н. Гумилева в 1921 г. вызвала к жизни полемику с виновниками смерти великого поэта. Особой остроты полемика достигала там, куда советская власть в начале 1920-х гг. еще не пришла. Так было во Владивостоке, где в те годы жил журналист Вс.Н. Иванов. Его перу принадлежит опубликованный в литературно-художественном приложении к воскресному номеру владивостокской газеты «Русский край» некрологический портретный очерк «Н.С. Гумилев (Расстрелян Н.С. Гумилев)» с громким обвинительным подзаголовком «В Петрограде большевиками расстрелян поэт Николай Гумилев» [16. С. 1]. Три страницы из четырех данного приложения посвящены трагическому событию и начинаются глубокими стихами Н. Гумилева «Измучен огненной жарой...». Свой очерк автор открывает доходящими до сарказма строками: «Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле. Еще больше простора осталось для творцов новой жизни, хамов с низкими лбами. Конечно, он должен был умереть. Он не был творцом новой жизни. Он был певцом жизни вечной, прекрасной, такой, какая она есть на самом деле» [16. С. 1]. Очерк Вс.Н. Иванова пронизан трагическим мотивом великой утраты для всей России, непримиримостью и гневом в адрес виновников трагедии. Раскрывая причины этой безвременной кончины, необыкновенно высокой цены свободы, очерк Вс.Н. Иванова указывает на трагически типичный для России конфликт поэта и власти, рождающий литературные ассоциации с художественно воссозданной М.Ю. Лермонтовым в стихотворении «Смерть поэта» драматической судьбой великого поэта России, А.С. Пушкина. Общность конфликта разных эпох обнажает трагический характер русской истории и истории русской культуры на крутых поворотах и изломах. Свое прощальное повествование о творческой и человеческой судьбе Н. Гумилева

Вс.Н. Иванов включает в широкий культурно-философский контекст XIX и XX вв. через актуализацию экзистенциальной проблематики: цель и смысл человеческого существования, место и роль искусства в жизни человека, остро полемизируя с идеалами новой, советской, власти.

Образ поэта-патриота, поэта-героя, особенности поэтической манеры Н. Гумилева предстают через аналитику глубинных течений эпохи, их внутренних связей, что способствует объемности и рельефности портретной зарисовки, входящей в структуру очерка-некролога. «Освещение» образа Н. Гумилева, блики и тени в его портрете во многом корректируются эстетическими взглядами писателя и критика Иванова, его представлениями о путях-перепутьях развития отечественной литературы в целом, его эстетическими и мировоззренческими принципами. Идеино-эстетические взгляды и подходы критика обуславливают осуществляемый им отбор анализируемых произведений поэта, которые, с точки зрения автора очерка, наиболее ярко раскрывают творческую индивидуальность Н. Гумилева. Вместе с тем критик не просто соотносит, он подчиняет отбор биографических фактов из жизни Гумилева, литературно-критические наблюдения и размышления о его творчестве собственной «сверхзадаче», которая, в связи с высоким градусом заидеологизированности общероссийского информационного и культурного пространства того времени, звучит ярко и выразительно. Поэтическим языком Н. Гумилева Вс.Н. Иванов обнажает существо конфликта миропонимания поэта и идеалов новой, советской, действительности:

Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда:
Всё, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада ... [16. С. 2].

Уходя от надменной, оторвавшейся от реальности жизни в созерцание экзотики, Н. Гумилев не уходил от существа жизни. В этой «экзотике, – подчеркивает Иванов, – ищет он только усугубления этого мира, который, таким образом, мог бы соответствовать его грезам» [16. С. 2]. Н. Гумилев грезил о высоком, героическом: «Победа, слава, подвиг – бледные // Слова, затерянные ныне, // Гремят в душе, как громы медные, // Как голос Господа в пустыне ...» [16. С. 2].

Вс.Н. Иванов, воспринимая поиски Н. Гумилевым экзотики как поэтическое стремление к жизни в ее концентрации, представляет образ поэта динамичным и пространственным: «<...> жизнь, сплошная и одинаковая, имеет в себе экзотику АКМЕ (авторское написание. – С.Я.), имеет полдень, сладкий и нежащий, концентрирующий ее. Гумилеву надобен был этот полдень ...» [16. С. 2]. В некрологическом портретном очерке, обращенном к одной из вершинных фигур Серебряного века, автор раскрывает присущее Н. Гумилеву эстетическое восприятие жизни, способствует его укреплению в сознании современников в условиях разрушения гуманистической картины мира.

Гумилевское стремление к постижению подлинности жизни, а не ее внешних проявлений, было необыкновенно близким мироощущению как самого Вс.Н. Иванова, так и большинства россиян этой да-

леко́й окраины России в преддверии эмиграции: «Гумилев гнался за этой подлинностью. И точно так же, как он охотился в Абиссинии на львов, он отправился на Русско-Германскую войну. Георгиевский кавалер-солдат, георгиевский кавалер-офицер, – он следил смерть с холодной любопытной улыбкой, скандируя из Т. Готье запечатленные радости жизни...» [16. С. 2]. Раскрывая собственные эстетические принципы, характеризуя литературные явления и процессы, Вс.Н. Иванов обнаруживает общую для литературной эпохи тенденцию к интимизации, выражению личностного отношения к происходящему, что способствовало углублению психологизма через проникновение во внутренний мир художника, обогащало некрологический портретный очерк элементами философского эссе.

В целом некрологический портретный очерк Вс.Н. Иванова «Н.С. Гумилев» отражает новые тенденции и влияния, активно распространявшиеся в литературно-художественной критике первых десятилетий XX в. в контексте продуктивного диалога классических и модернистских традиций. Эссеистская, ассоциативная импровизационность, как проявление модернизма, по-новому, чрезвычайно продуктивно дополняют и обогащают жанр портретного очерка в его классической разработанности.

Заключение

Жанр портретного очерка 1920–1930-х гг., в недрах которого начал свое формирование универсализм творческой манеры Вс.Н. Иванова, соединил в себе ключевые идейно-художественные доминанты, определившие главные линии всего последующего творчества Вс.Н. Иванова в проблемно-тематическом и жанровом отношении. Рассмотренные в статье портретные очерки Иванова, включая в себя через тематические и персонажные доминанты прямой или косвенный диалог с прошлым, с истоками настоящего, выявляют одну из особых черт творческой индивидуальности журналиста, писателя и критика, его глубочайшую приверженность истории как критерию истины. Высокая степень включенности портретируемых героев очеркистики Вс.Н. Иванова в социокультурный процесс, органично соединенной в документально-художественных исследованиях действительности с пристальным вниманием к индивидуальной судьбе известной личности, особенностям его психологии обусловили особый синтез журналистского мастерства и художественного таланта, сформировали индивидуальный авторский почерк Иванова. Особая природа филологического дара Иванова получила весьма продуктивное развитие в его портретных очерках также за счет обогащения элементами смежных жанров, таких как очерк творчества, рецензия, литературный портрет, биографический очерк.

Современный социокультурный контекст сохраняет наследие журналиста Вс.Н. Иванова в фокусе исследовательского внимания как продуктивный опыт развития отечественной словесной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газета «Русский край». Владивосток. 1921. № 44. С. 5.
2. Гюбиева Г.Е. Древнерусские художественные источники в романе Вс.Н. Иванова «Черные люди» // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы : сб. ст. Хабаровск : ХГПИ, 1973. Т. 2. С. 22–32.
3. Якимова С.И. Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века. Хабаровск : ХГПУ, 2001. 258 с.
4. Ковальчук И.Ю. Художественное осмысление истории и современности в сонетах Вс.Н. Иванова // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2011. Т. 2, № 2. С. 43–50. URL: http://media/ejournal/articles/2012/TGU_2_15.pdf.
5. Литература и журналистика русского зарубежья Дальнего Востока в межкультурной коммуникации XX–XXI вв. / С.И. Якимова [и др.]; под ред. С.И. Якимовой. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 167 с.
6. Выхованец Н.А. Очерки Вс.Н. Иванова 1920-х гг. // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2010. Т. 2, № 2. С. 46–50. URL: http://ejournal.khstu.ru/media/2010/TGU_02_08.pdf.
7. Иванов Вс.Н. Кровь царя // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 15–19.
8. Иванов Вс.Н. Проф. Д.В. Болдырев // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 34–49.
9. Иванов Вс.Н. Василий Федорович Иванов // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 50–56.
10. Иванов Вс.Н. Семеновщина // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 64–68.
11. Иванов Вс.Н. Адмирал Колчак // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 166–172.
12. Иванов Вс.Н. Оправданный Аввакум / Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М. : Сов. писатель, 1991. С. 279–286.
13. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. М., 1976. 184 с.
14. Иванов Вс. Причастный тайнам (Памяти А. Блока) // Вечерняя газета. Владивосток. 1921. № 75. С. 2.
15. Иванов Вс. Александр Блок (к исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта) // Рубеж. Харбин. 1931. № 35. С. 9–10.
16. Иванов Вс. Н.С. Гумилев (Расстрелян Н.С. Гумилев) // Русский край. Владивосток. 1921. № 144. С. 1–3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 декабря 2020 г.

Vsevolod Ivanov's Portrait Essay of the 1920s – Early 1930s in the Context of the Events of the Era

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 51–59.

DOI: 10.17223/15617793/464/6

Svetlana I. Yakimova, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 005563@pnu.edu.ru

Keywords: Vsevolod Ivanov (1888–1971); portrait essay; journalism; Russian Far East; Far Eastern emigration; sociocultural context.

The aim of this article is to determine the features of the genre and the moral-philosophical perspective of Vsevolod Ivanov's portrait essays of the 1920s – early 1930s published in Vladivostok non-Bolshevik newspapers (*Russkiy kraj*, *Russkaya armiya*, *Vechernyaya gazeta*), in Harbin émigré periodicals (newspapers *Svet*, *Gun-Bao*, the magazine *Rubezh*). To achieve this aim, using a semantic-cognitive approach, the author of the article studied archival materials of periodicals of the Russian Far East and Far Eastern emigration and introduced into academic discourse new unexplored factual material contributing to filling gaps in the history of Russian literature and journalism of the 20th century. Ivanov's portrait essays are analyzed in the context of the sociopolitical and cultural life of the Far Eastern Republic (FER) that existed in the Russian Far East and the large-scale emigration of Russians to China. The author considers the dynamics of Ivanov's portrait essay genre development. It acquires elements of the memorial and obituary essay, the genre of the literary portrait as a reflection of the progress of the national historical-literary process in the mother country and in the diaspora caused by the spiritual-moral confrontation of the political forces of Russia, the ideological split in the national culture of Russia due to the events of October 1917. The author of the article relies on historically significant material: the memorial essay with the conceptual title “Justified Avvakum” actualizes the problem of a reasonable and balanced attitude to changes, the correlation of evolutionary and revolutionary principles in the development of society. Ivanov raises the question of personal, moral, and civil responsibility for the fate of his country in the essay “The Blood of the Tsar”, which recreates the tragic events of the execution of the family of the Russian Tsar Nicholas II by Bolsheviks. In the analysis of obituary portrait essays about the tragic losses of Russian literature of the Silver Age (“Conversant with Secret (In Memory of A. Blok)”, “In Petrograd the Bolsheviks shot the poet Nikolay Gumilev”), the author of the article concludes about the originality of the creative potential of Ivanov, who, using elements of the genre of the literary portrait, demonstrates the synthesis of scientific, literary, and journalistic writing. The portrait essays of Ivanov's prominent contemporaries, figures of politics and culture (“Admiral Kolchak”, “Semenovshchina”, “Prof. D.V. Boldyrev”, “Vasilii Fedorovich Ivanov”) complement the complex picture of the sociocultural context of the era with relevant axiological aspects identified in the essays. The author of the article considers Ivanov's reference to the iconic figures of the turning epochs in the fate of Russia as a peculiarity of his journalistic position in relation to history as a criterion of truth and moral value of a person.

REFERENCES

1. *Russkiy kray* (Vladivostok). (1921) 44. p. 5.
2. Gyubieva, G.E. (1973) *Drevnerusskie khudozhestvennye istochniki v romane Vs.N. Ivanova “Chernye lyudi”*. *Voprosy russkoy, sovetckoy i zarubezhnoy literatury* [Old Russian artistic sources in the novel “Black People” by Vs.N. Ivanov]. Vol. 2. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute. pp. 22–32.
3. Yakimova, S.I. (2001) *Zhizn' i tvorchestvo Vs.N. Ivanova v istoriko-literaturnom kontekste XX veka* [The life and work of Vs.N. Ivanov in the historical and literary context of the 20th century]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University.
4. Koval'chuk, I.Yu. (2011) *Khudozhestvennoe osmyslenie istorii i sovremennosti v sonetakh Vs.N. Ivanova* [An artistic comprehension of history and modernity in sonnets by Vs.N. Ivanov]. *Uchenye zametki TOGU*. 2 (2). pp. 43–50. [Online] Available from: http://media/ejournal/articles/2012/TGU_2_15.pdf.
5. Yakimova, S.I. et al. (eds) (2012) *Literatura i zhurnalistika russkogo zarubezh'ya Dal'nego Vostoka v mezhkul'turnoy kommunikatsii XX–XXI vv.* [Literature and journalism of the Russian diaspora of the Far East in intercultural communication of the 20th–21st centuries]. Khabarovsk: Pacific State University.
6. Vykhoanets, N.A. (2010) *Ocherki Vs.N. Ivanova 1920-kh gg.* [Essays by Vs.N. Ivanov, the 1920s]. *Uchenye zametki TOGU*. 2 (2). pp. 46–50. [Online] Available from: http://ejournal.khstu.ru/media/2010/TGU_02_08.pdf.
7. Ivanov, Vs.N. (1991a) *Krov' tsarya* [The blood of the tsar]. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 15–19.

8. Ivanov, Vs.N. (1991b) Prof. D.V. Boldyrev. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 34–49.
9. Ivanov, Vs.N. (1991c) Vasilii Fedorovich Ivanov. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 50–56.
10. Ivanov, Vs.N. (1991d) Semenovshchina. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 64–68.
11. Ivanov, Vs.N. (1991e) Admiral Kolchak. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 166–172.
12. Ivanov, Vs.N. (1991f) Opravdannyy Avvakum [Justified Avvakum]. In: *Ogni v tumane. Rerikh – khudozhnik-myslitel'* [Lights in the fog. Roerich: an artist-thinker]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 279–286.
13. Barakhov, V.S. (1976) *Iskusstvo literaturnogo portreta* [The art of literary portrait]. Moscow: Nauka.
14. Ivanov, Vs. (1921) Prichastnyy taynam (Pamyati A. Bloka) [Conversant with secret (In memory of A. Blok)]. *Vechernyaya gazeta* (Vladivostok). 75. p. 2.
15. Ivanov, Vs. (1931) Aleksandr Blok (k ispolnivshemusya 7 avgusta desyatiletiiyu smerti poeta) [Alexander Blok (to the tenth anniversary of the poet's death on August 7)]. *Rubezh* (Harbin). 35. pp. 9–10.
16. Ivanov, Vs. (1921) N.S. Gumilev (Rasstrelyan N.S. Gumilev) [In Petrograd the Bolsheviks shot the poet Nikolay Gumilev]. *Russkiy kray* (Vladivostok). 144. pp. 1–3.

Received: 28 December 2020

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

Д.С. Бирюков

ЛИНИИ В НООЛОГИИ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ. ПАЛАМИЗМ И ПЛАТОНИЗМ

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Прослеживаются важнейшие линии учения об уме одного из крупнейших византийских мыслителей – Григория Паламы. Выделены и проанализированы различные модусы функционирования ума: модус дискурсивного мышления, модус самосозерцания ума и модус упокоения ума. Выявлен платонический бэкграунд ноологии Паламы, каковой автор связывает со спецификой онтологической структуры, характерной для паламитского учения.

Ключевые слова: Григорий Палама; платонизм; ум; знание; познаваемость; самосозерцание; природа; благодать; знание; труд; теория двойственной истины; энергия.

Введение

Григорий Палама (ок. 1296–1357) – один из значительнейших византийских мыслителей; создатель последнего философско-теологического синтеза в византийской мысли. Значение фигуры Григория Паламы видно также из того факта, что он – один из нескольких авторов, относящихся к византийской интеллектуальной традиции (наряду, пожалуй, с Дионисием Ареопagitом и Григорием Нисским), наследие которых оказалось притягательным и плодоносным для современной философской мысли¹.

Напомним, что ключевое положение учения Григория Паламы и его последователей в так называемых паламитских спорах заключается в различении в Божестве, с одной стороны, непознаваемой и непричастуемой *сущности* и, с другой – познаваемых и причастуемых *энергий* этой сущности. Такой нетварной энергией, согласно Григорию Паламе и паламитам, является и Фаворский свет – свет, явившийся апостолам во время Преображения Христа (Мф. 17, 2; Мк. 9, 2) (о паламитских спорах и учении Григория Паламы в целом см., например: [2–4]).

В ходе наших предшествующих исследований мы пришли к выводу, что онтологическая конструкция учения Григория Паламы тесным образом связана с его представлением о природе и способах функционирования человеческого ума. При этом, насколько можно судить, в достаточно обширной научной литературе, посвященной паламизму, имеется недостаток в плане осмысления ноологии (учения об уме) Паламы. А потому и понимание научным сообществом специфики онтологической позиции Паламы, на наш взгляд, является недостаточно ясным. Настоящая статья призвана скорректировать эту ситуацию.

Ниже будет очерчено, как функционирует человеческий ум согласно Григорию Паламе, на материале его трактата «Триады в защиту священнобезмолвствующих» (1337–1340).

Соответствующее учение Паламы не оформлено в его сочинениях систематически, но разбросано по разным его сочинениям, из которых одним из важнейших являются «Триады»; репрезентативные идеи высказаны в разных местах «Триад». В этой статье они будут концептуально представлены.

Источник мыслительной способности: божественный свет

Согласно Паламе, онтологическим источником самой мыслительной способности человека является «умное просвещение», или «божественный свет» (Триады I.3.1–3), понимаемый как божественная энергия. Этот свет можно назвать и умным, в аспекте его действия на нас, и умопостигаемым, в аспекте его восприятия нами (Триады I.3.3). Умный божественный свет, или богоявление (τά θεοφάνια), выше ума тварного человека, являясь его онтологической причиной, но, вместе с тем, человеческий ум, будучи невещественной сущностью, в некотором смысле родствен (συγγενής) божественному свету (I.3.39: 195.6²), или, как пишет Палама, свет являет себя соразмерно (ἀνάλογος)³ способности ума его воспринять (I.3.4). Поэтому божественный свет есть то, что «в нас выше нас» (καθ' ἡμᾶς ὑπέρ ἡμᾶς) (I.3.4: 115.5–6); а очистившийся от страстей ум, будучи причастным к своему Первообразу (божественному свету), являет сияние и блеск его красоты (I.3.39, ср. II.3.11).

Этот аспект соразмерности божественного света человеческой способности его видеть находит свое проявление в богословском языке Паламы и когда он, говоря о восприятии умом божественного света, приводит пример зрения и видимого света (ориентируясь на расхожий для античности взгляд на природу зрения). А именно работа зрения возможна только при наличии светящего извне света, однако же зрение, возникая, и само становится светом и, будучи светом, видит свет, разлитый в вещах (I.3.9). Так же и причиной существования ума, его созерцаний и приобретаемого им знания (каковое Палама определяет как совершенное состояние разумной природы, III.1.30: 615.18–19) является соотносимый с ним умный свет / божественная энергия. Отличие же механизма работы зрения от ума, находящее свое проявление в богословии, состоит в том, что зрение видит отличные от него видимые вещи, тогда как ум способен созерцать не только внешние по отношению к нему вещи, но и самого себя (I.2.5). Но на этом мы еще остановимся ниже.

Природа и благодать: две парадигмы

Прежде чем продолжить изложение, мы хотим указать на две различные парадигмы, проявляющиеся в антропологии и ноологии (учении об уме), проводимые Паламой в «Триадах».

Первая парадигма предполагает, что человеческий ум в собственном смысле слова и вообще человеческое существо в собственном смысле слова – это не некая статичная структура, упокоившаяся в собственной природе, а структура динамичная, предполагающая разомкнутость, а именно разомкнутость вверх⁴. Человек в собственном смысле – это не просто живое разумное существо, существующее само по себе, а существо, находящееся в состоянии единения с проникающей его природу обоживающей божественной благодатью (умным божественным светом), в сообщении с Богом. Следуя именно этой парадигме, Палама делает такие необычные утверждения, как утверждение о том, что языческие философы и ученые не являются разумными в собственном смысле слова (II.1.9: 243.24-25) и даже не являются людьми (II.1.17, здесь он ссылается на Григория Нисского)⁵.

Иная, приближенная к традиционному философскому взгляду парадигма, встречающаяся в «Триадах», не включает благодать в естественное устройство человеческого существа, но, наоборот, противопоставляет божественную благодать и человеческую природу, рассматривая благодать как некое дополнение к природе. Следуя этой парадигме, Палама противопоставляет природные дары Бога, данные всем существам человеческой природы (такие как дар чадорождения и рассудочная способность, позволяющая заниматься науками), благодатному, или боготворящему, дару, которым наделены не все люди, а только достойные (I.1.21-22, ср. II.3.68, III.1.29-31). Это различие природы и благодати является важным в контексте проводимого Паламой тезиса о том, что научное познание, будучи природно данной всем людям рассудочной способности, само по себе не приближает к Богу⁶ (к этой теме мы еще вернемся ниже).

Созерцание умом себя

Именно первая парадигма находит свое проявление в ноологии, проводимой Паламой в «Триадах»: здесь естественное состояние понимается как то, что вместе с тем является и состоянием вышеестественным. Согласно Паламе, у человека, избавившегося от страстей, ум проникается умопостигаемым божественным светом (который является онтологической причиной всех действий ума). Палама здесь вводит в понятие ума рефлексивный аспект: в своем естественном (и одновременно преестественном), свободном от страстей состоянии ум созерцает самого себя и, таким образом, и себя видит как свет (νοῦς ὡς φῶς αὐτὸς ἑαυτὸν ὁρᾷ) (I.3.7), и в себе видит умный божественный свет (νοῦς αὐτὸς ἑαυτὸν ὁρᾷ, ὡς φῶς ὁρᾷ) (I.3.8), который есть «одежды обожения» (I.3.5). Поэтому ум в собственном смысле Палама определяет как созерцающий самого себя умный свет (νοερόν ἑαυτὸν βλέπει φῶς) (I.3.8, I.2.5). Предпосылкой для этого положения является то, что

ум есть одновременно и созерцаемый свет, и свет созерцающий, «как бы глаз души» (I.3.9); потому он и способен созерцать сам себя.

Созерцая себя, ум созерцает не просто собственную сущность, но «видя себя самого, видит себя как другое» (ἐαυτὸν ὁρῶν ὡς ἄλλο μὲν ὁρᾷ), хотя смотрит и не на нечто другое, а на свет, запечатленный в самом себе (собственном образе, τὴν ἰδίαν εἰκόνα, II.3.11: 18-19). И благодаря этому созерцанию собственного сияния, источник которого выше ума, ум превосходит себя и обретает единение с Высшим – Богом (II.3.11, ср. I.3.45). Божество, отражающееся в человеческом уме, Палама сравнивает с зеркалом (как будто бы испускающим свет): оно являет себя уму, отражающемуся в нем, но, подобно зеркалу, оставаясь невидимым (I.3.9). Эта рефлексивная деятельность ума понимается Паламой как имеющая место по причастности к Первому Уму (τὸν πρῶτον νοῦν) – Богу (I.3.33: 183.16-17, ср. I.3.10: 129.15-16), о каковом Палама говорит как о предвечно созерцающем Самого Себя (III.2.6-7).

Рассудок, созерцание, упокоение деятельности ума

В целом Палама выделяет два проявления деятельности ума. Это, во-первых, его самосозерцание (т.е., как мы видели, созерцание божественного света в себе); оно осуществляется так называемым умным чувством (νοερά αἰσθησις)⁷ – в этом термине, активно используемом Паламой в «Триадах», когда он ведет речь о созерцании Божественного света, совмещаются коннотации созерцательного характера восприятия божественного света и непосредственной, опытной его данности, представление о которой мы имеем в первую очередь из опыта нашего зрения.

И, во-вторых, это рассудочная, дискурсивная деятельность. В этом отношении Палама приводит пример огня, каковой имеет свойство светить и свойство греть. Так же и ум: в своем естественно-вышестественном состоянии он есть умосозерцаемый и созерцающий свет; когда же на нем лежит покрывало страстей и препятствует естественному функционированию, он действует посредством рассудочного умозрения, которое уподобляется теплу огня. Богословы, использующие эту рассудочную способность ума, но не созерцающие в своем уме божественного света и не ощущающие его посредством умного чувства, уподобляются Паламой слепым, которые чувствует лишь тепло огня, но, не обладая зрением, не видят его свет и поэтому не верят в его существование (I.3.9-10)⁸.

Актуализирована ли у созерцающих умный свет рассудочная способность ума, согласно Григорию Паламе? Насколько можно судить, нет. Хотя это и расходится с приводимым Паламой примером испускающего свет и тепло огня, уподобляемом уму, где свет огня соответствует способности ума созерцать божественный свет, а тепло – рассудочной способности: ведь тепло и свет огня сопутствуют друг другу. Палама же настаивает на упокоении рассудочной способности у человека, ум которого созерцает божественный свет.

Он ведет об этом речь в контексте иного дискурса по отношению к вышеописанному дискурсу самосозерцания ума. Данный дискурс предполагает, что когда ум в обоживающем соединении с Богом обретает умное чувство, он останавливается в покое, и все действия ума упокаиваются (νοεῖς πάσης κατατασμένης ἐν ἐνέργειᾳ, I.3.18: 149: 3-4, ср. I.3.17: 147.17). Палама говорит, что это состояние ума не есть мышление; оно вне рассуждения, рассудочного знания и умозаключений (I.3.17-18, 34). Такое упокоение ума понимается Паламой не как совершенная бездейственность, а как то, что выше всякого действия. Поэтому это не есть лишь незнание и отрицательность, но это состояние есть то, что превосходит отрицательное, апофатическое восхождение (I.3.19-20), поскольку, как утверждает Палама, Бог выше не только знания, но и непознаваемости (I.3.4).

Здесь, говоря об упокоении (а не самосозерцательной активности) ума в его соединении с Богом, Палама следует Максиму Исповеднику. Действительно, Максим говорит о пределе природного движения души, проявляющемся в том, что душа упокаивается (παύεται) от всего мысленного и от самого мышления и, став превыше ума, соединяется с Богом, совершенно не мысля и не размышляя о Боге (Максим Исповедник. Трудности к Иоанну 15.8-9; ср. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии I.1; О божественных именах I.1, II.7).

Эти, казалось бы, противоречивые дискурсы – самосозерцательного действия ума и упокоения ума от всякого действия, – не воспринимались самим Паламой как противоречащие один другому, но, кажется, он видел их как друг друга дополняющие. Такое понимание просматривается и в «Триадах» (III.1.36), где Палама говорит, что при созерцании божественного света ум, с одной стороны, бездействует по отношению к свету, но, тем не менее, способности разума и видения у такого человека не отъяты, но проявлены. Аналогичную мысль Палама проводит и в самом первом из созданных им текстов – «Слове на Житие прп. Петра Афонского» (1332 г.; см.: [13. С. 19]). В этом сочинении Палама говорит, что в ходе упражнений в исихии ум подвижника сходится и возвращается к самому себе (τοῦ νοῦ πρὸς ἑαυτὸν ἐπιστροφὴ καὶ σύννευσις, гл. 17⁹) и, удалившись от всего чувственного, с трудом обретает мир и соединяется истинным покоем (τῆς ὀντως ἡσυχίας ἄπταται), мысля сам себя, скорее же через себя (καθ' ἑαυτὸν μένει νοῦν αὐτὸς ἑαυτὸν μᾶλλον δὲ δι' ἑαυτοῦ), Бога, насколько может Его вместить (гл. 18)¹⁰. Здесь тема мышления умом самого себя (еще без характерной для «Триад» темы узрения в себе божественного света) соединяется с темой покоя: мышление себя умом, возвратившимся от чувственного к себе, и составляет этот покой.

Природное и сверхприродное знание

Итак, дискурсивное, рассудочное мышление, согласно учению Григория Паламы, выраженному в «Триадах», имеет в качестве своего основания действие умного божественного света / божественной энергии в человеческом уме. Но этот вид деятельности

ума возникает, когда ум пребывает *вне* созерцания божественного света, в частности, созерцания божественного света в себе.

Действие рассудочного мышления производит знание (I.3.9). При этом имеет место и иное знание, которое даруется не рассудком, а умным чувством. Это знание Палама называет единовидным (I.3.3: 113.10). Оно приходит, когда умопостигаемый свет наполняет превзошедший себя ум и избавляет его от незнания и неуверенного знания (I.3.3, ср. II.3.68-69); тогда человек познает посредством благодати духовно, выше чувство и ума (II.3.68: 531.31-533.2). В рассудочном умозрении аккумулируются собственно мышление и чувственные данные (I.3.34), тогда как для созерцания божественного света необходимо оставить все сущее, которое запечатлевает ум снизу (т.е. восприятие органами чувств) (I.3.17-18).

Эта разомкнутость вверх природного состояния ума и человеческой природы в целом в рамках философско-антропологической доктрины Григория Паламы находит свое проявление в учении Паламы о видах познания природного сущего, рассеянном в различных местах «Триад».

Во-первых, на такое познание сущего претендуют «внешние мудрецы», т.е. нехристианские, мирские ученые и философы. Они, посредством внешних наук, добывают природное знание. Палама признает, что в той мудрости, которую можно почерпнуть у внешних мудрецов, есть много полезного; ведь науки и научное знание созданы Богом, и созданы Им для блага (I.1.20-21, II.1.12). Однако благое и полезное смешано в них с отравой языческих учений, наподобие платоновского учения о самостоятельном существовании идей и сотворении мира не Богом, а подчиненными демонами (I.1.20-21, II.1.20; ср. Платон. Тимей 28a ff.). Полезное и ядовитое во внешнем знании могут быть отделены друг от друга созерцательной способностью души. В этом случае такое знание не будет нести в себе зла; однако оно останется лишь природным знанием, не будучи знанием, ниспосланным свыше (I.1.21).

В этом отношении Палама проводит оппозицию природы и благодати (о ней мы упоминали выше): познания, приобретаемые посредством внешних наук, суть *природный* дар Бога (если они очищены от отравы языческих представлений), данный всем человеческим существам; в качестве таковых они не являются спасительными. *Благодатный* же дар Бога – не природен, и только он, в отличие от знаний внешних наук, спасает (I.1.22, ср. II.1.12).

Природное и благодатное познание: тема труда

Важная особенность природного познания, отличающая его от даруемого Богом благодатного дара, согласно Паламе, состоит в том, приобретение и рост этого познания необходимым образом связаны с трудами-трудностями, которые человек должен преодолевать для достижения знания (I.1.22). Эти труды связаны с необходимостью обучения для приобретения природного знания, поскольку природное знание хотя

и запечатлено в нас, без научения оно остается не проявленным и не видимым нами в себе по причине пребывания нашей страстной части души во зле греха (I.1.3). Делая акцент на природном, а не благодатном характере познания, приобретаемого посредством наук, Палама в качестве иллюстрации приводит пример деторождения в законных браках и связанного с ним удовольствия (I.1.22), природный характер чего для Паламы предполагается по умолчанию. Мне кажется, в этом примере Паламой также заложен «страдательный характер», сопутствующий приобретению природного знания, имея в виду страдания, испытываемые женщинами при рождении детей (ср. Быт. 3:16).

В противовес этому знание, которое приходит к человеку от Бога сверхъестественным образом («богомудрие», I.2.2, II.1.12), дается даром и не требует для его получения долгих трудов и мучений (I.1.22¹¹, II.1.43).

Научное (по)знание

Существенное значение для мировоззрения Паламы играет критика природного научного знания с позиции философского скептицизма. Несмотря на признание того, что способность к научному познанию является происходящим от Бога природным даром, Палама в «Триадах» много сил уделяет критике научного познания. Основной тезис Паламы, ради обоснования которого он проводил эту критику, состоял в том, что научное познание не приближает человека к Богу; однако, читая «Триады», иногда создается впечатление, что критика научного познания имела для него самостоятельное значение. Палама считает, что проблематичность предоставляемого наукой знания связана с тем, что, в соответствие с самой природой этого знания, оно не дает доступа к окончательной истине: одна научная теория соревнуется с другой, каждая пытается опровергнуть предыдущую, и в итоге ни одно утверждаемое наукой положение не может считаться окончательно истинным (I.1.2: 11.9-12, II.1.5: 237.5-8, II.1.41: 311.11-16) (ср.: [10. Р. 390]). Таким образом, Палама, проводя позицию, в чем-то близкую «эпистемологическому анархизму» П. Фейерабенда, отрицает возможность прироста научного знания – принципа, который лежит в основе современного сциентизма.

Еще одна полемическая линия, проводимая Паламой в ходе его критики «внешнего» (т.е. нецерковного) научного знания, касается не структуры научного познания, а самого познающего субъекта. Палама исходит из того, что знание, которым обладает человек, необходимым образом субъективно нагружено, т.е. что у людей не одно и то же «объективное» знание о каком-то явлении, но у каждого – знание, обусловленное тем, как он живет, его экзистенцией¹². Поэтому знание внешних мудрецов и богооткровенное знание, которым обладают очистившие свое сердце, – это два разных знания (II.1.19, ср. II.1.7).

Это является одной из предпосылок для теории двойственной истины, извод которой формулирует Палама (II.1.5-6, ср. II.1.18): одна истина боговдохновенна, она спасительная и необходимая, она – о том, что несравненно выше сущего (II.1.10), и исходя из

него – и о самом сущем (II.1.8); другая истина – не необходимая и не спасительная, она – о сущем, и ее пытаются найти, но никогда (полностью) не находят (II.1.5) внешняя философии и науки. И именно тот человек, который познает боговдохновенную истину, а не истину внешних наук, является истинным философом (II.1.8-9). При этом Палама утверждает, что внешняя философия и науки несут в себе какую-то причастность к истине (II.1.7, 9) (хотя и никогда нельзя знать точно, в чем она состоит – в силу «эпистемологического анархизма», приписываемого научному знанию Паламой), однако знания о природном сущем, полученное из Священного Писания и «позитивистские» знания, полученные от внешних ученых, – кардинально расходятся друг с другом. Даже здесь не может быть единства. Причиной этому – разница в подходах: боговдохновенное знание о природном сущем – это знание о воле Божией о нем, о том, ради чего оно произведено Творцом (II.1.8), а не лишь знание об этом сущем в себе. В этом отношении Палама следует парадигме «естественного созерцания»¹³, центральной для предшествующей патристической традиции, направленной на осмысление натурфилософских вопросов.

Однако здесь Палама готов и идти на уступки: он говорит, что ради мира он согласен не настаивать на теории двойственной истины и признать, что истина внешних наук о природном сущем может совпадать с боговдохновенной, поскольку это не принципиально для спасения – он готов на это ради единства в вере о Боге, Сверхсущем (II.1.42).

Специфика паламитской онтологии. Паламизм и платонизм

Как мы уже отмечали, онтологическая структура учения Григория Паламы как таковая предполагает действительное (т.е. не только мысленное) различие в Боге, с одной стороны, непричастуемой и непознаваемой сущности и, с другой – причастуемых и познаваемых (умных) божественных энергий. При том, что познаваемость энергий является их существенным свойством, отличающим их от сущности (наряду со свойством причастуемости). В рамках учения Паламы предполагается, что божественные энергии познаваемы и причастуемы сотворенными Богом существами – людьми, каковые существуют по причастности к этим энергиям и обладают природной способностью к познанию их. Однако Палама настаивает, что эти познаваемые (умные) божественной энергии существуют, в качестве отличающихся от сущности, и *в отсутствие* того, кто к ним причастует и их познает (например, III.2.6-7¹⁵) – хотя бы потому, что тварный мир, согласно христианскому миропониманию, не существует Богу. По этой причине в паламитской онтологии заложена парадоксальность: божественные энергии существуют в их реальном отличии от божественной сущности и в ситуации, когда те свойства, которые отличают их от сущности, не актуализированы. На мой взгляд, именно в этом состоит специфика онтологии, стоящей за учением Григория Паламы¹⁴.

Я связываю эту специфическую черту паламитской онтологии с выявленным мною платоническим

бэкграундом, заложенным в учении Григория Паламы о человеческом уме и восприятии им божественных энергий. А именно с тем описанным выше пониманием, проводимым Григорием Паламой, по которому человеческий ум в некотором смысле родствен божественной энергии / свету и, соответственно, эта божественная энергия – человекоразмерна, а точнее умо-размерна, в том смысле, что она – «умная», или «умопостигаемая», хотя и ее существование независимо от того, мыслима она человеческим умом или нет. Именно это, в рамках паламитской доктрины, отличает божественную энергию от божественной сущности, каковая не является «умной», будучи непознаваемой для человеческих (и ангельских) существ. Имея это в виду, можно сказать, что божественная энергия, будучи «умной» (и именно этим отличаясь от божественной сущности) и независимой от того, мыслится она кем-либо или нет, несет в себе коннотации, отсылающие к специфике функционирования платоновской идеи в онтологическом поле.

Действительно, в платоновской и, шире, платонической философии «идея» понимается в качестве умопостигаемой и существующей независимо от того, кто ее мыслит, и того, мыслится ли она кем-либо. Таким образом, паламитская «энергия» концептуально (и генетически¹⁶) восходит к платоновской «идее» и несет в себе существенные коннотации, присущие «идее». Помимо той коннотации, на которую мы указали выше, также это – коннотация, отсылающая к представлению об онтологической причинности: и «идея» в платонизме, и «энергия» в паламизме понимаются как причина существования (определенного вида) вещей материального мира, о каковых в рамках платонизма и паламизма говорится как о причастствующих (μετέχον) к соответственно «идее» и «энергии»; при этом существование и «идеи», и «энергии» понимается как независимое от ситуации причастности к ним вещей.

Отличие же паламитской «энергии» от платоновской «идеи» в том, что лежит за пределами специфики функциональности этих понятий: а именно в мифе в самом глубоком значении этого слова – византийского паламизма и, соответственно, античного (нехристианского) платонизма (при том что платонический миф в его истории существенно изменялся со временем). В этом плане скажу только, что в паламизме «энергия» рассматривается как собственное действие личностного Бога, тогда как в античном платонизме «идея» не понимается подобным образом.

Таким образом, мы проследили основные темы – в их сочетании друг с другом – в рамках учения Григория Паламы об уме. Мы рассмотрели вопрос об основаниях мыслительной способности, согласно Паламе; выделили две парадигмы, проявляющиеся в ноологии Паламы: природную и сверхприродную, и показали, как эти парадигмы находят свое проявление в теме (по)знания и теме труда. Мы выделили различные модусы функционирования ума в учении Паламы: это модус дискурсивного мышления, модус самосозерцания ума и модус упокоения ума. Мы детально проанализировали тему самосозерцания ума и показали, как эта тема встроена в целостную онтологическую систему Паламы: самосозерцание человеческого ума имеет место по причастности к самосозерцающему Уму божественному. Мы показали, что, казалось бы, противоречивые темы, проводимые Паламой в рамках его учения об уме, – тема самосозерцательного действия ума и тема упокоения ума от всякого действия, – у Паламы не вступали в конфликт друг с другом, но он видел их как друг друга дополняющие. Мы рассмотрели концепт знания у Григория Паламы и различили природный и сверхприродный виды знания в его учении.

Затем мы обратились к, пожалуй, низшему виду знания в паламитской эпистемологической иерархии – научному знанию и показали, как позиция Паламы относительно научного знания приводит нашего автора к формулированию учения о двойственной истине. Мы связали этот бэкграунд ноологии Паламы со спецификой его понимания природы Фаворского света, по которому Фаворский свет – «умный» и потому не может быть созерцаем существами, не обладающими умной способностью (т.е. не являющимися людьми). Мы сформулировали специфику паламитской онтологии, различающей в Боге сущность и энергию: энергию отличает от сущности ее причастуемость и познаваемость, но при этом энергия существует, отличаясь от сущности, и в отсутствие кого-либо причастуемого к ней и ее познающего. Мы соотнесли эту специфику с выявленным платоническим бэкграундом ноологии Паламы, а именно с декларируемым Паламой «умным» характером божественных энергий, что, в свою очередь, связано с представлением о сродности между божественными энергиями и человеческим умом. Наконец, мы выявили существенные коннотации, общие для платоновской «идеи» и паламитской «энергии», указав и на природу различия между этими концептами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В случае Григория Паламы проводником его идей в интеллектуальное поле XX в. стал П.А. Флоренский, который обратился к языку паламитской доктрины, различающему *сущность* и ее *энергии*, где этот язык отсылал в первую очередь к (непричастуемой и непознаваемой) божественной сущности и (причастуемой и познаваемой) божественной энергии. Однако Флоренский придал этому языку универсальное значение и начал использовать его в качестве описывающего онтологическую структуру *любого* сущего и имеющего отношение к *любому* познавательному акту. Об этом см. [1].

² Здесь и ниже в скобках мы указываем место по «Триадам» Григория Паламы без упоминания названия трактата. Первая цифра указывает на номер триады (I, II или III), вторая – на часть той или иной триады (в каждой триаде по три части), третья – на главку внутри этой части. Цифры после двоеточия (там, где они есть) указывают на страницу и строки по изданию «Триад» И. Мейендорфом [5].

³ Используя концепт соразмерности, или пригодности человека к восприятию богоявлений, Палама следует, в основном, Дионисию Ареопагиту. Об этом концепте у Дионисия см.: [6] (пер. М.Ю. Реутин по изд.: [7]).

- ⁴ Ср. у И. Мейендорфа, описывающего эту линию у Паламы: «Человек не вполне человек, пока не находится в общении с Богом: он “открыт вверх” <...>» [8. С. 253]. См. также: [9. С. 201].
- ⁵ Интересно, что Дж. Деметракопулос считает, что из этих утверждения Паламы следует, что языческие философы и ученые в рамках его учения находятся на уровне неразумных животных. Отмечу, что в подтверждение данного положения он ссылается также на Триады 1.3.45, что, на мой взгляд, неправомерно, поскольку не учитывает разницу в контекстах соответствующих фрагментов. См.: [10. Р. 386–387]. / В любом случае понимание Деметракопулосом позиции Паламы, будучи отчасти справедливым, отражает лишь одну парадигму, проявленную у Паламы, и не учитывает другую, о которой мы скажем ниже, в рамках которой «природа» не включает в себя «благодать», а противопоставляется ей.
- ⁶ Отмечу, что И. Мейендорф, делая акцент только на первой из выделенных мною антропологических парадигм у Паламы – в рамках которой природа понимается как включающая в себя действие (обоживающей) божественной благодати [8. С. 243–244; 9. С. 200–201], – не замечает второй парадигмы и упрощает таким образом картину.
- ⁷ Ср. с понятием «Божиего чувства» у Оригена (Против Цельса 1.48: PG 11, 749A–B; Толкование на Евангелие от Иоанна 10.40: PG 14, 385C); ср. также у Григория Нисского: Толкование на Песнь Песней 1.3: PG 44, 780C. Об «умном чувстве» у Паламы см.: [2. С. 464–466; 11].
- ⁸ О теме света и тепла огня в паламитском богословии как метафоре, указывающей на виды деятельности ума, см. также [12].
- ⁹ Греч. текст: [14. С. 68]. Ср.: Дионисий Ареопагит. О Божественных именах IV.9: 4–5: [15. Р. 458]. Т.А. Щукин считает, что εἰστροφή здесь у Паламы отсылает к контексту нехристианского неоплатонизма [16. С. 214, прим. 9], мне же очевидно, что вдохновителем для Паламы в данном случае был Дионисий Ареопагит.
- ¹⁰ Греч. текст: [14. С. 70]. В отличие от Т. Щукина [16] и И. Полемиса [17], мы считаем, что источники темы само-мышления ума в «Слове на Житие прп. Петра Афонского» Григория Паламы ограничиваются христианским платонизмом (а именно сочинениями Дионисия Ареопагита), и для их прояснения нет необходимости обращаться к Плотину, как делают эти исследователи.
- ¹¹ Ср., однако 1.1.7, где Палама говорит о «мучительности» молитвы, которая, превращаясь в сладость, приводит к духовному просвещению.
- ¹² Это понимание близко к современной концепции личностного знания, проводимой таким представителем постпозитивизма, как Майкл Поланьи.
- ¹³ Наиболее фундаментальное исследование этой темы, из известных мне, принадлежит Джошуа Лоллару и касается темы естественного созерцания у Максима Исповедника и в предшествующей ему традиции [18].
- ¹⁴ Однако некоторые божественные энергии – функции которых связаны с творческими актами Божества – имеют начало и конец во времени (III.2.8).
- ¹⁵ О постистории паламизма в русской философской мысли и ее невнимательности к этой специфике паламитской онтологии см. мои исследования [1, 19, 20]; ср. [4. С. 74–78].
- ¹⁶ Можно указать на античных неоплатоников (Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника) в качестве важнейших опорных точек не пути от платоновской «идеи» к паламитской «энергии».

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков Д.С. «Синэнергетическое откровение реальности»: Наблюдения о предистории, источниках и содержании понятий «символ», «синергия», «энергия» у П.А. Флоренского в контексте рецепции паламизма в русской мысли начала XX в. // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 103–115.
- Бирюков Д.С. Григорий Палама // Антология восточно-христианской богословской мысли. Ортодоксия и гетеродоксия: в 2 т. / науч. ред. Г.И. Беневиц, Д.С. Бирюков. М.: СПб., 2009. Т. 2. С. 448–466.
- Бирюков Д.С. Тема иерархии природного сущего в паламитской литературе. Ч. 1. Предыстория темы иерархии сущего и возникновение этой темы в паламитских спорах // Konstantinove Listy. 2017. Т. 10, № 2. С. 15–22.
- Бирюков Д.С. Тема иерархии природного сущего в паламитской литературе. Ч. 2. Паламитское учение в контексте предшествующей традиции и его рецепция в русской религиозной мысли XX в. (философия творчества С.Н. Булгакова) // Konstantinove Listy. 2019. Т. 12, № 2. С. 69–79.
- Meyendorff J. Grégoire Palamas: Défense des saints hésychastes. Introduction, texte critique et notes. Louvain, 1959. 767 p.
- Лосский В.Н. Понятие «Аналогий» У Псевдо-Дионисия Ареопагита // Богословские труды. 2009. Вып. 42. С. 110–136.
- Lossky V. La notion des «Analogies» chez Denys le Pseudo-Aréopagite // Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age. 1931. Vol. 5. P. 279–309.
- Мейендорф И., протопресв. «Защита священо-безмолвствующих» св. Григорием Паламой // Мейендорф И., прот. Византийское наследие в Православной Церкви / пер. с англ. под общ. ред. Ю.А. Вестеля. Киев, 2007. С. 223–260.
- Мейендорф И., протопресв. Византийское богословие. Минск, 2001. 334 с.
- Demetracopoulos J. Thomas Aquinas' Impact on Late Byzantine Theology and Philosophy: The Issues of Method or 'Modus Sciendi' and 'Dignitas Hominis' // Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen Herausgegeben von Andreas Speer und Philipp Steinkrüger. Berlin; Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2012. P. 333–410.
- Sinkewicz R.E. The Concept of Spiritual Perception in Gregory Palamas. First Triad in Defense of the Holy Hesychasts // Христианский Восток. 1999. № 1 (7). Р. 374–390.
- Бирюков Д.С. О трактате «Правило богословия» св. Нила Кавасилы и теме различения между светом и теплом огня у св. Нила Кавасилы и св. Григория Паламы // EINA: Проблемы философии и теологии. 2012. № 2 (002). С. 423–440.
- Риго А. Житие Петра Афонита (BHG 1506), составленное Григорием Паламой // Григорий Палама, свт. Слово на Житие прп. Петра Афонского / пер. с древнегреч. А.Ю. Волчкевич, А.О. Крюковой. Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Свято-Пантелеимонова Монастыря, 2007. С. 13–30.
- Григорий Палама, свт. Слово на Житие прп. Петра Афонского / пер. с древнегреч. А.Ю. Волчкевич, А.О. Крюковой. Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Свято-Пантелеимонова Монастыря, 2007. С. 35–133.
- Pseudo-Denys l'Aréopagite. Les Noms divins. (Chapitres I-IV). Texte grec de B.R. Suchla. Traduction et notes de Ysabel de Andia. Paris : Cerf, 2016. 546 p.
- Щукин Т.А. «Он превзойдёт собственную природу»: Тема самообращённости ума в «Слове на житие преподобного Петра Афонского» святителя Григория Паламы и в Enneades V. 3 // Библия и христианская древность. Научный журнал по библистике и истории христианской мысли. Сергея Посад : Изд-во Моск. духовной академии, 2019. Т. 2, № 2. С. 212–230.
- Polemis I.D. Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God: The Life of St. Peter the Athonite // Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros / éd. par S. Efthymiadis et al. Paris : Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des Hautes études en Sciences sociales, 2015. P. 205–221.
- Lollar J. «To See into the Life of Things»: The Contemplation of Nature in Maximus the Confessor's Ambigua to John. A Dissertation Submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Notre Dame, Indiana, 2011. 447 p.
- Бирюков Д.С. Два мыслителя в разговоре о паламизме: софиологический паламизм о. Сергия Булгакова и неопаламизм о. Георгия Флоровского (1920-е гг.) // Вопросы богословия. 2020. Т. 1, № 3. С. 13–43.

20. Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: Вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решения и контекст // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 34–47.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 10 ноября 2020 г.

Lines in the Noology of Gregory Palamas. Palamism and Platonism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 60–67.

DOI: 10.17223/15617793/464/7

Dmitry S. Biryukov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg, Russian Federation); Institute of Philosophy of Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dbirjuk@gmail.com

Keywords: Gregory Palamas; Platonism; mind; knowledge; knowability; self-contemplation; nature; grace; knowledge; labor; theory of dual truth; energy.

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project ‘5-100’.

The article traces the main lines of the teaching of mind (noology) by one of the largest Byzantine thinkers, Gregory Palamas, on the material of his treatise *Triads* (1337–1340). The author considers the question of the foundations of thinking ability according to Palamas. Two paradigms – natural and super-natural – manifested in the noology by Palamas are identified, and how these paradigms are manifested in the topics of knowledge and labor is shown. Different modes of mind functioning in Palamas’ teaching are distinguished: one of discursive thinking, one of self-contemplation of mind, and one of repose of mind. The author analyzes the topic of self-contemplation of mind and shows how this topic is integrated into Palamas’ coherent ontological system: the contemplation of the human mind takes place participating in the self-contemplation of the Divine Mind. The author shows that the seemingly contradictory topics of Palamas’ teaching about mind – the topic of self-contemplation of mind and the topic of repose of mind – do not conflict with each other, but do coexist complementarily in Palamas’ teaching. The author considers the concept of knowledge in Gregory Palamas and distinguishes between natural and super-natural types of knowledge in his teaching. Then he turns to the theme of scientific knowledge in Palamas and shows how Palamas’ view on scientific knowledge leads him to formulating the doctrine of dual truth. The author also identifies two Platonically loaded lines in the Byzantine prehistory of the topic of the self-contemplation of mind: one of Dionysius the Areopagite and one of Evagrius of Pontus. The author ties this Platonic background of Palamas’ noology with the specifics of his understanding of nature of the Tabor light, according to which this light is “intelligent” and therefore cannot be contemplated by beings who do not have an intelligent ability (i.e., who are non-human). The author offers the following understanding of the specifics of Palamite ontology distinguishing essence and energy in God: what distinguishes divine energy from essence is the participability and knowability of energy, but, at the same time, energy exists, distinguished from essence, in the situation of absence of someone who would participate in it and know it as well. The author links this ontological schema with the Platonic background of Palamas’ noology that has been identified above, namely, with the “intelligent” nature of the divine energies that Palamas declares, which, in its turn, is related to the thinker’s idea of the affinity between the divine energies and human mind. Finally, the author identifies essential connotations common to the Platonic “idea” and the Palamite “energy”, and points out the nature of the difference between these concepts.

REFERENCES

1. Biryukov, D.S. (2020) “The Synergistic Revelation of Reality”: Observations of Background, Sources and Content of the Concepts of “Symbol”, “Synergy”, and “Energy” in Pavel Florensky at the Context of the Assimilation of Palamism in Russian Thought of the Early 20th Century. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 103–115. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-103-115
2. Biryukov, D.S. (2009) Grigoriy Palama [Gregory Palamas]. In: Benevich, G.I. & Biryukov, D.S. (eds) *Antologiya vostochno-khristianskoy bogoslovskoy mysli. Ortodoksiya i geterodoksiya* [Anthology of Eastern Christian Theological Thought. Orthodoxy and heterodoxy]. Vol. 2. Moscow; Saint Petersburg: “Nikeya”-RKhGA. pp. 448–466.
3. Biryukov, D.S. (2017) Taxonomies of Beings in the Palamite Literature: Gregory Palamas and David Disypatos. Part 1. Early History of the Topic of Hierarchy of Beings and Appearance of This Topic in the Palamite Controversy. *Konstantinove listy*. 2 (10). pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17846/CL.2017.10.2.15-22
4. Biryukov, D.S. (2019) Taxonomies of Beings in the Palamite Literature. Part 2. The Palamite Doctrine in the Context of the Previous Byzantine Tradition and Its Reception in the Russian Religious Thought of the XX Century (The Philosophy of Creativity by Sergei Bulgakov). *Konstantinove listy*. 2 (12). pp. 69–79. (In Russian). DOI: 10.17846/CL.2019.12.2.69-79
5. Meyendorff, J. (1959) *Grégoire Palamas: Défense des saints hésychastes. Introduction, texte critique et notes*. Louvain: Spicilegium sacrum Lovaniense.
6. Losskiy, V.N. (2009) Ponyatie “Analogiy” u Psevdo-Dionisiya Areopagita [The concept of “Analogies” in Pseudo-Dionysius the Areopagite]. Translated from French by M.Yu. Reutin. *Bogoslovskie trudy*. 42. pp. 110–136.
7. Losskiy, V. (1931) La notion des “Analogies” chez Denys le Pseudo-Aréopagite. *Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. 5. pp. 279–309.
8. Meyendorff, J. protopresbyter (2007) *Vizantiyskoe nasledie v Pravoslavnoy Tserkvi* [Byzantine Heritage in the Orthodox Church]. Translated from English by Yu.A. Vestel’ et al. Kiev: Tsentr pravoslavnoy knigi. pp. 223–260.
9. Meyendorff, J. protopresbyter (2001) *Vizantiyskoe bogoslovie* [Byzantine Theology]. Minsk: Luchi Sofii.
10. Demetracopoulos, J. (2012) Thomas Aquinas’ Impact on Late Byzantine Theology and Philosophy: The Issues of Method or ‘Modus Sciendi’ and ‘Dignitas Hominis’. In: Speer, A. & Steinkrüger, P. (eds) *Knotenpunkt Byzanz. Wissensformen und kulturelle Wechselbeziehungen*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. pp. 333–410.
11. Sinkewicz, R.E. (1999) The Concept of Spiritual Perception in Gregory Palamas. First Triad in Defense of the Holy Hesychasts. *Khristianskiy Vostok*. 1 (7). pp. 374–390.
12. Biryukov, D.S. (2012) On Neilus Cabasilas’ treatise “Rule of Theology” and the topic of distinction between light and heating of a fire from St. Neilus Cabasilas and St. Gregory of Palamas. *EINAI: Problemy filosofii i teologii – EINAI: The Problems of Philosophy and Theology*. 2 (002). pp. 423–440. (In Russian).

13. Rigo, A. (2007) *Zhitie Petra Afonita* (BHG 1506), sostavlennoe Grigoriem Palamoy [Life of Peter Athonite (BHG 1506), compiled by Gregory Palamas]. In: Gregory Palamas, St. *Slovo na Zhitie prp. Petra Afonskogo* [Word on the Life of rev. Peter of Afonsky]. Translated from Ancient Greek by A.Yu. Volchkevich & A.O. Kryukova. Athos: Pustyn' Novaya Fivaida Afonskogo Russkogo Svyato-Panteleimonova Monastyrya. pp. 13–30.
14. Gregory Palamas, St. (2007) *Slovo na Zhitie prp. Petra Afonskogo* [Logos on Saint Peter of Athos]. Translated from Ancient Greek by A.Yu. Volchkevich & A.O. Kryukova. Athos: Pustyn' Novaya Fivaida Afonskogo Russkogo Svyato-Panteleimonova Monastyrya. pp. 35–133.
15. Pseudo-Denys l'Aréopagite. (2016) *Les Noms divins. (Chapitres I-IV)*. Paris: Cerf.
16. Shchukin, T.A. (2019) “‘He Will Transcend His Own Nature’. The Theme of Self-Conversion of the Intellect in the “Logos on Saint Peter of Athos” by St. Gregory Palamas and in Enneades V, 3”. *Bibliya i khristianskaya drevnost' – Bible and Christian Antiquity*. 2 (2). pp. 212–230. (In Russian), DOI: 10.31802/2658-4476-2019-2-2-212-230
17. Polemis, I.D. (2015) Neoplatonic and Hesychastic Elements in the Early Teaching of Gregorios Palamas on the Union of Man with God: The Life of St. Peter the Athonite. In: Efthymiadis, S. et al. (eds) *Pour une poétique de Byzance. Hommage à Vassilis Katsaros*. Paris: Le Centre d'études byzantines, néo-helléniques et sud-est européennes; École des Hautes études en Sciences sociales. pp. 205–221.
18. Lollar, J. (2011) “*To See into the Life of Things*”: *The Contemplation of Nature in Maximus the Confessor's Ambigua to John*. Doctor of Philosophy Diss. Notre Dame, Indiana.
19. Biryukov, D.S. (2020) Two Thinkers Discussing Palamism: Fr. Sergius Bulgakov's Sophiological Palamism and Fr. Georges Florovsky's Neo-Palamism (the 1920s). *Voprosy bogosloviya – Theological Questions*. 3 (1). pp. 13–43. (In Russian). DOI: 10.31802/2658-7491-2020-1-3-13-43
20. Biryukov, D.S. (2018) The reception of palamism in Russian thought in the early 20th century: the issue of the philosophical status of palamism and barlaamism, its solutions and context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 5 (23). pp. 34–47. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.5.3

Received: 10 November 2020

Е.В. Грязнова

СУБСТРАТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Обосновывается возможность и перспективность применения субстратного подхода в исследованиях сущности и природы цифровой культуры. Для целостного анализа нового культурного феномена цифровой культуры наравне со структурно-функциональным подходом необходимо применять субстратный подход, который позволит выделить три основных субстрата цифровой культуры: цивилизационный, социальный и антропологический.

Ключевые слова: цифровая культура; информационная культура; субстратный подход; цивилизационный субстрат; социальный субстрат; антропологический субстрат.

Введение

Современный этап развития информационного общества можно охарактеризовать как этап цифровизации. Переход к цифровым технологиям реализуется во всех сферах общественной жизни: экономической, педагогической, управленческой, медицинской, научной и других, что приводит к формированию такого феномена, как цифровая культура. Это явление сегодня активно изучается в рамках социально-гуманитарного знания, особенно в таких науках, как педагогические, социальные, философские, культурологические.

Так как феномен цифровой культуры исследуется в различных аспектах, то требуется применение и соответствующей методологии. В онтологическом смысле цифровая культура может раскрываться через различные формы бытия, явления, например как культура визуальная, экранная, семиотическая и т.д. В данной методологии часто применяется структурно-функциональный подход, позволяющий выделить различные уровни реальности, формируемые цифровой культурой, например материальная, социальная, ментальная реальность и т.д. [1].

В различных философских и культурологических направлениях исследование цифровой культуры часто проводится на основе методологических дискурсов философии постструктурализма. В этом случае интерес представляют феномены симулякров, виртуализации пространства и реальности и т.д. [2].

При постановке вопросов о природе цифровой культуры, как правило, применяются цивилизационный, информационный, деятельностный и другие подходы [3]. В этом случае авторы представляют концепции, отражающие эволюцию цифровой культуры, цифровых объектов, обосновывающие ее природу как этап развития информационного общества [4].

Антропологические подходы раскрывают цифровую культуру как феномен человеческой природы, как эволюционную составляющую самого человека [5]. Здесь авторы обращают внимание на такие аспекты, как развитие информационной составляющей культуры человека, его информационных способностей и потребностей [6].

В современной научной литературе чаще всего исследуются феномены цифровой культуры, ее тенденции и перспективы, а также проблемы и последствия ее развития для человека и общества. Работ, посвя-

щенных изучению ее сущности и природы на основе субстратного подхода, крайне мало.

Целью данной статьи является обоснование перспективности и актуальности применения субстратного подхода в исследовании природы цифровой культуры.

Обзор литературы

Сегодня философская методология научного знания имеет широчайший спектр категорий, методов и подходов к изучению реальности. В научных исследованиях используется как традиционная методология философии, так и новые ее инструменты. Субстратный подход применяется все реже, предпочтение отдается различным вариантам системного подхода. Как отмечает В.А. Кутырев, «воспроизводя реальность через связи, отношения и функции, при системно-структурном исследовании отвлекаются от ее непосредственно “вещного”, “событийного” выражения. Обобщенно говоря, отвлекаются от субстратно-качественного подхода к ней (в сущности, это философское название нашего жизненного мира), заменяя его количественно-информационным, в свете которого отдельные вещи и явления предстают в виде совокупности по-разному организованных отношений или функций, а многообразие форм движения материи как многообразие ее структурных уровней» [7. С. 16].

В ряде публикаций обосновывается необходимость сохранения единства структурных и субстратных подходов при объяснении сущности явлений. Особенно это актуально при изучении природы и сущности информационной культуры как нового явления [8].

Цифровая культура как неотъемлемый атрибут информационного общества анализируется в современных диссертационных работах. В одной из последних докторских диссертаций автор обосновывает гипотезу о том, что на современном этапе технологического развития цивилизации мы приближаемся к стабилизации НТП при сохранении уже достигнутых сверхбыстрых скоростей совершенствования цифровых технологий. Человек в данных условиях вынужден искусственным образом ускоренно адаптировать свою биологическую природу к цифровым феноменам культуры. Это ведет к очередному этапу симбиоза человека и техники, а также общества в целом [9].

Проблему субъекта информационного общества исследует автор другой диссертационной работы. В частности он пишет, что «субъект является как реальным, так и вымышленным лицом, способным вести диалог с самим собой или многими такими же виртуальными по своей сути аватарами, что обеспечивает установленный обществом потребления порядок вещей и событий» [10. С. 14].

Исследователь приходит к выводу о том, что субъекту информационного общества приходится распадаться на множество аватаров, теряя собственную целостность, выполняя в социуме не свойственные традиционному субъекту функции. Происходят изменения самого социального субъекта как активного творца реального мира. Это говорит о том, что создавая новый вид культуры, человек каждый раз меняется согласно этой культуре. Следовательно, необходимо продлить линию этих изменений и заглянуть в будущее цифровой культуры. Чтобы подтвердить или опровергнуть закономерность взаимосвязи изменений человека, его природы и культуры им же создаваемой, необходимо найти ее след в прошлом, в его природе. Далее надо проследить обнаруженные тенденции в настоящем и попытаться их предсказать, спрогнозировать для будущего. Именно для этих задач необходимо применение субстратного подхода, который раскрывает основания, базу явлений, позволяет увидеть его родовые признаки – атрибуты и модусы, как свойства приобретаемые.

В работах отечественных ученых активно исследуется феномен информационной цифровой культуры и ее влияние на развитие науки и образования [11]. Высказывая определенные опасения о возможных негативных последствиях цифровизации общества, исследователи указывают на необходимость разработки новых методологических инструментов для их изучения, например, в рамках такого научного направления, как глобальный эволюционизм [12].

Особую тревогу ученых вызывает развитие систем искусственного интеллекта: «Неуправляемое ускоренное развитие ИИ и его имплантация во все стороны социально-экономической и политической жизни, включая высшее образование, также могут обнаружить свои негативные результаты и угрозы для человечества гораздо быстрее, чем мы сейчас допускаем» [13. С. 47]. Искусственный интеллект встраивается в систему естественного интеллекта, влияя на детерминацию общественного сознания над общественным бытием. Диалектику этих двух оснований социального в условиях переноса его в цифровую реальность достаточно сложно изучить без обращения к субстратному подходу. Что в этом случае является субстратом, а что его атрибутами? Может оказаться и так, что новые цифровые феномены перевернут привычные нам понятия, указав на необходимость применения иных инструментов для поиска истины.

Новые информационные технологии порождают и новые формы отчуждения. Как отмечает С.И. Дудник, «особенности цифрового отчуждения останутся непонятными как для исключительно оптимистического подхода к цифровизации, так и для критической позиции, настаивающей на “вечности” отчуж-

дения» [14. С. 20]. Возможно, что обращение к субстратному подходу поможет в раскрытии природы и специфики новых форм цифрового отчуждения.

В зарубежной литературе авторы обращаются к исследованию различных аспектов цифровой культуры. Особенно актуальными становятся вопросы теологического характера, обращенные к проблемам увеличения разрыва между цифровой культурой и религиозными сообществами [15].

С онтологической точки зрения исследователи пытаются решить вопросы информационной природы нового вида культуры [16], возможности пересмотра теории сознания в условиях развития цифровой жизни [17]. Здесь применяются феноменологические, культурологические подходы и методы к изучению информации как социального феномена.

Проблема субъективности и виртуальной реальности в эпоху цифровой культуры остается актуальной в современном философском знании [18]. Наиболее часто в подобных исследованиях субъективности применяется методология экзистенциальной философии Хайдеггера и Сартра.

Приведенный краткий аналитический обзор научной литературы, посвященной исследованию природы и сущности цифровой культуры, показал, что чаще всего авторы используют методологию субъект-субъектного, информационного, исторического, феноменологического, экзистенциального и других подходов. Построение онтологических моделей цифровой культуры опирается на те или иные инструменты субстратного подхода. Этого явно недостаточно для построения полной картины явлений и сущности цифровой культуры как феномена современности.

Методология и методы исследования

Теоретическую основу исследования актуальности применения субстратного подхода в изучении цифровой культуры составили отечественные и зарубежные научные публикации и диссертационные работы, посвященные проблемам информационной и цифровой культуры, особенно ее онтологическим аспектам. При их изучении и систематизации использовались методы аналитического обзора, анализа, сравнения, обобщения, принципы диалектики. В построении онтологической модели цифровой культуры автор использовал субстратный подход и метод диалектики.

Результаты исследования

Результаты исследования разработанности проблемы природы и сущности цифровой культуры условно можно разделить на три группы.

В первую группу мы отнесли работы, авторы которых считают, что цифровая культура – это феномен культуры информационной и является ярким представителем ее специфики в информационном обществе. Таким образом, можно заключить, что данные концепции цифровой культуры раскрывают ее как феномен информационной цивилизации, точнее ее определенного этапа развития.

Во второй группе мы объединили работы, в которых авторы рассматривают цифровую культуру как формы бытия и явления современной культуры, например культуру Интернета, виртуальную культуру, электронную культуру и др.

В отдельную группу нами были отнесены работы, в которых рассматривается антропологический аспект цифровой культуры. Данных работ сегодня появляется все больше, в них анализируются актуальные проблемы взаимодействия человека с цифровой средой и ее элементами.

В данной статье представлен анализ наиболее важных для нашего исследования работ, которые в том или ином ключе, обращаясь к элементам субстратного подхода, обосновывают необходимость разработки целостной онтологической модели цифровой культуры.

Обсуждение

Проводя анализ работ, посвященных выявлению онтологических основ цифровой культуры, можно видеть, что концепции, раскрывающие ее природу, основаны на следующем положении: цифровая культура – это очередной этап развития культуры информационной цивилизации. Например, в одной из работ, посвященных изучению сущности и природы цифровой культуры, авторы называют следующие причины ее формирования в современном обществе: «1. Историческая эволюция информационной сферы общества вызвала значительные социально-технические изменения и привела к увеличению объема общественно доступных информации и знаний. 2. Данный процесс сопровождался появлением и развития определенных исторически обусловленных технологических систем, определяющих способ формирования, хранения, защиты и передачи информации. 3. Вследствие развития информационной сферы и обслуживающих ее технологий возник ряд новых для общества информационных опасностей» [4. С. 203]. Указанные основания развития цифровой культуры показывают, что природа данного феномена заключается в информационной составляющей цивилизации. Информационные технологии порождают информационную культуру, а затем и цифровую ее составляющую.

Однако если посмотреть на природу цифровой культуры с позиции не только технологической, но и культурологической, то можно видеть и другие не менее важные причины ее появления. Так, например, в работах Ч. Гира обосновывается тезис о том, что появление цифровых технологий – это результат интеграции технологических и культурных событий и закономерностей [19. С. 112–121, 124–142]. Действительно, разработки компьютерных технологий изначально имели цели далеко не гуманитарные, а скорее милитаристские. Только впоследствии культурная парадигма изменилась, положив в основу не гонку вооружения, а человеческие ценности, результатом чего и было распространение компьютерных технологий в науке и образовании, экономике, медицине и в других сферах общества.

В результате новой идеологии, направленной на ценности человеческой индивидуальности, его творческой деятельности, формируется новая концепция информационной культуры, в центре которой не технология, а человек. Следует предположить, что цифровая культура должна унаследовать эту специфику. Данная тенденция прослеживается в современных определениях цифровой культуры, в которых она определяется как «сфера деятельности человека и ее результаты, связанные с созданием цифровых объектов и феноменов, симуляций объектов “живой” культуры, виртуальных пространств, процессов и явлений, созданных с помощью информационных технологий» [20. С. 89].

Таким образом, можно предположить, что цифровая культура имеет цивилизационный субстрат. Цивилизация порождает этот вид культуры, который, в свою очередь, представляет разновидность культуры информационной. Эту закономерность можно увидеть, если сравнить наиболее распространенное сегодня в социально-гуманитарном звании определение сущности информационной культуры с сущностью культуры цифровой: «Информационная культура – это неотъемлемая часть культуры в целом. Она входит в реальную ткань общественной жизни, придавая ей новое качество, приводит к изменению многих сложившихся социально-экономических, политических и духовных представлений, вносит качественно новые черты в образ жизни человека. Ещё одной особенностью информационной культуры является то, что она сегодня связана с современными средствами коммуникации, которые способны преодолевать пространство и время, выполняя тем самым интегративную функцию» [21. С. 8].

Сравнивая определения культуры информационной и цифровой, можно видеть, что информационная культура наследует родовые качества культуры как социального феномена цивилизации [22]. Сама информационная культура не является только результатом развития информационного общества. Она появляется вместе с человеком и существует уже в архаическую эпоху. Так, например, зарождение устной, а потом и письменной речи есть результат первой информационной революции, приведшей к формированию нового вида человеческой культуры. Примитивные информационные технологии качественно меняют всю культуру архаической цивилизации и самого человека. Затем происходит следующая информационная революция, знаковым событием которой становится книгопечатание – новый вид информационных технологий, в очередной раз, качественно меняющий всю культуру, обозначающий переход и к новому этапу исторического процесса – к аграрной цивилизации. Индустриальная, а затем информационная цивилизация порождают новые информационные технологии и виды информационной культуры, такие как электронная и цифровая. Данная взаимосвязь обоснована как в работах отечественных, так и зарубежных авторов.

Цифровая культура как цивилизационный феномен имеет и свои родовые качества, атрибуты, которые отличают ее от других видов культуры. Являясь, прежде всего, видом информационной культуры, она

отличается технологиями от информационной культуры предыдущих поколений. Цифровые технологии – это особый способ обработки сигналов и данных на основе двоичного кода. Они появляются гораздо раньше, нежели сам феномен цифровой культуры. Уже первые компьютеры представляли собой цифровое устройство. Но их появление ознаменовало формирование нового вида информационной культуры, а не цифровой. Следовательно, такой атрибут, как цифровые технологии, есть родовое качество цифровой культуры, отвечающее за ее зарождение и дальнейшее развитие. Цивилизационный субстрат цифровой культуры наделяет ее и другими атрибутами, носящими социальный характер, что и позволяет цифровые технологии облечь в социальное тело и придать им статус культурного феномена. Именно внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни дает возможность цифровой культуре приобрести новый атрибут – цифровые социальные отношения. Дело в том, что цифровая обработка сигнала – это лишь технический процесс обработки информации. Сигналы не являются информативными для человека в своем первоначальном виде. Человек обрабатывает социальную информацию.

Таким образом, цивилизация и соответствующий уровень развития информационной культуры позволяют создавать интерфейс, в котором человеко-машинная система приобретает способность организовать взаимодействие человека и техники на понятных для всех участников языках. Теперь не только цифра, но и цифровые социальные отношения становятся атрибутами цифровой культуры. Правомочность нашего предположения можно подкрепить тезисом Д.В. Галкина: «Ядром или, если угодно, сердцем цифровой культуры остается супер-феномен цифровой культуры – универсальный вычислительный автомат, обретающий различные культурные интерфейсы на разных уровнях культуры» [23. С. 15].

Культура как многогранный социальный феномен наделяет каждую свою разновидность аксиологической составляющей. Цифровая культура также имеет и этот атрибут. Однако система ценностей как неотъемлемая часть культуры сама по себе меняется. Такие изменения можно обозначить как модусы, т.е. приобретенные качества. Действительно цифровая культура, оставаясь по основным родовым признакам видом культуры, может менять содержание любого атрибута. Собственно, это и происходит с ценностями цифровой культуры. Они отличаются как от ценностей традиционной культуры, так и от ценностей культуры информационной. Основное отличие, которое можно видеть в работах исследователей, – это утрата духовных ценностей, изменение моральных норм и правил. В зарубежной литературе все чаще поднимаются вопросы разрыва между богословием и светской жизнью в цифровом формате, который создает цифровая культура [24].

В цифровой культуре порождается новый вид социальных отношений. Информационная культура положила начало данному явлению, создавая новый вид сообществ. Цифровая культура, порождая новые парадигмы взаимодействия людей, усилила данную

тенденцию, дав возможность человеку еще глубже погружаться в мир искусственной реальности, перенося в нее практически весь спектр социальных отношений. Системы искусственного интеллекта прочно занимают место субъекта общения и деятельности человека [25].

Таким образом, можно заключить, что цивилизационный субстрат цифровой культуры наделяет ее такими атрибутами, как цифровые технологии, цифровые социальные отношения, цифровая система ценностей. Аксиологическая подсистема цифровой культуры формируется как совокупность потребностей и способностей человека и общества или человеческого потенциал. Она отвечает за мотивационную составляющую в жизнедеятельности человека. Цифровизация всех сфер общественной жизни задает иные цели и ценности, что требует от общества изменений способностей и потребностей. Если рассматривать сам субстрат цивилизации как совокупность трех основных элементов: потенциал, социальные отношения и социальные институты, то цифровая культура и может быть представлена как система из этих трех элементов, носящих цифровой характер.

Цифровой потенциал как совокупность цифровых потребностей и способностей субъектов социальных отношений развивается согласно общим цивилизационным закономерностям. Информационная культура, достигнув стадии цифровизации, формирует те самые цифровые потребности, которые на государственном уровне оформлены как федеральные, региональные, муниципальные программы по созданию цифровой экономики. Цифровая экономика требует дальнейшего развития цифровых технологий и внедрения их во все сферы общественной жизни. Как известно, цифровые потребности удовлетворяются на основе соответствующих цифровых способностей. Способности эти развиваются социальными субъектами через механизмы педагогической деятельности. Иными словами, образование должно готовить специалистов, способных работать с цифровыми технологиями во всех областях экономики. Это возможно только в том случае, если будут действовать цифровые социальные отношения, которые регулируются соответствующими цифровыми социальными институтами. Вся система цифрового субстрата информационной цивилизации направлена на формирование цифровой культуры и адаптации к ней человека.

Новая парадигма цифровых социальных отношений формируется на основе социального субстрата. Иными словами, цифровая культура имеет не только цивилизационный субстрат, но и социальный. Он может быть представлен как совокупность цифровых сфер общественной жизни: экономической, научной, педагогической, управленческой, медицинской и т.д. В этом случае виды цифровой деятельности становятся неотъемлемыми атрибутами цифровой культуры.

Каждая деятельность в цифровом формате имеет структуру, аналогичную деятельности как субъект-объектного отношения. Поэтому в ней можно выделить такие элементы, как субъект, объект, средства, результат и т.д. Все элементы цифровой деятельности носят цифровой характер. Не является исключением и

человек, как субъект [26]. В рамках интернет-культуры, виртуальной реальности и множества других высокотехнологичных цифровых технологий субъект представлен своим двойником – квазисубъектом. За рубежом ученые активно изучают данный аспект, делая особый акцент на возможных негативных последствиях жизни человека в условиях искусственных миров [27].

Социальный субстрат цифровой культуры и его структура выводят на ряд проблем, которые могут быть систематизированы как по виду цифровой деятельности, так и по ее структуре. Например, сегодня особо актуальными становятся проблемы субъекта цифровой культуры. Исследователи изучают его трансформацию, специфику коммуникации, формирование новых видов цифровых субъектов и т.д. Широко обсуждаются проблемы идентификации, отчуждения, разрыва традиционных связей, утраты коммуникативных навыков, формирование ценностей потребления, пассивности субъекта, низкого уровня ответственности, формирования клипового сознания и т.п. [28].

Проводя аналитический обзор онтологических моделей цифровой культуры, мы отнесли к третьей группе те из них, в которых цифровая культура рассматривается с точки зрения философской антропологии и близких к ней философских направлений. Важно отметить, что в данных исследованиях раскрываются закономерности существования человека в условиях цифрового общества и культуры. Обобщая результаты исследований человека как субъекта цифровой культуры, мы увидели, что, например, в таком направлении, как трансгуманизм, основная идея заключается в том, что человек перестает быть «неделимым» биосоциальным существом. Цифровая культура способна разделить его сущность на дух и тело. Это выражается в теориях постчеловека, киборга и т.д. [29].

Человек как создатель цифровой культуры является ее антропологическим субстратом. Он сам трансформируется под воздействием созданного им искусственного цифрового мира, при этом наделяя цифровую культуру новыми атрибутами. Если родовыми признаками человека традиционно считаются язык, деятельность, общение и сознание, то именно они и подвергаются воздействию цифровой культуры в первую очередь.

Так, достаточно большое количество работ посвящено изучению трансформаций языка, коммуникативных способностей человека [30], изменению его психики в условиях цифровой информационной культуры [31].

Причем язык трансформируется в различных аспектах. Исследователи отмечают не только такую специфику, как упрощение, сленговость языка, но и его универсализацию, качество, необходимое человеку для коммуникации и деятельности в межкультурном цифровом пространстве информационной культуры [32].

Как показывают современные исследования феномена сознания, под воздействием новых форм коммуникации и языковых конструкций происходят измене-

ния ментальных, когнитивных, творческих и других человеческих способностей. В целом меняется весь духовный мир человека. На страницах научных публикаций все чаще ведутся дискуссии о возможности переноса человеческого сознания на иной носитель [33].

Для обозначения нового вида субъективности в информационной реальности мы ввели термин «квазисубъект», который обозначает информационный объект, способный выполнять роль субъекта социальных отношений [34]. Квазисубъект по мере развития цифровых технологий начинает приобретать все большую степень интерактивности, включаясь в систему социальных отношений. Будучи изначально творением человека, он достаточно быстрыми темпами приближается к человеческой сущности, тогда как человек от нее удаляется, превращаясь все больше в иное существо. Самое важное качество человека – это способность к одухотворенности, детерминирующей его поведение [35]. Природа управляет страстями человека, тогда как добродетелями управляет Бог и общество. В цифровой культуре происходит замена этих основ на искусственно созданные центры управления человеком, его поведением и развитием. Духовность, дарованная Богом, традиционные нормы морали не соответствуют новым правилам жизни в цифровой реальности.

Человек как существо информационное может общаться с иными сущностями через посредников [36]. Однако для этого ему приходится создавать этих коммуникаторов, а потом меняться, точнее, подстраиваться под их специфику. Так, например, ученые сегодня пишут о новых формах интеллектуальных добродетелей, механизмах формирования информационного иммунитета, которые включаются в современные программы образования [37].

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что атрибутами антропологического субстрата цифровой культуры можно считать цифровые формы родовых качеств человека: цифровой язык, цифровая деятельность, цифровое общение и цифровое сознание.

Заключение

Обосновывая актуальность применения субстратного подхода к исследованию природы и сущности цифровой культуры, построению ее онтологической модели, можно сформулировать ряд положений.

Во-первых, цифровая культура является разновидностью информационной культуры, которая, в свою очередь, есть ядро культуры в целом. Без информационной культуры не возможна цивилизационная эволюция. Цифровая культура демонстрирует очередной этап развития как культуры в целом, так и цивилизации. Качественным скачком перехода к цифровой цивилизации, вероятно, и будет соответствующий уровень развития цифровых технологий и цифровой культуры.

Во-вторых, цифровая культура есть социально-технологический феномен. Она охватывает все сферы социальной жизни человека, порождая новую парадигму социальных отношений.

В-третьих, цифровая культура является феноменом антропологическим. Она затрагивает мировоззренческие, ментальные, когнитивные, психологические и даже физиологические составляющие человека, трансформируя его родовые качества.

В-четвертых, субстрат цифровой культуры есть триединство трех составляющих: цивилизационной, социальной и антропологической. Каждый вид субстрата наделяет цифровую культуру атрибутами и модусами. Цивилизационный субстрат определяет такие атрибуты, как цифровые технологии, цифровые социальные отношения и институты, цифровой потенциал (потребности и способности). Социальный субстрат делает атрибутами цифровой культуры все виды цифровой деятельности. Антропологический субстрат порождает новые цифровые формы родовых качеств человека – языка, деятельности, общения и сознания.

Полученная модель цифровой культуры позволит изучать не только структурно-функциональные стороны и аспекты цифровой культуры, но и ее качественные характеристики, выводящие на понимание

ее природы и сущности, выявление закономерностей ее развития как на уровне цивилизации, так и на уровне социума и человека, возможные положительные и отрицательные последствия для каждой формы движения социальной материи.

Исследование цивилизационного субстрата цифровой культуры выводит на систематизацию и изучение таких закономерностей как формирование новых парадигм социальных отношений, закономерности появления новых форм движения социальной материи, закономерности развития новых видов духовной реальности, диалектика цифровой материи и духа и т.д. Социальный субстрат раскрывает картину диалектики качественных и количественных трансформаций видов человеческой деятельности, закономерности и взаимосвязи цифровых ее компонентов, природу и закономерности новых видов субъективности и т.д. Антропологический субстрат позволяет проследить качественные и количественные изменения родовых качеств человека, выявить закономерности их трансформации и предсказать возможные последствия таковых как для человека, так и для всей цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин Д.В. От вдохновения машинами к искусственной жизни: этапы развития технологического искусства // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9). С. 44–51.
2. Baranovas R. Virtuality and the Problem of Agency in Object-Oriented Ontology // Open Philosophy. 2020. № 3 (1). P. 233–241.
3. Латыпова А.Р. Между мутацией и глитчем: цифровая эволюция медиа // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 162–178.
4. Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В. Цифровая культура – исторический этап развития информационной культуры общества // Вестник университета. 2020. № 5. С. 200–205.
5. Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 103–109.
6. Глухов А.П. Цифровая грамотность поколения z: социально-сетевой ракурс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 126–137.
7. Кутырёв В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки. Избранные философские тексты XXI века. СПб.: Алетея, 2018. 526 с.
8. Афанасьев С.В. Обоснование актуальности разработки субстратно-атрибутивной модели информационной культуры в рамках философии культуры // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 3 (32). URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1125>
9. Шестакова И.Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Воронеж, 2020. 44 с.
10. Львов А.А. Археология субъекта информационного общества : антропологический аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015. 26 с.
11. Ахметжанова Г.В., Юрьев А.В. Цифровые технологии в образовании // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 334–336.
12. Ursul A.D. Science And Education In the Conditions of Formation of the Global World // Wisdom. 2019. № 13 (2). P. 127–134.
13. Rakitov A.I. Higher Education and Artificial Intelligence: Euphoria and alarmism // Higher Education in Russia. 2018. Vol. 27, № 6. P. 41–49.
14. Дудник С.И. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17–20.
15. Cloete A.L. Living in a Digital Culture: The Need for Theological Reflection // HTS Theological Studies 2015. № 71 (2). P. 1–7.
16. Kelly M., Bielby J. (eds.) Information Cultures in the Digital Age. Wiesbaden, Germany : Springer VS, 2016.
17. Clark K.B. Digital Life, a Theory of Minds, and Mapping Human and Machine Cultural Universals // Behavioral and Brain Sciences. 2020. № 43.
18. Vella D., Gualeni S. Virtual Subjectivity: Existence and Projectuality in Virtual Worlds // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2019. № 23 (2). P. 115–136.
19. Gere Ch. Digital Culture. London : Reaktion Books, 2002.
20. Баева Л.В. Развитие системы электронной культуры и дифференциация современного социогуманитарного знания // Философские науки. 2018. № 6. С. 83–89.
21. Водопьянова Н.А. Информационная культура как фактор взаимодействия общественного и индивидуального : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2001. 21 с.
22. Колин К.К., Урсул А.Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М. : Стратегические приоритеты, 2015. 288 с.
23. Галкин Д.В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-творей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16.
24. Steinhart E. Digital Theology: Is the Resurrection Virtual? // Luck M. (ed.) A Philosophical Exploration of New and Alternative Religious Movements. Farnham, UK : Ashgate, 2012. P. 133–152.
25. Coeckelbergh M. New Romantic Cyborgs: Romanticism, Information Technology, and the End of the Machine. Reviewed by Dave Seng // Philosophy in Review. 2018. № 38 (1). P. 11–13.
26. Suvajdzic M., Bihorac A., Rashidi P., Ong T., Applebaum J. Virtual Reality and Human Consciousness: The Use of Immersive Environments in Delirium Therapy // Technoetic Arts. 2018. № 16 (1). P. 75–83.
27. McDonnell N., Wildman N. Virtual Reality: Digital or Fictional? // Disputatio. 2019. № 11 (55). P. 371–397.
28. Spiegel J. The Ethics of Virtual Reality Technology: Social Hazards and Public Policy Recommendations // Science and Engineering Ethics. 2018. № 24 (5). P. 1537–1550.
29. Koch T. Transhumanism, Moral Perfection, and Those 76 Trombones // Journal of Medicine and Philosophy. 2020. № 45 (2). P. 179–192.
30. Глухов А.П. Цифровое поколение: культура управления межличностными коммуникациями в социальных сетях // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 74–77.

31. Гальченко А.С., Григорьев П.Е., Поскотинова Л.В. Взаимосвязь интернет-зависимости с когнитивно-стилевыми особенностями обучающихся // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 3. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-3-7
32. Мишанова О.Г., Батенова Ю.В. Информационно-языковая компетенция современного ребенка в новом культурном контексте цифрового общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 44–48.
33. Лекторский В.А., Дубровский Д.И., Иванов Д.В., Катунин А.В., Михайлов И.Ф., Труфанова Е.О., Чертова Е.Л., Щедрина И.О., Яковлева А.Ф. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.
34. Gryaznova E.V., Lanskaya I.A., Kozlova T.A. Virtual reality as a category of psychology within the information concept // Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education. 2020. № 44 (2). С. 308–316. DOI: 10.32744/pse.2020.2.24
35. Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G. The role of information culture in the formation of a cultural ideal // Prospects for science and education. 2020. № 1 (43). P. 379–388.
36. Татаринов К.А., Орлова Е.Г. Модели цифрового обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 204–207.
37. Heersmin R. A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education // Social Epistemology. 2018. Vol. 32, № 1. P. 1–12.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 января 2021 г.

A Substrate Approach in the Study of Digital Culture

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 68–75.

DOI: 10.17223/15617793/464/8

Elena V. Gryaznova, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egik37@yandex.ru

Keywords: digital culture; information culture; substrate approach; civilizational substrate; social substrate; anthropological substrate.

The aim of the article is to substantiate the need for a substrate approach in the study of the nature and essence of digital culture. The main research methods were those of analysis, comparison, communication, dialectics, and the substrate approach. The study was conducted in several stages. At the first stage, the author made an analytical review of domestic and foreign publications on the use of the substrate approach in the study of the nature and essence of digital culture. At the second stage, the author compared and generalized the results. At the third stage, the author substantiated the need to build a model of digital culture based on the substrate approach. In the course of the study, the author came to the conclusion that for a holistic analysis of the new cultural phenomenon of digital culture, along with the structural and functional approach, it is necessary to apply the substrate approach. It will allow identifying three main substrates of digital culture: civilizational, social and anthropological. Each substrate gives digital culture appropriate attributes and modes. The civilizational substrate defines such attributes of digital culture as digital technologies, digital social relations and institutions, digital potential (needs and abilities). The social substrate makes all types of digital activities, including its structural elements (pedagogical, managerial, economic, environmental, scientific, medical, physical and artistic), attributes of digital culture. The anthropological substrate generates new digital forms of generic human qualities – language, activity, communication and consciousness. Knowledge of the generic and acquired qualities of digital culture will reveal patterns of its development, and, consequently, possible consequences for the development of civilization, society and people. The substrate model of digital culture will allow systematizing the formulation of problems that require understanding and solution at different levels of the universe. At the level of civilization, it is the formation of new forms of social relations and institutions, the development and implementation of the digital potential of humanity, the laws of transition to a new high-quality civilizational development. At the level of society, it is the laws of interaction and integration of digital forms of activity, the laws of the birth and existence of new forms of subjectivity, the laws and principles of the existence of digital reality and digital social space. The anthropological level reveals the regularities of development and qualitative changes in the system of generic qualities of people, and therefore of people themselves.

REFERENCES

1. Galkin, D.V. (2013) From inspiration of machines to artificial life: The development stages of the technological art. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (9). pp. 44–51. (In Russian).
2. Baranovas, R. (2020) Virtuality and the Problem of Agency in Object-Oriented Ontology. *Open Philosophy*. 3 (1). pp. 233–241.
3. Latypova, A.R. (2020) Between mutation and glitch: digital evolution of media. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 57 (2). pp. 162–178.
4. Zakharov, M.Yu., Starovoytova, I.E. & Shishkova, A.V. (2020) Digital culture – a historical stage in the development of the information culture of society. *Vestnik universiteta*. 5. pp. 200–205. (In Russian). DOI: 10.26425/1816-4277-2020-5-200-205
5. Leshkevich, T.G. (2019) Digital transformation of the era in the projection of their impact on the modern man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 103–109. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/12
6. Glukhov, A.P. (2019) Generation Z's digital literacy: a social network view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 126–137. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/13
7. Kutyrev, V.A. (2018) *Sova Minervy vyletaet v sumerki. Izbrannyye filosofskie teksty XXI veka* [Minerva's Owl takes off at dusk. Selected philosophical texts of the 21st century]. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Afanas'ev, S.V. (2020) The rationale for relevance development of substrate-attribute model of information culture in the framework of the philosophy of culture. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 8:3 (32). [Online] Available from: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1125>.
9. Shestakova, I.G. (2020) *Chelovek i sotsium v temporal'nosti tsifrovogo mira* [Man and society in the temporality of the digital world]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Voronezh.
10. L'vov, A.A. (2015) *Arkheologiya sub"ekta informatsionnogo obshchestva: antropologicheskiy aspekt* [Archeology of the subject of the information society: anthropological aspect]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg.
11. Akhmetzhanova, G.V. & Yur'ev, A.V. (2018) Digital technologies in education. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*. 7:3 (24). pp. 334–336. (In Russian).
12. Ursul, A.D. (2019) Science and Education in the Conditions of Formation of the Global World. *Wisdom*. 13 (2). pp. 127–134.

13. Rakitov, A.I. (2018) Higher Education and Artificial Intelligence: Euphoria and alarmism. *Higher Education in Russia*. 27 (6). pp. 41–49.
14. Dudnik, S.I. (2020) Alienation in digital society. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 17–20. (In Russian).
15. Cloete, A.L. (2015) Living in a Digital Culture: The Need for Theological Reflection. *HTS Theological Studies*. 71 (2). pp. 1–7.
16. Kelly, M. & Bielby, J. (eds) (2016) *Information Cultures in the Digital Age*. Wiesbaden, Germany: Springer VS.
17. Clark, K.B. (2020) Digital Life, a Theory of Minds, and Mapping Human and Machine Cultural Universals. *Behavioral and Brain Sciences*. 43.
18. Vella, D. & Gualeni, S. (2019) Virtual Subjectivity: Existence and Projectuality in Virtual Worlds. *Techné: Research in Philosophy and Technology*. 23 (2). pp. 115–136.
19. Gere, Ch. (2002) *Digital Culture*. London: Reaktion Books.
20. Baeva, L.V. (2018) The Development of E-Culture and Differentiation of the Modern Social Sciences and Humanities. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 6. pp. 83–89. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-83-99
21. Vodop'yanova, N.A. (2001) *Informatsionnaya kul'tura kak faktor vzaimodeystviya obshchestvennogo i individual'nogo* [Information culture as a factor of interaction between the public and the individual]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Stavropol.
22. Kolin, K.K. & Ursul, A.D. (2015) *Informatsiya i kul'tura. Vvedenie v informatsionnyu kul'turologiyu* [Information and culture. Introduction to Information Cultural Studies]. Moscow: Strategicheskie priorityty.
23. Galkin, D.V. (2012) Digital Culture: Methodological Issues of Cultural Dynamic Research: From Digital Automatic Machines to Technical-bio-creatures. (8). pp. 11–16. (In Russian).
24. Steinhart, E. (2012) Digital Theology: Is the Resurrection Virtual? In: Luck, M. (ed.) *A Philosophical Exploration of New and Alternative Religious Movements*. Farnham, UK: Ashgate. pp. 133–152.
25. Coeckelbergh, M. (2018) New Romantic Cyborgs: Romanticism, Information Technology, and the End of the Machine. Reviewed by Dave Seng. *Philosophy in Review*. 38 (1). pp. 11–13.
26. Suvajdzic, M. et al. (2018) Virtual Reality and Human Consciousness: The Use of Immersive Environments in Delirium Therapy. *Technoetic Arts*. 16 (1). pp. 75–83.
27. McDonnell, N. & Wildman, N. (2019) Virtual Reality: Digital or Fictional? *Disputatio*. 11 (55). pp. 371–397.
28. Spiegel, J. (2018) The Ethics of Virtual Reality Technology: Social Hazards and Public Policy Recommendations. *Science and Engineering Ethics*. 24 (5). pp. 1537–1550.
29. Koch, T. (2020) Transhumanism, Moral Perfection, and Those 76 Trombones. *Journal of Medicine and Philosophy*. 45 (2). pp. 179–192.
30. Glukhov, A.P. (2018) Digital generation: The management culture of interpersonal communication in a social network. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*. 25. pp. 74–77. (In Russian).
31. Gal'chenko, A.S., Grigor'ev, P.E. & Poskotinova, L.V. (2020) Correlation between internet-addiction and the cognitive-stylistic features of students. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 8 (3). (In Russian). DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-3-7
32. Mishanova, O.G. & Batenova, Yu.V. (2018) Information and language competence of the modern child of new cultural context of digital society. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 7:2(23). pp. 44–48. (In Russian).
33. Lektorskiy, V.A. et al. (2016) Human subjectivity in light of the current challenges in cognitive science and in information and cognitive technologies. The materials of the “round table”. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 5–35. (In Russian).
34. Gryaznova, E.V., Lanskaya, I.A. & Kozlova, T.A. (2020) Virtual reality as a category of psychology within the information concept. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 44 (2). pp. 308–316. DOI: 10.32744/pse.2020.2.24
35. Gryaznova, E.V., Treushnikov, I.A. & Goncharuk, A.G. (2020) The role of information culture in the formation of a cultural ideal. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 1 (43). pp. 379–388.
36. Tatarinov, K.A. & Orlova, E.G. (2020) Digital training models. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya – Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 9:3(32). pp. 204–207. (In Russian).
37. Heersmin, R. (2018) A Virtue Epistemology of the Internet: Search Engines, Intellectual Virtues and Education. *Social Epistemology*. 32 (1). pp. 1–12.

Received: 06 January 2021

А.О. Шабалина

ЭНАКТИВИСТСКАЯ КРИТИКА НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ

Приведены основные доводы против концепции сознания как продукта нейронной активности, выдвинутые в рамках энактивистского подхода в философии сознания. Проанализирована аргументация представителя сенсомоторного направления энактивизма А. Ноэ и приведены доводы телеосемантического подхода к понятию информации, предоставленные Р. Цао. Делается вывод, что естественно-научные методы являются недостаточными для изучения сознания.

Ключевые слова: энактивизм; трудная проблема сознания; мозг; сознание; нейронная теория сознания.

Тезис минимального нейронного субстрата

По мере развития нейрофизиологии взаимосвязь мозга и сознательного опыта стала очевидной. Отчеты о персональных переживаниях коррелируют с данными о нейронной активности, и, наоборот, активность, фиксируемая методами фМРТ и ЭЭГ, может в определенной мере раскрыть характер переживаемого опыта. Это обстоятельство привело к широко распространенной убежденности, что мозг не просто взаимосвязан с содержанием сознательного опыта, но является его причиной и сущностью. Дискуссия о нейронных коррелятах сознания превратилась в обсуждение нейронной основы сознания.

Убеждение, что ответы на проблему сознания следует искать с помощью нейронаук, легло в основание научной программы по изучению сознания. Заступая на территорию, традиционно считавшуюся сферой философии, нейрофизиология формирует собственные рабочие определения сознания, опирающиеся на известные ей данные. Профессор Е.Н. Соколов делает следующее предположение: «Сознание является формой активности специфических нейронов сознания» [1. С. 16]. М.Ф. Иваницкий пишет: «Психические переживания возникают на основе работы мозга» [2. С. 38]. Нобелевский лауреат, нейробиолог Эрик Кандел высказывается следующим образом: «Все психические функции, от самого мелкого рефлекса до самого возвышенного творческого опыта, происходят из мозга» [3]. Наконец, Ф. Крик в книге «Удивительные гипотезы» утверждает, что мы являемся «не более чем действием огромного собрания нервных клеток и связанных с ними молекул» [4].

Большинство нейрофизиологов убеждено, что для каждого состояния сознания существует некий минимальный нейронный субстрат, достаточный для его возникновения. Предполагается, что это соответствие выполняется как естественный закон. Это положение носит название «тезис о минимально достаточном нейронном субстрате», или «тезис о минимальном субстрате». Идея нейронного субстрата сознания была окончательно сформулирована во влиятельной работе Ф. Крика и К. Коха 1990 г. «На пути к нейробиологической теории сознания». С этого момента мысль о том, что в основе сознательного опыта лежат нейронные процессы, является основополагающим метафизическим и методологическим допущением, принятым в науке, направленной на поиск основы сознания [5].

Мозг объявляется причиной и сущностью сознания. Следовательно, чтобы объяснить сознание, необходимо найти его корреляты в мозге, будь то «нейроны сознания» [1. С. 11] или паттерны взаимодействия между структурами мозга [2. С. 39].

Основной аргумент нейронной теории сознания можно эксплицировать в виде следующего умозаключения: «События сознания сопровождаются нейронной активностью. Следовательно, нейронная активность является причиной и сущностью сознания». Уязвимость этого умозаключения очевидна. Если событие А происходит одновременно с событием Б, это не говорит с необходимостью о том, что эти два события находятся в отношении причинности. Даже если предположить, что феноменальное сознание каузально производится активностью мозга, остается вопрос о сущности сознания. Причинно-следственная взаимосвязь, как указывал Юм, включает в себя раздельное существование. Если мы говорим о том, что сознание каузально производится нейронной активностью, мы уже имплицитно подразумеваем, что сознание в своей сущности есть нечто отличное от нейронной активности [6. С. 13–14].

Тезис о нейронном субстрате сознания является предметом критики энактивистской теории – направления в философии сознания, сформулированного в 1990-е гг. Ф. Варелой и его коллегами, которое представляет сознание как способ взаимодействия живого организма с окружающей средой. К уже существующим известным аргументам против физикалистской редукции сознания, выдвинутым Нагелем, Левиным, Блоком, Чалмерсом и другими, энактивизм добавляет ряд новых способов критического анализа сложившегося представления о сознании как о продукте деятельности мозга.

Энактивистская теория подчеркивает, что содержание сознательного опыта обусловлено структурой познающего агента, т.е. его телом. Сознательный опыт отражает взаимодействие телесного субъекта как целостности со средой его обитания. Эта целостность не сводится только лишь к мозгу, а включает в себя руки, ноги, органы восприятия, жизненно важные органы и все остальное тело [7. С. 20].

Мозг, даже рассматриваемый в пределах организма, не является изолированным органом. Например, кровоток также оказывает влияние на нейронную активность, что сказывается на мыслительной деятельности. То же можно сказать и об обеспечении мозга кислородом. Недостаток кислорода сказывается на

восприятии и когнитивных способностях. Действие крови и кислорода может прямо коррелировать с процессами в сознании. Таким образом, границы материальной основы сознания расширяются и включают в себя не только нейронный субстрат, но и кровоток, и дыхание. Но все эти процессы, в свою очередь, встроены в структуру целого организма, зависимы от других систем, и весь организм сам находится во включенном взаимодействии с миром. Основания для редукции сознания к мозгу вновь теряются.

Сознание и мозг не могут быть отождествлены, поскольку свойства этих объектов не тождественны. Содержание опыта, например, визуального восприятия всегда является эмпирическим: оно представлено с определенной перспективы или точки зрения, оно активно и направляется вниманием. Ни одно из этих свойств не может быть приписано нейронной системе. Живые субъекты испытывают мир по отношению к себе и исследуют его с помощью соответствующих движений тела, но нейроны не производят подобных действий [5. С. 16].

Отдельно стоит привести несколько специфических аргументов против нейронной теории сознания, характерных для энактивистской теории. К ним относятся указание на активный характер сознания, «объяснительный экстернализм» А. Ноэ и аргумент от отсутствия физикалистской интерпретации информации.

Активность как характеристика сознания

Концепция познания как активного действия способна устранить или, по крайней мере, смягчить противоречия трудной проблемы сознания. Она позволяет рассматривать переживаемый от первого лица опыт как способ действия живой системы, а не как состояние, в то время как проблема «пробела в объяснении» связана с тем, что качественные характеристики опыта, воспринимаемые как дискретные ментальные состояния, не могут быть описаны в физикалистских терминах. Но динамический опыт, возникающий в качестве навыка овладения паттернами соответствия между действиями и сенсомоторной реакцией, не является дискретным событием или свойством, таким как квалиа или репрезентация.

Для обоснования антирепрезентационалистской позиции энактивизм привлекает эмпирические данные. Классический эксперимент «Невидимая горилла» [8] феномен перцептивной слепоты, эффекты контекстуально зависимого искажения изображения и цвета [9] и многие другие подобные данные показывают, что восприятие не является последовательностью детализированных снимков реальности. Восприятие обусловлено исследующим вниманием, оно является деятельностью, а не механическим копированием реальности посредством органов чувств.

Например, процесс зрения включает в себя не только работу мозга, но и движение глазами, головой и всем телом. Зрение, как показывает А. Ноэ, не является чем-то, что происходит внутри мозга. Зрение — это то, делает субъект. Это разновидность искусной активности, направленная на исследование мира [10. С. 60]. С точки зрения энактивизма, нет необходимо-

сти искать за этой деятельностью какую-то статичную сущность. Поскольку видение является активным исследованием мира посредством всего тела, оно не может происходить только в мозге, сводиться к событиям в мозгу. Мозг имеет критически важное значение, но, согласно этой модели, он не тождествен активной личности так же, как не тождествен двигатель всему автомобилю.

Энактивистская замена концепции восприятия как снимка реальности на концепцию восприятия как деятельности оптимизирует объяснение многих психических процессов, в том числе и памяти. Память может быть представлена как воспроизведение, повторное действие, которое может перерасти в навык. В этом смысле нет необходимости искать закодированные воспоминания на нейронном уровне, поскольку они деятельностно воссоздаются заново в соответствии с текущей задачей. Эксперименты по исследованию памяти также подтверждают, что воспоминания не являются снимками прошлого, а воссоздаются в зависимости от контекста и включают в себя новый опыт [11. С. 276].

В качестве основания для развития сложной когнитивной деятельности в рамках энактивистского подхода рассматриваются навыки и привычки. Никакое сложное действие не было бы возможно без способности обретать привычки. Метафорически выражаясь, привычка похожа на тропу, которая возникает от повторяющегося прохождения по ней. Действие создает специфический след, делающий повторение более простой операцией, нежели изобретение нового действия. Использование привычных продуктивных действий высвобождает ресурсы для более сложных и творческих задач. Эта идея перекликается с концепцией британского философа Адриана Кассинса о когнитивных тропах [10. С. 128].

Аргумент от объяснения

Отдельно следует выделить стратегию аргументации, предлагаемую А. Ноэ, которую он называет «объяснительным экстернализмом». Данный аргумент изложен в статье «Магический реализм и пределы разума: что делает нас сознательными?» [12]. Ноэ приходит к выводу, что объяснить сознательный опыт можно только с помощью не-нейронных его составляющих.

Для раскрытия своей идеи Ноэ анализирует структуру визуального опыта. Доказанный экспериментально феномен нейропластичности показывает, что визуальный опыт не привязан к конкретным участкам мозга. Например, в известном эксперименте Мриганки Сур зрительные нервы новорожденных хорьков операционным путем были отсоединены от зрительной коры и присоединены к таламокортикальным путям, в результате чего слуховая кора морфологически стала похожа на зрительную, а хорьки остались зрячими. Похожие примеры нейропластичности были обнаружены у людей, потерявших какие-либо способности в результате травмы.

Ноэ начинает с рассмотрения нейрофизиологического объяснения визуального опыта, взятого с уче-

том правила нейропластичности. Если визуальный опыт может поддерживаться несвойственным ему участком мозга, значит, существует некая большая система, в которую включена зрительная система в качестве функции. Благодаря управляющей роли этой большей системы возможно делегирование функции зрения нехарактерному участку мозга.

Вначале Ноэ моделирует ответ на вопрос о том, что представляет собой эта система, используя тезис минимального субстрата. Предположим, то, что управляет качественными сенсорными состояниями это отношение нейронной активности в областях коры головного мозга к паттернам афферентации в сенсорной периферии. Даже согласно такому описанию, качественные характеристики опыта не определяются внутренними физическими характеристиками нейронной активности в данном участке коры. Скорее, характер опыта определяется структурой, состоящей из этой кортикальной области и сенсорной периферии. События в коре возникают в силу притока нервных импульсов от активно исследующего мир органа зрения. Характер нейронной активности в кортикальной области зависит от источника афферентации. Таким образом, активность, связанная с визуальным опытом, возникает в силу нейронной активности, управляемой глазами.

Для того чтобы такое описание было полностью законченным и предоставляло объяснение визуальному опыту, необходимо дать ответ на вопрос о том, как подобное взаимодействие между источником сенсорных сигналов и кортикальной целевой областью может повлиять на дальнейшее соответствие между нейронной активностью и качественными характеристиками опыта. Но остается непонятным, почему перенаправление потока стимулов от глаз к слуховой коре должно изменить качественную функцию этого участка коры. Объяснение этого отсутствует. Более того, не во всех случаях такого перенаправления стимульных сигналов к нехарактерному участку мозга происходит изменение качественных характеристик опыта. Таким образом, объяснение через тезис минимального субстрата остается поверхностным объяснением.

Эта объяснительная слабость дает Ноэ основание обратиться к другой, расширенной объяснительной модели. Он обращает внимание на то, что в интерпретации через минимальный субстрат он пытался объяснить характер восприятия с учетом не только активности в коре, но включив в свою динамическую модель также и проксимальные источники афферентации. Используя ту же логику, автор предлагает расширить представление о субстрате перцептивного опыта, включив в него связь с дистальными объектами. Иными словами, к зрительной системе следует отнести также и сами воспринимаемые объекты.

Ноэ подчеркивает, что это сильное заявление, и предлагает ряд аргументов для его защиты. В этом контексте он вспоминает эксперимент, произведенный Полом Бач-и-Ритой. Этот нейрофизиолог создал устройство для слепых людей, которое посылало поток стимулов на определенный участок кожи, передавая таким образом изображение. Изображения на ка-

мере повторялись тактильными стимулами на коже, компенсируя визуальный ряд. Шаблоны, проецируемые на кожу производили опыт, который по структуре можно назвать визуальным. Через некоторое время испытуемый переставал интерпретировать ощущения на коже как телесные ощущения, а проецировал изображения в пространство перед собой, которое исследовалось «взглядом» видеокамеры. При использовании этого аппарата не происходило перенаправления афферентации от сенсорной периферии к коре головного мозга. Поэтому если объяснять возникновение зрительной функции в «слуховой» коре через источник афферентации, идущий от глаз, то в примере с аппаратом Бач-и-Риты тактильные ощущения в коже продолжают активировать ту же соматосенсорную область в мозге. Но при этом качественная характеристика опыта меняется, она приобретает свойства визуального опыта. Однако динамические, сенсомоторные паттерны, обусловленные характеристиками дистальных объектов, опосредованные нейронной активностью, проявляют сенсомоторную организацию, характерную для зрения. Поэтому, как считает Ноэ, качественный характер опыта объясняется именно теми способами, которыми нейронная активность связана с дистальными объектами в рамках более широкого взаимодействия субъекта с окружающим миром. Таким образом, внутренний характер нейронной активности или взаимодействие между целевыми областями коры головного мозга и источниками афферентации не дает объяснений, которые появляются, если включить в систему дистальные объекты.

Таким образом, схема, объясняющая опыт восприятия, должна состоять не из двух основных компонентов, а из трех: самих объектов, сенсорной периферии и нейронной активности в коре. Согласно этой расширенной модели, характер динамического взаимодействия познающего субъекта с объектами мира обуславливает соответствующий характер опыта.

Стандартная объяснительная модель предполагает, что мир влияет на опыт косвенно, вызывая изменения в нервной системе, и нейронные состояния являются конститутивными, в том смысле, что их достаточно для возникновения опыта. Расширенная модель иначе распределяет акценты, и, согласно ей, перцептивный опыт является связью между объектом и воспринимающим субъектом, опосредованной нейронной деятельностью. Мозг в этой цепи позволяет фиксировать, отслеживать и оперировать с объектами окружающей среды, но он не является агентом воспринимающей активности.

Информация и мозг

Одной из проблем, рассматриваемых в рамках критики нейронной теории сознания, стала проблема отношения понятия «информации» к нейронным событиям в мозге. Натурализованная трактовка сознания требует соответствующего понятия о ментальном содержании. Если мозг рассматривается как система с семантическими и репрезентационными свойствами, то должна существовать физически регистрируемая единица познания. В этом качестве рассмат-

ривается понятие информации. Нейроны «получают информацию», «передают информацию», «обрабатывают информацию» – случаи употребления подобных выражений весьма распространены в публикациях по нейрофизиологии. Однако при ближайшем рассмотрении применение понятия «информация» по отношению к нейронным процессам оказывается проблематичным.

Проблема использования понятия «информация» в применении к нейронным процессам подробно рассмотрена в статье Розы Цао «Телеосемантический подход к информации в мозге» [13]. Автор анализирует, какими свойствами должна обладать система, чтобы она смогла обеспечивать передачу семантической информации. Система, в которой происходит получение информации, в простейшем варианте состоит из отправителя информации, самой информации и ее получателя.

Цао выделяет два главных требования к сигналам, передаваемым в рамках этой системы, которые с необходимостью должны выполняться, чтобы данные сигналы могли считаться информацией.

Во-первых, получатель информации должен быть компетентным. Свойство сигнала быть информацией зависит от существования потенциального приемника этой информации. Это значит, что на базе полученной информации он должен быть способен обрести возможности во взаимодействии с окружающей средой. Сигнал в отсутствие воспринимающей стороны по определению не может считаться информационным.

Во-вторых, получатель должен обладать некоторой гибкостью в отношении ответа на полученный сигнал. Это требование необходимо для различения между простым взаимодействием и таким взаимодействием, которое имеет семантический компонент. Допустим, в рамках химического взаимодействия капля кислотного дождя (сигнал), падая на меловую скалу (приемник сигнала), произведет определенную реакцию – шипение. Однако у получателя в данном примере отсутствует какая-либо вариативность реагирования, поэтому такое событие является механическим, а не информационным. Даже достаточно простые млекопитающие могут изменить свою реакцию на входящий информационный сигнал в результате обучения.

Далее Цао исследует, в какой степени те или иные части мозга могут рассматриваться в качестве операторов информации. В качестве сигнала могут выступать несколько кандидатов, рассматриваемых в этой роли в современной нейронауке: биоэлектрический потенциал, нейротрансмиттеры, биоэлектрическая активность между группами нейронов. В качестве потенциальных получателей рассматриваются пресинаптическая мембрана, постсинаптическая клетка, сети из множества нейронов. Цао приходит к выводу, что только на уровне организма как целостности можно заметить выделяемые два признака: гибкость и компетентность получателя информации. То есть семантическая информация может использоваться не мозгом и не его частью, а организмом в целом. Рассматривая отдельные клетки, нейроны или популяции нейронов как возможных потребителей информации, Цао показывает, что все подобные структуры способ-

ны воспринять ничтожно малую информацию. И хотя она останавливается на том, что в силу характеристик постсинаптического уплотнения нейрон в какой-то степени может рассматриваться как получатель семантической информации, она заключает, что эта информация оказывается ничтожно малой. Она сводится к сообщению вроде: «Я активен!». Следует отметить, что с точки зрения энактивистского теоретика Дениэла Хутто, нельзя говорить даже о таком ничтожном содержании, которое предлагает Цао [14].

Подытоживая, автор говорит, что следует отказаться от расхожего представления о том, что один нейрон репрезентирует какой-то фрагмент реальности вне организма, хотя его активность может быть действительно коррелирована со структурой мира, в котором действует субъект. Роль одного нейрона, заключает автор статьи, больше похожа на роль человека внутри «китайской комнаты» Джона Серла: он принимает входящие запросы и систематически производит на них реакцию, но совершенно не осведомлен об их значении. Одиночная клетка реагирует на локальные события, которые в результате эволюции стали согласовываться с внешними закономерностями и целями всего организма.

Заключение

К уже существующим аргументам против физикалистской редукции сознания энактивизм добавляет новые, меняя модель сознания как продукта нейронной активности на концепцию сознания как действия, производимого в ходе взаимодействия тела, мозга и окружающей среды.

Критический пересмотр убеждений, связанных с нейронной теорией сознания, заставляет признать, что нет достаточных оснований для редукции сознания к процессам в мозге. Именно поэтому ожидания, что визуализация процессов в мозге с помощью современной аппаратуры сможет транслировать сознательный опыт, А. Ноэ называет «новой френологией», указывая этим на наивный характер нейронной редукции.

Однако приведенных доводов недостаточно для решения «трудной проблемы сознания». Если для нейронной теории «трудная проблема» формулируется как вопрос: «Почему работа мозга сопровождается сознательным опытом?», то к энактивистской модели уместно обратить похожий вопрос: «Почему динамическое взаимодействие между мозгом, телом и окружающей средой протекает в форме сознательного опыта?»

В рамках самой энактивистской теории вариант ответа на этот вопрос можно найти в аутопоэтической теории, в которой понятие сознания отождествляется с понятием жизни. Возможным решением может быть признание феномена сознания, способности энактивированного субъекта переживать мир, фундаментальным нередуцируемым свойством живых систем. В результате последовательной критики физикализма к похожему выводу приходят и сторонники панпсихизма [15. С. 109]. Но такая гипотеза сознания делает естественно-научные методы недостаточными для изучения сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 4. С. 11–19.
2. Иваницкий А.М. Сознание и мозг: как «поверить алгеброй гармонию» // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 38–45.
3. Kandel E. Your Mind Is Nothing but Neurons, and That's Fine // Big Think. URL: www.bigthink.com/videos/a-biological-basis-for-the-unconscious (дата обращения: 05.05.2017).
4. Crick F. The Astonishing Hypothesis. New York : Touchstone, 1994. 317 p.
5. Noë A., Thompson E. Are there neural correlates of consciousness? // Journal Of Consciousness Studies. 2004. № 11 (1). P. 3–28.
6. Rowlands M. The nature of consciousness. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
7. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA : The MIT Press, 1991. 308 p.
8. Mack A., Rock I. Inattentional Blindness. Cambridge, MA : MIT Press, 1998. 287 p.
9. Андреев Ю.С., Панкин О.В. Феномены цветового восприятия // Вестник МГУП. 2012. № 12. С. 70–83.
10. Noë A. Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. Hill and Wang, 2010. 214 p.
11. Moyal-Sharrock D. Wittgenstein's Razor: The Cutting Edge of Enactivism // American Philosophical Quarterly. 2013. № 50 (3). P. 263–280.
12. Noë A. Magic realism and the limits of intelligibility: What makes us conscious // Philosophical Perspectives. 2007. № 21 (1). P. 457–474.
13. Cao R. A teleosemantic approach to information in the brain // Biology & Philosophy. 2012. № 27 (1). P. 49–71.
14. Hutto D.D., Myin E. Evolving Enactivism: Basic Minds Meet Content. Cambridge, MA : MIT Press, 2017. 360 p.
15. Кузнецов А.В. Конститутивный панпсихизм и проблема ментальной каузальности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 6. С. 106–117.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 28 октября 2020 г.

Enactivist Criticism of the Neurobiological Theory of Consciousness

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 76–80.

DOI: 10.17223/15617793/464/9

Anastasia O. Shabalina, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation) E-mail: nastyaplr1003@gmail.com

Keywords: enactivism; embodied cognition; hard problem of consciousness; neurobiological theory of consciousness.

The article considers the main arguments against the neurobiological theory of consciousness from the point of view of the enactivist approach within the philosophy of mind. The neurobiological theory of consciousness, which reduces consciousness to neural activity, is currently the dominant approach to the mind-body problem. The neurobiological theory emerged as a result of advances in research on the phenomena of consciousness and through the development of technologies for visualizing the internal processes of mind. However, at the very heart of this theory, there is a number of logical contradictions. The non-reductive enactivist approach to consciousness, introduced in this article, contributes to the existing argumentation against the reduction of consciousness to neural processes with remonstrations that take into account the modern neuroscientific data. The article analyzes the argumentation of the sensorimotor enactivism developed by A. Noë and offers the account of the teleosemantic approach to the concept of information provided by R. Cao. The key problems of the neurobiological theory of consciousness are highlighted, and the objections emerging within the framework of the enactivist approach are analyzed. Since the main concepts on which the neural theory is based are the concepts of neural substrate, cognition as representation, and information as a unit of cognition, the author of the article presents three key enactivist ideas that oppose them. First, the enactivist concept of cognition as action allows us to consider the first-person experience as a mode of action, and not as a state of the brain substrate. Second, the article deals with the “explanatory externalism” argument proposed by Noë, who refutes the image of cognition as a representation in the brain. Finally, in order to critically revise the concept of information as a unit of cognition, the author analyzes Cao’s idea, which represents a teleosemantic approach, but is in line with the general enactivist argumentation. Cao shows that the application of the concept “information” to neural processes is problematic: no naturalized information is found in the brain as a physical substrate. A critical revision of beliefs associated with the neural theory of consciousness leads us to recognize that there are not enough grounds for reducing consciousness to processes that take place in the brain. That is why Noë calls expectations that the visualization of processes taking place in the brain with the help of the modern equipment will be able to depict the experience of consciousness the “new phrenology”, thus indicating the naive character of neural reduction. The article concludes that natural science methods are insufficient for the study of consciousness.

REFERENCES

1. Sokolov, E.N. (2007) Ocherki po psikhofiziologii soznaniya [Essays on the psychophysiology of consciousness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya – Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology*. 4. pp. 11–19.
2. Ivanitskiy, A.M. (2015) Soznanie i mozg: kak “povertit’ algebroj harmoniyu” [Consciousness and the brain: how to “check harmony with algebra”]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 38–45.
3. Kandel, E. (2012) Your Mind Is Nothing but Neurons, and That's Fine. Big Think. [Online] Available from: <https://bigthink.com/videos/a-biological-basis-for-the-unconscious> (Accessed: 05.05.2017).
4. Crick, F. (1994) The Astonishing Hypothesis. New York: Touchstone.
5. Noë, A. & Thompson, E. (2004) Are there neural correlates of consciousness? *Journal Of Consciousness Studies*. 11 (1). pp. 3–28.
6. Rowlands, M. (2001) *The nature of consciousness*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: The MIT Press.
8. Mack, A. & Rock, I. (1998) *Inattentional Blindness*. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Andreev, Yu.S. & Pankin, O.V. (2012) Fenomeny tsvetovogo vospriyatiya [Phenomena of color perception]. *Vestnik MGUP*. 12. pp. 70–83.
10. Noë, A. (2010) *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. Hill and Wang.
11. Moyal-Sharrock, D. (2013) Wittgenstein's Razor: The Cutting Edge of Enactivism. *American Philosophical Quarterly*. 50 (3). pp. 263–280.
12. Noë, A. (2007) Magic realism and the limits of intelligibility: What makes us conscious. *Philosophical Perspectives*. 21 (1). pp. 457–474.
13. Cao, R. (2012) A teleosemantic approach to information in the brain. *Biology & Philosophy*. 27 (1). pp. 49–71.
14. Hutto, D.D. & Myin, E. (2017) *Evolving Enactivism: Basic Minds Meet Content*. Cambridge, MA: MIT Press.
15. Kuznetsov, A.V. (2015) Constitutive panpsychism and the problem of mental causation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 6. pp. 106–117. (In Russian).

Received: 28 October 2020

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4.06

Е.А. Кранзеева, Е.В. Головацкий, А.В. Орлова

СОЦИАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РЕАКТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КЕЙСЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 20-011-31737 на тему: «Новые инструменты изучения коммуникации власти и населения региона в условиях “реактивных” социальных и политических взаимодействий».

Выделяются участники, содержание и динамика взаимодействий. В работе использованы метод контент-анализа для исследования интернет-аудитории, а также анализ событийных данных (ивент-анализ). Авторы акцентируют внимание на выявленных особенностях протекания новых реактивных отношений, к которым относят постоянно меняющиеся условия трансляции и аккумуляции значимой в городском пространстве информации, рост коммуникативного потенциала граждан, порядковое увеличение скорости социальных коммуникаций региональных участников социальных и политических взаимодействий, нарастание политизации взаимодействия.

Ключевые слова: социальное взаимодействие; местные сообщества; политическое взаимодействие; регион; власть; политическое сознание; реактивные социальные отношения; социальная коммуникация; ивент-анализ.

Введение

Необходимость методологического и теоретического обоснования изменений в социальном и политическом взаимодействии на уровне регионов обусловлена общими изменениями характера взаимодействий субъектов социально-политических отношений, связанными с зависимостью от информационных потоков и каналов их распространения. Использование традиционных исследовательских подходов зачастую не позволяет обнаружить структурное и качественное многообразие конкретных социальных взаимодействий. Доказавшие свою эффективность способы взаимодействия заинтересованных групп в рамках регионального развития и каналы передачи информации на сегодняшний день не выдерживают конкуренции с появившимися новыми формами и способами взаимодействия субъектов на территории.

Современные динамичные коммуникации с использованием интернет-технологий и сетевых коммуникаций, позволяют самостоятельно звучать социальным и политическим проектам и заявлениям. Участники социальных и политических взаимодействий активизируют динамику отношений, увеличивая частоту информационного обмена, количество и качество социальной коммуникации и политического дискурса.

Скорость современных социально-политических процессов, появление новых участников, а также разнообразие инструментов достижения ими собственных и коллективных интересов, востребованность ресурсов порождают реактивные отношения в социальных и политических взаимодействиях на территории. Они могут способствовать сплочению и адаптации к изменяющимся ситуациям или же спровоцировать усиление отчуждения среди граждан, местных сообществ и власти, снижение социальной активности. При отсутствии единой концепции гражданских отношений (активизма) и потенциала подобных отношений на практике взаимодействующим сторонам и в

особенности власти приходится адаптировать старые модели взаимодействий, многие из которых непригодны и способствуют лишь затруднению процессов на конкретных территориях или в определенных условиях.

Новые формы социально-политического взаимодействия в обществе связывают участников коммуникации каналами обновленного, более сложного типа, одновременно усложняя процессы взаимодействия, сокращая дистанцию до возможного минимума.

Основная проблема заключается в описании содержания и механизмов реактивности отношений, поиске инструментов, способных обеспечить конструктивный характер регионального социального и политического взаимодействия.

Цель статьи – описать реальные городские процессы социально-политического взаимодействия в условиях реактивных отношений с учетом интересов и позиций участников, содержания и динамики взаимодействия.

Обзор литературы

Категория социально-политического взаимодействия становится важной темой для многих современных исследований, поскольку именно взаимодействие выступает характерным основанием формирования оценки социальных и политических отношений в настоящее время. Существенной особенностью и одновременно проблемой современных российских социологических исследований авторитетные исследователи считают отсутствие отечественной методологии, опирающейся на прогрессивные направления западной социологии, однако, имеющие в своем научном багаже обширные российские разработки [1. С. 10]. Социально-политическое взаимодействие и отношения власти в регионах получили освещение во многих публикациях российских социологов (Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветковой, А.В. Новокрещенова, Г.С. Пошевнева, Н.И. Лапина, А.Е. Чириковой и др.). Ис-

следование реализации общественного и политического сознания в современном российском обществе рассматривается в концепции трансформации социальных и политических отношений повседневной жизни, предлагаемой Ж.Т. Тощенко. Причем данное направление рассматривается в широком аспекте, включая привычные повседневные социальные практики реализации социально-политического поведения, а также включающие фантомные, порождаемые анонимным общественным сознанием, формируемым фантазмагорическими личностями формы социально-политического взаимодействия, например, «политическими клоунами», использующими соответствующие «методы политической клоунады» [2]. Исследователь предлагает рассматривать особенности современного состояния российского общества через призму концепции «общества травмы», трактуемой как третья модальность наряду с эволюцией и революцией. Автор предлагает исследователям вооружиться иными (новыми) методами исследования и анализа, пересмотреть понятийный аппарат, а также активизировать поиск аналогий и различий подобного проблемного развития [3]. Причем сочетание противоречивой по своей направленности и динамичной ситуации внешнего (международного) и внутреннего социально-политического взаимодействия в современной России существенно усложняется ростом экстремальных неравенств доходных весов макрострат населения, что, по мнению авторитетных российских исследователей, может свидетельствовать «об устойчивой слабости государства как социального. Эта характеристика сложилась преимущественно в результате действий двух групп социокультурных акторов: представителей крупного бизнеса и связанных с ними деятелей исполнительных и законодательных органов государственной власти» [4].

В нашей статье для операционализации понятий «социальное взаимодействие» и «политическое взаимодействие» мы опираемся на работы и концепцию ресурсов Э. Гидденса, которую автор использует для описания структур – образца социальных отношений, существующего в определенное время и в определенном пространстве, предполагающего соответствующие модели поведения индивидов. Время и пространство в концепции Э. Гидденса неразрывно ассоциировано с проявлением «регионализации», уникальных практик социального взаимодействия [5]. Применительно к позиции места и времени взаимодействия показательны иллюстрации трансформации современного городского пространства, предлагаемые А. Согомоновым. «Старая матрица городского мышления буквально на глазах сменяется новой. И не важно при этом, в какой части света вы живете – в развитом или развивающемся мире, преуспевающем или догоняющем, реальном или воображаемом» [6. С. 26]. По мнению Дж. Урри, архитектура городского пространства в настоящее время не готова учитывать категорию «постоянных сетевых пользователей», в том числе региональных. В концепциях и подходах зарубежных социологов рассматриваются компоненты, объясняющие характеристики возникновения новых социальных и политических взаимодействий в

современном обществе, а также предлагаются обоснования возникновения описываемых в работе реактивных отношений. В частности: М. Кастельс обращает внимание на потоки глобального и сетевого общества; А. Этциони предлагает учитывать компетентное участие социальных акторов в повседневных жизненных практиках граждан; А.Ф. Филиппов отмечает особенности локализации социальных феноменов в региональных пространствах, а также возможности «преобразования» виртуального пространства в интересах конкретных социальных сообществ [7]; Й. Терборн указывает на возможности репрезентации власти в городском пространстве [8, 9]. В исследовательских подходах начинают доминировать быстрые результативные акты (приемы) социального и политического взаимодействия в пространстве, характеризующемся высокой степенью информационно-коммуникативного отклика, всеобщей виртуальной публичности, и максимально персонализированной средой обмена информацией, т.е. реактивных отношениях.

Эти обстоятельства обращают внимание на исследование характеристик роли региональных субъектов, принципов и форм социально-политического взаимодействия, инструментов социальной и политической мобилизации в процессе взаимодействия. В рамках подходов Л.Л. Шпак, рассматривающих взаимодействие в совокупности повседневных региональных социально-политических практик и возможностей реализации жизненной силы людей [10], появляется возможность изучения деятельностного потенциала развития территории региона в практиках взаимодействия местных сообществ и представителей региональной власти. Местные сообщества рассматриваются через призму локализованных взаимодействий. Мы рассматриваем местные сообщества как активного субъекта социального и политического развития территории, поскольку «все ветви власти в регионе (исполнительная, законодательная, судебная) вынуждены приспосабливаться к возможностям населения, специфике локальных территорий и более или менее четко определять пределы и формы своего вмешательства в микропроцессы и сложившиеся отношения по месту жительства» (по Л.Л. Шпак) [11].

Новым и практически востребованным направлением изучения социального и политического взаимодействия выступают сетевые коммуникации, которые повсеместно возникают в рамках использования участниками взаимодействия новых каналов и средств социальной коммуникации. Сетевые социологические подходы получили развитие в исследованиях и научных работах мэтров виртуальной социологии: М. Кастельса, О. Ренна, Л. Болтански, Л.Г. Ионина, О.Н. Яницкого и ряда других авторов. Глобальное информационное общество, по мнению М. Кастельса, которое он называет «информационной галактикой», населяют две противоположные группы богатых и бедных [12]. Данные противоречия сохраняются на фоне преобладания роли информации и гибридизации содержания понятия «знания» в современной социокоммуникативной среде (по Л.Г. Ионину). В обществе цифрового масштаба, по мнению исследователей, из-

меняются также и базовые социальные трактовки и категории. В частности, отмечается трансформация содержания и качественного наполнения понятий «индивид» и «индивидуальное в виртуальной среде». О.Н. Яницкий указывал, что «сегодня знание метаболических трансформаций в природе и обществе необходимо не только в созидательных целях, но и для предотвращения последствий критических ситуаций, а также для защиты от внешних посягательств на целостность и жизнеспособность нашего общества» [13. С. 20].

В современных исследованиях отмечается проблема сетевого отставания и сетевого разрыва перспектив развития российского «дигитализированного общества» [14. С. 108.].

Динамика современных социальных и политических процессов, подверженных воздействию внешних, глобальных факторов, имеющих в качестве свойств быстрое социальное заражение (вполне уместна аналогия с вирусными или эпидемиологическими процессами), показывает трансформацию анонимных практик в новые «нормальные» [15] общественные отношения, характерные, в том числе, и для особенностей развития современного российского общества, жителей регионов и даже представителей регионального истеблишмента политических элит [16] и т.д. Реактивные коммуникативные отношения являются производной составляющей процесса цифровизации общества и выстраивания новых количественных и качественных коммуникаций с приходом времени web-коммуникаций и последующего расцвета «облачных коммуникаций» («cloudtechnologies») [17]. Востребованные на практике новые формы и приемы социального и политического взаимодействия требуют трансформации практических мер и приемов коммуникации населения в границах местных сообществ и персональных инициатив, а также новых драйверов взаимодействия со стороны представителей региональной власти. В настоящее время социологическое направление, связанное с изучением динамичных социальных систем и процессов, является наиболее востребованной областью исследований, в то же время оставаясь слабо изученной и не имеющей однозначных методологических решений.

Методология и методы

В данной статье социально-политическое взаимодействие понимается как последовательность социальных действий участников, взаимообусловленных их интересами и влияющих на власть и принятие решений.

При этом мы дифференцируем понятия «социальное взаимодействие» и «политическое взаимодействие». Социальному взаимодействию отводится систематизирующая инвариантная роль в общественном развитии. Политическое взаимодействие рассматривается опосредованно социальному развитию, но обладает набором уникальных мобилизующих свойств и приемов, присущих строго упорядоченным формализованным системам властного взаимодействия.

Мы рассматриваем возможности социальной мобилизации (как механизма самоорганизации, апелляции населения к власти как субъекту, принимающему решения, мобилизационной готовности, уровня политического участия, абсентеизма, и пр.) и политической мобилизации (связанной с вертикальным характером взаимодействия, принятием властных решений), а также перспектив «сетевого политического участия» в решении вопросов городского и регионального взаимодействия [18].

Для нас представляет исследовательский интерес процесс быстрых, реактивных действий и отношений, которые способны существенно ускорять протекание социальных и политических взаимодействий. В статье предлагается рамочная основа для изучения последствий, как преднамеренных, так и непреднамеренных, мер органов власти и действий местных сообществ.

Отмечаем, что современное информационно-коммуникативное пространство многократно активизирует состояния реактивности. Это влияние нельзя рассматривать в качестве строго негативного или позитивного. Важными признаками реактивных отношений мы считаем следующие:

- 1) возникновение по актуальной повестке;
- 2) скорость изменения информации, влияющая на принятие решений;
- 3) необходимость новых инструментов и пространств коммуникации (инструментальная оснащенность в условиях новых быстрых коммуникаций);
- 4) риск перехода социального взаимодействия в политическое через политизацию интереса участников.

Изучение условий возникновения реактивных отношений, динамики характера социального и политического взаимодействия в масштабе городского пространства, а также подтверждение признаков реактивности отношений строится на демонстрации материалов двух кейсов г. Кемерово, связанных с благоустройством городского пространства, демонстрирующих, в то же время, практики социальных и политических коммуникаций.

Заметим, что активизация проектов городского благоустройства набирает положительную динамику в г. Кемерово с приходом к власти губернатора Кемеровской области С.Е. Цивилева (март 2018 г.) и его инициативами, поддержанными федеральной властью, – строительство культурно-образовательного и музейно-выставочного комплекса, а также комплексная «перезагрузка» городской инфраструктуры и связанные с этим проекты. Наиболее спорными, вызвавшими бурное общественное обсуждение, стали отмена статуса природоохранной территории Рудничного бора и установка статуи св. Варвары, угроза сноса и дальнейшая реконструкция бассейна «Лазурный». Мы используем эти два кейса для анализа процесса социально-политического взаимодействия в условиях реактивных отношений.

Кейс «Статуя св. Варвары». В рамках подготовки к 300-летию Кузбасса региональной властью в конце 2018 г. было принято решение об установке 24-метровой статуи св. Варвары в реликтовом сосновом бору на территории г. Кемерово. Отметим, что еще в

ноябре 2018 г. Советом народных депутатов г. Кемерово были приняты поправки в Положение об особо охраняемой территории Рудничного бора, которые позволяли установку в нем подобного рода памятников. Новость об установке статуи вызвала негативную реакцию со стороны населения. Инициативные группы начали активно обсуждать и привлекать внимание общественности к данной проблеме. Были сформированы и предложены альтернативные места установки данного памятника, чтобы не причинять непоправимый вред реликтовому бору, краснокнижным растениям, сформировавшемуся уникальному природно-климатическому комплексу в нем. Также указывалось на то, что недалеко от предполагаемого места установки статуи уже имеется памятник св. Варвары, правда меньшего размера. Представители власти заранее не обсудили с населением вопрос о целесообразности и месте установки статуи. Данная проблема получила широкий резонанс в социальных сетях не только г. Кемерово, но и региона в целом.

В кейсе «Статуя св. Варвары» нами используется метод контент-анализа для исследования интернет-аудитории, позволяющий проанализировать плотность и связанность информационных коммуникаций с учетом включенности и / или принадлежности пользователей по отношению к анализируемым данным. В период с декабря 2018 г. по март 2019 г. были проанализированы социальные сети (ВКонтакте, Facebook и Одноклассники) и тематические группы пользователей Рунета с «региональными» доменами. Анализу также подвергались комментарии пользователей (частота появления, наличие копируемой информации, контекст и стиль комментирования и пр.).

Кейс «Бассейн “Лазурный”». Ситуация с бассейном «Лазурный» (кейс «Лазурный») развивалась на фоне федеральной инициативы по строительству в г. Кемерово культурного кластера. Презентация квартала искусств в городе состоялась 8 января 2019 г. на рабочем совещании Владимира Путина в Калининграде [19]. Развитие инфраструктуры и строительство новых культурных объектов повлекло за собой решение властей о сносе устаревшего здания бассейна «Лазурный». Всего в Кемерове 4 бассейна в разных, удаленных друг от друга районах города. Бассейн «Лазурный» являлся самым крупным, с длинными дорожками (50 м) и глубоким дном, что позволяло тренироваться в нем спортсменам-международникам и дайверам. Помимо этого, в бассейне находились спортивные школы для детей, тренажерный зал. При принятии решения о закрытии бассейна не были обозначены базы тренировок для спортсменов-пловцов, оставшиеся в городе бассейны не отвечали требованиям к подготовке, а также сильно разбросаны по городу. Данное решение, так же как и в ситуации с памятником св. Варваре, не обсуждалось с общественностью и было представлено в новостных сообщениях постфактум.

Использование метода анализа событийных данных в СМИ (ивент-анализ) для кейса «Лазурный» позволяет нам проиллюстрировать динамику социального и политического взаимодействия. Ивент-анализ характеризуется качественной оснащено-

стью дополнительными переменными и возможностью адаптироваться под сетевую исследовательский материал [20]. Ивент-анализ (от англ. event-событие) – это гибридная количественно-качественная методика (называемая иначе методом анализа событийных данных), направленная на обработку информации (результатов коммуникации), показывающей акторов коммуникации «кто говорит или делает, что говорит или делает», по отношению к кому и когда говорит или делает [21].

В качестве источников анализа кейса «Лазурный» нами были использованы публикации электронных СМИ регионального масштаба, пресс-релизы представителей городской и областной администрации, паблики и записи в социальных сообществах, в содержании которых отмечались индикаторы, выражающие отношение коммуницирующих лиц к рассматриваемым информационным событиям (инфоповодам). В соответствии с логикой ивент-анализа нами в качестве источника информации были выбраны различные информационные ресурсы: информационные издания, тематические разделы, форумы сообществ и паблики сетевых ресурсов. Критерием отбора было наличие в публикуемой информации документов, интервью, сообщений, касающихся бассейна «Лазурный». Нами были отобраны и проанализированы следующие источники: interfax-russia.ru, sibdepo.ru, vse42.ru, fromms.drom.ru, kuzbass85.ru, o-gorod.net, change.org, kemerovo.bezformata.com, vk.com, rossaprimavera.ru, local.yandex.ru. Временной период сбора анализа информационного контента: с 21 февраля 2019 г. по 5 марта 2020 г., проанализированы материалы 11 источников, общее количество сообщений, содержащих информацию по исследуемому кейсу, – 40. Данный массив сообщений является исчерпывающим, так как включает в себя все сообщения по данной теме в указанный период.

Сообщения фиксировались по следующим характеристикам: 1) дата публикации; 2) ссылка на источник сообщения; 3) заголовок статьи; 4) комментарий, описывающий контекст события. В качестве классификаторов сортировки информации были отобраны участники взаимодействия и формы взаимодействия.

Результаты

Анализ социальных сетей показал, что начиная с января 2019 г. актуализируется вопрос об установке статуи св. Варвары в г. Кемерово. Начинается активное обсуждение, создаются сообщества, объединяющие различные группы населения: научное сообщество, биологи, архитекторы, экологи, жители г. Кемерово и др. При анализе мы выделили группу лиц, не имеющих прямого отношения к описываемым властным и административным инициативам, но активно обсуждающих, комментирующих данное событие, которых мы обозначили как «гости города». Так, в сообществе «Я из Кемерово» (сеть ВКонтакте) было зарегистрировано более 60 тысяч участников, из которых более 65% являются жителями г. Кемерово. В сообществе «Пусть говорят Кемерово» (сеть ВКонтакте)

такте) из 32 380 участников лишь 33% являются жителями города.

В коммуникации горожан и представителей власти получили отражение различные ситуации от выражения несогласия, уверенности в бесполезности каких-либо общественных обращений до конструктивных предложений (например, указания других наиболее предпочтительных мест установки статуи). Объединения инициативных жителей города написали петицию против нарушения целостности соснового бора, информировали о событиях не только через социальные сети, но и путем распространения листовок. Сетевая коммуникация стала реальной инициативой, в марте 2019 г. 89 активистов передали в городской совет заявку о регистрации инициативной группы для сбора подписей жителей города за отмену неоднозначного решения депутатов. Подобные правотворческие инициативы граждан крайне редки в России, а в Кемеровской области такая инициатива стала первой.

Вместе с тем ситуация с установкой статуи св. Варвары обнажила другие острые проблемы города. Например, в комментариях в социальных сетях можно выделить проблему нерационального распределения бюджета¹ («Я против, чтобы памятник ставили в сосновом бору. Если уж есть такая

необходимость, то у нас существует храм Святой Варвары на ФП². Можно было бы установить скульптуру с изображением святой там. А вообще средства, которые хотят потратить на памятник, я бы направила на поддержание музея “Красная Горка”, научные изыскания по истории города Кемерово. Или на поддержание техники безопасности на угольных предприятиях»); проблему «барачного» Кемерово («Нам говорят о том, что многометровая статуя Святой Великомученицы Варвары на горе станет визитной карточкой города Кемерово. Она, дескать, будет оберегать шахтеров. А покажите мне в Кемерове шахтёров и шахты. Я могу показать бараки, где до сих пор с царских времён живут наши кемеровчане»); проблему экологии («Там участок склоновый, где произрастают краснокнижные растения. Также на территории бора есть уникальные участки, где какие-либо воздействия нежелательны вообще»); проблему пробок и необходимость постройки третьего моста в городе («Лучше бы потратили средства на постройку третьего моста») и др.

Отметим, что количество негативных откликов на данное информационное событие во много раз превышало количество положительных и нейтральных (табл. 1).

Таблица 1

Отношение жителей к установке памятника Святой Варвары в сосновом бору г. Кемерово (анализ городских сообществ в социальных сетях, январь–март 2019 г.)

Сообщение	Положительное отношение	Нейтральное отношение	Негативное отношение
Установка памятника святой Варваре в сосновом бору	23	16	579

Заметим, что происходило вовлечение новых участников в обсуждение темы, обусловленное широкими интересами сообществ (экология, детский отдых, оздоровление и т.д.). Это привело к возникновению эффекта «заражения», когда выстраивается спонтанная доменная сеть, имеющая одинаковый полюс эмоциональной заряженности.

В кейсе проявилась опережающая коммуникация сообществ, которая продемонстрировала темпоральный разрыв обсуждения проблемы (когда управленческие и властные решения принимались в течение рабочего дня, а сообщества выдавали ответную реакцию и формировали новый запрос в режиме он-лайн кругло-суточно), что приводило к запаздыванию в принятии решений органами власти. Итогом взаимодействия инициативных групп и власти становится отмена решения городской мэрии об установке памятника в марте 2019 г.

Однако по следам снижения активности населения, связанной с данной темой (март 2019 г.), появилось новое информационное событие – угроза сноса бассейна «Лазурный».

В данном кейсе мы структурировали участников взаимодействия следующим образом:

- представители власти (федеральная, региональная, муниципальная);
- бизнес-сообщества (реализация спортивных товаров, корпоративные мероприятия, сфера услуг, формируемая вокруг функционирования бассейна

«Лазурный», наконец, непосредственные владельцы данного объекта);

– целевые группы участников: спортивные и общеобразовательные школы (детские, юношеские, взрослые); родители юных спортсменов; дайвинг-организации; специализированные образовательные учреждения (кадетские корпуса, лицеи, гимназии);

– соучастники: жители, поддерживающие формат здорового образа жизни (ЗОЖ); студенческая молодежь; экспертные организации и службы; арендаторы;

– сочувствующие: «диванные» эксперты, лидеры мнений, «протестные участники», сетевые тролли и т.п.

Также мы выделили три формы взаимодействия по данному кейсу: политическое (принятие властных управленческих решений), социальное (обсуждение строилось вокруг интересов сообществ), социально-политическое взаимодействие (уровень взаимодействия населения – администрации, принятия административных мер, политизация интересов сообществ).

В результате подсчета была выведена статистика появления в СМИ сообщений по каждому из этапов и кодов, представленная в табл. 2.

Ивент-анализ, дополненный данными «Яндекса.Метрики» упоминаний в Интернете словосочетания «бассейн “Лазурный”», позволил нам выделить этапность в развитии ситуации (рис. 1).

В анализируемый период в рассматриваемом поле дискурса встречались пики активности обсуждения,

которые мы непосредственно выделили в этапы, и периоды информационно-коммуникативного «зати-

шья», когда сообщений, обсуждений и комментариев участников дискурса по теме не встречалось.

Таблица 2

Результаты ивент-анализа

Категория	Абсолютное значение				Процентное соотношение			
	I этап	II этап	III этап	IV этап	I этап	II этап	III этап	IV этап
Актеры-участники «реактивных» отношений								
Власть	9		5	3	60		22	30
Бизнес		3	11	3		30	48	30
Целевые группы	4	4	5	2	27	40	22	20
Соучастники		1	1	1		10	4	10
Сочувствующие	2	2	1	1	13	20	4	10
Формы взаимодействия участников информационного события								
Политическое взаимодействие			3	4			20	57
Социальное взаимодействие	4	6	2	3	36	86	13	43
Социально-политическое взаимодействие	7	1	10		64	14	67	

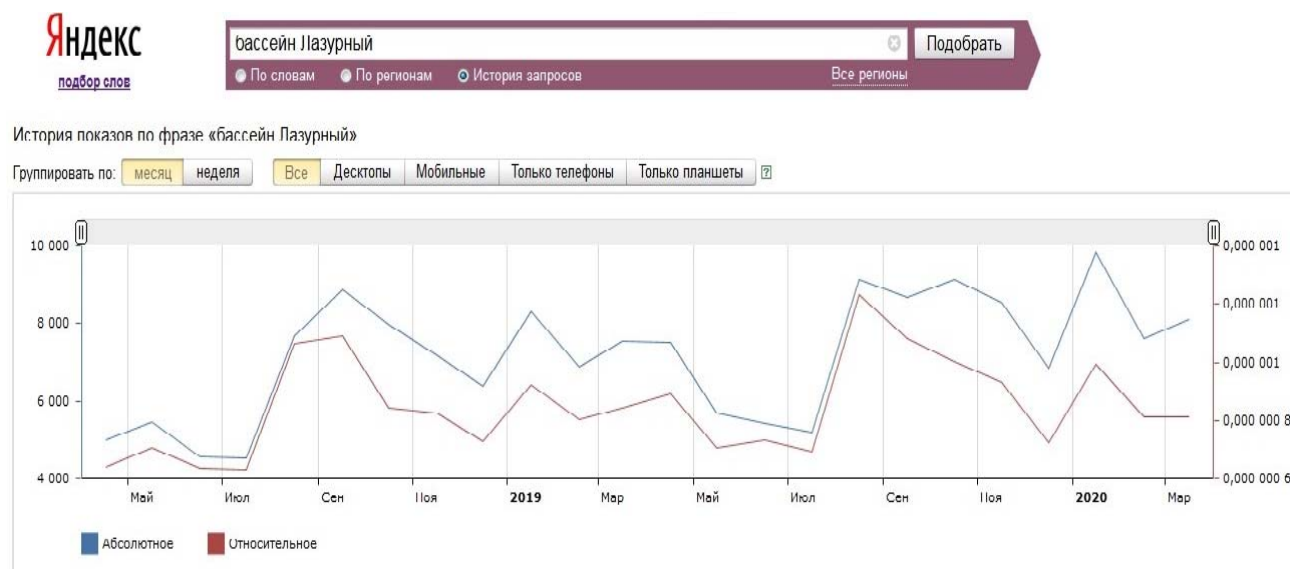

Рис. 1. Статистика появления сообщений в СМИ (данные «Яндекс.Метрики» за период с апреля 2018 г. по март 2020 г.; дается как в абсолютных значениях, так и в относительных. Для получения относительного значения абсолютная цифра нормируется на количество показов результатов поиска Яндекса за соответствующий месяц)

Этап 1. Актуализация проблемы, проявления интересов участников взаимодействия (февраль–апрель 2019 г.). На этом этапе сначала в мессенджерах, а затем и в информационных ресурсах появилась информация в виде фотографии протокола совещания у губернатора Кузбасса по вопросу строительства на территории Кемеровской области «Театрально-музейного комплекса» в г. Кемерово, содержащая пункт о сносе бассейна. Информация сопровождалась просьбами подписать тут же созданную петицию в поддержку отмены решения властей о сносе бассейна (на chage.org петицию подписали более 12 500 чел.) и призывами быть готовыми к митингам. Органам власти пришлось реагировать на данную ситуацию, встречаться с заинтересованными группами, включаться в разрешение ситуации. В этот период преобладало социально-политическое взаимодействие, основными участниками которого выступали власть и целевые группы. Результатом данного взаимодействия стали обещания власти взять под контроль реконструкцию бассейна с его сохранением для города и нужд спортсменов.

Этап 2. Всплеск интереса к бассейну, связанный с началом учебного года (август–сентябрь

2019 г.). На втором этапе в средствах массовой информации появляются сообщения о переносе сроков окончания ремонта бассейна. При этом в социальных сетях увеличивается количество сообщений, в которых выражается недоверие к действиям властей, звучат обвинения в непоследовательности решений. Власть при этом не вмешивается во взаимодействие, которое строится преимущественно между целевыми группами (родительские группы, спортсмены) и представителями бизнеса и носит социальный характер.

Этап 3. «Затягивание» ситуации (ноябрь 2019 г.). На третьем этапе рассматриваемого информационного события происходят интенсивные информационные выступления представителей власти (города и региона), представителей бизнеса (владельцы бизнеса в бассейне, представители строительных и финансовых холдингов). Среди обозначенных нами форм взаимодействия на третьем (измеряемом) этапе превалировало социально-политическое взаимодействие, когда сочетались и артикулировались посредством СМИ интересы представителей местной власти, бизнеса на фоне активного обсуждения проблемы

закрытия бассейна «Лазурный» в первую очередь представителями целевых групп.

Этап 4. Политизация требований (февраль–март 2020 г.). Власть и представители бизнеса называют новые сроки и дают новые обещания. В СМИ появляются стоимостные характеристики ремонта, приводятся сравнения.

На условно определяемом четвертом этапе отчетливо заметна активизация представителей власти, выступающих в инфоповодах в качестве гарантов решения каких-либо социальных проблем. В рамках использования ивент-анализа также отмечается демонстрация региональной властью диалога с представителями бизнеса и заинтересованными в восстановлении работоспособности бассейна сторонами. В силу активизации участия (присутствия) власти в информационном освещении событий вокруг бассейна «Лазурный» преобладающей формой взаимодействия выступает политическое (57% информационных сообщений данной формы в региональных электронных СМИ).

Ситуация с бассейном «Лазурный» до сих пор не решена, назначен новый срок (к празднованию 300-летия Кузбасса – 6 июля 2021 г.), к которому, по информации представителей властей, будет открыт реновированный бассейн. Наблюдается информационное затишье в сообщениях по данной теме, однако в примерах описания прочих событий, связанных с изменениями в городском пространстве, комментарии и упоминания о бассейне «Лазурный» используются населением в качестве примера события с негативными последствиями для престижа и доверия местной власти.

Таким образом, реактивность отношений в данном кейсе проявилась схожим с предыдущим кейсом темпоральным разрывом и скоростью изменения информации, которая продуцируется сообществами. Это в свою очередь вызывает необходимость формирования новой инструментально-функциональной оснащенности социальных и политических взаимодействий.

Со стороны внешнего наблюдателя рассматриваемые процессы выстраиваются по принципу «качелей», представляя собой попеременное информационное доминирование каждой из сторон участников с коммуникативными вкраплениями информационных сообщений и их сопровождения, включая слухи, комментарии, репосты пр. Как только «общественный гнев» и гражданская озабоченность нарастают, последовательно подключаются представители власти и СМИ, бизнеса, а далее артикулируют и мобилизуют необходимые ресурсы городская и региональная власти. Заметим, что от этапа к этапу нарастает политическое сознание сообществ, они начинают четко выражать свой интерес и формулировать его в виде требований к власти. Уместно предположить также существование категорий участников, отмеченных в нашем исследовании как «сочувствующие» – это «ситуативная» часть взаимодействующих. Согласно выражению американского социолога Джона Огбу некоторую часть подобных граждан (горожан) можно объединить названием «неподдающиеся меньшинства» [22], т.е. не четко сфокусированные в плане поддер-

жания интересов протекания конфликта или какого-либо городского события объединения либо группы людей. В частности, в наших кейсах настроения сочувствующих менялись от поддержки и согласия выступать с сообществами (на начальных этапах) до проявлений «усталости» и даже агрессии от информации по теме (на последних этапах). Представители бизнеса в данных кейсах исполняют сложные роли, осуществляя сопричастность в повседневных коммуникациях с представителями целевых групп и соучастников. При этом сохраняя границы и дистанцию взаимодействия с городскими и региональными властями. В условиях реактивностей виртуальной среды стороны-участники, зачастую не успевая инициировать одно решение, буквально в процессе сопровождения управленческого решения могут видоизменять условия и содержание согласованных и утвержденных ранее процедур. Но, как отмечал, А. Бергсон, «рядом с вещами всегда существуют отношения» [23. С. 255]. Формат взаимодействия «24/7» требует «включенного» присутствия заинтересованных участников взаимодействия в обсуждение и согласование тех или иных решений.

Результаты ивент-анализа демонстрируют различие коммуникаций в интересах гражданских участников и представителей власти, особенно это заметно на втором и четвертом этапах рассматриваемого кейса «Лазурный» (см. табл. 2). При этом представители населения, демонстрирующие реактивные взаимодействия, так или иначе апеллируют к ресурсам власти.

Власть, являясь одной из активных сторон социальных и политических взаимодействий, в том числе реактивных отношений с участниками городских проблем в позиционном плане, использует две активные позиции: регулятора отношений, или гаранта поддержки и разрешения городских проблем, и одну «пассивную», когда представители власти откладывают подготовку и принятие соответствующих решений, используют приемы административного сопровождения и пр.

В дополнение к работам российских авторов, занимающихся изучением городских сообществ, выделяют следующие особенности развития потенциала социального участия: социальный капитал городских сообществ имеет определенные различия, проявляющиеся на уровне межличностного доверия, в самой структуре институционального доверия, а также степени вовлеченности в ассоциативную деятельность и возможности реализовать свой социальный капитал через влияние на социальное окружение (в границах городских сообществ могут сосуществовать разные типы и формы социального капитала, дополняя друг друга) [24. С. 266]; заметим, что взаимодействия характеризуются высокой социальной активностью, которая политизируется участниками, но может сохранять самобытность. По итогам проведенного исследования мы определяем трех основных участников реактивных отношений, деятельность и / или последствия взаимодействия которых определяют особенности и траектории отношений в городском пространстве. К их числу мы относим активные (взаимодействующие) сообщества, представителей городского

(регионального) бизнеса, а также властных акторов города (региона).

Выводы

Новые информационно-коммуникационные практики социально-политического взаимодействия в современном обществе обуславливают интерес к возможностям их исследований. Благодаря соединению интересов населения и властей разных уровней возможно обоснование социального и политического взаимодействия местных сообществ как ответ на быстро меняющиеся внешние условия существования. Нами предлагается новый аспект сопряжения управленческих и самостоятельных начал в осуществлении власти, который раскрывает потенциал местных сообществ как основного участника и заказчика социальных, экономических и политических изменений. В условиях новых реактивных отношений происходит рост коммуникативного потенциала обычных пользователей (граждан) в социальном и политическом взаимодействии города или определенной территории.

Реактивность является характеристикой социально-политического взаимодействия групп, которая способна трансформировать эти взаимодействия, возникает по актуальной повестке, носит оценочный характер, проявляется в быстром обмене / изменении информации.

Анализ реальных городских процессов на примере кейсов позволяет нам выявить следующие особенности протекания социально-политического взаимодействия, к которым мы относим постоянно меняющиеся условия трансляции и аккумуляции значимой в городском пространстве информации, рост коммуникативного потенциала граждан, порядковое увеличение скорости социальных коммуникаций региональных участников со-

циальных и политических взаимодействий, нарастание политизации взаимодействия.

В качестве альтернатив развития новых реактивных отношений современные исследователи и практики предлагают учитывать комплекс городского развития: «горожанин – цифровой город – сообщество горожан» [25]. Полагаем, что в данной перспективе социальные и политические взаимодействия, претерпев инновационные изменения, получают новые поля, ресурсы, темпоральности, а также новые ценности виртуального взаимодействия. Полагаем уместно говорить о формировании нового направления социально-политического взаимодействия в плоскости виртуальной городской политики. В качестве ключевых свойств виртуальная политика определяется как деятельность, которая разворачивается в Интернете, в виртуальном пространстве и времени [26. С. 288], реализуется одновременно с традиционными административно-управленческими и политическими механизмами.

Рассматриваемые в статье практики социального взаимодействия получают подпитку от реализации инновационных проектов в рамках городских сообществ, важную роль выполняют постоянно меняющиеся условия трансляции и аккумуляции значимой в городском пространстве информации, а также деятельностный ресурс – активных драйверов современной коммуникации. Перспективой дальнейших исследований являются изучение вопросов согласования возможностей сообществ и представителей бизнеса в реализации собственных и / или консолидированных интересов сторон – участников городского пространства. Необходим поиск новых инструментов и измерителей нового качества социальных и политических взаимодействий в условиях реактивных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация авторов сохранены без изменения.

² ФПК – одна из локализованных территорий Заводского района г. Кемерово, получившее свое название от существовавшего ранее факультета повышения квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Новые идеи в социологии. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 479 с.
2. Тощенко Ж.Т. Политические клоуны (шуты) // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 91–110.
3. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : Весь Мир, 2020. 352 с.
4. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (ч. 2) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 20–30. DOI: 10.31857/S013216250008491-3
5. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. 528 с.
6. Согомонов А. Новое качество городов – новое качество политики. Ст. I. Тематический город // Муниципальная власть. 2015. № 3. С. 26–36.
7. Филиппов А.Ф. Социология пространства. М. : Владимир Даль, 2008. 290 с.
8. Therborn G., Ho K.Ch. Capital cities and their contested roles in the life of nations: Introduction. City : Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action, 2009.
9. Вершинина И.А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 2. С. 226–237.
10. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллектив. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. проф. Л.Л. Шпак. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2015. 369 с.
11. Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 28–33.
12. Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford : Oxford University Press, 2004. 292 p.
13. Яницкий О.Н. Индивид в современном информационном обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2. С. 9–23. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7300
14. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120

15. «Нормальная аномия» в России и современном мире / под общ. ред. С.А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2017. 281. с.
16. Покатов Д.В. Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 116–123. DOI: 10.17223/15617793/453/14
17. Интернет 2020 в России и мире: статистика и тренды. 28.02.2020 // VC.RU. URL: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy> (дата обращения: 12.01.2021).
18. Kranzeeva E., Orlova A., Golovatsky E., Burmakina A. Social and Political Regional Interactions in the Context of «Reactive Relationships»: The Possibilities of Hybrid Methodology // Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 333. P. 78–82. DOI: 10.2991/hssnpp-19.2019.15
19. Культурный кластер. Портал города Кемерово и всего Кузбасса. URL: <https://o-keremovo.ru/культурный-кластер/> (дата обращения: 17.07.2020).
20. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. и др. Использование методики event-анализа для изучения процессов на рынке труда // Вестник евразийской науки. 2012. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metodiki-event-analiza-dlya-izucheniya-protsessov-na-rynke-truda> (дата обращения: 19.07.2020).
21. Боришполец К.П. Методы политических исследований : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2005. 221 с.
22. Ogbu J. Immigrant and Involuntary Minorities in Comparative Perspective / M.A. Gibson, J. Ogbu (eds). Minority Status and Schooling: A Comparative Study of Immigrant and Involuntary Minorities. N.Y., 1991. P. 3–33.
23. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. М. Булгакова, перераб. Б. Бычковским. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
24. Гужавина Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
25. Маккуайр С. Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства : пер. с англ. М. : StrelkaPress, 2018. 268 с.
26. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты : пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2010. 297 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 22 февраля 2021 г.

Social and Political Interaction of Local Communities in the Region in the Context of Reactive Relations: Cases of Urban Space Improvement

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 81–90.

DOI: 10.17223/15617793/464/10

Elena A. Kranzeeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elkranzeeva@mail.ru

Evgeny V. Golovatsky, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: xomaik@rambler.ru

Anna V. Orlova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anniov@bk.ru

Keywords: social interaction; local communities; political interaction; region; power; political consciousness; reactive social relations; social communication; event-analysis.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-31737.

The relevance of the study is associated with the speed of modern sociopolitical processes in the territories, the emergence of new participants and tools for achieving their own and collective interests. The aim of the article is to describe the real urban processes of sociopolitical interaction in the conditions of reactive relations, taking into account the interests and positions of the participants, the content and dynamics of interaction. The methodological basis of the study is the concept of social action and power relations by M. Weber, the concept of resources by A. Giddens, research works by L.L. Shpak, who considers interaction in the aggregate of regional everyday sociopolitical practices. The article proposes a framework for the study of rapid reactive actions and relationships that can significantly accelerate the flow of social and political interactions. The analysis of reactive relations, the dynamics of the nature of social and political interaction on the scale of the urban space, as well as confirmation of signs of reactivity of relations, is based on the analysis of two cases of Kemerovo related to the improvement of the urban space, demonstrating at the same time the practice of social and political communications. For the Statue of Saint Barbara case, the method of content analysis is used to study the Internet audience; the method allows analyzing the density and coherence of information communications taking into account the inclusion and/or belonging of users in relation to the analyzed data. The use of the method of analyzing event data in the media (event analysis) for the Lazurny case illustrates the dynamics of social and political interaction. As a result, it has been revealed that, in the context of new reactive relations, the communicative potential of ordinary users (citizens) grows in the social and political interaction of a city or a certain territory. The practices of social interaction considered in the article are replenished from the implementation of innovative projects within the framework of urban communities. An important role is played by the constantly changing conditions for the transmission and accumulation of information significant in the urban space, as well as by the activity resource – active drivers of modern communication. The prospect of further research is the search for new tools and indicators of a new quality of social and political interaction in the context of reactive relations.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2013) *Novye idei v sotsiologii* [New Trends in the Development of Russian Sociology]. Moscow: YUNITI-DANA.
2. Toshchenko, Zh.T. (2015) The political clowns (buffoons). *Politicheskaya kontseptologiya – The Political Conceptology*. 1. pp. 91–110. (In Russian).
3. Toshchenko, Zh.T. (2020) *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Attempt of Theoretical and Empirical Analysis)]. Moscow: Ves' Mir.
4. Lapin, N.I., Il'in, V.A. & Morev, M.V. (2020) Extremal Inequalities and Social State (part 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 20–30. (In Russian), DOI: 10.31857/S013216250008491-3
5. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturalizatsii* [Organization of Society: An outline of the theory of structuration]. Translated from English by I. Tyurina. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Sogomonov, A.Yu. (2015) New urban quality – new urban politics (the city and knowledge). *Munitsipal'naya vlast' – Municipal Power*. 3. pp. 26–36. (In Russian).
7. Filippov, A.F. (2008) *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Moscow: Vladimir Dal'.
8. Therborn, G. & Ho, K.Ch. (2009) Capital cities and their contested roles in the life of nations: Introduction. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 1 (13) pp. 53–62. DOI: 10.1080/13604810902726178

9. Vershinina, I.A. (2018) Representation of power in the urban space: Göran Therborn's theory. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 2 (18). pp. 226–237. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-226-237
10. Shpak, L.L. (ed.) (2015) *Sotsial'naya i politicheskaya mobilizatsiya: mikrosotsiologicheskiy analiz: kollektiv* [Social and Political Mobilization: Microsocial Analysis: Collective]. 2nd ed. Kemerovo: Kemerovo State University.
11. Shpak, L.L. & Tokmasheva, Yu.V. (2015) The mobilization management mechanism of municipal authorities interaction with local communities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/6
12. Castells, M. (2004) *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press.
13. Yanitskiy, O.N. (2020) An Individual in the Modern Informational Society. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2 (8). pp. 9–23. (In Russian). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7300
14. Dobrinskaya, D.E. & Martynenko, T.S. (2019) Perspectives of the Russian information society: Digital divide levels. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 1 (19). pp. 108–120. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120
15. Kravchenko, S.A. (ed.) (2017) *“Normal'naya anomiya” v Rossii i sovremennom mire* [“Normal anomie” in Russia and the modern world]. Moscow: MGIMO-Universitet.
16. Pokatov, D.V. (2020) The Russian Sociology of the Political Elite: Current Trends in Regional Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 116–123. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/453/14
17. VC.RU. (2020) *Internet 2020 v Rossii i mire: statistika i trendy* [Internet 2020 in Russia and the world: statistics and trends]. [Online] Available from: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>. (Accessed: 12.01.2021).
18. Kranzeva, E. et al. (2019) [Social and Political Regional Interactions in the Context of “Reactive Relationships”: The Possibilities of Hybrid Methodology]. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Proceedings of the International Conference “Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects” (HSSNPP 2019). Vol. 333. Novosibirsk. 5–6 March 2019. Novosibirsk: Atlantis Press. pp. 78–82. DOI: 10.2991/hssnpp-19.2019.15
19. Portal goroda Kemerovo i vsego Kuzbassa [Portal of the City of Kemerovo and the Entire Kuzbass]. (n.d.) *Kul'turnyy klaster* [Cultural Cluster]. [Online] Available from: <https://o-kemerovo.ru/kul'turnyy-klaster/>. (Accessed: 17.07.2020).
20. Mal'tseva, A.V. et al. (2012) Event-analysis method for investigation of labor market processes. *Vestnik evraziyskoy nauki – The Eurasian Scientific Journal*. 3 (12). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metodiki-event-analiza-dlya-izucheniya-protssessov-na-rynke-truda>. (Accessed: 19.07.2020). (In Russian).
21. Borishpolets, K.P. (2005) *Metody politicheskikh issledovaniy* [Methods of Political Research]. Moscow: Aspekt Press.
22. Ogbu, J. (1991) Immigrant and Involuntary Minorities in Comparative Perspective. In: Gibson, M.A. & Ogbu, J. (eds). *Minority Status and Schooling: A Comparative Study of Immigrant and Involuntary Minorities*. New York: Garland Publishing. pp. 3–33.
23. Bergson, H. (2019) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Translated from French by M. Bulgakov. Moscow: Eksmo.
24. Guzhavina, T.A. (2018) Social Capital of the Urban Community: Trust, Solidarity, Responsibility. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 4. pp. 252–268. (In Russian), DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
25. McQuire, S. (2018) *Geomedia: setevye goroda i budushchee obshchestvennogo prostranstva* [Geomedia: Network Cities and the Future of Public Space]. Translated from English by I. Tret'yakov. Moscow: StrelkaPress.
26. Lilleker, D. (2010) *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty* [Political Communication. Key concepts]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.

Received: 22 February 2021

Т.А. Подшибякина, М.С. Константинов, А.А. Васильева

КОГНИТИВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА: ДИФФУЗИОННАЯ МОДЕЛЬ ДИНАМИКИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №18-011-00906 А «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов»

Исследуются закономерности формирования идеологических установок молодежи на материалах социологического опроса студентов Юга России. В качестве теоретико-методологического основания выступает авторская концепция когнитивно-идеологической матрицы. Для описания динамических процессов миграции идеологических концептов, протекающих в матрице, предлагается использовать системно-динамическую модель диффузии Басса, выполняемую в системе имитационного моделирования AnyLogic.

Ключевые слова: когнитивно-идеологическая матрица; идеология; идеологический концепт; аттитюды; динамика, политическая диффузия; системно-динамическая модель.

Анализ динамических процессов в формировании идеологий в соответствии со строгими требованиями к периоду наблюдений мониторинговых замеров оказался возможным благодаря тому, что проект «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» стал продолжением другого масштабного проекта Южного федерального университета 2015 г. по выявлению праворадикальных идеологов в сознании донских студентов [1]. Проблема проявлений экстремизма и радикализма в молодежной среде по-настоящему волнует российское общество уже долгое время, не утрачивая своей значимости и актуальности. Политическое поведение молодежи, включая протестные формы, во многом определяется идеологическими установками, господствующими в индивидуальном и групповом сознании; отсутствие официальной идеологии, конечно, сделало эту тему менее публичной, но не менее важной.

Проблема динамики идеологических процессов как научная может быть поставлена таким образом: каковы закономерности и современные тенденции развития идеологических установок (аттитюдов), не могут ли они сформировать протестный потенциал в студенческой молодежной среде и привести к дестабилизации политического режима? В рамках заявленной темы это звучит как проблема «миграции» идеологических концептов, т.е. нечеткости и подвижности идеологических установок в групповом сознании [2].

Цель работы заключается в выявлении закономерностей формирования идеологических установок в молодежном сознании и трендов их динамики на примере эмпирического исследования группового сознания студентов Юга России. Теоретическим основанием выбран морфологический подход к исследованию идеологий Майкла Фридена и авторская концепция когнитивно-идеологической матрицы, разработанная С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым. В развитие концепции в качестве предмета рассматривается не морфология (структура) идеологических концептов, а их динамика. Исследование динамических процессов в проекте обеспечивало выполнение прогностической функции, определяющей за-

кономерности развития идеологических установок и представляющей их в виде трендов, что дает возможность сформулировать некоторые практические рекомендации на будущее.

Валидным способом определения трендов в идеологических установках представляется метод системно-динамического моделирования. Модель миграции идеологических концептов построена на основе модели диффузии Басса и выполнена в системе имитационного моделирования AnyLogic. В качестве эмпирического материала, необходимого для запуска диффузионной модели, использовались статистические данные, полученные в ходе большого социологического опроса 2 500 студентов Юга России, проведенного в 2019–2020 гг. Выборка кейса Ростовской области составила 816 респондентов, из которых 435 – юношей и 381 – девушек, а выборка предыдущего опроса – 718 человек (350 юношей, 368 девушек).

Теоретико-методологическое обоснование исследования идеологий с позиций когнитивистики и социальной динамики

Теоретическую основу исследования идеологических установок студентов Юга России составила теория «морфологии идеологических систем» Майкла Фридена, представляющая идеологию как комбинацию нескольких ядерных, смежных и периферийных концептов. Динамика концептов обуславливает «структурную текучесть» идеологий [3. Р. 117]. Маргинальная, или смысловая, периферийность обеспечивает взаимодействие идеологий друг с другом посредством концептной динамики, а периметровая (пространственно-временная) связывает идеологии с явлениями социальной среды [4. Р. 78]. Проблема динамики идеологий не является второстепенной по отношению к содержательной их составляющей, более того, Майкл Фриден связывает современный идеологический кризис с тем, что идеологии не успевают адаптироваться к быстрым изменениям в социальной и медиа-среде, быть полезными в поиске ответов на самые актуальные жизненные вопросы, что влечет за собой кризис и в области изучения идеологий, разрушаю-

щий стереотип идеологии как стройной мировоззренческой системы.

В развитие морфологического подхода Майкла Фридена С.П. Поцелуевым и М.С. Константиновым был разработан концепт когнитивно-идеологической матрицы, что позволило описать процесс перехода от протоидеологических к идеологическим концептам на уровне индивидуального и группового сознания. С.П. Поцелуев предложил ключевое понятие когнитивно-идеологической матрицы, которое им рассматривается «по аналогии с понятием матрицы в физике – как нейтральная (когнитивная) среда, в которой помещены изолированные активные частицы (идеологемы как «протоидеологические» концепты) с целью предотвращения их взаимодействия между собой и с окружающей средой» [5. Р. 811].

Одна из задач экспериментальной части исследования – выявление изменений, произошедших в когнитивно-идеологических матрицах ростовских студентов в период с 2014 по 2019 г. Прием моделирования позволит зафиксировать «миграцию» ядерных и периферийных идеологических концептов, описать ее как отдельный вид концептной динамики и спрогнозировать тренд перемещений концептов в будущем. Под «миграцией» концептов понимается также изменение их смыслов внутри одной идеологии или в рамках разных идеологий, но эти динамические процессы выявляются другими способами: анализом статистической сопряженности ответов на разные вопросы анкеты, концептных нарративов, сравнительным анализом идеологем.

В качестве аналитического инструмента для исследования выбран не часто используемый российскими политологами метод системно-динамического моделирования, хотя за рубежом он достаточно распространен, и специалистам в области моделирования хорошо известны его достоинства. Однако даже в зарубежных публикациях метод моделирования чаще всего применяется в области политического управления [6] или управления проектами [7].

Моделирование социально-политических процессов в качестве исследовательского метода имеет ряд существенных преимуществ, определяющих его востребованность и развитие, поскольку он позволяет решать ряд задач, зачастую лежащих в разных пластах теории и практики: получать новые знания о ещё не выявленных взаимосвязях и факторах, влияющих на поведение реальной социально-политической системы, через управление различными параметрами в модели; проводить социальную диагностику; подготавливать управленческие решения; реализовывать решения в экспериментальной модельной среде без ущерба реальной системе и корректировать их.

Особая актуальность метода определяется тем, что общество представляет собой многозвенную структуру с нелинейными обратными связями, которую сложно исследовать без модельных приложений, поскольку недостаточно изучать лишь линейную связь действия и его результата. В реальной социально-политической практике результат действия изменяет также характеристики окружающих условий, которые, в свою очередь, являются информацией, вызы-

вающей дальнейшие изменения. Немаловажна и прогностическая функция модельного подхода: с ее помощью можно не только определить различные сценарии развития социально-политических ситуаций или системы в целом в зависимости от реальных факторов, но и отслеживать динамику при изменении этих факторов или введении новых, подготавливая таким образом надежную базу для принятия управленческих решений.

При выборе метода исследования всегда лучше опираться на опыт его применения в той области, которая непосредственно является объектом изучения. В данном случае это политические идеологии и идеологические установки группового сознания. Обзор российских и зарубежных публикаций на эту тему начиная с 60-х гг. XX в., времени появления метода системной динамики, показал их отсутствие, если воспринимать объект буквально. Однако если разложить объект исследования на составляющие элементы, можно найти очень интересные теоретические наработки. Российская тематика непосредственно связана с идеологией через исследование социально-политических и национальных конфликтов. Наиболее близким к тематике данного проекта является исследование протестных движений с использованием сетевого и системно-динамического подходов [8].

За рубежом есть исследования по проблемам динамического мышления, косвенно затрагивающие когнитивно-идеологические процессы [9], и практике применения метода когнитивного картирования, рассматриваемого как один из этапов построения концептуальной когнитивной модели, известного также под другим названием – «метод моделирования визуальной интерактивной системной динамики» [10]. Также можно назвать концепцию ментальных моделей и выделить метод «ментальных моделей динамических систем» (MMDS) [11]. Близкой по смыслу к вышеназванным является «модель взаимного влияния структуры убеждений человека и социальной структуры» [12] и технология когнитивно-аффективной карты [13]. Непосредственно относящимся к проблемам идеологической направленности является метод системной динамики для моделирования процесса распространения идей или убеждений [14]. Однако в данной работе как более предпочтительное рассматривается диффузионное направление системной динамики: «Диффузионная структура / поведение: структура / поведение, описывающая пространство продуктов, идей или убеждений, обычно основанная на модели принятия новых продуктов, разработанной Фрэнком Бассом» [15].

Понятие «политическая диффузия» является малоизученным в даже в самом диффузионизме, хотя достаточно давно начало свою эволюцию от значения «политической инновации». В предметном поле исследования диффузии инноваций изначально достаточно широко была представлена культурная диффузия различных форм материальной и духовной культуры как воплощение инновационного процесса. По аналогии с культурными инновациями было введено понятие политических инноваций и диффузии политических инноваций, которое до определенного вре-

мени целенаправленно не прорабатывалось, а лишь обозначало особый, политический тип диффузии инноваций. Постепенно складывается направление, занимающееся изучением распространения политических идей. В любом случае ключевым является понятие диффузии, т.е. распространения, поэтому задуманную модель миграции идеологических концептов целесообразнее всего строить на основе модели диффузии по Бассу (Bass model).

Алгоритм построения системно-динамической модели диффузии по Бассу в системе имитационного моделирования AnyLogic

Диффузионная модель по Бассу является базовой моделью описания процессов миграции идеологических концептов, она была выбрана из библиотеки системно-динамических моделей в системе имитационного моделирования AnyLogic. Предварительный этап моделирования заключается в построении концептуальной модели с использованием метода когнитивного картирования, когда визуализация производится в графовой форме по принципам составления когнитивной карты. Далее необходимо квантифицировать данные, полученные в ходе социологического опроса, в том числе и качественными методами, т.е. перевести

все данные в количественную форму. Когнитивная карта позволяет выстроить каузальные цепочки причинно-следственных связей, но для того чтобы выразить их количественно, необходимо по всем ответам на вопросы анкеты получить таблицы статистической сопряженности. Пригодны в дальнейшем воплощении в модели только переменные, имеющие определенный коэффициент сопряженности χ^2 , в данном случае V-Крамера и С-Пирсона, стандартное отклонение и уровень значимости которых задаются значением χ^2 . Расчёты выполняются автоматически в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences). После установления корреляции переменных можно строить имитационную модель, опираясь на статистически обработанные данные.

Двумя временными точками, которые позволили выстроить модель, стали сопоставимые данные социологического опроса 2015 и 2019 гг. Анализ показал «миграцию» идеологических концептов уже в этом периоде наблюдений. В 2019 г. число сторонников консерватизма сократилось в 3,06 раза, национально-патриотической идеологии – в 7,34 раза, либерализма – в 1,39 раза, сторонников социал-демократических установок – в 1,18 раза, зато сторонников коммунистической идеологии прибавилось в 1,26 раза (кейс Ростовской области; самопрезентация).

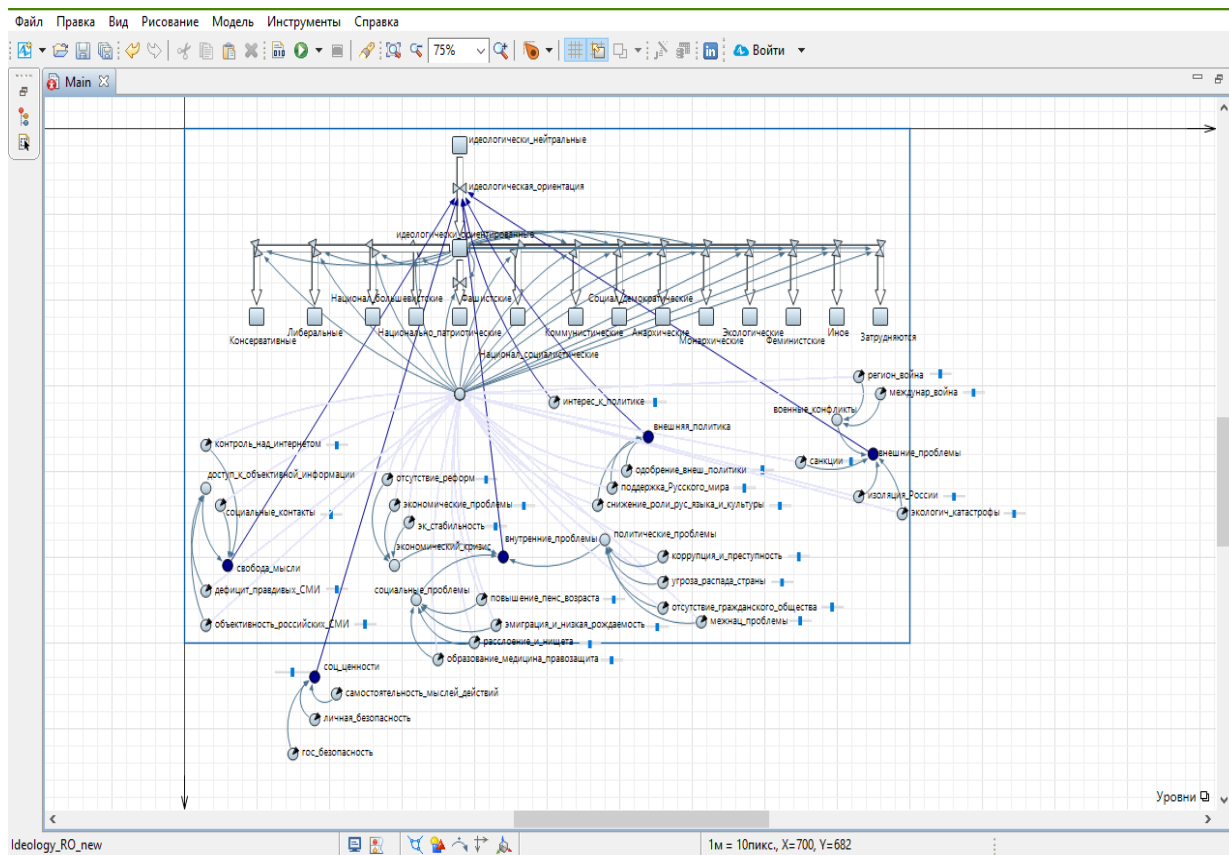

Рис. 1. Базовая системно-динамическая модель миграции идеологических концептов в программном пакете AnyLogic (кейс Ростовской области)

Базовая системно-динамическая модель миграции идеологических концептов (рис. 1) содержит 16 накопителей и 15 потоков между ними, обозначающих идеологические установки: Политически нейтральные.

Политически ориентированные. Консервативные. Либеральные. Национал-большевистские. Национально-патриотические. Фашистские. Национал-социалистические. Коммунистические. Социал-демокра-

тические. Анархические. Монархические. Экологические. Феминистские. Иное. Затрудняющиеся.

Первый накопитель содержит в себе заданное число людей, не имеющих политической ориентации на момент запуска модели, и исходящий поток, который со скоростью, описанной динамическими переменными и статистически определенными коэффициентами, показывает процесс приобретения ими политической ориентации, т.е. переход во второй накопитель. Второй накопитель означает людей, которые вследствие социально-политической обстановки уже заинтересовались политикой, но до конца не сформировали свои взгляды. Затем, также в зависимости от значений различных параметров и заложенных для каждой из идеологий коэффициентов, они распределяются по идеологическим накопителям. Поскольку нельзя задать минимальное значение для накопителя или ограничить его значения лишь положительными значениями, накопители могут принимать отрицательные значения: это означает отток из данной идеологии, в реальной системе у такой идеологии просто не останется приверженцев. При оттоке из накопителя с какой-либо ориентацией «ушедшие» попадают обратно во второй накопитель и могут перейти в другую идеологию.

Модель содержит также 24 динамических переменных, из них 10, описывающих взаимодействие параметров между собой и с другими динамическими переменными, и 14, содержащих коэффициенты для потоков в накопители с политическими ориентациями (на приведенных в статье рисунках все трендовые динамические переменные расположены в одной точке для более удобного визуального восприятия). А также представлены 27 параметров, влияющих на распределение по идеологиям.

Параметры:

1. Интерес к политике.
2. Дефицит правдивых СМИ.
3. Объективность российских СМИ.
4. Контроль над Интернетом.
5. Социальные контакты.
6. Самостоятельность мыслей, действий, поступков.
7. Личная безопасность.
8. Государственная безопасность.
9. Отсутствие экономических реформ.
10. Экономические проблемы.
11. Экономическая стабильность.

12. Повышение пенсионного возраста – при невысокой продолжительности жизни.

13. Эмиграция и низкая рождаемость – сокращение населения страны из-за низкой рождаемости и оттока населения за рубеж.

14. Расслоение и нищета – резкое социальное расслоение и нищета значительной части российского населения.

15. Образование, медицина, защита прав – отсутствие возможности для значительной части россиян получить достойное образование, медицинское обслуживание и правовую защиту.

16. Коррупция и преступность – высокий уровень коррупции и преступности.

17. Угроза распада страны – вследствие масштабного политического кризиса и ослабления федеральной власти.

18. Отсутствие гражданского общества – отсутствие конструктивной политической оппозиции и гражданского общества.

19. Межнациональные проблемы – межнациональная напряженность как угроза территориальной целостности страны.

20. Международная война (конфликт) – угроза новой мировой войны.

21. Региональная война (конфликт) – реальная возможность региональной войны с участием России.

22. Санкции – экономические санкции западных стран против России.

23. Изоляция России – международная изоляция России.

24. Экологические катастрофы – из-за изменения климата, разрушительной деятельности человека.

25. Одобрение внешней политики – поддержка гражданами внешнеполитического курса.

26. Поддержка Русского мира – на государственном уровне и за рубежом.

27. Снижение роли русского языка и культуры как международная проблема.

Каждый из параметров, кроме 6, 7 и 8, имеет «бегунок», чтобы можно было задавать их значения при запуске модели и изменять во время прогона. 6, 7 и 8-й параметры, поскольку они не влияют на распределение по идеологиям, а значимы только в совокупном изменении, объединены в единую динамическую переменную и имеют свой «бегунок»).

Динамические переменные и их зависимости от параметров

Динамическая переменная	Зависимость от параметров
Доступ к объективной информации	Объективность российских СМИ, дефицит правдивых СМИ
Свобода мысли	Доступ к объективной информации, контроль над Интернетом, социальные контакты
Социальные ценности	Самостоятельность мыслей и действий, личная безопасность, государственная безопасность
Экономический кризис	Экономические проблемы, отсутствие реформ, экономическая стабильность
Социальные проблемы	Эмиграция и низкая рождаемость, повышение пенсионного возраста, социальное расслоение и бедность; образование, медицина, защита прав
Политические проблемы	Коррупция и преступность; отсутствие гражданского общества, угроза распада страны, межнациональные проблемы
Внутренние проблемы	Политические проблемы; социальные проблемы, экономический кризис
Военные конфликты	Мировая война, региональная война
Внешние проблемы	Изоляция России, военные конфликты, санкции, экологическая катастрофа
Внешняя политика	Одобрение внешней политики; поддержка Русского мира, снижение роли русского языка и культуры в мире

Таким образом можно исследовать не только распределение по политическим идеологиям в зависимости от социально-политической обстановки, но и отслеживать динамику их перераспределения при ее изменении, а также скорость распределения.

Эксперименты по построению модели

Программа по построению модели включала в себя, прежде всего, вопросы, связанные с возможностью выявления трендов, поэтому первые эксперименты по ее запуску были ориентированы на три сценария развития: негативный, позитивный и нейтральный. В модели потоки заданы формулами экспоненциального роста к 2022 г. на основании тренда по ре-

зультатам опросов 2015 и 2019 гг. (они заложены в параметры «тренд» для каждой идеологии).

Запуск эксперимента по построению модели с максимально высокими негативными значениями: высоким уровнем контроля над Интернетом, экономической нестабильностью, глубоким экономическим кризисом, нарастанием социальных проблем и угрозы военных конфликтов, при нулевом уровне поддержки внешней политики показал рост сторонников радикальных левых идеологий. Распределение по лидирующим идеологиям следующее: коммунистическая, консервативная, национально-патриотическая, национал-большевистская. Динамика сторонников фашистских взглядов была отрицательной (рис. 2).

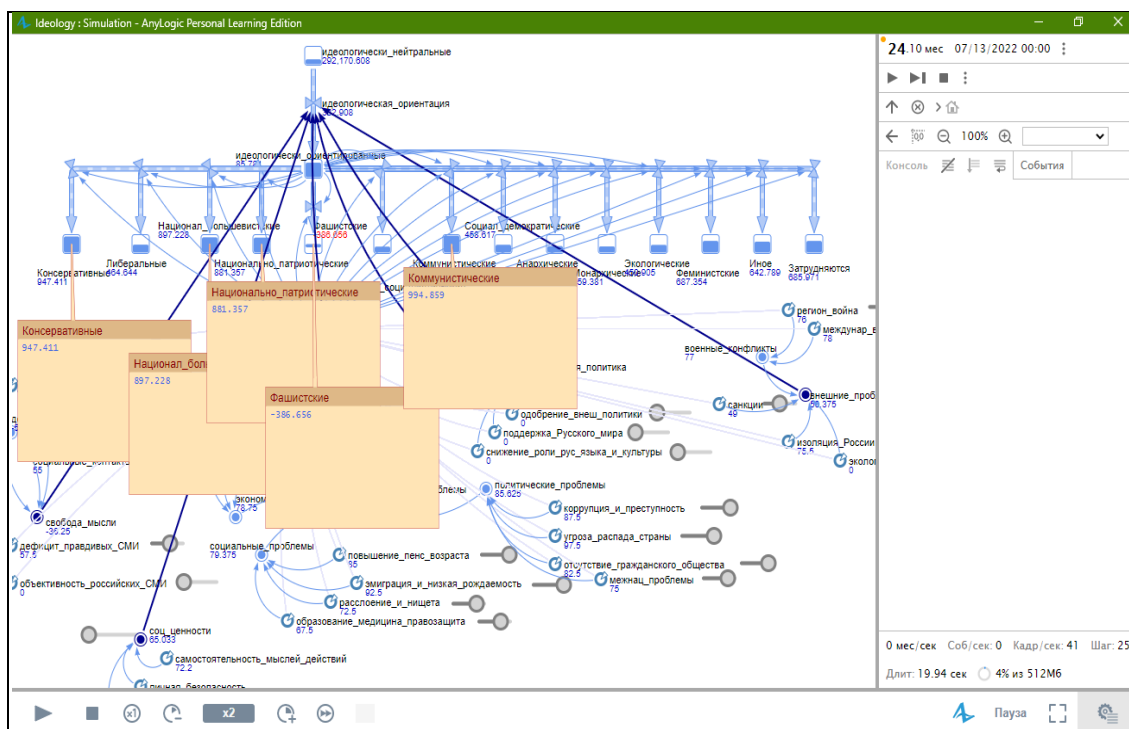

Рис. 2. Модель с высокими негативными значениями

Картина сложилась иная при высоких положительных параметрах: низком уровне контроля над Интернетом, экономической стабильностью, отсутствием кризисных явлений, острых социальных проблем и угрозы военных конфликтов. Зафиксировано сокращение прироста радикалов, как правых, так и левых, и небольшое прибавление количественных значений по всем основным идеологиям при сохранении тройки лидеров: национал-патриоты, консерваторы, коммунисты (рис. 3).

Запуск модели со случайными значениями выявил практически те же тенденции, как и предыдущий эксперимент: максимум национал-патриотов консерваторов и коммунистов, минимум фашистов. Варианты сочетания параметров, используемые для прогона модели, далее подбирались самые разнообразные, но никаких заметных неожиданностей не случилось. Тогда было решено выбрать самые значимые параметры,

вызвавшие очень сильную эмоциональную реакцию в ответах на вопросы анкеты, и рассмотреть их как самостоятельные: установление контроля над Интернетом и снижение социальных контактов, экологические и социальные проблемы, внешняя политика.

При высоком уровне контроля над Интернетом по критерию реакции идеологии разделились на четыре группы:

1. Группы, теряющие численность: национал-социалисты и фашисты.
2. Группы, показывающие более медленный прирост: анархисты, национал-большевики, либералы.
3. Группы, начинающие немного прирастать: консерваторы, коммунисты, феминисты, национал-патриоты, иные и затруднившиеся.
4. Группы, никак не отреагировавшие: социал-демократы, сторонники экологических и монархических взглядов.

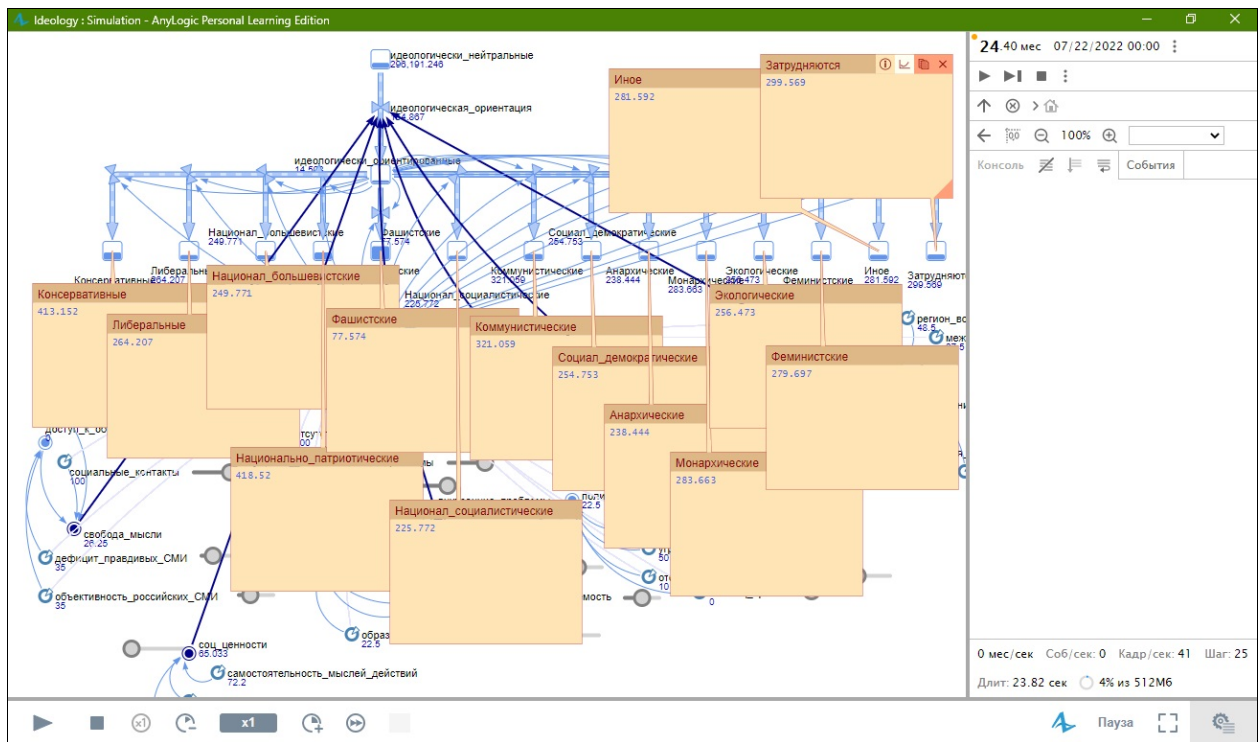

Рис. 3. Модель с высокими положительными значениями

Запрос по параметру «снижение контроля над Интернетом» только подтвердил, что при этих условиях профашистски ориентированные группы значительно набирают численность. При выведении в максимальные значения показателя экологических проблем в

процессе запуска эксперимента ожидаемо растет число сторонников экологизма. Социальные проблемы, как показал прогон модели, влияют на общее ускорение процесса, а вот на распределение по идеологиям влияния почти не оказывают (рис. 4).

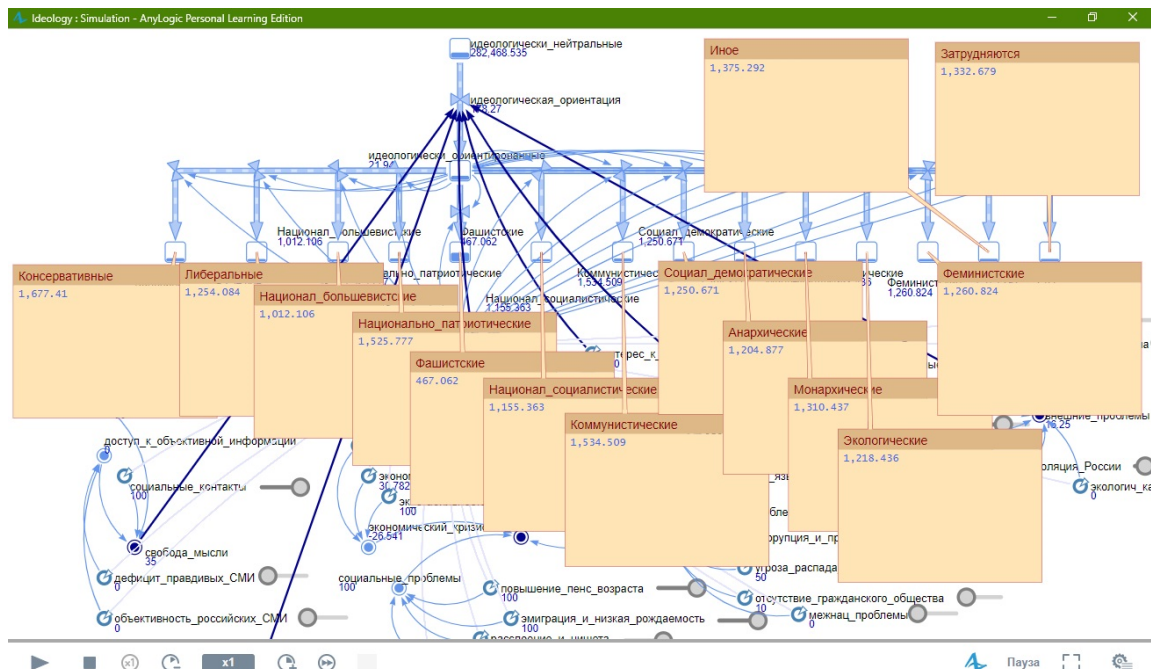

Рис. 4. Распределение по идеологическим ориентациям: параметр социальных проблем

Экспериментальный запуск модели по самостоятельному параметру внешней политики, после того как были заданы высокие значения для одобрения внешней политики и поддержания идеи Русского мира и нулевое значение для снижения роли русского

языка и культуры, показал ровный, но незначительный рост всех идеологических ориентаций. Заметный рост начался после сведения к нулю параметра одобрения внешней политики, и особенно ярко это проявилось у профашистски ориентированных групп.

Снижение до максимума показателя роли русского языка вызвало еще более активный рост у всех ориентаций.

Тренды изменения идеологических установок студенческой молодежи Юга России

Основным трендом изменения идеологических установок студенческой молодежи Юга России (кейс Ростовской области), как показали мониторинговые замеры, проводимые в 2015 и 2019 гг., стал леволиберальный тренд. Консервативные и национально-патриотические идеологические концепты утратили свой ядерный статус и стали периферийными. Маргинальными, находящимися на границе когнитивно-идеологической матрицы, минимальными по численности показали себя правые и левые радикальные идеологии: фашистские и национал-большевистские, в непосредственной близости к ним оказались национал-социалистические. Перспективы изменения идеологических установок в заданном периоде прогнозного упреждения до 2022 г. просчитывались исходя из нескольких сценариев развития ситуации. Следует заметить, что системно-динамическая модель миграции идеологических концептов позволяет выявить лишь тренды динамических процессов, меняющие свою направленность в зависимости от факторов, которые выбраны в качестве определяющих. В перспективе до 2022 г. в случае реализации трех основных сценариев развития социально-экономической и политической ситуации: негативного, позитивного и нейтрального, возможны изменения, которые могут быть описаны в терминах «миграции идеологических концептов».

В случае негативного сценария, предполагающего кардинальное ухудшение всех важнейших параметров: высокого уровня контроля над Интернетом, эко-

номической нестабильности, экономического кризиса, нарастания социальных проблем и угрозы военных конфликтов при нулевом уровне поддержки внешней политики, ожидается левоконсервативный тренд. Ситуация практически возвращается к показателям 2015 г., восстанавливают свои лидирующие позиции консерваторы и национально-патриотические группы, отмечается незначительный рост радикализма левого толка (национал-большевики). Таким образом, можно констатировать, что в идеологических матрицах вновь происходит смена статуса периферийных концептов на ядерные. Опасности увеличения сторонников правого радикализма не отмечается. В случае реализации позитивного и нейтрального сценария практически сохраняется статус-кво 2019 г., т.е. преобладающий леволиберальный тренд. Однако, учитывая, что опрос проводился в конце 2019 г., и в 2020 г. как раз реализовался на фоне пандемии социальный и экономический кризис, который в анкетах был тогда зафиксирован лишь как предчувствие, следует ожидать при негативном варианте сценария смену идеологического тренда.

Результаты, полученные по Ростовской области в 2015 и 2019 гг. и положенные в основу построения системно-динамической модели на перспективу до 2022 г., могут быть экстраполированы на Юг России с определенными оговорками и некоторыми допущениями. Обобщения возможны, поскольку опрос зафиксировал общие закономерности реакции всех студентов на наиболее острые проблемы: коррупции, кризиса, экологии, угрозы войны, проблемы внешней политики. Установлено, что неконтролируемого экспоненциального роста ни правого, ни левого идеологического радикализма не ожидается, политической стабильности в Южном регионе с этой точки зрения ничто не угрожает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / [С.П. Поцелуев, М.С. Константинов, П.Н. Лукичев и др.]; отв. ред. С.П. Поцелуев. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
2. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона // Политическая наука. 2018. № 4. С. 146–178.
3. Freeden M. The morphological analysis of ideology // Oxford handbook of political ideologies / M. Freeden, M. Stears (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 115–137.
4. Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford : Oxford University Press, 2006. 592 p.
5. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020) // Revista Genere e Direto. 2020. Vol. 9, № 2. P. 807–826.
6. Andersen D.F., Rich E., MacDonald R. Public Policy, System Dynamics Applications to // Meyers R. (eds.) Encyclopedia of Complexity and Systems Science. New York : Springer, 2009.
7. Ford D.N., Lyneis J.M. System Dynamics Applied to Project Management: A Survey, Assessment, and Directions for Future Research // System Dynamics: Theory and Applications. 2020. P. 285–314.
8. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.
9. Richardson G.P. Reflections on the foundations of system dynamics // System Dynamics Review. 2011. Vol. 27, № 3. P. 219–243.
10. Eden C. Cognitive mapping and problem structuring for system dynamics model building // System dynamics review. 1994. Vol. 10, № 2–3. P. 257–276.
11. Doyle J.K., Ford D.N. Mental models concepts for system dynamics research // System dynamics review: the journal of the System Dynamics Society. 1998. Vol. 14, № 1. P. 3–29.
12. Edmonds B. Co-developing beliefs and social influence networks – towards understanding socio-cognitive processes like Brexit // Quality & Quantity: International Journal of Methodology. 2020. Vol. 54, № 2. P. 491–515.
13. Thagard P. The cognitive-affective structure of political ideologies // Martinovski B. (ed.) Emotion in group decision and negotiation. Berlin : Springer, 2015. P. 51–71.
14. Homer-Dixon T., Maynard J.L., Mildenberger M., Milkoreit M., Mock S.J., Quilley S., Thagard P. A complex systems approach to the study of ideology: Cognitive-affective structures and the dynamics of belief systems // Journal of Social and Political Psychology. 2013. Vol. 1, № 1. URL: <https://jspp.psychopen.eu/article/view/36/32> (accessed: 28.08.2020).
15. Ford D.N. A system dynamics glossary // System Dynamics Review. 2019. Vol. 35, № 4. P. 369–379.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 15 февраля 2021 г.

The Cognitive-Ideological Matrix: A Diffusion Model of Dynamics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 91–98.

DOI: 10.17223/15617793/464/11

Tatyana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tan5@bk.ru

Mikhail S. Konstantinov, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: konstantinov@sfedu.ru

Alisa A. Vasileva, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: sknc_vasilyeva@mail.ru

Keywords: cognitive-ideological matrix; ideology; ideological concept; attitudes; dynamics; political diffusion; system-dynamic model.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

The problem of the dynamics of ideological processes as a scientific one can be posed in the following way: what are the patterns and trends in the development of ideological attitudes, and can they not form a protest potential in the youth environment? The aim of this work is the identification of regularities in the formation of ideological consciousness in youth and trends of their dynamics on empirical studies of the group consciousness of South Russia's students. The theoretical basis is M. Frieden's morphological approach to the study of ideologies and the author's concept of the cognitive-ideological matrix. In the development of the concept, the object of the research is the dynamics of ideological concepts, not their morphology (structure). The method of system-dynamic modeling, rarely applied by political scientists, was used to determine trends in ideological attitudes. The model of migration of ideological concepts is based on the Bass diffusion model and is implemented in the AnyLogic simulation system. Statistical data obtained during a survey of 2,500 students in the South of Russia were used as an empirical material necessary for launching the diffusion model. The sample of Rostov Oblast case was 816 respondents. The model of the migration of peripheral ideological concepts in the given period until 2022 reflects the dynamics of all ideological attitudes. In the case of the implementation of three main scenarios of the socioeconomic and political situation – negative, positive and neutral, changes are possible, which are described in terms of the “migration of peripheral ideological concepts”. In the case of a negative scenario, which implies a drastic deterioration of all the most important parameters: a high level of control over the Internet, economic instability, economic crisis, increasing social problems and the threat of military conflicts, with zero support for foreign policy, a left-conservative trend is expected. The situation is returning to the indicators of 2015, conservatives and national patriotic groups are regaining their leading positions, and there is an increase in left-wing radicalism. In the students' cognitive-ideological matrices, there is a change of peripheral concepts to nuclear ones. The danger of increasing supporters of right-wing radicalism is not noted. In the case of the implementation of positive and neutral scenarios, the status quo of 2019 is practically preserved, that is, the left-liberal trend prevails. It is established that the uncontrolled growth of either right- or left-wing ideological radicalism is not expected, political stability in the Southern region from this point of view is not threatened.

REFERENCES

1. Potseluev, S.P. (ed.) (2016) *Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoy molodezhi Rostovskoy oblasti* [Games on the ideological periphery. Radical right attitudes of student youth of Rostov Oblast]. Rostov-on-Don: SSC RAS.
2. Potseluev, S.P. & Konstantinov, M.S. (2018) Migratory concepts of right-wing extremism in students' attitude. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 4. pp. 146–178. (In Russian).
3. Freedon, M. (2013) The morphological analysis of ideology. In: Freedon, M. & Stears, M. (eds) *Oxford handbook of political ideologies*. Oxford: Oxford University Press. pp. 115–137.
4. Freedon, M. (2006) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press.
5. Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S. & Podshibyakina, T.A. (2020) Flickering Concepts of cognitive ideological matrices (based on a series of sociological studies in 2015–2020). *Revista Genere e Direto*. 9 (2). pp. 807–826.
6. Andersen, D.F., Rich, E. & MacDonald, R. (2009) Public Policy, System Dynamics Applications to. In: Meyers, R. (ed.) *Encyclopedia of Complexity and Systems Science*. New York: Springer.
7. Ford, D.N. & Lyneis, J.M. (2020) System Dynamics Applied to Project Management: A Survey, Assessment, and Directions for Future Research. *System Dynamics: Theory and Applications*. pp. 285–314.
8. Akhremenko, A.S., Stukal, D.K. & Petrov, A.P. (2020) Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 73–91. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
9. Richardson, G.P. (2011) Reflections on the foundations of system dynamics. *System Dynamics Review*. 27 (3). pp. 219–243.
10. Eden, C. (1994) Cognitive mapping and problem structuring for system dynamics model building. *System Dynamics Review*. 10 (2–3). pp. 257–276.
11. Doyle, J.K. & Ford, D.N. (1998) Mental models concepts for system dynamics research. *System Dynamics Review*. 14 (1). pp. 3–29.
12. Edmonds, B. (2020) Co-developing beliefs and social influence networks – towards understanding socio-cognitive processes like Brexit. *Quality & Quantity: International Journal of Methodology*. 54 (2). pp. 491–515.
13. Thagard, P. (2015) The cognitive-affective structure of political ideologies. In: Martinovski, B. (ed.) *Emotion in group decision and negotiation*. Berlin: Springer. pp. 51–71.
14. Homer-Dixon, T. et al. (2013) A complex systems approach to the study of ideology: Cognitive-affective structures and the dynamics of belief systems. *Journal of Social and Political Psychology*. 1 (1). [Online] Available from: <https://jspp.psychopen.eu/article/view/36/32> (Accessed: 28.08.2020).
15. Ford, D.N. (2019) A system dynamics glossary. *System Dynamics Review*. 35 (4). pp. 369–379.

Received: 15 February 2021

Е.Б. Шестопал

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО: НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН О ВЛАСТИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках
научного проекта № 20-011-31369 «Образ идеального будущего: нормативные представления
российских граждан о власти, политических институтах и лидерах».*

Рассматриваются политико-психологические особенности образов будущего в российском обществе. Исследование сфокусировано на нормативных представлениях граждан о власти. Последние служат эталоном для сравнения реальной власти с ее идеальным «двойником». Показана концептуальная модель анализа восприятия реальной власти сквозь призму идеальной. На ее основе было проведено качественно-количественное эмпирическое исследование, результаты которого представлены в публикации.

Ключевые слова: «образ будущего»; нормативные представления о власти; образы реальной и идеальной власти, власти возможной и желательной.

1. Постановка проблемы

Тема образов будущего и особенно его политические аспекты сегодня широко обсуждаются в стране и экспертами, и рядовыми гражданами. Видимо, интерес к этой теме не случаен перед началом нового электорального цикла. Его усиливает и растущая неопределенность, связанная с кризисом, вызванным пандемией.

В современном социогуманитарном дискурсе понятие «образ будущего» широко используется в качестве инструмента прогнозирования и моделирования самого этого будущего и обозначает представления о развитии страны. Этот термин применяется и в отношении индивида и в отношении массового сознания [1. С. 3–13].

По *содержанию* образ этот, как правило, представляет собой не просто перенос в будущее существующего ныне порядка вещей, но некую модель развития, отличную от современной реальности [2. С. 3]. Нас интересуют прежде всего политические аспекты образа будущего. В образы будущего входят представления граждан об идеальных лидерах, власти, государстве, политических институтах. Эти идеализированные представления формируют нормативные рамки восприятия реальных лидеров, власти, институтов. С *психологической* точки зрения в нем причудливо перемешиваются представления людей о желаемом (идеальном) и возможном будущем, рациональные и неосознаваемые мотивы, реалистические и воображаемые ментальные конструкции.

Возможность проектирования образов будущего привлекает все больше внимания и политологов-теоретиков, и практиков (политиков, политтехнологов, управленцев).

Теоретическая разработка проблемы предполагает анализ той роли, которую идеальные образы вообще и идеальные образы будущего в особенности играют в восприятии политики. Из всех названных выше структурных компонентов образов будущего в политической сфере мы выделили для анализа в данной публикации **образы идеальной власти**, в которых находит отражение такая особенность российской политической культуры, как властечентричность нашего менталитета.

Именно в силу этой особенности образы власти играют основополагающую роль в восприятии всех политических объектов (и лидеров, и институтов, и государства, и страны в целом). Без учета этих идеальных политических представлений нельзя понять и тем более спрогнозировать сложные формы политического поведения граждан. Современная психология убедительно показала, что в политическом поведении граждан кроме непосредственных интересов и экономической выгоды есть куда более глубокие причины, которые связаны с логикой национальной политической культуры, с теми идеальными представлениями, ценностями и архетипами, многие из которых не осознаются гражданами, но при этом выступают в качестве фона сравнения при восприятии реальных лидеров, институтов, власти. Особенно наглядно эта проблема проявляется в ситуациях кризисов, роста неопределенности и нестабильности (например, в условиях пандемии 2020–2021 гг.). Задачей данной части исследования было выявление и анализ тех психологических и содержательных характеристик образа идеальной власти в сознании граждан, которые входят в их образ политического будущего.

Для *практиков* – политиков, политтехнологов, конструирование образов будущего выступает в качестве инструмента стратегического управления массовым политическим поведением. Эта задача становится особенно актуальной в начале нового электорального цикла, который открывается парламентскими выборами 2021 г. Образ будущего мотивирует граждан на участие в общественно значимых политических проектах, мобилизует их политическую активность, придавая ей смысл и цель. При этом необходимо отметить множественность образов будущего у разных социальных групп, у рядовых членов общества и политической элиты. Противоречия в групповых образах будущего, их нечеткость и неопределенность чреваты рисками социальных конфликтов и политической апатией, абсентеизмом и цинизмом граждан, что ведет к дестабилизации политической системы.

Исследовательский вопрос, который был сформулирован в нашей работе состоял в том, каков в настоящий момент образ политического будущего в сознании российских граждан и какое место в нем занимает

образ идеальной (желаемой) власти? Нам также важно было оценить степень привлекательности, силы и активности этого образа, его влияние на представления граждан о будущем для себя, своей семьи и своей страны, роль этих идеальных представлений в оценке реальной власти в качестве некоего нормативного эталона, с которым граждане сопоставляют реальные политические объекты.

2. Теоретические подходы к изучению идеальных образов будущего и власти

Решение поставленных в исследовании задач базировалось на нескольких теоретических подходах.

Первым из них стал подход к изучению самого феномена «образа будущего», основания которого были разработаны в ряде социогуманитарных дисциплин.

В первую очередь, это разработки *социальных философов*. Так, датский философ и футуролог Ф. Полак рассматривает образы будущего в контексте существующей в обществе системы ценностей и тех нравственных ориентиров, которые постулируются в качестве предельно высоких идеалов. Он предположил, что «осознание идеальных ценностей является первым шагом в сознательном создании образов будущего...» [3. Р. 10]. Для нашего исследования важна идея Полака о формировании стабильного набора ожиданий, связанных с будущим по мере развития общества.

Психологи внесли существенный вклад в понимание механизмов формирования образа будущего на индивидуальном и коллективном уровнях. Образ будущего рассматривается в психологии, как эмоционально-когнитивная модель, которая «ориентирует жизнедеятельность субъекта в масштабах многолетней временной перспективы и главных ценностей, определяет направленность развития в будущем и личностный смысл переживаний в настоящем [4. С. 14–28].

Важное значение для нас имела идея Д.А. Леонтьева [5], который показал, что при оценке реальных представителей власти происходит сопоставление их с *эталонными образами*, схожими у разных людей. При всей неоднозначности термина «архетип» он вполне подходит для описания того феномена, о котором упоминает Д. Леонтьев. **Мы понимаем архетип идеальной власти, как устойчивый набор неосознаваемых образов, общих для нашей культуры.**

В работе мы опирались на теорию социальных представлений (С. Московичи, А. Тэджфел, Д. Жодле и др.). Так, С. Московичи определил социальные представления, как «цепочку идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом» [6. Р. 20]. Для понимания психологической природы образа идеальной власти мы основывались на трактовку теоретиками этой школы социальных представлений как промежуточной инстанции между понятием и восприятием, которая опирается на символы и социальную реальность [7. С. 140–141].

Для нашего анализа идеальных образов особую важность имеет понимание Московичи представления

как образа-значения [6. Р. 31]. Примечательно, что теоретики этого направления выводят социальные представления из антиномий повседневного мышления, которые, по их мнению, не всегда артикулированы, но могут быть «спящими», т.е. могут передаваться из поколения в поколение, становясь частью культуры, и при этом не рефлексироваться [8]. Это положение согласуется с нашей трактовкой образов идеальной власти как не до конца осознаваемых и при этом укорененных в политической культуре страны.

Работы *политологов и особенно политических психологов* раскрывают политические аспекты восприятия будущего российским обществом в целом и разными категориями граждан. Как полагает А.И. Неклесса, «политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни...» [9. С. 11].

Отдельно следует отметить крупные отечественные проекты, посвященные исследованию образа будущего России: «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Политическая сфера» – проект АНО «Ино-Центр», 2006–2007 гг., экспертный сценарно-прогностический мониторинг «Россия 2020», выполненный Институтом социологии РАН и Исследовательской группой ЦИРКОН в 2015 г. [10. С. 124–157], а также проект «Идеальная Россия? Представь!» независимого содружества социологов «Открытое мнение», реализованный в 2018 г. [11]. Эти проекты создали основание для дальнейшей разработки проблематики образов будущего в контексте современного политического развития страны.

3. Концептуальная модель изучения идеальных образов власти как части образа будущего

Мы полагаем, что образ будущего в политической сфере включает в себя ряд идеальных представлений, в частности образ идеального лидера, идеальной власти, идеальных политических институтов и др. Обратимся здесь к **образам идеальной власти, которые мы понимаем, как идеальный эталон, с которым граждане сопоставляют власть реальную.** В современной политико-психологической литературе восприятие рассматривается как на рациональном уровне, так и на бессознательном [12. С. 47–52].

В *психологической структуре* образа идеальной власти мы выделяем:

- рациональный и бессознательный уровни;
- шкалы привлекательности, силы и активности;
- визуальные и вербальные компоненты;
- когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты.

Для выявления и описания представлений граждан о *реальной власти* показала свою эффективность предложенная нами система факторов, выступающих в качестве независимых переменных, под влиянием которых граждане воспринимают власть, а образы власти рассматриваются нами, как зависимые переменные [13. С. 21–43]. В этом исследовании мы предположили, что эта **факторная модель** может быть

релевантна и для анализа представлений об *идеальной власти*.

Среди этих факторов, во-первых, можно выделить **объектные факторы**, которые идут от объекта восприятия к образам. К ним мы относим как саму систему российской власти, так и тот политический контекст, на фоне которого происходит восприятие.

Вторая группа факторов, влияющих на образы, исходит от воспринимающего субъекта. В число этих **субъектных факторов** входят *социально-демографические* (пол, возраст, образование) и *психологические* параметры (настроения, мотивы, потребности, ценности, установки, представления и т.п.), которые определяют индивидуальные и групповые отличия в восприятии власти.

Третья группа факторов имеет **темпоральный** характер. В данном исследовании особый акцент делается на представлениях граждан о будущей власти.

Четвертая группа связана с **пространственным фактором**. Региональная (пространственная) специфика восприятия является важным фактором, который мы по возможности пытались учитывать, хотя и не включали это в число задач, решаемых в данной статье.

Пятый фактор – **коммуникативный**, который для современной политики имеет огромное значение. Новые формы коммуникации виртуализируют политику, нередко подменяя реальные политические объекты специально сконструированными «имиджами», которые к тому же нередко имеют «фейковый» характер.

Гипотезы:

1. Разработанная нами факторная модель восприятия позволяет предположить, что наиболее существенное влияние на образы будущего в целом и на образы идеальной власти как их компонент будут оказывать объектные, субъектные и темпоральные факторы.

2. Мы полагаем, что наше поведение и сознание в политике определяют не только действия реальных политиков, их решения, но и идеальные образы и представления, которые имеют нормативный характер и служат мерилom в оценке гражданами реальных институтов и акторов власти.

3. Эти идеальные образы особенно востребованы обществом в ситуациях растущей неопределенности, в ситуации кризисов. Мы предположили, что условиях пандемия 2020 г. образ будущего в целом и образы идеальной власти в особенности могут оказаться более четкими и когнитивно богатыми, чем образы реальной власти.

4. Можно предположить, что этот ситуативный фактор (пандемия) проявит наиболее глубинные нормативные представления людей о власти. Мы ожидаем, что сам этот необычный контекст восприятия усилит влияние глубинных традиционных ценностей, представлений и идеалов, заложенных в российской политической культуре.

5. Наша концептуальная модель позволяет предположить, что нормативные представления о власти, входят в образ будущего.

6. Образы будущего находятся также под сильным влиянием субъектного фактора, а именно психологи-

ческого состояния общества в целом, потребностей, норм и ценностей.

7. Мы ожидаем, что доминирующие в образах идеальной власти политические ценности продемонстрируют свой нормативный характер.

8. Можно надеяться, что анализ образов идеальной власти не только прояснит представление людей о будущем, но и позволит дополнить и прояснить наши представления о власти в настоящем.

9. Такие психологические характеристики восприятия, как эмоциональный знак, когнитивная сложность (простота), четкость (размытость), могут разниться в оценках реальной и идеальной власти. Вполне можно ожидать, что отличным будет и смысловое наполнение этих двух типов образов.

4. Описание исследования

Общая характеристика исследования. Проект включал в себя проведение комплексного исследования нормативных представлений российских граждан о власти, политических институтах (парламенте и партиях) и лидерах (президенте, депутате и губернаторе) в структуре образа идеального будущего на основе специально разработанной теоретической модели и исследовательского инструментария. Эмпирическая часть исследования выполнена в сентябре–ноябре 2020 г. Здесь обсуждается только та часть проекта, которая относится к **образам идеальной власти**¹.

Методология. Образ идеального будущего понимается нами как комплексный ментальный конструкт, существующий в сознании российского общества. Для его выявления и описания мы использовали сочетание количественных и качественных методов сбора и анализа данных. Так, мы использовали *фокусированные интервью*, направленные на выявление особенностей формирования у рядовых граждан нормативных представлений о политической власти. Применение метода *семантического дифференциала* помогает определить степень выраженности тех или иных предпочтений россиян в отношении власти. *Опрос* российских граждан с использованием процедур *формализованного интервью* позволил рассмотреть количественную выраженность представлений граждан об идеальной власти. *Проективные методики* дают возможность оценить неосознаваемые составляющие политических образов, выявить систему символических ассоциаций в структуре восприятия будущего российскими гражданами. В инструментарии использованы проективные методики нескольких видов. *Ассоциативное тестирование* – проективная техника, основанная на стимулировании респондента к возникновению ассоциаций. Методика «*Неоконченных предложений*» – проективная техника, которая предлагает респонденту завершить предложения, связанные с политическими, ценностными и идентификационными понятиями («идеальная власть»). Применение *рисуночного теста* «Идеальная власть» направлено на выявление неосознаваемых элементов политического сознания через визуальные символы и образы.

Выборка составила 450 человек. Большая часть данных была получена в Москве и Московской области. Однако для получения более адекватного представления о сознании региональных респондентов мы собрали данные из 20 регионов, которые входят в 7 федеральных округов. Выборка не является репрезентативной для страны в целом, но, как это принято в качественных исследованиях, уравновешена по полу, возрасту, образованию.

5. Обсуждение результатов

Результаты данного исследования позволили, во-первых, выявить и описать набор представлений граждан о будущем вообще и о месте в нем политических компонентов, относящихся к власти. Во-вторых, полученные эмпирические данные дали возможность проверить высказанные ранее гипотезы о роли нормативных представлений российских граждан, которые определяют не только их видение будущего, но и восприятие настоящего (действующей власти, лидеров и т.д.). Вначале мы проанализируем общие представления респондентов о будущем (пункт 1 данной статьи), а затем выделим в них образ идеальной власти (пункт 2).

5.1. Представления о будущем

Полученные нами образы относятся к трем разным типам: представления о личном будущем, о будущем для своих близких (семьи) и о будущем нашей страны. Кроме того, само будущее оценивается респондентами с точки зрения его желательности (идеальное будущее) и вероятности наступления (возможное будущее), о котором мы можем судить по ответам на вопросы о том, как опрошенные представляют себе российскую политику через 5 и через 10 лет).

Желаемое (идеальное) будущее

Так, образ **личного будущего**, выявленного в открытых вопросах, поражает, прежде всего, оптимизмом, который, видимо, коренится в неизбывных надеждах, сохраняющейся вере в чудо и в готовности российских граждан к любым неблагоприятным обстоятельствам (табл. 1).

Таблица 1
Как вы видите идеальное будущее для себя (обобщенные результаты обработки открытого вопроса)

Эмоциональная оценка	Октябрь 2020 г., %
Положительно	71,6
Отрицательно	1,3
Амбивалентно	11,2
Нейтрально	10,2
Нет ответа	5,7

Вполне ожидаемо, что в первую очередь опрошенные вспоминают о здоровье, удовольствиях и работе: «Обеспеченная и беззаботная старость», «Свой дом на земле», «Благополучие, здоровье, реализация себя», «Я бы хотела иметь интересную работу, чувствовать себя защищённой и свободной, уверенной в завтрашнем дне и социальных льготах от страны, чтобы мой бизнес имел поддержку».

Если посмотреть на содержательные акценты, то в образах личного будущего выделяется ряд смысловых блоков. Первый из них указывает на стремление к стабильности, уверенности, безопасности и семейному счастью (46%). Второй связывает личное будущее с деньгами, доходами и недвижимостью. Третий блок личного будущего сфокусирован на решении проблем, связанных с работой, карьерой, успехом и развитием (44,8%). Далее с большим отрывом идут вопросы личной независимости и смены места жительства. При этом респонденты считают, что большую часть их проблем должно взять на себя государство (24%), и втрое меньшая часть (8%) готова решить их самостоятельно. С психологической точки зрения это говорит о сохранении высокого уровня экстернальности нашего общества, который фиксировался нами в начале 1990-х гг., и не сильно снизился за последующие годы. С психологической точки зрения человек с высоким показателем *экстернальности* эмоционально неустойчив, склонен к необычному поведению, у него плохой самоконтроль и высокая напряженность [14]. Американский политический психолог С. Реншон предположил, что демократические установки граждан связаны с высоким уровнем интернальности (и, соответственно, с низким уровнем экстернальности) [15. Р. 125].

За прошедшие с начала 1990-х гг. десятилетия произошли серьезные изменения в политическом сознании российского общества. Так, патернализм, проявлявшийся в высоком уровне экстернальности, к настоящему моменту существенно снизился в отношении экономического поведения граждан, но остался довольно высоким в отношении власти и политики. Возможно, дело в особенностях нашей политической традиции, которая предполагает, что именно власть ответственна за все в такой большой и сложной для управления стране, как Россия. А это значит, что высокий уровень экстернальности и своеобразный властецентризм нашего общества определяются не столько типом политического режима, сколько потребностью общества в выживании во враждебном окружении, для чего нужна сильная и консолидированная власть. Таким образом, хотя уровень оптимизма в отношении **личного будущего** у опрошенных весьма высок, но есть и тревожные моменты, касающиеся образов будущего.

Что касается образа **семейного будущего**, то он оказался по уровню оптимизма еще выше, чем образ личного будущего (82,4%). Ни один из опрошенных не допускает возможности пессимистических сценариев для своей семьи.

Будущее для страны выглядит практически также оптимистично, как и будущее для своей семьи (81,3%). При этом опрошенные выделяют в образе будущего несколько иные смысловые акценты, чем в семейных и личных образах. Главным в нем они считают экономическое развитие и процветание (50,2%), за которым следует развитие социальной сферы (33%) и укрепление места России в мировой политике (19%). Примечательной особенностью образа будущего в отношении нашего государства и власти является то, что оно коренится не столько в решении ими

наших материальных проблем, сколько в потребностях безопасности и самоактуализации. Таким образом, в будущем граждане хотели бы, чтобы государство взяло на себя вопросы защиты нашей внешней и внутренней безопасности и вопросы, связанные с образованием, культурой и духовной жизнью. Что касается экономики, то люди уже не ждут помощи от власти и научились решать эти вопросы сами.

Возможное будущее

Более конкретное наполнение образов будущего в политической сфере, по которому мы можем судить о вероятности его наступления, дают ответы на вопросы о будущем нашей политики через 5 и через 10 лет (табл. 2).

Обращает на себя внимание в первую очередь эмоциональный знак оценки. Так, будущее, более близкое к нам по времени, оказывается менее позитивным, чем более отдаленное, причем амбивалентность ответов вполне ожидаемо усиливается со временем (соответственно 3,1 и 25,5%).

При этом и в ближайшей, и в более отдаленной перспективе число позитивных ожиданий превышает число негативных. Таким образом, в целом будущее в политической сфере воспринимается респондентами скорее оптимистично, чем пессимистично и чем дальше во времени, тем более позитивно.

Почти половина опрошенных не ожидает существенных изменений в ближайшие 5 лет. В отношении будущей власти оценки также весьма оптимистичны. Так, большее число респондентов ожидает от власти развития страны, а не кризиса, отставания, упадка. Власть представляют скорее мирной, дружелюбной и открытой, чем жесткой и авторитарной. Однако и в этой оптимистической картинке есть своя ложка дегтя: чем дальше от сегодняшнего дня, тем меньше политику видят стабильной и справедливой. Вполне ожидаемо, что в отдаленной перспективе больше опрошенных видят власть «без Путина» (табл. 3).

О восприятии будущего нашими гражданами дают представление их ответы на вопрос: «О чем не должно забывать российское общество в будущем?» (табл. 4).

Т а б л и ц а 2

Какой Вы представляете российскую политику через 5 и 10 лет?

Ответ	Через 5 лет, %	Через 10 лет, %
Положительный	27,3	37,6
Отрицательный	19,1	10,3
Амбивалентный	3,1	25,5
Нейтральный	37,3	4,8
Нет ответа	13,2	21,8

Т а б л и ц а 3

Какой Вы себе представляете российскую политику через 5 и 10 лет?

Показатель	Через 5 лет, %	Через 10 лет, %
Развитие	16,8	23,8
Отставание, кризис	9,5	7,9
Ничего не изменится (пока та же власть)	44,3	25
Власть будет более мирной, дружелюбной, обращенной к народу, открытой	13,1	21
Власть будет более авторитарной, жесткой	7,2	3
Без Путина	3,6	17,1
Стабильная	2,6	2,1
Справедливая	6,2	4,9
Другое	24,5	32,6
Нет ответа	0	0

Т а б л и ц а 4

О чем не должно забывать российское общество в будущем?

Содержание	% от всех ответов
Об экологических проблемах	4,1
Об ошибках / недоработках и провалах власти в прошлом	24,3
Об ошибках народа	5,5
Об успехах своей страны, о великом прошлом	34,4
О значимости народа как ресурса государства	33,7
О необходимости развития, преумножения достигнутого	14,7
О духовном / культурном потенциале	14,7
Другое	9,6

Приведенные данные показывают, что самым значимым, на чем строится образ будущего, являются те завоевания, которых наша страна имела в прошлом. Сбалансирован этот образ будущего признанием наших ошибок и провалов. На втором месте стоит образ народа, который и обеспечивает будущие успехи.

Таким образом, мы видим серьезные изменения в психологическом состоянии российского общества в последние годы. Прежде всего, оно гораздо более позитивно оценивает власть в будущем. Кроме того, для нас остается характерным, скорее, коллективистский тип сознания, чем индивидуалистский. Для российских граждан свойственно связывать свое личное бу-

дущее, с более широким спектром идеалов, которые касаются и других людей, учитывают их интересы. Так, описывая свое личное будущее, они в него включают «выполнение общественно полезной работы в качестве волонтера», «счастье для внуков», «чтобы не было бедных».

5.2. Идеальная власть как часть образа будущего

Приведенные выше результаты исследования показывают, что политические компоненты в целом и

оценки власти в особенности занимают важное место в картине будущего наших респондентов.

Анализ образа идеальной власти стоит начать с того, какой смысл вкладывают опрошенные в понятие «власть» и того, у кого она должна быть сосредоточена в будущем (табл. 5).

В табл. 5 показана значимость в идеальном образе власти отдельных ее *ветвей*. Можно говорить о большей значимости, приоритетности не только в настоящем, но и в будущем *исполнительной* ветви власти (президент и правительство).

Таблица 5

В чьих руках в будущем должна быть сосредоточена высшая власть в России?
(Респонденты могут выбрать не более двух вариантов ответа, поэтому сумма может составить более 100%)

Ответ	% от числа всех ответов
Президент	56
Парламент	41,3
Правительство	22,9
Силловые ведомства (полиция, армия)	6,2
Главы субъектов Федерации	10,9
Региональные законодательные органы	9,3
Органы местного самоуправления	11,1
Затрудняюсь ответить	1,3
Иное	6,4

Место парламента (*законодательной ветви* власти) в образе идеальной власти оказалось также весьма значимым. Даже учитывая традиционный скепсис в отношении влияния парламента, 77,6% респондентов считают его необходимым для России. Это самые высокие значения за все годы наших наблюдений [13. С. 413]. Выше 33% этот показатель никогда не поднимался. Представляется, что рост значимости парламента в образе идеальной власти может быть связан с началом нового электорального цикла. Сказанное не значит, что к парламенту нет претензий. Они есть у каждого третьего респондента, которые уже не мыслят себе политической системы современной России без выборов в Думу.

Судебная власть в образе будущей идеальной власти совершенно отсутствует, впрочем, респонденты о ней не вспоминают, говорят о власти реальной. При этом они не забывают рассуждать о правах и свободах граждан, о том, что власть должна быть законной.

Если посмотреть на власть с точки зрения *ее уровней* (федеральная, региональная, местная), то региональная власть и местное самоуправление, в понимании наших респондентов, явно уступают федеральной по своему весу и значению. Удивительно и то, что местная власть оказалась выше региональной, чего мы также ранее не наблюдали.

Как показывают полученные результаты, детальные представления относительно разных ветвей и уровней власти по этому вопросу в сознании опрошенных так и не сложились, и этот вопрос их не сильно волнует. Более того, складывается впечатление, что идея разделения властей для российского общества не очень органична. Для него гораздо важнее, чтобы власть на всех ее уровнях и во всех ее ветвях учитывала интересы населения и обеспечивала порядок, нежели учитывали интересы наиболее нуж-

дающихся групп или обеспечивала больше свобод (см. табл. 6).

Как видим, ожидания в отношении идеальной власти с точки зрения ее содержательных элементов выглядят достаточно противоречивыми и не согласуются с классическими представлениями о демократии и авторитаризме. Так, с одной стороны, налицо единодушное одобрение опрошенными централизации, «вертикальности» власти, ее жесткости (силы), обеспечения порядка, который для многих респондентов важнее свобод. С другой стороны, они хотят, чтобы власть учитывала интересы населения, поощряла общественные инициативы «снизу», опиралась на конкурирующие элиты. Первые пункты свидетельствуют об авторитарных тенденциях, о патриархальной политической культуре. А вот второй тренд однозначно указывает на демократические представления и ценности. Подобное противоречивое восприятие власти свидетельствует о «гибридном» характере массового политического сознания, свидетельствует о ценностном расколе в обществе, который создает предпосылки для роста неустойчивости политической системы. Об этом тревожном тренде говорит и тот факт, что не только в настоящем, но и в будущем около 14% респондентов волнует проблема смены власти, они считают необходимым обновление, если не полную смену режима.

Образ идеальной власти имеет *темпоральное измерение*, которое связывает будущее с настоящим и прошлым. Идеальные образцы власти, найденные в прошлом, могут многое сказать и о настоящем, и о будущем. Так, мы задавали респондентам вопрос о том, какой период нашей истории кажется им ближе всего к идеалу. Полученные ответы собраны в табл. 7.

Какие выводы можно сделать из этих исторических реминисценций?

Таблица 6

Какой, с Вашей точки зрения, должна быть идеальная система власти в нашей стране?

Первый вариант ответа	Полностью согласен	Скорее согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее не согласен	Полностью не согласен	Второй вариант ответа
Единоличной	17,8	17,8	10,1	18,2	36	Коллегиальной
Ориентированной на внешнюю политику	7,3	10,3	28,1	23,7	30,5	Ориентированной на внутреннюю политику
Жесткой	21,5	30,8	29,5	12,5	5,7	Мягкой
Учитывающей интересы населения в целом	44,8	27,7	13,2	7,3	7	Учитывающей интересы наиболее нуждающихся групп
Обеспечивающей больше порядка	33,4	23,5	21,1	13	9	Обеспечивающей больше свобод
С сильным доминирующим федеральным центром	22,2	19,8	16	20,7	21,3	С сильными самостоятельными регионами
С небольшим количеством политических партий (1–2 партии)	24,4	17,8	15,8	17,4	24,6	С большим количеством партий (более двух партий)
Инициатирующей важнейшие социальные проекты «сверху»	14,5	14,1	21,3	23,1	27	Поощряющей общественные инициативы «снизу»
С конкурирующими элитами	23,7	23,3	25,3	11,6	16	С единой сплоченной элитой
Ориентированной на зарубежный опыт	11,6	19,3	24,6	14,5	29,9	Ориентированной на собственный путь

Таблица 7

Какой период российской истории, на Ваш взгляд, был ближе всего к идеалу? Почему?

Исторический период	% от кол-ва всех ответов
Древняя Русь, допетровская эпоха	3,8
XVIII в. (правление Петра, Екатерины)	11
XIX в. (Александр I)	13,1
Ранний СССР (Ленин, Сталин)	19
50–80-е гг. XX в. (Хрущев, Брежнев и др.)	34
Перестройка и 90-е гг.	5
«Нулевые» (2000–2008 гг.)	9,5
Современность (после 2008 г. по наст. время)	9,5
Другое	12,9
Нет ответа	0

Во-первых, сегодня, как и в наших предыдущих исследованиях [13. С. 427–443], наиболее привлекательной для опрашиваемых кажется власть советского, причем не ранне-советского (Ленин–Сталин), а позднесоветского, периода (эпохи Хрущева, Брежнева, Андропова). Наибольший интерес представляет оценка эпохи перестройки и 90-х гг., которые и в более ранних наших исследованиях [13. С. 122–151] оценивались как самые мрачные времена для Российского государства. Из приведенных в табл. 7 данных мы видим, что эта тенденция полностью сохраняется. Период первых двух путинских президентств опрошенные вспоминают очень тепло: *«Период первых лет Путина. Было ощущение стабильности после тяжелых потрясений для нашей семьи», «Начало 2000-х. Проведение нормального политического курса с акцентом на людей», «Самое начало Путинского правления, страна видела сильного лидера, желающего развивать страну»*. Современная власть выглядит куда более позитивной, чем раньше, но все же раскол на ее сторонников и противников сохраняется и уровень позитивных оценок остается ниже, чем в отношении советской власти. Стало быть, образы прошлой власти указывают на ценности стабильности и проявлений заботы власти о народе, т.е. те нормативные, идеальные представления о власти, которые в данном случае обращены в прошлое.

Психологические характеристики образов идеальной власти. На идеальные образы власти в первую очередь оказывают влияние неудовлетворенные потребности сегодняшнего дня. При этом имеет-

ся отличие между потребностями, которые стоят за образами будущего (личного, семейного и странового), с одной стороны, и образом идеальной власти – с другой.

Так, анализ образа идеальной власти в первую очередь выявил доминирование неудовлетворенной **потребности в любви**, а не материальных потребностей, безопасности, ни тем более потребностей более высокого уровня – самореализации и самоактуализации (табл. 8).

Таблица 8

Потребности, определяющие образ идеальной власти

Потребности	% от числа респондентов
Материальные	8,4
Безопасности	5,5
Любви	23,1
Самореализации	7,3
Самоактуализации	6,4

Этот тип потребности имеет весьма разнообразные проявления: это и желание людей, *чтобы власть их «слушала и слышала», «была ему подотчетной», «с уважением к нему относилась», «была открытой для общества», «думала о нем», «заботилась о людях», «представляла их интересы», «что-то делала для людей», «приходила на помощь тем, кто нуждается», «была с ними более откровенной, руководствовалась их потребностями», «имела понимание об их естественных правах», «давала возможность выражать свои идеи», «учитывала их интересы и интересы страны», «власть должна быть внимательной,*

заниматься тем, чтоб решать проблемы и улучшать каналы связи с людьми (чтоб люди могли связаться с властью и быть услышанными)».

В этом длинном списке пожеланий к идеальной власти можно выделить не до конца осознаваемые оценки власти реальной: закрытость и нечувствительность к нуждам людей, нежелание видеть их нужды. Именно над этими проявлениями «властной глухоты» и нужно работать представителям всех уровней и ветвей власти, чтобы получить поддержку и доверие со стороны граждан.

Второй по значимости (но с большим отрывом от доминирующей потребности) для граждан оказались *материальные потребности*, которые власть должна им помочь удовлетворить. Видимо, сказались обстоятельства 2020 г. – потеря многими источников доходов, снижение уровня жизни.

Уровень *потребности в безопасности* в представлениях об идеальной власти оказался довольно низким. Иначе, чем смещением акцентов в сторону иных потребностей – в частности, потребности в любви и заботе, этот момент нельзя объяснить. Вообще, в образе идеальной власти практически исчезли упоминания о такой ее функции, как защита от внешних врагов. Место этих врагов в сознании опрошенных заняли коррумпированные чиновники, «сосущие соки из народа».

Что касается образов *идеального будущего*, а именно *будущего лично для себя, для своей семьи и для страны*, то их потребностный профиль существенно отличается от образов идеальной власти.

Так, главной из них в образе *личного будущего* оказалась *потребность в материальных благах* (43,7%). Эта потребность определяет видение будущего, где финансовая и жилищная ситуация не будет стоять так остро, как сейчас. Представления опрошенных о материальном благополучии в будущем варьируют от обобщенных: «пенсия, на которую можно жить» до более конкретных: «качественные продукты, бесплатная медицина». Можно предположить, что на видение будущего оказывает влияние нынешняя материальная неустроенность опрошенных, но важно, что ответственность за нее респонденты не возлагают на власть.

Второй по значимости идет *потребность в безопасности* (24,4%). Понимание безопасности имеет разные оттенки: от «финансовой самодостаточности» до военного и политического суверенитета страны. Интересно, что в сравнении с нашими прежними ис-

следованиями, страхи, связанные с возможностью войны, проявились гораздо отчетливей. Так, опрошенные хотели бы видеть свое будущее «без войны»: «Хочу, чтобы не было войны, у меня была работа и семья», «будущее без войны», «чтобы оно было мирным и стабильным». При этом никакой конкретики, указания на то, откуда может исходить угроза войны, в ответах опрошенных нет. Этот страх как бы разлит в общественной атмосфере, но не оказывает консолидирующего эффекта. Скорее, напротив, он питает эскапистские настроения, подталкивает примерно 5% респондентов к поиску лучшего будущего за пределами своей страны. С таким феноменом в подобных масштабах мы тоже ранее не сталкивались даже в лихие 90-е, что вызывает беспокойство.

Другой психологической характеристикой образов идеальной власти являются их **когнитивные параметры**: *четкость / размытость, простота / сложность*. Поразительно, но число четких образов идеальной власти (51%) выше, чем нечетких (45,7%). В отношении реальной власти эти показатели существенно ниже (менее 30%). Этот же парадокс наблюдается и в отношении *когнитивной сложности*. Образы идеальной власти более сложные, детализированные, чем образы реальной власти. Такое впечатление, что о том, какой власть «должна быть», наши респонденты знают во всех деталях. А вот какова на самом деле реальная власть, они лишь догадываются, причем эти догадки довольно смутны и неточны. Можно предположить, что реальная власть для опрошенных носит непрозрачный характер, воспринимается с большими помехами и барьерами. При этом они знают, чего хотели бы видеть во власти, поскольку ее идеальный образ вполне сформирован, четок и детализирован. По своим смысловым компонентам ожидания к власти укладывается в три главных позиции.

Как видно из табл. 9, власть, прежде всего, должна заботиться о гражданах (42,5%), быть честной и справедливой (20,3%) и отличаться при этом силой (12,1%). Эти данные тем более интересны, что они получены не с помощью традиционных закрытых вопросов, а с помощью проективной методики «неоконченного предложения», которая позволяет выявить в том числе и *неосознаваемые* слои восприятия.

Еще одной проективной методикой, которая направлена на исследование визуальных компонентов образов, также имеющих неосознаваемый характер, является проективный рисунок.

Таблица 9

Пожалуйста, завершите предложение. В идеальном будущем страны политическая власть представляется мне...

Ответы на неоконченное предложение	% от количества всех опрошенных
Сила	12,1
Независимость	5,8
Стабильность / устойчивость	8,4
Близость к народу / забота о гражданах	42,5
Справедливость и честность	20,3
Некоррумпированность и законность	11,4
Профессиональная, образованная	7,7
Такая же	2,1
Другое	32,5
Нет ответа	0

Анализ результатов визуальных образов идеальной власти через содержащиеся в них символы и сюжеты во многом подтверждает те выводы, которые были получены на рациональном уровне в интервью и опросах.

Так, в *проективных тестах* одним из наиболее частых сюжетов оказался *сюжет заботы идеальной власти о народе* (рис. 1, 2).

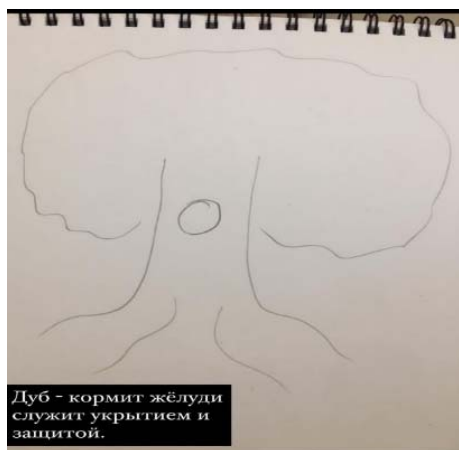

Рис. 1. Сюжет «Дуб кормит желуди, служит укрытием и защитой»

В сравнении с вербальными образами проективные тесты дают богатые по смыслу и когнитивно сложные нормативные представления о власти. Так, на рис. 3 власть представлена в виде звукозаписывающего аппарата, который заставляет звучать все сферы жизни России. Власть отведена роль преобразователя энергии людей, работающих в разных областях. Сама власть очень важна, но она мало что может сделать без этих людей. Взаимосвязь и взаимозависимость власти и народа, выраженная в такой замысловатой форме, с одной стороны, показывает стратегическое значение власти для страны, с другой – свидетельствует о ее ограниченности.

Важным компонентом нормативных представлений о власти является ее трактовка, как части общества, которая не должна быть отгорожена от него системой привилегий. Эти представления коренятся в ценностях равенства и справедливости (рис. 4). Раздражение в отношении власти и снижение доверия к ней во многом объясняются именно несоответствием реальной власти этим ценностям и идеалам.

Идеалы равенства представителей власти и рядовых граждан очень прочно связаны с российскими традициями. Нередко эти представления мифологичны, нереалистичны и не применимы к реальности. Так, идея все решения в большой стране принимать всеобщим голосованием, относится к числу явно утопических (рис. 5).

Для представлений об идеальной власти неслучайны фантастические сюжеты (рис. 6). Так, респондент из Челябинска приводит свой вариант идеальной власти в образе Империи из «Звездных войн»: «*рабочие социальные лифты, безопасный рынок, мощная армия и флот и продвинутая экономика*».

Однако и сквозь фантастические образы идеальной власти из далекого будущего, благородные меч-

Эти визуальные образы отличает богатый набор ассоциаций и метафор. Так, на рис. 1 власть представлена в виде могучего дуба, который кормит людей, на рис. 2 – в виде прочного зонта, который укрывает их от непогоды. За этими сюжетами стоят неудовлетворенные потребности в безопасности, любви и заботе.

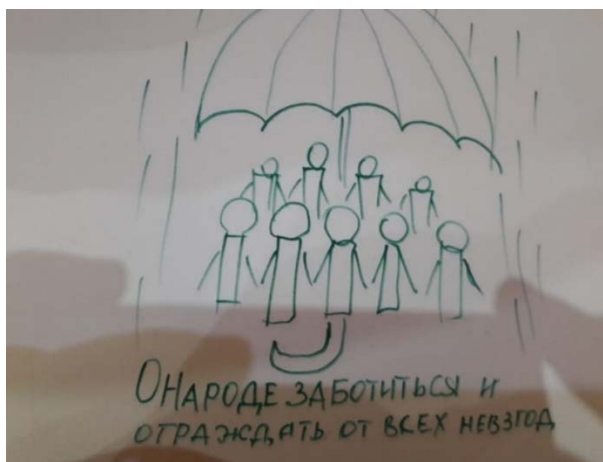

Рис. 2. Сюжет «О народе заботится. Ограждает от всех невзгод»

ты о равенстве и справедливости, связанные с демократическими идеалами настоящего, проступают знакомые по прошлому символы монархической власти. Рисунок 7 (автор – молодая женщина с высшим образованием, Саратовская область) интересен тем, что, хотя группа современных людей и общается с властью напрямую, но на представителе власти – корона. Это яркое свидетельство мозаичности, противоречивости нормативных представлений о должной власти, в которых переплетены настоящее, прошлое и будущее, модернистские идеалы демократии и архаичные символы монархии (рис. 7).

Еще один сюжет показывает тесную связь идеальных представлений с образами реальной власти. Респондент (молодой мужчина из Владивостока) изображает идеальную власть в лице партии «Единая Россия». Центральное место правящей партии перекликается с названием этой партии (ЕДРО). Ядро, как известно, состоит из протонов и нейтронов, как и ЕДРО состоит из руководителей и избирателей, а электроны – это оппозиция. Автор рисунка точно показывает роли, которые играют правящая партия и оппозиция.

Место последней он отводит на периферии политической системы России. И хотя он и говорит о ее важности, на самом деле, на бессознательном уровне, не очень верит в эту самую необходимость (рис. 8).

Таким образом, можно видеть, что образы идеальной власти содержат в себе, как вполне рациональные ценностные конструкты, так и неосознаваемые компоненты, которые показывают, что идеальные представления о власти крепко связаны с нашим национальным менталитетом, архетипическими представлениями, ценностями и идеалами, уходящими в прошлое и влияющими на настоящее.

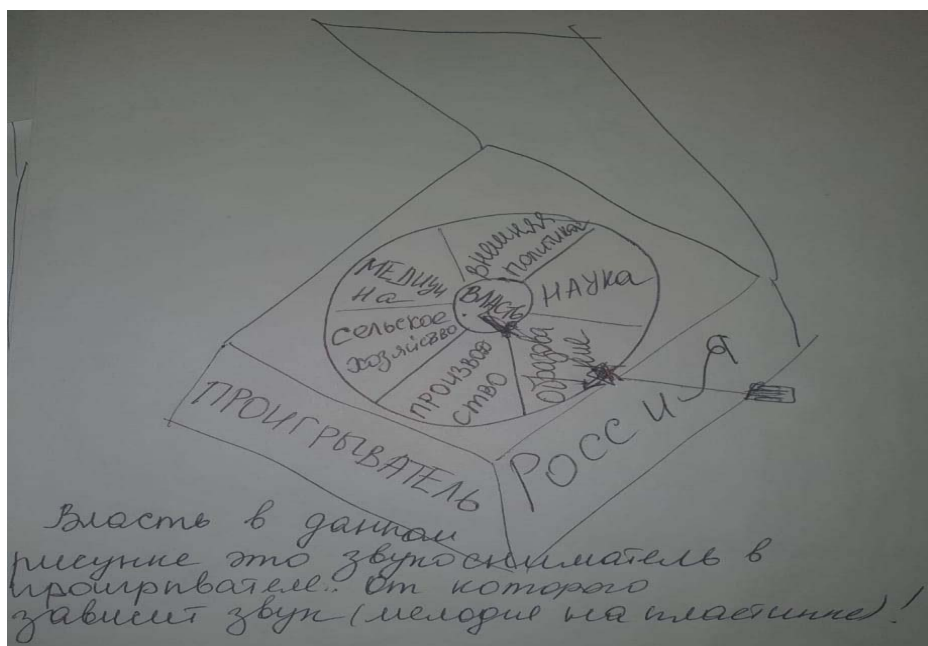
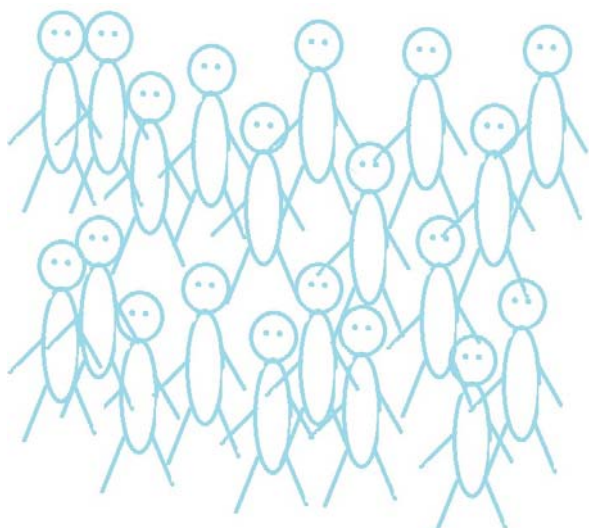

Рис. 3. Представление власти как звукозаписчика в проигрывателе

Кто из этих людей является представителем власти? Не угадать. Потому что власть является частью общества. Это такие же люди, как и любые другие. Которые пользуются тем же транспортом, ходят в те же магазины, кафе и другие общественные места, а не прячутся в своих загородных домах за кучей охранников. Это люди, которые ВИДЯТ, как живёт общество, и являются его неотъемлемой частью. Вот какой я вижу идеальную власть.

Рис. 4. Представление об идеальной власти

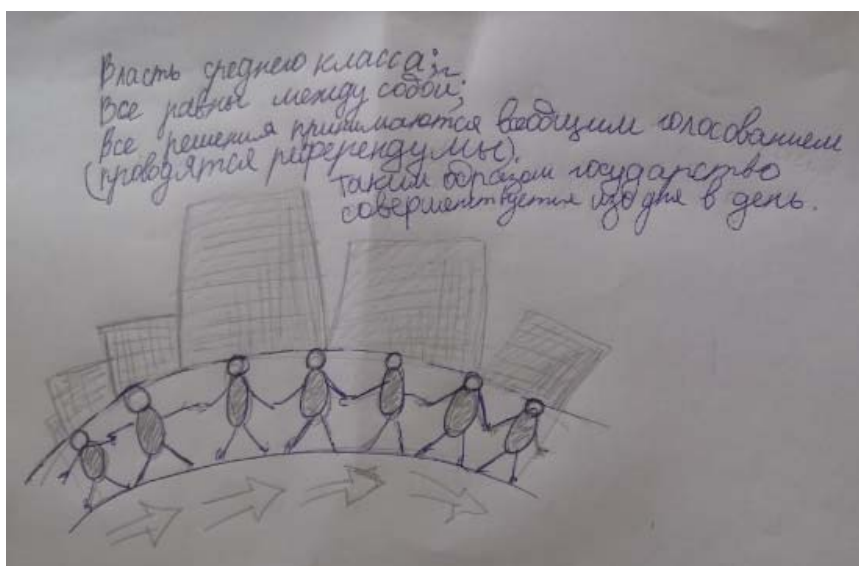

Рис. 5. Представление власти среднего класса

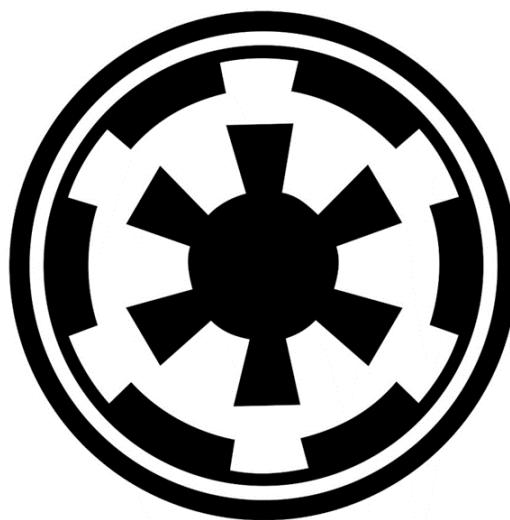

Рис. 6. Идеальная власть Империи из «Звездных войн»

Рис. 7. Представление идеальной власти

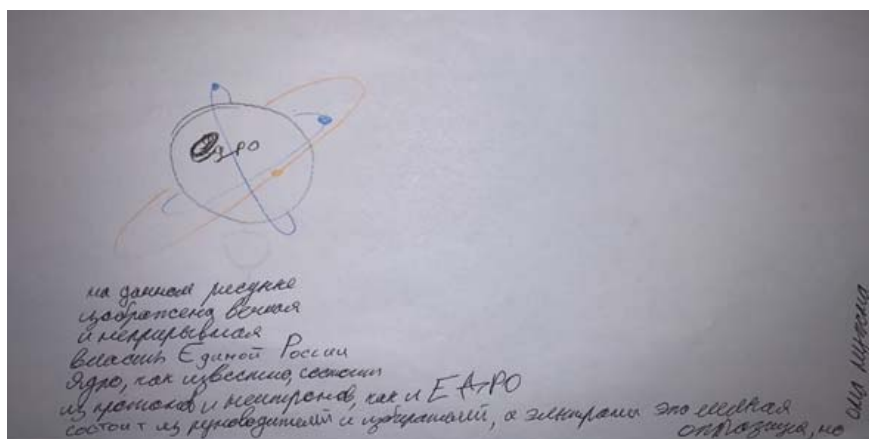

Рис. 8. Представление вечной и непрерывной власти «Единой России»

Выводы

Проведенное нами эмпирическое исследование образов идеального будущего показало следующее:

– Как мы и ожидали, политическое поведение граждан определяют, прежде всего, **объективные факторы**: политические решения власти, высказывания и действия лидеров и элит, значимые для общества события, весь тот политический контекст, который слу-

жит стимулом и активизирует политические действия людей.

– Подтвердилась наша гипотеза о том, что ситуативный фактор (пандемия) может выявить наиболее глубинные нормативные представления людей о власти. Сам этот необычный контекст восприятия усилил влияние наших традиционных ценностей, представлений и идеалов, заложенных в российской политической культуре.

– Однако простая бихевиористская формула «стимул-реакция» применительно к такому сложному виду человеческой деятельности, как политика, не применима в чистом виде. Полученные нами данные подтвердили, что кроме непосредственных реакций на действия властей и события и наряду с ними наше поведение и сознание в политике определяют и куда более глубокие и долгосрочные причины, которые связаны с теми идеальными представлениями, ценностями и архетипами, многие из которых не осознаются гражданами. Эти идеальные представления носят нормативный характер и служат эталоном в их оценке реальных институтов и власти.

– Среди множества нормативных представлений особую роль играют наши представления и образы будущего, которые выполняют роль своего рода акцептора действия², упреждая и настраивая поведение в настоящем.

– Подтвердилась наша гипотеза о важности нормативных представлений о власти, которые составляют неотъемлемую часть образа будущего. Этот вывод подкрепляет теоретический тезис о власти-центрическом характере нашей политической культуры. Власть не просто включена в картину будущего, она является его обязательной частью. Число респондентов, которые считают власть необходимой частью нашего социального устройства, составляет более 86%. Это не означает, что реальная власть всем нравится. Около половины опрошенных считают, что в будущем она должна стать более профессиональной, менее коррумпированной, что ей нужны кардинальные изменения. Есть и те, кто эти изменения трактуют как кардинальную смену режима и персонального состава власти. Но, тем не менее, в некоем идеальном будущем подавляющее большинство (74,9%) оценивают власть в позитивных тонах и не принимают анархистского тезиса о ее ненужности.

– Образы будущего, как показали наши данные, также находятся под сильным влиянием **субъектного фактора**. Психологическое состояние общества и особенно такие его характеристики, как неудовлетворенные потребности и доминирующие ценности, формируют образы будущего в целом и образы идеальной власти в частности.

– В восприятии будущего для себя и своих близких, как и будущего своей страны, есть как рациональные, осознанные, так и неосознаваемые пласты представлений. Неосознаваемые компоненты образов власти представляют особый интерес, так как они являются резервуарами тех архетипических, глубинных представлений респондентов, которые уходят корнями в нашу традиционную политическую культуру и формируют наиболее устойчивые образцы и эталоны, с которыми они сравнивают реальную картину настоящего и представления о будущем. Образы будущего во многом являются отражением этих глубинных структур сознания.

– Полученные нами данные показывают, что за последние годы произошла существенная трансформация нормативных представлений о функциях власти, о ее обязательствах перед обществом. Так, в настоящее время, как это ни парадоксально звучит, снизился запрос граждан к власти по решению их фи-

нансовых и других материальных проблем. Они их научились решать сами без участия государства. На рациональном уровне эти запросы по-прежнему звучат. Но на неосознаваемом уровне восприятия власти доминирует другая потребность – потребность в любви, уважении и заботе о гражданах. Граждане хотят видеть в будущем власть, которая *«повернется лицом к народу»*. Неудовлетворенность этой потребности ведет к росту политического недоверия, абсентеизму и эскапизму (так, 5% опрошенных не видят себя в будущем гражданами России и планируют эмигрировать).

– Образы идеальной власти выявили ряд архетипических представлений нормативного характера, которые определяют восприятие реальной власти и лидеров и составляют *ядро* массового политического сознания российского общества. К ядру относятся, например, представления о целостной, неделимой и сакральной природе власти, которая составляет важную часть образов будущего. В свете этого не удивительно, что образ исполнительной власти не только в настоящем, но и в будущем воспринимается как более важный, чем образ законодательной и, еще более, судебной власти. Столь же неорганичной в нашей традиции видится опрошенными и оппозиция, которую (особенно на неосознаваемом уровне) они считают искусственной и «ненастоящей». Тот же тип восприятия был выявлен и в отношении многопартийности, выборности органов власти и других идей, заимствованных официальным российским политическим дискурсом в последние тридцать лет. На рациональном уровне они признаются респондентами необходимыми. Но на неосознаваемом уровне их нужность вызывает у респондентов сомнение.

– Новые представления и понятия, нередко заимствованные из других политических культур, составляют *периферическую часть* нормативных представлений. Так, в этот слой нормативных представлений о власти входят недавно взятая на вооружение идея разделения властей, конкуренция различных групп элит и партий, многопартийность и пр.

– Таким образом, структура образов власти и образов будущего выглядит весьма неоднородной и мозаичной. Преобладают, как и тридцать лет назад, глубокие традиционные представления и образы, но и более новые, не во всем органичные нашей политической традицией представления уже проникли в сознание общества и закрепились там, по крайней мере, на вербальном уровне. На поведенческом уровне они усвоены намного слабее. Поэтому наши респонденты, например, не готовы отказаться от выборности власти, многопартийности и других заимствованных политических установлений, ставших частью официального дискурса и закреплённых в Конституции. Но при этом наши граждане плохо понимают, зачем России они нужны. Поэтому и воспринимаются многие такие политические установления как ненастоящие, необязательные и непонятные. Так, на рациональном уровне опрошенные повторяют тезисы о необходимости оппозиции, сменяемости власти и других атрибутов демократии. Но эти представления и ценности, носят поверхностный и периферийный для них характер и в кризисной ситуации могут быть замещены

более глубинными ментальными структурами, которые к тому же слабо осознаются самими людьми.

– Ряд политических ценностей также имеет нормативный характер и определяет смысловые компоненты образов власти, которые непременно должны, по мнению граждан, присутствовать в картине будущего. Речь идет о ценностях и нормах равенства, справедливости, силы и заботы. Так, опрошенные убеждены, что власть, прежде всего, должна заботиться о гражданах (42,5%), быть честной и справедливой (20,3%) и отличаться при этом силой (12,1%).

– В силу взаимообусловленности идеальной и реальной власти в процессе восприятия, характеристики первой компенсируют то, чего не хватает второй. Поэтому соотношение их образов позволяет лучше понять именно реальную власть. Граждане в последнее десятилетие, как и раньше, плохо представляют себе, как устроена реальная власть, какие институты и органы за что отвечают, как они функционируют и каковы результаты их деятельности. Категория власти для людей непрозрачна. Для них она – абстракция, не наполненная серьезным содержанием. В то же время образ идеальной власти более четок и когнитивно богат. Это значит, что граждане хорошо понимают, чего им ждать от власти и чего они от нее хотят.

– Эмоциональный знак в оценках и реальной, и идеальной власти хотя и не совпадает, но именно эмоциональные оценки играют ключевую роль в восприятии. Вполне ожидаемо образ идеальной власти наделен позитивными характеристиками, тогда как образ реальной власти носит в лучшем случае нейтральный, а в подавляющем большинстве – резко негативный характер. Смысловое наполнение образов реальной власти связано с ее неэффективностью, нечестностью, несправедливостью, в то время как идеальная власть лишена подобных коннотаций. Таким образом, анализ содержания образов власти двух типов подтверждает общую теоретико-методологическую посылку нашей исследовательской модели: в образ идеальной власти граждане вкладывают те характеристики, которых, по их мнению, недостает власти реальной.

– Подтвердилась наша гипотеза, касающаяся компенсаторной роли, которую играют образы идеальной власти в ситуациях растущей неопределенности. Как мы и предполагали, пандемия 2020 г. (а наше исследование проходило в октябре–ноябре 2020 г.) сделала идеальные образы более четкими и когнитивно богатыми, чем неопределенные и нечеткие образы реальной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Та часть исследования, в которой анализируются идеальные образы лидеров, обсуждается в: [16. С. 166–181].

² Акцептор действия Большая психологическая энциклопедия определяет как «модель будущего результата действия – “информационный эквивалент результата”, извлекаемый из памяти в ходе принятия решения, – его “отражение опережающее”, с коим затем сливаются параметры реально выполненного действия» [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы Психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
2. Желтикова И.В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-11
3. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam. London ; New York : Elsevier Scientific Pub. Co., 1973. 320 p.
4. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 14–28.
5. Леонтьев Д.А. Эталонный образ в контексте психосемантического брэндинга // Реклама и жизнь. 2000. № 1.
6. Moscovici S. The history and actuality of social representations // The psychology of the social / ed. by U. Flick. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 209–247.
7. Лейенс Ж.-Ф., Дарден Б. Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии : пер. с англ. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 128–155.
8. Markova I. Dialogicality and social representations. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 224 p.
9. Неклесса А.И. Борьба за будущее. Методологические и прогностические аспекты цивилизационной конкуренции // Век Глобализации. 2020. № 4. С. 3–19.
10. Задорин И.В., Мальцева Д.В., Петухов В.В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2 (81). С. 124–157.
11. Добромелов Г.В. Размышления по итогам проекта «Идеальная Россия? Представь!» // Открытое мнение: официальный сайт Независимого содружества социологов. URL: https://openopinion.ru/ideal_russia_imagine (дата обращения: 28.03.2020).
12. Шестопал Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2016. № 2. С. 7–20.
13. Шестопал Е.Б. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. М. : Весь Мир, 2019. 656 с.
14. Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. New York : Prentice-Hall, 1954. 466 p.
15. Renshon S. Handbook of Political Socialization. Theory and Research. New York : Free Press, 1977. 547 p.
16. Шестопал Е.Б., Порач Н.Н. Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 166–181.
17. Акцептор действия // Большая психологическая энциклопедия. URL: https://psychology.academic.ru/93/акцептор_действия (дата обращения: 07.01.2021).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 16 февраля 2021 г.

Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 99–112.

DOI: 10.17223/15617793/464/12

Elena B. Shestopal, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shestop0505@rambler.ru

Keywords: image of future; normative concepts of authorities; real and ideal images of authorities; possible and desirable images.

The study is supported by the Russian Foundation for Fundamental Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31369 “Image of an Ideal Future: Russians' Normative Concepts of Authorities, Political Institutions and Leaders”

The study analyses citizens' normative concepts of authorities. The concepts serve as reference for comparing real authorities with their ideal counterpart. Images of ideal authorities have a complicated psychological structure connected with archetypes of national political culture. This defined the set of research instruments that include: focused interviews, semantic differential method, projective methods (associative test, method of unfinished sentences, drawing test “Ideal Authorities”), and some others. The sample included 450 respondents from 20 regions. The study has shown the following. Besides immediate reactions to the authorities' decisions and particular events, political behavior and mentality are also determined by deeper factors connected with ideal representations, values and archetypes that serve as references for citizens in their evaluation of real authorities. Images of the future play the role of an action acceptor preempting and tuning people's behavior in the present. The absolute majority of the respondents (86%) believe that authorities are an intrinsic part of our social design. This does not mean that real authorities are so attractive for them. But in some ideal future the overwhelming majority (74.9%) evaluate authorities positively. The author's data show that in recent years normative representations of authorities have essentially transformed in Russia. Citizens revised their expectations from authorities. On the unconscious level of authorities' perception, the need for love, respect and care about people dominates over material needs. Lack of this need's satisfaction causes the growth of political distrust, absenteeism and escapism. A number of archetypical representations in the images of ideal authorities have been revealed; these representations – of an integral, indivisible and sacred nature of authorities – constitute the core of Russian mass political mentality. The respondents do not share the idea of division of power into different branches or levels and their checks and balances. Executive power dominates the legislative and judicial ones not only in the present but also in the image of the future. Opposition seems to be equally incompatible with our tradition and is seen as artificial and “fake”. This attitude also concerns many other concepts of contemporary official political discourse. They are formally recognized but on unconscious level are called into question. New “democratic” norms and values constitute the peripheral part of political mentality. This layer of normative representations of authorities includes the ideas of power separation, the competition of elite groups and parties, the multiparty system etc. Thus, the structure of the images of authorities looks very heterogeneous and mosaic. Traditional representations and images dominate in it, but new ones have already penetrated mass mentality and gained a foothold in it though our citizens cannot understand why they need these images. These peripheral representations in the case of a crisis can be replaced by deeper and more authentic mental structures.

REFERENCES

1. Nestik, T.A. (2014) Kollektivnyy obraz budushchego: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prognozirovaniya [Collective image of the future: socio-psychological aspects of forecasting]. *Voprosy Psikhologii*. 1. pp. 3–13.
2. Zheltikova, I.V. (2013) F. Polak's concept “the image of the future”. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*. 3 (23). (In Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2013-3-11
3. Polak, F. (1973) *The Image of the Future*. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam. London; New York: Elsevier Scientific Pub. Co.
4. Zinchenko, Yu.P. & Pervichko, E.I. (2014) Kollektivnyy obraz budushchego: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prognozirovaniya [The collective image of the future: socio-psychological aspects of forecasting]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 14–28.
5. Leont'ev, D.A. (2000) Etalonnnyy obraz v kontekste psikhosemanticheskogo brendinga [The reference image in the context of psychosemantic branding]. *Reklama i zhizn'*. 1. pp. 27–32.
6. Moscovici, S. (1998) The history and actuality of social representations. In: Flick, U. (ed.) *The Psychology of the Social*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 209–247.
7. Leyens, J.P. & Dardenne, B. (2001) Osnovnye kontseptsii i podkhody v sotsial'nom poznanii [Basic concepts and approaches in social cognition]. In: Houston, M., Strebe, V. & Stephenson, J.M. (eds.), *Perspektivy sotsial'noy psikhologii* [Perspectives of Social Psychology]. Translated from English by A.I. Mirer et al. Moscow: EKSMO-Press. pp. 128–155.
8. Markova, I. (2003) *Dialogicality and Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Neklessa, A.I. (2020) The Struggle for the Future. Methodological and Prognostic Aspects of Civilizational Competition. *Vek Globalizatsii – Age of Globalization*. 4. pp. 3–19. (In Russian). DOI: 10.30884/vglob/2020.04.01
10. Zadorin, I.V., Mal'tseva, D.V. & Petukhov, V.V. (2016) Russian Society – 2020: Expert Vision of the Future. *Politika. Analiz. Khronika. Prognoz – The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2 (81). pp. 124–157. (In Russian).
11. Dobromelov, G.V. (2018) Razmyshleniya po itogam proekta “Ideal'naya Rossiya? Predstav'!” [Reflections on the results of the project “Ideal Russia? Imagine! “]. *Otkrytoe mnenie: ofitsial'nyy sayt Nezavisimogo sodruzhestva sotsiologov* [Otkrytoe Mnenie: Official Site of the Independent Commonwealth of Sociologists]. [Online] Available from: https://openopinion.ru/ideal_russia_imagine. (Accessed: 28.03.2020).
12. Shestopal, E.B. (2016) Images of the future in Russian society as a factor in political development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2. pp. 7–20. (In Russian).
13. Shestopal, E.B. (2019) *Vlast' i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan* [Power and Leaders in the Perception of Russian Citizens]. Moscow: Ves' Mir.
14. Rotter, J.B. (1954) *Social Learning and Clinical Psychology*. New York: Prentice-Hall.
15. Renshon, S. (1977) *Handbook of Political Socialization. Theory and Research*. New York: Free Press.
16. Shestopal, E.B. & Rogach, N.N. (2020) Representations of an “Ideal” as a Factor of the Perception of a Political Leader in Reality. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 166–181. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.12
17. Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya [Great Psychological Encyclopedia]. (1998) *Aktseptor deystviya* [Acceptor of action]. [Online] Available from: https://psychology.academic.ru/93/aktseptor_deystviya. (Accessed: 07.01.2021).

Received: 16 February 2021

ИСТОРИЯ

УДК 93/94: 005.591.452(574)(045)

Г.А. Алтыспаева

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКМОЛИНСКОГО УЕЗДНОГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВ (1917–1922 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан по программе Государственных научных стипендий. Приказ министра образования и науки РК № 672 от 06 декабря 2018 г.

На основе анализа ранее неиспользованных архивных источников изучены и обобщены основные направления деятельности Акмолинского уездного Союза кооперативов в 1917–1922 гг. Анализируется деятельность кооперативов конкретного микрорегиона: численный состав, организационное построение и управление, промышленное производство, финансовая и социальная политика, культурно-просветительская деятельность Союза. Обоснована роль уездного Союза кооперативов в развитии экономических связей в регионе и выходе крестьянских хозяйств уезда на общероссийский рынок.

Ключевые слова: Акмолинский уезд; Союз кооперативов; сельские кредитные товарищества; региональные исследования; Союз Степных кооперативов.

Введение

Регионализация исторического дискурса развития кооперативного движения в России относится к актуальным проблемам, поскольку позволяет обозначить особенности кооперации на окраинах империи, обусловленные особенностями их социально-экономического развития. Опыт общероссийской кооперации в переходный период 1917–1922 гг. был бы неполным без обобщения опыта региональных исследований по тематике. Проблема статьи – история кооперативного движения в одном из регионов степного Казахского края. Автор ставит цель выявить основные характеристики деятельности Акмолинского уездного Союза кооперативов (АУСК), его торгово-хозяйственную, культурно-просветительскую деятельность в местном социуме, роль и место в региональном и общероссийском кооперативном движении.

В 1917 г. Акмолинский уезд входил в состав одноименной области. Территория уезда составляла 214 164 квадратных верст, население – 340 033 человек, из них оседлого – 121 602, кочевого – 18 431 человек. По национальному признаку население уезда состояло из русских, казахов, татар, сартов (узбеков. – А.Г.), евреев и цыган. В состав уезда входили 33 русских волости, насчитывавшие 232 села, 49 киргизских волостей, включавших 302 административных аула. Административным центром уезда был г. Акмолинск. Ближайшая к административному центру граница уезда – северная – располагалась на расстоянии 150 верст от Акмолинска, восточная – 250 верст, западная – 600 верст, южная граница, наиболее удаленная, на расстоянии 1 050 верст от административного центра [1. Л. 257].

Методологической основой статьи являются работы идеологов русской кооперации, их оригинальные концепции кооперативного движения как массового социального явления: М.И. Туган-Барановского [2], А.В. Чаянова [3], В.Ф. Тотомианца [4], С.Н. Прокоповича [5]. В основу исследования положен принцип историзма, в соответствии с которым исторические

процессы и события изучались в хронологической последовательности, в контексте экономической и общественно-политической ситуации в регионе. В работе с историческими источниками и литературой применялись методы анализа, сравнения, обобщения. Применение конкретно-исторических методов (проблемно-хронологического, сравнительно-исторического и статистического) обусловлено характером источниковой базы статьи.

Источниковая база исследования – архивные материалы из Ф. 278 – «Акмолинский уездный Союз кооперативов» государственного архива г. Нур-Султан, в котором выявлен комплекс делопроизводственных документов: служебная переписка, протоколы и стенограммы совещаний, текстовые годовые и квартальные отчеты руководства Союза о деятельности, финансовые отчеты, письма-обращения в Союз из других организаций и учреждений. Были изучены нормативные документы Союза (Устав, положения), протоколы и стенограммы собраний уполномоченных, заседаний правлений, отделов и подотделов Союза кооперативов. Информативны как источники доклады правления о работе уездного Союза кооперативов за разные временные отрезки. Несмотря на отсутствие первичных данных обо всех кооперативах Акмолинского уезда, используемая источниковая база вполне репрезентативна для воссоздания хозяйственной и культурно-просветительной деятельности АУСК в переходный период 1917–1922 гг.

История кооперативного движения, как наиболее широкого и массового социального движения, всегда вызывала интерес исследователей. Применительно к обозначенной тематике для научно-теоретического осмысления проблем развития кооперации в 1917–1922 гг. на региональном уровне научное значение имеет обращение к опыту изучения кооперативного движения в Сибири. Обусловлено это не только географической близостью и единством пространственно-территориальной составляющей регионов, но и общностью исторических процессов хозяйственного освоения края в предреволюционный и послереволю-

ционный периоды истории. История сибирской кооперации нашла отражение в работах Н.Ю. Пивоварова [6], В.В. Аксарина [7], Б.В. Иванова [8], В.К. Алексеевой [9], А.А. Николаева [10], А.В. Чичулина [11], А.А. Гаврилова [12], М.В. Гузик [13], А.Н. Макеева [14] и других авторов.

В работах авторов на основе архивных данных освещается широкий круг вопросов деятельности кооперативов в Сибири в конце XIX – начале XX в.: правовое положение, организационная структура и система управления, союзное строительство, кадровый состав, объемы и динамика внутренней и внешней торговли, финансовая политика, культурно-просветительская деятельность. Н.Ю. Пивоваров подробно характеризует всестороннюю деятельность крупнейшего кооперативного союза Сибири – Закупсбыта. Вывод автора о том, что деятельность Закупсбыта была успешной, несмотря на чрезвычайные условия Гражданской войны, вполне обоснован и объективен.

Вопросы союзного строительства, культурно-просветительской деятельности кооперативных организаций Сибири нашли разработку в работах М.В. Гузик, В.К. Алексеевой. Исследователь А.А. Гаврилов, кроме общих проблем деятельности кооперативов (организация союзов, финансовая политика, социальный состав, организационное построение), актуализирует проблему участия в кооперации коренного населения Сибири. Взаимоотношения кооперативных организаций с органами советской власти в переходный период рассматриваются исследователями Б.В. Ивановым, А.Н. Макеевым. Устойчивый интерес исследователей к проблеме развития досоветского кооперативного движения обусловлен не только значимостью кооперации в социально-экономическом развитии страны, но и тем, что кооперация была одним из немногих социальных институтов общества, которая даже в годы кардинальной социально-экономической и политической модернизации категорично не отвергалась и не разрушалась большевиками в силу своей экономической и социальной эффективности.

Создание уездного Союза кооперативов и его организационное построение

Акмолинский уездный Союз кооперативов начал свою деятельность 21 августа 1917 г. по инициативе бывшего инспектора мелкого кредита О.В. Толстикова. Создание его обусловлено было общей тенденцией роста кооперативного движения в Российской империи, в том числе и на окраинах страны. 20 марта 1917 г. Временное правительство приняло «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» – первый кооперативный закон России. Положение и принятые в дополнение к нему законы значительно упростили открытие кооперативов, создали условия для их объединения в союзы на местном, региональном и национальном уровнях, обеспечили их деятельность на демократических принципах. Численность кооперативов в стране быстро увеличивалась.

На начальном этапе в Акмолинский уездный Союз кооперативов входило небольшое количество «дея-

тельных лиц» и кооперативов. Его учредителями были восемь сельских кредитных товариществ (Ново-Георгиевское, Графское, Софиевское, Александровское, Рождественское, Семеновское, Харьковское и Воздвиженское) и три сельских потребительских общества: Рождественское, Ново-Георгиевское, Семеновское [15. Л. 257–259]. В последующие месяцы Союз расширил географию своей деятельности, объединяя как уже существующие, так и создаваемые в уезде по инициативе Союза новые кооперативные организации. Кроме потребительских и кредитных товариществ в уездном Союзе состояли также ссудо-сберегательные товарищества уезда. В общей сложности Союз объединил более двухсот кооперативов, хотя, как признавало руководство Союза, «не все существуют официально» [16. Л. 13]. Первая и главная цель Союза состояла в том, чтобы снабдить население уезда товарами первой необходимости и организовать потребительские общества в уезде.

К началу 1918 г. АУСК объединял в своем составе 103 потребительских общества, 15 кредитных товариществ, два ссудо-сберегательных товарищества (Санниковское, образованное в 1913 г., Таволжанское, созданное в 1915 г.) и одно культурно-просветительское общество – Ново-Рыбинское, основанное в 1919 г. Общее число членов насчитывало 27 657, общее количество человек (душ) – 103 976 [17. Л. 24].

Большей популярностью у сельского населения Акмолинского уезда пользовались потребительские общества, которые отличались по объемам капитала и числу членов в них. Самыми крупными были: Ново-Рыбинское общество, насчитывавшее 436 членов (2 456 чел.), Кок-Узекское – 402 члена (803 чел.), Семеновское – 590 членов (4 126 чел.). Самые маленькие, как, например, Общество потребителей служащих и рабочих Акмолинской сельскохозяйственной школы, насчитывало 27 членов (103 чел.) [17. Л. 20].

Кооперативы обслуживали 255 переселенческих сел Акмолинского уезда, в которых проживало в общей сложности 34 420 семей, более 114 тыс. человек [18. Л. 21]. По времени основания большинство кооперативов было создано в 1918–1919 гг. Кредитные товарищества появились несколько раньше. Так, в 1912 г. было создано Оксановское кредитное Товарищество, Воздвиженское и Вишневское. В 1913 г. начали свою деятельность Таганрогское, Журавлевское, Рождественское, Графское, Алексеевское и Ново-Рыбинское товарищества. В 1914 г. появились Ново-Георгиевское, Больше-Михайловское, Воздвиженское, Семеновское. Позже других в 1916 г. было открыто Никольское. Кредитные товарищества обслуживали по несколько сел: от 6 до 12 [17. Л. 26]. Кредитные кооперативы обслуживали, в основном, хозяйства крестьян-переселенцев и казачества.

Систему управления Союзом кооперативов, его организационное построение, правила деятельности, функциональные обязанности и условия работы служащих АУСК характеризуют нормативные документы, на основе которых строилась работа Союза: Устав Союза, положение о секретариатах, положение об инструкторской коллегии, положение о служащих.

Устав Союза разрабатывался по примеру уже существующих в Акмолинской губернии кооперативных союзов. Первый вариант Устава не был зарегистрирован в окружном суде в связи с политическим кризисом «по случаю захвата власти большевиками» [16. Л. 12]. Утверждение вновь выработанного Устава Акмолинского уездного Союза кооперативов происходило не просто. Спор разгорелся вокруг пункта 86 Устава, предусматривающего отчисление 5% из прибыли кооперативов на улучшение быта служащих. Члены Союза посчитали его высоким, и, в конечном счете, проголосовали за 3% [18. Л. 29–29 об.].

В правление Союза состояли три члена, председатель О.В. Толстиков, а также уполномоченные в количестве 15 человек. Кроме того, Союз имел штат инструкторов, занимавшихся работой по формированию организационного построения системы уездной потребительской кооперации.

При Союзе работала ревизионная комиссия, выполнявшая функции контрольного органа. Ее задачи заключались в постоянном наблюдении за ведением дел Союза, проведении ревизий отчетов и делопроизводства правления, а также в исполнении других обязанностей, возложенных на него общим собранием. Состав, порядок избрания, срок полномочий и компетенция ревизионной комиссии устанавливались Уставом Союза.

Положение о служащих представляло собой своего рода соглашение между коллективом служащих и правлением Союза. К категории служащих относились все постоянные работники Союза. В Положение оговаривались приемы и увольнения служащих, рабочее время, заработная плата и установление штатов, медицинская помощь, внутренний распорядок работы служащих. При приеме на работу служащих устанавливался двухмесячный испытательный срок, в течение которого соискатель получал на 1/8 меньше полагающегося штатного оклада [19. Л. 9–12]. Положение регламентировало рабочее время, сверхурочные рабочие часы не допускались. Выходными днями были: воскресенье, день международного пролетарского праздника 1 мая, 1 и 6 января, 2 февраля, 25 марта, праздник Вознесение Господне, 9 мая, Троица, субботний день страстной недели, 4 дня Пасхи, субботний день на Масленицу. Служащим других вероисповеданий также предоставлялось право не выходить на работу в «некоторые наиважнейшие дни своих праздников», но не свыше 7 дней в течение года. Служащие имели право на ежегодный месячный отпуск с сохранением содержания. Женщины освобождались от работы с сохранением содержания за 4 недели до родов и в течение 6 недель после родов. В параграфе 19 Положения оговаривались условия по болезни служащих. В случае болезни за служащими сохранялось содержание за 6 месяцев: 3 месяца — полностью, 3 месяца — половина месячного оклада. В случае невозможности работы по болезни, служащий лишался права на службу и увольнялся, получая единовременное пособие в размере трех месячных окладов. Наблюдала за действием данного положения смешанная комиссия, специально созданная для решения спорных вопросов.

Положение об инструкторском отделе определяло не только задачи и обязанности инструкторов, но и порядок работы по формированию организационного построения всей системы уездной потребительской кооперации [19. Л. 17–20]. В задачи и обязанности инструктора входила устная и письменная пропаганда кооперативных идей среди населения, содействие в организации всех видов кооперативов. С этой целью давались консультации по вопросам теории и практики кооперации и кооперативного строительства. Инструкторы обязаны были оказывать помощь кооперативным работникам по технике торговли, производству, сбыту продуктов, по ведению счетоводства и проведению в жизнь культурно-просветительских и других мероприятий.

Инструкторы осуществляли ревизию дел кооперативных организаций, входящих в уездный Союз, вели подготовку кооперативных работников путем организации лектории и специальных курсов. Они же руководили работой стажеров. Сотрудники инструкторского отдела занимались организацией и проведением сельскохозяйственных выставок, сбором экспонатов для выставок, инструкций и печатных изданий, относящихся к деятельности потребительских обществ и других видов кооперативных объединений. Инструкторы совершали круговые и спорадические объезды кооперативных обществ, входящих в состав Союза. В целом сотрудники инструкторского отдела проводили большую работу по организационному построению и продвижению системы потребительской кооперации в уезде.

Хозяйственная деятельность Союза

На начальном этапе своей деятельности, не обладая собственными средствами, Союз приступил к приему паевых и членских взносов, а также вкладов членов Союза, частных лиц и учреждений. Средства переводились районному Союзу для закупки товаров. Районный союз объединял четыре уездных союза: Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский и Петропавловский. Членами правления состояли представители вышеуказанных союзов.

Как отмечали сами члены Союза, несмотря на то, что «Союз родился в лихую годину Государственной разрухи», уже с первых дней работа его была направлена на объединение и поддержку потребительских обществ» [16. Л. 10–12]. Союз помогал потребителям покупать товары крупными партиями по более низким ценам, обеспечивая, таким образом, население уезда товарами массового спроса. В 1917 г. была произведена закупка товаров первой необходимости, но ввиду полного отсутствия колесного и санного пути, получить закупленный товар в полном объеме не удалось, поэтому товары стали поступать в начале 1918 г. Акмолинский уезд отличался территориальной разбросанностью, что осложняло своевременную доставку товаров. Ближайшая к городу железнодорожная станция находилась в г. Петропавловске, на расстоянии 500 км от Акмолинска. На юге уезда, на расстоянии 350 верст от Акмолинска, начиналась труднопроходимая голодная степь. Она

протянулась на 600 верст, а за ней, еще дальше от административного центра, располагались отдаленные волости Акмолинского уезда [15. Л. 211]. В условиях территориальной отдаленности от промышленных и торговых центров, неразвитости транспортной инфраструктуры в Казахском крае кооперативная деятельность Союза имела важное значение для местных производителей.

С первых месяцев деятельности Акмолинский Союз приступил к созданию собственного промышленного капитала. Из средств Союза отчислялся капитал для создания при Союзе промышленных предприятий. По результатам полученной прибыли на промышленный капитал за 1918 г. Союз ассигновал 200 тыс. руб. «для образования при Союзе возможных промышленных предприятий и приобретение имущества для них» [16. Л. 13]. На общем собрании членов Союза было принято решение о постройке двух заводов (мыловаренного и кожевенного) и приобретении недвижимости: магазинов, складов, типографии, жилых помещений. Ранее на свою первую прибыль от промышленного капитала по итогам 1917 г. Союз кооперативов приобрел чугунолитейную, механическую, ремонтную и пимокатную мастерские [16. Л. 42]. Ревизионная комиссия Союза произвела осмотр и дала положительное заключение относительно технического состояния предприятий. Предприятия были небольшие по размерам; в чугунолитейной мастерской работали 16 человек, в механической мастерской – 22, в пимокатной – 72 человека [16. Л. 44]. С покупкой небольших предприятий Союз наладил производство простейшей промышленной продукции, удовлетворяя, таким образом, потребности местного населения.

Хозяйственная деятельность Союза, как следует из источников, успешно развивалась и постепенно набирала обороты. Согласно финансовому отчету за 1917–1918 гг., сумма прибыли на начальном этапе становления Союза, за четыре месяца (с августа по декабрь) операционного 1917 г., составила всего 18 737 руб. 11 коп., а общая сумма прибыли за весь 1918 г. – уже 206 494 руб. 56 коп. [16. Л. 8–8 об.]. Для сравнения приводим данные о прибыли других региональных союзов кооперативов. Павлодарское товарищество кооперативов, возникшее ранее Акмолинского (оно работало с 29 февраля 1916 г.) и объединявшее в своем составе в 1917 г. 133 потребительских общества и 38 артельных лавки на территории Павлодарского и Иртышского уездов Семипалатинской области, имело прибыль на 1 июля 1919 г. 199 958 руб. 93 коп. [20. Л. 34]. Алтайский горный Союз кооперативов в г. Бийске, созданный в мае 1916 г. и на 1 января 1918 г. включавший 148 потребительских общества и девять маслодельных артелей, имел за 1918 г. чистую прибыль 236 566 руб. 72 коп. [20. Л. 54–54 об.]. Прибыль Союза Сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» за 1917 г. составила 188 932 руб. 35 коп., а за 4 месяца (на 1 мая 1917 г.) – 49 914 руб. 02 коп. [20. Л. 50]. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что Акмолинский уездный Союз кооперативов, образованный позже других региональных уже в условиях политического хаоса и нестабильности, тем не менее, работал вполне эффективно.

В годы Гражданской войны 1918–1920 гг. Акмолинский уездный Союз кооперативов продолжать действовать. Учитывая сложную экономическую ситуацию, надвигающийся продовольственный кризис на фоне политического хаоса, Союз предпринимал меры к созданию своего рода «подушки безопасности» для своих членов.

Во-первых, на общем собрании членов Союза было принято решение о покупке кооперативом акций в Московском Народном Банке (МНБ), который стал кредитным центром всех видов кооперации России. В протоколе общего собрания кредитных и ссудосберегательных Товариществ и потребительских Обществ Акмолинского уезда от 28 июля 1918 г. было записано: «...на случай внезапной нужды в деньгах, и чтобы это не ложилось тяжелым бременем на население распределить среди обществ 500 акций Московского Народного банка» [17. Л. 12–13]. Для приобретения акций МНБ было выделено 100 тыс. руб. [16. Л. 8–8 об.]. Во-вторых, было принято решение об отчислении 100 тыс. руб. из сумм прибыли на запасной капитал. В-третьих, решено было производить начисление в объеме 10% на стоимость всех отпускаемых товаров для образования особого страхового капитала [18. Л. 14]. Более того, Союз принимал конкретные меры к тому, чтобы закупленный им товар не попал в руки спекулянтов и перекупщиков, перепродающих его в тридорога. Деятельность Союза была нацелена на удовлетворение потребностей крестьянских хозяйств и формирование цивилизованного рынка в регионе.

В своей деятельности Акмолинский уездный Союз ориентировался на Союз Кооперативных Объединений Западной Сибири «Центросибирь», перенимая опыт последнего. Этому в определенной мере способствовала территориальная близость Акмолинского уезда к регионам Сибири. Организация деятельности уездного Союза строилась по типу и образцу Союза «Центросибирь». Между союзами велась переписка по вопросам регулирования хлебной торговли. С началом политических и социальных потрясений в стране рассматриваемый регион, как и все остальные, был повергнут в экономический хаос. Смена политической власти в феврале, а затем и в октябре 1917 г. сопровождалась изменениями экономической политики. В 1918 г. с началом Гражданской войны «Центросибирь» вел продовольственную политику в соответствии с Постановлением Сибирского временного правительства от 6 июля 1918 г. «О регулировании хлебной торговли». Действие закона Всероссийского Временного правительства от 25 марта 1917 г. о передаче хлеба из ведения местных продовольственных органов в распоряжение государства отменялось.

Акмолинский уездный Союз тоже вел торговлю и закуп товаров в соответствии с указанным Постановлением. Покупка хлеба и фуража у производителей производилась по «вольным ценам». Разрешение на закупку хлеба получали кооперативные объединения, зарегистрированные в надлежащих органах министерства продовольствия. Весь заготовленный хлеб и фураж принимался на учет и подлежал сдаче по ценам «не выше предельных» [21. Л. 8]. Соблюдались не только «предельные» цены на хлеб, но и требования к установленному качеству зерна.

Показатели качества были конкретные; хлеб должен быть доброкачественным, здоровым, не затхлым и не подмоченным, сорность посторонних примесей не должна превышать нормативы, должны быть соблюдены кондиции на заготовку семенного материала.

Если на первых порах уездный Союз кооперативов объединял в своем составе крестьянские хозяйства русских волостей, а кредитные кооперативы обслуживали, в основном, хозяйства крестьян-переселенцев и казачества, то в годы Гражданской войны в кооперативное движение в уезде стало вовлекаться местное коренное население. На общем собрании уполномоченных от кредитных и ссудо-сберегательных Товариществ и потребительских Обществ Акмолинского уезда, проходившем в июле 1918 г., решено было отпускать казахскому населению, наравне с русским, мануфактурный и прочий другой товар [18. Л. 13]. Чтобы казахское население организовано вступало в потребительские общества, правление Союза совместно с инструкторским отделом выработало порядок их вступления.

После окончательного установления советской власти в Акмолинском уезде в конце 1919 г. новые органы управления проявляли интерес к кооперативам. Решением киргизских волостных революционных комитетов («кирволревкомов»), временных органов советской власти в регионах, в Акмолинский уездный Союз кооперативов были назначены грамотные инспектора из числа казахов, владеющие русским языком [15. Л. 211]. Они обязаны были всесторонне освещать нужды казахского населения в части их хозяйственного положения, представлять интересы хозяйств казахских волостей в Союзе. Кроме того, они разъясняли казахам преимущества и выгоды вступления в Союз кооперативов. Широкие массы казахского населения, в особенности беднейшие слои, до этого не принимавшие участия в кооперативном движении, нуждались в разъяснении идей кооперации. Вовлечение казахов в кооперативное движение рассматривалось советской властью как возможность и один из путей преодоления разрушительных последствий Гражданской войны и продовольственного кризиса в уезде. Это обстоятельство свидетельствовало о признании большевиками экономической состоятельности кооперации.

В 1920–1922 гг. Акмолинский уездный Союз кооперативов продолжать свою деятельность В списках служащих Союза числились девять членов правления (Мацегора В. – председатель Союза и восемь членов правления) и 22 служащих, работающих по найму: бухгалтер, сторож, секретарь, специалисты, счетоводы, рассыльный и прочие сотрудники. Работали промышленные предприятия, находившиеся в собственности Союза. Выпускали продукцию чугунолитейная, механическая и пимокатная мастерские, кожевенный завод. В чугунолитейной мастерской трудился 21 человек, в механической мастерской – 23, в пимокатной – 69 человек [22. Л. 17–18 об.].

Социальная и культурно-просветительская политика Союза

Деятельность Акмолинского уездного Союза кооперативов с первых дней основания носила разно-

сторонний характер, не ограничивалась только хозяйственной и коммерческой. Союз проводил активную социальную политику и культурно-просветительную работу в уезде. Руководство Союза последовательно отстаивало и продвигало идеи социальной поддержки малоимущих слоев населения. По его инициативе среди членов правления была открыта подписка для сбора пожертвований в пользу семей воинов, получивших увечья на фронтах Первой мировой войны, а также в пользу возвращающихся военнопленных солдат. Со своей стороны Союз кооперативов своим решением ассигновал 5 тыс. руб. в фонд помощи солдатам, возвращающимся с фронтов и из плена [16. Л. 15]. Вопросами оказания социальной поддержки детям инвалидов войны и сиротам, отцы которых погибли на фронте, занимался Акмолинский уездный «Союз увечных и раненых войной». Дети-сироты находились на полном обеспечении Союза увечных. Они получали воспитание, обеспечивались одеждой, жильем, пищей, получали начальное образование. Но в связи с ростом цен на товары первой необходимости эта задача стала непосильной для Союза увечных. Эту миссию взял на себя уездный Союз кооперативов. Решением общего собрания членов Союза кооперативы отпустили бесплатно Союзу увечных и раненых 340 аршин мануфактурного товара для пошива одежды сиротам и инвалидам, десятки пудов муки, круп, мяса, молочной продукции [16. Л. 19].

Уездный Союз кооперативов особое внимание уделял вопросам подготовки кадров для экономики уезда. Отсутствие профессиональных школ было главной проблемой системы образования в Акмолинской области. В 1916 г. на всю область действовала одна школа в г. Омске, но и она нуждалась в преобразовании. Развивающаяся экономика края нуждалась в специалистах, имеющих профессиональную подготовку. Потребность в них частично компенсировалась открытием при начальных училищах, функционировавших в крупных городах области (Омске, Акмолинске, Петропавловске), профессиональных классов и ремесленных отделений. При Акмолинском мужском высшем училище производилось обучение переплетному мастерству, при Петропавловском женском училище – белошвейному и портновскому мастерству, при Петропавловском мужском училище обучали кузнечно-слесарному делу.

В открытии в уезде классов профессиональной подготовки и ремесленных училищ были заинтересованы гласные городской Думы Акмолинска и члены городской управы, среди которых немало было купцов и предпринимателей. Они неоднократно ходатайствовали перед центральными ведомственными органами о создании в городе профессиональных учебных заведений. Однако эти обращения, поддерживаемые губернатором Акмолинской области, отклонялись вышестоящими органами. Основная причина, тормозившая открытие профессиональных школ и училищ, состояла в отсутствии в уезде квалифицированных преподавателей. Уже на начальном этапе своей деятельности уездный Союз кооперативов по результатам полученной прибыли за 1917 г. выделил 6 062 руб. на открытие в г. Акмолинске технического училища [18. Л. 18].

С началом Гражданской войны многие учебные заведения уезда испытывали проблемы с финансированием и оказались под угрозой закрытия. В их числе была и Акмолинская низшая сельскохозяйственная школа. В июне 1918 г. Союз кооперативов из своих средств оказал финансовую помощь в сумме 20 тыс. руб. сельскохозяйственной школе для содержания учеников на период занятий в течение трех месяцев. Правление Союза кооперативов руководствовалось тем, что школа давала крайне необходимые детям крестьян Акмолинского уезда знания в области сельского хозяйства [18. Л. 21].

Члены Союза кооперативов проявляли заботу в отношении детей беднейших крестьян, не имеющих возможности получить хотя бы начальное образование. Из средств Союза были установлены 40 стипендий в размере 600 руб. в год каждая для детей беднейших крестьян уезда, обучающихся при Акмолинском мужском и женском высших начальных училищах. При этом члены Союза акцентировали внимание на соблюдение социальной справедливости при назначении стипендий: «...обратить строгое внимание на то, чтобы стипендии распределялись исключительно между бедными с учетом семейного положения и состояния их родителей» [18. Л. 18 об.].

Правление Союза кооперативов заботилось о том, чтобы дети крестьян получили хотя бы начальное образование. Они всячески мотивировали и поощряли те общества потребителей, которые брали на себя инициативу открытия в селах народных школ и поддержку народного образования. Ежегодно из своей прибыли Союз ассигновал каждому такому обществу 20 тыс. руб. на открытие и содержание начальных школ и училищ [18. Л. 13].

Кроме проблем с финансированием и слабостью материальной базы учебных заведений уезда, острой в уезде была проблема учительских кадров. Подготовку педагогических кадров для учебных заведений Акмолинской области вели две учительские семинарии в городах Омске и Акмолинске. Этого было крайне недостаточно для региона. Союз кооперативов принял решение оказывать финансовую поддержку Акмолинской учительской семинарии, выделив на ее содержание единовременное пособие в сумме 10 тыс. руб. и 20 стипендий имени уездного Союза кооперативов для воспитанников семинарии – детей крестьян Акмолинского уезда. Размер каждой стипендии составлял 300 руб. [18. Л. 22].

Члены Союза кооперативов заботились о повышении качества подготовки кадров для региона. Решение проблемы качества рассматривалось в контексте использования передового опыта и участия уездного академического сообщества в региональных образовательных форумах. На общем собрании Союз принял решение выделить средства в сумме 3 тыс. руб. для командирования двух представителей от Акмолинского уездного учительского общества на Всесибирский съезд деятелей по народному образованию. В интересах улучшения положения сельских училищ в уезде и расширения их сети было решено также командировать на съезд в качестве представителя от АУСК инструктора С.Ф. Гойдина, выделив для этого

1 500 руб. [18. Л. 14]. Кандидатура С.Ф. Гойдина была выбрана не случайно; ранее он работал учителем и слыл знатоком системы образования.

В соответствии с требованием Устава члены Союза обязаны были проводить «культурно-просветительские мероприятия». Для этих целей при уездном Союзе создали фонды: культурно-просветительный, строительный, для агрокультурных целей, для улучшения быта служащих, для устройства собственных зданий [23. Л. 35]. Агрокультурная деятельность была направлена на то, чтобы содействовать улучшению сельского хозяйства путем организации образцовых хозяйств, опытных и показательных полей, селекционных станций для распространения улучшенного посевного материала, устройства рассадников семенного скота и птицы, обустройства аналитических станций. Из средств фонда производилась покупка породистого скота, сельскохозяйственных машин и сельхозорудий, открывались случные пункты в уездах, создавались специализированные склады. Благодаря этому сельские товаропроизводители улучшали свои агрономические знания, учились эффективно и рационально вести хозяйство. Культурно-просветительный фонд занимался организацией курсов и школ, чтением лекций по актуальным вопросам кооперации, устройством театров, клубов, музеев, библиотек, книжных складов, проведением экскурсий и «других общепользных учреждений».

О.В. Толстиков – организатор кооперативного движения в регионе

Большой вклад в организацию, становление и развитие кооперативного движения в Акмолинском уезде и регионе в целом внес О.В. Толстиков, основатель АУСК. Именно благодаря его энергии и энтузиазму кооперативное движение в уезде успешно развивалось.

В октябре 1917 г. по инициативе Акмолинского уездного Союза кооперативов был создан Союз Степных кооперативов (коротко – Райсоюз), объединивший в своих рядах кооперативные союзы Акмолинской области. Его первыми членами стали представители трех потребительских союзов: Акмолинского, Петропавловского и Кокчетавского. Позже в него вступили еще несколько уездных союзов. Возглавил Райсоюз основатель Акмолинского уездного Союза О.В. Толстиков, как наиболее опытный специалист кооперативного строительства в регионе. В начале 1918 г. он был приглашен на должность председателя Райсоюза. Правление Степного Союза находилось в г. Петропавловске.

Ввиду отъезда О.В. Толстикова на службу в Райсоюз общее собрание АУСК выразило ему «глубокую признательность за понесенный им труд по созданию и организации кооперативов в уезде, оказанию молодой организации своей поддержки и руководству ею» [18. Л. 48]. В целях «запечатления среди крестьянского населения памяти о полезной деятельности О.В. Толстикова на кооперативной ниве» было решено учредить три стипендии имени О.В. Толстикова в Омском среднем сельскохозяйственном училище для

детей беднейших крестьян Акмолинского уезда [18. Л. 23]. Из средств Союза ежегодно выделялись необходимые суммы.

Организуясь в районный Союз Степных кооперативов, участники его ставили задачу объединить в своем составе все виды кооперации в регионе и создать, по выражению О.В. Толстикова, «правомочную организацию, которая могла бы выступать как на российском, так и на зарубежных рынках» [23. Л. 1–1 об.]. Это был шаг в сторону дальнейшего развития кооперации в регионе, объединения уездных союзов, укрупнения капиталов и расширения географии деятельности. Членами его могли быть общества с оборотом не менее 1 млн руб. в год [23. Л. 2–3 об.].

Как опытный практик кооперативного строительства О.В. Толстиков связывал успехи местной кооперации с трансформацией в регион кооперативного опыта центральных регионов страны и уже состоявшихся региональных союзов кооперативов. По его настоянию при разработке устава Союза Степных кооперативов за основу был взят Устав Омского «Союза Западно-Сибирских кооперативов». В Уставе и программе была обозначена главная цель Райсоюза – улучшение материального и духовного благосостояния своих членов [23. Л. 14]. Основное направление деятельности Райсоюза состояло в том, чтобы производить торговые операции по снабжению населения всевозможными товарами как путем оптовых закупок, изготовления их собственными средствами, так и содействовать членам союза в их самостоятельных закупках. Райсоюз осуществлял все операции по сбыту продуктов сельского хозяйства и предметов промышленного производства.

Приоритетным направлением экономической деятельности Райсоюза была организация промышленного производства, связанного с обработкой сырьевых продуктов местной экономики: производство кожи, овчины, шерсти, мясной и молочной продукции. Учитывался характер экономики региона; Акмолинская область была наиболее богатым животноводческим регионом в степном Казахском крае. В первые месяцы существования Райсоюз основал и приобрел в собственность два кожевенных и один шерсточесальный заводы, несколько механических мастерских, спичечную фабрику, типографию. Формируя материальную базу, Райсоюз обзавелся собственными складами, заведениями и отделениями для хранения, купли, продажи и транспортировки товаров. Программа Райсоюза в части развития промышленности региона согласовывалась с промышленной программой Центральных Кооперативных организаций Сибири. На перспективу ставилась задача вхождения Райсоюза в Общесибирский Союз [23. Л. 1 об.].

Анализ отчетов промышленного отдела Райсоюза выявляет неплохую эффективность производств. Если за неполный 1918 г. общая прибыль промышленных предприятий Райсоюза составила 85 499 руб. 60 коп., то за 1919 г. – 485 064 руб. 19 коп. [20. Л. 74–76]. Нарастивали производство кожевенные заводы: в 1918 г. их общая прибыль составила 20 680 руб. 80 коп., в 1919 г. только один кожевенный завод дал чистую прибыль в сумме 106 845 руб. 87 коп. [20. Л. 75]. Не

менее эффективной была деятельность мастерских. В 1918 г. шапошная мастерская получила прибыль в размере 42 110 руб. 82 коп., сапожная мастерская – 40 325 руб. 70 коп., портновская мастерская – 21 433 руб. 53 коп. В следующем 1919 г. прибыль их составила: шапошная мастерская – 130 965 руб. 85 коп., сапожная мастерская – 113 413 руб. 96 коп., портновская мастерская – 27 792 руб. 95 коп. [20. Л. 75–75 об.].

Кроме организации производств Райсоюз, руководимый О.В. Толстиком, оказывал посреднические и агентурные услуги по всем видам транспорта. Товары доставлялись по железной дороге в Петропавловск, главный железнодорожный узел края, а уже оттуда транспортировка грузов в отдаленные степные волости осуществлялось гужевым транспортом.

Для обеспечения финансово-экономической устойчивости и упреждения рисков в рамках Райсоюза практиковалось взаимное страхование для кооперативов. В протоколах правления Райсоюза отмечалось: «Изыскивать для членов оборотные средства, принимать от кооперативных организаций как срочные, так и бессрочные вклады, уплачивать по ним проценты, открывая особые текущие счета вкладчиков» [23. Л. 4–4 об.]. Кроме того, предусматривалось кредитование в Московском банке, приобретение акций МНБ, открытие Московским Народным Банком комиссионерства при Райсоюзе и на местах при уездных союзах.

Заключение

Таким образом, Акмолинский уездный Союз кооперативов, как хозяйственный и организационный центр, содействовал становлению и развитию системы кооперации в уезде. Особенность кооперативного движения в указанном регионе состояла в том, что становление и деятельность Союза происходила в период расцвета кооперации в России, а потому имела возможность использовать наработанный опыт уже действующих, и, соответственно, работать на результативность. В условиях территориальной отдаленности от промышленных центров и неразвитости транспортной инфраструктуры в уезде и регионе уездный Союз кооперативов существенно облегчал производственную деятельность крестьянских хозяйств: обеспечивал связь крестьян с рынком, помогал сбывать продукцию, приобретать средства производства и предметы необходимости, удовлетворял потребности хозяйств в кредитах. Вовлечение казахов-кочевников в кооперативное движение помогало им выживать в условиях экономических и социальных катаклизмов. Несмотря на очень короткий период деятельности, с 1917 по 1922 г., Союз способствовал развитию внутрихозяйственных связей в уезде, внося в хозяйственную деятельность крестьян элементы организованности и коллективизма. Даже в условиях экономических и социально-политических потрясений в стране кооперативное движение в регионе постепенно набирало обороты, в чем немалая заслуга организатора кооперативного движения в регионе О.В. Толстикова.

Социальную политику Союза кооперативов можно рассматривать как наиболее сильную сторону его деятельности. Уже на начальном этапе своего становления, отягощенного кризисом переходного этапа, руководство Союза последовательно отстаивало и продвигало идеи социальной поддержки малоимущих слоев населения уезда. Акмолинский Союз кооперативов осуществлял активную образовательную и культурно-просветительную деятельность, направленную на подготовку

профессиональных кадров для экономики уезда, поддержку и продвижение народного образования и просвещения, что в определенной мере способствовало формированию социокультурной среды региона. Распространение агрокультурных знаний и навыков среди товаропроизводителей, в конечном счете, способствовало повышению урожайности зерновых и продуктивности скота, насыщению регионального рынка недорогой сельскохозяйственной продукцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив г. Нур-Султан (ГАГН). Ф. 250. Оп. 1. Д. 16.
2. Туган-Барановский М.Т. Социальные основы кооперации. М. : Экономика, 1989. 496 с.
3. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М., 1927. 338 с.
4. Тотомианц В.Ф. Теория, история и практика потребительской кооперации. СПб. : Изд. М.В. Кечеджи-Шаповалова, 1913. 359 с.
5. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. СПб. : Изд. Е.Д. Кусковой, 1903. 243 с.
6. Пивоваров Н.Ю. Организация и деятельность Союза сибирских кооперативных союзов (Закупсыбыта) в апреле 1916 – феврале 1920 года : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 264 с.
7. Аксарин В.В. Деятельность кооперации на Севере Западной Сибири в 1917–1940 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2006. 207 с.
8. Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. 372 с.
9. Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX века. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 119 с.
10. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 140 с.
11. Чичулин А.В. Кооперативная политика советской власти в Западной Сибири в годы «военного коммунизма» // Омский научный вестник. 2005. № 1 (85). С. 9–13.
12. Гаврилов А.А. Сибирская кооперация в период 1914–1920 гг. (на материалах кредитной и потребительской кооперации). Иркутск : Изд-во ИГПУ, 2003. 188 с.
13. Гузик М.В. Становление и развитие кооперации в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 24 с.
14. Макеев А.Н. Кооперативное движение в Енисейской и Иркутской губерниях в 1908–1920 годы : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 254 с.
15. ГАГН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 16.
16. ГАГН. Ф. 278. Оп. 1. Д. 4.
17. ГАГН. Ф. 278. Оп. 1. Д. 19.
18. ГАГН. Ф. 278. Оп. 2. Д. 7.
19. ГАГН. Ф. 278. Оп. 1. Д. 22.
20. ГАГН. Ф. 278. Оп. 1. Д. 21.
21. ГАГН. Ф. 278. Оп. 2. Д. 6.
22. ГАГН. Ф. 278. Оп. 2. Д. 50.
23. ГАГН. Ф. 278. Оп. 1. Д. 17.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 декабря 2019 г.

History of Activities of the Akmoла District Union of Cooperatives (1917–1922)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 113–121.

DOI: 10.17223/15617793/464/13

Galya A. Alpyspaeva, Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan). E-mail: galypspaeva@mail.ru

Keywords: Akmoла District; Union of cooperatives; rural credit partnerships; regional studies; Union of Steppe Cooperatives.

This article has been prepared with support from the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan under the program of state scientific grants; Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. 672 of 06 December 2018.

Based on the analysis of the previously unused archival sources and research works on the history of Russian cooperation, the main areas of the activities of the Akmoла District Union of Cooperatives in 1917–1922 are studied and generalized. In terms of methodology, the study is based on the works of ideologists of Russian cooperation (M.I. Tugan-Baranovsky, V.F. Totomianets, A.V. Chayanov, and others) and the original concepts they developed. The article analyzes the activities of the Union of Cooperatives of a particular micro-region: the number of employees, organizational structure and management, organization of industrial production, financial and social policies, cultural and educational activities. The author substantiates the role of the District Union of Cooperatives in the development of economic relations in the region and in the district peasant farms' entry into the all-Russian market. Despite the difficult political circumstances and the relatively short period of existence (from August 1917 to the end of 1922), the Akmoла District Union of Cooperatives became an economic and organizational center, contributed to the establishment and development of the consumer cooperation system not only in the district, but also in the region: it initiated the establishment of the regional Union of Steppe Cooperatives. In the conditions of the territorial remoteness from industrial centers and the underdeveloped transport infrastructure, the District Union of Cooperatives significantly facilitated and promoted the production activities of the peasants of the region connecting them with the market, expedited the involvement of Kazakh farms in the regional economy. The Union carried out an active social policy and diversified cultural and educational work, allocated significant amounts from its profits to the development of education in the district. According to the author, the activities of the Akmoла District Union of Cooperatives can be considered as an integral part of the national cooperative movement, and its success was due to the application of the all-Russian experience during the heyday of cooperation in the country.

REFERENCES

1. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 250. List 1. File 16.
2. Tugan-Baranovskiy, M.T. (1989) *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. Moscow: Ekonomika.
3. Chayanov, A.V. (1927) *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii* [The main ideas and forms of organizing agricultural cooperation]. 2nd ed. Moscow: Knigosoyuz.
4. Totomians, V.F. (1913) *Teoriya, istoriya i praktika potrebitel'skoy kooperatsii* [Theory, history and practice of consumer cooperation]. Saint Petersburg: Izd. M.V. Kechedzhi-Shapovalova.
5. Prokopovich, S.N. (1903) *Kooperativnoe dvizhenie v Rossii* [Cooperative movement in Russia]. Saint Petersburg: Izd. E.D. Kuskovoy.
6. Pivovarov, N.Yu. (2013) *Organizatsiya i deyatel'nost' Soyuza sibirskikh kooperativnykh soyuzov (Zakupsbyta) v aprele 1916 – fevrale 1920 goda* [Organization and activity of the Union of Siberian Co-Operative Unions (Zakupsbyt) in April 1916 – February 1920]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
7. Aksarin, V.V. (2006) *Deyatel'nost' kooperatsii na Severe Zapadnoy Sibiri v 1917–1940 gg.* [Cooperation activities in the North of Western Siberia in 1917–1940]. History Cand. Diss. Tobolsk.
8. Ivanov, B.V. (1976) *Sibirskaya kooperatsiya v period Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Siberian cooperation during the October Revolution and the Civil War]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Alekseeva, V.K. (1993) *Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri. Konets XIX – nachalo XX veka* [Cooperative movement in Siberia. Late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Nikolaev, A.A. (2000) *Melkaya promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 – seredina 1930-kh gg.)* [Small industry and handicrafts of Siberia in the Soviet cooperative system (1920 – mid-1930s)]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Chichulin, A.V. (2005) Cooperative policy of soviet authorities in Western Siberia during the period of “military communism”. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (85). pp. 9–13. (In Russian).
12. Gavrilov, A.A. (2003) *Sibirskaya kooperatsiya v period 1914–1920 gg. (na materialakh kreditnoy i potrebitel'skoy kooperatsii)* [Siberian cooperation in 1914–1920 (on the materials of credit and consumer cooperation)]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.
13. Guzik, M.V. (2000) *Stanovlenie i razvitie kooperatsii v Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Formation and development of cooperation in Eastern Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Irkutsk.
14. Makeev, A.N. (2007) *Kooperativnoe dvizhenie v Eniseyskoy i Irkutskoy guberniyakh v 1908–1920 gody* [Cooperative movement in the Yenisei and Irkutsk provinces in 1908–1920]. History Cand. Diss. Irkutsk.
15. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 250. List 1. File 16.
16. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 1. File 4.
17. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 1. File 19.
18. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 2. File 7.
19. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 1. File 22.
20. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 1. File 21.
21. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 2. File 6.
22. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 2. File 50.
23. State Archive of the City of Nur-Sultan (GAGN). Fund 278. List 1. File 17.

Received: 30 December 2019

М.С. Вельмакина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «ЖЕНСКОГО ВОПРОСА» В ОФИЦИАЛЬНЫХ СИБИРСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Приводится характеристика репрезентации «женского вопроса» в сибирской официальной периодике второй половины XIX – начала XX в. В качестве источников использованы публикации сибирских государственных и епархиальных периодических изданий, одновременно отражающих официальную позицию государства и Русской православной церкви по данному вопросу и формирующих общественное мнение. Главной составляющей данной проблемы с позиций и официальной печати, и изданий Русской православной церкви являлась проблема женского образования как основа процесса интеграции женщин в общественную жизнь.

Ключевые слова: женский вопрос; женское образование; официальная пресса; религиозные издания; Сибирь.

Дискуссии о правах женщин ведутся в России и в мире уже давно. В настоящее время роль женщины относительно предыдущих столетий многократно возросла, и это – результат процесса эмансипации женщин. В условиях обеспечения равных прав и свобод женщин актуальным и научно значимым стало обращение к изучению различных аспектов гендерной истории, включая изучение содержания и эволюции «женского вопроса» в общественной мысли.

Актуальность исследования обусловлена и возросшим интересом историков и культурологов к официальной прессе XIX в., которая, по мнению исследователей, не только отражала позицию государства по тем или иным проблемам, но и формировала общественное мнение по самым злободневным вопросам того времени. Именно анализ сибирской периодической печати второй половины XIX – начала XX в. позволил выявить и расширить представления о «женском вопросе» в сознании сибиряков, определить контексты его формирования, региональные особенности.

На сегодняшний день специалистами по истории региональной периодической печати изучены вопросы появления, развития и функционирования сибирской прессы [1–4]; представлены классификация сибирских газет и их типологические особенности [5]; охарактеризована содержательная наполненность газет; изучается их влияние на социокультурную жизнь в Сибири [3, 6–10]; проводится корреляция центральной и региональной печати; выработана методология работы с периодическими изданиями как с историческим источником [5, 6, 11].

Особую роль в изучении состояния «женского вопроса» в Сибири играет официальная пресса, так как частная периодика появляется позже. «Женский вопрос» в российской публицистике возник в рамках освещения процессов модернизации, происходивших в России во второй половине XIX в., когда развитие в России рыночных отношений, изменение социальной структуры привело к вовлечению не только мужчин, но и женщин в активную деятельность. А это неизбежно приводило к медленному и постепенному, но все же изменению патриархального семейного уклада и формированию новых принципов и норм. «Женский вопрос» понимается учеными как многогранная проблема; применительно к периоду со второй половины

XIX в. до начала XX в. его можно рассматривать как совокупность проблем правового, социального, политического, экономического, ценностно-нормативного характера.

В 1830 г. Министерством внутренних дел было принято решение о начале выпуска «Губернских ведомостей». Газеты эти имели два отдела – официальный и неофициальный. Со временем последний раздел превратился в некоторых регионах в самостоятельную газету.

В Сибири «Губернские ведомости» стали издаваться только в 1857 г. практически одновременно в четырех губернских центрах: Тобольске, Томске, Красноярске и Иркутске. Официальный раздел включал постановления, приказы, распоряжения центральной и местной властей, официальные объявления. В неофициальной части помещались статьи краеведческого содержания по экономике и статистике края, этнографические сведения, сообщения и отчеты о научных экспедициях. Среди других публиковались и статьи, характеризующие участие сибирячек в общественной жизни, освещающие проблемы женского образования.

Тираж привлеченных нами «Томских губернских ведомостей», как указала Н.В. Жиликова, составлял 500 экземпляров [3. С. 38].

Аналогичная структура была использована и в «Епархиальных ведомостях» – официальных органах епархий Русской православной церкви (РПЦ). Появление таких изданий относится к 1860 г. В Сибири Епархиальные ведомости начали выходить не одновременно: в 1863 г. – Иркутские, в 1871 г. – Омские (до 1898 г. под названием Акмолинские), в 1880 г. – Томские, в 1882 г. – Тобольские, в 1884 г. – Енисейские. Официальная часть этих газет содержала распоряжения Святого Синода и епархиального начальства, отчеты о деятельности Духовных миссий и духовных учебных заведений.

В неофициальной части публиковались выписки из творений святых отцов, краеведческие материалы (прежде всего сведения по истории монастырей и деятельности местных архипастырей, поучения и беседы), а также репортажи о праздниках в учебных заведениях, в том числе женских.

Анализ газетных публикаций с точки зрения способов репрезентации «женского вопроса» позволил

условно выделить несколько групп материалов: 1) состояние системы женского образования; 2) обоснование потребности в женском образовании; 3) эпизоды биографий женщин, уже изменивших свою социальную роль.

Прежде всего, обратимся к важным для нас статьям, объединенным в смысловую группу «Обоснование потребности в женском образовании». Своими задачами авторы таких статей считали привлечение внимания к проблемам низкого уровня женского образования, в том числе к вопросу финансирования учебных заведений. Так, автор, скрывший свое имя под криптонимом «Н.В.», В.И. Вагин как раз поднимал вопрос о нефинансировании учебных заведений [12–14].

В одном из номеров газеты «Томские губернские ведомости» читателям сообщалось: «Образование девиц стало насущною потребностью времени <...> образование прочное, которое развивало бы...» [13. С. 37]. Общество созрело для удовлетворения потребности в женском образовании, это стало показателем зрелости общества, – сделал вывод В.И. Вагин. Потребность в образовании девочек очевидна, поскольку «велико предназначение женщины в мире» [12. С. 364]. Поиск меценатов, готовых поддержать идею открытия женской гимназии в Томске, должен был стать первым шагом в решении проблем женского образования, последующим – открытие института. С такой просьбой обращались именно к обществу, веря, что «это дело общественное, народное» [12. С. 365–366].

Иного мнения, чем предыдущие авторы, придерживался М.Л. Попов, считая недостаточной потребностью общества в обучении девочек. Возможно, продолжал он, бесплатное обучение поможет изменить ситуацию: «Начнем это дело с развития этой потребности, будем обучать девочек даром, – даром-то, может быть, и найдутся охотницы учиться» [14. С. 180]. Усиление внимания к проблеме женского образования связано с тем, что М.Л. Попов в 1859–1862 гг. редактировал неофициальную часть «Томских губернских ведомостей», будучи назначенным в 1859 г. директором томской гимназии [7. С. 207].

В ту же группу публикаций мы можем отнести и ряд материалов Епархиальных ведомостей. Так, И. Савенков в статье «Енисейских епархиальных ведомостей» констатировал недостаточное число начальных школ и низкую потребность в обучении у крестьянского населения, подчеркнув, что «статистика одного женского начального образования еще менее утешительна, между тем женское начальное образование заслуживает величайшего внимания» [15. С. 66].

Автор полагал, что создание отдельной дирекции народных училищ и ее активная деятельность поднимет «расположение народа к школьному делу» [15. С. 68].

При этом мы видим, что женское образование достаточно долго воспринималось сибирским обществом как необязательное, и его необходимость осознавалась далеко не всеми социальными слоями. Об этом свидетельствует и количество обучающихся, и количество окончивших народные училища мальчиков и девочек [16]. Одна из задач газеты в таких условиях – продемонстрировать позицию государства,

подчеркнуть его заинтересованность в развитии женского образования. Группа публикаций направлена именно на решение этой задачи. Так, «Тобольские губернские ведомости» в статье, где сообщалось об открытии в Тобольске женской школы, отмечают участие в данном событии генерал-адъютанта Н.Н. Анненкова, генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта и гражданского губернатора Т.Ф. Прокофьева [17. С. 4].

Заинтересованная позиция в отношении женского образования была и у не менее важного в глазах населения института, чем государство, – Русской православной церкви. Женские учебные заведения создавались также непосредственно под ведомством РПЦ. К примеру, Тобольское Епархиальное женское училище было основано в Иоанно-Введенском женском монастыре. После перевода этого учебного заведения в 1880 г. в Тобольск «Девочек – детей или самых бедных родителей, или сирот – проживает на полном содержании монастыря до 30 человек; их обучают грамоте и рукоделиям; самые меньшие из них уже обучены читать псалтирь и часослов, что иногда выполняют даже при богослужении» [18. С. 439].

В статье об истории Иверского девичьего монастыря отмечено, что горожане «отдавали в монастырь своих детей для научения грамоте, так как в монастыре всегда были грамотные монахини и хорошие начетчицы божественных и церковно-богослужебных книгах» [19. С. 123]. Формированию в глазах читателя образа грамотной и благочестивой девушки и женщины способствовало и регулярное помещение в Епархиальных ведомостях отчетов о состоянии Епархиальных женских училищ и списков учениц епархиальных училищ, сообщения об открытии женских учебных заведений в других городах и губерниях, о создании детских приютов, в том числе для девочек.

«Губернские ведомости», рассказывая о благотворительной практике в сфере женского образования, презентовали способы поведения, которые одобрялись государством, доводили до сознания обывателя мысль о том, что государственная власть обратила серьезное внимание на эту сферу и готова сотрудничать с обществом. Так, газета «Томские губернские ведомости» в 1866 г. сообщала о благодарности за труды по созданию женской гимназии «акушеру томской врачебной управы, коллежскому советнику Зацкевичу и учителю математики томской гимназии, коллежскому советнику Чигирю за полезные и деятельные труды, при постройке Томской женской гимназии объявляется признательность начальства» [20. С. 3].

Если в 1860-х гг. меценаты, благотворители и участники создания женских образовательных учреждений в основном мужчины, то в 1870-х гг. среди них мы уже встречаем и женщин. Например, также в «Томских губернских ведомостях» выражалась благодарность благотворителям, внесшим средства на нужды Барнаульской прогимназии. В их числе – попечительница прогимназии Апполинария Эйхвальд, а также вдова коллежского советника Екатерина Преображенская [21. С. 3]. В Уставе Красноярского общества для вспомоществования учащимся Енисейской губернии было отмечено, что «общество состоит из совершеннолетних лиц обоого пола всех званий»

[22. С. 141–142]. Красноярская мещанка вдова Вера Маркеловна Синкевич писала: «Место родины моей – с. Маковское Енисейского округа Яланской волости, из личных моих наблюдений я убедилась, что жители с. Маковского находятся на низшей ступени религиозно-нравственного просвещения» [23. С. 45]. Желая оказать своим сородичам посильную помощь в их просвещении, она пожертвовала «1 500 рублей на учреждение в родном селе церковно-приходской школы» [23 С. 46]. Публикуя эти материалы, газета демонстрировала женщинам определенных слоев возможность проявления своей социальной активности, возможность не только легальную, но и одобряемую как церковью, так и государством.

Редакции газет привлекали внимание читателей к таким публичным событиям с участием женщин и девушек, как спектакль, концерт, елка, появление библиотеки, публичная благотворительная лекция. Таким образом, в глазах читателя понемногу создавалась общая картина женского просвещения в регионе, формировался новый образ сибирского пространства, вырабатывался взгляд на Сибирь как место, в котором возможно изменение социокультурной роли женщины.

Еще одну возможность решения «женского вопроса» показывали такого рода публикации, как «Число женщин-врачей» [24. С. 278]. Статья демонстрировала: число женщин-врачей в мире возрастает, но пока остается явлением редким, но возможным! В публикации «Женщина-феномен» говорилось о женщине-докторе медицины, у которой рождались только двойни и тройни [25. С. 117]. В чем феномен? Скорее всего, речь идет о детях, а значит, женщина-доктор – это рядовой случай. Эти и подобные статьи могли побудить женщину получить медицинское или другое образование. Таким образом, публикации формировали новые ценностные ориентации, новые социальные нормы и модели поведения.

Несколько иная позиция, акцентирующая внимание, прежде всего, на воспитании женщин, представлена в статье «Взгляд американцев на воспитание женщин». Здесь автор, размышляя над вопросом «Чему мы должны учить наших дочерей?», получал безусловный ответ: быть хорошей, трудолюбивой женой [26. С. 13–14]. Избрав эту модель поведения, женщина оставалась в приватной сфере, но наделялась в ней большей инициативностью. Схожая позиция Русской православной церкви по отношению к женскому духовному образованию характерна для середины века; к 1880-м гг. она изменяется под влиянием модернизационных процессов в российском обществе, обусловивших необходимость введения всеобщего начального образования.

Одной из проблем, вставших при этом перед государством, стало отсутствие нужного количества образованных учителей. Решением этой проблемы явилось привлечение в качестве учительниц выпускниц дополнительных педагогических классов женских гимназий и епархиальных женских училищ. П. Суховской писал по этому поводу: «С открытием церковно-приходских школ – если только дело это получит у нас должное развитие – откроется широкое поприще для учительского труда... Епархиальное училище

должно дать подготовку к учительскому труду хотя бы в ЦПШ, и тогда значительная часть лиц из бедных и осиротевших наших семей облегчит свои собственные семьи...» [27. С. 303].

В соответствии с изменением целей и задач женского духовного образования изменяется и характер обучения: Подготовка учениц епархиальных училищ к учительскому труду не только решала кадровую проблему церковно-приходских школ, не только позволяла дать девушкам более высокий уровень образования, но и способствовало решению еще одной проблемы «женского вопроса» – давало девушкам, стремившихся к независимости от семьи, возможность самостоятельно зарабатывать.

Изучив репрезентацию «женского вопроса» в сибирской официальной прессе, можно сделать вывод о постепенном изменении представлений сибиряков по вопросам обязательности женского образования, что являлось важным этапом социокультурного развития региона и отражалось в самой периодике. Так, в «Томских губернских ведомостях» в 1882 г. отмечалось: «Теперь и безграмотный начинает сознавать великую пользу народного обучения и спешит, если есть только возможность, послать сына или дочку в школу» [28. С. 519]. И еще один пример: «Необходимость женского образования чувствуется всеми все сильнее и сильнее; требования об открытии женских учебных заведений делаются все настоятельнее. В этом отношении мнения всех одинаковы: требуют женского образования и городские сословия, и жители деревни, люди светские и духовное сословие» [27. С. 307].

Подобные примеры свидетельствуют о схожести взглядов региональной власти и РПЦ – тех, чье мнение транслировалось через газетный текст Епархиальных ведомостей и Губернских (областных) ведомостей в определении главной составляющей «женского вопроса» – проблемы женского образования.

Вместе с тем позиция Епархиальных ведомостей до 1880-х гг. тяготела к консервативной: женщине необходимо дать образование, так как это положительно скажется на воспитании будущих детей и семейном быте.

Губернские ведомости, благодаря работе в ней политических ссыльных, учителей и профессоров, других интеллектуалов, отличались наличием авторских статей, написанных теми, кто был заинтересован в развитии Сибири, изменении ее социокультурного пространства, а потому призывавших к решению насущных проблем, например, как публицист и общественный деятель В.И. Вагин.

К последней четверти XIX в. среднее и средне-специальное образование для женщин стало уже рядовым фактом. В это время светская и религиозная пресса придерживалась общего мнения в отражении «женского вопроса», придавая значение появлению женщин-профессионалов, но наиболее подходящей для женщин профессиональной деятельностью РПЦ виделась педагогическая.

Равным образом, несмотря на идейно-позиционную направленность, официальная периодика формировала взгляд на развитие женского образования как важное социокультурное явление и значимый факт сибирской

общественной жизни. Официальная государственная и религиозная пресса создавала предпосылки изменения гендерных стереотипов в общественном сознании.

Периодические издания в качестве основного источника были выбраны не случайно. Из «Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» всем известно, что «на протяжении 80–90-х гг. (XIX в. – М.В.) в жизни сибирских горожан все большее значение приобретала местная периодическая печать. По количеству

подписчиков отдельные сибирские газеты занимали почетное второе место после популярной “Нивы”, а иногда и опережали ее». Например, продолжает автор, «в Барнаульском, Бийском, Кузнецком округах с их городами и в Колывани в 1889–1890 гг. выписывали 171 экз. “Нивы” (самое большое число подписчиков), 162 экз. “Сибирского вестника”, 130 экз. “Томских епархиальных ведомостей”, 117 экз. “Томских губернских ведомостей”» [29. С. 244].

ЛИТЕРАТУРА

1. Любимов Л.С. История сибирской печати : учеб. пособие. Иркутск, 1982. 79 с.
2. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск, 1985. 136 с.
3. Жиликова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.
4. Куксанова Н.В. Информационные поля русской журналистики XIX века : учеб. пособие. Новосибирск, 2011. 108 с.
5. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002. 311 с.
6. Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. 103 с.
7. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.
8. Шевцов В.В. «Енисейские губернские ведомости» – забытая газета Восточной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (25). С. 41–50.
9. Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18). С. 37–44.
10. Шевцов В.В. «Тобольские губернские ведомости» (1857–1867) в период губернаторства В.А. Арцимовича, А.В. Виноградского и А.И. Деспот-Зеновича // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 5–12.
11. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука : в 2 кн. М. : РГГУ, 1998. Кн. 1. 383 с.
12. Н.В. О женской гимназии в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 45. С. 364–366.
13. Вагин В. Еще о женской гимназии // Томские губернские ведомости. 1859. № 4. С. 36–38.
14. Попов М. Томск. Мая 5 дня // Томские губернские ведомости. 1860. № 25. С. 179–183.
15. Савенков И. Несколько слов о народном образовании // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 4. С. 54–71.
16. Кузнецов Д. Об училищах Томской Дирекции за последнее пятилетие // Томские губернские ведомости. 1863. № 13–14. С. 58–60, № 18. С. 82–86, № 19. С. 90–95, № 21. С. 106–111, № 23. С. 122–125.
17. [Об открытии и устройстве Тобольской Мариинской женской школы] // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 2. С. 4.
18. [Иоанно-Введенский женский монастырь] // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 21/22. С. 432–441.
19. [Енисейский Иверский девичий монастырь] // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 7. С. 119–126.
20. [Перемены по службе чиновников] // Томские губернские ведомости. 1866 г. № 15. С. 2–3.
21. [Объявления благодарности] // Томские губернские ведомости. 1878. № 3. С. 3.
22. [Устав Красноярского общества для вспомоществования учащимся Енисейской губернии] // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 11. С. 147–149.
23. [По делу о церковно-приходских школах] // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 5. С. 45–46.
24. [Разные известия. Число женщин-врачей] // Томские губернские ведомости. 1882. № 24. С. 278.
25. [Разные известия. Женщина-феномен] // Томские губернские ведомости. 1883. № 5. С. 117.
26. [Разные известия. Взгляд американцев на воспитание женщин] // Томские губернские ведомости. 1888. № 4. С. 13–14.
27. Суховский П.К. вопросу об открытии в Красноярске Епархиального женского училища // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 17. С. 303–310.
28. [Томские городские училища] // Томские губернские ведомости. 1882. № 33. С. 519–522.
29. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск, 2000. 316 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 февраля 2019 г.

Representation of the “Women’s Question” in Official Siberian Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 122–126.

DOI: 10.17223/15617793/464/14

Maria S. Velmakina, Novosibirsk State Pedagogical University. (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mvelmakina@ya.ru

Keywords: “women’s question”; female education; official periodicals; religious press; Siberia.

The aim of the article is to identify and characterize the public opinion on the “women’s question” in Siberian official periodicals of the second half of the 19th and early 20th centuries. The term “women’s question” represents a complex of issues, such as education, labor and professional life, individual freedom, family relations and political rights. The primary sources are the publications of Siberian state-run and eparchy periodicals that reflected the state’s and the Russian Orthodox Church’s official position on this question and at the same time formed the public opinion. In 1857, *Gubernskie Vedomosti* began to be issued almost simultaneously in four principal centers of Siberian provinces: Tobolsk, Tomsk, Krasnoyarsk, and Irkutsk. The official section included regulations, orders, directives of the central and local authorities as well as official announcements. The non-official section included articles on regional topics such as the economy and statistics of the region, ethnographic information, accounts and reports of scientific expeditions. Among other materials, some articles considering “women’s question” aspects were published. A similar structure was used in *Eparkhial’nye Vedomosti*, the Russian Orthodox Church’s official periodical issued since 1860. *Eparkhial’nye Vedomosti* started to be issued in Siberia at different times: in 1863 in Irkutsk (*Irkutskie*), in 1871 in Omsk (till 1898 they were called *Akmolinskie*), in 1880 in Tomsk (*Tomskie*), in 1882 in Tobolsk (*Tobolskie*), and finally in 1884 *Eniseyskie*. Not only the official periodicals presented the state’s and society’s position on female education (the key aspect of the “women’s question”), but also the Russian Orthodox

Church, no less important an institution in the public opinion. The article deals with collective judgments on the “women’s question” communicated through newspaper texts. The main topics of the “question” are identified and characterized: 1) the state of the female education system, 2) the statement of the need for female education, and 3) episodes of the biographies of women who have already changed their social role. Having considered the depiction of the “women’s question” in Siberian official periodicals, the author draws a conclusion that, from the point of view of both the state-run press and the Russian Orthodox Church’s periodicals, the main aspect of that issue was the female education problem, which was the basis for women’s integration into social life. The press formed the opinion on female education development as an important sociocultural phenomenon in the province and a significant fact of Siberian social life. The official state-run and eparchial press predetermined the changes in gender stereotypes in social consciousness.

REFERENCES

1. Lyubimov, L.S. (1982) *Istoriya sibirskoy pechati* [History of the Siberian press]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Ermolinskiy, L.L. (1985) *Sibirskie gazety 70–80-kh godov XIX veka* [Siberian newspapers of the 1870s–1880s]. Irkutsk: Irkutsk State University.
3. Zhilyakova, N.V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomsk (XIX – nachalo XX veka): stanovlenie i razvitie* [Journalism of Tomsk (19th – early 20th centuries): formation and development]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Kuksanova, N.V. (2011) *Informatsionnye polya russkoy zhurnalistiki XIX veka* [Information fields of Russian journalism of the 19th century]. Novosibirsk: [s.n.].
5. Gol'dfarb, S.I. (2002) *Gazetnoe delo v Sibiri: pervaya polovina XIX – nachalo XX v.* [Newspaper business in Siberia: the first half of the 19th – early 20th century]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Mandrika, Yu.L. (2007) *Provintsial'naya chastnaya pechat'. Spornye voprosy stanovleniya periodiki Sibiri* [Provincial private press. Controversial issues of the formation of periodicals in Siberia]. Tyumen: RITs TGAKI.
7. Shevtsov, V.V. (2012) “Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917 gg.) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [Tomskie Gubernskie Vedomosti (1857–1917) in the sociocultural and informational space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Shevtsov, V.V. (2014) “The Yenisei Provincial Sheets” the forgotten newspaper of Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (25). pp. 41–50. (In Russian).
9. Shevtsov, V.V. (2012) Unofficial part of “Irkutsk Provincial Sheets” in 1857–60 as an instance of general-gubernatorial power in Eastern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (18). pp. 37–44. (In Russian).
10. Shevtsov, V.V. (2016) “Tobolsk provincial sheets” (1857–1867) in the period V.A. Artsimovich's, A.V. Vinogradsky's and A.I. Despot-Zenovich's governorate. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (39). pp. 5–12. (In Russian). DOI:10.17223/19988613/39/1
11. Mokhnacheva, M.P. (1998) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka: v 2 kn.* [Journalism and historical science: in 2 books]. Book 1. Moscow: RSUH.
12. N.V. (1858) O zhenskoy gimnazii v Tomске [On the female gymnasium in Tomsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 45. pp. 364–366.
13. Vagin, V. (1859) Eshche o zhenskoy gimnazii [More on the female gymnasium]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 4. pp. 36–38.
14. Popov, M. (1860) Tomsk. Maya 5 dnya [Tomsk. May 5]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 25. pp. 179–183.
15. Savenkov, I. (1884) Neskol'ko slov o narodnom obrazovanii [A few words about public education]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 54–71.
16. Kuznetsov, D. (1863) Ob uchilishchakh Tomskoy Direktsii za poslednee pyatiletie [On the schools of the Tomsk Directorate for the last five years]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 13–14. pp. 58–60, 18. pp. 82–86, 19. pp. 90–95, 21. pp. 106–111, 23. pp. 122–125.
17. Tobol'skie gubernskie vedomosti. (1857) Ob otkrytii i ustroystve Tobol'skoy Mariinskoy zhenskoy shkoly [On the opening and arrangement of the Tobolsk Mariinsky women's school]. 2. pp. 4.
18. Tobol'skie gubernskie vedomosti. (1857) [Ioanno-Vvedenskiy zhenskiy monastyr'] [Ioanno-Vvedensky Convent]. 21/22. pp. 432–441.
19. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1885) [Eniseyskiy Iverskiy devichiy monastyr'] [Yenisei Iversky Maiden Monastery]. 7. pp. 119–126.
20. Tomskie gubernskie vedomosti. (1866) [Peremeny po sluzhbe chinovnikov] [Changes in the service of officials]. 15. pp. 2–3.
21. Tomskie gubernskie vedomosti. (1878) [Ob'yavleniya blagodarnosti] [Announcements of gratitude]. 3. pp. 3.
22. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1884) Ustav Krasnoyarskogo obshchestva dlya vspomoshchestvovaniya uchashchimsya Eniseyskoy gubernii [Charter of the Krasnoyarsk Society for Aid to Students of the Yenisei Province]. 11. pp. 147–149.
23. Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti. (1885) Po delu o tserkovno-prikhodskikh shkolakh [On the case of parish schools]. 5. pp. 45–46.
24. Tomskie gubernskie vedomosti. (1882) Raznye izvestiya. Chislo zhenshchin-vrachev [Various news. The number of women doctors]. 24. p. 278.
25. Tomskie gubernskie vedomosti. (1883) Raznye izvestiya. Zhenshchina-fenomen [Various news. The Woman Phenomenon]. 5. p. 117.
26. Tomskie gubernskie vedomosti. (1888) Raznye izvestiya. Vzgl'yad amerikantsev na vospitanie zhenshchin [Various news. American view on the education of women]. 4. pp. 13–14.
27. Sukhovskiy, P. (1885) K voprosu ob otkrytii v Krasnoyarske Eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha [On the question of the opening of the Eparchy Women's School in Krasnoyarsk]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. pp. 303–310.
28. Tomskie gubernskie vedomosti. (1882) Tomskie gorodskie uchilishcha [Tomsk city schools]. 33. pp. 519–522.
29. Volkova, V.N. (ed.) (2000) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East]. Vol. 1. Novosibirsk: Izdatel'stvo GPNB SO RAN.

Received: 21 February 2019

М.Е. Лошкарева

ОТЛУЧЕННЫЕ ПРИНЦЫ: ЭКСКОММУНИКАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ

Статья посвящена некоторым аспектам конфликта валлийского обычного и канонического права. Конфликты валлийских правителей с англо-нормандским духовенством, являвшиеся составной частью англо-валлийского противостояния и борьбы за независимость валлийской церкви, были истинными причинами экскоммуникаций (отлучений от церкви) правителей. Валлийское духовенство игнорировало решения об отлучениях принцев, демонстрируя преданность своим патронам, а не высшим духовным властям.

Ключевые слова: Средневековый Уэльс; экскоммуникация; Овайн Гвинедский; Лорд Рис; Закон Хауэла Доброго.

Конфликт обычая и норм канонического права является характерной чертой юридического быта в период раннего Средневековья. В странах с «варварским» с точки зрения церкви правом, к которым принято было относить в Средневековье и Уэльс, этот конфликт затянулся на столетия. В условиях английской экспансии право становится одним из важнейших элементов национальной идентичности валлийцев. Исследователи валлийского права [1–3] традиционно подчеркивают несоответствие валлийского закона в части браков, разводов и наследования общепринятым в христианском мире нормам. Х. Прайс в специальной работе «Native Law and the Church in Medieval Wales» [4] рассматривает самые разные аспекты взаимоотношений церкви и валлийского национального права, обращаясь, в том числе, к проблемам браков валлийских принцев, как к одному из ярких примеров конфликтной ситуации. Очевидно, суть проблемы не сводится исключительно к сохранению валлийцами корпуса норм, противоречивших требованиям церкви, ибо она многогранна и включает в себя не только правовой, но и политический аспект.

Критика валлийского обычая со стороны клириков была явлением распространенным и вполне закономерным. Даже в период войны 1282 г., завершившейся завоеванием Уэльса, архиепископ Джон Пэкэм сетовал, что валлийцы «столь легкомысленны в вопросах брака, что не отстраняют от наследования бастардов и детей, рожденных от инцестных связей, а законные жены у них отвергаются на основании закона Хауэла Доброго вопреки Евангелию» [5. Р. 474].

Иоанн Солсберийский в письме, написанном от имени архиепископа Кентерберийского Теобальда (1138–1161 гг.) к папе римскому отмечал, что валлийцы «грубы и дики, живут как животные, несмотря на то, что номинально они исповедуют христианство, они отвергают его своей жизнью и обычаями. Ибо они торгуют рабами и продают христиан за море, где они становятся невольниками язычников. Презирая брачное право, они меняют своих наложниц, которых они имеют наравне с женами, пренебрегая греховностью инцеста, не стыдятся обнажаться перед теми, кто связан с ними родственными узами» [6. Р. 135–136].

Гиральд Камбрийский в «Описании Уэльса» помещает целую главу «Об инцесте и злоупотреблениях церквей», в которой отмечает, что «Инцест широко распространен не только среди высших, но и среди низших слоев этого народа, ибо не страшась Бога, они

не стыдятся вступать в браки с родственниками даже до третьей степени родства. Они обычно злоупотребляют диспенсациями с целью прекращения вражды, которая столь часто возникает между ними, ибо они «скоры на кровопролитие» (*quia veloces pedes eorum ad effundendum sanguine*)» [7. Р. 225; 8. Р. 513].

Дабы понять причины возникновения столь резких суждений о валлийцах и их обычаях, следует обратиться к анализу соответствующих норм Закона Хауэла Доброго (по-валлийски – *Cyfraith Hywel*, по-латыни – *Leges Hoeli*), остававшегося действующим источником права в Уэльсе (с некоторыми изъятиями после английского завоевания) вплоть до принятия Act of Union в 1536 г.

Кодификация приписывается традицией королю Хауэлу (ум. 950 г.), хотя хроники не упоминают этого правителя в связи с законодательной деятельностью. Часть правового материала действительно восходит к донорманнскому периоду, но многослойность документа едва ли может быть поставлена под сомнение. Оформление текста Закона, по-видимому, завершилось в XII–XIII вв. Вопросы брачного и семейного права освещаются в Законе довольно подробно. Признавая очевидное влияние канонического права на валлийский обычай, следует заметить, что Закон Хауэла Доброго в целом ряде вопросов, совершенно не соответствовал его требованиям.

Заклучение брака у валлийцев сопровождалось уплатой лорду особой пошлины за потерю невинности, размер которой определялся статусом отца невесты, и «утреннего дара», выплачиваемого супруге и входившего затем в состав ее личного имущества, не подлежащего разделу в случае расторжения брака [9. Р. 55]. Единственным существенным условием действительности брака, согласно Закону, была невинность жены, проверяемая в присутствии свидетелей [9. Р. 49]. В случае сомнений девственность женщины могла доказываться присягой ее родственников или специальным испытанием, в ходе которого испытываемая должна была удержать годовалого бычка за намазанный жиром хвост [9. Р. 49]. Закон довольно подробно регулировал вопросы личных и имущественных прав супругов. Общность имущества супругов наступала только по истечении семи лет и трех суток брака: после этого в случае развода имущество подлежало разделу [9. Р. 45]. Закон устанавливал перечень поводов к разводу, несколько отличающийся от закрепленного каноническим правом. Так, по инициативе женщины брак мог быть расторгнут в случае: прока-

зы, полового бессилия или зловонного дыхания мужа [9. Р. 46]. Измена супруга могла стать поводом к расторжению брака по инициативе женщины, но только в третий раз (первые два влекли за собой выплату компенсации). Даже однократная измена жены могла быть поводом к расторжению брака по инициативе супруга, при этом выплата компенсации любовником жены была обязательна вне зависимости от того, расторгался брак или нет. Наличие причины для расторжения брака должно было быть доказано: Закон содержит подробное описание процессуальных действий, сопряженных с доказыванием факта измены (здесь, по общему правилу, привлекались компургаторы) [9. Р. 58] или полового бессилия мужчины (доказывание должно было производиться в присутствии суда) [9. Р. 59].

Особой критике современников подлежали нормы валлийского права, касавшиеся бастардов, точнее их равноправия с детьми, рожденными в браке (в вопросах наследования собственности и власти). В рукописях Закона, относящихся к редакции Йорверта (создана в Гвинед в начале XIII в.) содержится следующее утверждение: «Согласно праву церкви ни один из сыновей не имеет права на наследование, за исключением старшего, рожденного от законной супруги. Закон Хауэла дает право и младшему, и старшему и утверждает, что грех отца и незаконнорожденность не может лишить наследования» [9. Р. 110]. В данном случае Закон явно противопоставляет валлийский обычай нормам канонического права и английского common law.

Закон давал валлийке право предъявить незаконнорожденного ребенка отцу и доказывать отцовство [9. Р. 133]. С этим связано наличие в Законе подробного описания процедуры установления отцовства. Мать, родившая сына вне брака, должна была официально предъявить ребенка отцу в церкви, в присутствии священника, возложив правую руку на алтарь, а левую – на голову ребенка и поклясться в том, что отцом ребенка является указанный ею человек [9. Р. 132]. Закон признает и такой, весьма прагматичный, способ установления отцовства, как фактическое признание: если отец давал средства на содержание и воспитание ребенка, он уже не мог от него отказаться. Никаких указаний на правовые последствия инцестных браков и связей Закон не содержит.

Таким образом, противоречия между валлийским обычаем и каноническим правом были весьма серьезными. К ним следует отнести: допущение близкородственных браков, относительную свободу расторже-

ния браков, в том числе по инициативе женщины, и наконец, при формальном требовании моногамии, признание полноправия бастардов, что фактически приводило к допущению конкубината [10. Р. 83]. По мнению Р. Дэвиса, проблема фрагментарности региона во многом усугублялась «склонностью валлийских принцев к полигамии и правовыми представлениями о законнорожденности: за смертью каждого из крупных валлийских правителей неминуемо следовала междоусобица» [11. Р. 71].

Утверждение Гиральда Камбрийского о распространенности инцестных браков в Уэльсе не является преувеличением. Браки между родственниками и свойственниками были явлением вполне обычным среди валлийской аристократии. Вплоть до конца XII столетия в Уэльсе доминировали национальные политические союзы, подкрепляемые браками [12. Р. 5]. Три наиболее крупных государственных образования в Уэльсе – Гвинед, Поуис и Дехейбарт – определяли расстановку политических сил в регионе и характер англо-валлийских отношений. Неудивительно, что принцы именно этих династий привлекали наибольшее внимание церкви.

Гвинед всегда являлся самым мощным княжеством в Уэльсе, но, как и прочие, был подвержен внутрдинастическим распрям. Временная стабилизация была связана с приходом к власти Гриффита ап Кинана (ум. 1137 г.) [13. Р. 52]. Один из наследников Гриффита Овайн Гвинедский, которого современники именовали «Великим», создал основу для будущей гегемонии княжества. Овайн Гвинедский, без сомнения, является самым могущественным из валлийских правителей этого периода. Он был лидером в коалициях валлийских принцев против английского короля, а также сумел установить дипломатические отношения с французским королем Людовиком VII, чем, безусловно, прогневал Генриха II. Овайн Гвинедский считается первым валлийским правителем, использовавшим в корреспонденции титул «принц Уэльский» (Walliarum princeps).

Овайн Гвинедский был женат дважды: его первой супругой была Гладис, дочь Лливарха ап Трахаэрна (Аруистли), второй – Кристина, дочь Грону аб Овайна аб Эдвина, который приходился Гвинедскому принцу родным дядей по матери (схема 1).

Таким образом, Овайн был женат на двоюродной сестре. Подобный брак был явным нарушением канонического права и в связи с этим требовал диспенсации, которая, очевидно, получена не была.

Овайн Гвинедский был отлучен от церкви за отказ оставить незаконную, с точки зрения церкви, супругу. Замечательно, что требование аннулировать брак с кузиной возникло спустя много лет после его заключения. Установить точную дату брака Овайна с Кристиной едва ли возможно, по-видимому, он состоялся в начале 1140-х гг., ибо сыновья от этого брака Дэвид и Кинан, согласно «Хронике принцев», уже в 1157 г. участвовали в кампании отца против Генриха II (т.е. были достаточно взрослыми к этому моменту) [13. Р. 59].

Отлучению Овайна ап Гриффита совпало по времени с конфликтом по поводу замещения Бангорской кафедры и очередным обострением англо-валлийских отношений. Проблема контроля над валлийской церковью в XII в. стояла весьма остро. В рассматриваемый период неоднократно, хотя и безуспешно, предпринимались попытки выведения Уэльса из-под контроля архиепископа Кентерберийского.

В 1162 г. умер епископ Бангорский Меуриг [13. Р. 62] и Овайн Гвинедский попытался провести на освободившуюся кафедру своего ставленника Артура Бардсейского, но встретил сопротивление со стороны английского короля. Архиепископ Кентерберийский Фома Бекет в 1164 г. вынужден был покинуть Англию, и Овайн намеревался воспользоваться его отсутствием, предложив в 1165 г. провести рукоположение вновь избранного епископа Бангорского другим прелатом [14. Р. 236–237; 15. Р. 325–326]. Овайн в обращении к архиепископу заверяет его в своей преданности и пытается сыграть на конфликте прелата с Генрихом II, указывая на то, что последний беспричинно ненавидит Овайна и не упускает возможности унизить его и в светских, и в духовных делах. Бекет, разумеется, ответил отказом, не желая создавать столь опасный прецедент: в письмах к Овайну Гвинедскому и архидиакону Бангора Дэвиду он запрещает избрание епископа [14. Р. 238–239]. Однако Овайн проигнорировал запрет, инициировал процедуру избрания и отправил Артура в Ирландию для рукоположения. Несмотря на прямой запрет Бекета, поддержанный папой Александром III, архидиакон Дэвид и валлийское духовенство не подчинились [14. Р. 977] и Артур Бардсейский, по-видимому, исполнял обязанности епископа Бангорского, хотя так никогда и не был признан архиепископом и папой.

Рассматриваемый период характеризуется высокой степенью напряженности в англо-валлийских отношениях. По свидетельству «Хроники принцев», в 1164 г. «все валлийцы объединились, чтобы избавиться от французского ига» [13. Р. 63]. Ответом Генриха II была экспедиция, которая по масштабам приготовления (войска с континента и из Шотландии, флот из Дублина) должна была превзойти все предыдущие. По свидетельству валлийского хрониста, Генрих намеревался «уничтожить всех валлийцев» [13. Р. 63]. Перед лицом такой опасности валлийцы Гвинед, Дехейбарта, Поуиса и некоторых владений Марки объединили свои силы в Короене (в долине реки Ди). Кампания 1165 г. оказалась неудачной для английского короля. Можно предположить, что поражение англичан было вызвано скорее стратегическими ошибками самого Генриха, нежели действиями валлийцев.

Генрих, потерпев поражение, в гневе приказал ослепить валлийских заложников [13. Р. 63]. Провал королевской экспедиции 1165 г. позволил валлийцам начать относительно активные действия, и вскоре Овайн Гвинедский при помощи Лорда Риса Дехейбартского захватил Хритлан и Басингверк [13. Р. 64]. В это же время Овайн Гвинедский установил дипломатические отношения с французским двором.

До нас дошла переписка Овайна с Людовиком VII и его канцлером [15. Р. 325–328]. В письмах нет указаний на союз Людовика с Овайном, вполне вероятно, что французский король считал Гвинедского правителем одной из многочисленных проблем Генриха II и рассчитывал, что атаки валлийцев отвлекут Плантагенета от французского фронта. Дошедшие до нас документы позволяют пролить свет на некоторые аспекты политики Гвинедского принца. Попытка заручиться поддержкой французского короля была очевидным вызовом Генриху II, ибо демонстрировала возможный вектор развития событий, крайне неблагоприятный для английской короны. Овайн в переписке с французским королем и архиепископом использует титул «принц» (лат. *princeps*), который выражает неповиновение Генриху II и претензию на гегемонию в Уэльсе. Заметим, что еще в 1163 г. Бекет в письме к папе Александру III упоминал Овайна как прогневавшего короля тем, что «*se principem nominat*» [14. Р. 32]. Активная политика Гвинедского принца в светских и церковных делах не могла не вызывать противодействия со стороны английской короны и церкви. Церковь, выступавшая в этот период в качестве «мягкой силы», имела собственный рычаг воздействия на излишне деятельных правителей в виде экскомуникации.

Из письма Иоанна Солсберийского следует, что Овайн был предупрежден о необходимости покаяния, без требования расторгнуть брак, еще при жизни архиепископа Теобальда [6. Р. 136], однако не подчинился. В период развития конфликта по поводу замещения Бангорской кафедры Овайн получил от папы предписание оставить незаконную супругу и прекратить конфликт, сопряженный с замещением Бангорской кафедры, но, видимо, проигнорировал его. Александр III в феврале 1169 г. обратился к Бекету с требованием применить к непокорному принцу суровое наказание [14. Р. 136]. Весной 1169 г. Бекет обратился к Овайну с пространном посланием о необходимости выполнения требований по поводу прекращения брака с Кристиной и несанкционированных выборов епископа Бангорского (заметим, что эти требования в посланиях прелатов неразрывны) [14. Р. 874–877]. Письмо Бекета полно увещаний и заверений в искренности намерений архиепископа спасти бессмертную душу согрешившего принца и столь любимой им кузины, которая не должна быть его женой, а также восстановить порядок в диоцезе, лишенном легитимного главы и пастыря. Следующее послание Бекета, написанное осенью 1169 г., содержит угрозу применения наказания в том случае, если Овайн не выполнит требования архиепископа и папы [14. Р. 972–975]. Овайн Гвинедский оставался непреклонным до конца жизни. Таким образом, действительной причиной отлучения гвинедского принца от церкви был конфликт

по поводу Бангорской кафедры, а приличествующим поводом – заключенный с нарушениями канонического права брак.

Овайн ап Гриффит ап Кинан скончался в 1170 г. «Хроника принцев» содержит запись, посвященную смерти Овайна Гвинедского: хронист отмечает его благородство, мудрость, храбрость, а затем следует стандартная формулировка о покаянии и причастии [13. Р. 65]. Валлийские хроники не содержат никаких сведений об отлучении Овайна. Гвинедский принц был похоронен в Бангорском соборе, рядом с отцом, что весьма красноречиво свидетельствует об отношении валлийского духовенства к акту об отлучении. Гиральд Камбрийский, сопровождавший архиепископа Кентерберийского Болдуина в 1188 г. в поездке по Уэльсу (эта поездка была одним из мероприятий по организации Третьего крестового похода), описывает место захоронения Овайна Гвинедского: «...нам показали гробницы Овайна и его младшего брата Кадваладра, захороненных в склепе, прямо перед алтарем, хотя Овайн был отлучен от церкви Святым Фомой за инцест со своей кузиной, поэтому епископу было приказано удалить его тело из церкви» [7. Р. 451]. Во исполнение воли архиепископа тело Овайна было тайно перенесено, но не далее церковного двора (через переход, устроенный в стене собора). Секретность перезахоронения была сопряжена с величием Овайна, не подвергаемым сомнению ни современниками, ни потомками. Кроме того, по Закону Хауэла Доброго в захоронении в освещенной земле было отказано только вора, предателям и неистовым, приговоренным за это к смерти [9. Р. 166]. Овайн ап Гриффит ап Кинан, основоположник могущества Гвинедов, непобедимый и непокорный первый принц Уэльский так никогда и не примирился с архиепископом и папой, но его отлучение от церкви осталось лишь эпизодом его бурной земной жизни.

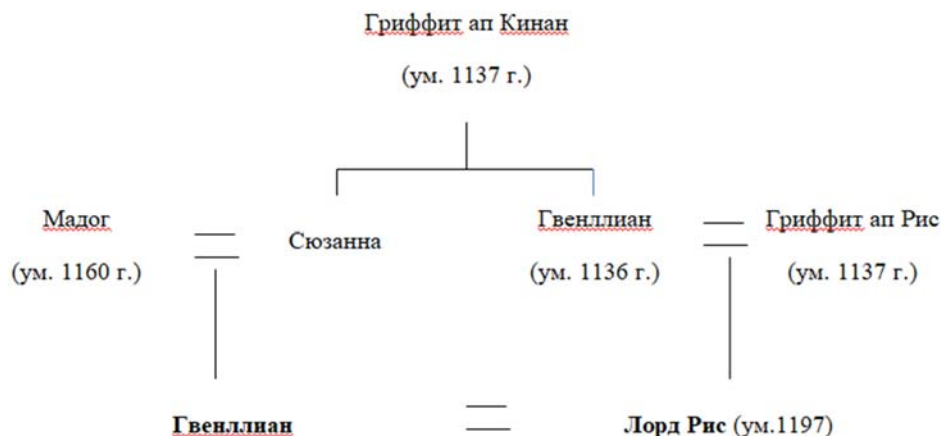
Отлучение Овайна Гвинедского создавало прецедент, который не мог остаться исключительным, принимая во внимание распространенность близкородственных браков в Уэльсе. В 1175 г. Кадваллон ап Мадог, правитель Майлиэнита (центральный Уэльс), обвинялся в том, что его брак с Евой, дочерью правителя Поуиса Мадога ап Мередита, является инцестом, хотя к прекращению брака это, видимо, не привело, благодаря посредничеству епископа Сент Азафа [16. Vol. I. Р. 31; 17. Р. 56]. В этом случае также имел место конфликт по поводу замещения вакантной кафедр-

ры. Замечательно, что Кадваллон был в числе валлийских правителей «прогневивших короля» и замирившихся с ним при посредничестве Риса ап Гриффита Дехейбартского в том же году [13. Р. 70–71].

Во время путешествия архиепископа Болдуина по Уэльсу Гриффит ап Мадог, правитель северного Поуиса, вынужден был публично отречься от своей жены Анхарад, которая приходилась ему двоюродной сестрой [7. Р. 154; 8. Р. 463]. Сын Овайна Гвинедского Родри при тех же обстоятельствах (во время визита архиепископа на остров Англси) отказался от прекращения своего брака с кузиной (в данном случае речь шла о третьей степени родства) [7. Р. 129; 8. Р. 445]. Вопрос о браке этого принца был поднят, очевидно, тоже не случайно: по свидетельству Гиральда Камбрийского, сам Родри и его люди остались безучастны к призывам архиепископа о принятии креста. Архиепископом в период этого путешествия был отлучен еще один валлийский принц – Овайн Кэвэйлиог, за то, что он единственный из всех не явился приветствовать прелата, выполнявшего столь высокую миссию [7. Р. 156; 8. Р. 465].

Рис ап Гриффит Дехейбартский, вошедший в историю как Лорд Рис, также был женат на своей двоюродной сестре, однако никаких сведений о претензиях к нему по этому поводу до нас не дошло. Гиральд Камбрийский (кстати, родственник Лорда Риса) отмечает в «Путешествии по Уэльсу», что Рис «по порочному обычаю этой страны» был женат на родственнице (четвертой степени родства) [7. Р. 4; 8. Р. 333], не заостряя внимания на том, что Гвенллиан, дочь Мадога ап Мередита Поуисского, приходилась принцу четвертой кузиной только по линии отца, а по линии матери – первой (схема 2), ибо матери Лорда Риса и Гвенллиан были дочерьми Гриффита ап Кинана.

Рис ап Гриффит впервые упоминается в «Хронике принцев» в 1146 г. [13. Р. 54]. До своей смерти в 1197 г. он оставался одной из самых важных фигур на политической арене Уэльса. К середине 1150-х гг. Дехейбарт, пришедший в упадок в царствование Генриха I, был полностью восстановлен Рисом ап Гриффитом. Он дольше других оказывал сопротивление Генриху II, но в конечном итоге признал власть короля и отправил ему заложников в 1158 г. [13. Р. 61] В 1163 г. Генрих II предпринял новую экспедицию в Уэльс именно по причине выступления Лорда Риса: королю вновь удалось принудить к миру непокорного вассала [13. Р. 62].

Но уже через два года Лорд Рис участвовал в анти-английской кампании валлийцев и отвоевал Кардиган. После кампании 1165 г. в Уэльсе не было крупномасштабных выступлений: Лорд Рис, ставшим самым могущественным из валлийских принцев после смерти Овайна Гвинедского, сумел установить довольно стабильные отношения с английским королем. В 1175 г. Лорд Рис возглавлял валлийское представительство на переговорах с королем в Глостере [13. Р. 71]. Вплоть до смерти Генриха II Рис ап Гриффит поддерживал мир с короной. С приходом к власти Ричарда ситуация в корне изменилась: Рис вновь начинает активные военные действия на территориях Марки. В 1196 г. он взял Кармартен, Рандор и Пэйнкасл [13. Р. 76]. Таким образом, период относительного спокойствия в англо-валлийских отношениях подошел к концу.

Лорд Рис был покровителем бардов. Принято считать, что первый турнир бардов был устроен им в 1176 г. в Кардигане [13. Р. 71]. Именно Рис ап Гриффит создал политическую мифологию Дехейбарта, включая развитие культа Хауэла Доброго как основателя династии и легендарного валлийского законодателя. Не исключено, что запись валлийских законов состоялась в период его длительного правления. Лорд Рис покровительствовал монастырям Страта Флорида, Тэлли, Чертси и Уайтлэнд [15. Р. 166–167] и даже, если верить Гиральду Камбрийскому, собирался отправиться в Третий крестовый поход, но остался в Уэльсе, благодаря «женским уловкам» его супруги [7. Р. 4; 8. Р. 333]. Однако безупречным христианином Рис ап Гриффит явно не был. Валлийские хронисты превозносят мудрость и отвагу Лорда Риса, но его поведение (разумеется, не брак с кузиной, не считавшийся в этой стране предосудительным) порой вызывало серьезное осуждение. Так, 1173 г. был отмечен стихийными бедствиями: по сообщению «Хроники принцев», в день Вознесения Господня произошла гроза, сопровождавшаяся ураганом такой силы, что не осталось листьев на деревьях, затем случилось нашествие насекомых, уничтожившее урожай. В этом году произошла массовая гибель людей и животных, что, по мнению хрониста, не было удивительным, ибо родная племянница Лорда Риса (дочь его брата Мередита) родила ему сына [13. Р. 69].

Лорд Рис, как и Овайн Гвинедский, оставил этот мир, будучи отлученным от церкви, но не за близкородственный брак или порочные связи: к этим аспектам жизни самого могущественного из валлийских принцев церковь оставалась безучастной на протяжении многих лет. Он был предан анафеме перед смертью за «неуважение», проявленное им и его сыновьями к епископу Сент-Дэвидскому Питеру. Валлийские источники не упоминают отлучения Риса ап Гриффита, подробное описание событий содержится только в «Винчестерских анналах»: «Епископ Сент-Дэвидский Питер прибыл ко двору Риса, короля Уэльса, с тем, чтобы отечески просить его не нарушать мира с церковью и английским королем. Епископ ничего не достиг, осмеянный и оскорбленный он оставил двор. Следующей ночью сыновья Риса, посланные отцом, вытащили епископа из постели и раздетого поволокли его в лес, предлагая отвести его к их господину, пока люди Уи-

льяма де Браоза не освободили его. Утром епископ призвал всех архидиаконов и священников епархии и предал анафеме Риса и его сыновей. Рис умер спустя несколько дней. Гриффит с братьями явились к епископу, умоляя его о милости, со слезами обещая надлежащие повиновение и почитание английскому королю и ему самому. Епископ простил их, повелев высечь зловонное тело мертвого короля и его сыновей, с разрешения епископа Кентерберийского» [18. Р. 66].

Разумеется, безраздельно доверять сообщению английского монаха, записанному не ранее начала XIII столетия, нельзя. Напротив, предвзятость этого текста сомнений не вызывает: в глазах англичан валлийцы на протяжении всего Средневековья оставались «варварами», «смутьянами», «босоногими жуликами», не достойными доверия и понимания. Поэтому противостояние между английским епископом, выступающим в роли миротворца, и правителем нецивилизованного народа – сюжет вполне достойный английской хроники. Питер де Лейа стал епископом в 1176 г. [13. Р. 71], хотя он, очевидно, не испытывал к новой пастве ничего кроме презрения и страха, поэтому, по сообщению Гиральда Камбрийского, покинул Уэльс, переложив все обязанности на архидиакона. Во время своего отсутствия он «отстранял одних и отлучал других каноников и архидиаконов Сент-Дэвидса, без приговора и исповеди» [17. Р. 74]. Несмотря на то, что к суждениям Гиральда Камбрийского в данном случае стоит относиться с осторожностью, ибо он проиграл Питеру де Лейа в борьбе за Сент-Дэвидскую кафедру, надо признать, что епископ Питер явно не годился на роль посредника в англо-валлийских отношениях и их провал был предсказуем.

Рис ап Гриффит скончался в мае 1197 г. По словам хрониста, чума унесла в это время много жизней [13. Р. 76]. Смерть Лорда Риса стала неожиданностью, хотя его возраст по меркам времени мог считаться скорее почтенным. В «Хронике принцев» содержится пространная элегия на смерть Лорда Риса, написанная на латыни [13. Р. 78], что само по себе удивительно: это единственное подобное произведение, включаемое в состав хроники. Никакой информации о конфликте с епископом и посмертном наказании валлийский хронист не дает. Похоронен Лорд Рис был в соборе Святого Дэвида (рис. 1), что вновь свидетельствует об отношении валлийского духовенства к решениям английских духовных властей, касающихся принцев. Кстати, Овайн Кавэйлиог, отлученный архиепископом Болдуином, умер в том же году, что и Лорд Рис, и был похоронен в аббатстве Страта Марселла [13. Р. 79].

Совершенно очевидно, что отлучения от церкви валлийских принцев в рассматриваемый период были связаны не с игнорированием норм канонического права (что, тем не менее, невозможно отрицать), а с англо-валлийским противостоянием, одной из важнейших сторон которого была борьба за независимость валлийской церкви, начатая епископом Сент-Дэвидским Бернардом (1115–1148 гг.) и продолженная Гиральдом Камбрийским, дважды претендовавшим на пост епископа Сент-Дэвидского (в 1176 и 1198 гг.).

Рис. 1. Надгробие в Сент-Дэвидс, которое, как принято считать, было воздвигнуто над местом захоронения Лорда Риса

Претензии на архиепископский статус кафедры были обоснованы Гиральдом в труде «*De jure et statu Menevensis Ecclesiae*» [16. Vol. III]. Неудивительно, что папа Иннокентий III не поддержал эту инициативу, несмотря на неоднократные обращения Гиральда. Разумеется, английская корона не могла допустить уравнивания Кентерберии и Сент-Дэвидса, ибо церковь в рассматриваемый период была одним из рычагов воздействия на непокорный Уэльс.

Валлийские принцы в раннее Средневековье действительно пренебрегали требованиями церкви в брачно-семейных отношениях, апеллируя к нормам древнего обычая, оформленного в Законе Хауэла Доброго, являвшимся одним из важнейших символов независимости. Они не испрашивали диспенсаций, не расторгали заключенные с нарушениями браки, признавали детей, рожденных вне браков, а местное духовенство, пользуясь их поддержкой или испытывая давление с их стороны, позволяло себе игнорировать решения высших властей об отлучениях и их последствия. При этом политическая подоплека отлучений валлийских правителей XII в. представляется очевид-

ной. Несмотря на кажущуюся неэффективность мер, предпринимаемых англо-нормандскими духовными властями (решения об отлучениях явно игнорировались валлийским духовенством) в отношении непокорных валлийцев, нельзя не заметить, что ситуация в значительной мере изменилась в XIII в. Это во многом было связано с изменением как расстановки сил внутри региона, так и характером англо-валлийских отношений. Попытки вывода валлийской церкви из-под Кентерберийской юрисдикции были оставлены после неудачи Гиральда Камбрийского. Представители доминировавших валлийских династий все реже шли на открытый конфликт с церковью: так, Лливелин Великий испрашивал разрешение на брак с вдовой своего дяди Родри [19. Р. 8]. Кроме того, члены валлийских династий все чаще стали заключать браки с представителями влиятельных семейств Марки и даже Плантагенетами: Дэвид ап Овайн Гвинедский был женат на сестре Генриха II Эмме (незаконнорожденной дочери Жоффруа Плантагенета), а его племянник Лливелин Великий – на незаконнорожденной дочери Иоанна Безземельного Иоанне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jenkins D. The law of Hywel Dda: Law Texts from Medieval Wales. Llanysul, 1986.
2. Owen M.E. Shame and reparation: women's place in the kin // The Welsh Law of Women / ed. D. Jenkins, M.E. Owen. Cardiff, 1980.
3. Charles-Edwards T.M. Early Irish and Welsh Kinship. Oxford, 1993.
4. Pryce H. Native Law and the Church in Medieval Wales. Oxford, 1993.
5. John Pecham. Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi Cantuariensis / ed. by C.T. Martin. L., 1884. Vol. II.
6. The letters of John Salisbury / ed. by J.W. Millor, H.E. Butler, C.N.L. Brooke. Oxford, 1986.
7. Giraldus Cambrensis. Itinerarium Cambriae seu laboriosae Baldvini Cantuariensis Archiepiscopi per Walliam Legationis Accurata Descriptio Auctore Geraldo Cambrense. L., 1804.
8. The Historical Works of Giraldus Cambrensis / ed. by T. Wright. L., 1863.
9. The Law of Hywel Dda / transl. and ed. by Jenkins D. Llandysul, Ceredigion, 2000.
10. Pryce H. Native Law and the Church in Medieval Wales. Oxford, 1993.
11. Davies R.R. The age of Conquest. Wales 1063–1415. Oxford, 2000.
12. Roderick A.J. Marriage and Politics in Wales, 1066–1282. // Welsh History Review. Vol. 1, № 1. P. 3–20.
13. Brut y Tyvysogyon or The Chronicle of the Princes. Peniarth MS. 20 Version / transl. by J. Thomas. Cardiff: University of Wales Press, 1952.
14. The Correspondence of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury, 1162–1170 / ed. by A. Duggan. Oxford: Clarendon Press, 2000. Vol. I.
15. The Acts of Welsh Rulers 1120–1283 / ed. by H. Pryce. Cardiff, 2005.
16. Giraldi Cambrensis Opera / ed. by J.S. Brewer, J.F. Dimock, G.F. Warner (8 vols). L.: Longman, Green, Longman, and Roberts. 1861–1891.
17. The Autobiography of Gerald of Wales / ed. by H.E. Butler. L., 2005.
18. Annales Monastici / ed. by Henry Richard Luard. L., 1864. Vol. II.
19. Calendar of Entries in the Papal Registers Relating to Great Britain and England. Papal Letters. Vol. I A.D. 1198–1304. / ed. by W.H. Bliss. L., 1893.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 февраля 2019 г.

Excommunicated Princes in Medieval Wales

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 127–133.

DOI: 10.17223/15617793/464/15

Maria E. Loshkareva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mloshkareva@hse.ru

Keywords: medieval Wales; excommunication; Owain Gwynedd; Lord Rhys; Law of Hywel Dda.

Excommunication as a punishment for violating church rules on marriage and family relations was repeatedly imposed on members of Welsh dynasties during the 12th century. The aim of the research is to define the true reasons of such strict measures by means of analyzing historical sources: Welsh and English chronicles, including the Chronicle of the Princes, *Annales Monastici*, the corpus of Welsh native law texts known as the Law of Hywel Dda, the Historical Works of Gerald of Wales, some legal acts and official correspondence concerning Wales, including Thomas Becket's letters. The Welsh native law was considered as a "barbarian" one by the Church. Undoubtedly, Welsh native customs contradicted canon law to some extent, allowing marriages between relatives, permitting divorces without reference to ecclesiastical procedures, and tolerating extramarital relationship. Incest marriages between members of major Welsh dynasties were a widespread phenomenon in Wales till the 13th century. Such marriages seemed to be an inevitable part of creating native political alliances in the face of danger from the Norman invaders. Welsh dynasties were often closely interrelated through marriages, but far not always this fact drew attention of the church. Owain Gwynedd and the Lord Rhys, who are believed to be the most powerful Welsh leaders of the 12th century, were both married to their first cousins. Owain Gwynedd was excommunicated for refusal to have his marriage annulled on the grounds of consanguinity. Meanwhile, the same circumstances of the Lord Rhys' marriage went unnoticed. It must be taken into account that Owain Gwynedd's canonically unacceptable marriage became a subject of the Pope's attention only when the question of the Bishop of Bangor's election and subsequent conflict with the Archbishop of Canterbury, Thomas Becket, erupted. The Lord Rhys suffered the penalty of anathema just before his death not because of his scandalous marriage or immoral relationship but on account of disrespectful treatment of the Bishop of St. David's, Peter de Leia. Obviously, conflicts between the Welsh rulers and the Anglo-Norman senior clergy as an essential part of Anglo-Welsh confrontation were the underlying reasons for such measures as excommunication. It is noteworthy that both of the aforementioned great Welsh princes were buried with due honor in the consecrated land despite the fact of excommunication, which demonstrated that the Welsh native clergy were loyal to their Welsh patrons rather than to the supreme ecclesiastical authorities.

REFERENCES

1. Jenkins, D. (1986) *The law of Hywel Dda: Law Texts from Medieval Wales*. Llanysul, Dyfed: Gomer Press.
2. Owen, M.E. (1980) Shame and reparation: women's place in the kin. In: Jenkins, D. & Owen, M.E. (eds) *The Welsh Law of Women*. Cardiff: University of Wales Press.
3. Charles-Edwards, T.M. (1993) *Early Irish and Welsh Kinship*. Oxford University Press.
4. Pryce, H. (1993) *Native Law and the Church in Medieval Wales*. Oxford University Press.
5. Pecham, J. (1884) *Registrum epistolarum fratris Johannis Peckham, archiepiscopi Cantuariensis*. Vol. II. London: Longman.
6. Millor, J.W., Butler, H.E. & Brooke, C.N.L. (eds) (1986) *The letters of John Salisbury*. Oxford Medieval Texts.
7. Cambrensis, G. (1804) *Itinerarium Cambriae seu laboriosae Baldvini Cantuariensis Archiepiscopi per Walliam Legationis Accurata Descriptio Auctore Geraldo Cambrense*. London.
8. Wright, T. (ed.) (1863) *The Historical Works of Giraldus Cambrensis*. London.
9. Jenkins, D. & Hughes, L. (eds) (2000) *The Law of Hywel Dda*. Ceredigion: Gomer Press.
10. Pryce, H. (1993) *Native Law and the Church in Medieval Wales*. Oxford University Press.
11. Davies, R.R. (2000) *The age of Conquest. Wales 1063–1415*. Oxford University Press.
12. Roderick, A.J. Marriage and Politics in Wales, 1066–1282. *Welsh History Review*. 1 (1). pp. 3–20.
13. *Brut y Tyvysogyon or The Chronicle of the Princes*. Peniarth MS. 20 Version. Transl. by J. Thomas. Cardiff: University of Wales Press.
14. Duggan, A. (ed.) (2000) *The Correspondence of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury, 1162–1170*. Oxford: Clarendon Press, Vol. I.
15. Pryce, H. (ed.) (2005) *The Acts of Welsh Rulers 1120–1283*. Cardiff: University of Wales Press.
16. Brewer, J.S. Dimock, J.F. & Warner, G.F. (eds) (1861–1819) *Giraldi Cambrensis Opera*. In 8 vols. London: Longman, Green, Longman, and Roberts.
17. Butler, H.E. (2005) *The Autobiography of Gerald of Wales*. London: Boydell Press.
18. Luard, H.R. (ed.) (1864) *Annales Monastici*. Vol. II. London.
19. Bliss, W.H. (ed.) (1893) Calendar of Entries in the Papal Registers Relating to Great Britain and England. In: *Papal Letters*. Vol. I A.D. 1198–1304. London.

Received: 21 February 2019

М.В. Новиков

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1936–1939 гг.: СОВРЕМЕННЫЕ КОНСЕРВАТИВНЫЕ ВЕРСИИ

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9.

Рассматриваются консервативные версии одной из главных внешнеполитических инициатив Советского Союза в 1930-х гг. – помощи Испанской республике. Отмечается сохранение давней тенденции преувеличения степени советского влияния на руководство республики, причастности СССР к широкомасштабному террору в отношении гражданских лиц. Рассматривается новая версия мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт. Представлен критический анализ версии, отрицающей антифашистский характер испанской гражданской войны.

Ключевые слова: Испанская республика; гражданская война; советская помощь; консервативные версии.

80 лет назад, 1 апреля 1939 г., в Испании завершилась почти трехлетняя гражданская война, победу в которой одержали противники демократического пути развития этой страны, поддержанные фашистской Италией и нацистской Германией. Активное вмешательство этих держав в испанский конфликт, быстрое формирование в мятежной зоне диктаторского террористического режима во главе с генералом Ф. Франко, пытавшегося копировать некоторые элементы итальянского фашизма и германского нацизма, создали в большинстве стран устойчивое представление об антифашистском характере войны, которую вела Испанская республика.

Обращение руководства Испанской республики о продаже оружия за золото для борьбы с мятежниками к «великим демократиям» – Франции и Великобритании встретило горячую поддержку демократической общественности этих стран и более чем прохладное отношение правящих элит, опасавшихся революционных процессов, развертывавшихся в ходе гражданской войны. В соответствии с принятой политикой невмешательства в испанскую гражданскую войну, руководство Франции и Великобритании отказало демократическому буржуазному правительству Испанской республики в продаже оружия для борьбы с мятежниками, нарушив, в том числе, заключенные ранее торговые соглашения. В этих условиях правительство Испанской республики было вынуждено обратиться за помощью к СССР, с которым у республики не было даже официальных дипломатических отношений.

Первоначальная реакция советского руководства была отрицательной, что объяснялось отсутствием интересов в этой далекой по меркам того времени стране. Однако по мере увеличения количества обращений представителей республики по различным каналам, расширения масштабов германской и итальянской помощи мятежникам, угрозы военного поражения сторонников республики, формирования собственных внешнеполитических интересов советское руководство меняет свою позицию и принимает решение об оказании широкомасштабной, в том числе военной помощи Испанской республике. Специфические особенности механизма принятия принципиальных решений в СССР в тот период и связанное с этим

практическое отсутствие документальных и мемуарных источников привели к появлению большого количества версий о причинах вмешательства СССР в испанский конфликт, наиболее распространенными из которых являются четыре основные, сложившиеся в историографии за 80 лет.

В Советском Союзе помощь Испанской республике официально объяснялась интернациональным долгом советских граждан перед рабочим классом и крестьянством Испании, вступившими в вооруженную борьбу с международным фашизмом. Среди консерваторов на Западе было широко распространено представление о том, что Советский Союз, поддерживая республику, стремился к «мировой революции» и установлению коммунистического режима в Испании. Демократическая общественность западных стран, видя в Советском Союзе наиболее последовательного лидера всех антифашистских сил мира, полагала, что Москва не могла не прийти на помощь испанцам, сражавшимся с международным фашизмом. В противном случае СССР рисковал утратить авторитет среди антифашистов и растерять сторонников в разных странах мира, а этого нельзя было допустить.

Вместе с тем значительная часть исследователей отвергает и «интернационалистическую», и «консервативную», и «антифашистскую» версии, указывая на прагматические расчеты советского руководства, перед лицом фашистской угрозы пытавшегося через оказание помощи Испанской республике установить более тесное сотрудничество с Францией и Великобританией [1. С. 201]. Современные российские историки, как правило, также указывают на прагматические задачи, стоявшие перед дипломатией СССР в 1936–1939 гг. [2–4]. В отечественной историографии их впервые раскрыл мой научный наставник М.Т. Мещеряков, подчеркнувший, что «долговременные стратегические интересы понуждали Советский Союз к активному участию в испанской войне» [5. С. 87].

В соответствии с принятыми руководством страны решениями СССР оказал Испанской республике существенную гуманитарную помощь, оплаченную добровольными пожертвованиями советских граждан [2], всю возможную в тех международных условиях дипломатическую поддержку [3], организовал поставки современного оружия и направил в Испанию

военных специалистов на коммерческой основе [6]. По признанию и современников, и историков, именно помощь Советского Союза позволила Испанской республике вести длительную вооруженную борьбу с объединенными силами мирового фашизма [7. С. 27]. Возникла парадоксальная ситуация, когда коммунистический Советский Союз помогал испанской демократии, а демократические страны – Франция, Великобритания, США – скорее оказывали помощь фашистскому режиму генерала Франко. Этот достойный эпизод истории советской внешней политики давно стал предметом самых изощренных домыслов и спекуляций и во франкистской, и в консервативной западной историографии, представители которой пытаются бросить тень на действия СССР, а заодно и оправдать близорукую предвоенную политику руководства «великих демократий».

В 2007 г. нам казалось, что одной из основных тенденций в развитии мировой историографии гражданской войны в ближайшие годы будет интеграция национальных литератур и поиск компромиссных оценок по спорным сюжетам, приближение к исторической истине [2. С. 309]. Как показало дальнейшее развитие событий, этот прогноз оказался преждевременным. Неоконсервативная волна в западной историографии начала XXI в. оказала влияние и на литературу о гражданской войне в Испании, причем в центре внимания вновь оказалась советская помощь Испанской республике.

Мы уже отмечали, что в условиях XXI в. известный американский историк, крупнейший специалист по истории гражданской войны в Испании Стенли Пейн предпринял попытку реанимировать версию о том, что СССР пришел на помощь Испанской республике с целью продвижения мировой коммунистической революции и установления при определенных условиях в Испании еще одной советской республики [8. С. 128].

Будучи профессиональным историком высшей квалификации, Пейн приходит к этому выводу на основании изучения широкого круга источников, включая изданные в СССР и в современной России сборники документов, произведения вождей мирового коммунистического движения (И. Сталина, Г. Димитрова, П. Тольятти, Д. Мануильского, Х. Диаса, Д. Ибаррури и др.), воспоминания, дневники и эссе очевидцев гражданской войны (в том числе М. Кольцова, И. Эренбурга, Н.Г. Кузнецова, С.А. Ваупшасова), труды советских и российских исследователей с 1930-х гг. до наших дней [9].

Пейн подробно анализирует неудачные попытки приблизить мировую коммунистическую революцию, неоднократно предпринимавшиеся советским руководством с 1920-х гг., в том числе и случаи оказания военной помощи различным революционным движениям в соседних с СССР государствах. Вместе с тем он рассматривает изменение тактики коммунистов после состоявшегося в 1935 г. VII конгресса Коминтерна, призвавшего к созданию антифашистского «народного фронта» – широкой коалиции демократических партий и движений, которая могла бы легальным путём добиться власти и сформировать своё пра-

вительство без участия коммунистов, но при их полной поддержке. Это называлось «демократией нового типа», более «передовой» по сравнению с «буржуазной». Однако, как отмечает Пейн, «пролетарская революция оставалась главным пунктом повестки дня». Подтверждением этого он считает выступление Г. Димитрова, заявившего: «Мы должны честно сказать массам: народный фронт не может принести окончательного освобождения... Необходимо готовиться к социалистической революции. Советская власть и только советская власть может принести окончательное освобождение» [9. Р. 63]. Тем самым, утверждает Пейн, даже если коммунисты искренне боролись за демократию в Испании в 1936–1939 гг., всё равно после возможной победы они захотели бы установить собственный режим и образовать ещё одну советскую республику. И хотя, по словам Пейна, «общепризнанно, что к середине 1930-х годов Сталин полностью потерял интерес к Коминтерну и отказался от идеи разжигания мировой революции», революционная перспектива «оставалась частью фундаментальной советской имперско-революционной парадигмы» [9. Р. 128].

Неоконсервативная, неофранкистская трактовка концептуальных положений истории гражданской войны характерна и для современной испанской историографии [10. С. 511–512]. Журналист, публицист, историк Луис Пио Моа Родригес, опираясь преимущественно на модернизированные франкистские мифы, предпринимает попытку пересмотреть некоторые положения общепринятой в западных странах и современной России демократической концепции испанской гражданской войны в целом и советской помощи Испанской республике в частности. Его материал впервые появился в 2016 г. на одном из сайтов в связи с 80-летием начала гражданской войны в Испании [11], а затем был издан в переводе Е.А. Полетаевой в «Русском сборнике», посвященном этому же событию [12. С. 81–99]. В статье с характерным названием «Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о гражданской войне в Испании» он пытается преимущественно на основе домыслов подвергнуть ревизии ряд общепринятых версий, связанных с различными аспектами оказания Советским Союзом помощи Испанской республике, включая ее мотивы.

Подобно Пейну [9. С. 1–7], Родригес полагает, что советское видение гражданской войны в Испании необходимо рассматривать в рамках ленинской теории империализма как высшей стадии капитализма, сопровождаемой неизбежными войнами ведущих держав за передел мира. Первая мировая война привела к революции в России и образованию СССР, противоречия между империалистическими державами должны были неизбежно привести к новой мировой войне [12. С. 81].

Согласно Пейну и Родригесу, которые ссылаются на одну и ту же цитату из труда С. Коткина, по их мнению, адекватно отражающую сущность советской внешней политики, «будущий вооруженный конфликт между сильнейшими капиталистическими государствами представлялся неизбежным в силу самой

природы капитализма. Целью Советского Союза было уклонение от ближайшей большой «империалистической войны» до тех пор, пока главные капиталистические страны окончательно друг друга не ослабят, и последующее решительное вступление в нее с целью обеспечить мировую победу коммунизма» [12. С. 82].

В соответствии с данной целью СССР, по версии Родригеса, начал помогать Испанской республике не для борьбы с фашизмом, не ради защиты испанской демократии и даже не для того, чтобы через совместную работу по оказанию помощи Испанской республике наладить сотрудничество с Францией и Великобританией. Оказывается, хитроумный, коварный и всемогущий Сталин, приглашая в 1936 г. Францию и Великобританию к совместным действиям в испанском вопросе, на самом деле пытался втянуть их в вооруженную конфронтацию с фашистскими державами. Сталин якобы способствовал возрастанию противоречий между империалистическими державами, «другими словами, он добивался, чтобы война, представлявшаяся неизбежной, вспыхнула на Западе, между нацистской Германией и демократиями, а не на востоке, между Гитлером и СССР» [12. С. 82–83].

Родригес утверждает, что если бы стратегия столкновения демократических и фашистских государств Европы из-за Испании имела успех, то в новой мировой войне СССР оказался бы не участником, а арбитром, «наблюдающим за тем, как противники истощают друг друга». Неизбежным следствием войны должны были стать разруха и нищета, «которые привели бы к новым коммунистическим революциям» [12. С. 83].

Приглашая рассматривать советскую политику в отношении испанского конфликта в контексте предыдущих рассуждений, Родригес утверждает: «Испанская война приобрела исключительную важность для Сталина. Первое время он относился к ней с опасением, поскольку она угрожала «мирному» развитию левых революционных сил в Испании. Когда же Сталин убедился в том, что борьба затягивается, стала очевидной двойная возможность: во-первых, столкнуть империалистические государства между собой там, на значительном расстоянии от собственных границ, во-вторых, установить в другой стране режим, лояльный советскому» [12. С. 84].

Бездокладательно изображая из Сталина всесильного мирового лидера, способного манипулировать великими державами, Родригес замалчивает общеизвестный факт относительной военно-экономической слабости СССР в 1936–1939 гг. Возможности СССР серьезно влиять на мировую политику в тот период были крайне ограничены, и отмеченное выше желание Сталина, если оно и было, очень трудно было воплотить в реальность.

Все известные документальные источники говорят о том, что главной целью советской политики в ходе конфликта была победа Испанской республики в гражданской войне с сохранением существующего конституционного строя в рамках буржуазной демократии. Практически все историки, в том числе придерживающиеся консервативных взглядов, отмечают, что Сталин решительно пресекал все попытки социа-

листического экспериментирования и даже постановки задач по установлению социализма в Испании, понимая нереальность таких целей в тех конкретно-исторических условиях. Предполагалось, что после победы в гражданской войне Испанская республика сохранит дружественные отношения не только с Советским Союзом, но и со всеми демократическими государствами, прежде всего с Францией и Великобританией.

Пытаясь привлечь Францию и Великобританию к сотрудничеству по оказанию помощи Испанской республике, советское руководство рассчитывало на установление с ними партнерских союзнических отношений. Родригес объясняет отсутствие встречного движения со стороны Франции и Великобритании революционными процессами в Испании, опасениями советизации Испании, хотя на самом деле это было проявлением более глубокой, публично не афишируемой политики британского и французского империализма – политики взращивания германского нацизма для будущей войны с СССР [13. С. 69–70].

Консервативный тезис о намерении Сталина столкнуть демократические и фашистские государства на полях Испании не выдерживает критики и по другим основаниям: в 1936–1938 гг. военный конфликт между ними был невозможен в силу абсолютной неготовности Германии к большой войне и в силу пацифистских настроений во Франции и Великобритании, о чем Сталин был прекрасно осведомлен.

В русле консервативной концепции, существенно преувеличивая влияние СССР в Испании, Родригес утверждает, что «Сталин не ограничился оказанием помощи левосепаратистскому лагерю, он практически подчинил его себе с помощью трех инструментов: контроль над финансовыми резервами, влиятельные военные советники и, главное, Коммунистическая партия Испании, которая являлась прямым агентом Москвы» [12. С. 89].

Первым из трех инструментов Родригес называет установление советского контроля над финансовыми резервами Республики, имея ввиду перебазирование золотого запаса Испании в Советский Союз в октябре–ноябре 1936 г. [14]. Он прямо пишет, что «благодаря переводу значительной части испанских финансовых резервов в Москву в руках Сталина оказалась судьба Народного фронта» [12. С. 86]. В действительности же испанское золото находилось в Москве на хранении, и практика передачи золота с этой целью в другие страны была достаточно широко распространена. Так, в частности, поступила Франция в годы Первой и Второй мировых войн, перебазировав свое золото в США [9. Р. 149].

Испанское правительство полностью контролировало расходование находившегося в Москве золота. В 1936 г. золотой запас Испании оценивался в 783 млн долл., причем часть его стоимостью 155 млн долл. в начале конфликта была перебазирована во Францию для кредитования закупок товаров гражданского и военного назначения, где эти активы были «заморожены». Испанское золото (510 т) рыночной стоимостью около 500 млн долл. перевезли в Москву [15. С. 292]. Часть его на сумму 202,4 млн долл. была

использована на оплату масштабной советской военной помощи [6. С. 98], остальное израсходовано на закупки оружия и различных материалов в третьих странах. Отмечаемые многими исследователями малоэффективные закупки в третьих странах привели к быстрому исчерпанию золотого запаса, и Испанское правительство было вынуждено просить у советского руководства кредиты для оплаты советских военных поставок, что привело к определенному охлаждению отношений [16. Р. 118–119], так что разговоры о «полном контроле над финансовыми резервами» являются преувеличением.

Точно также выглядит ситуация и со вторым инструментом советского влияния – военными советниками. За годы войны в Испанию было командировано 584 военных советника, в том числе в 1936 г. – 100, в 1937 г. – 150, в 1938 – 250, в 1939 – 84. По мнению главного военного советника в 1937–1938 гг. Г.М. Штерна количество советников было совершенно недостаточным, оно обеспечивало потребности Народной армии Испанской республики на 25%, лишь на уровне корпусов, дивизий и бригад, в то время как во франкистских войсках иностранные советники были прикомандированы к каждому батальону, как правило, по два немецких офицера и по семь унтер-офицеров на каждый батальон [2. С. 247].

Рамки полномочий советских офицеров были жестко ограничены. В известном письме И. Сталина, К. Ворошилова и В. Молотова премьер-министру Л. Кабальеро подчеркивалось, что «советский работник, будучи иностранцем в Испании, может принести действительную пользу лишь при условии, если он будет строго придерживаться рамок советника и только советника» [2. С. 248]. Относительно краткое пребывание советников в Испании, как правило, около 6 месяцев, незнание испанского языка и особенностей сложной социально-политической обстановки в республиканской зоне отнюдь не способствовали налаживанию нужных для организации влияния связей с гражданским и военным руководством Испанской республики.

Многие советники были молоды и неопытны, так же как их испанские коллеги, которым они должны были давать советы. Р.Я. Малиновский отмечал, что советники при некоторых командирах дивизий были «отличными лейтенантами, прекрасными командирами рот и взводов, но, конечно, не были готовы командовать дивизиями – да и как давать советы о том, о чем не имеешь понятия?» [17. С. 275].

По мнению авторитетного британского историка Э. Бивора, многие серьезные проблемы во взаимоотношениях советников и испанских офицеров проистекали из столкновения очень разных культур в политической и социальной сферах, у советских граждан не было опыта общения с иностранцами, особенно несогласными с политикой Сталина, что приводило их в шоковое состояние [17. С. 275].

Наиболее серьезным инструментом советского влияния являлась Коммунистическая партия Испании (КПИ), ставшая в годы гражданской войны «воюющей партией», подчинившей всю свою деятельность одной главной цели – достижению военной победы.

Беспримерные жертвы и успехи коммунистов снискали им уважение даже у их заклятых врагов в руководстве Испанской республики, что открывало возможности для расширения зоны советского влияния. КПИ практически беспрекословно шла в фарватере сталинской политики, что особенно ярко подтверждается ее активным участием в разгроме и физическом уничтожении настоящих и мнимых сторонников Л. Троцкого на территории Испании. После печально известного февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) генеральный секретарь ЦК КПИ Хосе Диас подчеркивал: «Мы боремся с троцкистами потому, что они являются агентами наших врагов, пробравшимися в ряды антифашистов. Ошибочно было бы считать троцкистов частью рабочего движения. Это беспринципная группа контрреволюционеров, агентов международного фашизма. Глава этой контрреволюционной банды – Троцкий – прямой агент гестапо» [2. С. 272].

Тот факт, что КПИ была послушным орудием в руках Сталина, вовсе не значил автоматического увеличения советского влияния в республиканской зоне, так как компартия была лишь одной из составляющих Народного фронта, причем не самой значительной, и возможности коммунистов были весьма ограничены. В целом утверждение Родригеса о том, что Сталин «практически подчинил» себе республиканскую зону, представляется сильно преувеличенным, скорее можно говорить о попытках политических и военных советников оказывать влияние на тех или иных руководителей Испанской республики с целью принятия решений просоветского характера, а также о противодействии этим попыткам представителей буржуазно-демократических партий, а также социалистов и анархистов.

Развивая на основе домыслов свою версию мотивов вмешательства СССР в испанский конфликт, Родригес заявляет, что в ноябре 1936 г., когда франкисты готовились к захвату Мадрида, «СССР усилил материальную и организационную помощь, создав условия для окончания войны и разгрома Франко. С этой целью левые, после консультаций с Советским Союзом, попытались использовать свое материальное превосходство, чтобы остановить и уничтожить малочисленную «фашистскую» армию... Если бы левые тогда победили, Москве не удалось бы привлечь на свою сторону демократические государства, но она, по крайней мере, могла бы рассчитывать на обязательный ей и политически близкий режим, в котором решающую роль играла бы Коммунистическая партия Испании» [12. С. 87].

В приведенной цитате содержатся по крайней мере три спорных утверждения. Во-первых, общеизвестно, что в ноябре 1936 г. в районе Мадрида республиканцами проводилась оборонительная военная операция и отсутствовали планы полного разгрома франкистской армии. Во-вторых, Москве так и не удалось, несмотря на все усилия, убедить руководство демократических стран оказать помощь Испанской республике. В-третьих, если бы произошло чудо, и в ноябре 1936 г. республиканцы победили в гражданской войне, вряд ли СССР мог рассчитывать на содействие КПИ в налаживании взаимодействия с руководством

республики по очень простой причине – компартия в тот период была малочисленна и не имела того морального авторитета, который она приобретет по мере развертывания событий гражданской войны.

Нельзя не согласиться с версией Родригеса о причинах поражения Испанской республики. Действительно, гражданская война началась при значительном материальном превосходстве республиканцев, под их контролем находились почти все финансовые резервы, главные промышленные и сельскохозяйственные регионы, крупные города и коммуникации, почти половина армии, значительная часть флота, авиации и сил безопасности. «То, – подчеркивает Родригес, – как Народный фронт потерял это превосходство, наиболее ярко демонстрирует его несостоятельность, увеличенную соперничеством и раздорами внутри партий. Исключение составляли коммунисты, руководимые непосредственно Москвой. У Коммунистической партии Испании, изначально слабой, действительно была политическая и военная стратегия и дисциплина, которые в скором времени позволили ей занять лидирующее положение в Народном фронте, хотя это и не было абсолютным лидерством» [12. С. 88].

Оценивая объемы военной помощи республиканцам и франкистам со стороны СССР, Италии и Германии, Родригес придерживается версии о примерном ее паритете и о том, что иностранная военная помощь не была решающим фактором в победе франкистов и поражении республиканцев. Мы придерживаемся схожей точки зрения, правда с учетом закупок оружия, произведенных Испанской республикой не только в СССР, но и в других странах. Мы полагаем, что военное превосходство франкистов стало следствием не большего количества поставленного оружия, а более эффективного его использования [2. С. 311].

Нельзя также не согласиться с общеизвестными фактами расходования средств республиканцами и франкистами на закупку оружия: «Расходы Народного фронта были гораздо более значительными, чем у его противников, возможно, из-за широко распространенной коррупции» [12. С. 89]. С Родригесом солидарен Пейн, который пишет, что все расходы республиканцев по закупкам оружия за рубежом, включая поставки из СССР, составили около 800 млн долл. в текущих ценах того времени, причем все было оплачено немедленно золотом. Для сравнения: генерал Франко получил военных товаров и услуг из зарубежных источников на сумму около 700 млн долл., на 225 млн долл. из Германии и на 410 млн долл. из Италии, причем все поставки были произведены в кредит, погашение которого предполагалось после окончания гражданской войны. Пейн подчеркивает, что, оплачивая поставки оружия и военного снаряжения с помощью кредитов, а не золота, как Испанская республика, Франко смог закупить больше оружия и военного снаряжения, что было важно для достижения военной победы [9. С. 158].

Родригес пытается поставить под сомнение антифашистский характер гражданской войны, рассматриваемой большинством зарубежных и российских авторов как вооруженное столкновение демократии и фашизма, предъявляя в качестве аргумента дискуссионную версию о сущности франкистского режима не как фашистского, а как чисто авторитарного: «Франкизм был авторитарным, но не тоталитарным режимом, и внутри него соперничали четыре основные тенденции, которые называют «политическими семьями» (*familias políticas*): фалангисты, карлисты, монархисты и католические политики... Как единственным общим пунктом программ левых было радикальное неприятие католицизма, так все франкистские «семьи» объявляли себя католическими, так что режим в итоге определил себя католическим с точки зрения идеологии и конфессиональной принадлежности» [12. С. 99].

Делая акцент на некоторых особенностях франкизма, действительно имевших место, Родригес совсем «забывает» об общих, схожих его чертах с другими разновидностями фашизма: франкизм периода гражданской войны подобно итальянскому фашизму и германскому нацизму создавался на основе разрушения устоев прежней государственности – Второй испанской республики, основанной на признании всеобщих выборов как источника верховной власти; франкизму, как и другим фашистским государственным системам, была характерна максимальная концентрация власти, вплоть до ликвидации самого принципа разделения различных ее ветвей [18. С. 48]. Франкизм как форма государственности был призван выполнить те же функции, что и прочие разновидности фашизма – прежде всего обеспечить при помощи комплекса специфических мер, включая беспощадный террор против политических противников, укрепление ослабленной социально-политической структуры, действовавшей в конечном счете в интересах землевладельческой олигархии и реакционной номенклатуры для них надежную гарантию безопасности от грядущих потрясений [18. С. 47–48].

В этом политическом раскладе фактор католицизма не имел решающего значения, но он был с успехом использован франкистами в пропагандистских целях. Известный советский и российский испанист С.П. Пожарская так оценивала ситуацию, связанную с формированием франкистского режима в период гражданской войны: «В ближайшем окружении каудильо господствовало убеждение, что в условиях гражданской войны надо делать ставку только на “традиционно правящие элементы” в политической и экономической сфере, т.е. на финансовую и промышленную олигархию, земельную аристократию, армию и епископат. Вместе с тем советники Франко, типа Серрано Суньера, разделяя в общем эти убеждения, пытались внести некоторые коррективы, касающиеся скорее формы, нежели существа дела, полагая, что новым временам больше соответствуют “новые формы” авторитарного государства, образцом которого они считали государство фашистского типа, и такое правительство, где бы фалангисты играли видную роль. В этом франкисты, подобно Серрано Суньеру, видели также залог благосклонного отношения к “националистической Испании” Германии и Италии, без помощи которых победа в гражданской войне была невозможна. В итоге законодательство, определившее основы франкистского государства, представляло собой своего рода компромисс между этими точками зрения» [19. С. 322].

В подтверждение своей версии Родригес представляет также дело таким образом, как-будто режимы Гитлера и Муссолини в 1936–1939 гг., главные союзники франкистов в гражданской войне, были вполне приемлемыми для политического сотрудничества: «С морально-политической точки зрения, фашизм Муссолини не отличался большой кровожадностью, политика Гитлера еще не превратилась в геноцид... часто не делают различия между Гитлером того времени и Гитлером периода Второй мировой войны – недопустимая хронологическая ошибка для состоятельной исторической концепции» [12. С. 89].

Пытаясь приукрасить итальянский фашизм и германский нацизм и «забыв» о сотнях тысяч репрессированных членов Коммунистической партии Германии и граждан этой страны еврейской национальности в период с 1933 по 1936 г., упрекая авторов демократической ориентации в «хронологической ошибке», Родригес сам совершает подобную, не делая различия между франкистским режимом периода гражданской войны – террористическим и диктаторским, характеризуемым как «испанская разновидность фашистской государственности» [18. С. 47], и более поздним, послевоенным, вынужденным приспособляться к условиям сотрудничества со своим новым главным союзником – «оплотом демократии» – США.

Доказав, как ему представляется, что франкистский режим периода войны не имел никакого отношения к фашизму, Родригес предпринимает попытку реанимировать старый франкистский миф о том, что Испанская республика была не демократическим государством: «Огромное количество авторов (А. Виньяс и многие другие) отстаивали и продолжают отстаивать мнение, что испанский режим, поддерживаемый и в значительной степени руководимый Сталиным, был демократией и что западные демократические государства совершили большой грех, бросив его на произвол судьбы. Эта версия представляет собой настоящий гротеск. Французское и, в особенности, английское правительства прекрасно осознавали: то, что совершили противники Франко, было очевидной и жестокой революцией, ничего общего не имевшей ни с какой буржуазной демократией. И они боялись, что она распространится на Европу и повергнет ее в кризис. Вряд ли они хотели закрывать глаза на очевидное: им было достаточно лишь поверхностного взгляда на партии, которые составляли Народный фронт, чтобы избежать какой-либо ошибки» [12. С. 90].

Произвольно манипулируя фактами, в том числе относящимися к довоенному периоду, Родригес пытается доказать, что главную роль в политической системе Испанской республики играли революционные партии – социалисты, анархисты и коммунисты, а не буржуазно-демократические партии, входившие в Народный фронт. Революционное трио социалистов, анархистов и сталинистов, по мнению Родригеса, отводило буржуазно-демократическим партиям скорее «декоративную роль, используя их для того, чтобы внешне это было похоже на демократию» [12. С. 91].

Желание выстроить данную версию вынуждает Родригеса пренебрегать общеизвестными фактами. Используя понятие «революционное трио», Родригес

пытается создать иллюзию некоего единства трех партий – социалистической, анархо-синдикалистской и коммунистической, якобы вместе стремившихся к революционным преобразованиям в стране. В действительности же эти партии преследовали разные цели в ходе гражданской войны и противоречия между ними иногда доходили до вооруженных столкновений. Так, в Испанской социалистической рабочей партии он замечает только одно ее революционное крыло во главе с Л. Кабальеро, совсем не упоминая о внушительных фракциях центристов и правых социалистов во главе с И. Прието и Х. Бестейро, совсем не революционных, придерживавшихся реформистской тактики Социалистического интернационала. Ничего не пишет Родригес и о падении влияния анархистов, действительно пытавшихся проводить революционные преобразования в 1936–1937 гг., после известных событий в Барселоне в мае 1937 г. Эти неудобные факты не вписываются в версию Родригеса о не демократическом характере политической системы Испанской республики, тем более, что в другой части своей статьи Родригес верно подчеркивает, что испанские коммунисты отказались от беспорядочных революционных реформ, предлагая отложить их до победы в гражданской войне, заключив союз с мелкой буржуазией [12. С. 86].

Умеренно консервативные подходы демонстрирует испанский историк Антонио Мануэль Мораль Ронкаль в статье «Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса Испании» в переводе Е.А. Полетаевой [20. С. 170–199]. Статья начинается с рассмотрения некоторых фактов революционного террора на территории Испанской республики [21. Р. 268–288], описания попыток посольств ряда иностранных государств предоставлять убежище подозреваемым в антиреспубликанской деятельности, а также анализа гуманитарной деятельности Международного Красного Креста. Из представленного материала создается впечатление, что террор в отношении политических противников проводился только в республиканской зоне, террор во франкистской зоне автором даже не упоминается.

Ронкаль или не знаком, или сознательно избегает использовать фундаментальную монографию известного британского историка Пола Престона «Испанский холокост», в которой подведен итог многолетним дискуссиям о характере и масштабах террора и в республиканской, и во франкистской зонах. Вывод Престона однозначен: террор в республиканской зоне был спонтанной реакцией на франкистский террор и характерен лишь для первых месяцев войны; франкистский террор носил планомерный и организованный характер, он продолжался не только на протяжении всей войны, но и в послевоенный период. Престон приводит практически точные цифры репрессированных – около 150 тыс. во франкистской зоне и около 50 тыс. в республиканской зоне, соотношение 3 к 1 [22. Р. XVII–XVIII]. Казалось бы, законченная дискуссия продолжается, Х. Руис со ссылкой на Пейна пишет в 2016 г. лишь о 100 тыс. репрессированных республиканцев в годы гражданской войны [23. С. 323].

Даже не упоминая об этом невыгодном для него сравнении – 3 к 1, Ронкаль пытается связать террор в республиканской зоне с Советским Союзом, представить Сталина его вдохновителем: «Сталин был убежден в том, что одной из основных причин поражения республиканцев может стать присутствие в их тылу предателей. Как и в России, советский лидер потребовал вести себя с предателями решительно. Задача выбора исполнителей, призванных доставить ему такую радость своей работой в Испании, легла на плечи иностранных коммунистов, в особенности немецких, которые объявили о своей готовности защищать Народный фронт и представляли собой наиболее дисциплинированную и организованную группу, а также на активистов Коммунистической партии Испании. В этих случаях офицеры НКВД действовали как инструкторы и надзиратели, контролирующие выполнение советских секретных заданий многочисленными иностранными солдатами интернациональных бригад» [20. С. 187–188].

Трудно не согласиться с данным высказыванием Ронкаля, тем более, что он ссылается на известную работу Б. Володарского о деятельности советских спецслужб в Испании в период гражданской войны [22]. Однако чрезмерное фокусирование внимания на данной версии создает впечатление, что вся репрессивная деятельность в отношении врагов на территории Испанской республики была следствием сталинских указаний, что не соответствует действительности. По приказу Сталина шло точечное уничтожение его политических противников. Речь может идти о сравнительно небольшом количестве людей, что не сопоставимо с десятками тысяч репрессированных. Инициаторами физических расправ с истинными и мнимыми врагами Испанской республики, как правило, выступали даже не органы власти Республики, а различные региональные и местные комитеты и советы, специальные подразделения политических партий и даже толпы простых граждан, разгневанных бомбардировками мирных городов [1. С. 340; 23. С. 345].

Ронкаль находит «тень Советского Союза» в организации бессудных расправ над политическими заключенными мадридских тюрем в ноябре 1936 г., когда войска Франко готовились к захвату столицы и освобождению из тюрем своих сторонников. «Советские советники, – пишет Ронкаль, – также отстаивали необходимость провести в Мадриде чистку среди заключенных, чтобы не допустить их перехода в руки солдат-франкистов» [20. С. 195]. Ссылаясь на «некоторых исследователей», Ронкаль утверждает, что представители советских спецслужб Александр Орлов и Иосиф Григулевич оказывали значительное влияние на республиканских руководителей во время принятия решения о проведении «чисток» в мадридских тюрьмах [20. С. 195].

Ронкаль затрагивает тему степени советского влияния на руководство Испанской республики, в частности он пишет: «Внешне советское влияние было очень значительным. График визитов советского посла был крайне плотным» [20. С. 188]. Далее он приводит перечень встреч советского посла в Мадриде М. Розенберга с различными руководителями рес-

публики, считая это подтверждением своей версии о «значительном влиянии». Ссылаясь на материалы аргентинского и норвежского дипломатов, Ронкаль отмечает «великолепные отношения между министром иностранных дел (Альварес дель Вайо. – М.Н.) и послом Советского Союза, которые, по мнению некоторых иностранных дипломатов, предполагали наличие связи, подобной той, что устанавливается между подчиненным и начальником.

В подтверждение Ронкаль приводит следующий эпизод: «В начале ноября (1936 г. – М.Н.) аргентинский представитель провел деловую встречу с Альваресом дель Вайо. Во время разговора в комнату ворвался советский посол Розенберг и, по словам аргентинского дипломата, не сняв ни пальто, ни шляпы, направился к министру с видом человека, занимающего руководящее положение и действующего с развязностью хозяина» [20. С. 188–189]. Давая общую оценку степени советского влияния на руководителей Испанской республики, Ронкаль, подводя итог, утверждает: «Все советские советники старались установить максимальные контроль и влияние на ход войны, экономическую политику и саму КПИ» [20. С. 198].

Данное утверждение Ронкаля является предметом давних дискуссий в зарубежной историографии, и с ним согласны далеко не все авторы. Так, испанский историк Жозеп Пуитжек Фаррас, свободный от консервативных предрассудков, прямо пишет, что Объединенная социалистическая партия Каталонии, в которую вошли все небольшие коммунистические группировки этого региона, отнюдь не была марионеткой советского консула в Барселоне В.А. Антонова-Овсеенко. «ОСПК, – подчеркивает Фаррас, – имела собственную позицию по происходящему в тылу и на фронте, которая действительно во многом совпадала с позицией консульства» [24. С. 262]. Схожую позицию занимает в этом вопросе британский историк Х. Томас. Он прямо заявляет: «Но было бы совершенно неправильно считать, что Негрин (премьер-министр Испанской республики. – М.Н.) был простым инструментом советской политики... Смешно было предположить, что такой жесткий и независимо мыслящий интеллект с таким нелегким характером может кому-то подчиняться» [1. С. 399].

Перечень подобных высказываний, противоречащих консервативной версии о полном подчинении Испанской республики советскому руководству, может быть продолжен. Очевидно, что невозможно точно измерить степень советского влияния, оценки носят субъективный характер, точно также было бы наивно отрицать наличие попыток советских представителей усилить это влияние. Думается, что истина как всегда посередине. Такой же оценки, на наш взгляд, заслуживает консервативная версия от причастности СССР к широкомасштабному террору в отношении гражданского населения в республиканской зоне. В то же время вряд ли мы можем согласиться с отрицанием консерваторами антифашистского характера гражданской войны в Испании и новой версией мотивов помощи СССР Испанской республике – столкнуть в 1936 г. на полях Испании фашистские и демократические государства. Общеизвестно,

что призывая Францию и Великобританию к сотрудничеству в деле оказания помощи Испанской республике, СССР ставил своей целью установление партнерских отношений с этими государствами для противодействия фашистской агрессии, а не для того, чтобы остаться в стороне в случае маловероятного в тех условиях вооруженного конфликта фашистских и демократических государств.

Рассматриваемые в данной статье работы принадлежат авторам, относящимся к разным научным школам. Пейн является классическим представителем американской консервативной исторической школы старшего поколения, считающего своих профессиональным долгом использование максимально возможного количества

источников с целью создания более объективной реконструкции исторических событий. В то же время для него характерно недоверие к советской внешней политике и убежденность в неискренности заявлений Сталина о поддержке испанской демократии.

Испанский историк Ронкаль, подобно Пейну, также пытается придерживаться классических подходов в реконструкции исторических событий, находясь в то же время в плену устоявшихся антисоветских предубеждений. Очевидно влияние идей постмодернизма на другого испанского автора – Родригеса, использующего заимствованный из его журналистской практики новый методологический подход – постправду [25. С. 20–30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 573 с.
2. Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. 2-е изд., испр. и доп. Ярославль: ЯГПУ, 2007. 320 с.
3. Малай В.В. Гражданская война в Испании и Европа: международный аспект конфликта. М.: Наука, 2011. 291 с.
4. Шубин А.В. Сталин и Испанская республика (1936–1939) // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 55–80.
5. Мещеряков М.Т. СССР и гражданская война в Испании // Отечественная история. 1992. № 4. С. 83–95.
6. Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000. 152 с.
7. Мельтюхов М.И. Политика «коллективной безопасности» Советского Союза в контексте международных отношений в 1933–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 15–54.
8. Новиков М.В. Советская военная помощь Испанской республике в 1936–1939 гг. в интерпретации англо-американских историков // Российская история. 2017. № 4. С. 123–133.
9. Payne S. The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism. New Haven and London, 2004. 400 p.
10. Родригес-Булгакова И. Испанская историография гражданской войны 1936–1939 гг. // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 503–516.
11. Сталин и гражданская война в Испании. 17 июля 2016 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>
12. Родригес Л.П.М. Некоторые принципиальные ошибки в представлениях о гражданской войне в Испании // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 81–99.
13. Стариков Н.В. Война чужими руками. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
14. Новиков М.В. Гражданская война, золото и советская военная помощь Испанской республике (1936–1939 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 109–115.
15. Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа / пер. с англ. В.Н. Матюшиной; под общ. ред. Ю. А. Васильева. М.: Междунар. отношения, 1995. 576 с.
16. Vinas A. Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War // European Studies Review. 1979. Vol. 9, № 1. P. 105–128.
17. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 / пер. с англ. А. Кабалкина. М.: Ко Либри, Азбука-Аттикус, 2018. 720 с.
18. Пожарская С.П. Франкизм как испанская разновидность фашистской государственности / Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М.: Наука, 1981. С. 47–63.
19. История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978. 602 с.
20. Ронкаль А.М.М. Советский посол в Мадриде: реакция иностранного дипломатического корпуса в Испании // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 170–199.
21. Payne S. Political Violence During the Spanish Second Republic // Journal of Contemporary History. 1990. Vol. 25, № 2–3. P. 269–288.
22. Preston P. The Spanish Holocaust. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2012. 700 p.
23. Руис Х. Ложное обвинение: Советский Союз и зверства республиканцев в Паракуэльос // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 315–350.
24. Фаррас Ж.П. Советское консульство и коммунистическое движение в Каталонии во время гражданской войны // Русский сборник. Т. XX: СССР и Гражданская война в Испании 1936–1939. М.: Модест Колеров, 2016. С. 245–271.
25. Баранов М.А. Мягкая сила в условиях постправды // Социально-политические исследования. 2018. № 1. С. 20–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 июня 2019 г.

Soviet Aid to the Spanish Republic in 1936–1939: Modern Conservative Versions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 134–142.

DOI: 10.17223/15617793/464/16

Mikhail V. Novikov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: m.novikov@yspu.org

Keywords: Spanish Republic; Civil War; Soviet aid; conservative versions.

The study is carried out within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 33.7591.2017/8.9.

The subject of the study is some modern conservative versions of the history of the Soviet Union's military assistance to the Spanish Republic in 1936–1939. The aim of the article is to attempt a critical analysis of the new and revived versions of the motives of Soviet intervention in the Spanish conflict, of the involvement of the Soviet leadership in large-scale terror against civilians in the republican zone, of the degree of influence of the Soviet leadership and Soviet representatives in Spain on the governmental structure of the Spanish Republic, of the anti-fascist character of the war. The study has established the inconsistency of the versions about

Soviet aid as a means of promoting the world revolution in Spain and as an attempt to draw the democratic and fascist states into a major war between themselves through the Spanish conflict, about the possibilities of Stalin in 1936 to manipulate the great powers. It has been proved that conservative historians exaggerate the degree of influence of Stalin and Soviet political representatives in Spain on the military-political leadership of the republic. The impact of the so-called “instruments” of Soviet influence in the Spanish Republic is also exaggerated. The first of the instruments is considered to be the relocation of part of the gold reserve to Moscow, which, allegedly, allowed the Soviet control over the finances of the republic to be established. The second is the activities of Soviet military advisers; the third is the Communist Party of Spain, which was part of the Comintern, and was considered as an obedient tool in the hands of Moscow. It was and still is traditional to attribute responsibility for unleashing large-scale terror against civilians in the republican zone to Stalin, which does not correspond to reality as convincingly proved by the British historian P. Preston in his famous work *The Spanish Holocaust*. The scale of terror was exaggerated in the republican zone and, accordingly, understated in the Francoist zone. The study shows the failure of attempts to distort the anti-fascist nature of the war waged by the Spanish Republic relying on the support of the Soviet Union, Mexico, the progressive public of most civilized countries of that time, as well as attempts to present the regimes of Hitler, Mussolini and Franco in 1936–1939 as quite respectable. The new and updated critical versions of the Soviet aid to the Spanish Republic considered in the article are the result of the neoconservative wave in western historiography, which influenced representatives of both the classical historical school and the adherents of postmodernism.

REFERENCES

1. Thomas, H. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii. 1931–1939 gg.* [The Spanish Civil War. 1931–1939]. Translated from English by I. Polock. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
2. Novikov, M.V. (2007) *SSSR, Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939 gg.* [USSR, Comintern and the Spanish Civil War 1936–1939]. 2nd ed. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
3. Malay, V.V. (2011) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii i Evropa: mezhdunarodnyy aspekty konflikta* [The Spanish Civil War and Europe: International Aspects of the Conflict]. Moscow: Nauka.
4. Shubin, A.V. (2016) Stalin i Ispanskaya respublika (1936–1939) [Stalin and the Spanish Republic (1936–1939)]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 55–80.
5. Meshcheryakov, M.T. (1992) SSSR i grazhdanskaya voyna v Ispanii [USSR and the Spanish Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*. 4. pp. 83–95.
6. Rybalkin, Yu. (2000) *Operatsiya “X”. Sovetskaya voennaya pomoshch’ respublikanskoj Ispanii (1936–1939)* [Operation “X”. Soviet military aid to the republican Spain (1936–1939)]. Moscow: AIRO-XX.
7. Mel’tyukhov, M.I. (2016) Politika “kollektivnoy bezopasnosti” Sovetskogo Soyuza v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v 1933–1939 gg. [The policy of “collective security” of the Soviet Union in the context of international relations in 1933–1939]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 15–54.
8. Novikov, M.V. (2017) Anglo-American researchers about Soviet military assistance to the Spanish Republic in 1936–1939. *Rossiyskaya istoriya – Russian History*. 4. pp. 123–133. (In Russian).
9. Payne, S. (2004) *The Spanish Civil War, the Soviet Union, and Communism*. New Haven and London: Yale University Press.
10. Rodrigez-Bulgakova, I. (2016) Ispanskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny 1936–1939 gg. [Spanish historiography of the Civil War, 1936–1939]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 503–516.
11. Regnum.ru. (2016) *Stalin i grazhdanskaya voyna v Ispanii* [Stalin and the Civil War in Spain]. 17 July 2016. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>.
12. Rodrigues, L.P.M. (2016) Nekotorye printsipial’nye oshibki v predstavleniyakh o grazhdanskoy voyne v Ispanii [Some fundamental mistakes in ideas about the Civil War in Spain]. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 81–99.
13. Starikov, N.V. (2017) *Voyna chuzhimi rukami* [War by someone else’s hands]. Moscow: Eksmo.
14. Novikov, M.V. (2018) The Civil War, gold and Soviet military aid to the Spanish Republic (1936–1939). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 109–115. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/15
15. Tsarev, O. & Costello, J. (1995) *Rokovye illyuzii. Iz arkhivov KGB: delo Orlova, stalinskogo mastera shpionazha* [Deadly Illusions: The KGB Orlov Dossier Reveals Stalin’s Master Spy]. Translated from English by V.N. Matyushina. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
16. Vinas, A. (1979) Gold, the Soviet Union, and the Spanish Civil War. *European Studies Review*. 9 (1). pp. 105–128.
17. Beevor, A. (2018) *Grazhdanskaya voyna v Ispanii 1936–1939* [The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936–1939]. Translated from English A. Kabalkina. Moscow: Ko Libri, Azbuka-Attikus.
18. Pozharskaya, S.P. (1981) Frankizm kak ispanskaya raznovidnost’ fashistskoy gosudarstvennosti [Francoism as a Spanish variety of fascist statehood]. In: Zharnovskiy, Ya. et al. (eds) *Fashizm i antidemokraticheskie rezhimy v Evrope* [Fascism and anti-democratic regimes in Europe]. Moscow: Nauka. pp. 47–63.
19. Filatov, G.S. (ed.) (1978) *Istoriya fashizma v Zapadnoy Evrope* [History of fascism in Western Europe]. Moscow: Nauka.
20. Ronkal, A.M.M. (2016) Sovetskiy posol v Madride: reaktsiya inostrannogo diplomaticheskogo korpusa v Ispanii [Soviet ambassador in Madrid: the reaction of the foreign diplomatic corps in Spain]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 170–199.
21. Payne, S. (1990) Political Violence During the Spanish Second Republic. *Journal of Contemporary History*. 25 (2–3). pp. 269–288.
22. Preston, P. (2012) *The Spanish Holocaust*. N.Y.; London: W.W. Norton & Company.
23. Ruiz, J. (2016) Lozhnoe obvinenie: Sovetskiy Soyuz i zverstva respublikantsev v Parakuel’os [False accusation: the Soviet Union and Republican atrocities in Paracuellos]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 315–350.
24. Farras, J.P. (2016) Sovetskoe konsul’stvo i kommunisticheskoe dvizhenie v Katalonii vo vremya grazhdanskoy voyny [Soviet consulate and the communist movement in Catalonia during the Civil War]. Translated from Spanish. In: *Russkiy sbornik* [Russian collection]. Vol. XX. Moscow: Modest Kolerov. pp. 245–271.
25. Baranov, M.A. (2018) Soft power in the conditions of post-truth. *Sotsial’no-politicheskie issledovaniya – Social and Political Research*. 1. pp. 20–30. (In Russian).

Received: 19 June 2019

Д.В. Пузанов

«АВРААМИЧЕСКАЯ МЕТАЦИВИЛИЗАЦИЯ» VIII–XIII вв.

Концептуализируется термин «авраамическая метацивилизация» как обозначение системы средневековых обществ, государственная идеология которых опирается на одну из авраамических религий. Рассматривается проблема соотношения терминов «мир-система» и «цивилизация». Определены основные характеристики авраамической метацивилизации как явления исключительно средневековой глобализации, обозначены ее хронологические рамки. Проанализированы эвристические возможности термина.

Ключевые слова: Средние века; авраамические религии; мир-система; цивилизация; идеология.

В современном мире по мере нарастания глобализационных процессов становится все более очевидным, что ни одно локальное общество не может рассматриваться как автономная система, лишенная всяких связей с окружающим миром. Однако взаимодействие различных государств, культур и этносов могло вести к созданию крупных систем задолго до возникновения капитализма. Различные направления мир-системного анализа предлагали разные обозначения для этих образований: миры-системы (общее название), миры-империи и миры-экономики И. Валлерстайна [1. С. 24], сети большегрузных товаров, сети престижных товаров, политические/военные сети, информационные сети К. Чейза-Дана и Т. Холла [2. Р. 52], региональные и даннические системы С. Амина [3. Р. 15] и т.д.

Отечественными учеными были предложены также такие определения, как миры-культуры [4. С. 189] и мир-культуры [5. С. 21]. Первый термин, правда, был «изобретен» Г.А. Завалько в рамках критики подхода С. Амина. Особое внимание С. Амина к мировым религиям Г.А. Завалько назвал отходом «от миров-экономики в сторону миров-культур (выделяемых, как и в цивилизационном подходе, в основном по религиозному признаку)» [4. С. 189]. Термин же «мир-культура» был предложен Л.Е. Грининым и А.В. Коротавым для обозначения крупных «доаграрных» «надсоциумных группировок», основанных «на единстве происхождения и культуры» (вроде культурного единства аборигенного населения Австралии), которые противопоставляются настоящему миру-системе [5. С. 21].

Слово «мир-культура» также было однажды употреблено Ф. Броделем как синоним цивилизации, мира-цивилизации [6. С. 61]. Попытка выработать обозначение крупных систем, включающих в себя разные государства и цивилизации, была предпринята и в рамках других подходов к изучению глобализационных процессов. Например, ойкумена В. Макнила, интерактивная зона Р. Данна [7. С. 23], историческая арена и центральная Ю.И. Семенова [8. С. 447] и т.д. Однако все эти названия оказались рабочими исключительно в рамках концепций их авторов и не могут поспорить своей популярностью с понятийным аппаратом исследователей миров-систем, аппаратом которых вынуждены в той или иной степени перенимать оппоненты подхода [7. С. 23, 32].

Миру-системе иногда противопоставляется цивилизация. Так, описывая докапиталистическую Европу,

И. Валлерстайн отмечает, что регион был «“цивилизацией”, но не мир-системой» [9. С. 19]. То есть, по мысли исследователя, феодальная Европа представляла из себя «ряд небольших систем (или разделений труда), в определенной степени связанных общей религиозной структурой и в ограниченных пределах – общим языком» [10. С. xiii]. В других работах И. Валлерстайн пишет, что великие цивилизации до Нового времени совпадали с мирами-империями [1. С. 24], «они охватывали огромные территории, и поэтому им пришлось выработать общий язык, общую религию и во многом общие обычаи» [11. С. 60–61]. Феодальная Европа же, как система «самое большее может быть описана как останки дезинтеграции недолго жившего мира-империи Каролингов» [10. С. xiii].

Несмотря на то, что И. Валлерстайн достаточно часто употребляет термин «цивилизация», его использование в трудах исследователя бессистемно. Помимо упомянутого выше значения И. Валлерстайн использует словосочетание «капиталистическая цивилизация» для обозначения современного мира-экономики [12]. Средневековую Европу, в зависимости от аспекта, которому уделено наибольшее внимание, исследователь называет то «христианской» [9. С. 42], то «феодальной» [10. С. xv] цивилизацией.

И. Валлерстайн действительно отрицает наличие какого-либо единого признака, по которым можно выделять цивилизации [13. Р. 3]. Исследователь рассматривает термин как своеобразный вариант групповой идентичности. Локальные цивилизации, по И. Валлерстайну, это не обособленные пути развития социальных организмов (как у Ж. Гобино, Г. Рюккерт, а затем и у Н.Я. Данилевского с А. Тойнби), это изменчивые, непостоянные творения современных групп [13. Р. 4]. За отличительные черты каждой цивилизации, по мнению И. Валлерстайна, современные исследователи принимают преемственности, которые в целях идеологической легитимации создавал каждый новый мир-империя [13. Р. 6]. С возникновением и экспансией капитализма, цивилизации – как способ легитимизации реструбутивных миров-империй – перестают существовать. Теперь единая капиталистическая цивилизация «доминирует над мышлением и действиями правителей и управляемых, угнетателей и угнетенных» [13. Р. 7]. Но локальные цивилизации сохраняются в наши дни в качестве воплощения «культурного сопротивления в капиталистическом мире-экономике» [13. Р. 9]. Цивилизация еще не уни-

чтожила цивилизации [13. Р. 10]. В то же время И. Валлерстайн не считает, что «мы действительно переживаем или должны переживать столкновение цивилизаций, в котором Западный мир, Исламский мир и Восточноазиатский мир оказываются выстроенными в боевой порядок друг против друга» [14. Р. 517].

А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин и В.А. Лынша существенно дополнили схему И. Валлерстайна, предложив рассматривать «политически децентрализованные цивилизации» как вариант мира-системы. Примером таких обществ исследователи считают систему древнегреческих полисов и средневековую Европу [15. С. 38–39].

К представителям мир-системного подхода иногда относят Д. Уилкинсона [16. С. 32], который выделял цивилизации по наличию признаков деловых отношений и связей между городами, а не культурного сходства. При этом в качестве формы социальной связи, неизбежно образующей единую цивилизацию, Д. Уилкинсон рассматривал и постоянные военные конфликты [17. С. 399]. Конкретные результаты исследования Д. Уилкинсона и даже понятийный аппарат (ср. «центральная цивилизация» Д. Уилкинсона¹ [17. С. 402–422; 18. Р. 61–62] и «центральная мир-система» [2. Р. 154], деление цивилизаций Д. Уилкинсона на центр и периферию [17. С. 417], представление о полупериферийном характере феодализма [18. Р. 64] и т.д.) действительно сближают теорию цивилизаций Д. Уилкинсона с мир-системной теорией.

Цивилизации, согласно Д. Уилкинсону, являются формой мира-системы [18. Р. 61, 67]. Но, как следует из работ самого Д. Уилкинсона, исследователь радикально переосмысливает концепцию А. Тойнби [17. С. 403; 18. Р. 63] с использованием сетевых теорий изучения геополитики [18. Р. 60]. Недаром ученик А. Тойнби В. Макнил относит Д. Уилкинсона к тому же течению, что и он сам, противопоставляя при этом неомарксистскому мир-системному подходу [7. С. 23]. Оба исследователя уделяли особое внимание столкновению разных культур. Развивая идею ойкуменической цивилизации А. Тойнби, они пришли к отрицанию самодостаточности конфликтующих культур [7. С. 20, 24–26]. Итогом чего и стало внешнее сближение с мир-системным подходом и даже прямые заимствования. Однако это сближение не коснулось парадигмальных основ.

«Цивилизация» в том виде, в каком воспринимает ее Д. Уилкинсон, практически дублирует понятие «мир-система» и едва ли может получить широкое применение. Традиционно под локальными цивилизациями понимаются системы, объединенные по культурному признаку, преимущественно благодаря общим философским, теологическим, идеологическим концепциям. В отличие от крупных (по ареалу распространения) культур, образовавшихся благодаря генетической преемственности, мировые религии и некоторые философские системы можно считать логичным следствием интеграции разных по социально-экономическому укладу и этнической составляющей сообществ. Именно так они и рассматриваются представителями мир-системного подхода. При этом религия также представляется как своеобразная техноло-

гия власти. Религиям может отводиться роль одного из элементов, определяющих существование подсистем в рамках единого мира-системы [19. Р. 78]. Иногда становление мировых религий рассматривается как важный этап в эволюции мира-системы [5. С. 31; 20. С. 38]. В то же время, как отмечают К. Чейз-Дан и Т. Холл, религии являются не только объединяющим фактором. Порой они «возводят барьеры между империями, путем определения конкурирующих идеологий и идентичностей» [2. Р. 175].

При этом религии редко ставятся в основу выделения миров-систем. Большее значение в этом отводится, как правило, экономике, политическим связям и распространению технологий. В любом случае даже когда выделяются только миры, обладающие явными признаками единства, мир-система является абстракцией [9. С. 428]. И в зависимости от того, какой аспект положен в основу ее выделения, будут отличаться ее сущность и размеры. Человеческие коллективы всегда взаимодействовали друг с другом, однако не всегда это взаимодействие создавало крупную целостную систему, в которой общие процессы определяли ход развития в большей мере, чем внутренняя динамика входящих в данное образование социумов. Сосуществование в этой системе разных культур становится принципиальным условием ее функционирования. Помимо прочего этой системе свойственно определенное разделение труда, иерархичность (деление на центр [ядро], периферию и полупериферию).

Возникает вопрос, что именно является главным объединяющим фактором в подобного рода системах? Какую сторону человеческой жизни можно назвать фактором глобализации? Большинство последователей мир-системного анализа делают акцент на экономике. Однако создание глобальной мировой экономики – плод позднего времени [21. Р. 16–17]. В древности обмен шел преимущественно престижными товарами. Этот обмен, конечно, способствовал определенной унификации далеких друг от друга социумов, однако не создавал единого транснационального экономического пространства и не был способен полностью поставить под свой контроль политические и социальные институты (как это происходит в капиталистической экономике). Обмен технологиями, кажется, первоначально должен был иметь больший эффект. Тем не менее технологии могут быть изобретены в разных уголках мира самостоятельно. Мировая универсальная научная сеть – тоже плод общества модерна.

Политическая интеграция в рамках больших иерархичных империй глобализует мир более очевидно. В то же время уже в древности возникают социальные институты (например, церковь), которые способны без создания единой политической структуры поддерживать взаимозависимость и целостность. Важным средством глобализации можно назвать способы и правила получения технологий, а также организации социальной, политической и правовой жизни².

Какой бы стороне общественной жизни не принадлежала ведущая роль в процессах интеграции, проблемы возникновения и существования универсально ориентированных культур имеют самостоя-

тельное значение. Приведенный выше обзор показал, как современные представления о межгосударственных коммуникациях прошлого корректируют представления о понятии «цивилизация». Имея очевидные соответствия в некоторых мирах-системах (особенно в мирах-империях), это понятие сохраняет известный потенциал для выделения группы государственных образований, в которой контакты в сфере идеологий более явны и заметны, чем политические и экономические. Необходимость создания общей культуры, единой картины мира возникает не только в рамках единого государства. Особенно хорошо этот тезис демонстрируется в отношении к западной части средневековой Евразии.

По мнению С. Амина, завоевания Александра Македонского формируют на территории Европы, Северной Африки и Передней Азии культурный регион, единство которого базировалось на общей метафизике [3. Р. 20–21; 22. Р. 113–120]. С этого момента на обозначенной территории возникает единая культура, существованию которой уже не препятствует ликвидация политического единства, а плотность обменов на материальном и духовном уровне становится постоянной [22. Р. 113–114]. Разработку метафизической реальности С. Амин связывает с необходимостью оправдать существующий социальный порядок в мире, где эксплуатация становится «прозрачной» [22. Р. 117–118]. Распространение христианства, а позже – ислама С. Амин считает следствием дальнейшего развития этой системы. Несмотря на то, что обе религии внесли существенный вклад в развитие региона, «все элементы метафизического триумфа», по мнению исследователя, «существуют с эллинистического периода» [22. Р. 119]. Такие выводы С. Амин обосновывает на базе анализа философской традиции изучаемого региона.

Анализируя сходства и различия трех авраамических религий, исследователь отмечает, что в Средние века все они занимали в целом схожие позиции в отношении к использованию античного философского наследия [22. Р. 108, 122, 126, 136]. Восприятие времени, ветхозаветной истории и эсхатологии, различное в трех мировых религиях, по справедливому замечанию С. Амина, порождало разное отношение к регламентации быта и оформлению политической власти. Иудаизм и ислам детально регулируют «все аспекты индивидуального права» и воспринимают только «теократическую концепцию власти». При этом обе религии, во многом вследствие сакрализации власти, «не имеют сложного публичного права» [22. Р. 38–40]. Благодаря «отмене закона» (вместо его «исправления», как в исламе) христианство радикально отличается от двух других авраамических религий. В отношении к власти христианство сначала избегало теократии, затем «дрейфовало к теократии», а затем снова отошло от нее [22. Р. 40–44].

Анализ С. Амина сходств и различий авраамических религий можно продолжать до бесконечности. Но следует особо отметить, что сходства эти обусловлены не только генетическими связями. Три религии действуют как бы в единой сфере духовных координат, в единой картине мира, отвечая по-разному на

одни и те же вопросы, пользуясь в целом схожим языком. То, что все три религии провозглашают себя единственно истинными, делает противоречия в разрешении религиозно-философских и догматических вопросов еще более непримиримыми. Претензия «на исключительную истинность вероисповеданий» доводит «до предельного напряжения сил», о чем писал еще К. Ясперс [23. С. 87]. Но, что еще более важно, это же обстоятельство противопоставляет новую государственную культуру традиционной, языческо-общинной более концептуально, чем это происходило, скажем, в Китае или Индии. Кажется, именно непримиримость каждой из авраамических религий к теологическому плюрализму вкупе с их взаимным противостоянием создало особый религиозный колорит возникших на их основе средневековых цивилизаций. Позиция Л.Е. Гринина, согласно которой Переднеазиатский регион был самым развитым в Евразии, возможно, привела к утверждению о значительной роли мировых религий и идеологических коммуникаций во всем Афроевразийском мире-системе [20. С. 40]. Однако следует особо отметить, что «нерелигиозное» конфуцианство и индуизм, предполагающий создание множества религиозных культов в рамках одной религиозной системы, скорее демонстрируют разные с Европейско-Переднеазиатским регионом пути развития [22. Р. 32].

Непонятно, насколько уникальна и сама ситуация, при которой почти все пространство мира-системы осваивают концептуальные философии. Ведь на Американском континенте развитие сильно отставало. Зато идеологические противоречия возводили барьеры между исламом и конфуцианством [2. Р. 175]. Противоречия же между исламом, христианством и иудаизмом хотя и подогревали непримиримую вражду, не мешали таким важным транзакциям, как, например, рост популярности трудов Ибн Рушда среди приверженцев иудаизма и латинского христианства [24. С. 665]. Роль арабов и византийцев в транспортировке знаний «античной классики» в Западную Европу вообще широко признана в современной науке [2. Р. 171; 22. 135–136, 138; 24. С. 714; 25. С. 539]. Но даже если бы подобных контактов не было, наличие единого метаязыка, в котором каждая из трех религий представляла себя и своих оппонентов в определенном локусе, все равно бы создавало некое подобие единства. Сочетание ветхозаветных категорий с положениями эллинистической науки способствовало таким явлениям, как унификация технологий в регионе, распространение права, основанного на религиозных текстах, создание схожих концепций исторического развития, где помимо общих категорий древней истории и грядущего конца света, например, народы вписывали друг друга в генеалогические схемы родства, восходящего к сыновьям Ноя. И вообще, осмысливали мир преимущественно при помощи библейских и эллинистических конструктов.

Предшествующий триумфу авраамических религий период, безусловно, не мог похвастаться такими же потенциалами к культурно-интеграционным процессам. С. Амин, может, и прав в том, что философская основа идеологии средневекового общества была

заложена в эллинистическую эпоху. Но исследователя в первую очередь интересовали вопросы формирования классовой идеологии. Если же говорить о возникновении универсальной и всеобъемлющей картины мира, которая без привязки к определенному этносу и видам профессиональной деятельности была способна сформировать крупное культурное пространство, сверхцивилизацию, включающую в себя другие цивилизации, то средневековый иудео-христианско-исламский мир сделал очевидные прорывы в этом направлении.

Недавно мною был предложен термин «авраамическая метацивилизация» для обозначения культурного ареала Европы, Северной Африки и Передней Азии с VIII по XIII в. [26. С. 65]. Ее существование и развитие были обусловлены двумя универсальными «межкультурами». Первая была основана, в первую очередь, на наследии предшествующей Средним векам эпохе эллинизма (эллинистическая наука и право). Вторая интегративная культура была более значимой. Именно она играла роль главного рычага средневековой глобализации. Это была совокупность религий, основанных на вере в единого Бога и откровении, данном ветхозаветным иудеям.

Именно эта тотальность – господство двух концептов осмысления мира – и позволяет мне говорить о существовании авраамической метацивилизации. Конечно, локальные традиции никуда не делись. Порой они играли даже решающую роль (как, например, в становлении идеологии власти в Хазарском каганате [27]). Но речь идет именно о глобальной культуре, которая исчезает вместе с появлением более совершенных средств глобализации. В такой ситуации единство авраамической метацивилизации рассыпается. Мировые религии сами становятся скорее фактом локальных, национальных культур. А эллинистическая наука постепенно уступает место современной, поэтому под словосочетанием «авраамическая метацивилизация» я имею ввиду исключительно явление, характерное для Средних веков.

Название термина тоже было выбрано не случайно. «Мета» (μετά) переводится с греческого как «между, среди», а также «после, за» [28. С. 799–800]. Иногда его используют как приставку, обозначающую больший уровень абстракции (например, «метаязык», «метатеория» [29. Т. 2. С. 540–541, 550–551]). Термин «метацивилизация» указывает на интегративную систему, совокупность общих свойств разных по своему происхождению, уровню развития и культуре исторических сообществ. Семиотически ее можно представить как междучивилизационный язык, на котором выражается коммуникативное пространство крупного региона. Социумы до вхождения в это пространство и после выхода из него могут иметь разную судьбу. Наконец, само это пространство определенно является причиной возникновения новых локальных обществ или кардинальной мутации старых.

Термин «цивилизация» воспринимается комплексно. Это и синоним культуры, и стадия развития. Под ней подразумевается культура доиндустриальных государств, имеющих общую идеологию (или одного государства-империи)³. При таком определении «ци-

вилизация» рассматривается одновременно и в качестве «стадии перехода... к... формам жизни, определяемым технологическим освоением природы и совершенствованием способа регуляции социальных отношений», и «некой устойчивой социокультурной общности людей и стран, сохраняющей свое своеобразие и целостность» [29. Т. 4. С. 334]. Отличие такого взгляда от формационного состоит в том, что цивилизация рассматривается как локальное явление. От классического цивилизационного подхода такое восприятие отличает отрицание самодостаточности отдельных цивилизаций и их устойчивости перед лицом перемен. Кажется, напротив, с самой ранней истории государственная культура тяготела к динамичному развитию, расширению и объединению с другими государственными образованиями в единую систему. Это с разным успехом происходило и в Афроевразийском поясе цивилизаций, и в Америке [31. С. 95–97].

Таким образом, метацивилизация – это совокупность разных государственных образований и цивилизаций, которая отличается известной целостностью и самодостаточностью. В отличие от других миров-систем или мира-системы вообще (если противопоставлять два понятия), метацивилизация выделяется, в основном, на базе обмена в области духовной культуры и идеологии. Вероятно, в истории было несколько образований, которые можно назвать «метацивилизациями». Авраамическая метацивилизация так названа потому, что ко времени ее формирования эллинистическая культура, хотя и продолжала играть важную роль в интеграционных процессах, была уже полностью подчинена ценностям авраамических религий. Знания эллинистической науки проникают на периферию системы уже в переработанном мировыми религиями виде, как дополнение к базовой, авраамической системе ценностей. Таким образом, авраамическая метацивилизация двойственна, в ней присутствуют два пласта культуры: авраамизм – совокупность представлений общих для всех авраамических религий; эллинизм – культура, выраженная в первую очередь в трудах греческих философов (преимущественно Платона, Аристотеля и их последователей). При этом системообразующим является именно авраамизм. И именно он на данном этапе упрощает расширение системы за счет включения в нее варварских в прошлом сообществ.

В таком отношении авраамическая метацивилизация не могла возникнуть ранее VII–VIII вв. До этого времени христианство, несмотря на его универсализм, оставалось, по сути, идеологией Римской империи. Эллинизм был обширнее и глобальнее. Даже после падения Западной Римской империи латинская церковь продолжала поддерживать тесные связи с наследницей Рима – Византией, а варварские королевства стремились к римскому образу жизни [32. С. 167, 169, 349]. Арабские завоевания действуют в двух направлениях. На востоке они способствуют подчинению философии авраамической культуре и распространяют эллинизм на общества слабо эллинизированные или не эллинизированные вовсе [22. Р. 125–126]. На западе – «отрезают» Европу от Средиземного моря, способствуют более последовательно-

му разрыву западной и восточной христианской церкви и теологизации политической власти [32. С. 327, 349]. Культурный ареал авраамизма резко расширяется и в восточном, и в южном, и в северо-западном направлении. Помимо этого, формируется трехчастная структура: три авраамические религии укрепляют самоидентификацию за счет отрицания друг друга. Средневековый мир приобретает знакомые черты, определяющиеся возросшим влиянием монотеизма на все сферы общественной жизни.

Вопрос о времени крушения авраамической метацивилизации я предпочитаю оставить открытым. Кардинальным образом равновесие в регионе будет нарушено в XIII в. Это особое время с точки зрения глобальной истории. Дж. Абу-Луход считает, что на вторую половину XIII – первое десятилетие XIV в. приходится пик развития средневекового мира-системы (в представлении исследовательницы, эта система объединяла огромные пространства Евразии – от Китая до Европы). Устанавливается «равновесие между Востоком и Западом». Оно «могло быть опрокинуто в любом направлении» [19. Р. 76]. Как бы то ни было, монгольские завоевания действительно меняют коммуникативную карту, перекраивая устоявшиеся торговые пути и втягивая во взаимодействие новые регионы. В это время впервые в обход стран ислама Западная Европа получает возможность контактировать с Китаем, откуда приходят важные технологии, которые способна усвоить уже достаточно развитая Европа [3. Р. 38]. Из факторов, ясно обозначивших закат единства авраамической метацивилизации, следует отметить растворение ее эллинистической составляющей. Происходит закат так называемого золотого века ислама, в XII–XIII вв. начинается упадок исламской философской мысли [24. С. 658]. Почти параллельно (XIII–XIV вв.) в Западной Европе появляются мыслители, которым приписывают в заслугу определенный разрыв со средневековой схоластикой (Р. Бэкон, У. Оккам). Татаро-монгольское нашествие, в свою очередь, способствует консервации культуры на завоеванных территориях авраамизма.

Несмотря на описанные выше обстоятельства, авраамическая метацивилизация, кажется, могла пережить это время. Исламская наука, несмотря на кризис, сохраняется и позже. Оригинальные мыслители исламского Средневековья появляются и в XIV в. [24. С. 659]. Да и в Европе разрыв с предыдущей эпохой оказывается несущественным. Р. Бэкон испытал существенное влияние исламской мысли [25. С. 588], а У. Оккам стремился восстановить «чистого Аристотеля», освобожденного от средневековых интерпретаций [25. С. 596]. Оба мыслителя не вышли за пределы схоластики. Проникновение же эллинистических знаний на Запад из Византии и арабских стран имело особое значение именно в XIII–XIV вв. [25. С. 539]. Известно также влияние византийской культуры на Ренессанс. В целом глобальное расхождение судеб разных культур авраамической метацивилизации, видимо, было связано с развитием капитализма. Поэтому, возможно, крушение авраамической метацивилизации по времени совпадает с крушением системы, названной С. Амином «Средиземноморской», т.е.

приходится на конец XV в. [3. Р. 20–21]. Во всяком случае, с колонизации Америки ни о каком культурном единстве Европы и Передней Азии говорить не приходится. Начинается капиталистическая глобализация, которая не терпит альтернатив.

В вопросах отличий капиталистической глобализации от предыдущих форм я в основном согласен с С. Амином. По мнению исследователя, качественное отличие капитализма от всех предыдущих систем состоит в том, что *закону стоимости*⁴ подчинена не только экономика, но и вся социальная жизнь, политика и идеология. Теперь «богатство контролирует власть, а раньше... власть... контролировала богатство» [3. Р. 130]. Основа капитализма, по мнению С. Амина, – «трехмерный интегрированный рынок (рынок товаров, капитала и труда)», если речь идет о национальной экономике, и двухмерный интегрированный рынок (рынок товаров и капитала), если речь идет об экономике мировой [3. Р. 134]. Именно такая особенность рынка делает поляризацию (деление на центр и периферию, богатые и бедные страны) такой жесткой, последовательной и неизбежной. До капитализма, по мнению С. Амина, центр не блокировал развитие периферии [21. Р. 17], центр от периферии в древности отличала степень централизации власти (в ядре она выше) «и ее выражение через государственную религию» (т.е. завершенность процесса формирования государственной идеологии) [3. Р. 31].

В отношении к Средиземноморской системе С. Амин предлагает следующее деление на центр-периферию: Христианская Европа (за исключением Византии и Италии) и некоторые исламские государства – периферия, Византия и империи Ислама – центр [3. Р. 21, 35]. Это же деление, мне кажется, корректно перенести на авраамическую метацивилизацию. Ведь оно очевидно отражает идеологические и даже сугубо культурные процессы. Попытка князя Владимира Святославича ввести византийское законодательство на Руси была обоснована идеологически (инициатива исходила от высшего духовенства), но она провалилась, потому что экономика периферийного государства не выдержала реформы [34. С. 91–92], явно предполагавшей высокую концентрацию прибавочного продукта и сильную централизованную власть. Зато появившееся в последствии на Руси обилие переводов невостребованного в юридической практике церковного права [35. С. 228–234] будет смущать исследователей, рассчитывающих использовать средневековые тексты для реконструкции права точно так же, как судья использует современные юридические кодексы для вынесения приговора [36. С. 100–101]. Но дело тут не только в особенностях средневекового восприятия правовой традиции, на которое указывал В.В. Долгов [37. С. 91–98]. Доходящее порой до анекдотичности несоответствие правовой теории и практики в данном случае было обусловлено именно периферийным характером развития.

Разница явно прослеживается и в восприятии менее практических элементов культуры. Протонаучные знания, в большинстве случаев, должны были быть менее развитыми на периферии. «Децентрализованные политические образования в принципе не были

заинтересованы в развитии и поддержке» некоторых форм «протонаучных знаний» [26. С. 102]. Зато не было никаких препятствий для популярности менее элитарных пластов «глобальной культуры» вроде апокрифов и неязыческой магии [38]. Даже отношение к такой культуре было разным. Сравнение Руси и Византии в данном случае дает уникальный материал, так как здесь единая религия распространяется и на центр, и на периферию. И описание этого процесса в старых терминах противостояния христианства и язычества уже давно устарело [39. С. 147]. Зато в плане апокрифического материала, например, Русь имела контакты не только с Византией. Некоторые еврейские апокрифы были переведены на славянский, вероятно, непосредственно с семитского языка [40. Р. 15]. В этом плане термин «авраамическая метацивилизация» существенно расширяет концептуальные горизонты. Возможно, это один из важных мостов между политикой и культурой. А такие мосты отыскиваются всегда с трудом.

В плане социально-экономической составляющей авраамическая метацивилизация может рассматриваться как синоним Средиземноморской системы (по С. Амину) на поздних этапах ее развития⁵. Однако больший эффект от употребления термина возможен в области изучения культуры. Здесь, конечно, не обойтись без использования собственно культурологических, семиотических и антропологических парадигм. Исследователи культуры относились скептически к мир-системному подходу из-за того, что он, будто бы, не учитывал культурную специфику разных народов и регионов. Но в современном мире становится все более очевидно, что культура имеет как локальный, так и глобальный масштабы. Призыв проследить глобальный пласт средневековой культуры христианско-исламского мира содержится уже в самом предложенном термине «авраамическая метацивилизация».

Наличие нового концепта позволило бы с большей точностью оценивать уровень социально-экономического и культурного развития разных обществ, учитывать положение конкретного локального общества в системе. В тех случаях, когда источников недостаточно для изучения отдельного аспекта того или иного государства и цивилизации, исследователи и ранее прибегали к фактам из соседних культур. Новый термин позволит делать это на более концептуальном уровне. Перспективно использование термина и в изучении дипломатических связей, которые в Средние века оказались в довольно тесных рамках норм, которые диктовали авраамические религии.

Перспективным кажется изучение характера взаимодействия авраамической метацивилизации с племенными образованиями. Особый интерес в данном случае представляет Восточная Европа, в которой племенные объединения играли большую роль и после вхождения региона в метацивилизацию. Являясь ценным поставщиком пушнины [41. С. 223; 42. С. 177], и располагаясь, согласно Дж. Абу-Луход, в одном из мест, имевших «ценное сырье, недоступное другим регионам» (в данном случае исследовательница подразумевает рабов-военнопленных, которых действительно было в избытке) [43. С. 452], социумы

региона вступали и в другие формы взаимодействия с соседними государствами. Изучение этих процессов как целого явления крупного региона также может принести определенные результаты. К тому же, следуя по этому пути, можно отойти от взгляда на раннюю историю Восточной Европы как историю исключительно российской государственности. Предпринятая Б.Ю. Кагарлицким попытка написать глобальную историю региона свелась в итоге к национальной истории в международном аспекте [44]⁶. Мне ближе позиция Ю.Е. Березкина, согласно которой «происходившее на пространстве от Карпат до Каспия в VII–XVI вв. должно быть описано отстраненно с равным вниманием к Хазарии, Киеву, Новгороду, Москве, Великому Княжеству Литовскому и Орде» [31. С. 94].

Использование термина может оказаться полезным и в этнографическом изучении Средневековья. В свое время Р. Редфилд и М. Сингер высказали мысль, согласно которой изучение по отдельности элементов высокой культуры и «жизни простых людей из деревень» не могут представить полную, целостную картину цивилизации. По мнению исследователей, чтобы связать плоды элитарной культуры с потребностями современного ему времени, необходимо учитывать особенности культуры народной. В то же время игнорирование социологами письменных источников не позволяет проследить сознательное культивирование в народных массах новых ценностей. Только комплексное изучение народной и элитарной культуры может представить «завершенную» картину цивилизации [46. Р. vii]. Интерес к цивилизациям у знаменитого этнографа Р. Редфилда был вызван исследованием влияния городской культуры на деревенскую [47. С. 93]. К тому времени область научных интересов социального антрополога все больше смещается к изучению литературы и философии [47. С. 93]. По мнению Р. Редфилда, цивилизация отличается институализацией «морального порядка», наличием «дихотомии “большая традиция – малая традиция”» [48. С. 91]. В ранних цивилизациях большая традиция (высокая культура) произрастает из малой (фолк-культура) и впоследствии они влияют друг на друга [48. С. 92]. Редфилд сделал многое для определения «крестьянской культуры», как продукта исключительно цивилизованного, отличного от племенного общества. Продукта экономических связей деревни и города [49. Р. 31, 33, 39].

Отмечая, что разные цивилизации по-разному отходят от характеристик народной культуры [49. Р. 22–23], Р. Редфилд, в то же время акцентировал особое внимание на коммуникативных, динамичных, творческих характеристиках цивилизованного общества. «Технологический порядок», по мысли исследователя, влияет на моральный, и наоборот. Племя, город-государство, нация, по мнению Р. Редфилда, одновременно технологические и моральные единицы. Когда в конкретном социуме «технологический порядок» выходит «за рамки политико-нравственной единицы», когда прежнее мировоззрение не способно удержать людей от «наслаждения плодами обмена» или обеспечить безопасность, – «моральный порядок»

«расширяется» в пользу более крупных социальных единиц и ведет к политическим изобретениям [49. Р. 74–75]. Свою идею исследователь иллюстрирует примером из современности. Вышедший за рамки национальных государств технологический порядок привел к тому, что некоторые люди стали говорить о необходимости мирового, глобального общества. Это способствовало созданию мировой политической организации – ООН [49. Р. 75]. Таким образом, Р. Редфилд, наверное, первый этнограф, поднявший вопрос о механизмах глобализации. И это за десятилетия до изобретения самой концепции «глобализации» [50. С. 31]! Современные знания могут обогатить схему Р. Редфилда на историческом материале.

Теперь мы знаем, что и институализация морали и формирование большой традиции, начиная с глубокой древности, стали происходить на более глобальном уровне, чем уровень цивилизации или гражданской нации. А взаимодействие локальной и глобальной культуры намного сложнее, чем считалось ранее. Общие для авраамических религий категории, служившие в прошлом средством глобализации, признаком высокой городской культуры, во время капиталистической глобализации рассыпались, ушли в прошлое в качестве исторических концепций либо в видоизмененном виде превратились в объект локальных культурных традиций. Религиозность стала ассоциироваться с деревней. Это обстоятельство заставляет обратить внимание на проблемы взаимодействия авраамической метацивилизации с «крестьянской культурой»; как уже говорилось, не племенной, но и не городской (по Р. Редфилду). Источников для исследования Средневековья в таком ракурсе немного, но все они содержат уникальные свидетельства социальных трансформаций прошлого.

Таким образом, употребление термина «авраамическая метацивилизация» представляется перспективным. Среди его преимуществ следует выделить конкретность и четкую территориально-хронологическую локализацию (это не идеологический, априори прогрессивный «Запад» К. Ясперса, восходящий к древнейшим цивилизациям Египта и Месопотамии [23. С. 90]). При этом в названии удалось избежать употребления географических обозначений (этим «грешат» иные представители мир-системного подхода, доводя названия до тяжеловесных конструкций вроде «Афроевразийская мир-система»). Корректно обозначить в названии все регионы, входившие в описанную систему, чтобы точно очертить ее границы, невозможно. Не совсем полно отражает сущность средневековой западной части Старого Света и понятие «Средиземноморская система» С. Амина. Ядро авраамической метацивилизации действительно концентрировалось в Средиземноморье, однако сама метацивилизация охватывала много большие регионы, которые, в отдельные периоды, играли роль не меньшую, чем государства Средиземного моря. Наконец, эпоха господства трех авраамических религий характеризуется качественными изменениями в глобальной

истории региона. Ее нельзя назвать плавным продолжением эллинистической эпохи, ведь ко времени становления и упадка Рима эллинистическая составляющая неримского востока неуклонно растворялась в местных культурах.

Взросший интерес к мирам-системам и надцивилизационным образованиям заставляет нас давать им названия. В то же время образование единого идеологического пространства говорит о существовании стабильных межгосударственных связей. Речь в таком случае может идти не только о создании неумовимой динамичной сети, но и о довольно стабильной системе. Термин «авраамическая метацивилизация» не привязан неотделимой нитью к какому-либо исследовательскому подходу. При необходимости его можно использовать в различных по своему характеру исследованиях, выделяя то материальные факторы формирования и структурирования метацивилизации, то ее влияние на локальные культуры и технологии, то ее интегративные свойства.

Таким образом, термин «авраамическая метацивилизация» может использоваться как характеристика культурного ареала Европы, Северной Африки и Передней Азии с VIII по XIII в. (или XV в.). Ареала, которому в современной науке еще не было предложено альтернативного удачного названия. Своеобразие этого культурного пространства поддерживалось сочетанием двух универсальных культур: религий, основанных на откровении, данном ветхозаветным иудеям, и эллинистических философии и праве. Так как этот этап межцивилизационного обмена в регионе характеризуется возникновением единой картины мира, соответственно, авраамическая метацивилизация имеет достаточно осязаемые черты системного единства. Авраамическая цивилизация имела тенденции к поляризации, входящие в ее состав территории можно разделить на центр (экономического и культурного гегемона) и периферию (зависимую от инноваций и культурных достижений центра).

Применение дихотомии центр/периферия, отход от линейно-эволюционной схемы должны помочь пересмотреть оценку социально-экономического и культурного развития некоторых средневековых государств. Применение понятия «авраамическая метацивилизация» должно способствовать концептуальному осмыслению средневековой системы дипломатии и межцивилизационного взаимодействия. Актуальной является проблема взаимодействия авраамической цивилизации с варварским миром, определения роли племенных коллективов (которые могли охватывать крупные межкультурные пространства) в жизни авраамических государств. Использование термина в отношении к концептуализации истории Восточной Европы поможет корректно описать изменения в регионе, связанные с глобальными процессами. При использовании антропологических парадигм термин может помочь достичь новых результатов и в культурологическом и этнографическом изучении Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То есть современная, охватывающая в конечном счете весь мир.

- ² По мнению К. Чейза-Дана и Т. Холла, все регулярные обмены (социальные и материальные), включая информационные сети, должны быть рассмотрены в качестве критерия для выделения миров-систем [2. Р. 154].
- ³ Идея, согласно которой цивилизации выделяются единой идеологией, а также взгляд на цивилизации как на явление, развивающееся на стадии между первобытным и индустриальным обществом, заимствована у Л.Е. Гринина [30. С. 39, 54–55].
- ⁴ Когда обмен основан на меновой стоимости [21. Р. 51]. По мнению С. Амина, «строго говоря, экономические законы можно обнаружить только» при капитализме [33. Р. 11].
- ⁵ Не включая собственно эллинистический период и раннехристианский (восточный христианский). Периодизацию С. Амина см.: [22. Р. 115].
- ⁶ Историю России с точки зрения мир-системного подхода в специальном монографическом исследовании рассматривал и С. Амин. Однако исследователем был проигнорирован домонгольский период [45. С. 23].

ЛИТЕРАТУРА

- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- Chase-Dunn C., Hall T.D. Rise and Demise. Comparing World-Systems. Boulder; Cumnor Hill: Westview Press, 1997. xii, 322 p.
- Amin S. Global History. A View from the South. Cape Town; Dakar; Nairobi; Oxford: Pambazuka Press, 2011. 195 p.
- Завалько Г.А. Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода // Философия и общество. 1998. № 5. С. 178–200.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Либроком, 2009. 568 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, X–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
- Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 16–38.
- Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
- Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. 1: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / предисл. Г.М. Дерлугьяна; пер. с англ., литер. ред., коммент. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
- Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. 2: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. / пер. с англ., литер. ред., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
- Валлерстайн И. Мир-системный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
- Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / пер. с англ. К.А. Фурсова; предисл., послесл., науч. ред. А.И. Фурсова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.
- Wallerstein I. Civilizations and Modes of Production: Conflicts and Convergences // Theory and Society. 1978. Vol. 5, № 1. Jan. P. 1–10.
- Wallerstein I. Cultures in Conflict? Who are We? Who are the Others? // Journal of the Interdisciplinary Crossroads. 2004. Vol. 1, № 3. P. 505–521.
- Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лыньша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лыньши. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
- Чумаков А.Н. Системный подход и его значение для глобальных исследований // Пространство и Время. 2014. № 4 (18). С. 30–34.
- Уилкинсон Д. Центральная цивилизация // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 397–423.
- Wilkinson D. Civilizations Are World Systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. Vol. 30, № 30. P. 59–71.
- Abu-Lughod J.L. The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? // Islamic & European Expansion: the forging of a global order / ed. by M. Adas Philadelphia: Temple university press, 1993. P. 75–102.
- Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Куда движется век глобализации? / под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина Волгоград: Учитель, 2014. С. 33–47.
- Amin S. Class and Nation. Historically and in the Current Crisis / transl. by S. Kaplow. L.: Heinemann Ibadan Nairobi, 1980. XI, 292 p.
- Amin S. Eurocentrism. Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism / transl. by R. Moore, J. Membrez. N.Y.: Monthly Review Press, 2009. 290 p.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
- Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества / пер. А. Галушка, Е.Т. Маричев, Г.Э. Мирам, В.К. Петров; науч. ред. А. Галушка. Киев: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 2004. 1064 с.
- Рассел Б. История западной философии / пер. с англ. М.: АСТ, 2016. 1024 с.
- Пузанов Д.В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 480 с.
- Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // Хазары. Евреи и славяне / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. Т. 16. С. 317–325.
- Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсаном. 5-е изд. СПб., 1899. VIII, 1370 с.
- Новая философская энциклопедия / под ред. М.С. Ковалева, Е.И. Лакирева, Л.В. Литвинова, М.М. Новоселова, А.П. Полякова, Ю.Н. Попова, А.К. Рябова, В.М. Смолкина. Т. 1–4. М.: Мысль, 2010.
- Гринин Л.Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 1998. № 2. С. 5–89.
- Березкин Ю.Е. О структуре истории: временные и пространственные составляющие // История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска / отв. ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2008. С. 88–98.
- Пирен А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира / пер. с англ. С.К. Меркулова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 351 с.
- Amin S. The Law of Worldwide Value / transl. by B. Pearce and S. Mage. N.Y.: Monthly Review Press, 2010. 145 p.
- Милов Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М.: Наука, 2006. 730 с.
- Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 760 с.
- Бенеманский М. Закон градский. Значение его в русском праве. М., 1917. VIII, 476, III с.
- Долгов В.В. Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 91–98.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.
- Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян / ред. колл. В. К. Волков, В. Я. Петрухин, А.И. Рогов, С.М. Толстая, Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 1996. С. 145–160.
- Orlov A. Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha. Leiden; Boston: Brill, 2009. XVI, 440 p.
- Измайлов И.Л. Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 2 (12). С. 217–242.
- Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015. 336 с.

43. Абу-Луход Д. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени / пер. Ю. Б. Вертгейм // *Время мира. Альманах*. Вып. 2. Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2001. С. 449–461.
44. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: циклы русской истории. М. : Алгоритм; Эксмо, 2009. 576 с.
45. Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб. : ИНИР; М. : Культурная революция, 2017. 148 с.
46. Redfield R., Singer M. Foreword // Grunebaum von G.E. *Islam. Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition*. London : Routledge & Kegan Paul Ltd, 1961. P. vii–xi.
47. Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Вып. 5–6. С. 88–98.
48. Армиллас П. Вклад Р. Редфилда в определение понятия «цивилизация» // *Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия* / авт. вступ. ст., сост., ред. Б.С. Ерасов. М. : Аспект Пресс, 1999. С. 91–92.
49. Redfield R. *The Primitive World and Its Transformations*. Ithaca : Cornell University Press, 1957. 186 p.
50. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // *Век глобализации*. 2008. № 1. С. 31–44.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 декабря 2019 г.

The “Abrahamic Metacivilization” of the 8th–13th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 143–152.

DOI: 10.17223/15617793/464/17

Daniil V. Puzanov, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: puzanov_dv@udman.ru

Keywords: Middle Ages; Abrahamic religions; world-system; civilization; ideology.

The article substantiates the expediency of considering the system of Christian and Islamic medieval civilizations as a single Abrahamic metacivilization. Heuristic possibilities of the term are revealed on the basis of research works on sociology, philosophy, world and domestic history. The features of the perception of civilizations and religions are analyzed from the point of view of the world-system perspective and global history. The definition of local civilization is being clarified. The definition of metacivilization is given. It is noted that, since the 8th century, on the territory of Asia Minor, North Africa and Europe, a system was forming whose unity was based on a combination of two universal cultures: the Hellenistic (science and law) one and the system of teachings of the Abrahamic religions. The expediency of designating this system as “Abrahamic metacivilization” is substantiated. It could not have arisen before the 7th–8th centuries. Along with the Arab conquests, the importance of religions in communications in the designated territories was growing, and the zone of influence of the Abrahamic religions was seriously expanding. The author proposes to leave open the question of the upper chronological framework of the phenomenon. The Abrahamic metacivilization disappears either in the 13th century (when its Hellenistic component begins to erode) or in the 15th century (with the formation of the capitalist world-system). Like world-systems, the Abrahamic civilization had a hierarchical structure, which depended on the degree of political power centralization and the completeness of the state ideology formation. The metacivilization center was represented by Byzantium and the empires of Islam. It seems promising to use the term to study some aspects of the legal, cultural, social and economic history of medieval states with an official Abrahamic religion, including the study of interfaith transactions. It seems promising to study from such positions the early history of Eastern Europe, whose many regions still preserved the tribal structure. The possibility of using the term “Abrahamic metacivilization” in historical ethnography (for example, based on some provisions of R. Redfield’s theory, in which the mechanisms of globalization and global processes were for the first time considered from the standpoint of social anthropology) is also substantiated. An advantage of the term is its specific territorial-chronological reference. It is noted that the term “Abrahamic metacivilization” can be used in studies with different methodological bases.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennoy mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Translated from English by P.M. Kudyukin. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
2. Chase-Dunn, C. & Hall, T.D. (1997) *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder; Cumnor Hill: Westview Press.
3. Amin, S. (2011) *Global History. A View from the South*. Cape Town; Dakar; Nairobi; Oxford: Pambazuka Press.
4. Zaval’ko, G.A. (1998) Vsemirnaya istoriya glazami storonnikov mir-sistemnogo podkhoda [World history through the eyes of supporters of the world-system approach]. *Filosofiya i obshchestvo*. 5. pp. 178–200.
5. Grinin, L.E. & Korotaev, A.V. (2009) *Sotsial’naya makroevolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy* [Social Macroeolution: Genesis and Transformation of the World-System]. Moscow: Librokom.
6. Brodel’, F. (1992) *Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, X–XVIII vv.* [Civilization, economics and capitalism, 10th–18th centuries]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Progress.
7. McNeill, W. (2001) *Menyayushchiysya obraz vsemirnogo istorii* [The changing shape of world history]. Translated from English In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 16–38.
8. Semenov, Yu.I. (2003) *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)* [Philosophy of history (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day)]. Moscow: Sovremennye tetrad.
9. Wallerstein, I. (2015a) *Mir-sistema moderna* [The modern world-system]. Vol. 1. Translated from English by N. Protsenko, A. Chernyaev. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
10. Wallerstein, I. (2015b) *Mir-sistema moderna* [The modern world-system]. Vol. 2. Translated from English by N. Protsenko. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
11. Wallerstein, I. (2006) *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-systems analysis: An introduction]. Translated from English by N. Tyukina. Moscow: Territoriya budushchego.
12. Wallerstein, I. (2008) *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism with capitalist civilization]. Translated from English by K.A. Fursova. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK.
13. Wallerstein, I. (1978) Civilizations and Modes of Production: Conflicts and Convergences. *Theory and Society*. 5 (1). Jan. pp. 1–10.
14. Wallerstein, I. (2004) Cultures in Conflict? Who are We? Who are the Others? *Journal of the Interdisciplinary Crossroads*. 1 (3). pp. 505–521.
15. Korotaev, A.V., Kradin, N.N. & Lynsha, V.A. (2000) *Alternativnye sotsial’noy evolyutsii (vvodnye zamechaniya)* [Alternatives to social evolution (introductory remarks)]. In: Kradin, N.N. et al. (eds) *Alternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilization]. Moscow: Logos. pp. 24–83.
16. Chumakov, A.N. (2014) System approach and its value for global researches. *Prostranstvo i Vremya – Space and Time*. 4 (18). pp. 30–34. (In Russian).

17. Wilkinson, D. (2001) Tsentral'naya tsivilizatsiya [Central civilization]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 397–423.
18. Wilkinson, D. (1994) Civilizations Are World Systems! *Comparative Civilizations Review*. 30 (30). pp. 59–71.
19. Abu-Lughod, J.L. (1993) The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? In: Adas, M. (ed.) *Islamic & European Expansion: the forging of a global order*. Philadelphia: Temple University Press. pp. 75–102.
20. Grinin, L.E. (2014) Istoki globalizatsii: mir-sistemnyy analiz [The origins of globalization: world-systems analysis]. In: Chumakov, A.N. & Grinin, L.E. (eds) *Kuda dvizhetsya vek globalizatsii?* [Where is the age of globalization heading?]. Volgograd: Uchitel'. pp. 33–47.
21. Amin, S. (1980) *Class and Nation. Historically and in the Current Crisis*. Transl. by S. Kaplow. London: Heinemann Ibadan Nairobi.
22. Amin, S. (2009) *Eurocentrism. Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism*. Transl. by R. Moore, J. Membréz. N.Y.: Monthly Review Press.
23. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The origin and goal of history]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
24. McNeill, W. (2004) *Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [The Rise of the West: A History of the Human Community]. Translated from English by A. Galushka, E.T. Marichev, G.E. Miram, V.K. Petrov. Kyiv: Nika-Tsent; Moscow: Starklayt.
25. Russel, B. (2016) *Istoriya zapadnoy filosofii* [A History of Western Philosophy]. Translated from English. Moscow: AST.
26. Puzanov, D.V. (2018) *Prirodnye yavleniya v sakral'noy kartine mira narodov Vostochnoy Evropy. Drevnyaya Rus' i ee sosedi: IX–XIII vv.* [Natural phenomena in the sacred picture of the world of the peoples of Eastern Europe. Ancient Rus and its neighbors: 9th–13th centuries]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
27. Stepanov, Ts. (2005) Razvitie kontseptsii sakral'nogo tsarya u khazar i bolgar epokhi rannego Srednevekov'ya [Development of the concept of a sacred king among the Khazars and Bulgarians of the early Middle Ages]. In: Petrukhin, V. et al. (eds) *Khazary. Evrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Vol. 16. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim. pp. 317–325.
28. Veysan, A.D. (1899) *Grechesko-russkiy slovar', sostavleny A.D. Veysanom* [A Greek-Russian dictionary, compiled by A.D. Veysan]. 5th ed. Saint Petersburg: A.D. Veysan.
29. Kovalev, M.S. et al. (eds) (2010) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [A new philosophical encyclopedia]. Vols 1–4. Moscow: Mysl'.
30. Grinin, L.E. (1998) Formatsii i tsivilizatsii [Formations and civilizations]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2. pp. 5–89.
31. Berezkin, Yu.E. (2008) O strukture istorii: vremennyye i prostranstvennyye sostavlyayushchie [On the structure of history: temporal and spatial components]. In: Turchin, P.V. et al. (eds) *Istoriya i Matematika: Kontseptual'noye prostranstvo i napravleniya poiska* [History and Mathematics: Conceptual space and directions of search]. Moscow: LKI. pp. 88–98.
32. Piren, A. (2011) *Imperiya Karla Velikogo i Arabskiy khalifat. Konets antichnogo mira* [Empire of Charlemagne and the Arab Caliphate. The end of the ancient world]. Translated from English by S.K. Merkulov. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
33. Amin, S. (2010) *The Law of Worldwide Value*. Transl. by B. Pearce and S. Mage. N.Y.: Monthly Review Press.
34. Milov, L.V. (2006) *Po sledam ushedshikh epokh: stat'i i zametki* [In the footsteps of bygone eras: articles and notes]. Moscow: Nauka.
35. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
36. Benemanskiy, M. (1917) *Zakon gradskiy. Znachenie ego v russkom prave* [Procheros. Its meaning in Russian law]. Moscow: Pechatnya A. Snegirevoy.
37. Dolgov, V.V. (2013) Funktsii yuridicheskikh tekstov v Drevney Rusi (na primere “Merila pravednogo”) [Functions of legal texts in Ancient Rus (by the example of the “Measure of the Righteous”)]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 91–98.
38. Nikolaeva, T.V. & Chernetsov, A.V. (1991) *Drevnerusskie amulety-zmeeviki* [Old Russian serpentine amulets]. Moscow: Nauka.
39. Tolstoy, N.I. (1996) Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. In: Volkov, V.K. et al. (eds) *Ocherki istorii kul'tury slavyan* [Essays on the history of culture of the Slavs]. Moscow: Indrik. pp. 145–160.
40. Orlov, A. (2009) *Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha*. Leiden; Boston: Brill.
41. Izmaylov, I.L. (2012) Stanovlenie srednevekovoy Bulgarii: ot plemeni k gosudarstvu [Formation of medieval Bulgaria: from tribe to state]. *Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Peterburgskie slavyanskoe i balkanskoe issledovaniya*. 2 (12). pp. 217–242.
42. Tolochko, A.P. (2015) *Ocherki nachal'noy Rusi* [Sketches of early Russia]. Kyiv; Saint Petersburg: Laurus.
43. Abu-Lughod, J. (2001) Perestrukturiruyaya mirosistemu, predshestvuyushchuyu novomu vremeni [Restructuring the modern world system]. Translated from English by Yu.B. Vertgeym. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh* [World Time. Almanac]. Vol. 2. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 449–461.
44. Kagarlitskiy, B. (2009) *Periferiynaya imperiya: tsikly russkoy istorii* [Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow: Algoritm; Eksmo.
45. Amin, S. (2017) *Rossiya: dolgii put' ot kapitalizma k sotsializmu* [Russia and the long transition from capitalism to socialism]. Translated from English. Saint Petersburg: INIR; Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
46. Redfield, R. & Singer, M. (1961) Foreword. In: Grunbaum, von, G.E. *Islam. Essays in the Nature and Growth of a Cultural Tradition*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd. pp. vii–xi.
47. Nikolaev, V.G. (2008) Robert Redfield i ego kontseptsiya “narodnogo obshchestva” v kontekste chikagskoy sotsial'no-nauchnoy traditsii [Robert Redfield and his concept of “people’s society” in the context of the Chicago socio-scientific tradition]. *Lichnost'. Kul'nura. Obshchestvo*. 5–6. pp. 88–98.
48. Armillas, P. (1999) Vklad R. Redfilda v opredelenie ponyatiya “tsivilizatsiya” [Contribution of R. Redfield to the definition of “civilization”]. In: Erasov, B.S. (ed.) *Sravnitel'noye izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya* [Comparative study of civilizations: a reader]. Moscow: Aspekt Press. pp. 91–92.
49. Redfield, R. (1957) *The Primitive World and Its Transformations*. Ithaca: Cornell University Press.
50. Inozemtsev, V.L. (2008) Sovremennaya globalizatsiya i ee vospriyatie v mire [Modern globalization and its perception in the world]. *Vek globalizatsii*. 1. pp. 31–44.

Received: 30 December 2019

А.В. Рычков

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СИБИРИ В 1980-е гг.

На примере Сибири рассматриваются научно-внедренческие проблемы в СССР в 1980-е гг. Анализируются основные подходы к организации внедренческой деятельности. Сделан вывод о том, что сохраняющиеся административные ограничения в первой половине и набирающие силу деструктивные процессы в стране в конце 1980-х гг. не позволили использовать преимущества перспективных внедренческих структур в деле научного обеспечения сельского хозяйства Сибири.

Ключевые слова: аграрная наука; сельское хозяйство; научно-производственные объединения; научно-производственные системы; Сибирь; СССР.

Без использования научных достижений вряд ли возможно динамичное развитие сельскохозяйственно-го производства в нашей стране. Поэтому при решении практических внедренческих задач весьма ценным и полезным является предшествующий опыт научно-производственной интеграции в аграрной сфере. Этот опыт получил некоторое освещение в трудах ученых-экономистов [1], организаторов сельскохозяйственной науки [2], которые показали, как быть должно, но не показали, как было в реальности. Историки же, как правило, проблемы научного обеспечения сельского хозяйства обходят стороной. В современных условиях особую научную и практическую значимость приобретает анализ деятельности научно-внедренческих структур в 1980-е гг., когда предпринимались попытки совместить экономические методы хозяйствования с государственным дирижизмом.

В последнее советское десятилетие главными научно-внедренческими структурами в сельском хозяйстве являлись научно-производственные объединения (НПО) и научно-производственные системы (НПС). Между тем в современной исследовательской литературе деятельность НПО и НПС не получила должного освещения. В лучшем случае в публикациях по аграрно-научной проблематике присутствуют лишь упоминания об этих структурах без каких-либо оценочных суждений. Так, в статье, посвященной истории аграрной науки в Восточной Сибири, директор Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства Ю.Ф. Едигеичев пишет: «В октябре 1985 г. СМ РСФСР принял постановление о создании научно-производственного объединения “Енисей” в составе Красноярского НИИСХ в качестве головной структурной единицы, всех опытных станций и ОПХ» [3. С. 265]. И все! Аналогичная информация отражена в книге директора Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства И.Ф. Храмова, в которой рассматриваются вопросы развития сельскохозяйственной науки в Омском Прииртышье: «Именно в этот период появились новые формы организации науки в целях усиления ее связей с производством. Так, в 1981 г. СибНИИСХоз стал головным учреждением первого в Сибири аграрного научно-производственного объединения (НПО) “Колос”. В его состав кроме института вошли Тарская СХОС, ОКБ, ОПХ “Боевое”, “Омское”, “Новоураль-

ское” и им. Фрунзе» [4. С. 369]. Но указанные авторы не дают ответа на вопросы, как и с какой целью создавались НПО, в чем «новизна» этой формы научно-производственной интеграции, каковы результаты научно-внедренческой деятельности НПО? Обойдены вниманием исследователей и научно-производственные системы. С целью исправления сложившейся ситуации и написана данная статья.

При этом важно исследовать деятельность новых научно-внедренческих структур на примере такого крупного региона, как Сибирь. В 1980-е гг. Сибирь играла важную роль в обеспечении продовольствием населения страны, вносила весомый вклад в улучшении не только количественных, но и качественных показателей аграрной отрасли.

При написании статьи использовалась как опубликованная, так и содержащаяся в центральных и региональных архивах отчетная документация сибирских научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству. Привлекалась специальная сельскохозяйственная литература монографического характера, а также научная и научно-производственная сельскохозяйственная периодика.

Долгое время в СССР активно велись поиски наиболее универсальной и понятной модели организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственное производство. Выдающийся ученый и организатор аграрной науки, создатель и первый президент ВАСХНИЛ академик Н.И. Вавилов считал, что в планомерно организованном обществе процессы научно-производственной интеграции обретут невиданные масштабы. Вместе с тем им высказывались и опасения в связи со сложностью учета местных особенностей ведения сельского хозяйства в нашей необъятной стране. «Чтобы планировать, нужно знать, и знать очень многое. Планировать в нашей стране особенно трудно, ибо для этого нужно обладать поистине огромными знаниями, знаниями и дифференциальными, конкретными в применении к отдельным районам, областям, и в то же время знаниями синтетическими в масштабе всей обширной страны. Больше того, надо обладать мировыми знаниями, нужно быть на уровне и мировой науки. Отсюда совершенно исключительное значение приобретает в ближайшее время организация широкой исследовательской работы в области сельского хозяйства, создание таких условий, чтобы наука могла не только следить за

жизнью, но и идти впереди нее. С этим связан вопрос о кадрах, только при наличии которых можно провести реконструкцию сельского хозяйства», – писал Николай Иванович в июне 1930 г. [5. С. 117].

Сформированная в СССР под руководством Н.И. Вавилова система сельскохозяйственной науки как раз и была основана на сочетании общеотраслевых и региональных факторов, чтобы «знать очень многое», однако слабым звеном оказался «вопрос о кадрах». Выяснилось, что «подготовить» в короткий срок в достаточном количестве необходимые научные кадры, обладающие обширным научным кругозором и знанием методологии и методики исследовательской работы, весьма и весьма сложно. Значительный рост численности занятых в аграрной научной сфере имел своим следствием снижение их научной эрудиции, в результате чего и возникла так называемая лысенковщина, господство которой в сельскохозяйственной науке продолжалось с конца 1930-х до середины 1960-х гг. В научно-внедренческой сфере академик Т.Д. Лысенко и его сторонники ориентировались на административные структуры, при помощи которых в производство насаждались скороспелые рекомендации. В Сибири это были ранние сроки сева зерновых, так называемая пропашная система земледелия, «перевоспитание» в производственных условиях яровых сортов зерновых в озимые и другие «рекомендации».

Постепенно в среде производственников и ученых вызревало убеждение, что необходимо изменить внедренческую парадигму и вместо административного принуждения ориентироваться на силу примера. Первая попытка в указанном направлении была предпринята в начале 1960-х гг. В 1961 г. по всей стране была развернута сеть опытно-показательных хозяйств (ОПХ, важно не путать их с опытно-производственными хозяйствами научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству, которые обозначались аналогичной аббревиатурой). ОПХ организовывались на территории всей страны в каждом районе, либо организовывалось одно опытно-показательное хозяйство на несколько районов. Однако создание ОПХ по иронии истории совпало с усилением администрирования в аграрной науке и производстве. И именно ОПХ стали жертвой директивно-принудительных методов научно-производственной интеграции. Поэтому через несколько лет ОПХ были почти повсеместно ликвидированы (за исключением Белорусской ССР).

В 1970-е гг. в целях демонстрации положительного результата от использования научных достижений в условиях производства в СССР создаются «базовые» хозяйства. Однако организационная неопределенность в отношениях научных учреждений с «базовыми» хозяйствами не позволили этим хозяйствам превратиться в своеобразные «демонстрационные» центры. К тому же важно учесть, что сельскохозяйственные органы рассматривали «базовые» хозяйства в качестве обыкновенной производственной единицы и оценивали их деятельность по результатам выполнения производственных плановых заданий. Поэтому им на смену и пришли научно-производственные объ-

единения, в которых научные и производственные подразделения организационно составляли единый научно-производственный комплекс.

Но не только организационными несовершенствами было вызвано появление новой научно-внедренческой структуры. Дело в том, что характерным недостатком научных рекомендаций сельскохозяйственному производству в то время являлся их академический, некомплексный характер, затрудняющий использование рекомендаций в сельскохозяйственной практике. Попытка исправить ситуацию в середине 1950-х гг. посредством реорганизации региональных специализированных научных учреждений в комплексные окончилась неудачей. Спешно сформированные инженерные и экономические подразделения научно-исследовательских институтов и опытных станций были слабо укомплектованы подготовленными научными кадрами соответствующего профиля и необходимой материальной базой. Организация НПО являлась новой попыткой вывести научные рекомендации на качественно новый, проектный, уровень. Для чего в структуру НПО, кроме НИИ в качестве головной организации и опытно-производственных хозяйств, также включались проектно-конструкторские подразделения.

Созданию научно-производственных объединений предшествовала развернувшаяся в первой половине 1970-х гг. дискуссия среди ученых и руководителей «научных» структур сельскохозяйственных органов по организационно-внедренческим проблемам. Ученые считали необходимым осуществить дебюрократизацию внедренческого дела, в то время как «управленцы» ориентировались на чисто организационные совершенствования. Поскольку дебюрократизация науки и внедрения в той конкретной ситуации была маловероятна, в итоге был реализован компромиссный вариант: в бюрократическом «море» стали создаваться научно-производственные объединения как учреждения, внутренняя структура которых была бы по возможности свободна от внешних бюрократических воздействий.

Постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению эффективности сельскохозяйственной науки и укреплению ее связи с производством» (август 1976 г.) ставилась задача усилить работу по созданию научно-производственных объединений, при необходимости обеспечив передачу им научных и производственных подразделений, организацию в этих объединениях проектных и конструкторских бюро [6]. В ходе дальнейшего исследования будет показано, как данный «внедренческий компромисс» сказался на организации внедрения достижений науки в сельскохозяйственную практику.

Первое научно-производственное объединение «Агроприбор» в системе министерства сельского хозяйства СССР было организовано еще в 1970 г. с целью серийного выпуска измерительных приборов для сельского хозяйства. Второе НПО «Эфирмасло» создано в 1971 г. на базе Всесоюзного научно-исследовательского института эфирно-масличных культур. В его состав были включены предприятия и организации, представляющие все звенья технического процесса,

начиная от выращивания сырья и кончая выпуском конечного продукта. Затем, в 1973 г., в Молдавской ССР были организованы научно-производственные объединения по полевым культурам, овощеводству и орошаемому земледелию, плодоводству, виноградарству и виноделию, птицеводству и племенному животноводству. Обобщение опыта деятельности первых, «экспериментальных», НПО в сельском хозяйстве сыграло важную роль в дальнейшем расширении их сети. В целом по стране к концу 1980-х гг. в системе Госагропрома СССР существовало 172 объединения, из них в сельском хозяйстве 117 [7. С. 26].

В Сибири первое научно-производственное объединение «Колос» было учреждено в 1980 г. Всего в зоне ответственности СО ВАСХНИЛ – за Уралом – в 1987 г. насчитывалось 13 научно-производственных объединений [8. Л. 9]. Большинство из них – семь – в наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении Западной Сибири [8. Л. 17]. Главными учреждениями НПО выступали аграрные НИИ, в результате НПО появились в большинстве регионов Сибири. НПО «Колос» с Сибирским научно-исследовательским институтом сельского хозяйства в качестве главной организационной единицы – в Омской области. Научно-производственные объединения «Нива Алтая» (Алтайский научно-исследовательский институт земледелия и селекции) и «Сады Сибири» (Научно-исследовательский институт садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко) – в Алтайском крае. «Нива Кузбасса» (Кемеровский научно-исследовательский институт сельского хозяйства) – в Кемеровской области. «Енисей» (Красноярский научно-исследовательский институт сельского хозяйства) – в Красноярском крае. НПО «Селекция» (Сибирский научно-исследовательский институт растениеводства и селекции) и НПО «Земледелие» (Сибирский научно-исследовательский институт земледелия и химизации сельского хозяйства) – в Новосибирской области. «Северное Зауралье» (Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северного Зауралья) – в Тюменской области и т.д.

В качестве производственных подразделений в состав НПО вошли опытно-производственные хозяйства, численность которых варьировалась от двух до четырех. Сложнее обстояло дело с формированием в составе НПО проектно-конструкторских подразделений. Первоначально они существовали лишь в некоторых научно-производственных объединениях: НПО «Колос», НПО «Нива Алтая». Как показали дальнейшие события, этого оказалось недостаточно и в 1986 г. были созданы проектно-конструкторские бюро при Сибирском научно-исследовательском институте механизации и электрификации сельского хозяйства, Дальневосточном научно-исследовательском институте сельского хозяйства, Всероссийском научно-исследовательском институте сои [8. Л. 10].

В плане «специализации», как это видно из вышеизложенного, сибирские НПО были прежде всего ориентированы на развитие зерновой отрасли. И это было вполне оправданно и закономерно. Известно, что качество зерна яровой пшеницы повышается при выращивании в районах, где в период его формирова-

ния преобладает сухая, солнечная погода. Именно такие природно-климатические условия характерны для юга Сибири. Но «качественный эффект» достигим лишь в случае четкого соблюдения технологической дисциплины. Создание НПО позволило приступить к реализации последнего масштабного государственного проекта в сельском хозяйстве в рамках советского строя, направленного на значительное увеличение производства зерновых культур в сибирском регионе за счет использования интенсивных технологий. Интенсивные технологии предполагали: подбор сортов интенсивного типа, отвечающих почвенно-климатическим условиям конкретного хозяйства; размещение посевов в «интенсивном» севообороте; оптимизацию минерального питания растений на основе оперативной почвенной и растительной диагностики; комплексное применение средств защиты растений; осуществление комплекса агротехнических приемов по предотвращению эрозии, накоплению и сохранению влаги и т.д.

Полученные результаты обнадеживали. Если в 1981–1985 гг. среднегодовая урожайность составляла по региону 12,3 ц/га, то в 1985 г. – 15,0, в 1986 г. – 15,1 ц/га. Были увеличены заготовки зерна, в том числе высококачественного. Валовой сбор зерна яровой пшеницы по интенсивным технологиям в 1985 г. составил 7,6, в 1986 г. – 8,2 млн т, что значительно улучшило качественные показатели зерновой отрасли Сибири: увеличены заготовки зерна сильной пшеницы в 1986 г. по региону (138% к плану); более чем в 6 раз возросли в 1986 г. по сравнению с XI пятилеткой заготовки твердой пшеницы, в 3 раза – классного зерна твердой пшеницы. Среднее повышение урожайности по интенсивным технологиям по сравнению с обычной по региону составило 6,1 ц/га, по Курганской – 9,7, по Тюменской – 9,4 и меньше всего, по причине неблагоприятных погодно-климатических условий, по Омской области – 4,6 ц/га. Дополнительный прирост валового сбора зерна за счет интенсивных технологий в 1986 г. составил около 2,7 млн т [9. С. 9–10]. В целях интенсификации работы в указанном направлении в 1987 г. были организованы Западно-Сибирский (при НПО «Колос») и Восточно-Сибирский (при НПО «Енисей») технологические центры по разработке, совершенствованию и проверке в производственных условиях интенсивных технологий возделывания зерновых культур по зонам региона.

Однако освоение интенсивных технологий требовало радикального изменения всего алгоритма отношений сельскохозяйственных предприятий с промышленностью: не крестьяне должны были «приспосабливаться» к выпускаемому парку машин и инвентаря, а промышленные предприятия оперативно учитывать новые технологические потребности сельского хозяйства. Увы, реальность оказалась иной. Например, по данным ученых, машиностроение выпускало не более 60% машин, включенных в систему, значительную часть в общем выпуске машин (30–40%) составляла морально устаревшая техника [1. С. 87]. В условиях непродуманных экономических реформ времени перестройки замедлилось освоение систем машин для комплексной механизации сельскохозяй-

ственного производства, предлагаемых научно-исследовательскими учреждениями. В этих условиях важная государственная программа в советском сельском хозяйстве Сибири – распространение интенсивных технологий – постепенно сошла на нет. Как писал современник, «в этой грандиозной и дорогостоящей затее было учтено почти все, кроме одного – технологической культуры нашего сельскохозяйственного производства» [10. С. 15].

Попытка внедрения интенсивных технологий в широкую производственную практику обнажила ряд проблем в цепи «наука–производство». Воздействие «демонстрационного эффекта» НПО на производство показало свою ограниченность. Если в рамках НПО разработка и производственная проверка технологий оказалась отлаженной, то выход «за околицу» НПО, на производство оказался менее успешным. Ученые столкнулись с «глубокоэшелонированной обороной». Прежде всего, реализация предложений НПО встретила сопротивление чиновничества. Как писал председатель СО ВАСХНИЛ академик П.Л. Гончаров, «неувязки по реализации продукции (племенной, сортовой и товарной) ОПХ научных организаций с местными органами АПК (областей, районов) носят характер устойчивого противостояния. Агропромышленные комитеты многих областей и районов вместо сортовой и племенной продукции бездумно доводят задания по реализации товарной, что наносит ущерб уровню ведения АПК региона» [11. С. 29]. «Вторую линию обороны» держали производственники. Очевидно, сказалась длительная экстенсивная аграрная традиция, свой след оставили прошлые «грехи» ученых. Все это привело к ситуации, когда, по образному выражению известного хозяйственника В.А. Стародубцева, производственникам науку «предлагали, разжевывали, совали в рот, но никто не хотел глотать» [12. С. 4].

Стремление ученых распространить свое влияние за пределы лабораторных исследований и опытно-производственных хозяйств научных учреждений позволило им увидеть реальную картину сельскохозяйственного производства, «не согласованную с научными рекомендациями, а местами – противоречащую здравому смыслу» [13. С. 5]. Стало очевидным, что интеграция науки и производства требовала более гибких управленческих решений, формирования более эффективных научно-внедренческих структур, создания экономического механизма, стимулирующего производственников обращать свои взоры к науке.

Преодолеть «очаговый» характер использования научных рекомендаций в сельскохозяйственном производстве и призваны были создаваемые с 1987 г. в СССР научно-производственные системы. Входившие в НПС организации – научные учреждения и сельскохозяйственные предприятия – сохраняли хозяйственную самостоятельность и их отношения строились на договорной основе, взаимной заинтересованности и экономической выгоде участников. В качестве головных организаций в НПС выступали не только аграрные НИИ, вузы, но и опытные станции. В советской системе организации аграрной науки имен-

но сельскохозяйственные опытные станции рассматривались в качестве внедренческих центров. Но в период лысенковской примитивизации науки они превратились в «мини-институты», дублируя научную деятельность НИИ, не обладая, как правило, для проведения поисковых исследований ни необходимыми кадровыми ресурсами, ни научно-производственной базой. Именно с появлением НПС опытная сеть получила возможность «обрести себя».

В 1991 г. в СССР в системе АПК насчитывалось около 900 НПС, более 15 тыс. колхозов, совхозов, других сельскохозяйственных предприятий вошли в их состав [14]. В Сибири в 1991 г. функционировало 52 НПС. Наибольшее количество систем существовало в Алтайском крае – 16, Новосибирской области – 11, Красноярском крае – 10, Омской области – 7. В течение 1987–1991 гг. количество сельскохозяйственных предприятий – участников систем увеличилось почти в 3 раза, площади посевов различных культур – более чем в 5 раз. В хозяйствах НПС сибирского региона удельный вес посевных площадей превышал 8% от всей площади [15. С. 77].

С целью осуществления внедренческой деятельности в научно-производственных системах создавался штат постоянных работников – научных организаторов внедрения. Как правило, в распоряжение НПС поступало 20% от полученного хозяйствами в результате освоения рекомендованных технологий экономического эффекта [2. С. 402].

Определить «внедренческую эффективность» НПО и НПС весьма и весьма непросто. Ученые считали их наиболее перспективными научно-внедренческими формами. По мысли президента ВАСХНИЛ того времени А.А. Никонова, НПО позволили ускорить продвижение научно-технических разработок в 1,5–2 раза, сократить сроки создания новой техники и технологий [7. С. 27]. Данная оценка со стороны руководителя ВАСХНИЛ, на наш взгляд, выглядит чересчур оптимистичной. Вероятно, на ней сказались господствующие среди ученых-аграрников представления об «эффективности» внедренческой деятельности исходя из так называемого «расчетного экономического эффекта». Очевидно, речь шла об ускорении научно-технических разработок в рамках НПО, однако освоение научных достижений в производственных условиях имело весьма ограниченный характер. Формирование внутри НПС основанных на взаимной выгоде и заинтересованности в конечном результате отношений между учеными и производственниками также породили оптимистические настроения в научной среде, что наконец-то найдена долгожданная эффективная научно-внедренческая форма, благодаря которой через «3–5 лет основная масса сельскохозяйственных культур, продуктов будет производиться в системах на основе самых высокоэффективных технологий и других научно-технических решений» [15. С. 79].

Вероятно, так бы и случилось, если бы НПС оказались в «эталонных» условиях для своего развития, если бы в приоритетном порядке НПС обеспечивались необходимыми ресурсами для освоения аграрных технологий, решался вопрос подготовки и закрепления кад-

ров для работы в научно-производственных системах. Но история не пожелала эти условия предоставить. Сначала, в 1987 г., ресурсное и кадровое обеспечение НПС осуществлялось «сверху», по бюрократическим каналам, некомплексно и несвоевременно, а затем, в последующие годы, в условиях политической нестабильности и экономического хаоса, оно вообще прекратилось. Пришедшие к власти в России после распада СССР политические силы вопросами научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве не интересовались. Научно-производственные объединения и научно-производственные системы, формально, по инерции просуществовавшие, как правило, до 1993–1994 гг., были упразднены.

После прекращения «советского проекта» проблема научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве региона не потеряла своей актуальности. Как считают сибирские ученые-аграрники, «для повышения эффективности инновационного потенциала необходимо разработать и принять в регионах порядок и механизм освоения в производстве научно-технических достижений [16. С. 21]. Представляется, что опыт деятельности НПО и НПС может быть весьма полезен при разработке современных интеграционных моделей.

Таким образом, в 1980-е гг. в Сибири шел активный поиск наиболее эффективных научно-внедренческих форм, при этом преследовалась цель преодоления административно-ведомственных преград в деле внедрения достижений науки в производство. В целях повышения качества научных работ, доведения их до технологического уровня, в регионе создается сеть научно-производственных объединений.

Для внедрения интенсивных технологий в широкую производственную практику большое распространение получают научно-производственные системы, в которых отношения между научными учреждениями и сельскохозяйственными предприятиями строились на принципах экономической выгоды. Однако сохраняющиеся административные ограничения в первой половине, а затем набирающие силу деструктивные процессы в стране в конце 1980-х гг. не позволили использовать преимущества этих перспективных внедренческих структур в деле научного обеспечения сельского хозяйства Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курцев И.В. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Сибири (в прошлом – на рубеже веков – в будущем). Новосибирск : РАСХН. Сиб. отд-е. СибНИИЭСХ, 2001. 284 с.
2. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
3. Едимичев Ю.Ф. Этапы освоения приенисейской Сибири // Вестник КрасГАУ. 2011. № 7.
4. Храмцов И.Ф. Развитие сельскохозяйственной науки в Омском регионе: монография. Омск : ФГБНУ СибНИИСХ ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина ; Изд-во ЛИТЕРА, 2015. С. 369.
5. Вавилов Н.И. Некоторые соображения о ближайшем будущем развитии сельского хозяйства в СССР. 24 июня 1930 г. // Известия ЦК КПСС. 1988. № 12.
6. Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 г. – июль 1978 г.). М. : Политиздат, 1978. С. 523–536.
7. Никонов А.А. Совершенствование научного обеспечения развития аграрно-промышленного комплекса страны и пути ускорения научно-технического прогресса в условиях перестройки // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 4. С. 17–31.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 2076. Оп. 1. Д. 1330.
9. Краткий отчет о работе Сибирского отделения ВАСХНИЛ за 1986 г. Новосибирск : СО ВАСХНИЛ, 1987.
10. Лазовский В.В. Давно пора понять, что науку двинут вперед не лозунги и не призывы // Земля сибирская, дальневосточная. 1991. № 4.
11. Гончаров П. Научное обеспечение АПК Сибири по увеличению сельскохозяйственной продукции // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 1991. № 5.
12. Весомость прав – весомость ответственности: Интервью с членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, председателем агропромышленного объединения «Новомосковское» Тульской области В.А. Стародубцевым // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. № 5.
13. Никонов А.А. Научное обеспечение агропромышленного комплекса в свете решений XXVII съезда КПСС // Вестник сельскохозяйственной науки. 1986. № 6.
14. Российский государственный архив экономики. Ф. 698. Оп. 1. Д. 26. Л. 133.
15. ГАО. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 1631.
16. Отчет о работе Сибирского отделения Россельхозакадемии за 2007 г. Новосибирск : СО РСХА, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 октября 2018 г.

Scientific Production Associations and Scientific Production Systems in the Agriculture of Siberia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 153–158.

DOI: 10.17223/15617793/464/18

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: agrarian science; agriculture; scientific production associations; scientific production systems; Siberia; USSR.

On the example of Siberia, the article addresses the problems of organizing the introduction of scientific recommendations in agricultural production in the USSR in the 1980s. The failure of directive methods of introduction and the weak influence of agrarian science on the state of affairs in agricultural production were the reason for active searches for the most effective scientific and innovative forms. It was also considered necessary to bring the implementation process out of the influence of bureaucratic administrative and departmental structures. In the 1980s, scientific production associations, established on the basis of leading agrarian scientific research institutes, were widely spread in the Siberian region. The associations included scientific, engineering and production structures, which allowed accelerating development and bringing scientific recommendations to production to a new target level. Thanks to such recommendations, attempts were made to introduce intensive spring wheat cultivation technologies into a wide production practice in Siberia. However, the resistance of officials from agricultural agencies that focused on the gross quantitative indices of the

branch's development, as well as the indifferent attitude to the science of agricultural practitioners, clearly revealed the limited possibilities of scientific production associations as implementation centers. It became obvious that, in order to have production workers use scientific recommendations, more flexible management decisions, more effective scientific and innovative structures based on mutual interest of scientists and production workers in achieving a high final result, were required. Such structures were scientific production systems. The "head organizations" in scientific production systems were agrarian research institutes, universities, experimental stations. Scientific institutions and agricultural enterprises that became parts of scientific production systems maintained economic independence, and their relations were built on a contract basis, on the mutual interests and economic benefits of the participants. Scientists considered scientific production associations and scientific production systems as effective scientific and innovative forms, through which it was possible to significantly increase the level of scientific support of production in a short time. However, according to the author, the remaining administrative restrictions and the growing destructive processes in the country did not allow taking advantage of these promising innovative structures.

REFERENCES

1. Kurtsev, I.V. (2001) *Nauchno-tehnicheskiy progress v sel'skom khozyaystve Sibiri (v proshlom – na rubezhe vekov – v budushchem)* [Scientific and technological progress in agriculture in Siberia (in the past – at the turn of the century – in the future)]. Novosibirsk: Siberian Branch of Russian Academy of the Agricultural Sciences; SibNIESKh.
2. Nikonov, A.A. (1995) *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [Spiral of centuries-old drama: agrarian science and politics of Russia (18th–20th centuries)]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven'.
3. Edimeichev, Yu.F. (2011) Etapy osvoeniya prieniseyskoy Sibiri [Stages of development of the Yenisei Siberia]. *Vestnik KrasGAU – Bulletin of KrasGAU*. 7.
4. Khramtsov, I.F. (2015) *Razvitie sel'skokhozyaystvennoy nauki v Omskom regione* [Development of agricultural science in the Omsk region]. Omsk: Omsk State Agrarian University; Izd-vo LITERA.
5. Vavilov, N.I. (1988) Nekotorye soobrazheniya o blizhayshem budushchem razvitiy sel'skogo khozyaystva v SSSR. 24 iyunya 1930 g. [Some thoughts on the near future development of agriculture in the USSR. June 24, 1930]. *Izvestiya TsK KPSS*. 12.
6. Politizdat. (1978) *Leninskaya agrarnaya politika KPSS. Sbornik vazhneyshikh dokumentov (mart 1965 g. – iyul' 1978 g.)* [The Lenin agrarian policy of the CPSU. Collection of the most important documents (March 1965 – July 1978)]. Moscow: Politizdat. pp. 523–536.
7. Nikonov, A.A. (1989) Sovershenstvovanie nauchnogo obespecheniya razvitiya agrarno-promyshlennogo kompleksa strany i puti uskoreniya nauchno-tehnicheskogo progressa v usloviyakh perestroiki [Improving scientific support for the development of the country's agro-industrial complex and ways to accelerate scientific and technological progress in the context of perestroika]. *Vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 4. pp. 17–31.
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 1330.
9. SO VASKhNIL. (1987) *Kratkiy otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya VASKhNIL za 1986 g.* [Brief report on the work of the Siberian Branch of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences for 1986]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences.
10. Lazovskiy, V.V. (1991) Davno pora ponyat', chto nauku dvinut vpered ne lozungi i ne prizyvy [It is high time to understand that it is not slogans and not appeals that will move science forward]. *Zemlya sibirskaya, dal'nevostochnaya*. 4.
11. Goncharov, P. (1991) Nauchnoe obespechenie APK Sibiri po uvelicheniyu sel'skokhozyaystvennoy produktcii [Scientific support of the agro-industrial complex of Siberia to increase agricultural production]. *Sibirskiy vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 5.
12. Starodubtsev, V.A. (1989) Vesomost' prav – vesomost' otvetstvennosti: Interv'yu s chlenom-korrespondentom VASKhNIL, predsedatelem agropromyshlennogo ob'edineniya "Novomoskovskoe" Tul'skoy oblasti V.A. Starodubtsevym [The weight of rights – the weight of responsibility: Interview with V.A. Starodubtsev, corresponding member of Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, head of the Novomoskovskoe agro-industrial association]. *Vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 5.
13. Nikonov, A.A. (1986) Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa v svete resheniy XXVII s'ezda KPSS [Scientific support of the agro-industrial complex in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU]. *Vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 6.
14. Russian State Archive of the Economy. Fund 698. List 1. File 26. Page 133.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 2076. List 1. File 1631.
16. Siberian Branch of Russian Academy of the Agricultural Sciences. (2008) *Otchet o rabote Sibirskogo otdeleniya Rossel'khozakademii za 2007 g.* [Report on the work of the Siberian Branch of Russian Academy of the Agricultural Sciences for 2007]. Novosibirsk: Siberian Branch of Russian Academy of the Agricultural Sciences.

Received: 16 October 2018

ЛЕНИН: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Рассмотрена фигура В.И. Ульянова-Ленина, чью 150-летнюю годовщину со дня рождения мир отмечал в апреле 2020 г. Ставится задача осмысления Русской революции в упразднении ненужной мифологизации ее вождя, а также адекватном научном анализе, когда политический лидер оценивается не с эмоциональной, а с логической точки зрения в условиях исторических реалий. Проблема отношения к Ленину в конце концов выливается в проблему дискретности восприятия в России и странах, входивших в Российскую империю и СССР, собственной истории.

Ключевые слова: Русская революция; революция 1917; Ленин; Гражданская война в России.

В советской историографии из фигуры Владимира Ильича Ульянова-Ленина сделали лубочную картинку в виде иллюстраций к мифу о Ленине – великом вожде пролетарской революции. В иммигрантской литературе и многих зарубежных исследованиях Ленин представлялся в черных и зловещих тонах. «В результате реальный образ и взгляды Ленина искажались, и получалась либо икона русского святого, либо средневековая фреска с изображением дьявола» [1. С. 430]. После снятия идеологических стандартов в конце 1980-х – 1990-е гг. и по сегодняшний день в отечественной историографии доминируют два подхода: все тот же лубочный портрет (с большей или меньшей степенью лакировки) [2–4] и работы, направленные на маркетинговый захват публики, которые сложно в полной мере отнести к исследовательским [5].

В 2002 г. издательство «Молодая Гвардия» решило выпустить биографию Ленина Роберта Пейна в серии «Жизнь замечательных людей», отметив в предисловии к изданию поразительный факт: «...ни в советские, ни в постсоветские времена биографии Ленина в серии ЖЗЛ не было» [6. С. 5]. Причину такого явления редакция обозначила вполне справедливым, на olitical 1, обстоятельством: «Долгое время лениниана подразумевала высшую меру издательской ответственности (увы, не только и не столько перед читателями), затем данную тематику, напротив, обуюла лихорадка утрированной безответственности: уж если ваять, то либо в бронзе, либо из экскремента (ничего не поделаешь – особенности национальной историографии в перестроечный период)» [6. С. 5].

Это же обстоятельство послужило причиной издания работы иностранного, а не отечественного автора. «К сказанному выше добавим лишь, что в стране, где левое и правое пока только учатся сосуществовать безболезненно и на благо целого, где Ленин – это, что там ни говори, родное (со знаком минус ли, плюс ли – но в любом случае, родное и очень живое – оттого-то все больше не минусы и плюсы, а только минусы или только плюсы да еще почти всегда вопиюще жирно прописанные), вряд ли в скором времени появится сколько-нибудь объективная биография советского вождя. Остается лишь надеяться и ждать» [6. С. 6]. Нам остается лишь присоединиться к высказанному мнению.

«Книга Р. Пейна – это взгляд на российские события извне, взгляд типично западный. Облик Ленина, каким его рисует автор, в известном смысле хресто-

матием, но хрестоматием, если так можно выразиться, на западный манер» [6. С. 6]. Эта хрестоматийность, на наш взгляд, заключается в создании иных от советских легенд о Ленине, но все-таки легенд. «Он постоянно страдал от нервного истощения, – пишет о Ленине английский писатель и историк, – и был подвержен приступам помрачения сознания, и в такие моменты он был словно одержим духом разрушения. Были вещи, которые ему дано было видеть, как ясно-видцу, даже в темноте, но было и много такого, чего он не мог различить и в ярком свете дня. Например, он понимал, что многие институты общественной власти не облегчали, а, наоборот, усугубляли угнетенное положение большинства человечества; он видел их порочность и знал, как легко будет срубить это гнилое дерево» [6. С. 10–11]. Всего лишь другой миф о Ленине, в другом исполнении. «На страницах своей книги, – писал английский историк Роберт Пейн, – я предпринял попытку провести грань между Лениным-легендой и Лениным-человеком, каким он был наяву, живым, одушевленным» [6. С. 11]. Роберт Пейн сделал живого человека... но другого, имеющего ряд фактов биографии В.И. Ленина и обладающего рядом схожих с ним черт.

Через 15 лет в этом же издательстве вышла уже совершенно другая книга – работа Л.А. Данилкина [7]. Правда, это, к сожалению, не научная монография и даже не научно-популярная литература, а публицистика. Выбранный автором стиль изложения, литературная форма, отсутствие ссылочного аппарата, возможности проследить, на основании чьих мнений или воспоминаний автор реконструирует тот или иной сюжет, резко снижают научную ценность работы. Понятно, что жанр диктует многие условия, но работа в этом плане сильно проигрывает, например, в сравнении с книгой о Керенском В. Федюка того же издательства и в той же серии [8]. Но следует отметить правильный вектор – стремление к объективной, всесторонней оценке человека и политического деятеля в его эпохе.

Задача осмысления Русской революции – это, в том числе, задача упразднения ненужной мифологизации. Миф о Ленине как о сверхчеловеке, сакральном существе, божественной или дьявольской сущности, не только будет удалять от понимания обстановки и событий, но и постоянно продуцировать реакцию отторжения, что продолжит создавать все те же непримиримые группы «поклонников» и «проклина-

телей». Вождя Русской революции необходимо рассматривать как политика (с его удачами и неудачами) и как человека – с его гениальными чертами и ошибками, сильными сторонами и слабостями (впрочем, как всех остальных государственных деятелей).

Для того чтобы увидеть настоящего Ленина, необходимо постараться удалить последствия лакокрасочных работ, проводимых уже почти столетие. Снятие «красок», реставрация образа помогут понять те черты политического лидера, которые позволили ему добиться таких успехов, войти в Историю и внести туда на самый высокий пьедестал Русскую революцию.

Один из исследователей личности Ленина Луис Фишер утверждал, что «Ленин мог бы стать профессором экономики, преуспевающим юристом или шахматным чемпионом. В его происхождении, детстве и отрочестве нет ничего, что предвещало бы будущую карьеру революционера...» [9. С. 4].

В семье Ульяновых все дети стали революционерами: младший за старшим. Вряд ли такой «исход» можно считать случайным. Ленин был посредственным игроком в шахматы [10. С. 140–141; 11. С. 211, 231]. Недолгая работа на юридическом поприще показала ошибочность выбранной профессии [10. С. 146–147; 12. С. 18]. Ленин не мог быть профессором экономики: экономические данные и рассуждения требовались ему для обоснования идей о классовой борьбе (как и Марксу), и как следствие – пролетарской революции в России.

Это важно для понимания того стержня, который формировал характер, образ мысли и действий, смысл жизни Владимира Ульянова.

Сохранилась незавершенная автобиография Ленина: здесь только четыре важных факта его жизни, которые он сам считал важными – дата рождения, дата казни брата Александра, дата первого ареста Ленина, дата второго ареста [13. С. 21]. Это самые важные события в его жизни. Если бы эта автобиография писалась после революции, то следующим пунктом, скорее всего, стало бы возвращение в Россию из иммиграции в апреле 1917 г., а за ним – Октябрьский переворот.

Старший брат Александр действительно сыграл огромную роль в жизни Владимира Ульянова. По воспоминаниям родственников, они не были близки, но Владимир всегда подражал старшему брату [10. С. 20, 66, 67, 253, 276, 319, 320]. Казнь Александра потрясла младшего брата и определила его жизненный путь. Это случилось в год окончания гимназии (1887 г.), после чего, поступив в университет, Владимир Ульянов через три месяца был отчислен за участие в студенческих беспорядках [10. С. 20, 23–24, 26, 30, 277; 11. С. 127].

Старший брат в последние годы жизни отошел от народовольства и считал себя марксистом, выбрал для себя марксизм и Владимир [11. С. 24]. В сущности, Владимир мог справедливо считать, что продолжает дело брата. Такой молодой человек в период искания смысла и дела жизни мог выбрать только что-нибудь Большое и Стоящее, ради чего и жизнь положить не жалко. А что еще могло быть таким же «большим» и

«стоящим», как не дело, за которое отдал жизнь старший брат? Так Революция стала красивой идеей, которая с годами превратилась в смысл жизни.

Он видел в своей жизни и деятельности важную историческую роль. «Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности», – говорил Ленин [11. С. 243]. Противники Ленина отмечали, что «нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию» [10. С. 238]. «Он был весь в революции, в революционной работе и без этой работы чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег». «У меня ничего другого нет, – говорил он. Ничего другого нет» [10. С. 254].

Эти слова Ленина о себе необходимо выделить: «У меня ничего другого нет». На этом должно базироваться понимание характера, мыслей, целеустремленности этого политического деятеля.

Система координат Ленина (моральных, поведенческих, логических) строилась на следующих принципах: «Что есть истина?» – «То, что ведет к революции и к победе рабочего класса». «Что нравственно?» – «То, что ведет к революции». «Кто друг?» – «Тот, кто ведет к революции». «Кто враг?» – «Тот, кто ей мешает». «Что является целью жизни?» – «Революция». «Что выгодно?» – «То, что ведет к революции». И т.д. и т.д. [11. С. 227]. «Для меня всегда была важна практическая цель», – напишет Ленин в 1923 г. [14. С. 374]. И этот принцип, пожалуй, является стержневым в натуре В.И. Ульянова.

Маркс предрекал мировую революцию несколько раз, и каждый раз ошибался. Его надежды связывались в разные периоды с разными странами: Германия, Франция, Испания, «Восток» (как обобщающее понятие и в лице России) – в каждой этой революции «основоположники марксизма» видели пролог мировой пролетарской революции [15. С. 26, 27; 16. С. 191; 17. С. 425; 18. С. 459]. «Однако, – утверждал главный немецкий теоретик и практик марксизма начала XX в. Карл Каутский, – в одном вопросе они (Маркс и Энгельс. – Э.Ш.) ошибались: они видели революцию слишком уж близко» [15. С. 26]. «Манифест совершенно справедливо предсказывал начало немецкой революции, но он заблуждался, когда указывал, что она послужит непосредственным прологом пролетарской революции. Ближе по времени другое предсказание, опубликованное Энгельсом в 1885 г. в предисловии ко второму изданию брошюры Маркса о Кёльнском процессе коммунистов. Он говорит там, что следующее потрясение в Европе “должно скоро наступить (промежутки между европейскими революциями – 1815, 1830, 1848–1852, 1870 – длятся в нашем веке от 15 до 18 лет)”. Это предсказание также не осуществилось и ожидавшаяся в то время революция до сих пор еще так и не произошла» [15. С. 27].

Для революционеров конца XIX – начала XX в., вслед за Марксом, социальная революция мыслилась в качестве дела очень недалекого будущего. Например, Бебель в 1871 г. высказал в германском рейхстаге, что немецкие социал-демократы надеются

ся «осуществить всю свою программу еще до истечения XIX века» [19. С. 94]. Это ключевой момент для психологии революционеров. Человеческая психология (восприятие себя и мира) требует получение результата своей деятельности в обозримом будущем, даже если это пролонгированное обозримое будущее – принцип: «наши дети будут жить хорошо». Они все хотели увидеть результат своей деятельности еще при жизни или сразу после своей героической гибели. Они не могли ждать наступления объективных марксовских условий для наступления социалистической революции и царства справедливости на Земле, они желали ускорить это время любой ценой.

Вокруг Ленина объединялась значительная часть молодого поколения марксистов [11. С. 69]. Во многом этому способствовало то, что Ленин выступал в качестве своеобразного бунта молодых русских марксистов против стариков: Плеханова, Засулич, Аксельрода, Дейча и др. Привлекательность марксизма у этих молодых революционеров вместе с Лениным строилась на том, что «великое учение Маркса» дает ключ к разрешению «проклятых вопросов», и что будущее принадлежит им [11. С. 64, 214].

Русские марксисты называли Ленина сектантом [11. С. 199], считали его неуживчивым, крайне непочтительным к старикам, говорили и писали, что он – человек, не останавливающийся ни перед чем, обнаруживает явно якобинские черты, имеет склонность к бланкизму и т.д. [11. С. 199]. В центре всех обвинений против Ленина стояла его «нетоварищеская резкость», незаслуженные оскорбления и т.д. [11. С. 199]. Ленин был всегда определен и резок в своих суждениях и политических выступлениях [11. С. 205].

Формы, виды и накал, которые приобретали споры с социал-демократами, отражали не только особую форму нетерпимости к инакомыслию, но и абсолютно утилитарный ход с точки зрения политических технологий – отстройку от других партий и лидеров, претендующих на лидерство в левом движении: от деятелей и руководителей II Интернационала, от идеолога российской социал-демократии Плеханова, от соратников, с которыми строилась партия РСДРП, соратников-большевиков, занесенных в разряд изменников – оппортунистов и ревизионистов.

Плеханов критиковал и большевиков, и меньшевиков, и другие отечественные течения марксизма, выставя себя единственным ортодоксальным марксистом в России [20. С. 185]. Те отвечали ему взаимностью. На критику отхода от марксизма Ленин называл своих оппонентов «оппортунистами» и приводил довод, что они (оппортунисты) переносят «то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма». Новая эпоха – это не борьба с феодализмом, а борьба пролетариата с капитализмом (сразу же идет у Ленина отсылка к «классикам»: об этом «ясно и определенно говорит «Коммунистический Манифест»») [21. С. 39].

Примерно один и тот же стиль поведения был присущ почти всем российским социалистам и марксистам. Меткое описание оставил М. Горький об одном из лидеров российской социал-

демократической партии, крыла «меньшевиков», Федоре Дане:

«Коротенький Федор Дан говорил тоном человека, которому подлинная истина приходится родной дочерью, он ее родил, воспитал и все еще воспитывает. Сам же он, Федор Дан, является совершенным воплощением Карла Маркса, а большевики – недоучки, неприличные ребята, что особенно ясно из их отношения к меньшевикам, среди которых находятся – “все выдающиеся теоретики марксизма”, сказал он» [11. С. 224].

Борьба за знамя главных российских марксистов и революционеров – это, кроме личных амбиций и тщеславия, борьба за то, кто сможет собрать, как сказали бы сегодня, «весь левый электорат», тогда – за голоса и поддержку рабочих. Это обусловило ожесточенность борьбы между наиболее близкими платформами и взглядами: меньшевики-эсеры-большевики.

Необходимо понимать, что борьба среди социалистов – это не только борьба за электорат (социальную поддержку), но и за финансовые ресурсы. Поступающие средства для социалистов необходимо было сделать только большевистскими.

Финансирование партии – это всегда тяжелый вопрос, особенно для партий нелегальных или полуполигальных, которые не получают их от государства и не имеют официальных спонсоров и пожертвований на избирательные кампании. И в этом вопросе наиболее жестко сказывался потенциал выживаемости таких партий.

Американский историк Ричард Пайпс писал, что для создания партии профессиональных революционеров Ленину нужны были деньги, «и он добывал их, прибегая к недостойным методам, в том числе к ограблению банков и присвоению чужих наследств» [22. С. 44–45]. Подобные фразы вполне удовлетворяют медийный контент, так как вписываются в ожидаемое восприятие массового сознания, но если вести речь о фактах и научном подходе, то от броских эмоциональных обвинений почти ничего не остается в сухом остатке.

Одним из источников финансирования партий служили взносы капиталистов: либо филантропов, либо рассчитывающих договориться с революционерами и оградить свои предприятия от погромов и постоянных массовых забастовок. Были и поступления от симпатизирующих. Таким самым крупным взносом для большевиков стало так называемое «наследство Шмита»: история, которая поссорила Ленина с Каутским и частью российских левых, принесла большевикам около 190 тыс. руб., или примерно 510 тыс. франков, что по тем временам являлось очень значительной суммой денег [12. С. 31–33, 36–39, 62, 85–95, 98–99, 101–102; 23. С. 160].

Обвинения Ленина в стремлении получить это наследство, используемых грязных методов и т.д., выглядят политически наивными или как озлобленность политических оппонентов. Большевики и меньшевики одинаково боролись за эти средства, и Ленин эту баталию выиграл, несмотря даже на такого политического тяжеловеса, как Каутский (авторитет которого в этот период – 1908–1914 гг. – в европейской социал-демократии был почти непрекаем),

который то ли поддерживал меньшевиков, то ли сам имел виды на данные средства для нужд немецкой социал-демократии.

Следует особо отметить, что доставались средства и от тех, кто не был богат: так, Максим Горький постоянно давал деньги на революцию (из своих гонораров), и брали у него все российские социал-демократы [11. С. 222].

Добывались средства и за счет так называемых эксов – экспроприация средств [24. С. 22]. Конфискуемые средства шли частью на партию, частью на вооружение и подготовку восстания, сами боевые организации [24. С. 22]. Эксами славилась эсеры и анархисты, для большевиков это были скорее разовые и редкие акции, так как «экспроприации таили в себе неизбежную угрозу морального разложения революционеров и вырождения их деятельности в уголовные преступления» [25. С. 34].

Вот что об эксах писал сам Ленин.

«Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; – именно, борьба эта направлена, во-первых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы; – во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризующую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову, – мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание “экспроприаторов”. Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906 году, т.е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже исключительную форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босые элементы населения...» [26. С. 3–4].

В истории с наследством Шмита многие авторы популярных и научно-популярных материалов (которые оказывают определенное влияние и на научную литературу) склонны видеть причину ссоры Ленина и Каутского, и почему последний для первого стал ренегатом. Конечно, эта история не могла не повлиять на отношения, но для Ленина линия разлома легла все-таки в изменении подходов немецкой социал-демократии к политической и революционной борьбе (а партия стремительно набирала вес, становясь крупнейшей в немецкой империи). Фактически, Социал-демократическая партия Германии становилась обычной буржуазной партией, что в принципе расходилось со взглядами большинства российских революционеров.

Отношение к немецким социал-демократам хорошо изобразил Максим Горький после посещения Германии: «Пили рейнское вино и пиво; вино было кислое и теплое, пиво хорошее; о русской революции и партии

с.-д. говорили тоже кисло и снисходительно, а о своей, немецкой партии – очень хорошо! Вообще – все было очень самодовольно, и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мягкости вождей» [11. С. 222]. Более того, мировоззренческий раскол ложился и на бытовом уровне. В этом плане показательно воспоминание о визите Горького к Бебелю, где он встречался с Бебелем, Каутским, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и другими социал-демократами. Придя в квартиру Бебеля «и увидя там массу подушечек, салфеточек, занавесочек, клеточек с канарейками и прочие атрибуты немецкой мещанской обстановки, Горький сразу обозлился и держал себя по отношению к Бебелю довольно сухо» [11. С. 217].

Первая мировая война принесла настоящий раскол между европейской и российской социал-демократией: с одной стороны, они поделились на стороны воюющих государств, с другой – на тех, кто «проголосовал за войну», поддержав свои правительства (практически вся немецкая социал-демократия, как и французская, и бельгийская, и пр.) и тех, кто выступил против войны и поддержки в ней национальных правительств – небольшая группа социалистов (Циммервальдская группа, Циммервальдская конференция), в которой активное участие принял и Ленин.

Так, десятилетия заявлений об интернационализме рухнули в один момент. Европейская социал-демократия в массе своей, и в первую очередь немецкая, на чаше весов между принципами мирного сосуществования и перехода к социализму через участие в парламентской деятельности и правительствах (ценой была поддержка войны) и революционным переходом (цена – переход на нелегальное положение и отказ от парламентских методов борьбы) выбрали первое. Это решение стало судьбоносным для всей социал-демократии и истории революционных движений, оказало влияние, в том числе, и на противостояние немецких социал-демократов и коммунистов после ноябрьской 1918 г. революции, историю Веймарской республики и прихода к власти Гитлера в 1933 г.

Ленин оказался в меньшинстве и в этот раз, но опять проявил принципиальность и с моральной точки зрения оказался выше почти всех своих оппонентов.

Узнав о Февральской революции, Ленин заспешил в Россию. Он всячески старался организовать свой выезд в Россию любыми путями, которые могли казаться безопасными, даже под другим именем и по другому паспорту [27. С. 405]. «Пораженцев», к которым относились призывающие к поражению собственного правительства большевики, новое правительство также не желало видеть: известны циркулярные телеграммы Милюкова и списки эмигрантов, не подлежащих выпуску в Россию [28. С. 164]. Ленин был уверен, что в случае проезда в Россию через Англию (или иные пути, связанные с государствами Антанты) его арестуют или задержат в стране [27. С. 404]. Проезд через Германию казался единственно возможным. Однако Ленин, понимая, что проезд через территорию воюющего с Россией государства представит его и партию большевиков в очень невыгодном свете, по-

старался обезопаситься от будущих нападков (и как показала история – не напрасно). В письме Арманд он спрашивает: «Нет ли в Женеве дураков для этой цели?» – для того, чтобы попросить у швейцарских и немецких властей вагон для политэмигрантов и пропуск его в Россию [27. С. 406].

О том, что германские власти преследуют вполне определенные и понятные цели, устраивая возвращение группы русских революционеров в Россию, эти революционеры понимали, в свою очередь стараясь использовать эти надежды немецкого генштаба для того, чтобы получить проезд в страну.

Участник событий Николай Суханов писал по этому поводу:

«Каждому понятно, что германские власти, идя в данном случае навстречу интересам русских граждан, преследовали при этом исключительно свои собственные интересы: они, конечно, спекулировали на том, что русские интернационалисты в условиях революции расшатывают устой российского империализма, а затем оторвут Россию от грабителей союзников и толкнут ее на сепаратный мир... Русские интернационалисты-эмигранты отдавали себе полный отчет в настроении германских властей и по достоинству оценивали источник их милости. Они, разумеется, понимали – все без исключения – всю неловкость, все невыгоды проезда через Германию: они знали, что на этом построят свою скверную игру перед лицом темных масс именно те элементы, которые сами своими руками закрыли все иные пути на родину ее “свободным” гражданам». [28. С. 164]

После событий 3–5 июля 1917 г. Временное правительство санкционировало сообщения о том, что большевики получили большие суммы денег от немецкого генерального штаба для подрывной деятельности в России. Большевикам была приписана попытка вооруженного восстания в Петрограде 3–5 июля, которое они совершали на немецкие деньги и по заказу германского генерального штаба. Общественное мнение резко обернулось против большевиков. Троцкий, Коллонтай и ряд других большевиков были арестованы, Ленину и Зиновьеву удалось бежать. Судебное преследование было скоро прекращено, а арестованные выпущены и вернулись к своим делам, однако Ленину пришлось скрываться, опасаясь расправы, вплоть до октябрьского переворота. Однако основная задача этой акции была выполнена – рейтинг большевиков сильно упал, они потеряли поддержку улицы и даже в массовом порядке среди своих традиционных сторонников [29. С. 427; 30. С. 424–426; 31. С. 433–434; 32. С. 422; 33. С. 28; 34. С. 231; 35. С. 407; 36. С. 232–236].

Удар по большевикам был запланирован и носил целенаправленный характер. Уже в момент переезда Ленина начались разговоры о работе Ленина и большевиков на немецкую разведку [34. С. 231]. Кадет В.Д. Набоков признавал, что Временное правительство впускало в страну Ленина из эмиграции, так как не могло ему формально отказать, при этом было уверено, «что самый факт обращения к услугам Германии в такой мере подрывает авторитет Ленина, что его не придется бояться» [37. С. 75]. Этот ход держался в запасе на протяжении апреля–июня, но как только

Ленин и его партия стали представлять реальную угрозу, Керенский запустил его. При этом Керенский постарался списать на большевиков поражения на фронте и внутренние неудачи [38. С. 4].

После событий 3–5 июля 1917 г. в Петрограде Временное правительство организовало следственную комиссию, проводившую в июле–сентябре расследование о сотрудничестве большевиков с Германией, которая допросила около 200 человек, использовала материалы полиции и контрразведки, изъятые у руководителей большевиков документы, но убедительных доказательств такого сотрудничества представить не смогла [39. С. 37–38]. Финансирование большевиков германским генеральным штабом, несмотря на большие усилия различных современных авторов, тоже так и не было доказано, и, к слову сказать, вряд ли будет доказано [40, 41; 42. С. 86–140; 43].

Списывать намеренное исчезновение документов в период СССР неправомерно. Следственная комиссия работала до октябрьского переворота и ничего не нашла, несмотря на сильное желание и необходимость для власти. В сентябре 1917 г. в эту легенду уже мало кто верил в Петрограде. Восстановление доверия к партии и Ленину четко отразилось на электоральном рейтинге: в сентябре–октябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание за партию РСДРП(б) проголосовало 10 млн избирателей [44. С. 270–271, 273, 275; 45. С. 1–24]. Не появились на свет обличительные документы и после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, несмотря на то, что всем правительствам Веймарской республики крайне требовалось показать Компартию Германию и стоящую за ней Москву в максимально неприглядном свете. Не говоря уже о времени правления нацистов, которые в своей пропаганде как на внутреннюю аудиторию, так и на СССР использовали направленный негатив на деятелей Русской революции и первых правительств (национальный состав ЦК большевиков, антигосударственная и антинародная направленность их деятельности и т.д.)

Владимир Ильич Ульянов не походил на созданные к его времени в литературе образы революционеров (от романтических до негативных). Но литература – это вымысел, даже если она максимально приближена к реальности. Ленин не был аскетом, и это предьявляется ему в качестве чего-то постыдного. При этом его некоторая аскетичность выставляется как фанатизм и отражение психологических проблем. Понятно, что о политических лидерах всегда будут мыслить и писать с пристрастием, в том числе любыми способами подогревая читательский интерес, но это должно оставаться за дверью науки.

Ленин не был властолюбцем, в чем его неоднократно обвиняли и каким его пытаются представить в угоду конъюнктуре: власть ему нужна была не для обогащения или удовлетворения потребности повелевать, а для реализации своей программы преобразований.

Ленину ставят в вину пролетарский интернационализм, который шел вразрез с российскими интересами. Но если разобрать классические постулаты Ле-

нина о пролетарском интернационализме, то обращает на себя внимание, что не происходит смены ценностей как таковой, просто национальная идея и предмет национальной гордости смещаются в область революционных достижений. «Мы полны чувства национальной гордости, — писал Ленин в 1914 г. в статье “О национальной гордости великороссов”, — ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм... И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий» [46. С. 107–108]. То есть верх патриотизма — стать передовой державой, а передовой страна может стать, осуществив самый прогрессивный переход в истории — пролетарскую революцию, и построив самый прогрессивный строй. Более того, идеи интернационализма хорошо накладывались на пример передового для многих европейцев, и особенно революционеров, государства — США. Здесь, во-первых, отдельные национальности складывались в новый народ-нацию — американцев, а во-вторых, заимствовались самые передовые технологии и формы. Таким образом, идеи интернационализма вполне сочетаются с национальными идеями и «национальной гордостью».

Тяжелым вопросом для общественного мнения является политика большевиков в отношении церкви. Во-первых, здесь Ленин следовал образцам Великой Французской революции. (Кроме того, следует отметить, что Французский Закон о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 г. считался достижением демократического развития). Во-вторых, Ленин имел за плечами русскую практику: в период кризиса государства и необходимости поиска средств Петр I часть из них нашел у церкви (насиленно отобрав), а чтобы власти духовные не вмешивались в дела светской власти и служили государственным интересам, Петр упразднил патриаршество и ввел орган управления Синод (патриаршество было восстановлено 10 ноября по н.ст. 1917 г.).

Церковь являлась серьезной силой идеологического влияния, при этом обладающей огромными материальными ресурсами и последовательно выступавшей против новой власти. Конечно, власть не могла мириться с таким положением (как любая власть в любом государстве), и большевики, вынужденные мириться с опасным противником в годы Гражданской войны, в 1922 г. нанесли удар этому государству в государстве: конфискации обеспечили фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей, которые пошли на решение первостепенных государственных задач [12. С. 517, 521].

Ленина современники и сегодняшние потомки обвиняют в огромном количестве «прегрешений»:

- В том, что он вел борьбу с самодержавием.

- В том, что выступил против Мировой войны и сделал всё, чтобы вывести из неё Россию.

- В том, что заключил Брестский мир.

- В том, что разделил помещичью землю между крестьянами.

- В том, что провёл национализацию промышленности и банков.

- В том, что отказался платить долги прежнего правительства.

- В том, что был готов применить и применил силу для защиты того, чему служил: Революции.

- В том, что решительно подавлял недовольство и сопротивление представителей прежних привилегированных сословий.

- В том, что посмел на белый террор ответить красным террором и подавил Белое движение.

- В том, что признал право наций на самоопределение вплоть до отделения и способствовал развалу страны [47. С. 30].

Самодержавие — это рудиментарная в XX в. политическая система, которая исчезла со всеми революциями в Западной Европе и в России в феврале 1917 г. Самодержавие пало само и без Ленина, и отречение Николая II с облегчением и надеждой восприняли даже немногочисленные сохранившиеся к февралю 1917 г. монархисты. Монархизм однозначно стал невозвратным вчерашним днем, и идеи реставрации почти не находили отклика даже в Белом движении. Более умеренные, нежели большевики, социалисты, меньшевики и эсеры не желали резких перемен и поддерживали «буржуазные правительства» — курс, который на год позднее возьмут немецкие социал-демократы в Веймарской республике, что не дало избежать Гражданской войны в Германии 1918–1923 гг.

Ленин был принципиально против войны, никогда этого не скрывал и уже в «Апрельских тезисах» заявил о мире в программе большевиков. После июня 1917 г. армия на фронтах была уже понятием очень абстрактным, а тыловые части отказывались выдвигаться на фронт вплоть до угроз вооруженного сопротивления и без большевистской агитации. Мир стал требованием «человека с ружьем», которое Временное правительство проигнорировало и тем самым обрело себя.

Одна из претензий, которые предъявляют большевикам потомки — это отказ от войны до победного конца, которая могла бы принести возможность получить Константинополь и проливы (многовековое стремление России) и контрибуцию, которая позволила бы решить финансовые и экономические проблемы. Не вдаваясь в рассуждения о более высокой вероятности того, что союзники не дали бы России больших приобретений, чтобы не усиливать геополитического противника (как случилось в каждой войне России на протяжении XVIII–XIX вв.), следует положить таким спекуляциям конец простым фактом: воевать было просто нечем. Это та проблема, на которой погорело Временное правительство. Массовое дезертирство из армии между февральским и октябрьским переворотами составило около 1 млн человек. Кроме прямого дезертирства — бегства из частей, существовали невозвратившиеся на фронт после лечения раненные и больные, симулянты, делегаты различных

солдатских советов. Кроме того росла категория освобожденных от службы [48. С. 132, 217, 237, 242, 245]. Причем в необратимый и особенно массовый процесс бегство из армии превратилось после неудачного наступления в июне 1917 г., которым Временное правительство собиралось поправить военные и политические дела – еще до того, как большевики начали действительно активную антивоенную пропаганду в армии. Русский эмигрант генерал Н.Н. Головин совершенно верно подметил: «Временное правительство, упорно настаивавшее на продолжении войны до “победного конца”, находилось в трагическом положении. Трагичность положения увеличивалась еще тем, что независимо от нежелания народных масс продолжать войну Временное правительство должно было считаться с исчерпанием людского запаса» [48. С. 132]. Действительно, Россия призвала под ружье за годы I Мировой войны всего более 15 млн человек, что составляло менее 10% всего населения (с Польшей и Финляндией), но самый служилый возраст – 20–29 лет был выбран призывом на 49% (7,6 млн чел.) [49. С. 85–85].

В конце января 1918 г. большевики вынуждены были констатировать, что «армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление...» [50. С. 248]. Под угрозой стояла отдача не только Прибалтики, но и Петрограда [50. С. 249]. Ситуация на фронте характеризовалась простым ответом: «Армии нет; немцы наступают по всему фронту» [51. С. 341]. Поезжайте на фронт, говорил Ленин товарищам, которые ратовали за продолжение войны с Германией, – вы увидите, что воевать мы не можем [52. С. 291].

Большевики предприняли шаги в двух направлениях: во-первых, была объявлена демобилизация армии, а вместо нее стала создаваться новая революционная армия. Это позволило сдержать атаки контрреволюции и интервентов, но поворотным в Гражданской войне стал массовый переход крестьян на сторону Красной армии. Повторилось то же, что случилось в ходе гражданской войны во Франции в ходе Великой французской революции: возвращающиеся помещики стали отбирать свои прежние земли, розданные революцией крестьянам, и это заставило крестьянство встать на сторону Революции. Именно поэтому армия, которая не могла воевать с немцами в 1917 г., смогла в конце 1918 г. и переломила ход войны в 1919 г. С приходом к власти большевиков случился такой же поворот событий, как и в 1793 г. с приходом к власти якобинцев, которые смогли мобилизовать население и армию и одержать победы над войсками интервентов и внутренней контрреволюции.

Так что мир в Брест-Литовске – это не вопрос желаний, это проблема суровой действительности. Рассуждать о том, что через полгода Германия капитулировала и требовалось всего лишь дождаться – некорректно: за эти полгода германские войска вполне могли взять не только Украину, но и Петроград, и Москву, оборонять которые было просто некем. Плюс к тому, есть уверенность, что правительства Англии и Франции не дали бы мир правительству большевиков

и вполне могли поставить условия мира Германии в продолжении ее войны с Россией уже при помощи стран Антанты.

Требование земли было вторым главным требованием в России после требования «мира», и медлительность Временного правительства в этом вопросе стоила ему поддержки в деревне и в армии. При этом решение вопроса о земле в России запаздывало уже минимум на столетие. Нерешенность проблемы конфискации помещичьих земель в Немецкой революции 1918 г., например, создавало социальную напряженность в обществе, вело к гражданской войне и популярности левых, националистических и радикальных партий: проблема была решена только с приходом к власти Гитлера [53].

Следует отметить, что именно аграрный вопрос был одним из главных экономических вопросов подавляющего большинства революций. Так было в Великой французской революции [54. С. 309–310], в Русской революции [55. С. 140, 153, 176], в революциях Латинской Америки [56. С. 352, 355; 57. С. 3, 6] и др., и правительства, которые в ходе революций этот вопрос не решали, были обречены.

Что касается экономических моделей развития, то в начале XX в. особый интерес представляла немецкая модель государственного монополизма, которая позволила стране в короткие сроки выбиться в лидирующие государства Европы. Еще в разработке идеи империализма как высшей стадии капитализма (август 1917 г.) Ленин особо уделил внимание государственно-монополистическому капитализму, переход к которому во всех развитых капиталистических странах, по его мнению, ускорила война [58. С. 3]. Немецкую модель такого капитализма, с большой ролью государства в регулировании, выбрал Ленин для послереволюционной России, так как государственно-монополистический капитализм позволял использовать мобилизационную экономику и мог обеспечить быстрый подъем страны [59. С. 32; 60. С. 265–266]. Элементы такого регулирования в России использовались до Первой мировой войны, были усилены в период военного противостояния, а революция завершила переход к крайней форме государственного капитализма и закрепила его в России [59. С. 32; 61. С. 209].

И здесь Ленин шел в русле ведущих мировых тенденций. Так, исследователями подмечено, что «уже в 1913 году капиталистическая экономика быстрыми темпами двигалась к созданию системы крупных корпораций, поддерживаемых, опекаемых и даже до известной степени руководимых правительствами» [47. С. 209]. «В период Первой мировой войны государственное вмешательство в экономическую жизнь достигло нового качественного уровня» [62. С. 263]. Государство брало на себя все больше и больше функций по контролю производства и регулированию трудовых отношений [62. С. 263].

В. Фишер в специальном исследовании, посвященном вопросам экономики и государственного влияния на нее в Европе 1914–1980 гг., пришел к выводу, что в период между двумя мировыми войнами «во многих странах Европы государство осуществля-

ло прямое, массированное вмешательство в повседневную экономическую жизнь; непосредственное воздействие мировых войн ощутили даже те немногие нейтральные регионы, которые они пощадили» [62. С. 263]. Избежали усиления государственного нормирования только Швейцария, Нидерланды и Скандинавские страны [62. С. 283]. Даже в США, в стране с самой либеральной экономикой, в период Великой депрессии правительство предпринимало чрезвычайные меры, многие программы, действовавшие в период Первой мировой войны, получили второе рождение [63. С. 344–345].

Вопрос национализации промышленности и банков на сегодняшний день не является чем-то из ряда вон выходящим для капиталистических стран, в том числе самых развитых, так что Ленина здесь можно признать провидцем и первопроходцем. В равной мере это касается и аннуляции государственных долгов.

Репрессии и террор – неотъемлемая часть всех классических революций. Даже в национально-освободительных революциях (или имеющие близкие черты), где основная борьба идет с иноземными силами, часть собственного населения выступает на стороне этих сил и, безусловно, уничтожается: так было и в Нидерландской, и в Американской, и в Китайской, и во Вьетнамской и многих других революциях. Гражданская война в России была усугублена иностранной интервенцией – прямой сценарий Великой французской революции, в которой собственная контрреволюция и интервенты были изгнаны с территории Франции (а затем начались Наполеоновские войны за пределами революционной Франции), но никто же не ставит в упрек это французским революционерам и не подвергает право революционных правительств на самозащиту. Революционная власть, которая не смогла организовать силовую защиту, быстро сходила с исторической сцены, причем трагедия их гибели вряд ли была меньшей чем та, которая бы произошла в случае их победы. Так произошло с Парижской коммуной, утопленной в крови, с Альенде в Чили, с Испанией, которая с начала XIX в. более столетия не могла подавить контрреволюционные силы, и они неизбежно возвращались после каждой Испанской революции, и все это закончилось кровопролитнейшей Гражданской войной в XX в. и сорокалетним режимом Франко. Контрреволюция считает, что необходимо уничтожить революционеров, революционеры уверены, что требуется уничтожить контрреволюционеров: и те, и другие защищаются.

Развал страны, который приписывают Ленину, начался с весны 1917 г. К октябрю 1917 г. распоряжения центральной власти де факто игнорировались на территориях Прибалтики, Польши, Финляндии, Украины и Закавказья. Развал был необратим, а учитывая, что все эти территории стали обладателями собственных обученных и вооруженных в ходе войны армий, перспективы силового возвращения представлялись провальными. Иной в отличие от царской России принцип национальной политики давно стоял в повестке дня, иначе империи грозила участь Османской и Австро-Венгерской империй. Ленин предложил самый прогрессивный и по сегодняшний день

подход. Благодаря этому подходу как раз Ленину удалось восстановить целостность страны, вернув большую часть утраченных территорий. В данном случае вопросы могут быть к тем государственным деятелям, которые после Ленина не смогли как он диалектически подходить к проблемам и менять отношение к их решению в зависимости от складывающейся обстановки. Ставить Ленину в вину развал государства, который произошел без малого через 70 лет после основания им СССР, – это примерно как обвинять Бисмарка в поражении Германии во Второй мировой войне и разделе страны на ФРГ и ГДР.

В общем, так можно пройти по всем «обвинениям», но проблема в том, что они не несут логической нагрузки и, соответственно, не могут быть логическим путем оспорены. Дело в том, что обвинения в подавляющем своем большинстве несут исключительно эмоциональный характер и, как верно заметил С.Ф. Черняховский, главная претензия к Ленину в том, что он победил [47. С. 30]. Успех прощается значительно реже, чем поражения.

Сквозь строй претензий со стороны оппонентов Ленина, которые никогда не простят ему своих поражений (и речь здесь не только о России, но и о мировом контексте последствий победы Ленина), необходимо понимать, что объективно он стал самым успешным политиком Новейшей истории, и по уровню его воздействия на мировую историю с ним мало кто может сравниться. Именно благодаря фигуре Ленина Русская революция стала тем, чем она стала, заняв место третьей Великой революции в мире по очереди и равной Великой французской по значимости и масштабности. Великая французская революция выступала образцом для революций XIX в. и начала XX в. После Русской революции 1905–1922 гг. именно она стала новым образцом. Кроме того, Русская история после революции дала иной путь модернизации, который стал более импонирующим для революционеров Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Проблема отношения к Ленину, в конце концов, выливается в проблему дискретности восприятия в России и странах, входивших в Российскую империю и СССР, собственной истории. Базу под такое восприятие действительно заложил сам Ленин: в смене названия государства и декларации принципиально нового этапа исторического развития, перевернувшему всю прежнюю историю и понятия. Но для Ленина это было требованием момента: он считал, что такая идеология поможет восстановить государство и порядок и мобилизовать население сначала на вооруженную борьбу, а затем на строительство новой жизни. (И во многом оказался прав.) Однако уже в 1930-е гг. произошел возврат к парадигме преемственности Российской истории (что происходило по прошествии времени после каждой известной революции).

В данном контексте примечателен факт из Английской истории. После реставрации останки Кромвеля (а также Айртона, Брэдшоу и Прайда) были извлечены из гробниц Вестминстерского аб-

батства, повешены, а затем погребены под виселицей [64. С. 127].

Так, англичане вычеркнули с конца XVII в. до XIX в. из своей истории период революции 1640–1660 гг.: «Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статуты, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [65. С. 5]. За событиями 1640–1650 гг. закрепился образ кровавой смуты [65. С. 5, 12]. Однако Кромвель все же был возвращен в английскую историю: с конца XIX в. ему стали ставить памятники по всей Британии, и один из них – перед английским парламентом.

Примечательно, что в определенных негативных оценках Ленин ярко выделяется среди деятелей Нидерландской, Английской, Американской, Фран-

цузской и Мексиканских революций, тогда как в сравнении с подавляющим большинством из них Ленин выгодно отличается с точки зрения вопросов морали, справедливости, «безупречности жизненного пути» (если так вообще можно выразиться) и своих целей. С одной стороны, это говорит о том, что те события, активным участником которых стал В.И. Ульянов, оказали много большее впечатление, чем перечисленные революции. С другой стороны, это вопрос политической культуры и культуры общества в целом. Сакрализация лидера, а затем «свержение с пьедестала» ввиду несоответствия созданным собственным мифам или изначально негативное отношение к любой персоне во главе государства – это черты незрелой политической культуры, которые будут изменяться со взрослением общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М. : Весь мир, 1997. 560 с.
2. Жизнь Владимира Ильича Ленина: вопросы и ответы. 3-е изд. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. 287 с.
3. Ленин, о котором спорят сегодня. М. : Изд-во полит. лит., 1991. 256 с.
4. Майсурия А. Другой Ленин. М. : Вагриус, 2006. 488 с.
5. Трофимов Ж.А. Волгогоновский Ленин (критический анализ книги Д.А. Волгогонова «Ленин»). М., 1997. 97 с.
6. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М. : Молодая гвардия, 2002. 723 с.
7. Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М. : Молодая гвардия, 2017. 783 с.
8. Федюк В. Керенский. М. : Молодая гвардия, 2009. 406 с.
9. Фишер Л. Жизнь Ленина : в 2 т. М. : Книжная лавка – РТР, 1997. Т. 1. 480 с.
10. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 1. 351 с.
11. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 3. 367 с.
12. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М. : Политиздат, 2000. 672 с.
13. Ленин В.И. Незаконченная автобиография // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 21.
14. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 45. С. 369–377.
15. Каутский К. Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революции). М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. 153 с.
16. Маркс К. Письмо Вильгельму Александру Фрэнду, 21 января 1877 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1964. Т. 34. С. 191–192.
17. Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1958. Т. 10. С. 423–480.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
19. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М. : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912. 384 с.
20. Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М. : Терра, 1991. 240 с.
21. Ленин В.И. Положение и задачи социалистического Интернационала // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 26. С. 36–42.
22. Пайпс Р. Коммунизм. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002. 201 с.
23. Ирошников М.П., Кулегин А.М. Историография. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 159–162.
24. Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг. Статьи, воспоминания и документы / сост. С.М. Познер. М. : Старый большевик, 1934. 304 с.
25. Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М. : РОССПЭН, 1996. 235 с.
26. Ленин В.И. Партизанская война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1972. Т. 14. С. 1–12.
27. Ленин В.И. Письмо И.Ф. Арманд, 19 марта 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 49. С. 404–406.
28. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1990. Т. 4. 351 с.
29. Ленин В.И. В опровержение темных слухов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 427.
30. Ленин В.И. Дрейфусида // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 424–426.
31. Ленин В.И. К вопросу об явке на суд большевистских лидеров // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 433–434.
32. Ленин В.И. Новое дело Дрейфуса? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1969. Т. 32. С. 422.
33. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 352 с.
34. Сорокин П.А. Бойня : революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Изд-во полит. лит., 1992. С. 223–244.
35. Троцкий Л.Д. История русской революции : в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М. : Терра, 1997. Т. 1: Февральская революция. 464 с.
36. Троцкий Л.Д. История русской революции : в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М. : Терра, 1997. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 1. 320 с.
37. Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции : в 22 т., изданный И.В. Гессеном. Берлин : Слово, 1921. Т. 1. С. 9–96.
38. Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М. : Задруга, 1918. 194 с.
39. Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45.
40. Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М. : Ладомир, 2010. 620 с.
41. Хальвер В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М. : Междунар. отношения, 1990. 250 с.
42. Катков Г.М. Февральская революция. М. : Центрполиграф, 2006. 488 с.

43. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2009. 476 с.
44. Знаменский О.Н. Всероссийское учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л. : Наука, 1976. 364 с.
45. Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 40. С. 1–24.
46. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 26. С. 106–110.
47. Черняховский С.Ф. Конструктор будущего // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 28–35.
48. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М. : Вече, 2014. 544 с.
49. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М. : Вече, 2010. 624 с.
50. Ленин В.И. К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 35. С. 243–252.
51. Ленин В.И. Разговор с Московским Советом по прямому проводу 20 февраля 1918 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 35. С. 341.
52. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во полит. лит., 1989. Т. 2. 384 с.
53. Шульц Э.Э. «Левый» и «правый» бунт в Германии 1920–1930-х гг.: истоки, ход событий, результаты. Барнаул : Си-пресс, 2014. 149 с.
54. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М. : Изд-во иностр. лит., 1957. 353 с.
55. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : ПФОП, 2014. 512 с.
56. Ковалев Е.В. Аграрные реформы в странах Латинской Америки. М. : Наука, 1973. 359 с.
57. Blasier C. Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba // Revolution: Critical Concepts in Political Science / ed. by R.H.T. O'Kane. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 3–34.
58. Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.
59. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М. : РОССПЭН, 2005. 288 с.
60. Шульц Э.Э. Россия и Германия в первой трети XX в.: выбор пути развития // Среднерусский Вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 264–269.
61. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
62. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. М. : ВЛАДОС, 1999. 368 с.
63. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М. : ИРИСЭН ; Мысль, 2010. 500 с.
64. История Европы. М. : Наука, 1994. Т. 4: Европа Нового времени (XVII–XVIII века). 509 с.
65. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. 2-е изд. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 388 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2019 г.

Lenin: Problems of Comprehension of Own History

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 159–170.

DOI: 10.17223/15617793/464/19

Eduard E. Shults, Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuapl@yandex.ru

Keywords: Russian Revolution; Revolution of 1917; Lenin; Civil War in Russia.

The article examines the figure of Vladimir Ulyanov-Lenin, whose 150th birthday anniversary was celebrated in April 2020. With all the discrepancy of public opinion on Lenin, this political figure is part of world history: Lenin became one of the most considerable historical persons of the 20th century and had a rather strong impact on the historical process. The author sees the aim of comprehending the Russian Revolution in (1) the abolition of the unnecessary mythologization of its leader, which not only hinders the understanding of his personality, the situation and events of that time, but also will constantly produce a rejection reaction that will continue to create the irreconcilable groups of “admirers” and “haters”; (2) an adequate scientific analysis that will evaluate the political leader logically, not emotionally, in the conditions of historical realities. In the author’s opinion, the problem of the attitude to Lenin eventually becomes the problem of the discontinuity of perception of own history in Russia and in the countries of the former Russian Empire and USSR. It is the problem of political culture and culture of society in general. The problem of attitude to Lenin in many respects is the problem of transferring modern realities and “post factum” evaluations to another historical environment. From scientific positions and public evaluation, it is necessary to understand that Lenin objectively became the most successful politician of the contemporary history. Few historical figures can be compared with him in terms of the impact on world history. It is due to Lenin that the Russian Revolution became what it became: the third great revolution in the world, an equal to the Great French Revolution in importance and scale. The Russian Revolution became a new model of imitation, replacing the French predecessor, gave a different way of modernization, more imposing for the revolutionaries of Latin America, Africa and Southeast Asia. Lenin is strongly distinguished against the background of all leaders of the previous revolutions in terms of morals, justice and goals. The leader’s sacralization, his subsequent ousting (due to his inconsistency with myths people themselves created), or initially negative attitude to a head of the state are features of an undeveloped political culture which will change with the maturing of society.

REFERENCES

1. Shanin, T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. 1905–1907 – 1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907 – 1917–1922]. Moscow: Ves’ mir.
2. Kostyagina, V.M. (ed.) (2012) *Zhizn’ Vladimira Il’icha Lenina: voprosy i otvety* [The life of Vladimir Ilyich Lenin: questions and answers]. 3rd ed. Ul’yanovsk: Korporatsiya tekhnologii proizvodstva.
3. Volkova, G.S. (ed.) (1991) *Lenin, o kotorom sporyat segodnya* [Lenin, who is being argued about today]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
4. Maysuryan, A. (2006) *Drugoy Lenin* [A Different Lenin]. Moscow: Vagrius.
5. Trofimov, Zh.A. (1997) *Volkogonovskiy Lenin (kriticheskiy analiz knigi D.A. Volkogonova “Lenin”)* [Volkogonov’s Lenin (a critical analysis of the book “Lenin” by D.A. Volkogonov)]. Moscow: [s.n.].
6. Payne, R. (2002) *Lenin. Zhizn’ i smert’* [Life and death of Lenin]. Translated from English. Moscow: Molodaya gvardiya.
7. Danilkin, L.A. (2017) *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: Pantokrator of solar dust particles]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Fedyuk, V. (2009) *Kerenskiy* [Kerensky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
9. Fisher, L. (1997) *Zhizn’ Lenina: v 2 t.* [Lenin’s Life: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Knizhnaya lavka – RTR.

10. Manbekova, S.U. (ed.) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo polit. lit.
11. Butchnikova, S.F. (ed.) (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo polit. lit.
12. Lenin, V.I. (2000) *Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Unknown documents. 1891–1922]. Moscow: Politizdat.
13. Lenin, V.I. (1969) *Nezakonchennaya avtobiografiya* [Unfinished autobiography]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 21.
14. Lenin, V.I. (1970) O kooperatsii [On cooperation]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow: Politizdat. pp. 369–377.
15. Kautskiy, K. (1959) *Put' k vlasti. (Politicheskie ocherki o vrastanii v revolyutsiyu)* [The Way to Power. (Political essays on plunging into revolution)]. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
16. Marx, K. (1964) Pis'mo Vil'gel'mu Aleksandru Frendu, 21 yanvarya 1877 [Letter to Wilhelm Alexander Freund, January 21, 1877]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 34. Moscow: Politizdat. pp. 191–192.
17. Marks, K. (1958) *Revolutsionnaya Ispaniya* [Revolutionary Spain]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 10. Moscow: Politizdat. pp. 423–480.
18. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Manifest kommunisticheskoy partii* [Communist Manifesto]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat. pp. 419–459.
19. Bogucharskiy, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidis'yatykh godov* [Active populism of the seventies]. Moscow: Izd-vo M. i S. Sabashnikovykh.
20. Valentinov, N.V. (1991) *Nasledniki Lenina* [Lenin's heirs]. Moscow: Terra.
21. Lenin, V.I. (1969) *Polozhenie i zadachi sotsialisticheskogo Internatsionala* [The position and tasks of the Socialist International]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat. pp. 36–42.
22. Pipes, R. (2002) *Kommunizm* [Communism]. Translated from English. Moscow: Mosk. shkola polit. issledovaniy.
23. Iroshnikov, M.P. & Kulegin, A.M. (2002) *Istoriografiya. V.I. Lenin. Neizvestnye dokumenty. 1891–1922 gg.* [Historiography. V.I. Lenin. Unknown documents. 1891–1922]. *Voprosy istorii*. 8. pp. 159–162.
24. Pozner, S.M. (1934) *Pervaya boevaya organizatsiya bol'shevikov. 1905–1907 gg. Stat'i, vospominaniya i dokumenty* [The first militant organization of the Bolsheviks. 1905–1907 Articles, memoirs and documents]. Moscow: Staryy bol'shevik.
25. Tyutyukin, S.V. & Shelokhaev, V.V. (1996) *Marksisty i russkaya revolyutsiya* [Marxists and the Russian Revolution]. Moscow: ROSSPEN.
26. Lenin, V.I. (1972) *Partizanskaya voyna* [Partisan war]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 14. Moscow: Politizdat. pp. 1–12.
27. Lenin, V.I. (1970) Pis'mo I.F. Armand, 19 marta 1917 g. [Letter to I.F. Armand, March 19, 1917]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 49. Moscow: Politizdat. pp. 404–406.
28. Stelliferovskaya, E.N. (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 4. Moscow: Izd-vo polit. lit.
29. Lenin, V.I. (1969) *V opроверzhenie temnykh slukhov* [In refutation of dark rumors]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 427.
30. Lenin, V.I. (1969) *Dreyfusiada*. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. pp. 424–426.
31. Lenin, V.I. (1969) *K voprosu ob yavke na sud bol'shevistskikh liderov* [On the appearance of the Bolshevik leaders for trial]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. pp. 433–434.
32. Lenin, V.I. (1969) *Novoe delo Dreyfusa?* [A new Dreyfus case?]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 32. Moscow: Politizdat. p. 422.
33. Reed, J. (1957) *Desyat' dney, kotorye potryasli mir* [Ten days that shook the world]. Translated from English. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
34. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Izd-vo polit. lit. pp. 223–244.
35. Trotskiy, L.D. (1997) *Istoriya russkoy revolyutsii: v 2 t.* [History of the Russian Revolution: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Terra.
36. Trotskiy, L.D. (1997) *Istoriya russkoy revolyutsii: v 2 t.* [History of the Russian Revolution: in 2 volumes]. Vol. 2 (1). Moscow: Terra.
37. Nabokov, V. (1921) *Vremennoe pravitel'stvo* [Provisional Government]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii: v 22 t., izdannyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution: in 22 volumes, published by I.V. Gessen]. Vol. 1. Berlin: Slovo. pp. 9–96.
38. Kerenskiy, A.F. (1918) *Delo Kornilova* [The Kornilov case]. Moscow: Zadruga.
39. Makarenko, P.V. (2008) *Germanskiy faktor v Okt'yabr'skoy revolyutsii 1917 g.* [The German factor in the October Revolution of 1917]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 30–45.
40. Popova, S.S. (2010) *Mezhdvu dvumya perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o sobyitiyakh leta 1917 goda v Petrograde (po frantsuzskim i rossiyskim arkhivnym istochnikam)* [Between two coups. Documentary evidence of the events of the summer of 1917 in Petrograd (according to French and Russian archival sources)]. Moscow: Ladomir.
41. Khal'veg, V. (1990) *Vozvrashchenie Lenina v Rossiyu v 1917 godu* [Return of Lenin to Russia in 1917]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
42. Katkov, G.M. (2006) *Fevral'skaya revolyutsiya* [February Revolution]. Moscow: Tsentrpoligraf.
43. Sobolev, G.L. (2009) *Taynyy soyuznik. Russkaya revolyutsiya i Germaniya. 1914–1918* [A secret ally. Russian revolution and Germany. 1914–1918]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
44. Znamenskiy, O.N. (1976) *Vserossiyskoe uchreditel'noe sobranie. Istoriya sozyva i politicheskogo krusheniya* [All-Russian Constituent Assembly. History of the convocation and of political collapse]. Leningrad: Nauka.
45. Lenin, V.I. (1974) *Vybory v Uchreditel'noe sobranie i diktatura proletariata* [Election to the Constituent Assembly and the Dictatorship of the Proletariat]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 40. Moscow: Politizdat. pp. 1–24.
46. Lenin, V.I. (1969) *O natsional'noy gordosti velikorossov* [On the national pride of the Great Russians]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 26. Moscow: Politizdat. pp. 106–110.
47. Chernyakhovskiy, S.F. (2017) *Konstruktor budushchego* [Designer of the future]. *Izbranskiy klub*. 4. pp. 28–35.
48. Golovin, N.N. (2014) *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne* [Russia in the First World War]. Moscow: Veche.
49. Krivosheev, G.F. et al. (2010) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Book of losses]. Moscow: Veche.
50. Lenin, V.I. (1974) *K istorii voprosa o neschastnom mire* [On the history of the question of the unfortunate world]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 35. Moscow: Politizdat. pp. 243–252.
51. Lenin, V.I. (1974) *Razgovor s Moskovskim Sovetom po pryamomu provodu 20 fevralya 1918 g.* [Conversation with the Moscow Council on direct line on February 20, 1918]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 35. Moscow: Politizdat. p. 341.
52. Dridzo, V.S. & Manbekova, S.U. (eds) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il'iche Lenine: v 10 t.* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin: in 10 volumes]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo polit. lit.
53. Shul'ts, E.E. (2014) *“Levyi” i “pravyy” bunt v Germanii 1920–1930-kh gg.: istoki, khod sobyitiy, rezul'taty* [“Left” and “Right” revolts in Germany in the 1920s–1930s: origins, course of events, results]. Barnaul: Si-press.
54. Blok, M. (1957) *Kharakternye cherty frantsuzskoy agrarnoy istorii* [Characteristic features of French agrarian history]. Moscow: Izd-vo inostr. lit.

55. Shul'ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniya radikal'nyimi formami sotsial'nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Riot technologies. (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: PFOP.
56. Kovalev, E.V. (1973) *Agrarnye reformy v stranakh Latinskoj Ameriki* [Agrarian reforms in Latin America]. Moscow: Nauka.
57. Blasier, C. (2000) Studies of Social Revolution: Origins in Mexico, Bolivia, and Cuba. In: O'Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 3–34.
58. Lenin, V.I. (1969) Gosudarstvo i revolyutsiya. Uchenie marksizma o gosudarstve i zadachi proletariata v revolyutsii [State and revolution. The doctrine of Marxism about the state and the tasks of the proletariat in the revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Politizdat. pp. 1–120.
59. Graziosi, A. (2005) *Voyna i revolyutsiya v Evrope 1905–1956* [War and Revolution in Europe 1905–1956]. Translated from Italian. Moscow: ROSSPEN.
60. Shul'ts, E.E. (2014) Rossiya i Germaniya v pervoy trety XX v.: vybor puti razvitiya [Russia and Germany in the first third of the 20th century: the choice of the development path]. *Srednerusskiy Vestnik obshchestvennykh nauk*. 2. pp. 264–269.
61. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
62. Fischer, W. (1999) *Evropa: ekonomika, obshchestvo i gosudarstvo. 1914–1980* [Economy, society and state in Europe. 1914–1980]. Translated from German. Moscow: VLADOS.
63. Higgs, P. (2010) *Krizis i Leviatan: Povоротные моменты роста американского правитель'stva* [Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government]. Translated from English. Moscow: IRISEN; Mysl'.
64. Barg, M.A. (ed.) (1994) *Istoriya Evropy* [History of Europe]. In 8 volumes. Vol. 4. Moscow: Nauka.
65. Savin, A.N. (1937) *Leksii po istorii angliyskoy revolyutsii* [Lectures on the history of the English Revolution]. 2nd ed. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo.

Received: 24 June 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

И.Е. Абрамова, Е.П. Шишмолина

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНКУРСЫ

На примере иноязычного обучения юристов рассматриваются вопросы подготовки кадров нового поколения, обладающих необходимыми компетенциями. Описаны компоненты и этапы реализации технологии профессионально интегрированного обучения иностранному языку. Приведены результаты экспериментальной подготовки студентов Петрозаводского государственного университета к участию в конкурсе судебных юристов «Amicus Curiae». Делается вывод об эффективности предлагаемой технологии обучения профессиональной коммуникации с элементами состязательности.

Ключевые слова: универсальные компетенции; коммуникативная компетенция; профессионально ориентированное иноязычное обучение.

Введение

В новых социально-экономических условиях перед высшим образованием России стоят серьезные вызовы: аналитиками прогнозируется, что к 2025 г. в стране будет остро ощущаться нехватка высококвалифицированных кадров, обладающих реальными знаниями и компетенциями, «умением их правильно применять, заниматься аналитической, творческой работой, способных к автономному принятию решений» [1]. По данным Службы исследований Head Hunter, только треть работодателей считает, что выпускники способны работать в команде и брать на себя ответственность [2]. Согласно опросу ВЦИОМ подавляющее число работодателей (91%) отмечают недостаток у выпускников высшей школы практических навыков, умений самопрезентации и демонстрации своих профессиональных качеств, а также низкий уровень их психологической подготовленности, отсутствие представлений о нормах поведения и субординации в коллективе и в бизнес-среде. Среди причин, вызывающих неудовлетворенность работодателей, отмечается также низкая мотивация выпускников, недостаточная нацеленность на профессиональное развитие, недостаточная сформированность навыков межличностного общения [3].

С учетом данных обстоятельств отечественные и зарубежные специалисты продолжают поиск педагогических технологий, направленных на развитие универсальных компетенций у будущих профессионалов в разных областях деятельности, особое значение среди которых придается коммуникативной компетенции. В современном социуме коммуникативные умения играют важную роль, обеспечивая эффективное взаимодействие людей и достижение ими поставленных целей и результатов. Не вызывает сомнения тот факт, что выпускник, хорошо владеющий иностранным языком и способный им пользоваться в сфере профессиональной деятельности, имеет реальную возможность расширить горизонты карьерного роста и обеспечить себе конкурентное преимущество. В этой связи становится вполне оправданным применение междисциплинарного подхода для формирования у специалистов нового поколения профессио-

нальной культуры и эффективных коммуникативных стратегий в условиях социального взаимодействия, как на родном, так и на иностранном языках. Цель данной статьи заключается в анализе преимуществ технологии, направленной на развитие у студентов юридических специальностей профессиональных и универсальных компетенций через обучение в иноязычной профессионально ориентированной состязательной среде на основе междисциплинарного и компетентностного подходов с использованием проектных методик.

Профессия юриста на протяжении долгого времени продолжает оставаться не только привлекательной для современных выпускников школ [4], но и, согласно последним данным ВНИИ труда Министерства труда и социальной защиты РФ, входит в топ-10 самых востребованных профессий [5]. Потребность в специалистах в области юриспруденции обусловлена их важной ролью в обеспечении юридического сопровождения инновационных технологических процессов, бизнес-процессов и других направлений производственной деятельности не только в России, но и за рубежом. С приходом на российский рынок иностранных партнеров юридические услуги на английском языке стали весьма востребованными, поэтому работодатели в качестве одного из основных требований для должности юриста все чаще выдвигают знание иностранного языка [6]. Для своевременного реагирования на запросы работодателей и российской экономики ФГОС последнего поколения предусматривает формирование профессиональных и универсальных компетенций обучающихся по направлению «Юриспруденция», которые будут востребованы в их деятельности после окончания университета. Прежде всего, речь идет о способности работать в команде, владении инструментами самоорганизации и саморазвития, умении планировать, разрабатывать и реализовывать различные проекты, выбирая оптимальные способы решения задач, исходя из действующих правовых норм и имеющихся ресурсов и ограничений. Одними из главных качеств современного юриста становятся способности преодолевать коммуникативные и психологические барьеры, осложняющие сотрудничество в многонациональных командах и влия-

яющие на уровень доверия среди членов коллектива [7], а также способность вести деловую коммуникацию в устной и письменной формах на родном и иностранном языках, логически структурируя свою речь в соответствии с нормами юридического дискурса, используя релевантную аргументацию и корректно применяя специальную терминологию.

Теоретические положения и концепция исследования

Анализ специальной литературы показывает, что в отечественной и мировой дидактике особый интерес представляют методики, имитирующие профессиональную среду [8], к которым можно отнести не только конкурсы профессионального мастерства (например, *World Skills Competitions*) [9], но и специализированные занятия с применением затрудняющих условий, таких как временные ограничения, запрет на использование определенных тактик, информационная недостаточность, метод абсурда, заключающийся в предложении решить заведомо невыполнимую профессиональную задачу. В значительной мере развитию профессиональной идентичности будущего специалиста способствуют методики обучения непосредственно на рабочем месте. Так, например, в вузах Голландии широко распространены комбинированные учебные программы, сочетающие теоретическое и практическое обучение как один из эффективных инструментов формирования требуемых в будущей деятельности навыков [10]. Положительный опыт в области практико-ориентированного обучения накоплен также в ряде образовательных учреждений Швеции и Франции [11].

Свою эффективность доказала концепция профессионально интегрированного обучения (*Work Integrated Learning / WIL*), предлагаемая сегодня многими зарубежными университетами. Она реализуется в рамках образовательной парадигмы, обеспечивающей развитие у студентов способности включать результаты академического обучения в свою профессиональную деятельность. Подобный подход справедливо считается инструментом формирования и повышения профессиональной квалификации выпускников, способствующим приобретению ими практических навыков и развитию готовности к труду [12], что повышает их шансы на трудоустройство. Как показывают исследования в Университете Масси (Новая Зеландия), студенты положительно оценивают данный подход к обучению, отмечая у себя развитие таких личностных характеристик, как самоорганизация, предприимчивость и коммуникабельность [13]. Конкурсы и учебная деятельность с элементами соревновательности обоснованно зарекомендовали себя как эффективные обучающие средства, формирующие лидерские и деловые качества личности [14].

Что касается подготовки студентов неязыковых направлений к иноязычной коммуникации в профессиональной сфере и развития у них компетенций, необходимых конкурентоспособному специалисту, то и здесь наиболее эффективно показал себя интегрированный, профессионально ориентированный междис-

циплинарный подход к организации процесса обучения иностранному языку [15]. Он базируется на принципах коммуникативного и компетентностного обучения, поскольку они не только обеспечивают разностороннее развитие учащихся, знакомят их с социокультурным аспектом изучаемого языка [16], но и помогают научиться общаться в реальном деловом мире [17], в том числе за счет включения в контекст обучения социолингвистических элементов [18]. В терминах компетентностного подхода для такого общения необходимо не только знание предмета, но и способность обучающихся действовать в различных практико-ориентированных проблемных ситуациях, умение решать коммуникативные задачи в типичных и нестандартных обстоятельствах [19]. Одним из примеров практической реализации этого принципа является разработанная в Тюменском государственном университете технология активного говорения, способствующая развитию мотивационного, когнитивного и поведенческого компонентов иноязычной коммуникативной компетенции студентов нефилологических направлений [20].

Создание естественных, а не учебных псевдокоммуникативных ситуаций делового общения способно обеспечить эффективную профессионально направленную коммуникацию, вовлекающую студентов в решение реальных проблем с применением междисциплинарных знаний и иностранного языка [21]. Погружение студентов в межличностное взаимодействие в ситуациях, приближенных к условиям реальной жизни и имеющих для самих учащихся понятный им смысл, обеспечивается также за счет включения их в проектную деятельность [22–24]. Она отличается «высокой познавательной активностью, глубоким пониманием сути вопроса, её результатом является личностно-значимый продукт, а не выполнение заданий ради демонстрации своей образованности и прилежания» [25]. Это помогает преодолеть такие минусы традиционного учебного процесса в высшей школе, как отсутствие возможности у студентов в полной мере использовать свои интеллектуальные способности, потеря внутреннего смысла учебной деятельности, ограниченной пространственно-временными рамками аудитории. Кроме того, моделирование аутентичных ситуаций делового общения для стимулирования учебной деятельности с целью достижения профессионально значимых результатов создаются в рамках практико-ориентированного профессионального обучения [26].

Одним из способов применения вышеперечисленных методов при обучении английскому языку юристов является моделирование профессиональных ситуаций в так называемых игровых или имитационных судах (*Mock Trial*). При подготовке специалистов в сфере юриспруденции они широко практикуются для тренировки не только профессиональных навыков, но и совершенствования коммуникативных умений с учетом специфики англоязычного юридического дискурса [27]. Наиболее широко метод имитационных судов используется в США. Он позволяет научить студентов искусству убедительной защиты в зале суда и адаптирует их к реалиям профессии судебного юри-

ста. Каждый год американские студенты соревнуются в региональных и национальных судебных конкурсах, где они выступают в качестве судебных адвокатов, представляя интересы «клиента» на всех этапах судебного разбирательства, включая досудебные ходатайства, вступительные и заключительные заявления, прямой и перекрестный допросы. Такие «игровые» кейсы охватывают как гражданские, так и уголовные дела и часто основаны на реальных судебных процессах. В качестве примера можно привести проект «Война за независимость» («*Revolutionary War*»), в котором исторические события переносятся в современную действительность, а противоборствующие стороны предстают перед судом, инсценируемом студентами [28].

Другим примером является представленный в работе А. Сентрелла-Нигро и Д. Флинн имитационный процесс, который, по сути, является разновидностью дебатов для обучения критическому мышлению. В ходе судебного разбирательства выносятся вердикт о возможности проведения реанимации больного в присутствии членов семьи [29]. Потенциал интеллектуальных соревнований для развития самостоятельного и независимого мышления выпускников отмечают также и исследователи Высшей школы менеджмента (ВШМ) Санкт-Петербургского университета. Наиболее популярными формами признаются конкурсные кейс-стади, моделирование профессиональных ситуаций, панельные дискуссии, имитационные игры с различными ролями (например, команда-консультант и команда-клиент) [30].

При подготовке будущих юристов нельзя не учитывать также и тот факт, что юридическая профессия характеризуется высоким уровнем стресса. Так, согласно исследованиям британских ученых агентства «Keystone Law», около 70% юристов считают свою

профессию самой стрессовой [31]. Данные Американской ассоциации юристов также подтверждают, что среди них количество лиц, испытывающих стресс вследствие своей профессиональной деятельности, больше, чем среди представителей других сфер занятости (28 и 10% респондентов соответственно) [32]. Одной из причин данного явления можно назвать состязательность, присущую профессии юриста [33]. Являясь одним из важнейших условий демократического судопроизводства, принцип состязательности обеспечивает состояние законности, правопорядка, объективности и равноправия в государстве. В связи с вышесказанным безусловным требованием для успешных выпускников является владение универсальными и профессиональными компетенциями, предусмотренными ФГОС по направлению «Юриспруденция». Среди них можно выделить способность профессионально толковать и применять нормы права, умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики, стрессоустойчивость и презентационные навыки.

Рассмотренные выше теоретические положения и практический опыт легли в основу описываемой в статье технологии профессионально-интегрированного обучения иностранному языку посредством подготовки студентов-юристов к участию в международных конкурсах. Основываясь на передовом опыте российских и зарубежных исследователей, данная технология реализует междисциплинарный подход к организации образовательного процесса и включает не только традиционные, но и коммуникативные профессионально ориентированные задания, а также проектное и практико-ориентированное обучение, что схематично отражено на рис. 1.

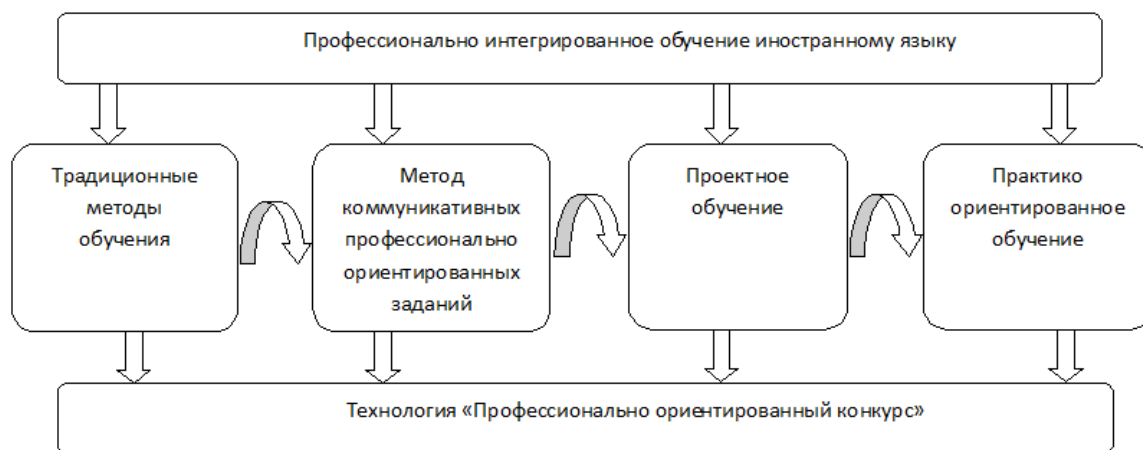

Рис. 1. Профессионально-интегрированное обучение иностранному языку

В ходе предлагаемого профессионально интегрированного обучения применяется система традиционных упражнений, направленных на формирование и развитие навыков и умений во всех видах речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, аудирование). Что касается метода коммуникативных заданий (рис. 1), он обеспечивает истинную потребность в общении и реализуется через выполнение следующих

задач: как «описать психологический портрет преступника», «сформулировать аргументацию линии защиты / обвинения» и др. Кроме того, обучающимся предлагается выполнить ряд проектов, например, «Анализ правовых актов в рамках конкретного дела», «Сопоставление англо-саксонской и российской систем права» и т.д. Все эти виды учебной деятельности подготавливают студентов к выполнению реальных

практико-ориентированных задач, возникающих при подготовке к конкурсам.

Материалы и методы. Педагогический потенциал технологии профессионально интегрированного обучения иностранному языку с включением в профессионально ориентированную конкурентную среду исследовался преподавателями кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета в ходе подготовки бакалавров ПетрГУ направления «Юриспруденция» к участию в международном конкурсе судебных юристов «*Amicus Curiae*: профессиональное развитие нового поколения юристов» [34]. Организаторами данного мероприятия является Санкт-Петербургский институт права имени Принца П.Г. Ольденбургского при поддержке Генерального консульства Королевства Нидерланды в Санкт-Петербурге, членами жюри выступают национально-английские билингвы, а также представители системы правосудия Нидерландов и России, имеющие большой опыт работы. К экспериментальному обучению были привлечены восемнадцать студентов первого курса бакалавриата (ЭГ) – участников вышеуказанного конкурса ($n = 18$). В контрольную группу (КГ) вошли пятнадцать ($n = 15$) бакалавров этой же специальности, не обучавшихся по технологии профессионально-интегрированного обучения. Занятия в группах вел один и тот же преподаватель. Средний возраст студентов в обеих группах составил 17 лет на момент начала эксперимента и 19 лет на момент окончания исследования. Гендерный фактор не учитывался. Исходный уровень владения английским языком в обеих группах определялся в ходе стандартного тестирования как средний (*Pre-Intermediate* и *Intermediate*).

Технология профессионально-интегрированного обучения иностранному языку посредством подготовки студентов-юристов к участию в международных конкурсах

Основной целью студентов – участников конкурса является победа в командном и / или индивидуальном зачете в конкурентной борьбе с представителями других российских университетов. Задачи подготовки команды определялись с учетом того, что центральное место в конкурсе отводится устным выступлениям со стороны обвинения и со стороны защиты в монологическом и диалогическом общении. При оценивании каждого конкурсанта компетентным жюри учитывались такие параметры, как дискуссионные навыки и сила убеждения; способность отвечать на вопросы по существу дела; знание фактов и закона; чёткость аргументов; стиль выступления, нормативное произношение и корректное интонирование. Поэтому лингвистическая подготовка к конкурсу была направлена на формирование и совершенствование коммуникативной компетенции студентов: навыков продуцирования логически верных, аргументированных и четко структурированных устных и письменных текстов юридической направленности; способности стилистически единообразно и корректно применять профессиональную лексику; быть предельно понят-

ным аудитории, умения отстаивать свою позицию. Кроме того, необходимо было стимулировать формирование таких универсальных компетенций, как командная работа, сотрудничество и межличностное общение, уверенность и самообладание во время публичного выступления, навыки социального взаимодействия, стрессоустойчивость.

Во время экспериментального обучения студенты экспериментальной группы (ЭГ) дважды принимали участие в конкурсе судебных юристов «*Amicus Curiae*», проходя каждый раз отборочный региональный тур, на котором выбиралась команда из шести человек для выступления в очном раунде. Конкурсанты, не прошедшие отбор, оставались в резерве. Во время финального раунда команда ПетрГУ соревновалась с сильнейшими представителями юридических вузов Северо-Запада РФ. Такой формат в значительной степени способствовал интенсификации процесса иноязычной подготовки, усилению мотивации студентов к использованию иностранного языка в профессиональном дискурсе, а также стимулировал их способность мыслить нестандартно, нешаблонно, используя максимальное количество подходов к решению задачи (латеральное мышление).

Этапы подготовки к конкурсу. Толкование сути рассматриваемого судебного дела с профессиональной точки зрения контролировалось тренерами-юристами, в качестве которых выступили русские преподаватели по международному праву. Иноязычная подготовка конкурсантов по юридическому английскому осуществлялась преподавателями кафедры иностранных языков гуманитарных направлений: в течение трех месяцев проводились регулярные аудиторные занятия, при этом выполнялся большой объем самостоятельной работы. Студенты практиковались во всех четырех видах речевой деятельности на английском языке: чтение материалов дела, аудирование, говорение (выступление на стороне обвинения или защиты) и письмо (составление аргументов для выступления). Обучающиеся еженедельно слушали дома аутентичную речь носителей языка: выступления юристов, речи политиков, находящиеся в открытом доступе лекции преподавателей юриспруденции (например, на сайте *Gresham College*, г. Лондон), а также смотрели документальные фильмы на юридические темы (например, на сайте *Top documentary Films*). Наконец, во время тренировок велась систематическая работа над произношением и снижением степени иностранного фонетического акцента. Для этого все письменные тексты судебных аргументов студенты трансформировали в тексты для устного выступления, транскрибировали и интонировали их, многократно вычитывая, одновременно работая над своими презентационными навыками и дикцией.

Вся деятельность студентов и тренеров по английскому языку осуществлялась в рамках традиционной модели проектной деятельности. Первый этап предусматривал погружение в проект, на котором участники изучали материалы дела (были задействованы все виды чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое) и распределяли между собой роли (представителей сторон обвинения и защиты). Про-

должалась работа по изучению отличительных характеристик *Legal English*, к которым, вследствие сложности юриспруденции как науки, относятся, в первую очередь, наличие большого пласта терминологической лексики, неизвестной рядовым носителям языка, специфические синтаксические и морфологические особенности канцелярского стиля, характерного для англоязычных юридических текстов [35, 36].

Вторым этапом стала работа по составлению аргументов, в ходе которой студенты критически анализировали выступления британских и американских юристов в реальных судебных процессах [37], изучали требования к написанию юридического аргумента, принятые в зарубежных юридических школах [38]. Обязательным элементом подготовки также являлось регулярное аудирование большого объема тематических программ и лекций ведущих преподавателей крупнейших университетов мира [39], а также тренировка памяти с помощью прослушивания аудиофайлов и повторения за диктором по принципу расширяющейся синтагмы, выполнения упражнения «снежный ком», применения различных приёмов мнемотехники. Диалогическая речь тренировалась посредством коммуникативных упражнений по материалам судебного дела, составленных с целью автоматизации различных речевых интенций (согласиться / не согласиться с утверждением, дополнить, возразить, переспросить, опровергнуть высказывание собеседника и т.д.). Также проводились репетиции выступления команд обвинения и защиты. Третий этап представлял собой непосредственное выступление команды на конкурсе, а заключительный этап – рефлекссию.

Результаты исследования

Для проверки эффективности применяемой технологии профессионально интегрированного обучения иностранному языку посредством подготовки студентов-юристов среди бакалавров экспериментальной группы – ЭГ (n = 18), и контрольной группы – КГ (n = 15), было проведено два идентичных опроса: в начале первого семестра 2017 г. (ЭГ1 и КГ1) и в конце

четвертого семестра 2019 г. (ЭГ2 и КГ2). Опросы проводились методом прямого сплошного анкетирования закрытого типа. Обучающимся предлагалось оценить степень развития своих профессиональных и универсальных компетенций в баллах от 1 до 5, где 1 балл – минимальный уровень развития, а 5 баллов – его максимальный уровень. Сопоставление полученных результатов проводилось с использованием среднего арифметического значения баллов, полученных в каждой группе.

Отвечая на первый вопрос анкеты, студенты экспериментальной (ЭГ1, ЭГ2) и контрольной (КГ1, КГ2) групп должны были оценить свой уровень владения отдельными навыками и умениями иноязычной коммуникативной компетенции. Для оценивания предлагались следующие характеристики:

1) навыки и умения в чтении, письме, говорении, аудировании;

2) способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием специализированной лексики;

3) способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на английском языке.

Полученные в ходе исследования результаты, выраженные в средних арифметических баллах групп, представлены на рис. 2.

На рис. 2 наглядно продемонстрировано, что динамика развития уровня коммуникативной компетенции у студентов как экспериментальной, так и контрольной групп в целом была положительная. Тем не менее, разница между показателями средних арифметических баллов для контрольных групп КГ1 и КГ2 оказалась статистически не значимой: улучшение по критериям «Навыки и умения в чтении, письме, говорении, аудировании», «Способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на английском языке» и «Способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь» составило 0,2; 0,5 и 0,8 балла соответственно.

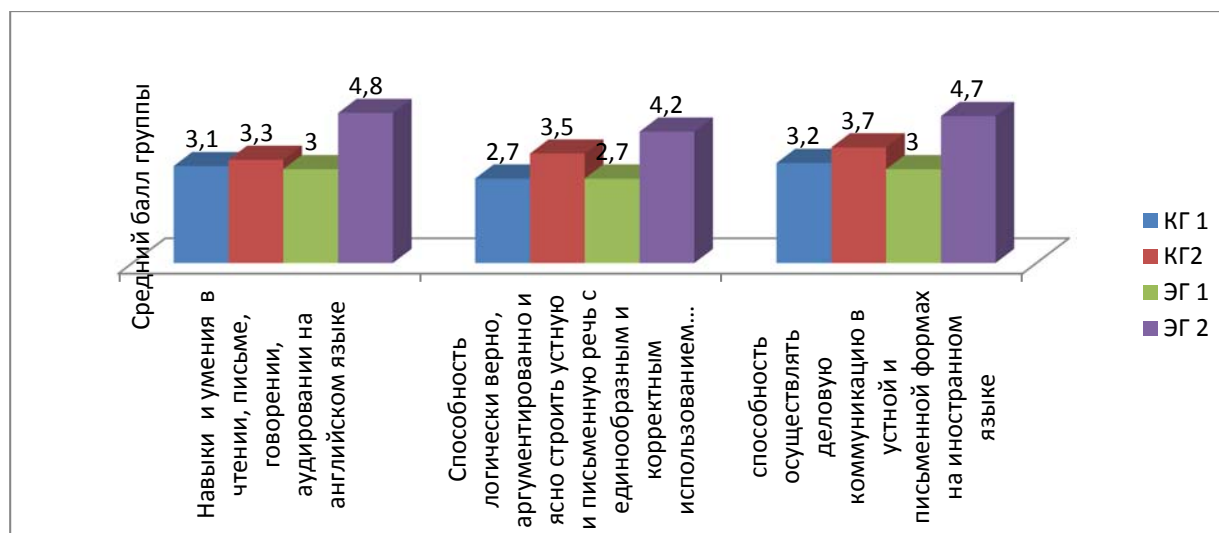

Рис. 2. Распределение субъективных оценок навыков и умений коммуникативной компетенции студентами контрольной и экспериментальной групп (средний арифметический балл)

В то же время статистически была подтверждена значимость различий между аналогичными показателями в группах ЭГ1 и ЭГ2, где средние оценки группы по выбранным показателям повысились на 1,8; 1,7 и 1,5 балла соответственно, коэффициент парного t-критерия Стьюдента $t_{\text{набл}} 10,169 > t_{\text{крит}} 2,571$. Сопоставительный анализ средних арифметических баллов между КГ2 и ЭГ2 также позволил сделать вывод о достоверности этих различий: $t_{\text{набл}} 9,8 > t_{\text{крит}} 2,093$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Для проверки того, насколько вышеописанные субъективные оценки степени сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентами ЭГ и КГ соответствуют действительности, уро-

вень развития их умений и навыков в разных видах речевой деятельности оценивался преподавателем, ведущим занятия в этих группах. Оценивание также проводилось дважды: до начала обучения в ЭГ1 и КГ1 и после завершения экспериментального обучения в ЭГ2 и завершения традиционного обучения по дисциплине «Иностранный язык» в КГ2. Преподаватель оценивал обучающихся группы по пятибалльной шкале по всем аспектам. Затем вычислялся средний балл совокупной оценки коммуникативной компетенции каждого студента в начале обучения и после его окончания, а также средний арифметический балл всей группы по конкретным аспектам. Полученные данные представлены на рис. 3.

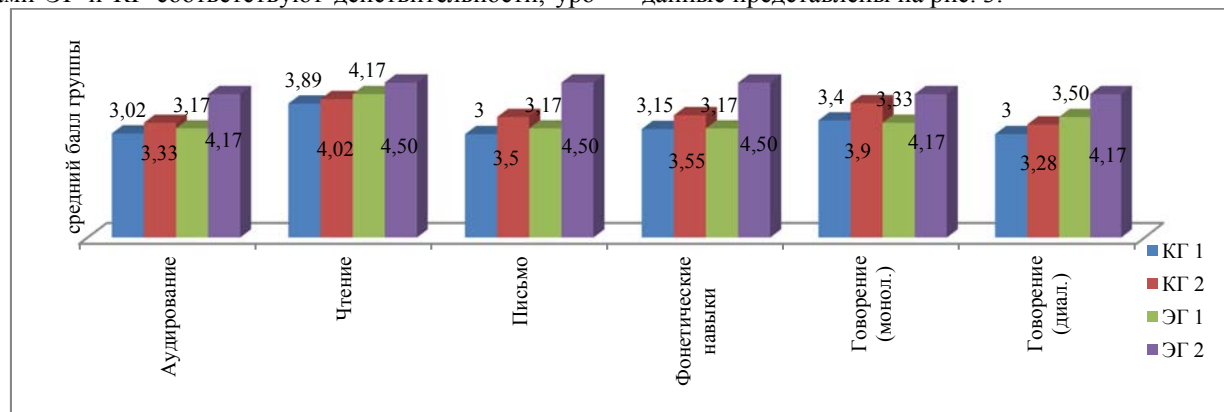

Рис. 3. Оценка преподавателя динамики развития навыков студентов в разных видах речевой деятельности (средний арифметический балл)

Согласно оценкам преподавателя (рис. 3), в группе ЭГ2 был зафиксирован прогресс во владении разными видами речевой деятельности. Так, например, сопоставление результатов ЭГ1 и ЭГ2 по аспекту «Аудирование» выявило повышение средней арифметической оценки группы на 1 балл; по каждому из аспектов «Письмо» и «Фонетические навыки» показатель вырос на 0,5 балла. Достоверность повышения средней арифметической оценки коммуникативной компетенции в ЭГ2 подтверждена с помощью парного t-критерия Стьюдента, $t_{\text{набл}} 9,876 > t_{\text{крит}} 2,571$. В контрольной группе анализируемые показатели также возросли: по «Аудированию» оценка улучшилось на 0,31 балла; по «Письму» и «Фонетическим навыкам» – на 0,5 балла соответственно, что, однако, оказалось статистически несущественным. Подтверждена достоверность различий результатов, полученных в ЭГ2 и КГ2 по совокупности всех анализируемых аспектов коммуникативной компетенции. Значение t-критерия Стьюдента составило $t_{\text{набл}} 5, > t_{\text{крит}} 2,093$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$. В целом можно констатировать, что оценка преподавателя подтвердила рост успеваемости по дисциплине во всех видах речевой деятельности у студентов, прошедших через технологию подготовки к конкурсу.

Во втором вопросе анкеты респондентов экспериментальной и контрольной групп просили оценить по пятибалльной шкале уровень развития у себя следующих характеристик:

- 1) навыки социального взаимодействия и работы в команде;
- 2) способность анализировать основные закономерности формирования, функционирования и развития права;

3) способность применять нормы материального и процессуального права;

4) способность профессионально толковать нормы права;

5) презентационные навыки;

6) чувство уверенности и самообладание во время публичного выступления;

7) навыки сотрудничества и межличностного общения (умение слушать собеседника).

Вычисление среднего балла совокупной оценки качеств и компетенций каждого студента в начале обучения и после его окончания, а также среднего арифметического балла всей группы по конкретным аспектам производилось аналогично вышеописанному алгоритму. Результаты сопоставительного анализа ответов респондентов представлены на рис. 4.

Так, студенты обеих групп отметили улучшение способностей и навыков, составляющих профессиональные компетенции выпускника по направлению «Юриспруденция». Особенно заметный прогресс был зафиксирован по характеристикам «Способность анализировать основные закономерности формирования, функционирования и развития права», «Способность применять нормы материального и процессуального права» и «Чувство уверенности и самообладание во время публичного выступления». В ЭГ2 средняя арифметическая оценка группы по указанным пунктам возросла на 2; 1,7 и 2,6 балла соответственно, значимость изменений оценки подтверждена статистически, $t_{\text{набл}} 9,011 > t_{\text{крит}} 2,447$. Что касается контрольной группы, значимых изменений выявлено не было: средний арифметический балл в контрольной группе возрос на 0,4; 0,7 и 0,6 балла соответственно.

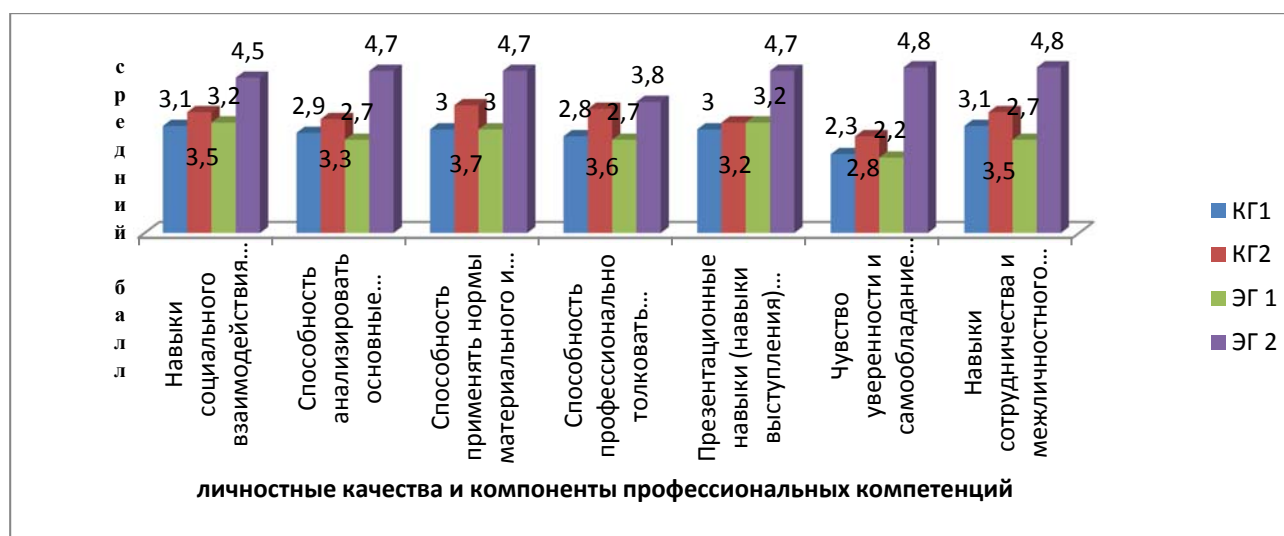

Рис. 4. Распределение средних арифметических баллов по результатам самооценки личностных качеств и степени развития профессиональных компетенций

Сопоставление результатов ЭГ2 и КГ2 в конце обучения также подтвердило положительное влияние обучающей конкурентной среды на оценивание респондентами своих профессиональных компетенций: $t_{\text{набл}} 6,68 > t_{\text{крит}} 2,093$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Для того чтобы сделать объективный вывод о том, насколько у студентов ЭГ2 улучшилась способность применять сформированные профессиональные и универсальные компетенции на практике, на заключительном этапе эксперимента было проведено сопоставление результатов турнирных таблиц участников из ПетрГУ в очном раунде конкурса «*Amicus Curiae*»:

профессиональное развитие нового поколения юристов» в г. Санкт-Петербург в 2018 и 2019 гг. Представленная ниже таблица содержит данные о независимой внешней оценке профессиональными юристами Нидерландов и России выступлений студентов во время заседания игрового суда, повлиявшей на распределение мест участников в финале и суперфинале в индивидуальном и командном зачетах. Для общей оценки компетенций суммировались баллы участников, полученные за каждое призовое место (от 5 до 15 баллов). Итоговый результат команды выражен в виде среднего арифметического значения.

Распределение баллов по результатам независимой внешней оценки участия команды ПетрГУ 2018 и 2019 гг. в индивидуальном и командном зачёте

Участник	Параметр оценивания							
	Конкурс I (2018 г)				Конкурс II (2019 г)			
	Индивидуальный зачет / финал	Командный зачет / финал	Супер финал	Общий балл уровня компетенции	Индивидуальный зачет / финал	Командный зачет / финал	Супер финал	Общий балл уровня компетенции
Студент 1	5	5	0	10	10	10	15	35
Студент 2	15	5	0	20	10	10	5	25
Студент 3	0	5	0	5	10	10	0	20
Студент 4	0	5	0	5	10	10	0	20
Студент 5	10	5	0	15	10	10	0	20
Студент 6	0	5	0	5	5	10	0	15
Средний балл команды	10				22,5			

В соответствии с данными таблицы в 2019 г. студенты заняли более высокую позицию в общекомандном зачете по сравнению с 2018 г. и улучшили свои индивидуальные и командные рейтинги. Два участника добились выхода в суперфинал в 2019 г. и победы в нем, в то время как в 2018 г. ни один из конкурсантов не смог преодолеть этот рубеж. Средний балл команды, отражающий уровень продемонстрированных студентами компетенций, вырос более чем в 2 раза (с 10 до 22,2 балла).

Выводы

Систематическое наблюдение за результатами проектной деятельности студентов-бакалавров во время подготовки к участию в международных кон-

курсах по юриспруденции позволяет констатировать, что включение междисциплинарных задач в процесс обучения иностранному языку способствует быстрому формированию требуемых компетенций (в частности иноязычной коммуникативной компетенции в сфере юриспруденции). Обучающиеся получают возможность погрузиться в реалии будущей работы и осознать себя в данном профессиональном поле. Более того, результаты рефлексии студентов экспериментальной группы показали, что все участники конкурса признали действенность проектных методик в условиях состязательности для своего личностного роста и постижения азов профессии. Респонденты отметили преимущество стимулирующей соревновательной обучающей среды для своего профессионального образования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Создание иноязычной конкурентной среды при обучении российских студентов посредством их участия в международных профессиональных конкурсах на английском языке помогает развитию у них аналитических способностей, критического и латерального мышления. Кроме того, результаты экспериментального обучения показали эффективность предложенной технологии для формирования универсальных и профессиональных компетенций посредством улучшения презентационных навыков, формирования навыков командной работы, сотрудничества и межличностного общения, повышения чувства уверенности и самообладания. Выявлена положительная динамика в развитии иноязычной коммуникативной компетенции, проявляющаяся в совершенствовании навыков и умений во всех видах речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование). Это подтвердили результаты стандартизированного тестирования: обучающиеся ЭГ2 достигли уровня Upper Intermediate и Advanced благодаря серьезной вовлеченности в процесс профессиональной подготовки к конкурсу на иностранном языке.

Наряду с этим обучение в состязательной среде способствовало изменению отношения студентов к нестандартным условиям обучения, требующим выхода из зоны комфорта и дополнительных усилий для достижения максимального результата. Подобный подход вызван объективной необходимостью адаптировать выпускников вузов к работе в современном непредсказуемо развивающемся мире, который предъявляет жесткие, стремительно меняющиеся требования к профессиям. Применение вышеописанной профессионально-интегрированной технологии является одним из способов повышения конкурентоспособности молодых юристов через формирование у них профессиональных компетенций и личностных качеств, позволяющих впоследствии эффективно выполнять свои служебные обязанности. Дальнейшим направлением исследования является продолжение поиска и разработка нестандартных методик, технологий и подходов к иноязычному обучению будущих кадров в различных областях, в том числе через междисциплинарное сотрудничество преподавателей и работодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия 2025: от кадров к талантам – исследование BCG и Сбербанка. URL: <http://marketing-course.ru/russia-2025-sberbank-bcg/> (дата обращения: 17.06.2020).
2. Работодатели не верят в выпускников // HeadHunter. URL: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/17408> (дата обращения: 17.06.2020)
3. Требования и претензии работодателей к выпускникам вуза (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)). URL: <https://www.spbstu.ru/students/employment/demands-claims-employers-graduates/> (дата обращения: 17.06.2020).
4. Российские школьники чаще всего выбирают в вузах науки об обществе – опрос // Аргументы и факты. 2018. 11 июля. URL: https://aif.ru/society/education/rossiyskie_shkolniki_chashche_vsego_vybirayut_v_vuzah_nauki_ob_obshchestve_opros (дата обращения: 17.06.2020).
5. Минтруд назвал самые востребованные профессии // Коммерсант. 29.05.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3983679> (дата обращения: 17.06.2020).
6. Зачем юристам иностранный язык? // Журнал «Юрист компании». URL: <https://www.law.ru/article/3610-zachem-yuristam-inostranny-yazyk> (дата обращения: 17.06.2020).
7. Brannen M.Y., Piekkari R., Tietze S. The multifaceted role of language in international business: Unpacking the forms, functions and features of a critical challenge to MNC theory and performance // *Language in international business*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. С. 139–162.
8. Sysoev A.A., Sysoev A.A., Petrov V.I., Poteshin S.S. Engineering Education Technique based on Professional Activity Imitation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 55. P. 707–709. DOI: 10.1016/j.sbspro. 2012.09.555
9. Ткаченко С.В. Конкурс профессионального мастерства World Skills как инструмент подготовки конкурентоспособного специалиста // *Гуманитарные науки*. 2019. № 4 (48). С. 87–91.
10. Poortman C.L., Reenalda M., Nijhof W.J. et al. Workplace Learning in Dual Higher Professional Education // *Vocations and Learning*. 2014. Vol. 7. P. 167–190. DOI: 10.1007/s12186-014-9111-2
11. Schaap H., Baartman L., de Buijn E. Students' Learning Processes during School-Based Learning and Workplace Learning in Vocational Education: A Review // *Vocations and Learning*. 2012. Vol. 5. P. 99–117. DOI: 10.1007/s12186-011-9069-2
12. Martin A.J., Rees M. Student insights: The added value of work-integrated learning // *International Journal of Work-Integrated Learning*. Special Issue. 2019. Vol. 20 (2). P. 189–199.
13. Sambell R., Devine A., Lo J., Lawlis T. Work-integrated learning builds student identification of employability skills: Utilizing a food literacy education strategy // *International Journal of Work-Integrated Learning*. 2020. Vol. 21 (1). P. 63–87.
14. Brentnall C., Rodriguez I.D., Culkin N. Enterprise Education Competitions: A Theoretically Flawed Intervention? // Higgins D., Jones P., McGowan P. (Eds.) *Creating Entrepreneurial Space: Talking Through Multi-Voices, Reflections on Emerging Debates* (Contemporary Issues in Entrepreneurship Research. 2018. Vol. 9A). Emerald Publishing Limited. P. 25–48. DOI: 10.1108/S2040-72462018000009A002
15. Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В. Языковое образование в российских технических вузах: Эволюция, актуализация, перспективы // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015. № 1 (23). С. 20–29. DOI: 10.15293/2226-3365.1501.02
16. Schrier L. Review of «Berns M. Contexts of competence: Social and cultural considerations in communicative language teaching. Springer Science & Business Media, 1990» // *The Modern Language Journal*. 1992. № 76 (4). P. 538. DOI: 10.2307/330056
17. Чикнаверова К.Г. Подходы и принципы развития иноязычной компетенции. студентов на основе активизации их самостоятельности (на примере неязыковых вузов) // *Образование и саморазвитие*. 2015. № 4. С. 148–153.
18. Иванова Н.К., Шишкина С.Г. Социализация студентов технического вуза и дисциплина «Иностранный язык» // *Высшее образование в России*. 2017. № 4 (211). С. 96–103.
19. Нечепуренко Г.Я. Реализация компетентного подхода в методической подготовке студентов-географов педагогического университета // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 6 (22). С. 22–32.
20. Бырдина О.Г., Долженко С.Г., Юринова Е.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов нефилологических профилей подготовки посредством Content-Based Active Speaking Technology // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2018. № 4. С. 7–25.
21. Forteza Fernandez Rafael F., Batista Gonzalez Maria Del C. Language and cultural awareness of a non-native esp teacher // *Интеграция образования*. 2019. Т. 23, № 1 (94). С. 23–36. DOI: 10.15507/1991-9468.094.023.201901.023-036
22. Зеер Э.Ф., Лебедева Е.В., Зиннатова М.В. Методологические основания реализации процессного и проектного подходов в профессиональном образовании // *Образование и наука*. 2016. № 7. С. 40–56. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-7-40-56

23. Красавина Ю.В., Шихова О.Ф. Метод электронных междисциплинарных проектов как эффективная форма организации самостоятельной работы студентов вуза // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 160–176. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-160-176
24. Knoll M. Project method // Phillips D.C. (Ed.). Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy. Thousand Oaks, CA. 2014. Vol. 2. P. 665–669. URL: <http://www.mi-knoll.de/150901.html> (accessed: 17.06.2020).
25. Newmann F.M., Marks H.L. Authentic pedagogy and student performance // American Journal of Education. 1996. № 104 (4). P. 280–312.
26. Webster-Wright A. Reframing professional development through understanding authentic professional learning // Review of educational research. 2009. Vol. 79, Is. 2. P. 702–739.
27. Safir Sh. Using a Mock Trial to Build Literacy Skills. URL: <https://www.edutopia.org/article/using-mock-trial-build-literacy-skills> (дата обращения: 17.06.2020).
28. O'Bryan M. Revolutionary War Mock Trial Project Based Learning Activity. URL: <https://www.pinterest.ru/pin/485403666072816416/> (accessed: 17.06.2020).
29. Centrella-Nigro A., Flynn D. Teaching Evidence-Based Practice Using a Mock Trial // The Journal of Continuing Education in Nursing. 2012. № 43. P. 566–570. DOI: 10.3928/00220124-20120917-27
30. Minina V., Nikitina I. Intellectual competition as technology for professional training of managers: GSOM experience // Journal of Management Development. 2012. Vol. 31, № 3. P. 263–274. DOI: 10.1108/02621711211208899
31. Стресс – неотъемлемая часть работы юриста? // Центр экспертиз при институте судебных экспертиз и криминалистики. URL: https://ceur.ru/library/articles/obshhie_statii/item239617/ (дата обращения: 17.06.2020).
32. Работа как источник стресса: почему юристы страдают депрессиями // Право.RU. URL: <https://pravo.ru/story/view/131188/> (дата обращения: 17.06.2020).
33. Морозов А.В. и др. Психология профессиональной деятельности адвоката // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 84–94.
34. «AMICUS CURIAE: профессиональное развитие нового поколения юристов» // Санкт-Петербургский институт права имени Принца П.Г. Ольденбургского. URL: <http://spblawschool.ru/253-2/> (дата обращения: 17.06.2020).
35. Giannoni D.S. Researching Language and the Law: Textual Features and Translation Issues. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2010. Т. 121.
36. Alcaraz E., Hughes B. Legal translation explained. Routledge, 2014.
37. Supreme Court Session at GCHS (Part 1/3). URL: https://www.youtube.com/watch?v=LMdNA_mpybA (accessed: 17.06.2020).
38. Gardner J.A. Legal argument: the structure and language of effective advocacy. LexisNexis, 2007.
39. Law Courses: edX. URL: <https://www.edx.org/course/subject/law> (accessed: 17.06.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 9 ноября 2020 г.

Professionally Oriented Foreign Language Teaching to Non-Linguistic Students: International Professional Competitions
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 171–180.
 DOI: 10.17223/15617793/464/20

Irina E. Abramova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: lapucherabr@gmail.com

Elena P. Shishmolina, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

Keywords: universal competence; communicative competence; professionally oriented foreign language teaching

The article deals with the issues of training a new generation of professional staff with a set of hard and soft skills on the example of foreign language training of lawyers. Special attention is paid to the development of both communicative and universal competencies such as the ability to defend personal position, teamwork, cooperation and interpersonal communication, presentation skills, stress resistance. The aim of this article is to describe the technology of professionally integrated foreign language teaching by preparing law students to participate in international competitions in English, as well as to analyze advantages of this technology. The model of technology of professionally integrated foreign language teaching is described. The method of modeling professional situations by mock trials is presented in detail. The authors describe the components and stages of implementation of the described technology, and justify its effectiveness. The results of a two-year study of the pedagogical potential of the technology in training students of Petrozavodsk State University for international competitions, such as the Amicus Curiae competition for trial lawyers, are given. To prove the statistical significance of the obtained data, Student's t-test was applied. In the experimental group, after the completion of training, the average arithmetic indicator of the level of competence in reading, writing, speaking and listening in English is 0.84 – 1.33 points, which is a statistically significant result ($t_{\text{exp}} > t_{\text{crit}} 2.093$, with the significance level $\alpha = 0.05$). The technology proved to be effective for training students' presentation skills, teamwork, collaboration and interpersonal communication skills, as well as their sense of confidence and self-control. The authors conclude that the inclusion of competitive elements in the learning environment encourages both the development of universal and professional competencies, and the improvement of foreign language proficiency of non-linguistic students.

REFERENCES

1. Minin, A. (2017) *Rossiya 2025: ot kadrov k talantam – issledovanie BCG i Sberbanka* [Russia 2025: From Personnel to Talent – Research by BCG and Sberbank]. [Online] Available from: <http://marketing-course.ru/russia-2025-sberbank-bcg/> (Accessed: 17.06.2020).
2. HeadHunter. (2015) *Rabotodateli ne veryat v vypusnikov* [Employers do not believe in graduates]. [Online] Available from: <https://petrozavodsk.hh.ru/article/17408> (Accessed: 17.06.2020)
3. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. (2020) *Trebovaniya i pretenzii rabotodateley k vypuschnikam vuza* [Demands and claims of employers to university graduates]. [Online] Available from: <https://www.spbstu.ru/students/employment/demands-claims-employers-graduates/> (Accessed: 17.06.2020).
4. *Argumenty i fakty*. (2018) Rossiyskie shkol'niki chashche vsego vybirayut v vuzakh nauki ob obshchestve – opros [Russian schoolchildren most often choose social sciences in universities: a survey]. 11 July. [Online] Available from: https://aif.ru/society/education/rossiyskie_shkolniki_chashche_vsego_vybirayut_v_vuzah_nauki_ob_obshchestve_opros (Accessed: 17.06.2020).
5. *Kommersant*. (2019) Mintrud nazval samye vostrebovannye professii [The Ministry of Labor named the most demanded professions]. 29.05.2019. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3983679> (Accessed: 17.06.2020).
6. *Yurist kompanii*. (2012) Zachem yuristam inostranny yazyk? [Why do lawyers need a foreign language?]. [Online] Available from: <https://www.law.ru/article/3610-zachem-yuristam-inostranny-yazyk> (Accessed: 17.06.2020).
7. Brannen, M.Y., Piekari, R. & Tietze, S. (2017) The multifaceted role of language in international business: Unpacking the forms, functions and features of a critical challenge to MNC theory and performance. In: *Language in international business*. Palgrave Macmillan; Cham. pp. 139–162.

8. Sysoev, A.A., Sysoev, A.A., Petrov, V.I. & Poteshin, S.S. (2012) Engineering Education Technique based on Professional Activity Imitation. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 55. pp. 707–709. DOI: 10.1016/j.sbspro. 2012.09.555
9. Tkachenko, S.V. (2019) Worldskills professional skills competition as a competitive training tool. *Gumanitarnye nauki*. 4 (48). pp. 87–91. (In Russian).
10. Poortman, C.L. et al. (2014) Workplace Learning in Dual Higher Professional Education. *Vocations and Learning*. 7. pp. 167–190. DOI: 10.1007/s12186-014-9111-2
11. Schaap, H., Baartman, L. & de Bruijn, E. (2012) Students' Learning Processes during School-Based Learning and Workplace Learning in Vocational Education: A Review. *Vocations and Learning*. 5. pp. 99–117. DOI: 10.1007/s12186-011-9069-2
12. Martin, A.J. & Rees, M. (2019) Student insights: The added value of work-integrated learning. *International Journal of Work-Integrated Learning*. Special Issue. 20 (2). pp. 189–199.
13. Sambell, R., Devine, A., Lo, J. & Lawlis, T. (2020) Work-integrated learning builds student identification of employability skills: Utilizing a food literacy education strategy. *International Journal of Work-Integrated Learning*. 21 (1). pp. 63–87.
14. Brentnall, C., Rodríguez, I.D. & Culkín, N. (2018) Enterprise Education Competitions: A Theoretically Flawed Intervention? In: Higgins, D., Jones, P. & McGowan, P. (eds) *Creating Entrepreneurial Space: Talking Through Multi-Voices, Reflections on Emerging Debates* (Contemporary Issues in Entrepreneurship Research. Vol. 9A). Emerald Publishing Limited. pp. 25–48. DOI: 10.1108/S2040-72462018000009A002
15. Sidorenko, T.V. & Rybushkina, S.V. (2015) Language education in Russian technical universities: Evolution, new vision and prospects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (23). pp. 20–29. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1501.02
16. Schrier, L. (1992) Review of "Berns M. Contexts of competence: Social and cultural considerations in communicative language teaching. Springer Science & Business Media, 1990". *The Modern Language Journal*. 76 (4). p. 538. DOI: 10.2307/330056
17. Chiknavorova, K.G. (2015) Podkhody i printsipy razvitiya inoyazychnoy kompetentsii studentov na osnove aktivizatsii ikh samostoyatel'nosti (na primere neyazykovykh vuzov) [Approaches and principles for the development of students' foreign language competence on the basis of enhancing their independence (on the example of non-linguistic universities)]. *Obrazovanie i samorazvitie – Education and Self-Development*. 4. pp. 148–153.
18. Ivanova, N.K. & Shishkina, S.G. (2017) Socialization of engineering students and foreign language teaching. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 4 (211). pp. 96–103. (In Russian).
19. Nechepurenko, G.Ya. (2014) Realisation of the competence approach in training in methods of teaching geography students of the pedagogical universities. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (22). pp. 22–32. (In Russian).
20. Byrdina, O.G., Dolzhenko S.G. & Yurinova, E.A. (2018) Formation of foreign-language communicative competence of non-philological training profile students by means of Content-Based Active Speaking Technology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 7–25. (In Russian).
21. Forteza Fernandez Rafael, F. & Batista Gonzalez Maria Del, C. (2019) Language and cultural awareness of a non-native ESP teacher. *Integratsiya obrazovaniya*. 23:1(94). pp. 23–36. DOI: 10.15507/1991-9468.094.023.201901.023-036
22. Zeer, E.F., Lebedeva, E.V. & Zinnatova, M.V. (2016) Methodological bases of the implementation of the process and project approaches in vocational education. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 7. pp. 40–56. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2016-7-40-56
23. Krasavina, Yu.V. & Shikhova, O.F. (2017) An approach to managing university students' self-study based on interdisciplinary e-projects. *Obrazovanie i nauka – The Education and Science Journal*. 19 (1). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-160-176
24. Knoll, M. (2014) Project method. In: Phillips, D.C. (ed.) *Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy*. Vol. 2. Thousand Oaks, CA. pp. 665–669. [Online] Available from: <http://www.mi-knoll.de/150901.html> (Accessed: 17.06.2020).
25. Newmann, F.M. & Marks, H.L. (1996) Authentic pedagogy and student performance. *American Journal of Education*. 104 (4). pp. 280–312.
26. Webster-Wright, A. (2009) Reframing professional development through understanding authentic professional learning. *Review of Educational Research*. 79 (2). pp. 702–739.
27. Safir, Sh. (2018) *Using a Mock Trial to Build Literacy Skills*. [Online] Available from: <https://www.edutopia.org/article/using-mock-trial-build-literacy-skills> (Accessed: 17.06.2020).
28. O'Bryan, M. (2020) *Revolutionary War Mock Trial Project Based Learning Activity*. [Online] Available from: <https://www.pinterest.ru/pin/485403666072816416/> (Accessed: 17.06.2020).
29. Centrella-Nigro, A. & Flynn, D. (2012) Teaching Evidence-Based Practice Using a Mock Trial. *The Journal of Continuing Education in Nursing*. 43. pp. 566–570. DOI: 10.3928/00220124-20120917-27
30. Minina, V. & Nikitina, I. (2012) Intellectual competition as technology for professional training of managers: GSOM experience. *Journal of Management Development*. Vol. 31 (3). pp. 263–274. DOI: 10.1108/02621711211208899
31. Ceur.ru. (2020) *Stress – neot'emlemaya chast' raboty yurista?* [Is stress an integral part of a lawyer's job?]. [Online] Available from: https://ceur.ru/library/articles/obshhie_statii/item239617/ (Accessed: 17.06.2020).
32. Pravo.RU. (2016) *Rabota kak istochnik stressa: pochemu yuristy stradayut depressiyami* [Work as a source of stress: why lawyers suffer from depression]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/story/view/131188/> (Accessed: 17.06.2020).
33. Morozov, A.V. et al. (2019) *Psikhologiya professional'noy deyatel'nosti advokata* [Psychology of the professional activity of a defense lawyer]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 9 (2). pp. 84–94.
34. St. Petersburg Institute of Law named after Prince P.G. Oldenburgsky. (2016) *AMICUS CURIAE: professional'noe razvitie novogo pokoleniya yuristov* [AMICUS CURIAE: professional development of a new generation of lawyers]. [Online] Available from: <http://spblawschool.ru/253-2/> (Accessed: 17.06.2020).
35. Giannoni, D.S. (2010) *Researching Language and the Law: Textual Features and Translation Issues*. Vol. 121. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers.
36. Alcaraz, E. & Hughes, B. (2014) *Legal translation explained*. Routledge.
37. YouTube. (2015) *Supreme Court Session at GCHS* (Part 1/3). [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=LMdNA_mpybA (Accessed: 17.06.2020).
38. Gardner, J.A. (2007) *Legal argument: the structure and language of effective advocacy*. LexisNexis.
39. edX. (2020) *Law Courses*. [Online] Available from: <https://www.edx.org/course/subject/law> (Accessed: 17.06.2020).

Received: 09 November 2020

Т.М. Дементьева

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ДЛЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ – ДИЛЕММА ВЫБОРА: КЛАССИЧЕСКИЙ ИЛИ ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК?

Рассматривается проблема обучения немецкому языку как второму иностранному языку в рамках плюрицентрического подхода. Раскрываются теоретические, лингводидактические и методические основы данного подхода в обучении немецкому языку. Проведено исследование с целью определения степени готовности/неготовности студентов бакалаврской и магистерской программ к обучению плюрицентрическому немецкому языку. За основу исследования был взят метод анкетирования в форме письменного опроса.

Ключевые слова: плюрицентрический подход; разновидности немецкого языка; национальные варианты немецкого языка; вариативность; основной и общий принципы DACH – дидактики.

Введение

Несмотря на лидирующие позиции в изучении английского языка как первого иностранного языка (далее – ИИЯ) в России, немецкий язык (НЯ) остается достаточно востребованным как ИИЯ и второй иностранный язык (далее – 2ИЯ) по сравнению с другими иностранными языками. В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами с 2012 г. изучение 2ИЯ предусматривается на уровне основного общего образования и является обязательным, что, безусловно, открывает новые возможности для изучения немецкого языка как 2ИЯ не только в школах, но и в высших учебных заведениях Российской Федерации.

С созданием в 2010 г. Единого европейского образовательного пространства в области высшего образования у молодежи европейских стран, в том числе и у российских студентов со знанием немецкого языка появляется уникальная возможность для обучения в высших учебных заведениях Федеративной Республики Германия, Австрийской Республики и немецкоязычной части Швейцарской Конфедерации. В рамках международных программ поддержки студенческого обмена, в частности DAAD (Германская служба академических обменов), предоставляется право участия в конкурсе на получение краткосрочной стажировки в Германии российским студентам, начиная со 2-го года обучения в бакалавриате, а также получение стипендии для последипломного обучения выпускникам всех специальностей, получившим диплом специалиста, бакалавра или магистра. 2018–2020 гг. официально заявлены Российско-Германским годом научно-образовательных партнёрств (кратко называемого Годом науки).

Австрийская служба академических обменов (ÖAD) поддерживает практику студенческого обмена со многими странами, включая Россию. Австрийское высшее образование имеет многолетние традиции и высоко котируется в Европе. Наиболее популярными среди иностранных учащихся являются университеты Вены, Граца и Зальцбурга, дипломы которых признаются не только в Европе, но и во всем мире.

Швейцарский национальный научный фонд поддерживает организацию международных конферен-

ций, двухстороннюю мобильность исследователей, периодически организует совместные конкурсы с РФФИ (Российский фонд фундаментальных исследований).

Предоставляемые данными академическими фондами возможности обучения в немецкоязычных странах используются российскими студентами, имеющими отличные знания немецкого языка как 2ИЯ на уровне В1 и на уровнях В2, С1. В этой связи представляется актуальным рассмотрение вопроса, достаточно ли современным студентам, изучающим классический немецкий язык в российских высших учебных заведениях, страноведческих, лингвистических знаний и речевых навыков, чтобы активно применять их не только в процессе обучения в вузах Федеративной Республики Германия, но и в вузах Австрии и немецкоязычной части Швейцарии? При этом важной является также постановка вопроса относительно того, что хотели бы изучать на занятиях по немецкому языку как 2ИЯ студенты Российских вузов: стандартный немецкий язык Германии или плюрицентрический немецкий язык, охватывающий наряду с изучением стандартного немецкого языка ФРГ также лексические единицы стандартного немецкого языка Австрии и Швейцарии?

Возможный выбор студентами плюрицентрического немецкого языка предполагает не только готовность преподавателей следовать основным принципам обучения плюрицентрическому немецкому языку, а также постоянный рост их профессиональной компетентности, но и готовность учащихся изучать немецкий язык с учетом существующего лексического и культурного многообразия немецкоязычных стран, включая их осознанное отношение к данному выбору. Это и определило цель данной статьи – установить степень готовности или неготовности студентов бакалаврской программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация», а также учащихся магистерской программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» НИУ «Высшая школа экономики» к изучению классического немецкого языка с использованием элементов *плюрицентрического немецкого языка*.

Постановка цели требует решения следующих задач:

– освещение теоретических вопросов, принципов, концептов, лежащих в основе изучения НЯ в рамках плюрицентрического подхода;

– раскрытие лингводидактических и методических основ плюрицентрического подхода в изучении НЯ как 2ИЯ;

– проведение опроса среди студентов бакалавриата, магистрантов, изучающих НЯ как 2ИЯ относительно их позиции по введению стандартной немецкой лексики D-A-CH-Länder в рамках бакалаврской и магистерской программ «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;

– проведение исследования согласно результатам опроса с целью установления степени готовности или неготовности студентов наряду с изучением немецкой стандартной лексики ФРГ знакомиться также с австрийской и швейцарской стандартной немецкой лексикой и с культурными традициями данных немецкоязычных стран;

– установление ряда причин, вызывающих у студентов бакалавриата и магистрантов отрицательное или положительное отношение к плюрицентрическому немецкому языку.

Подходы в обучении немецкому языку как 2ИЯ в российских вузах

Исторически сложилось так, что в процессе обучения российских студентов немецкому языку как 2ИЯ или 3ИЯ в высших учебных заведениях используется традиционный подход, предполагающий обучение современному литературному немецкому языку, так называемому *Hochdeutsch*, который является официальным языком в Федеративной Республике Германия. При выборе учебного материала в высших учебных заведениях предпочтение, как правило, отдается учебникам издательств ФРГ. Что касается современного учебного материала немецких издательств, он отличается системной подачей грамматического и лексического материала, оригинальным текстовым содержанием для чтения и аудирования и наглядным иллюстративным материалом, способствующим мотивации в изучении лексического, грамматического и страноведческого материала.

Наряду со стандартным подходом обучения классическому немецкому языку как ИЯ в различных странах с 1990 г. практикуется также плюрицентрический подход, базирующийся на общепризнанной теории плюрицентризма, согласно которой немецкий язык рассматривается как единый во всем многообразии существующих стандартных национальных языковых особенностей в Германии, Австрии, в немецкоязычной части Швейцарии. Официальный факт признания единого немецкого языка для данных немецкоязычных стран в реальности не означает, что немецкий язык в Австрии и немецкоязычной части Швейцарской Конфедерации полностью идентичен литературному немецкому *Hochdeutsch* Федеративной Республики Германия. Неудивительно, что первое, с чем сталкиваются иностранные студенты по прибытии в Австрию или в немецкоязычную часть Швейцарии, это бросающиеся в глаза наименования предме-

тов, продуктов, изделий, отличающиеся от тех привычных немецких лексических единиц, которые они освоили на занятиях при изучении стандартного немецкого языка Германии. При этом следует заметить, что звучащая немецкая речь граждан Австрии воспринимается иностранными учащимися со знанием немецкого языка достаточно хорошо по сравнению с немецкой речью граждан Швейцарии, в которой в качестве средства повседневного речевого общения используется немецко-швейцарский алеманнский диалект с характерными для каждого кантона отличительными особенностями.

Лексические несоответствия в номинации, диалектное происхождение некоторых слов, существенные отличия в произношении могут привести неподготовленных к такой ситуации иностранных студентов в условиях пребывания в рамках студенческого обмена или в процессе обучения в высших учебных заведениях в немецкоязычных странах к коммуникативным трудностям лингвистического или культурного характера. В данном случае было бы уместно руководствоваться плюрицентрическим подходом в освоении языковых особенностей и культурных традиций немецкоязычных стран: ФРГ, Австрии, немецкоязычной части Швейцарии. Такого рода обучение плюрицентрическому немецкому языку, безусловно, требует от преподавателей немецкого языка владения определенной языковой и страноведческой компетентностью. Попытки введения с 2000 г. в учебный материал издательств ФРГ небольшого объема плюрицентрического языкового материала уже на начальном этапе обучения немецкому языку, в основном лексические единицы, представленные в качестве национальных вариантов стандартного немецкого языка в Швейцарии и Австрии, послужили началом перехода к использованию плюрицентрического подхода в лингводидактике немецкого языка не только в европейских, но и в других странах мира. Весьма смелым и удачным решением по введению некоторой немецкой стандартной вариативной лексики в учебный процесс уже на начальном этапе обучения немецкому языку (уровень A1–B1) является разработка в рабочей тетради учебного комплекса *Delfin* тематически направленного лексического ряда с характерными отличительными особенностями немецкой лексики в Германии, Австрии и немецкоязычной части Швейцарии, например, одно и то же значение «пивная» передается различными лексическими единицами в единственном и множественном числе: в Германии – *die Kneipe, die Kneipen*; в Австрии – *das Beisel, die Beiseln* или *die Beisels*; в Швейцарии – *das Gasthaus, die Gasthäuser* [1. S. 275]. Следует заметить, что в качестве активного употребления на занятиях немецкого языка рассматривается стандартная немецкая лексика ФРГ, при этом вариативная немецкая лексика Австрии и Швейцарии дается только в качестве рецептивного усвоения лексического материала. Приведенный пример не может отражать всей полноты и объема поставленных целей и задач плюрицентрического обучения немецкому языку, однако введение такого рода вариативной немецкой лексики в рамках изучаемых тем и ситуаций повседневного общения на занятиях по немецко-

му языку уже на начальном этапе может быть методически оправданным как элемент использования плюрицентрического подхода в обучении НЯ как 2ИЯ с целью ознакомления студентов с национальными особенностями стандартного немецкого языка Австрии и немецкоязычной части Швейцарии.

Теоретические основы плюрицентрического подхода

Плюрицентрический подход в обучении немецкому языку базируется на общепризнанной теории плюрицентризма. К «пионерам» в исследовании национальных, а также региональных вариантов и вариативности (разновидностей) относится, как справедливо отмечает немецкий ученый Ульрих Аммон, русская лингвистика, которая закрепилась в то время как социолингвистика. Советские российские ученые В. Степанов и Александр Д. Швейцер предоставили новаторские идеи в этой области в исследованиях романских языков и английского языка. Позднее их передовые взгляды были перенесены на другие языки зарубежными социолингвистами: немецким ученым Хайнцем Клоссом (1967) и австралийским ученым Михаелем Клуни [2. S. 1]. «Принципиально их основополагающие идеи можно распространить на португальский, испанский, французский, китайский и другие языки». Данными соображениями руководствовались также авторы словаря немецкого языка «Variantenwörterbuch des Deutschen» Ульрих Аммон, Ганс Бикель, Якоб Эбнер [3].

Понятия «моноцентрические» и «полицентрические» стандартные языки были предложены в 1968 г. американским социолингвистом Вильямом А. Стюартом (William A. Stewart). По словам Ульриха Аммона, с 1976 г. закрепился термин «плюрицентрические языки», введенный Хайнцем Клоссом [4. S. 46].

Согласно определению М. Клуни, «плюрицентрические языки являются трансграничными языками с конкурирующими, но также и взаимодействующими национальными (и даже наднациональными) стандартными разновидностями с различными нормами, разделяющими общую традицию. Термин предназначен не для обозначения территориально определенных «центров», а для ситуаций, в которых один и тот же язык используется в различных идентифицируемых субъектах общества. Это является результатом исторических и социологически объяснимых процессов, в которых возникают общества с конкретными институтами»: «Plurizentrische Sprachen sind grenzübergreifende Sprachen mit konkurrierenden, aber auch interagierenden, nationalen (und gar übernationalen) Standardvarietäten mit verschiedenen Normen, die eine gemeinsame Tradition teilen. Die Bezeichnung will nicht auf territorial fest umrissene „Zentren“ hinweisen, sondern auf Situationen, in denen dieselbe Sprache in verschiedenen identifizierbaren Gesellschaftsentitäten gebraucht wird. Dies ergibt sich aus historischen und soziologisch erklärbaren Prozessen, in denen Gesellschaften mit spezifischen Institutionen entstehen» [5. S. 7].

Основополагающим признаком статуса плюрицентрического языка, по мнению М. Клуни, является «наличие более одного центра распространения, каж-

дый из которых вырабатывает свои национальные нормы для данного языка, называемые стандартными национальными разновидностями» [6. S. 358].

В исследованиях немецкого ученого Ульриха Аммона подтверждается статус немецкого как плюрицентрического языка согласно тому, что «область употребления немецкого языка охватывает 3 центра языкового развития: стандартные национальные разновидности немецкого языка в Германии, Австрии и немецкоязычной части Швейцарии. Они характеризуются равноправием и имеют свою собственную систему форм существования языка: литературный язык, обиходно-разговорные формы языка, диалекты» [7. S. 288].

Ульрих Аммон классифицирует национальные центры и национальные варианты плюрицентрических языков на примере немецкого языка на основе таких признаков: 1) государство – языковая общность – нация («Staat – Sprachgemeinschaft – Nation»); 2) стандартный язык – стандартная вариативность – национальная вариативность («Standartsprache – Standartvarietät – nationale Varietät»); 3) национальные варианты – национальные вариативности – плюринациональные переменные («Nationale Varianten – nationale Varietäten – plurinationale Variable»); 4) национальный языковой центр – нация одного языка («Nationales Sprachzentrum – Nation einer Sprache») [7. C. 111].

Государства Ульрих Аммон характеризует как «закрепленные юридически и имеющие определенную форму политической организации (правительство и др.)». Языковые общности определяются им с позиции социолингвистического подхода как «носители одного и того же родного языка» [7. S. 111]. В силу сложности интерпретации значения «нация» ученый предлагает понимать их «как политические сообщества, как группы людей, которые выражают волю для совместного проживания в едином государстве» [7. S. 111]. В качестве примера приводятся бывшие ФРГ и ГДР, которые были двумя разными государствами, но представляли одну и ту же нацию. Австрия является самостоятельным государством, но принадлежит к тому же языковому сообществу, что и Германия. Швейцария относится к различным языковым общностям, но при этом представляет собой как самостоятельное государство, так и нацию. Ульрих Аммон отказывается от терминов «языковая нация» или «культурная нация», поскольку «политически они являются более уязвимыми, чем термин «языковая общность», так как он предполагает политическую сплоченность». Точно так же он считает не подходящим «термин государственная нация», поскольку такая формулировка означала бы «волю к политическому единству»; термин «государство, по убеждению У. Аммона, напротив, «не вызывает никаких разногласий» [7. S. 111].

При соотношении терминов «стандартный язык» и «стандартная вариативность» ученый указывает на то, что следует видеть разницу в понятиях «язык» и «вариативность». «Стандартный язык является только тогда общим языком, если он содержит как минимум одну стандартную вариативность в качестве субъязы-

ка (субсистемы). Следовательно, между стандартным языком и стандартной вариативностью существует связь между элементами. Современный немецкий язык является поэтому стандартным языком, так как он содержит несколько стандартных разновидностей в отличие от средневекового немецкого языка» [7. S. 111–112].

Что касается германистики, тему национальных и региональных разновидностей стандартных языков исследовала также австрийский лингвист Елизе Ризель [8, 9]. Е. Ризель была против легитимации идеологии языковой нации «gleiche Sprache – gleiche Nation – gleicher Staat» («одинаковый язык – одна и та же нация – одно и то же государство»). При этом она не отрицала того факта, что немцы и австрийцы говорили на одном немецком языке. Е. Ризель последовательно выступала за сохранение различных «проявлений» языка [2. С. 1–2; 10. С. 12].

По мнению У. Амонн, «специфичные для наций стандартные разновидности являются национальными разновидностями, которые рассматриваются как подмножество стандартных разновидностей. Каждая национальная разновидность является стандартной разновидностью, но не обязательно наоборот. Другой возможностью было бы наряду с национальными стандартными разновидностями поставить национальные нестандартные разновидности, например швейцарский национальный диалект. В таком случае Швейцария имела бы две национальные разновидности: швейцарский стандартный немецкий язык и швейцарско-немецкий диалект, что противоречит устойчивому убеждению «национальные разновидности должны быть стандартными» [7. S. 112]. «Современный немецкий язык имеет в основном три национальные разновидности: немецкий, австрийский и швейцарский стандартный немецкий язык. Их принадлежность к одному языку очевидна, потому что лингвистически они очень похожи друг на друга. Точно так же все диалекты относятся к одному и тому же языку, а именно к немецкому, который пересекается с этими тремя стандартными разновидностями и в какой-то мере похож на них» [7. S. 112].

При определении соотношения между понятиями «национальные варианты – национальные разновидности (вариативности) – плюринациональные переменные» Ульрих Амонн указывает на то, что «следует различать термины «разновидности» и «варианты», между которыми существует многоэлементная связь» [7. S. 112]. Под «разновидностями» понимаются «целые языковые системы», в то время как «варианты» рассматриваются как «отдельные единицы», что позволяет ученому рассматривать австрийский стандартный немецкий язык как национальную разновидность. Приводимое же им в качестве примера слово «*Karfiol*» – «цветная капуста», напротив, относится к национальному варианту Австрии. «Таким образом, австрийский стандартный вариант является национальной разновидностью, а слово *Karfiol* является вариантом немецкого языка» [7. S. 112].

Теоретически «национальные варианты» рассматриваются У. Амонном как данные языковых (или лингвистических) переменных, которые он предлагает называть плюринациональными переменными,

например, *Karfiol* (цветная капуста) представляет собой переменную Австрии, *Blumenkohl* – переменную Германии и немецкоязычной Швейцарии. Ученый рассматривает данные лексические единицы как ономаσιологические переменные, так как «они соотносятся с одним и тем же предметом и значением. Существуют и семасиологические переменные, примечательные тем, что у всех народов они имеют одно и то же выражение, но выступают в различном значении. Одним из примеров является переменная *Bäckerei*, которая в Австрии означает *Backstube* или *süßes Gebäck* («пекарня» или «сладкая выпечка»), но в Германии и Швейцарии используется только в значении «пекарня» [7. S. 113]. Это обстоятельство, по убеждению У. Амонна, «обуславливает большое лингвистическое сходство между национальными разновидностями одного языка и их сопоставление на одном языке» [7. S. 113].

В работе А.И. Домашнева «Об одном типе отношений “система – норма – вариант” в социолингвистике» рассматриваются «вариант» и «вариативность» как понятия, охватывающие различные стороны проявления отношений отдельных единиц разных уровней языковой системы, так и состояние вариативности языковой системы в целом в зависимости от конкретных условий ее функционирования [10. С. 863]. В своих исследованиях А.И. Домашнев подчеркивает, что, «выполняя функцию национального и государственного языка в Германии, Австрии и большей части Швейцарии (так называемой германо-швейцарской части), немецкий язык характеризуется наличием национально-ориентированной структуры языка как совокупности форм своего существования, различиями в составе его отдельных формаций, национальным своеобразием литературного языка, а также особенностями функционального статуса» [11. С. 11].

Несмотря на то что на немецком языке разговаривают кроме Германии, Австрии и немецкоязычной части Швейцарии также в таких странах, как Лихтенштейн, Люксембург, в итальянской провинции Больцано-Южный Тироль и в немецкоязычном сообществе в Бельгии, у немецкого языка есть только три полных центра – Германия, Австрия и немецкоязычная Швейцария. Остальные немецкоязычные страны представляют собой национальные полуцентры, так как, несмотря на наличие отдельных вариантов в данных странах, они не располагают важными институтами для полного национального центра [7. С. 113].

Лингводидактические и методические основы плюрицентрического подхода в обучении немецкому языку как иностранному языку

Разработанные специальной исследовательской группой, состоящей из трех представителей ассоциации учителей немецкого языка из четырёх немецкоязычных стран (Австрия – А; Федеративная Республика Германия – В; Швейцария – С; Германская Демократическая Республика – D) и опубликованные в 1990 г. ABCD-тезисы, представляли собой первоначальное воплощение идей о реализации процесса обучения немецкому языку в рамках плюрицентрическо-

го подхода. В тезисах рассматривались ключевые моменты относительно 1) основного принципа обучения – культурно-направленного страноведения; 2) изложения общих принципов реализации данного подхода; 3) методических и дидактических принципов; 4) возможностей кооперации [12. S. 15–18].

С введением основного принципа – Landeskunde (страноведение) было положено начало разработке принципиально новой дидактики в обучении немецкому языку (DaF) как ИИЯ и как 2ИЯ – Landeskundendidaktik. Следует заметить, что страноведение понималось не как введение отдельного предмета в узком смысле этого слова, а, скорее всего, как более широкое понятие, которое можно охарактеризовать с позиции современного времени как социокультурный и социолингвистический подходы.

Предлагаемая в тезисах трактовка страноведения рассматривается как «принцип, который конкретизируется комбинацией преподавания языка и культурной информации не только на занятии, но и выходит за рамки занятий немецкого языка, например, в проводимых специальных мероприятиях во внеурочное время в форме обмена и встреч» [12. S. 15]. При этом делается акцент на то, что страноведение не должно ограничиваться только информацией о государстве и его институтах, а напротив, охватывать все немецкоязычное пространство с его не только национальными, но и региональными и выходящими за пределы страны культурными феноменами. Такое понимание страноведения должно было отражать концепт «формирующейся Европы регионов» [12. S. 15].

Во втором разделе тезисов содержатся общие принципы, многие из которых легли в основу так называемого DACH-Prinzip. Центральное место отводится аспекту «страноведение», поскольку в его темах отражаются культурные реалии стран – носителей немецкого языка Deutschland (D), Österreich (A), die Schweiz (CH). Что касается Швейцарии, имеется ввиду только немецкоязычная часть Швейцарии. Аббревиатура в названии данного принципа состоит из международных обозначений немецкоязычных стран D-A-CH. Следует заметить, что в названии «D-A-CH-Prinzip» присутствует также некоторый символический смысл, если исходить из того, что в немецком языке слово «Dach» выступает в значении «крыша». В этом контексте объединяющего начала трех немецкоязычных стран незримо присутствует перспектива на дальнейшее развитие отношений между немецкоязычными странами, направленное на уважение национальных языковых особенностей и признание национальных культурных ценностей.

В данном разделе приводятся основные идеи тезисов относительно реализации страноведения, смысл которых можно кратко изложить следующим образом [12. S. 15–16]:

- страноведение рассматривается в динамике и в процессе;
- ориентированность занятий НЯ на межкультурную коммуникацию, «первичной задачей которых является не информация, а *сенсбилизация*, а также развитие способностей, стратегий и навыков в процессе *постижения иноязычных культур*»;

– постижение ценностей явлений иноязычной культуры осуществляется в сопоставлении с собственной культурой;

– развитие критической толерантности учащихся к иноязычной культуре через отказ от предрассудков и существующих стереотипов;

– процесс обучения осуществляется в тесной связи с освоением языковых особенностей немецкоязычных стран (D-A-CH Länder);

– учет информации о всех немецкоязычных странах в содержании учебного и дополнительного материала;

– согласованные действия в отношении выбора определенного гарантированного страноведческого материала через сотрудничество с экспертами немецкоязычных стран;

– необходимость привлечения к преподаванию страноведения опытных преподавателей ИЯ с хорошим образованием и соответствующей подготовкой.

Третий раздел тезисов посвящен дидактико-методическим принципам плюрицентрического обучения НЯ – III. Didaktisch-methodische Grundsätze [12. S. 17–18]:

– развитие страноведческой компетенции в рамках занятий НЯ через активное ознакомление с иноязычными культурами посредством привлечения учащихся к творческой деятельности и непосредственному участию в выборе и оформлении тематического материала;

– развитие стремления у учащихся к знаниям и открытиям с высказыванием собственной точки зрения;

– учет разнообразия региональных разновидностей немецкого языка рассматривается как мост между овладением языком и страноведением «Die Vielfalt von regionalen Varietäten der deutschen Sprache stellt eine wichtige Brücke zwischen Spracherwerb und Landeskunde dar» [12. S. 17].

– от данного разнообразия разновидностей немецкого языка нельзя отказываться в пользу единых норм (ни фонологических, ни лексических, ни морфологосинтаксических), но оно должно быть представлено учащимся наглядно на примере подходящих текстов и материалов;

– содержание страноведческого материала должно охватывать также исторические темы и исторический текстовый материал, который давал бы представления о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, о различных подходах к оцениванию событий.

– большое значение отводится работе с литературными текстами, с помощью которых «могут осознаваться различия между собственной и чужой действительностью, а также субъективная позиция человека»;

– характерной особенностью немецкоязычных культур является разнообразие немецкоязычных регионов, различия в историческом, политическом, культурном и лингвистическом развитии, несмотря на многие существующие сходства;

– уроки страноведения должны основываться на «следах» иноязычной культуры в сопоставлении с их собственной культурой, опираться на предварительные знания и клише;

– иностранная культура воспринимается учащимися более эмоционально и субъективно, поэтому в процессе обучения страноведению должно отводиться

некое пространство для переработки переживаний, субъективных мнений и эмоций;

– страноведение выходит за рамки преподавания языка и связывает его с другими областями обучения и предметами;

– разнообразие методов в преподавании языка, как и в других областях обучения, является столь же важным условием, как и содействие самостоятельному и автономному обучению.

Несмотря на то что данные идеи реализации плюрицентрического подхода были передовыми для своего времени, многие из них остаются основополагающими для процесса обучения немецкому языку в рамках плюрицентрического подхода также и в настоящее время. При этом следует отметить, что среди преподавателей немецкого языка, лингвистов и культурологов есть как сторонники, так и ярые противники данного подхода. Ценными представляются критические замечания ведущих специалистов в области преподавания немецкого языка или культурологии с позиции дидактики данных предметных областей. Так, Ева Чен (Eva Chen) считает, что «получение культурно-направленных знаний находится все же в некотором противоречии с практическими занятиями немецкого языка, ориентированными на практические действия» [13. S. 31]. Ева Чен указывает на то, что «культурная дидактика не должна с самого начала подчиняться более узким границам дидактики иностранного языка. Не следует забывать, что язык является частью и инструментом культуры, а не наоборот» [13. S. 31]. Исходя из предметной специфики культурно-направленного преподавания, «действие как цель обучения должно было бы сначала отойти на задний план и освободить место для восприятия, признания и понимания, так как они являются решающими процессами для осмысленного формирования культурной компетенции и позволяют учащимся ориентироваться в чужом мире, не устанавливая при этом для них правила поведения или инструкцию по эксплуатации в отношении иной страны» [13. С. 32]. Ева Чен призывает предпринять соответствующие шаги к устранению возможных несовпадений между целями лингвистически-коммуникативного обучения немецкому языку и целями культурного обучения [13. С. 31].

Что касается содержательной составляющей обучения немецкому языку как 2ИЯ в рамках плюрицентрического подхода, в последние 10 лет наблюдается отсутствие каких-либо определенных строгих критериев, которыми должны руководствоваться преподаватели немецкого языка. При этом одним из обязательных условий при выборе конкретного языкового и культурного материала DACH-Länder остается учет интересов, желания, возможности и готовности учащихся к изучению плюрицентрического немецкого языка. Не следует забывать, что полную ответственность в организации учебного процесса несет преподаватель, от правильно скоординированных методических действий и дидактических стратегий которого зависит не только качественная подача языкового, речевого или культурного своеобразия определенного

плюрицентрического материала, но и качественное усвоение данного материала учащимися.

В соответствии со взглядами Илоны Фельд-Кнапп (Feld-Knapp, Илона), к достижению определенных успехов в освоении плюрицентрического немецкого языка должны привести совместные усилия преподавателя и учащихся: профессиональная компетентность преподавателя, его научный интерес и познания в плюрицентрике немецкого языка, а также желание и готовность учащихся изучать немецкий язык в рамках плюрицентрического подхода. Этот вид профессионализма, по мнению Илоны Фельд-Кнапп, выходит за рамки ориентации профессии педагога на научную ориентацию, формируя у педагогов способности развивать себя и быть открытым для новых вещей [14. S. 17].

Зара Хааги видит в межкультурном обучении плюрицентрики немецкого языка выполнение следующей функции: «Плюрицентрика ощутимо указывает на преобладание языкового разнообразия немецкого языка и показывает, что не существует так называемого правильного немецкого языка и что разновидности и варианты немецкого языка сопровождаются установками и оценками, которые могут иметь значительное влияние на общение и ее успех». «Für das interkulturelle Lernen hat die Plurizentrik des Deutschen aber noch eine ganz andere Funktion: Sie macht erfahrbar, dass sprachliche Vielfalt herrscht <...> sie zeigt dass es nicht *ein* richtiges Deutsch gibt und dass mit den Varietäten und Varianten Einstellungen und Bewertungen einhergehen, die einen erheblichen Einfluss auf die Kommunikation und deren Gelingen haben können» [15. S. 108]. Такая позиция исключает превосходство стандартного немецкого языка ФРГ как единственно правильного немецкого языка по отношению к австрийскому и швейцарскому стандартным немецким языкам, что позволяет толерантно и уважительно относиться к стандартному немецкому языку данных немецкоязычных стран и избегать разного рода навязанных клише по отношению к собственному языку.

Организация и проведение исследования

Цель исследования – установление степени готовности / неготовности учащихся бакалаврской и магистерской программ к обучению немецкому языку как второму иностранному языку с использованием элементов плюрицентрического подхода.

За основу проведения исследования был взят **метод анкетирования**.

Форма проведения: анкетирование проводилось в группах немецкого языка среди студентов бакалаврской и магистерской программ «Иностранные языки и межкультурная коммуникация», изучающих немецкий язык как второй иностранный язык. Заполнение анкет осуществлялось *индивидуально на добровольной основе в письменной форме*.

Место и время проведения опроса: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Департамент иностранных языков, бакалаврская и магистерская программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» г. Москва, декабрь 1918 г. – январь 2019 г.

Общее количество респондентов – 59, из них 47 студентов бакалаврской программы, изучающих немецкий язык как 2ИЯ на 1, 2, 3-м курсах и 12 студентов магистерской программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Материал исследования – анкетный опрос.

В содержание анкетного материала входят вопросы, направленные на установление следующих данных:

1) уровень владения немецким языком (A1, A2, B1, B2, C1);

2) уровень языковых и речевых компетенций – владение фонетическими, лексическими, грамматическими навыками немецкого языка и использование данных навыков в устной и письменной речи;

3) уровень представления о фонетических и лексических особенностях вариативной австрийской и швейцарской немецкой лексики / уровень владения данной лексикой в письменной и устной речи;

4) желание знакомиться / изучать вариативную австрийскую и швейцарскую немецкую лексику в рамках практических занятий немецкого языка;

5) установление причин для знакомства / изучения особенностей австрийского и швейцарского вариан-

тов немецкого языка: а) дальнейшее обучение в Германии / Австрии / немецкоязычной части Швейцарии; б) поездки, путешествия в немецкоязычные страны (DACH-Länder);

б) выбор дисциплины для изучения плюрицентрического немецкого языка: в рамках научно-исследовательского семинара (НИС) на 3-м курсе бакалаврской программы или в рамках отдельного предмета «Страноведение DACH-Länder».

В качестве ответов на анкетные вопросы рассматривались следующие варианты: «скорее нет», «нет», «затрудняюсь ответить», «скорее да», «да».

Следует заметить, что в опросе сознательно не рассматривался гендерный критерий, так как в рамках данных программ преобладающее количество учащихся составляют лица женского пола.

Поскольку общее число опрошенных составляет всего 59 человек (47 бакалавров и 12 магистрантов), в табл. 2 и диаграмме (рис. 1), прежде всего приводится абсолютное число респондентов, выбравших тот или иной ответ. Помимо этого дополнительно дается процентное соотношение ответов, однако его интерпретация будет проводиться с осторожностью.

Таблица 1

Распределение респондентов по уровням владения немецким языком (начальный A1–B1) / продвинутый уровень B2 / свободное владение C2

Уровень владения языком	Параметр	Уровень обучения		Итого
		Бакалавр	Магистрант	
A1	Частота	11	9	20
	Уровень обучения, %	23,4	75,0	33,9
A2	Частота	7	0	7
	Уровень обучения, %	14,9	,0	11,9
B1	Частота	27	1	28
	Уровень обучения, %	57,4	8,3	47,5
B2	Частота	1	2	3
	Уровень обучения, %	2,1	16,7	5,1
C2	Частота	1	0	1
	Уровень обучения, %	2,1	,0	1,7
Итого	Уровень обучения, %	47	12	59
	Уровень обучения, %	100,0	100,0	100,0

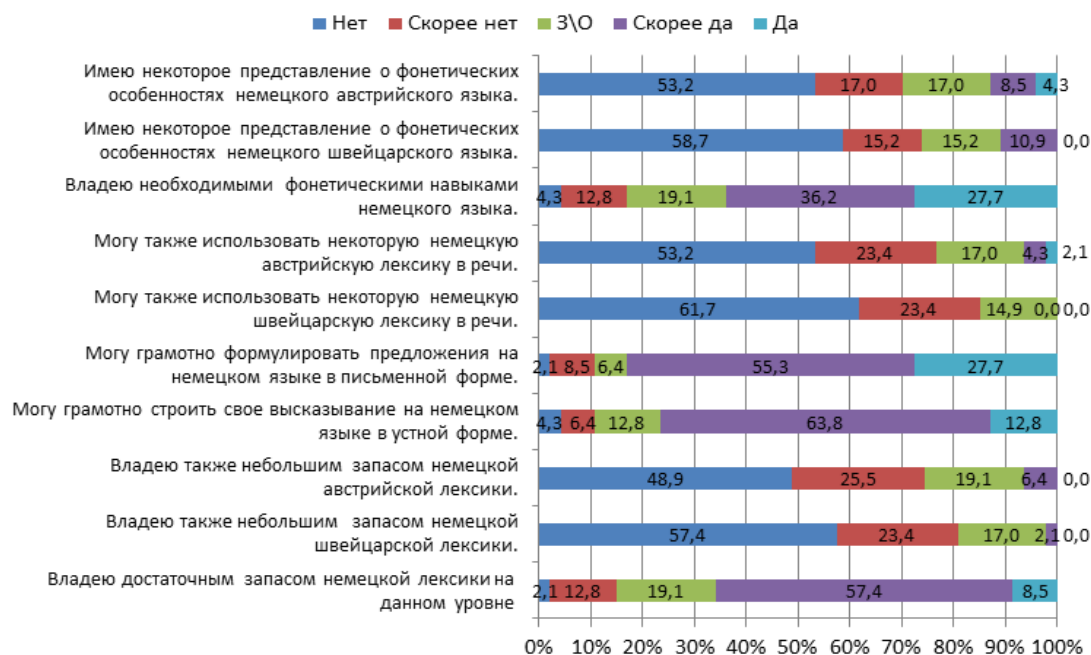

Рис. 1. Уровень владения немецким языком, австрийской, швейцарской стандартной немецкой лексикой в письменной и устной речи, %

Уровень владения немецким языком, австрийской и швейцарской стандартной немецкой лексикой среди респондентов бакалаврской программы

Уровень владения языком в абсолютных числах (в респондентах)	Нет	Скорее нет	Затрудняюсь ответить	Скорее да	Да
Владею достаточным запасом немецкой лексики на данном уровне	1	6	9	27	4
Владею также небольшим запасом немецкой швейцарской лексики	27	11	8	1	47
Владею также небольшим запасом немецкой австрийской лексики	23	12	9	3	0
Могу грамотно строить свое высказывание на немецком языке в устной форме	2	3	6	30	6
Могу грамотно формулировать предложения на немецком языке в письменной форме	1	4	3	26	13
Могу также использовать некоторую немецкую швейцарскую лексику в речи	29	11	7	0	0
Могу также использовать некоторую немецкую австрийскую лексику в речи	25	11	8	2	1
Владею необходимыми фонетическими навыками немецкого языка	2	6	9	17	13
Имею некоторое представление о фонетических особенностях немецкого швейцарского языка	27	7	7	5	0
Имею некоторое представление о фонетических особенностях немецкого австрийского языка	25	8	8	4	2

Примечание. Таблица составлена для диаграммы, представленной на рис. 1

Согласно проведенному опросу среди магистрантов почти все респонденты (кроме 3 человек) находятся на элементарном уровне владения немецким языком A1, таким же уровнем владения немецким языком A1 оценивают свои знания 11 респондентов среди студентов бакалаврской программы. Владение немецким языком на начальном уровне A2 отметили 7 респондентов, представляющих бакалаврскую программу. При этом уровень A2 отсутствует у респондентов магистерской программы. 27 респондентов бакалаврской программы владеют пороговым уровнем B1, среди магистрантов с данным уровнем владения немецким языком имеется один учащийся. Уровень владения пороговым продвинутым немецким языком B2 почти отсутствует у студентов 3-го курса бакалавриата, исключением является только один респондент с данным уровнем, а также один респондент со свободным владением немецкого языка на уровне C2. Владение немецким языком на уровне C1 отсутствует среди респондентов бакалавриата и магистратуры. Среди магистрантов два респондента имеют уровень владения немецким языком B2.

Владение немецким языком на лексическом, фонетическом уровнях, а также грамотное построение высказывания в устной и письменной формах оценивается респондентами бакалавриата в целом очень высоко: по всем вопросам более 50% «скорее да» и «да».

На вопрос владения австрийским стандартным немецким языком на лексическом, фонетическом уровнях, а также грамотного построения высказывания в устной и письменной формах – всегда примерно 50% респондентов отмечают «нет», отсутствие владения швейцарским стандартным немецким языком на данных уровнях оценивают около 60% респондентов.

Есть ли различия в зависимости от уровня владения классическим немецким языком? Бакалавры уровня A2 и выше чаще, чем респонденты с уровнем A1, соглашались с суждением «Имею некоторое представление о фонетических особенностях швейцарского стандартного немецкого языка» (критерий Краскела–Уоллеса, $p < 0,1$). Между уровнями A2–C2 статистически значимых различий не наблюдается. Такой факт можно объяснить тем, что в учебном комплексе по изучению немецкого языка очень редко можно встретить швейцарскую немецкую лексику, фонетические особенности швейцарского немецкого языка также крайне редко входят в содержание учебного материала. Следует заметить, что в силу различных обстоятельств преподаватели немецкого языка не ставят перед собой задачу введения на занятиях по немецкому языку особенно на начальном уровне некоторой австрийской и швейцарской стандартной немецкой лексики в целях рецептивного усвоения и указания на существующие отличительные фонетические особенности стандартного немецкого языка DACH-Länder.

Бакалавры уровня A2 и выше чаще, чем респонденты уровня A1, соглашались с суждением «Могу грамотно формулировать предложения на немецком языке в письменной форме» (критерий Краскела–Уоллеса, $p < 0,1$). Между уровнями A2–C2 нет статистически значимых различий. Скорее всего, эти студенты уверены в том, что владеют достаточно высоким уровнем речевой компетенции на немецком языке как в устной, так и письменной формах.

По остальным суждениям респондентов различия в зависимости от уровня владения немецким языком отсутствуют.

Таблица 3

Желание изучать австрийскую и швейцарскую стандартную немецкую лексику

Ответ	Хотели бы Вы наряду с изучением немецкой лексики знакомиться с лексикой австрийского варианта немецкого языка?				Хотели бы Вы наряду с изучением немецкой лексики знакомиться с лексикой швейцарского варианта немецкого языка?			
	Бакалавры		Магистранты		Бакалавры		Магистранты	
	%	N	%	N	%	N	%	N
Нет	10,6	5	8,3	1	12,8	6	8,3	1
Скорее нет	8,5	4	16,7	2	8,5	4	16,7	2
Затрудняюсь ответить	10,6	5	,0	0	12,8	6	0	0
Скорее да	36,2	17	41,7	5	38,3	18	41,7	5
Да	34,0	16	33,3	4	27,7	13	33,3	4

Исходя из указанных в табл. 3 статистических данных, среди бакалавров и магистрантов не наблюдается различий в желании знакомиться со стандартной австрийской и швейцарской немецкой лексикой – все одинаково активно хотят знакомиться (70% бакалавров хотят знакомиться с лексикой австрийского варианта немецкого языка, 65% – с лексикой швейцарского варианта немецкого языка; среди магистрантов 75% желают знакомиться как с лексикой австрий-

ского варианта немецкого языка, так и с лексикой швейцарского варианта немецкого языка.

Согласно полученным данным табл. 4, в качестве причин для получения знаний немецкого языка рассматриваются планы дальнейшего обучения в Федеративной Республике Германия: 31 человек из 47 (67,4%) указал «скорее за» и «за» среди респондентов бакалаврской программы и 7 человек из 12 (58,3%) среди магистрантов.

Таблица 4

Причины, по которым учащиеся бакалаврской и магистерской программ хотели / не хотели бы изучать плюрицентрический немецкий язык

Причина	% / N	Нет	Скорее нет	Затрудняюсь ответить	Скорее да	Да
<i>Бакалавры</i>						
Мне необходимы знания НЯ для дальнейшего обучения в Германии	%	10,9	4,3	17,4	21,7	45,7
	N	5	2	8	10	21
Мне необходимы знания швейцарского варианта НЯ для дальнейшего обучения в немецкоязычной части Швейцарии	%	36,2	23,4	25,5	8,5	6,4
	N	17	11	12	4	3
Мне необходимы знания австрийского варианта НЯ для дальнейшего обучения в Австрии	%	25,5	17,0	34,0	12,8	10,6
	N	12	8	16	6	5
Знания немецкого языка необходимы мне для поездки в Германию с целью путешествия	%	2,1	2,1	0	29,8	66,0
	N	1	1	0	14	31
Знания об особенностях швейцарского варианта НЯ необходимы мне для поездки в немецкоязычную часть Швейцарии	%	21,3	12,8	27,7	14,9	23,4
	N	10	6	13	7	11
Знания об особенностях австрийского варианта НЯ необходимы мне для поездки в Австрию	%	14,9	8,5	21,3	21,3	31,9
	N	7	4	10	10	15
<i>Магистранты</i>						
Мне необходимы знания НЯ для дальнейшего обучения в Германии	%	8,3	33,3	,0	50,0	8,3
	N	1	4	0	6	1
Мне необходимы знания швейцарского варианта НЯ для дальнейшего обучения в немецкоязычной части Швейцарии	%	50,0	25,0	,0	16,7	8,3
	N	6	3	0	2	1
Мне необходимы знания австрийского варианта НЯ для дальнейшего обучения в Австрии	%	33,3	41,7	,0	8,3	16,7
	N	4	5	0	1	2
Знания немецкого языка необходимы мне для поездки в Германию с целью путешествия	%	,0	,0	0	41,7	58,3
	N	0	0	0	5	7
Знания об особенностях швейцарского варианта НЯ необходимы мне для поездки в немецкоязычную часть Швейцарии	%	8,3	58,3	,0	8,3	25,0
	N	1	7	0	1	3
Знания об особенностях австрийского варианта НЯ необходимы мне для поездки в Австрию	%	8,3	33,3	,0	25,0	33,3
	N	1	4	0	3	4

Что касается необходимости владения знаниями об особенностях стандартного швейцарского немецкого языка, только 7 человек (14,9%) среди студентов-бакалавров предполагают, что они понадобятся им для дальнейшего обучения в немецкоязычной части Швейцарии; со стороны магистрантов 3 человека из 12 (25%) рассматривают владение стандартным швейцарским немецким языком как необходимое условие для дальнейшего обучения в Швейцарии.

Необходимость владения знаниями об особенностях австрийского стандартного немецкого языка как одну из причин дальнейшего обучения в Австрии рассматривают 11 человек (23,4%) среди студентов-бакалавров и среди магистрантов 3 человека из 12 (25%).

Владение немецким языком рассматривается как одно из важных коммуникативных средств с целью поездки, путешествия в Германию. Так, среди студентов бакалавриата «скорее за» и «за» указывают 44 респондента из 47 (95,8%), среди магистрантов – все 12 респондентов (100%).

Владение знаниями об особенностях швейцарского стандартного немецкого языка рассматривается в

качестве необходимого условия для поездки, путешествия в немецкоязычную часть Швейцарии. Так, среди студентов бакалавриата «скорее за» и «за» указывают 18 респондентов (38,3%), среди магистрантов – 4 человека из 12 (33%).

Владение знаниями об особенностях австрийского стандартного немецкого языка рассматривается также в качестве необходимого условия для поездки, путешествия в Австрию. Так, среди студентов бакалавриата «скорее за» и «за» указали 25 респондентов (53,2%), среди магистрантов – 7 респондентов из 12 (58,3%).

Таблица 5

**В рамках какой дисциплины желательно введение плюрицентрического немецкого языка?
НИС или страноведение? (В опросе принимали участие только студенты бакалавриата)**

Ответ	НИС		Страноведение	
	%	N	%	N
Нет	10,6	5	6,4	3
Скорее нет	12,8	6	4,3	2
Затрудняюсь ответить	21,3	10	25,5	12
Скорее да	19,1	9	29,8	14
Да	36,2	17	34,0	16

В выборке (табл. 5) немного больше тех, кто высказывается в пользу страноведения, однако это различие статистически незначимо. При этом: «нет» говорит больше бакалавров НИСу, чем страноведению ($p < 0,1$).

Исходя из начального уровня знаний НЯ А1 среди большинства респондентов магистерской программы, опрос на предмет выбора возможной дисциплины для изучения плюрицентрического немецкого языка не проводился, так как большинство участвующих в опросе магистрантов начали, скорее всего, изучение НЯ как 2ИЯ в рамках обучения в магистратуре с нулевого уровня, поэтому им сложно сделать объективный выбор дисциплины для изучения плюрицентрического немецкого языка.

Респонденты бакалаврской программы имеют достаточное представление об особенностях работы в рамках дисциплины НИС (научно-исследовательский семинар). Большинство респондентов учатся на 3-м курсе бакалавриата, на котором предусмотрена реализация образовательной программы в форме научно-исследовательского семинара «Особенности развития культуры, медиа и образования в немецкоязычных странах», интегрированного в общую программу практического курса обучения немецкому языку как 2ИЯ. Целью данного НИС является проведение учащимися научно-исследовательской деятельности и создание проектной работы на немецком языке, которая осуществляется в рамках 3-го курса в течение 1-го и 2-го семестров.

Выбор студентами бакалавриата страноведения в качестве дисциплины, в рамках которой возможно реальное изучение некоторых языковых особенностей DACH-Länder, можно рассматривать как приемлемую альтернативу в отличие от НИС, что указывает на осознанный и объективный подход к принятию данного решения будущими бакалаврами. Именно в рамках «страноведения» как отдельно взятой дисциплины можно воплотить многие идеи плюрицентрического подхода в обучении немецкому языку с учетом языкового и культурного разнообразия немецкоязычных стран – так называемых DACH-Länder.

Заключение

Как показали результаты исследования (табл. 4), у студентов бакалаврской и магистерской программ не отмечается различий в желании ознакомиться со стандартной австрийской и швейцарской немецкой лексикой – все одинаково активно хотят ознакомиться (70% бакалавров хотят ознакомиться с лексикой австрийского варианта немецкого языка, 65% – с лексикой швейцарского варианта немецкого языка; среди магистрантов 75% желают ознакомиться как с лексикой австрийского варианта немецкого языка, так и с лексикой швейцарского варианта немецкого языка). При этом следует заметить, что готовность студентов знако-

миться с австрийской и швейцарской немецкой стандартной лексикой не всегда зависит от уровня владения классическим немецким языком. Согласно исследованию различия наблюдаются только у студентов бакалавриата уровня А2 и выше, которые чаще, чем респонденты с уровнем А1, соглашались с суждением «Имею некоторое представление о фонетических особенностях немецкого швейцарского языка» (рис. 1; табл. 2). В качестве причин для получения знаний немецкого языка рассматриваются планы дальнейшего обучения в Федеративной Республике Германия: «скорее за» и «за» среди респондентов бакалаврской программы указали 67,4%; среди магистрантов – 7 человек из 12 (58,3%).

Что касается необходимости владения знаниями об особенностях стандартного швейцарского немецкого языка, только 14,9% среди студентов-бакалавров предполагают, что они понадобятся им для дальнейшего обучения в немецкоязычной части Швейцарии; среди магистрантов только 3 человека из 12 (25%) рассматривают владение стандартным швейцарским немецким языком как необходимое условие для дальнейшего обучения в Швейцарии. Необходимость владения австрийской стандартной немецкой лексикой рассматривается как одна из причин для дальнейшего обучения в Австрии среди студентов бакалавриата – 23,4%, и среди магистрантов – 3 человека из 12 (25%).

Знание немецкого языка рассматривается как одно из важных коммуникативных средств с целью поездки, путешествия в Германию. Так, среди студентов бакалавриата – «скорее за» и «за» указали 95,8%, среди магистрантов – все 12 респондентов (100%). Владение знаниями об особенностях швейцарского стандартного немецкого языка рассматривается в качестве необходимого условия для поездки, путешествия в немецкоязычную часть Швейцарии: среди студентов бакалавриата «скорее за» и «за» указали 38,3%, среди магистрантов – 4 человека из 12 (33%). Владение знаниями об особенностях австрийского стандартного немецкого языка рассматривается также в качестве необходимого условия для поездки, путешествия в Австрию. В данном случае больший интерес к Австрии с целью путешествия по сравнению со Швейцарией проявляется как среди студентов бакалавриата – «скорее за» и «за» указали 53,2%, так и среди магистрантов – 7 респондентов из 12 (58,3%).

Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени готовности студентов бакалавриата и магистрантов изучать немецкий язык с учетом существующего лексического многообразия DACH-Länder. Достаточно осознанно студенты бакалавриата подошли также к выбору «страноведения» в качестве дисциплины для изучения плюрицентрического немецкого языка. Данные факты подтверждают желание изучать немецкий язык в рамках плюрицентрического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aufderstraße H., Müller Ju., Storz Th. Delfin. Arbeitsbuch. Lehrwerk für Deutsch als Fremdsprache. Max Hueber Verlag, 2002. 504 S.
2. Ammon U. Deutsch als plurizentrische Sprache. Die nationalen Varietäten des Deutschen und das Wörterbuch, das sie umfassend kodifiziert. 11 s. URL: <http://uvodugermanistiku.pbworks.com/f/4410228-STANDARD.pdf> (дата обращения: 26.06.2020).
3. Ammon U., Bickel H., Ebner J., Esterhammer R., Gasser M., Hofer L., Kellermeier-Rehbein B. Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2004. 954 s.

4. Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1995. 575 s.
5. Clyne M. Sprachplanung in einer plurizentrischen Sprache: Überlegungen zu einer österreichischen Sprachpolitik aus internationaler Sicht // R. Muhr, R. Schrod, P. Wiesinger (Hrsg.): Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. 1995. S. 7–16.
6. Clyne M. Pluricentric languages. Differing norms in different nations. Berlin : Walter de Gruyter, 1992. 481 p.
7. Ammon U. Vorschläge zur Typologie nationaler Zentren und nationaler Varianten bei plurinationalen Sprachen - am Beispiel des Deutschen // R. Muhr, R. Schrod, P. Wiesinger (Hrsg.). Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen. 1995. S. 111–120.
8. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. Moskau : Wysschaja schkola, 1964.
9. Riesel E. Die Sprache des Österreicher. Tagebuch (1) / Hinweis A. Domaschnev. Wien, 1964.
10. Домашнев А.И. Об одном типе отношений «система – норма – вариант» в социолингвистике // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб. : Наука, 2005. С. 862–867.
11. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Ленинград : Наука, 1983. 233 с.
12. ABCD-Thesen zur Rolle der Landeskunde im Deutschunterricht // IDV-Rundbrief. 1990. Vol. 45. S. 15–18.
13. Chen E. Das „Prinzip Innehalten“ in der Landeskunde – komplementäre Aspekte der Kulturdidaktik zur Handlungsorientierung im Fremdsprachenunterricht // N. Mackus, J. Möhring (Hg.) Wege für Bildung, Beruf und Gesellschaft mit Deutsch als Fremd- und Zweitsprache 38. Jahrestagung des Fachverbandes Deutsch als Fremdsprache an der Universität Leipzig 2011, erschien als Band 87 in der Reihe „Materialien Deutsch als Fremdsprache“, Universitätsverlag Göttingen, 2014. S. 25–41.
14. Feld-Knapp I. Deutsch als Fremdsprache: Von der Sprachlehre zur wissenschaftlichen Disziplin // Feld-Knapp I. (Hrsg.) Beruf und Berufung. Fremdsprachenlehrer in Ungarn (= CM-Beiträge zur Lehrerforschung 1). Budapest : Typotex/Eötvös Collegium, 2012. S. 17–52.
15. Hägi S. Nicht auf der Nudelsuppe dahergeschwommen: Der Beitrag des Variantenwörterbuchs zur DACH - Landeskunde // S. Demming, S. Hägi, H. Schweiger. DACH – Landeskunde. Theorie – Geschichte – Praxis. München : Iudicum, 2013. S. 97–121.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 ноября 2020 г.

German as a Second Foreign Language for Russian Students – A Dilemma of Choice: Classical or Pluricentric German?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 181–192.

DOI: 10.17223/15617793/464/21

Tamara M. Dementyeva, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: tdementyeva@hse.ru

Keywords: pluricentric approach; varieties of German; national variants of German; variability; basic and general principles of DACH didactics.

The article raises the problem of teaching German as a second foreign language within the framework of a pluricentric approach. Its relevance for the Russian undergraduate and graduate students is dictated by the modern needs and opportunities to obtain further education in the Common European higher institutions of Germany (D), Austria (A), the German-speaking part of Switzerland (CH), as well as the opportunity to participate in various international student exchange support programs of these countries. The aim of this article is to assess the willingness of the bachelor's and master's students undertaking the Foreign Languages and Intercultural Communication course not only to study the classical German language but also to get familiar with the features of the standard German language in Austria and Switzerland. The pluricentric approach is based on the generally recognized theory of pluricentrism, according to which the German language is considered as a single language incorporating the national linguistic specifics in the Federal Republic of Germany, Austria, and the German-speaking part of Switzerland. The article conveys the main ideas of the pluricentric theoretical research studies and covers the linguodidactic and methodological foundations in teaching pluricentric German developed by a special research group and described in the so-called ABCB theses. The readiness of students to learn German in the diversity of the linguistic and cultural national specifics of the DACH-Länder is one of the basic requirements of the pluricentric approach. The conducted research allowed assessing the readiness of the bachelor's and master's students to study the classical German language, taking into account the existing distinctive linguistic features of the standard German language in Austria and Switzerland. The research was based on the questionnaire method in the form of a written poll. Given the results of the research, students of the bachelor's and master's programs are equally willing to learn the standard Austrian and Swiss German vocabulary in the German language classes. Among bachelors, 70% prefer the vocabulary of the Austrian version and 65% of the Swiss version of German; among master's students, 75% want to learn the vocabulary of both the Austrian and the Swiss versions of German. Besides, knowledge of the features of the standard German language DACH-Länder is considered as a prerequisite for traveling and further education in these countries. These statistics confirm the high motivation of the bachelor's and master's students to study German applying the pluricentric approach. The students also demonstrated the thoughtful choice of the Second Language Country Studies as a discipline for studying German, taking into account the diversity of the linguistic and cultural national specifics of DACH-Länder.

REFERENCES

1. Aufderstraße, H., Müller, Ju. & Storz, Th. (2002) *Delfin. Arbeitsbuch. Lehrwerk für Deutsch als Fremdsprache*. Max Hueber Verlag.
2. Ammon, U. (2008) *Deutsch als plurizentrische Sprache*. Die nationalen Varietäten des Deutschen und das Wörterbuch, das sie umfassend kodifiziert. [Online] Available from: <http://uvodugermanistiku.pbworks.com/f/4410228-STANDARD.pdf> (Accessed: 26.06.2020).
3. Ammon, U. et al. (2004) *Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
4. Ammon, U. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
5. Clyne, M. (1995) Sprachplanung in einer plurizentrischen Sprache: Überlegungen zu einer österreichischen Sprachpolitik aus internationaler Sicht. In: Muhr, R., Schrod, R. & Wiesinger, P. (eds) *Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen*. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky. pp. 7–16.
6. Clyne, M. (1992) *Pluricentric languages. Differing norms in different nations*. Berlin: Walter de Gruyter.
7. Ammon, U. (1995) Vorschläge zur Typologie nationaler Zentren und nationaler Varianten bei plurinationalen Sprachen - am Beispiel des Deutschen. In: Muhr, R., Schrod, R. & Wiesinger, P. (eds) *Österreichisches Deutsch. Linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer nationalen Variante des Deutschen*. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky. pp. 111–120.
8. Riesel, E. (1964) *Der Stil der deutschen Alltagsrede*. Moskau: Wysschaja schkola.

9. Riesel, E. (1964) *Die Sprache des Österreichers. Tagebuch* (1). Wien.
10. Domashnev, A.I. (2005) *Trudy po germanskomu yazykoznaniiyu i sotsiolingvistike* [Works on German linguistics and sociolinguistics]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 862–867.
11. Domashnev, A.I. (1983) *Sovremennyy nemetskiy yazyk v ego natsional'nykh variantakh* [Modern German in its national variants]. Leningrad: Nauka.
12. *IDV-Rundbrief*. (1990) ABCD-Thesen zur Rolle der Landeskunde im Deutschunterricht. 45. pp. 15–18.
13. Chen, E. (2014) Das ‚Prinzip Innehalten‘ in der Landeskunde – komplementäre Aspekte der Kulturdidaktik zur Handlungsorientierung im Fremdsprachenunterricht. In: Mackus, N. & Möhring, J. (eds) *Wege für Bildung, Beruf und Gesellschaft mit Deutsch als Fremd- und Zweitsprache* 38. Jahrestagung des Fachverbandes Deutsch als Fremdsprache an der Universität Leipzig 2011, erschien als Band 87 in der Reihe „Materialien Deutsch als Fremdsprache“. Universitätsverlag Göttingen. pp. 25–41.
14. Feld-Knapp, I. (2012) Deutsch als Fremdsprache: Von der Sprachlehre zur wissenschaftlichen Disziplin. In: *Beruf und Berufung. Fremdsprachenlehrer in Ungarn* (= CM-Beiträge zur Lehrerforschung 1). Budapest: Typotex/Eötvös Collegium. pp. 17–52.
15. Hägi, S. (2013) Nicht auf der Nudelsuppe dahergeschwommen: Der Beitrag des Variantenwörterbuchs zur DACH – Landeskunde. In: Demming, S., Hägi, S. & Schweiger, H. (eds) *DACH – Landeskunde. Theorie – Geschichte – Praxis*. München: Iudicum. pp. 97–121.

Received: 11 November 2020

К.Б. Егоров

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Актуализирована проблема вузов педагогического профиля, связанная с независимой оценкой качества образования и использования потенциала профессионального сообщества и ресурсов профессионально-общественной аккредитации. Предложены концептуальные основания независимой оценки квалификации выпускников педагогических направлений подготовки. Ключевая идея концепции – независимая оценка квалификации выпускников педагогических направлений подготовки – рассматривается как инструмент гарантии качества через сопоставление результатов освоения федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования и требований профессиональных стандартов.

Ключевые слова: профессиональное образование; педагогическое образование; высшее педагогическое образование; квалификация; оценка квалификации выпускника; сертификация в сфере образования; сертификация квалификаций.

Введение

Современные условия развития системы образования позволяют обозначить возможность реализации независимой оценки квалификации выпускников педагогических направлений подготовки как социально-экономическую проблему. Национальный проект «Образование» в качестве одной из ключевых задач развития системы образования определяет перспективу обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования [1]. Вузы, ведущие подготовку по педагогическим направлениям, участвуют в достижении двух целевых показателей указанной цели.

С одной стороны, такие вузы могут рассматриваться в аспекте достижения места России по присутствию университетов в глобальном рейтинге университетов. Достижению такого результата будут способствовать итоги проекта «ТОП 5 – 100», реализация конкурса по отбору НОЦ международного уровня, запуск проекта «Перспектива 2030». Уже сегодня ряд ведущих исследовательских университетов входит в международные рейтинги THE, ARWU, QS и пр. К сожалению, до настоящего времени для участия в этих рейтингах не отобраны российские вузы педагогического профиля.

С другой стороны, вузы, которые готовят школьных учителей, влияют и на достижение целевого показателя национального проекта «Образование», установленного для общеобразовательных учреждений в части средневзвешенного результата России в группе международных исследований PISA, TIMSS, PIRLS. В этом аспекте можно предположить, что активное участие университетов, ведущих подготовку по педагогическим направлениям, в федеральном проекте «Учитель будущего», будет способствовать накоплению потенциала конкурентоспособности.

На федеральном уровне разрабатываются нормативные документы, обеспечивающие реализацию Федерального проекта «Учитель будущего». В частности, распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 г. № 3273-р установлены основные принципы национальной системы профес-

сионального роста педагогических работников Российской Федерации, включая национальную систему учительского роста. Цель создаваемой на федеральном уровне системы учительского роста – формирование и реализация «объективных механизмов оценки профессиональных компетенций, стимулирование педагогических работников к непрерывному профессиональному росту, формирование единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников на основе инновационных технологий в реализации дополнительных профессиональных программ, а также систематизация подходов в организации целевого обучения в качестве адресного решения проблемы кадровой укомплектованности общеобразовательных организаций» [2]. В числе мероприятий, обозначенных в названном распоряжении, – разработка предложений о внесении изменений в порядок проведения аттестации педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

Одним из механизмов реализации названного мероприятия выступает создание Центров оценки квалификаций (ЦОК), которые:

- 1) проводят процедуры независимой оценки квалификации, установленные Правительством Российской Федерации, по квалификациям, согласно полномочиям со стороны отраслевого совета;
- 2) размещают в открытом доступе нормативные документы и всю необходимую информацию для прохождения независимой оценки квалификации на информационных ресурсах, включая официальный интернет-сайт;
- 3) развивают сеть экзаменационных центров для проведения практического этапа профессиональных экзаменов на принципах партнерства;
- 4) подбирают экспертов из числа носителей квалификаций, организуют их обучение процедурам независимой оценки и аттестации отраслевым советом, формируют экспертные комиссии [3].

Приведенные выше мероприятия относятся к уже действующим педагогическим работникам. В то же время данная проблема остается актуальной применительно к будущим учителям – студентам педагогических направлений подготовки. В рамках решения данной проблемы и в соответствии ключевыми

показателями реализации национального проекта «Образование» ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ) определяет приоритетные направления и активно использует независимую оценку квалификаций как инструмент гарантии качества подготовки выпускников педагогических направлений подготовки.

Актуальность независимой оценки квалификации выпускников вузов в различных отраслях экономики вызвана чаще всего двумя причинами:

- недостаточной удовлетворенностью работодателей качеством подготовки выпускников;
- потребностью в развитии государственно-общественных форм участия в совершенствовании той или иной отрасли социальной сферы.

В российских вузах в нормативном порядке в традиционные процедуры оценки качества подготовки выпускника интегрированы элементы независимой оценки. Так, в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (ФГОС ВО) состав государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) включает не менее 50% представителей работодателей. Обязательное участие представителей работодателей в составе ГЭК акцентирует проблемы независимой оценки квалификации выпускников в системе высшего педагогического образования.

Изучение российского опыта позволяет отметить, что в большей степени независимая оценка качества подготовки выпускника реализована в системе здравоохранения, где действует отраслевая система оценки квалификаций: после того как выпускник получает диплом об образовании, он вступает в систему оценки квалификаций и, таким образом, происходит его вхождение в профессию. В отраслевой рамке квалификаций системы здравоохранения представлен механизм доступа к профессии врача [4]. Опыт оценки квалификации в представлен в отдельных сферах российской экономики: в области туризма и сервиса [5], в сфере государственной и муниципальной службы [6], в сфере строительства [7], в сфере экономики и финансов [8], в сфере транспортировки нефтепродуктов [9], в сфере наноиндустрии [10]. В ядерной отрасли известен опыт участия выпускников ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»» в системе сертификации квалификаций [11].

Применительно к сфере образования имеются отдельные публикации. Возможности оценки квалификаций преподавателей и мастеров производственного обучения учреждений среднего профессионального образования рассматриваются в статье М.В. Гончаровой [12]. Независимую оценку квалификации преподавателей вузов исследуют С.И. Сотникова [13, 14], а также Л.В. Каширская и А.А. Ситнов [15]. Независимой оценке квалификаций выпускников учреждений среднего педагогического образования посвящены публикации Н.Г. Никокошевой и Г.В. Куприяновой, в которых определены основные направления проектирования системы независимой оценки компетенций и квалификаций выпускников образовательных органи-

заций среднего профессионального педагогического образования, перечень требующих решения проблем, возможные риски, а также анонсирован эксперимент по сертификации выпускников педагогического колледжа с участием работодателей [16].

Принятие новых профессиональных стандартов, переход вузов на самостоятельно утверждаемые образовательные стандарты, разнообразие процедур государственной итоговой аттестации выпускников указывает на необходимость разработки механизма независимой оценки квалификации выпускника вуза. Специфика независимой оценки квалификаций обучающихся по педагогическим направлениям подготовки связана с возможностью, предоставленной Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [17], который позволяет студентам старших курсов, обучающихся по специальностям и направлениям подготовки «Образование и педагогические науки», преподавать в школе. Заниматься педагогической деятельностью по дополнительным общеобразовательным программам могут студенты после 2-го курса, по основным общеобразовательным программам – после 3-го. Обсуждение проблемы с работодателями – руководителями образовательных организаций, показало, что с одной стороны, они заинтересованы в специалистах. С другой стороны, у руководителей школ и родителей школьников возникает вопрос, насколько соответствует профессиональному стандарту педагога студент после 3-го курса педагогического вуза. На сегодня это самое сложное поле, в котором работает ПГГПУ.

С одной стороны, данное поле имеет достаточно сильное регулирование со стороны федерального центра, с другой – организационные, содержательные и ценностно-мотивационные аспекты данной процедуры недостаточно проработаны. Соответственно, актуальна разработка концепции независимой оценки квалификации выпускников педагогических направлений подготовки.

Разработанность проблемы в науке. Независимая оценка квалификаций выпускников рассматривается нами как аспект независимой оценки качества образования. Историческая ретроспектива проблемы независимой оценки качества образования описана нами ранее. Отмечено, что независимая оценка квалификации представлена в научных публикациях применительно к системе среднего профессионального образования, довузовской подготовки [18].

Отметим, что проблема независимой оценки квалификации выпускников выходит за пределы сферы образования и собственно педагогических исследований. К настоящему времени определяются общенациональные управленческие основания для разработки интересующего нас вопроса. Общие проблемы сертификации квалификаций рассмотрены в статье Т.Н. Ананьевой, Г.И. Илюхиной, Б.А. Савельева [19]. В статье Е.В. Гольбан описаны назначение, функции, процедуры оценки в отраслевых центрах оценки и сертификации квалификаций [20]. На необходимость создания всероссийского уполномоченного органа в системе оценки и сертификации квалификаций указывают А.И. Тихонов и Д.В. Гришин [21]. Проблемы

организации деятельности центров оценки квалификаций как инструмента оценки качества образования рассматривает Е.В. Орлова [22].

Анализ диссертаций и авторефератов диссертаций по специальности 13.00.00, размещенных в Российской государственной библиотеке с 2016 по 2020 г., показал, что из 325 источников выделяются работы шести авторов, затрагивающие проблему оценки качества образования или оценки квалификаций.

Авторы диссертаций на соискание ученой степени доктора педагогических наук разрабатывают важные методологические и теоретические аспекты. Описанный Е.Ю. Левиной подход к трактовке качества образования представляется ценным с общепедагогической точки зрения. Исследуя систему управления развитием высшего образования на основе информационно-когнитивного подхода, указанный автор вводит термин «агенты» образования (лица, причастные к организации высшего образования или заинтересованные в его результативности) и обосновывает определение понятия «качество образования» как оптимальный способ обеспечения баланса интересов и потребностей его агентов [23].

Идея З.О. Кекеевой о влиянии саморазвивающейся среды вуза на профессиональное становление педагога актуальна в профессионально-педагогическом аспекте [24]. Автор соотносит культурно-образовательную среду университета с процессами происхождения, становления и развития таких компонентов квалификаций, отмеченных в профессиональных стандартах, как трудовые действия и трудовые функции.

Н.А. Ноздрина представляет результаты исследования методологических, теоретических и методических основ процесса дидактического управления профессиональной организацией технического профиля, включая постановку проблемы формирования компетенций и профессиональных квалификаций, демонстрационный экзамен в условиях реального производства [25]. Работа Н.А. Ноздриной интересна с точки зрения общих подходов, но не учитывает специфику педагогических направлений подготовки.

Отдельные диссертационные исследования, представленные на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, обращены к проблемам оценки в вузах. В диссертации Т.П. Рубцовой рассматриваются вопросы формирования готовности преподавателя к проведению внутривузовского мониторинга качества обучения студентов [26]. Исследование О.Б. Руссковой посвящено инновационной сквозной технологии оценивания результатов обучения студентов учреждений среднего профессионального образования технического профиля [27]. Н.А. Аносова представляет результаты исследования таких процедур независимой оценки, как профессионально-общественная экспертиза программ дополнительного профессионального образования [28].

Таим образом, проведенный анализ опыта независимой оценки квалификаций, научных публикаций и диссертационных работ показал, что проблема независимой оценки квалификации выпускников, освоивших программы высшего образования по педагогическим

направлениям подготовки, остается мало исследованной. Сохраняется эклектичность представлений и фиксируется отсутствие методологического единства в вопросах независимой оценки квалификации выпускников. С учетом изученного международного опыта, выявленной российской специфики, базируясь на выделенных аспектах актуальности в социальном, теоретическом, методологическом, методическом и практическом планах, в ПГГПУ разрабатывается концепция независимой оценки квалификации выпускников, освоивших программы высшего образования по педагогическим направлениям подготовки (далее – Концепция).

Методология и методы исследования

Общенаучной методологической базой в процессе подготовки настоящей публикации выступили труды А.М. Новикова и Д.А. Новикова, определяющих понятие концепции как ключевую идею (концептуальная идея) и как совокупность положений, принципов, факторов, условий, механизмов и т.п. (концептуальные положения) [29].

Методологическим общепедагогическим основанием проведенного исследования являются представления Е.Ю. Левиной, в которых сущность качества высшего образования рассматривается как фактор развития в контексте государственно-общественного управления образованием. В этой логике качество высшего образования, обеспечивающее конкурентоспособность системы высшего образования, рассматривается через баланс интересов и потребностей всех агентов образования (лиц, участвующих в процессе реализации высшего образования и заинтересованных в нем).

Базой нашего исследования выступает также ценностно-мотивационный подход в управлении качеством высшего образования, описанный А.А. Факторович, включающий такие формы, как работа проектных команд, пошаговое проектирование образовательного процесса, независимая аттестация студентов, вовлечение студентов в экспертизу качества образовательного процесса [30].

Специфика профессиональной подготовки педагогических кадров строится на основании работ З.О. Кекеевой, подчеркивающей связь между культурно-образовательной средой педагогического вуза и процессом формирования компетенций и профессиональных квалификаций будущего учителя.

В проведенном исследовании мы также опирались на такое понятие теории управления, как парадигма рынка квалификаций на современном рынке труда, обоснованное В.И. Кирищевой [31]. Сущность парадигмы рынка квалификаций заключается в специфической целевой установке и функциях, реализуемых на основе принципов независимости, согласованности интересов, открытости и объективности с определением взаимодействия субъектов и объектов в институциональной среде рынка квалификаций.

Опытно-экспериментальная работа включала метаанализ педагогической, психологической, управленческой и социологической литературы по вопросу неза-

висимой оценки выпускников. Проведен контент-анализ научных публикаций по теме исследования. Использованы абстрагирование и конкретизация для формирования элементов Концепции, моделирование для выделения концептуальных оснований.

Основная часть

Дизайн исследования предполагает выделение двух аспектов с целью получения характеристики элементов разрабатываемой Концепции. *Ключевая идея Концепции*: фокус внимания при разработке Концепции обращен на исследование механизмов независимой оценки квалификации выпускников педагогических направлений подготовки как инструмента гарантии качества. Гарантии качества обеспечиваются в данном случае за счет установления соответствия подготовки выпускников: 1) результатам освоения образовательных программ (learning outcomes), описанным на уровне ФГОС ВО в формате компетенций; 2) требованиям профессионального стандарта педагога, описанным посредством трудовых функций, конкретизированным через обобщенные трудовые функции, трудовые действия, необходимые умения и знания.

Указанное соответствие устанавливается путем сертификации квалификации выпускников педагогических направлений подготовки. Следует отметить, что утвержденные в настоящее время профессиональные стандарты педагога выглядят для современного работодателя и выпускника вуза достаточно сложным документом и, в некоторой степени, идеалистичным [32, 33]. Процедура независимой оценки квалификации выпускника позволит соотнести положения профессионального стандарта с объективно существующей ситуацией и наметить направления развития выпускнику, вузу, работодателю.

Основные положения Концепции.

Нормативные рамки в структуре Концепции, заданные на федеральном уровне. На уровне Российской Федерации разработан ряд нормативных документов, описывающий правовое поле и устанавливающий границы исследования.

Федеральный закон от 03.07.2016 № 238 «О независимой оценке квалификации» [34] дает определение данному понятию: «...независимая оценка квалификации работников или лиц, претендующих на осуществление определенного вида трудовой деятельности (далее независимая оценка квалификации) – процедура подтверждения соответствия квалификации соискателя положениям профессионального стандарта или квалификационным требованиям, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, проведенная центром оценки квалификаций».

Независимая оценка квалификации проводится центром оценки квалификаций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Центр оценки квалификаций – один из элементов национальной системы квалификаций. Данная система многослойна и включает в себя следующие элементы:

- совет по квалификациям при Президенте Российской Федерации;
- советы по определенным областям профессиональной деятельности, которые уже созданы по многим отраслям экономики России;
- национальное агентство по развитию квалификаций (НАРК);
- центры оценки квалификаций.

На федеральном уровне разработан и утвержден значительный объем документов, регулирующих деятельность центров оценки квалификации:

- методические рекомендации по организации деятельности центров;
- типовые требования к центру оценки квалификации, в которых содержится ответ на вопросы: какая организация может стать таким центром, почему система высшего образования или университет не может создавать подобный центр внутри себя;
- требования к экспертам;
- методика подсчета финансовых затрат деятельности центра;
- требования к проведению экзаменов, организации деятельности апелляционной комиссии и т.д.

Важным условием деятельности центров является добровольный порядок прохождения независимой оценки квалификации. На ближайшую перспективу заявлено, что оценка проводится добровольно по желанию непосредственно соискателя либо за его счет средств соискателя, либо за счет работодателя, юридических лиц по направлению работодателя.

Оценка квалификации происходит в форме профессионального экзамена, который сдает соискатель. Соискателю, успешно сдавшему экзамен, в течение 30 дней выдается свидетельство о квалификации, а в случае получения неудовлетворительной оценки – заключение о прохождении профессионального экзамена, в которое включаются определенные рекомендации соискателю.

Свидетельство о квалификации выдает Совет по профессиональным квалификациям. Документ, который получает соискатель, успешно завершивший процедуру независимой оценки, содержит следующую информацию о полученной квалификации:

- соответствие определенному профессиональному стандарту;
- соответствие определенной группе профессий.

Следовательно, соответствие квалификации соискателя образовательным результатам, установленным ФГОС ВО, закладывается в таких типовых документах, как данное свидетельство.

Таким образом, рамки деятельности центра оценки квалификаций заданы совокупностью определенных нормативных документов и методических рекомендаций, которые следует учитывать в процессе разработки Концепции и ее реализации.

Инновационные компоненты Концепции могут быть представлены как характеристики участников, описание условий, ценностно-мотивационного компонента, направлений, содержательных линий и методов оценки, инструментария, содержательного описания профессиональных преимуществ и дефицитов,

рефлексивного и результативного компонентов, механизмов реализации Концепции.

Характеристика участников. Независимая оценка квалификаций предлагается двум категориям участников:

- учителя / педагогические работники образовательных организаций;
- студенты / выпускники, желающие улучшить стартовые позиции при устройстве на работу.

Отличительной особенностью Концепции является независимая оценка качества образования через процедуру сертификации квалификаций выпускников-бакалавров по педагогическим направлениям подготовки. Независимая система оценки квалификаций встраивается в систему высшего образования на этапе итоговой государственной аттестации.

Условия. Выделяются следующие условия проведения независимой оценки квалификаций.

- оценка квалификаций проводится на базе независимой организации;
- для проведения процедур независимой оценки необходима специальная подготовка экспертов;
- цифровая среда независимой оценки обеспечивает удобство реализации и прохождения оценочных процедур для соискателей и экспертов на собственной онлайн-платформе.

Мотивационные составляющие. Являясь добровольной процедурой, независимая оценка квалификаций предлагается с учетом мотивов дальнейшего профессионального развития:

- для учителей, которые хотели бы попробовать себя в новой роли: тьютор, советник по воспитательной работе, учитель-наставник и др.;
- для учителей, которые не согласны с существующей оценкой их труда и хотели бы получить объективную оценку;
- для учителей, сменивших место жительства и переехавших в другой субъект Российской Федерации;
- для работодателей, которые хотели бы получить объективную оценку квалификаций действующих и будущих сотрудников в целях эффективного использования и планирования кадрового потенциала;
- для вуза, который заинтересован в получении объективных оснований пересмотра и обновления образовательных программ, повышении престижности и востребованности программ, создании предпосылок для увеличения заказа на целевую подготовку выпускников;
- для обучающихся (выпускников), с целью получения документа, обеспечивающего вход в профессию.

Направления деятельности. Отметим, что сам факт независимой оценки квалификаций не влечет за собой изменения объекта оценки. За оценкой всегда следуют суждения и решения, внесение корректив в деятельность организации или педагога. Следовательно, целесообразно выделить два основных направления деятельности центра независимой оценки:

- выявление образовательных дефицитов: независимая оценка помогает образовательной организации

высшего образования координировать подходы на основе ФГОС ВО и профессиональных стандартов. Такая оценка помогает определить направления модернизации результатов, структуры и содержания образовательных программ, технологий обучения;

- сопровождение педагогов, выпускников в профессиональном развитии. Дальнейшая задача центра – сопровождать выпускников педагогических направлений подготовки в развитии профессиональных компетенций.

Содержательные линии и методы оценки. Независимая оценка квалификаций в форме квалификационных экзаменов будет построена по двум содержательным линиям: проведение квалификационного экзамена в части определения соответствия теоретической и практической готовности соискателя к реализации профессиональной деятельности.

Теоретическая часть квалификационного экзамена предполагает выявление теоретических знаний и логики рассуждения, оценку сформированности профессиональных компетенций педагога. Методы: задания проектного типа, решение кейс-заданий.

Практическая часть включает в себя установление практического опыта, правильности и качества выполнения профессиональных действий и готовности к выполнению соответствующих обобщенных трудовых функций в целом. Методы: оценка результатов и продуктов практической деятельности, оценка выполнения проекта и анализ портфолио результатов.

В основу контрольно-измерительных материалов двучастного квалификационного экзамена положен профессиональный стандарт. Экспертной группой ведется работа по подготовке контрольно-измерительных материалов, таких как кейс-задачи, задания проектного типа, критерии оценки и др.

Инструментарий содержательного описания профессиональных преимуществ и дефицитов. Выявленные в процессе независимой оценки квалификаций результаты выполнения требований профессиональных стандартов представляются в форме карты компетенций выпускника. Карта компетенций предоставляется обучающемуся в дополнение к диплому об образовании. Такое дополнительное приложение к диплому выступит содержательной формой представления результатов оценки выпускника на соответствие требованиям профессионального стандарта, в то время как отметки в 5-балльной системе в действующем приложении к диплому о высшем образовании не содержат указанную информацию.

Рефлексивный компонент. Рефлексивный компонент отражает действия с результатами независимой оценки квалификации, которые выполняет участник независимой оценки квалификации (учитель, выпускник вуза), вуз, работодатель. По итогам независимой оценки квалификаций должен быть проведен многофакторный анализ выявленных дефицитов и преимуществ дальнейшего профессионального развития. В первую очередь требуется выявить этапы, на которых проявляются дефицитные знания, умения и навыки выпускников (учителей): теоретическая или демонстрационная часть экзамена, профессиональные пробы. Полученные результаты могут являться основой

программы постдипломного профессионального сопровождения выпускника, реализация которой возможна при комплексном взаимодействии вуза и образовательной организации, в которой трудоустроен выпускник, на основе развития практики наставничества. Рефлексивный компонент может быть связан с возможностями построения индивидуального образовательного маршрута для студента или индивидуальной траектории профессионального развития для учителя. В вузе рефлексивный компонент будет выступать основой для выбора в ситуации открытого профиля. Заказчиком индивидуальной траектории профессионального развития, индивидуального образовательного маршрута или второго профиля выступает работодатель.

Если рассматривать дальнейшее развитие описываемой Концепции, то представляется целесообразным включение в структуру аттестации обучающихся по основной образовательной программе предпрофессионального экзамена по результатам освоения 3-го курса обучения при реализации 5-летних программ (двухпрофильного бакалавриата). Внедрение такого экзамена в структуру образовательной программы позволит определить профессиональные дефициты обучающегося до его выпуска из вуза и на данной основе построить индивидуальную образовательную траекторию в рамках 4–5-х курсов в целях подготовки к решению задач профессиональной деятельности с учетом требований работодателей, в том числе потенциальных заказчиков целевого обучения.

Составленная таким образом индивидуальная программа может содержать эффективные модули, ориентированные на освоение дефицитарных профессиональных компетенций (Minor-programs), производственную практику в форме стажировки в образовательной организации, являющейся заказчиком или местом трудоустройства обучающегося, в том числе на условиях договора о целевом обучении, реализацию проектной деятельности в рамках выполнения выпускной квалификационной работы в форме стартапа и перспективой его внедрения в практику деятельности образовательной организации.

Результативный компонент. Результативный компонент отражает возможности использования данных оценки квалификаций учредителем вуза, а также уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные Российской Федерацией полномочия по государственному контролю (надзору) в сфере образования в качестве результатов внешней независимой оценки качества образования по реализуемым вузом основным образовательным программам. Введение результативного компонента в Концепцию связано, прежде всего, с совершенствованием системы государственной аккредитации образовательных организаций, реализующих программы высшего образования, которые инициированы Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Обсуждение предложений

по изменению процедуры касается ее упрощения при условии обеспечения качества достигнутых результатов.

В настоящее время государственная аккредитация образовательной деятельности обращается к двум аспектам деятельности образовательной организации:

- экспертиза содержания реализуемых образовательных программ на предмет соответствия ФГОС ВО;

- оценка качества подготовки выпускников.

В рамках действующих нормативных документов, регламентирующих порядок государственной аккредитации образовательной деятельности, оценка качества подготовки выпускников, как правило, осуществляется на основании тестирования, анкетирования, собеседований и других подобных методов исследования. В то же время в соответствии с действующим Положением о государственной аккредитации образовательной деятельности, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 18.11.2013 № 1039 «О государственной аккредитации образовательной деятельности» [35], при проведении данной процедуры учитываются сведения о независимой оценке качества подготовки обучающихся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по заявленным к государственной аккредитации образовательным программам. Считаем целесообразным предусмотреть в модели государственной аккредитации возможность учета результатов независимой оценки квалификации выпускников вуза. Такая логика позволит комплексно рассмотреть результаты подготовки выпускников, включая результаты освоения образовательной программы (теоретическая часть) и готовность выпускников к решению задач профессиональной деятельности (практическая часть).

Механизм реализации Концепции. Разработанные элементы Концепции проходят пилотную апробацию на базе АНО «Научно-общественное объединение «Капитал развития» (г. Пермь), которая участвует в реализации национального проекта «Образование» и федерального проекта «Учитель будущего» при поддержке Министерства образования и науки Пермского края. В плане (дорожной карте) реализации проекта на 2020/21 учебный год установлен целевой показатель проведения независимой оценки квалификаций с участием 400 соискателей, в том числе из числа выпускников ПГПУ.

Заключение

Таким образом, актуальность независимой оценки квалификаций выпускников педагогических направлений подготовки определяется социально-экономическими условиями, а также необходимостью совершенствования механизмов федерального государственного контроля качества образования. Основываясь на результатах исследования, можно выделить следующие концептуальные основания: 1) наличие нормативных рамок в структуре независимой оценки квалификаций выпускников; 2) инновационная составляющая (отражающая уникальность происходящей оценки и образовательного учреждения). Норматив-

ные рамки в структуре Концепции, заданные на федеральном уровне, содержат: законодательство и нормативно-правовые документы; требования; методики; методические рекомендации. Инновационными компонентами Концепции выступают: характеристики участников; условия; мотивационные составляющие; направления деятельности; содержательные линии и методы оценки; инструментарий содержательного описания профессиональных преимуществ и дефицитов; рефлексивный компонент; результативный компонент; механизм реализации Концепции.

Разрабатываемая Концепция позволяет рассмотреть независимую оценку квалификаций выпускников

педагогических направлений подготовки как инструмент гарантии качества через сопоставление результатов освоения образовательной программы с требованиями ФГОС ВО и профессиональных стандартов. Апробированные концептуальные основания могут быть использованы для повышения удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников, обеспечения условий развития государственно-общественных форм участия в совершенствовании сферы образования, создания предпосылок для достижения высокого качества высшего педагогического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный проект «Образование». Раздел официального сайта Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/> (дата обращения: 05.01.2021).
2. Основные принципы национальной системы профессионального роста педагогических работников Российской Федерации, включая национальную систему учительского роста. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2019 года № 3273-р. URL: <http://government.ru/docs/38760> (дата обращения: 05.01.2021).
3. Национальное агентство развития квалификаций. Официальный сайт. URL: <https://nark.ru/knowledge-base/section13357/> (дата обращения: 05.01.2021).
4. Отраслевая рамка квалификаций в здравоохранении. Проект. URL: https://scardio.ru/content/activities/2018/ORZ/Proekt_ORKZ_itogi.pdf (дата обращения: 05.01.2021).
5. Зайцева Н.А. Процедура оценки и сертификации квалификаций в области туризма и сервиса: верификация измерительных материалов и критериев оценки // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 2. С. 18–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17730310> (дата обращения: 05.01.2021).
6. Блудова С.Н., Филимонова Е.В. Центры оценки как перспективный метод оценки квалификации государственных и муниципальных служащих // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3 (23). С. 17–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30019792> (дата обращения: 05.01.2021).
7. Тимофеева А.Ю., Гусарова М.С. Анализ практики и оценка перспектив реализации государственных мер по оценке квалификации // Проблемы управления речными бассейнами при освоении Сибири и Арктики в контексте глобального изменения климата планеты в XXI веке : сб. докл. XIX Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2017. С. 186–190. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37064999> (дата обращения: 05.01.2021).
8. Павлова К.С., Черноусова К.С. Независимая оценка квалификации как фактор повышения качества образовательных услуг в сфере экономики и финансов // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 1220–1224. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35176117> (дата обращения: 05.01.2021).
9. Ченцов А.Н., Симарова И.С., Алексеевичева Ю.В., Блинецов Р.С. Независимая оценка квалификации: участники системы, инструменты оценки и этапы их разработки // Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов. 2018. Т. 8, № 5. С. 592–599. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36322781> (дата обращения: 05.01.2021).
10. Каранский В.В., Крюкова О.А., Саврук Е.В., Троян П.Е. Независимая оценка качества образования через систему центров оценки квалификации // Современные тенденции развития непрерывного образования: вызовы цифровой экономики : материалы междунар. науч.-метод. конф. Томск : ТУСУР, 2020. С. 142–144. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42775448> (дата обращения: 05.01.2021).
11. Жусупова Г.М., Силенко А.Н. Рынок труда: проблемы качества оценочных средств при проведении независимой оценки квалификации в сфере атомной энергии // Право, экономика и управление: от теории к практике : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / гл. ред. Г.Н. Петров. Чебоксары : Среда, 2020. С. 159–163. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42970460&> (дата обращения: 05.01.2021).
12. Гончарова М.В. На стыке технологии оценки в образовании и бизнесе: оценка квалификации преподавателей и мастеров производственного обучения // Педагогические измерения. 2016. № 2. С. 98–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26684879> (дата обращения: 05.01.2021).
13. Сотникова С.И. Новый контур оценки кадрового обеспечения высшего образования: независимая оценка квалификации преподавателей // Актуальные направления научной мысли: проблемы и перспективы : сб. материалов V Всерос. науч.-практ. (национальной) конф. Новосибирск, 2018. С. 259–272. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35652823> (дата обращения: 05.01.2021).
14. Сотникова С.И. Новый контур оценки конкурентоспособности научно-педагогических работников: независимая оценка квалификации // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 3 (115). С. 113–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36285523> (дата обращения: 05.01.2021).
15. Каширская Л.В., Ситнов А.А. Учетно-аналитическая оценка и аудит уровня квалификации персонала в оценке конкурентоспособности вуза // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 6. С. 64–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41716212> (дата обращения: 05.01.2021).
16. Никошова Н.Г., Куприянова Г.В. Независимая оценка компетенций и квалификаций выпускников образовательных организаций как проблема исследования оценки качества профессионального педагогического образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 5. С. 42–45. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26554622> (дата обращения: 05.01.2021).
17. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.01.2021).
18. Егоров К.Б., Захарова В.А. Проблема независимой оценки качества образования в исторической ретроспективе // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 3 (43). С. 51–59. URL: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/a26/Tom-11_-3-_iyul_sentyabr_.pdf (дата обращения: 05.01.2021).
19. Ананьева Т.Н., Илюхина Г.И., Савельев Б.А. Создание системы независимой оценки качества образования – основа сертификации квалификаций // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 5 (15). С. 14–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13069742> (дата обращения: 05.01.2021).
20. Гольбан Е.В. Отраслевые центры оценки сертификации и квалификаций: назначение, функции, процедуры оценки // Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. 2015. № 7 (36). С. 23–29. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23171607> (дата обращения: 05.01.2021).

21. Тихонов А.И., Гришин Д.В. Необходимость создания всероссийского уполномоченного органа в системе оценки и сертификации квалификаций // *Успехи современной науки и образования*. 2016. Т. 2, № 10. С. 73–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27430540> (дата обращения: 05.01.2021).
22. Орлова Е.В. Независимая оценка квалификаций как инструмент оценки качества образования // *Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика* : сб. науч. ст. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.А. Горохов. Курск, 2018. С. 256–258. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36405314> (дата обращения: 05.01.2021).
23. Левина Е.Ю. Система управления развитием высшего образования на основе информационно-когнитивного подхода : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2018. 46 с.
24. Кекеева З.О. Проектирование саморазвивающегося культурно-образовательного пространства университета : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Махачкала, 2016. 41 с.
25. Нозрина Н.А. Система дидактического управления образовательной организацией профессионального образования технического профиля : дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2020. 438 с.
26. Рубцова Т.П. Формирование готовности преподавателя к проведению внутривузовского мониторинга качества обучения студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2020. 22 с.
27. Русскова О.Б. Инновационная сквозная технология оценивания результатов обучения студентов : в системе среднего профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2018. 309 с. : ил.
28. Аносова Н.А. Профессионально-общественная экспертиза дополнительных профессиональных программ как инструмент оценки дополнительного профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018. 24 с.
29. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М. : Либроком, 2010. 280 с.
30. Факторович А.А. Методология ценностно-мотивационного управления качеством образования в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 45 с.
31. Киришичева В.И. Трудовые ресурсы хозяйствующего субъекта в условиях рынка квалификаций : формирование, развитие, оценка : дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2016. 260 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/01008526002> (дата обращения: 05.01.2021).
32. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (ред. от 05.08.2016) «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/ (дата обращения: 05.01.2021).
33. Приказ Минтруда России от 05.05.2018 № 298н «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог дополнительного образования детей и взрослых”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305809/ (дата обращения: 05.01.2021).
34. Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» от 03.07.2016 № 238-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/ (дата обращения: 05.01.2021).
35. Постановление Правительства РФ от 18.11.2013 № 1039 (ред. от 30.09.2020) «О государственной аккредитации образовательной деятельности» (вместе с «Положением о государственной аккредитации образовательной деятельности») // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154680/6ee98d42d10fd06ccbc4d49295f6e12b7b66372f/#dst100014 (дата обращения: 05.01.2021).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 февраля 2021 г.

Elements of the Conception of an Independent Assessment of Pedagogy Graduates' Qualification

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 193–202.

DOI: 10.17223/15617793/464/22

Konstantin B. Egorov, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: egorov@pspu.ru

Keywords: vocational education; pedagogical education; higher pedagogical education; qualification; assessment of graduate's qualification; certification in education; certification of qualifications.

The aim of the article is to describe the elements of the conception of an independent assessment of the qualifications of pedagogy graduates. The National Education Project sets the task of ensuring the global competitiveness of Russian education. The federal project “Teacher of the Future” aims to introduce a national system for teachers’ professional development. The author’s analysis of the literature on the problem showed that general problems of qualifications certification are being investigated. A number of publications describe the purpose, functions and procedures of qualifications assessment in assessment and certification centers. Scholars and practitioners point to the need to create an all-Russian authorized body in the qualifications assessment and certification system. The problems of organizing the activities of qualifications assessment centers as a tool for assessing the quality of education are considered. Publications considering the problem of qualifications assessment in various economy sectors, such as tourism and service, state and municipal service, construction, finance, petroleum products transportation and nanoindustry, are presented. Some works analyze the qualifications assessment of teachers and job training instructors of secondary vocational education institutions, and university staff. Several publications discuss the independent assessment of the qualifications of secondary pedagogical education institution graduates, but the problem of an independent assessment of the qualifications of higher pedagogical education program graduates remains little studied. Consequently, the development of a conception for an independent assessment of pedagogy graduates’ qualifications is relevant. The key idea of the conception the author presents is that the independent assessment of the qualifications of pedagogical training graduates is considered as a quality assurance tool. Quality assurance is achieved by comparing the results of mastering federal state higher educational standards and the requirements of professional standards. The author describes the elements of the conception: regulatory framework and innovative components. The regulatory framework in the conception structure is set at the federal level and contains legislation, requirements, methods, guidelines. The innovative conception components include the characteristics of the participants, conditions, motivational components and areas of activity, content lines and methods of assessment, a toolkit for a substantive description of professional advantages and disadvantages, reflexive and effective components, and a mechanism for implementing the conception. Specification and implementation of the conception are designated as a prospect of the research.

REFERENCES

1. Ministry of Education of the Russian Federation. (2021) *Natsional'nyy projekt “Obrazovanie”* [National project “Education”]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/national-project/> (Accessed: 05.01.2021).

2. Government of the Russian Federation. (2019) *Basic principles of the national system of professional development of teachers in the Russian Federation, including the national system of teacher development. Order of the Government of the Russian Federation of December 31, 2019, No. 3273-r.* [Online] Available from: <http://government.ru/docs/38760> (Accessed: 05.01.2021).
3. National Qualifications Development Agency. [Online] Available from: <https://nark.ru/knowledge-base/section13357/> (Accessed: 05.01.2021).
4. Scardio.ru. (2018) *Otraslevaya ramka kvalifikatsiy v zdoravookhraneni. Proekt* [Sectoral qualifications framework in health care. Project]. [Online] Available from: https://scardio.ru/content/activities/2018/ORZ/Proekt_ORKZ_itogi.pdf (Accessed: 05.01.2021).
5. Zaytseva, N.A. (2012) Protseduira otsenki i sertifikatsii kvalifikatsiy v oblasti turizma i servisa: verifikatsiya izmeritel'nykh materialov i kriteriev otsenki [The procedure for assessing and certifying qualifications in the field of tourism and service: verification of measuring materials and assessment criteria]. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa*. 2. pp. 18–25. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17730310> (Accessed: 05.01.2021).
6. Bludova, S.N. & Filimonova, E.V. (2017) Evaluation centers as a perspective method of estimation of qualification of state and municipal employees. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta*. 3 (23). pp. 17–20. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30019792> (Accessed: 05.01.2021).
7. Timofeeva, A.Yu. & Gusarova, M.S. (2017) [Analysis of practice and assessment of the prospects for the implementation of state measures for assessing qualifications]. *Problemy upravleniya rechnymi basseynami pri osvoenii Sibiri i Arktiki v kontekste global'nogo izmeneniya klimata planety v XXI veke* [Problems of river basin management in the development of Siberia and the Arctic in the context of global climate change of the planet in the 21st century]. Proceedings of International Conference. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37064999> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
8. Pavlova, K.S. & Chernosova, E.S. (2018) Nezavisimaya otsenka kvalifikatsii kak faktor povysheniya kachestva obrazovatel'nykh uslug v sfere ekonomiki i finansov [Independent assessment of qualifications as a factor in improving the quality of educational services in the field of economics and finance]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 8 (97). pp. 1220–1224. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35176117> (Accessed: 05.01.2021).
9. Chentsov, A.N., Simarova, I.S., Alekseevicheva, Yu.V. & Bliznetsov, R.S. (2018) Independent assessment of qualification: Participants in the system, assessment tools and their development phases. *Nauka i tekhnologii truboprovodnogo transporta nefiti i nefteproduktov – Science & Technologies: Oil and Oil Products Pipeline Transportation*. 8 (5). pp. 592–599. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36322781> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian). DOI: 10.28999/2541-9595-2018-8-5-592-599
10. Karanskiy, V.V., Kryukova, O.A., Savruk, E.V. & Troyan, P.E. (2020) [Independent assessment of the education quality with the system of assessment qualifications centers]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya: vyzovy tsifrovoy ekonomiki* [Modern trends in the development of lifelong education: challenges of the digital economy]. Proceedings of International Conference. Tomsk: TUSUR. pp. 142–144. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42775448> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
11. Zhusupova, G.M. & Silenko, A.N. (2020) [The labor market: problems of the quality of assessment tools in the conduct of an independent assessment of qualifications in the field of atomic energy]. *Pravo, ekonomika i upravlenie: ot teorii k praktike* [Law, Economics and Management: From Theory to Practice]. Conference Proceedings. Cheboksary: Sreda. pp. 159–163. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42970460> (Accessed: 05.01.2021).
12. Goncharova, M.V. (2016) At the business and education assessment technologies junction: Assessing the qualifications of teachers and vocational trainers. *Pedagogicheskie izmereniya*. 2. pp. 98–103. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26684879> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
13. Sotnikova, S.I. (2018) [A new contour for assessing the staffing of higher education: an independent assessment of faculty's qualifications]. *Aktual'nye napravleniya nauchnoy mysli: problemy i perspektivy* [Current directions of scientific thought: problems and prospects]. Conference Proceedings. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35652823> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
14. Sotnikova, S.I. (2018) New contour of assessment of competitiveness of scientific and pedagogical workers: Independent assessment of qualification. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 22:3(115). pp. 113–126. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36285523> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian). DOI: 10.15826/umpa.2018.03.031
15. Kashirskaya, L.V. & Sitnov, A.A. (2019) Accounting and analytical assessment and audit of the level of qualification of personnel in assessing the competitiveness of the university. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Economic Problems and Legal Practice*. 15 (6). pp. 64–69. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41716212> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
16. Nikoshcheva, N.G. & Kupriyanova, G.V. (2015) Nezavisimaya otsenka kompetentsiy i kvalifikatsiy vypusknikov obrazovatel'nykh organizatsiy kak problema issledovaniya otsenki kachestva professional'nogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Independent assessment of the competencies and qualifications of graduates of educational institutions as a problem of the study of assessing the quality of professional pedagogical education]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*. 5. pp. 42–45. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26554622> (Accessed: 05.01.2021).
17. Consultant Plus. (2012) *Federal Law “On Education in the Russian Federation” of December 29, 2012, No. 273-FZ.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
18. Egorov, K.B. & Zakharova, V.A. (2020) The historical retrospective of the problem of independent evaluation of education quality. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 11:3(43). pp. 51–59. [Online] Available from: https://www.mordgpi.ru/upload/iblock/a26/Tom-11_-3-_iyul_sentyabr_.pdf (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
19. Anan'eva, T.N., Ilyukhina, G.I. & Savel'ev, B.A. (2009) Independent quality assessment in education as the basis for the certification of qualifications. *Servis v Rossii i za rubezhom – Service in Russia and Abroad*. 5 (15). pp. 14–19. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13069742> (Accessed: 05.01.2021).
20. Gol'ban, E.V. (2015) Otraselevye tsentry otsenki sertifikatsii i kvalifikatsiy: naznachenie, funktsii, protsedury otsenki [Industry certification and qualifications assessment centers: purpose, functions, assessment procedures]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta menedzhmenta LINK*. 7 (36). pp. 23–29. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23171607> (Accessed: 05.01.2021).
21. Tikhonov, A.I. & Grishin, D.V. (2016) Neobkhodimost' sozdaniya vserossiyskogo upolnomochennogo organa v sisteme otsenki i sertifikatsii kvalifikatsiy [The need to create an all-Russian authorized body in the system of assessment and certification of qualifications]. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2 (10). pp. 73–77. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27430540> (Accessed: 05.01.2021).
22. Orlova, E.V. (2018) [Independent assessment of qualifications as a tool for assessing the quality of education]. *Instituty i mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya: mirovoy opyt i rossiyskaya praktika* [Institutes and mechanisms of innovative development: world experience and Russian practice]. Proceedings of International Conference. [Online] Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36405314> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
23. Levina, E.Yu. (2018) *Sistema upravleniya razvitiem vysshego obrazovaniya na osnove informatsionno-kognitivnogo podkhoda* [Management system for the development of higher education based on the information-cognitive approach]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Kazan.
24. Kekeeva, Z.O. (2016) *Proektirovaniye samorazvivayushchegosya kul'urno-obrazovatel'nogo prostranstva universiteta* [Designing a self-developing cultural and educational space of the university]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Makhachkala.
25. Nozrina, N.A. (2020) *Sistema didakticheskogo upravleniya obrazovatel'noy organizatsiey professional'nogo obrazovaniya tekhnicheskogo profilya* [The system of didactic management of the educational organization of vocational education of a technical profile]. Pedagogy Dr. Diss. Kazan.

26. Rubtsova, T.P. (2020) *Formirovanie gotovnosti prepodavatelya k provedeniyu vnutrivuzovskogo monitoringa kachestva obucheniya studentov* [Formation of the teacher's readiness to conduct intra-university monitoring of the quality of student learning]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Samara.
27. Russkova, O.B. (2018) *Innovatsionnaya skvoznaya tekhnologiya otsenivaniya rezul'tatov obucheniya studentov: v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya* [Innovative end-to-end technology for assessing student learning outcomes: in the system of secondary vocational education]. Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
28. Anosova, N.A. (2018) *Professional'no-obshchestvennaya ekspertiza dopolnitel'nykh professional'nykh programm kak instrument otsenki dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Professional and public examination of additional professional programs as a tool for assessing additional professional education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg.
29. Novikov, A.M. & Novikov, D.A. (2010) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Research methodology]. Moscow: Librokom.
30. Faktorovich, A.A. (2012) *Metodologiya tsennostno-motivatsionnogo upravleniya kachestvom obrazovaniya v vuze* [Methodology of value-motivational management of the quality of education at a university]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
31. Kirishchieva, V.I. (2016) *Trudovye resursy khozyaystvuyushchego sub"ekta v usloviyakh rynka kvalifikatsiy: formirovanie, razvitie, otsenka* [Labor resources of an economic entity in a qualifications market: formation, development, assessment]. Economics Cand. Diss. Rostov-on-Don. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/01008526002> (Accessed: 05.01.2021).
32. Consultant Plus. (2016) *Order of the Ministry of Labor of Russia of October 18, 2013, No. 544n (as amended on August 5, 2016): On the approval of the professional standard "Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/ (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
33. Consultant Plus. (2018) *Order of the Ministry of Labor of Russia of May 05, 2018, No. 298N: On the approval of the professional standard "Teacher of additional education for children and adults"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305809/ (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
34. Consultant Plus. (2016) *Federal Law "On Independent Assessment of Qualifications" of July 03, 2016, No. 238-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/ (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).
35. Consultant Plus. (2020) *Decree of the Government of the Russian Federation of November 18, 2013, No. 1039 (as amended on September 30, 2020) "On state accreditation of educational activities" (together with "Regulations on state accreditation of educational activities")*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154680/6ee98d42d10fd06ccbc4d49295f6e12b7b66372f/#dst100014 (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).

Received: 12 February 2021

А.Н. Захарова, Ю.А. Карвунис, Л.В. Капилевич

МОНИТОРИНГ И МЕНЕДЖМЕНТ ЗДОРОВЬЯ, ОБРАЗА ЖИЗНИ И ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья написана в рамках научного проекта (8.1.40.2020), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Представлен критический анализ и оценка современного состояния зарубежного опыта мониторинга и менеджмента здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи. Авторы приходят к выводу, что современные подходы к мониторингу и управлению здоровьем основаны в большей степени на социально-гуманитарных, чем на медицинских принципах и предусматривают активное вовлечение молодежи в самоосознание ценности своего здоровья и социальную ответственность за него.

Ключевые слова: здоровье; здоровый образ жизни; движение; воспитание; мотивация; студенты.

Введение

Ухудшение здоровья населения России сегодня рассматривается не только как медицинская, но в первую очередь – как социальная проблема. Вопросы профилактики социально значимых заболеваний, сохранения здоровья во всех возрастных группах, сохранения трудоспособности имеют стратегическое значение для страны во всех аспектах – экономическом, социальном, геополитическом. Факторы социальной среды значительно влияют на физическое и психическое здоровье людей. В свою очередь, здоровье людей трудоспособного возраста во многом определяет состояние экономики страны, темпы и характер экономического развития [1, 2].

Регулярная физическая активность и здоровое питание являются эффективным средством профилактики хронических неинфекционных заболеваний [3]. Профилактические мероприятия являются частью здравоохранения во всем мире, включая США [4], Нидерланды [5], Австралию [6], Швецию и Великобританию [7]. Начиная с 2010 г. значительно увеличилось количество исследований по оценке эффективности мероприятий, направленных на здоровый образ жизни [4–6]. Повышенное внимание к этому вопросу в политике общественного здравоохранения как на глобальном, так и на национальном уровне является ключевым фактором, способствующим такому внезапному росту исследований.

Цель работы – критический анализ и оценка современного состояния зарубежного опыта мониторинга и менеджмента здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи.

1. Мониторинг здоровья и образа жизни

1.1. Показатели здоровья и благополучия молодежи. Здоровье человека характеризуется тремя компонентами: показателями текущего состояния здоровья, устойчивости здоровья и благополучия [8].

Первый компонент: оценка текущего состояния здоровья. Чаще всего используется показатель продолжительности жизни с поправкой на инвалидность в качестве показателя текущего состояния здоровья

[1]. Чтобы определить степень бремени того или иного заболевания, в рамках проекта «Глобальное бремя болезней» было обследовано около 30 тыс. человек в Бангладеш, Индонезии, Перу, Танзании и США. Респондентам были представлены пары состояний, и их попросили выбрать состояние, которое представляет собой большее бремя болезни. Человек с поражением спинного мозга теряет около двух третей здорового года из-за своего состояния, в то время как человек с легким нарушением зрения вдаль теряет более одного дня здоровой жизни.

Второй компонент: оценка устойчивости здоровья. Показатель устойчивости здоровья включает отчеты участников о шести видах поведения, связанных со здоровьем, индекс клинических профилактических услуг, который указывает на соблюдение мер по профилактике. Шесть видов поведения включают в себя следующие: употребление табака, потребление фруктов и овощей, физическая активность, употребление алкоголя, полноценный сон и социальная активность. Например, употребления табака и алкоголя, несоблюдение диеты и низкий уровень физической активности в совокупности являются причиной примерно 40% всех смертей в Соединенных Штатах [9]. Целенаправленное воздействие на данные 6 компонентов может способствовать улучшению здоровья.

Третий компонент здоровья: оценка субъективного благополучия. Психическое здоровье – это больше чем отсутствие психических заболеваний, и оно не зависит от отсутствия физического заболевания. Признаками хорошего психического здоровья являются комфорт и удовлетворение жизнью. «Человек в комфорте» имеет соответствующее мышление, при котором положительные эмоции помогают преодолеть отрицательное влияние внешней среды. Помимо ценности для самого человека, удовлетворенность жизнью важна для всего общества. Например, люди, которые сообщают о высоком уровне удовлетворенности жизнью, обычно сообщают и о более высокой общей производительности, более низких затратах на здравоохранение и лекарства и более высоком уровне приверженности поведению, которое способствует укреплению здоровья. Помимо положительного влияния комфорта на качество жизни, удовлетворенные

люди имеют значительно более низкий риск смерти, чем другие люди, даже после поправки на известные факторы риска [10].

Благополучие – это целостная, позитивно сформулированная концепция, которая объединяет физические, умственные, эмоциональные, социальные, финансовые, общественные и другие аспекты жизни. Результаты нескольких исследований сходятся в том, что более высокий уровень благополучия ведет к более длительной и здоровой жизни.

Определение здоровья и благополучия в программе 100MLives включает два компонента здоровья (физическое здоровье и психическое здоровье) и три компонента благополучия (оценочное благополучие, эмоциональное благополучие, смысл и цель). В литературе эмоциональное благополучие также называется гедонистическим благополучием, а смысл и цель называется эвдемоническим благополучием.

Благополучие связано с большей продолжительностью жизни. Более того, ряд исследований по всему миру показали взаимосвязь между благополучием и здоровьем, включая влияние на долголетие. Удовлетворенность жизнью связана с более низкой смертностью. Анализ данных английского исследования показал, что благополучие было связано с увеличением жизни в течение среднего периода наблюдения 8,5 лет. Эти результаты не зависели от возраста, пола, демографических факторов и исходных психических показателей и физического здоровья [10].

Наибольшие различия в уровне благополучия в среднем возрасте соответствуют тенденциям более высокой смертности. Кроме того, были проведены два отдельных метаанализа, каждый, включал данные примерно 35 тыс. человек. Было обнаружено, что более высокое благополучие связано с более низкой смертностью, в том числе и от сердечно-сосудистых заболеваний среди здоровых лиц [10].

В целом положительный эффект благополучия был значительнее среди здорового населения, но оказывал меньшее влияние среди больных. Более высокое благополучие было связано с более низкой вероятностью развития диабета, в то время как более низкий уровень благополучия приводит к развитию сердечно-сосудистых заболеваний и увеличению смертности. Благополучие также является показателем более низких расходов на здравоохранение и более низкого уровня использования лекарств [8].

Фактические данные свидетельствуют о том, что высокий уровень благополучия ведет к большему соблюдению мер по поддержанию здоровья. Более высокое благополучие было связано с регулярной физической активностью и приемом пищи. Принятие такого здорового образа жизни может быть одним из механизмов, с помощью которых более высокое благополучие ведет к более продолжительной и здоровой жизни. Кроме того, здоровое поведение – это ключевые промежуточные факторы для сохранения здоровья. Благополучие является важным показателем долгосрочного здоровья, содействие благополучию может помочь сохранить здоровье людей на более длительный период времени. Свидетельства из ряда небольших исследований показывают, что можно улуч-

шить самочувствие с помощью позитивной психологической атмосферы [10].

1.2. Образ жизни и поведение молодежи – факторы риска. Неправильное питание, отсутствие физической активности или употребление психоактивных веществ часто развиваются или усиливаются в молодом возрасте [11, 12], что может иметь последствия для здоровья в зрелом возрасте [13] и увеличивать частоту заболеваний и смертность в пожилом возрасте [14]. К сожалению, многие молодые люди не следуют правилам поведения для сохранения здоровья. Показатели распространенности нездорового поведения среди молодежи варьируются от 5,0 до 88,5% [15].

Исследования поведения, связанного с множественным риском для здоровья, в США, Канаде [16], Австралии [17] и Европе [15, 18] часто оценивали сочетание курения, употребления алкоголя, диеты и физической активности. Эпидемиологические исследования у взрослых показывают, что несколько видов поведения, сопряженных с риском для здоровья, могут существенно увеличить риски для здоровья [19–21]. Понимание закономерностей поведения молодежи, связанного с риском для здоровья, может способствовать более успешной и целенаправленной профилактике.

Для объяснения поведения людей необходимо обратиться к индивидуальным факторам и факторам окружающей среды, используя при этом множество теорий. Предполагается, что индивидуальные факторы [22, 23] могут влиять на поведение, связанное с риском для здоровья. Кроме того, социальная среда также играет важную роль в формировании поведения, связанного с риском для здоровья [04]. Исследования выявили связь между индивидуальным или групповым поведением молодежи, связанным с риском для здоровья, и поведением родителей в отношении здоровья [05, 26], поддержкой со стороны родителей [25], влиянием сверстников [25, 0]. Во многом на отношение молодежи к здоровому образу жизни оказывают влияние мнение и образ жизни родителей [0].

Современные данные о факторах, оказывающих влияние на здоровье молодежи, основаны преимущественно на перекрестных исследованиях, лонгитюдные исследования могут дать ценную информацию о развитии поведения, связанного с риском для здоровья, и предоставить более убедительные доказательства влияния индивидуальных и социальных факторов. Более глубокое понимание роли таких факторов, как самоконтроль или поведение родителей, поможет в разработке профилактических программ поддержания здоровья.

Изучению образа жизни молодежи посвящен ряд исследований. В приведенном примере представлены данные «Обследования индивидуальной жизни подростков» (TRAILS). Выборка включала пять организаций на севере Нидерландов. Во время первого этапа (T1) в исследование были включены 2 230 подростков, из которых 2 149 (96,4%) участвовали во втором (T2) и третьем (T3) этапах измерения. Повторная

оценка (T2) была проведена через два-три года после T1. Третье наблюдение проводилось через 0,9–4 года после T2. Во время T1 родители или опекуны (обычно мать, 95,6%) опрашивались дома. Их также попросили заполнить анкеты во время трех этапов исследований. Подростки заполняли анкеты в школе или других местах тестирования под наблюдением одного или нескольких ассистентов TRAILS.

Большинство опрошенных подростков не соблюдали рекомендации по здоровому образу жизни. Отсутствие регулярного употребления фруктов, овощей и завтрака, избыточный вес или ожирение, отсутствие физической активности и курение гарантировали в будущем возникновения риска для здоровья. Самоконтроль, социально-экономический статус семьи подростка, курение матери предсказывают изменения в поведении, связанном с риском для здоровья. Это исследование вносит свой вклад, демонстрируя отслеживание факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний (например, диета и физическая активность) и рискованного поведения (курение, алкоголь и наркотики) в подростковом возрасте. Немногие подростки (4,2% при T2, 1,4% при T3) соблюдали все рекомендации по здоровому образу жизни. В других исследованиях был выявлен аналогичный или более высокий уровень распространенности нездорового поведения среди подростков (от 5,0 до 88,5%).

Зачастую не сообщается об отсутствии гендерных различий или показано, что мальчики или девочки имеют более высокий уровень распространенности рискованного для здоровья поведения, хотя модели могут варьироваться в зависимости от возраста или результатов [28]. Показатели поведения, связанного с риском для здоровья, увеличились в подростковом возрасте с 3,6 до 102%. Подобные данные выявлены и в других исследованиях [29]. Эти результаты демонстрируют, что многие подростки подвержены риску плохого состояния здоровья.

Индивидуальное поведение, связанное с риском для здоровья в T2, было наиболее тесно связано с таким же поведением, связанным с риском для здоровья в T3. Связи были особенно сильными при отсутствии физической активности, а также при избыточном весе или ожирении, что указывает на значительную стабильность такого поведения. Предыдущие исследования показывают, что курение является наиболее стабильной привычкой, что можно объяснить эффектом никотина [0]. Эти исследования показали, что такое поведение, связанное с риском для здоровья, усиливается в подростковом возрасте, тогда как в зрелом возрасте обнаруживается большая стабильность [28].

Как индивидуальные, так и социальные факторы оказывают влияние на формирование вредных для здоровья привычек. Прежде всего, к таким факторам относится более низкий уровень самоконтроля. Было показано, что подростки с высоким уровнем импульсивности менее способны противостоять таким факторам, как употребление психоактивных веществ [31]. Было показано, что навыки планировать, решать проблемы и ставить цели связаны с большим потреблением фруктов и овощей, занятиями спортом и активным образом жизни [32].

Курение матери оказывает влияние на дальнейшее развитие нездоровых привычек у молодых людей. Считается, что такие факторы, как поддержка родителей, их поведение в отношении здоровья, сказываются на поведении их детей в отношении здоровья [33]. Поведение матери и получение эмоциональной поддержки от неё может иметь большее значение, чем поддержка отца. Влияние родителей и организация домашней обстановки (например, важность семейного обеда, поощрение детской физической активности) были связаны со здоровым питанием и физической активностью детей [34]. Обнаружены доказательства того, что родительская поддержка, стиль воспитания и родительский контроль важны для предотвращения рискованного для здоровья поведения у молодежи с вероятностью метаболического синдрома и развитием диабета второго типа [35]. Влияние родителей на поведение подростков заслуживает дополнительных исследований.

1.3. Физическая активность студентов – факторы, характеристики, развитие. Важным аспектом мониторинга образа жизни является оценка уровня физической активности [36]. Свободный образ жизни или обычная физическая активность включает любую деятельность, которую люди делают в повседневной жизни и в естественной среде [37, 38]. Важными показателями обычной физической активности являются сохранение и прогрессирование заболевания, а также качество жизни [39].

Оценка физической активности важна для выявления измененных форм поведения [40], для воздействия на конкретные параметры здоровья [41], для определения допустимого уровня физической активности [42] и верификации результатов медицинских исследований и профилактических мероприятий [43–45].

В исследованиях уровень физической активности можно измерить прямо или косвенно. К косвенным методам относятся анкеты и дневники активности, которые часто просты в применении, экономичны и являются хорошим вариантом для крупных когортных исследований. Однако косвенные методы подвержены субъективности и предвзятости [46, 47]. Чтобы объективно оценить косвенные показатели, их следует сравнить с прямыми методами.

С другой стороны, прямые методы позволяют оценить фактические физиологические изменения; это могут быть физиологические маркеры (например, частота пульса), датчики движения (например, шагомеры или акселерометры) или калориметры, которые коррелируют с физической активностью. Прямые методы считаются более объективными и точными [48, 49]. Однако они также имеют ограничения [50, 51]. Как правило, они более дороги, требуют много времени [52, 53]. Кроме того, данные, полученные при помощи прямых методов оценки физической активности, не всегда могут быть обобщены для всей целевой группы. Оценка энергетических затрат является стандартным методом для определения типа активности (т.е. шагов) [49]. В настоящее время не существует стандартных показателей и методов для оценки

уровня физической активности различных групп населения.

1.3.1. Распространенность и факторы, связанные с физической активностью студентов в свободное время. Было проведено три опроса в одном из колледжей на северо-востоке Бразилии в 2010, 2012 и 2014 гг. Зависимой переменной была практика физической активности в свободное время. Исследовательскими переменными были социально-демографические факторы и связь с университетом. Распространенность сравнивалась с использованием теста хи-квадрат для линейного тренда и ассоциации для коэффициента распространенности.

Студенты вузов участвовали в опросах 2010, 2012 и 2014 гг.: 1 084 (средний возраст 23,6 года; $\pm$ 5,2; 17–52 года), 1 085 (средний возраст 24 года; $\pm$ 6; 17–54 года) и 1 041 (средний возраст 23,7 года; $\pm$ 5,8; 17–57 лет) человек соответственно. Большинство из них женщины (2010: 54,7%; 2012: 54,9%; 2014: 52,5%) и незамужние девушки (2010: 86,4%; 2012: 85,3%; 2014: 87,4%). Что касается периода обучения, то наибольшая доля студентов, обучавшихся на очных отделениях, в 2010 г. – 67,8%; 2012 г. – 67,4%; 2014 г. – 71,8%.

Показано преобладание активного поведения студентов в свободное время в соответствии с социально-демографическими характеристиками и связью с учебным заведением. Женщины были менее активны в свободное время, чем мужчины, аналогично результатам других исследований. Это расхождение можно объяснить тем, что мальчики предпочитают упражнения с более высоким расходом энергии и имеют больше возможностей для развивающих игр с движениями, которые способствуют развитию моторных навыков.

В национальном исследовании среди студентов университетов женщины чаще интересовались физическими упражнениями, такими как прогулки, прогулки с собакой, а мужчины – занятиями, связанными с играми и отдыхом. Это различие в поведении основано на социальных ролях, установленных для разных видов спорта, о чем сообщают студентки, у которых родители считали спорт неприемлемым.

Социально-демографические характеристики и учебная нагрузка могут ограничивать время физической активности. Более длительное и частое вовлечение учащихся в развлекательные мероприятия, особенно в компании семьи, связано с большей удовлетворенностью жизнью. В этом контексте можно понять актуальность предложения о постоянной политике, ориентированной на здоровый образ жизни студентов университетов, из-за отсутствия качественной среды и университетской политики, поощряющей программы физической активности и отдыха [0].

1.3.2. Физическая активность студентов и сотрудников университета. В исследовании была проведена оценка физической активности студентов и сотрудников университета. В опросе приняли участие 685 человека, из которых 483 были студентами, 49 – профессорами и 153 – административными работниками (285 мужчин и 400 женщин) в возрасте от 19 до 36 лет. Выявлено, что студенты были более активны

ми, чем сотрудники и те, кто имеет степень магистра и доктора наук. Работающие в области гуманитарных наук менее активны.

Показано, что женщины занимаются деятельностью с умеренной физической активностью, мужчины – более энергичными и, безусловно, более активными видами деятельности. Опрос студентов бразильских университетов показал, что студентки менее физически активны, чем их сверстники-мужчины, во всех проанализированных исследованиях. Другое исследование, проведенное в Федеральном университете Пиауи, подтвердило более высокую долю малоактивного образа жизни у 63,95% женщин. Основная причина такого поведения – нехватка времени.

Студенты были более активны, чем педагоги и административные работники, в отношении частоты и продолжительности физической активности. Люди со степенью магистра и доктора наук, принадлежащие к гуманитарной области, менее активны по сравнению с опрошенными людьми со средним техническим образованием. Низкие показатели физической активности – значимый результат ввиду больших рисков из-за малоподвижного образа жизни, необходимости вмешательства, связанного с физической активностью, чтобы стимулировать здоровые привычки [55].

1.4. Шкала удовлетворения психологических потребностей в физическом воспитании. Теория самоопределения (SDT) [56] широко использовалась для исследования мотивации человека и прогнозирования его поведения в различных жизненных ситуациях, включая физическое воспитание [57]. В теории самоопределения социальные факторы считаются фундаментальными для развития или ослабления самодетерминированных действий и здоровья. Это достигается через удовлетворение или устранение трех психологических потребностей: в автономии, компетентности и взаимосвязи. Автономия относится к необходимости самоуправления и самоутверждения поведения [56]. Компетентность – это чувство эффективности в постоянном взаимодействии с социальной средой и получение возможностей для выражения своих способностей. Связь означает чувство связи с другими, заботу о других и со стороны этих других, а также чувство принадлежности как к другим людям, так и к своему сообществу [58]. Удовлетворение этих потребностей способствует интеграции и адаптации и оказывает прямое влияние на благополучие. Окружающая среда провоцирует дезадаптацию и психологическое неблагополучие [56].

Исследования в условиях физического воспитания показали, что удовлетворение каждой базовой психологической потребности способствует развитию личной мотивации к физическому воспитанию [59, 60]. Это, в свою очередь, положительно влияет на самостоятельные занятия в свободное время [60]. Эти результаты, касающиеся удовлетворения психологических потребностей в физическом воспитании, не только подтвердили предложения теории самоопределения, но и предоставили практическое объяснение того, как учителя физического воспитания могут влиять на эффективные и поведенческие результаты своих учеников в процессе физического воспитания.

Однако следует отметить, что все инструменты, используемые для оценки удовлетворения психологических потребностей в этих соответствующих исследованиях, были адаптированы или модифицированы из других областей или областей без прохождения строгого психометрического тестирования. При использовании этих модифицированных или адаптированных методов существует несколько ограничений. Во-первых, некоторые из адаптированных элементов из других областей могут быть не в состоянии точно передать концепции в контексте физического воспитания, потому что специфические для предметной области (например, спорт, упражнения или работа) характеристики могут отличаться от характеристик в физическом воспитании. Например, пункт «Я могу сказать, какие навыки я хочу практиковать» широко использовался в предыдущих исследованиях [60] для оценки удовлетворенности автономией. Этот пункт может быть неприменим к контексту физического воспитания, потому что содержание некоторых конкретных уроков физического воспитания могло быть заранее определено школьной политикой или руководящими принципами местного управления образования или других соответствующих ведомств. Например, некоторые уроки физкультуры специально организованы для отработки определенных навыков (например, баскетбольного дриблинга, штрафного броска).

Разработка методов оценки степени удовлетворения психологических потребностей в процессе физического воспитания является одним из наиболее актуальных направлений исследований [57]. Опросник (PNSSPE – Psychological Needs Satisfaction Scale in Physical Education) был специально разработан для оценки удовлетворения психологических потребностей в физическом воспитании. Серия исследований подтвердила обоснованность и надежность оценок, полученных на основе PNSSPE. PNSSPE измеряет три взаимосвязанных, но отличительных фактора: автономность, компетентность и взаимодействие. В совокупности результаты исследования показали, что недавно разработанный PNSSPE был надежным и действенным инструментом, который можно было бы использовать для измерения удовлетворения психологических потребностей в процессе физического воспитания в средней школе в дальнейших исследованиях.

У опросника PNSSPE есть несколько преимуществ. Во-первых, PNSSPE позволяет напрямую оценивать удовлетворение психологических потребностей учащихся в процессе физического воспитания и позволяет исследователям быть более уверенными в своей оценке удовлетворения психологических потребностей учащихся. Во-вторых, по сравнению с подшкалами оценки личности, используемыми в предыдущих исследованиях, данный опросник разработан специально с учетом оценки личностных особенностей. Согласно Deci и Ryan [56], автономия означает внутреннее одобрение своих действий (локус причинности) и что действия действительно выбраны (воспринимаемый выбор). Таким образом, в этом исследовании, чтобы полностью охватить кон-

цепцию автономии (удовлетворенности), специально разработаны элементы, оценивающие все три аспекта автономии.

Опросник PNSSPE включает: пункт, отражающий воспринимаемый выбор, пункт, отражающий причинность, и два пункта, оценивающих волеизъявление. Использование надежного и действительного PNSSPE в будущих исследованиях позволяет сравнивать результаты исследований, исключать поправки на использование различных методов.

1.5. Исследование восприятия учащимися занятий по физическому воспитанию. В таких странах, как США и многие другие, ожирение является социальной проблемой [61], в результате которой уровень физической активности молодежи становится ниже [62]. Уровень физической активности снижается и с возрастом [63]. В ряде исследований было показано, что отношение молодежи к физическому воспитанию изменяется не в лучшую сторону [64].

Физическое воспитание играет важную роль в обеспечении физической активности детей во всем мире [62]. Во многом цель физического воспитания – научить детей привычкам, которые позволят поддерживать здоровый образ жизни в течение всей жизни. Предполагается, что студенты во всем мире получают навыки, которые можно использовать на протяжении всей их жизни при физической активности. Хотя физическое воспитание может иметь разные учебные программы и занятия в разных странах, цели физического воспитания довольно согласованы, физическое воспитание проводится в школах по всему миру одинаково.

Отношение учащихся к физическому воспитанию является опережающим фактором для успешности его реализации. Однако не всегда возможно провести оценку именно отношения молодежи к физической культуре. Несколько методов и подходов позволяют оценить данный показатель.

Отношение студентов к физическому воспитанию измерялось с помощью SATPE, который, как было показано, дает достоверные и надежные результаты [65]. Этот инструмент применялся до начала исследования для получения исходных показателей и после 12 занятий физической культуры. Общее отношение имеет максимальный балл 100. Инструмент разбивается на два факта (удовольствие и полезность) с максимумом 50 каждый, далее – на 4 субфактора по 25 каждый (Удовлетворение учебной программой; Удовлетворение преподавателем; Полезность учебной программы; Эффективность работы преподавателя). Все студенты прошли курс обучения в течение 6 недель. Блок состоял из 12 уроков фитнеса, разбитых на три темы.

Ученики часто находят физическое воспитание скучным, и это негативно сказывается на процессе обучения [64, 66]. В будущих исследованиях следует изучить, как учебные программы могут повлиять на отношение учащихся и какое влияние на отношение оказывают такие факторы, как выполнение домашних заданий и повышенное внимание к новым технологиям. Отношение студентов в целом

было положительным и следовало тенденции, которая была показана в предыдущих исследованиях, когда заинтересованность снижается по мере взросления [64]. Отношение может значительно измениться даже в течение относительно короткого периода времени, например, нескольких занятий. Отношение учащихся обоих полов к физическому воспитанию существенно не различается. Но некоторые факторы отношения все же зависят от пола, например фактор удовольствия. Удовольствие от учебной программы снизилось для мальчиков, но оставалось неизменным для девочек [67].

1.6. Оценка когнитивных факторов в физическом воспитании. Данный подход основан на теории установок и теории запланированного поведения (ТПВ). Эта теория утверждает, что поведение является функцией намерения вести себя, которое регулируется установками индивида, социальными нормами [68]. При исследовании отношения учителей и студентов к физическому воспитанию и фитнес-тестированию в рамках физического воспитания часто используют двухкомпонентную модель [69–72].

Теория установок и теория запланированного поведения применяется к исследованиям отношения студентов во многих областях, включая физическое воспитание. Согласно данной теории, установки во многом определяют поведение. Исследования в области физического воспитания показали, что отношение студентов может повлиять на их физическую активность в будущем [73]. Учащиеся с позитивным отношением к физическому воспитанию с большей вероятностью будут физически активны вне школы.

Для оценки когнитивных факторов и их влияния используют факторный анализ для изучения предложенных двух- и четырехфакторных моделей отношения к физическому воспитанию. Исследования [72] установили обоснованность и надежность двухфакторной модели отношения к физическому воспитанию (когнитивное, эмоциональное), а также четырехфакторной модели (где у когнитивных и аффективных факторов есть два субфактора, которые измеряют отношение к учебной программе и учителю). Факторный анализ используется для проверки многомерности теории установок и запланированного поведения.

2. Менеджмент здоровья и образа жизни

2.1. Личная и социальная ответственность за свое здоровье. Однако мониторинг не является самоцелью, его результаты служат для разработки подходов и методов коррекции, управления ситуацией. Все более популярным становится понятие менеджмента здоровья как комплекса мероприятий по сохранению и восстановлению здоровья больших социальных групп. Одним из таких методологических подходов является «Обучение личной и социальной ответственности» (TPSR) – модель, которая использует спорт и физическую активность, чтобы научить подростков становиться лично и социально ответственными людьми. Эта модель фокусируется на двух наборах ценностей:

личной ответственности и социальной ответственности. Усилия и самостоятельность – это цели личной ответственности, а уважение и помощь другим представляют собой социальную ответственность. Четыре цели – уважение, усилия, самоуправление и помощь другим – составляют основу «Обучения личной и социальной ответственности» наряду с пятой целью – применять усвоенные ценности вне тренажерного зала в повседневной жизни.

Модель получила широкое распространение в качестве программы для молодежи из групп риска, результаты ее реализации подробно проанализированы в обзоре D. Hellison, D. Walsh (2002) [75]. Авторы отмечают, что большинство этих исследований были качественными и основывались на интервью, наблюдениях и данных дневников [74]. Хотя качественные исследования внесли свой вклад в понимание особенностей программы и процессов, зависящих от контекста, количественная оценка необходима для изучения результатов реализации программы [750]. Было проведено несколько количественных исследований для измерения результатов программ TPSR с точки зрения самооффективности участников путем применения многомерных шкал [78] или сравнения посещаемости участников [77]. Учитывая отсутствие количественных показателей оценки, в этих исследованиях в качестве косвенных показателей результатов программ на основе TPSR использовались самооффективность, средний балл или посещаемость.

В качестве показателя для оценки восприятия молодежи личной и социальной ответственности был разработан опросник личной и социальной ответственности (PSRQ) [78]. Анкета из 14 пунктов с использованием 6-балльной шкалы ответов включает два фактора: личную ответственность и социальную ответственность. Подтверждающий факторный анализ и анализ внутренней согласованности с выборкой из 253 американских учащихся средних школ подтвердили, что двухфакторная модель соответствует данным и является надежной. Кроме того, восприятие личной и социальной ответственности положительно коррелировало с внутренней мотивацией.

Еще один инновационный подход к менеджменту здоровья основан на концепции физической активности как средству обучения ответственности. Физическая активность приводит к изменению параметров личной ответственности в большей степени, чем социальной ответственности. Студенты, которые находятся на более высоком уровне физической активности, как правило, несут личную ответственность, но им, возможно, не нужно оказывать социальную поддержку, например помогать другим, чтобы быть физически активными. Что касается отношений ответственности студентов с внутренней мотивацией, было показано, что более высокие усилия и самостоятельность (т.е. личная ответственность) были связаны с большей внутренней мотивацией [78].

Программы по физическому воспитанию, основанные на принципах менеджмента здоровья и образа жизни, могут дать студентам положительный мотивационный и эмоциональный опыт, который будет способствовать их дальнейшей физической активности [79].

2.2. Трансляция физических навыков в другие сферы. За последние 10 лет увеличилось количество исследований, изучающих, как молодежные программы могут использовать спорт для развития. Это привело к развитию сферы, основанной на спортивном подходе: трансляция физических навыков в другие сферы жизненной активности (SBYD – Sports-Based Youth Development), которая утверждает, что спорт может использоваться как средство психологического, эмоционального и/или академического развития [80]. Литература по SBYD включает некоторые убедительные исследования, показывающие, что участие в спортивной деятельности может способствовать множеству положительных результатов для молодежи, таких как личная и социальная ответственность [81], развитие социальных навыков [82], академическая успеваемость [83] и жизненные навыки [84].

Несмотря на отсутствие согласованности в литературе, многие исследования основаны на утверждении, что усвоенное в спортивной среде можно перенести и применить в других условиях [80]. В частности, нефизические уроки или навыки, полученные в ходе занятий спортом (например, лидерство, самоконтроль, уважение), актуальны и применимы к другим сферам жизни молодежи. Исследователи называют эту концепцию извлеченных уроков в одном контексте значимой в другом месте передачи обучения или просто передачи [85], а в контексте SBYD многие описывают содержание того, что изучается, как «жизненные навыки» [80]. Исследования в области образования предоставили доказательства того, что участники переносят навыки из одной области в другую: в естественно-научное образование [86, 87], географическое образование [88] и овладение иностранным языком [89].

Исследования показали, что многие программы развития молодежи, основанные на спорте, способствуют приобретению жизненных навыков (например, лидерства, самоконтроля) с конечной целью содействия положительным результатам в социальной и академической среде молодых участников. Исследователи называют это «передачей жизненных навыков» (т.е. идея о том, что физические, поведенческие и когнитивные навыки, которые молодежь приобретает в спорте, могут применяться в неспортивных условиях для содействия здоровому развитию).

В исследовании SBYD также сложился конструктивный диалог о том, должны ли спортивные программы полагаться на приобретение жизненных навыков неявно, как автоматический результат занятий спортом, или явно – в результате интеграции уроков жизненных навыков, преподаваемых в сочетании со спортом [90]. Это связано с целым рядом положительных результатов, и важным отличительным фактором является то, что не только занятия спортом гарантируют эти преимущества. Необходимо разраба-

тывать программы и специально обучать жизненным навыкам, а не случайно их улавливать. Некоторые исследования показали, что молодежь воспринимает приобретение важных жизненных навыков с помощью программ, в которых явно не обучалась [91]. Положительный опыт обучения происходит в результате возможностей социализации или в ситуациях, которые аутентично возникают в спортивном контексте. Однако, в соответствии с результатами исследований [89, 92], предпочтение отдается концепции спортивных программ, ориентированных на SBYD (например, иметь равную приверженность развитию спортсменов как в спорте, так и вне его).

Некоторые стратегии обучения стали неотъемлемой частью создания высококачественных программ SBYD, в том числе по формированию позитивного мотивационного климата [92], развитию отношений с молодежью [93] и преподаванию спортивных уроков, которые объединяют, вместо того чтобы отделять жизненные навыки от спортивного контента. В литературе, посвященной SBYD, представлены программы, которые способствуют развитию жизненных навыков, таких как размышление и обсуждение [94].

Заключение

Важным результатом развития концепции мониторинга и менеджмента здоровья и образа жизни молодежи нужно признать формирование консенсуса по данному вопросу. Основа его была заложена на конференции в Снеккерстене (Дания, 2016) [95]. Согласно этому консенсусу физическая активность рассматривается как всеобъемлющий термин, который состоит из множества структурированных и неструктурированных форм в образовательных учреждениях и вне их (организованный спорт, физическое воспитание, отдых на свежем воздухе, программы развития моторики). В данном консенсусе сформулировано заключение о влиянии физической активности на физическую форму, здоровье, когнитивные функции, вовлеченность, мотивацию, психологическое благополучие и социальную интеграцию молодежи.

Здоровье населения сегодня рассматривается не только как медицинская, но и как социальная проблема. Принятие и поддержание здорового образа жизни (регулярная физическая активность и здоровое питание) являются эффективным средством профилактики хронических неинфекционных заболеваний. Важным аспектом мониторинга образа жизни является оценка уровня физической активности. Однако мониторинг не является самоцелью, его результаты служат для разработки подходов и методов коррекции, управления ситуацией. Современные подходы к мониторингу и управлению здоровьем основаны в большей степени на социально-гуманитарных, чем на медицинских принципах и предусматривают активное вовлечение молодежи в самоосознание ценности своего здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chung S.J., Ersig A.L., McCarthy A.M. Parent, school, and peer factors related to US adolescents' diet and exercise // *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*. 2018. Art. № e12227. DOI: 10.1111/jspn.12227
2. Laursen B., Collins W.A. Parent-child relationships during adolescence // *Lerner R.M., Steinberg L. (Eds.) Handbook of Adolescent Psychology* (3rd ed., vol. 2). Hoboken, N. J. : Wiley, 2009. P. 3–42.

3. Parekh S., Vandelandotte C., King D., Boyle F.M. Improving diet, physical activity and other lifestyle behaviours using computer-tailored advice in general practice: a randomised controlled trial // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. 2012. № 9 (108). DOI: <https://doi.org/10.1186/1479-5868-9-108>
4. National Prevention Council. National prevention strategy: America's plan for better health and wellness. Washington, DC: U.S. : Department of Health and Human Services, Office of the Surgeon General, 2011. 125 p.
5. Ministry of Public Health Welfare and Sport (VWS). Health close to people. National policy document on health; The Hague. 2012. P. 86.
6. Taskforce AGNPH. Australia: The Healthiest Country by 2020 - National Preventative Health Strategy - the roadmap for action. Commonwealth of Australia. 2009. P. 316. 10.1071/PY11041.
7. Secretary of State for Health. Healthy Lives, Healthy People: our strategy for public health in England. London, 2010. P. 100.
8. Stiefel M.C., Riley C.L., Roy B. 100 Million People Living Healthier Lives. Worldwide by the End of 2020. Boston : Improving Health and Health Care Worldwide, 2020. URL: <http://www.ihl.org/100MLives>
9. Venkatraman T., Honeyford K., Costelloe C.E. Sociodemographic profiles, educational attainment and physical activity associated with The Daily Mile™ registration in primary schools in England: A national cross-sectional linkage study // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2020. № 75 (2). P. 137–144.
10. Pfortner T., Clercq B., Lenzi M., Vieno A., Rathmann K., Moor I., Hublet A., Molcho M., Kunst A.E., Richter M. Does the association between different dimension of social capital and adolescent smoking vary by socioeconomic status? a pooled cross-national analysis. *International Journal of Public Health*. 2015. № 60. P. 901–910.
11. Monshouwer K., Harakeh Z., Lugtig P. Predicting transitions in low and high 604 levels of risk behavior from early to middle adolescence: the TRAILS study // *J. Abnorm Child Psychol*. 2012. № 40. P. 923–931.
12. Trang N.H., Hong T.K., HP VDP. Longitudinal physical activity changes in 666 Q10 adolescents: Ho Chi Minh City Youth Cohort // *Med. Sci. Sports Exerc*. 2012. № 44 (8). P. 1481–1489.
13. Ortega F.B., Konstabel K., Pasquali E. et al. Objectively measured physical activity and sedentary time during childhood, adolescence and young adulthood: a cohort study. 2013. *PLoS One* 8. e60871.
14. Djoussé L., Driver J.A., Gaziano J.M. Relation between modifiable lifestyle factors and lifetime risk of heart failure. *JAMA*. 2009. № 302. P. 394–400.
15. Pearson N., Atki A.J., Biddl S.J., Gorel T., Edwardson C. Patterns of adolescent physical activity and dietary behaviours // *Int. J. Behav. Nutr. Phys.* 2009. Act. 6 (45-5868-6- 631 45).
16. Pronk N.P. The power of context: moving from information and knowledge to practical wisdom for improving physical activity and dietary behaviors // *Am. J. Prev. Med*. 2012. 42:103–104.
17. Lawlor D.A., O'Callaghan M.J., Mamun A.A., Williams G.M., Bor W., Najman J.M. Socioeconomic position, cognitive function, and clustering of cardiovascular risk factors in adolescence: findings from the Mater University Study of Pregnancy and its outcomes // *Psychosom. Med*. 2005. № 67. P. 862–868.
18. Van Nieuwenhuijzen M., Junger M., Velderman M.K. et al. Clustering of health-compromising behavior and delinquency in adolescents and adults in the Dutch population // *Prev. Med*. 2009. № 48. P. 572–578.
19. Myint P.K., Luben R.N., Wareham N.J., Bingham S.A., Khaw K.T. Combined effect of health behaviours and risk of first ever stroke in 20,040 men and women over 11 years' follow-up in Norfolk cohort of European Prospective Investigation of Cancer (EPIC Norfolk): prospective population study. 2009. *BMJ* 338, b349.
20. Martin-Diener E., Meyer J., Braun J. et al. The combined effect on survival of four main behavioural risk factors for non-communicable diseases // *Prev. Med*. 2014. № 65. P. 148–152.
21. Khaw K.T., Wareham N., Bingham S., Welch A., Luben R., Day N. Combined impact of health behaviours and mortality in men and women: the EPIC-Norfolk prospective population study // *PLoS Med*. 2008. 5, e12.
22. Moffitt T.E., Arseneault L., Belsky D. et al. A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety // *Proc. Natl. Acad. Sci. U. S. A*. 2011. № 108. P. 2693–2698.
23. Griffin K.W., Scheier L.M., Acevedo B., Grenard J.L., Botvin G.J. Long-term effects of self-control on alcohol use and sexual behavior among urban minority young women // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2012. № 9. P. 1–23.
24. Pampel F.C., Krueger P.M., Denney J.T. Socioeconomic disparities in health behaviors // *Annu. Rev. Sociol*. 2010. № 36. P. 349.
25. Frech A. Healthy behavior trajectories between adolescence and young adulthood // *Adv. Life Course Res*. 2012. № 17. P. 59–68.
26. Cameron A.J., Crawford D.A., Salmon J. et al. Clustering of obesity-related risk behaviors in children and their mothers // *Ann. Epidemiol*. 2011. № 21. P. 95–102.
27. Hair E.C., Park M.J., Ling T.J., Moore K.A. Risky behaviors in late adolescence: occurrence, predictors, and consequences // *J. Adolesc. Health*. 2009. № 45. P. 253–261.
28. Bachmann M., Znoj H., Brodbeck J. Smoking behaviour, former quit attempts and intention to quit in urban adolescents and young adults: a five-year longitudinal study // *Public Health*. 2012. № 126. P. 1044–1050.
29. Ievers-Landis C.E., Walders-Abramson N., Amodi N. et al. Longitudinal correlates of health risk behaviors in children and adolescents with type 2 diabetes // *J. Pediatr*. 2015. № 166. P. 1258–1264 (e3).
30. Paavola M., Vartiainen E., Haukkala A. Smoking, alcohol use, and physical activity: a 13-year longitudinal study ranging from adolescence into adulthood // *J. Adolesc. Health*. 2004. № 35. P. 238–244.
31. Wills T.A., Walker C., Mendoza D., Ainette M.G. Behavioral and emotional selfcontrol: relations to substance use in samples of middle and high school students // *Psychol. Addict. Behav*. 2006. № 20. P. 265.
32. Wills T.A., Isasi C.R., Mendoza D., Ainette M.G. Self-control constructs related to measures of dietary intake and physical activity in adolescents // *J. Adolesc. Health*. 2007. № 41. P. 551–558.
33. Edwardson C.L., Gorely T. Parental influences on different types and intensities of physical activity in youth: a systematic review // *Psychol. Sport Exerc*. 2010. № 11. P. 522–535.
34. Berge J.M., MacLehose R.F., Meyer C., Didericksen K., Loth K.A., Neumark-Sztainer D. He said, she said: examining parental concordance on home environment factors and adolescent health behaviors and weight status // *J. Acad. Nutr. Diet*. 2015. № 116 (1). P. 46–60. DOI:10.1016/j.jand.2015.05.004. Epub 2015 Jul 7.
35. Lawman H.G., Wilson D.K. A review of family and environmental correlates of health behaviors in high risk youth // *Obesity*. 2012. № 20. P. 1142–1157.
36. Jimenez-Moreno A. C., Newman J., Charman S.J., Catt M., Trenell M.I., Gorman G.S., Hogrel J.-Y., Lochmüllera H. Measuring Habitual Physical Activity in Neuromuscular Disorders: A Systematic Review // *Journal of Neuromuscular Diseases*. 2017. № 4 (1). P. 25–52.
37. World Health Organization. International Classification of Functioning, Disability and Health: ICF. Towards a Common Language for Functioning, Disability and Health. WHO; Geneva, 2001.
38. Bjornson K.F., Zhou C., Stevenson R.D., Christakis D. Relation of stride activity and participation in mobility-based life habits among children with cerebral palsy // *Arch Phys Med Rehabil*. 2014. № 95 (2). P. 360–368.
39. Gill D.L., Hammond C.A., Reifsteck E.J., Jehu C.M., Williams R.A., Adams M.M. Physical activity and quality of life // *J Prev Med Public Health*. 2013. № 46 (1). P. 28–34.
40. Del Din S., Godfrey A., Mazza C., Lord S., Rochester L. Free-living monitoring of Parkinson's disease: Lessons from the field // *Mov Disord*. 2016. № 31 (9). P. 1293–1313.

41. Fini N.A., Holland A.E., Keating J., Simek J., Bernhardt J. How is physical activity monitored in people following stroke? // *Disabil Rehabil.* 2015. 37 (17). P. 1717–1731.
42. Keawutan P., Bell K., Davies P.S., Boyd R.N. Systematic review of the relationship between habitual physical capacity and motor capacity in children with cerebral palsy // *Res Dev Disabil.* 2014. № 35 (6). P. 1301–1309.
43. Abresch R.T., Carter G.T., Jensen M.P., Kilmer D.D. Assessment of pain and health-related quality of life in slowly progressive neuromuscular disease // *Am J Hosp Palliat Care.* 2002. № 19 (1). P. 39–48.
44. Berlin J.E., Storti K.L., Brach J.S. Using activity monitors to measure physical activity in free-living conditions // *Phys Ther.* 2006. № 86 (8). P. 1137–1145.
45. Byrom B., Rowe D.A. Measuring free-living physical activity in COPD patients: Deriving methodology standards for clinical trials through a review of research studies // *Contemp Clin Trials.* 2016. № 47. P. 172–184.
46. Shephard R.J. Limits to the measurement of habitual physical activity by questionnaires. *Br J Sports Med.* 2003. № 37. P. 197–206.
47. Sallis J.F., Saelens B.E. Assessment of physical activity by self-report: Status, limitations, and future directions // *Res Q Exerc Sport.* 2000. № 71 (2). S. 1–14.
48. Klein P.D., James W.P., Wong W.W., Irving C.S., Murgatroyd P.R., Cabrera M. Calorimetric validation of the doubly-labelled water method for determination of energy expenditure in man // *Hum Nutr Clin Nutr.* 1984. № 38 (2). P. 95–106.
49. Hills A.P., Mokhtar N., Byrne N.M. Assessment of physical activity and energy expenditure: An overview of objective measures // *Front Nutr.* 2014. № 1. P. 5. DOI: 10.3389/fnut.2014.00005
50. Falck R.S., McDonald S.M., Beets M.W., Brazendale K., Liu-Ambrose T. Measurement of physical activity in older adult interventions: A systematic review // *Br J Sports Med.* 2015. № 50 (8). P. 464–570. DOI: 10.1136/bjsports-2014-094413
51. Van Remoortel H. et al. Validity activity monitors in health and chronic disease: A systematic review // *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2012. № 9. P. 84.
52. Bassett D.R.J. Validity and reliability issues in objective monitoring of physical activity // *Res Q Exerc Sport.* 2000. № 71 (2). S. 30–36.
53. Andre D., Wolf D.L. Recent advances in free-living physical activity monitoring: A review // *J Diabetes Sci Technol.* 2007. № 1 (5). P. 760–767.
54. Dos Santos S.F.S., Freitas Junior I.F., Alvarenga A.M. Prevalence and factors associated with leisure-time physical activity: Survey repeated in university students. Prevalência e fatores associados à prática de atividades físicas no lazer: Inquérito repetido em estudantes universitários // *Revista Brasileira de Cineantropometria e Desempenho Humano.* 2016. Vol. 18, № 5. P. 577–590. DOI: <http://dx.doi.org/10.5007/1980-0037.2016v18n5p577>
55. Saraiva L.C., do Nascimento Junior J.R.A., Petrolini A.L., Filho A.N.S., Bezerra Th.A., de Moraes J.F.V.N., Carvalho F.O. Frequency and duration of physical activity practice of university teachers and servants // *Journal of Physical Education.* 2018. № 29. e2958. DOI:10.4025/jphyseduc.v29i1.2958
56. Deci E.L., Ryan R.M. *Handbook of self-determination research.* Rochester, N. Y. : University of Rochester, 2002.
57. Ntoumanis N., Standage M. Motivation in physical education classes: A self-determination theory perspective. *Theory and Research in Education.* 2009. Vol. 7, Is. 2. P. 194–202.
58. Ryan R.M. Psychological needs and the facilitation of integrative processes // *Journal of Personality.* 1995. № 63. P. 397–427.
59. Standage M., Gillison F.B., Treasure D.C. Self-determination and motivation in physical education // M.S. Hagger & N.L.D. Chatzisarantis (Eds.), *Self-determination theory in exercise and sport* (P. 71–85). Champaign, IL : Human Kinetics, 2007.
60. Standage M., Gillison F.B., Ntoumanis N., Treasure G.C. Predicting students' physical activity and health-related well-being: A prospective cross-domain investigation of motivation across school physical education and exercise settings // *Journal of Sport & Exercise Psychology.* 2012. № 34. P. 37–60.
61. Kohl H.W., Cook H. *Educating the student body: Taking physical activity and physical education to school.* Washington, DC: The National Academies Press, 2013.
62. National Association for Sport and Physical Education (NASPE). *Shape of the nation report: Status of physical education in the USA.* Reston, VA : American Alliance for Health, Physical Education, Recreation and Dance, 2012.
63. Sallis J.F. Age-related decline in physical activity: A synthesis of human and animal studies // *Medicine and Science in Sports and Exercise.* 2000. № 32. P. 1598–600.
64. Subramaniam R., Silverman S. Middle school students' attitudes toward physical education // *Teaching and Teacher Education.* 2007. № 23. P. 602–611.
65. Subramaniam P.R., Silverman S. 2000. Validation of scores from an instrument assessing student attitude toward physical education // *Measurement in Physical Education and Exercise Science.* 2000. № 4. P. 29–43.
66. Dismore H., Bailey R. Fun and enjoyment in physical education: Young people's attitudes. *Research Papers in Education.* 2011. № 26. P. 499–516.
67. Martinen R., Fredrick III R.N., Silverman S. Changes in student attitude toward physical education across a unit of instruction // *Journal of Physical Education and Sport.* 2011. № 18 (1). P. 62–70. DOI:10.7752/jpes.2018.01008
68. Donovan C.B., Mercier K., Phillips S.R. Investigating Attitudes Toward Physical Education: Validation Across Two Instruments // *Measurement in Physical Education and Exercise Science.* 2015. Vol. 19 (2). P. 91–98. DOI:10.1080/1091367X.2015.1012511
69. Ferguson R.H., Keating X.D., Bridges D.M., Guan J., Chen L. California secondary school physical education teachers' attitudes toward the mandated use of FitnessGram // *Journal of Teaching in Physical Education.* 2007. Vol. 26. P. 161–176.
70. Keating X.D., Guan J., Ferguson R.H., Chen L., Bridges D.M. Physical education teacher attitudes toward fitness tests scale: Cross-revalidation and modification // *Measurement in Physical Education and Exercise Science.* 2008. № 12 (72–87). DOI:10.1080/10913670801903969
71. Mercier K., Silverman S. Validation of an instrument to measure high school students' attitudes toward fitness testing // *Research Quarterly for Exercise and Sport.* 2014. № 85 (1). P. 81–89. DOI:10.1080/02701367.2013.872221
72. Phillips S.R., Silverman S. Development of an instrument to assess fourth and fifth grade students' attitudes toward physical education // *Measurement in Physical Education and Exercise Science.* 2012. № 16. P. 316–327. DOI:10.1080/1091367X.2012.693359
73. Zeng H.Z., Hipscher M., & Leung R.W. Attitudes of high school students toward physical education and their sport activity preferences. *Journal of Social Sciences.* 2011. № 7 (4). № 529–537. DOI:10.3844/jssp.2011.529.537.
74. Hellison D., Walsh D. Responsibility-based youth programs evaluation: Investigating the investigations // *Quest.* 2002. № 54. P. 292–307.
75. Petipas A.J., Cornelius A.E., Van Raalte J.L., Jones T. A framework for planning youth sport programs that foster psychosocial development // *The Sport Psychologist.* 2005. № 19. P. 63–80.
76. Escartí A., Gutiérrez M., Pascual C., Llopis R. Implementation of the personal and social responsibility model to improve self-efficacy during physical education classes for primary school children. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy.* 2010. № 10. P. 387–402.
77. Cummings T. Testing the effectiveness of Hellison's personal and social responsibility model: A dropout, repeated grade, and absentee rate comparison. Unpublished master's thesis, California State Univer., Chico, 1998.
78. Lee O., Kim Y., Kim B.J. Relations of Perception of Responsibility to Intrinsic Motivation and Physical Activity Among Korean Middle School Students. *Perceptual & Motor Skills: Exercise & Sport.* 2012. № 115 (3). P. 944–952.
79. Timo J., Sami Y-P., Anthony W., Jarmo L. Perceived physical competence towards physical activity, and motivation and enjoyment in physical education as longitudinal predictors of adolescents' self-reported physical activity // *Journal of Science and Medicine in Sport.* 2015. № 19 (9). P. 750–754. DOI: 10.1016/j.jsams.2015.11.003
80. Gould D., Carson S. Life skills development through sport: Current status and future directions. *International Review of Sport and Exercise Psychology.* 2008. № 1. P. 58–68. DOI:10.1080/17509840701834573

81. Wright P.M., Burton S. Implementation and outcomes of a responsibility-based physical activity program integrated into an intact high school physical education class // *Journal of Teaching in Physical Education*. 2008. № 27. P. 138. DOI:10.1123/jtpe.27.2.138
82. Holt N.L., Kingsley B.C., Tink L.N., Scherer J. 2011. Benefits and challenges associated with sport participation by children and parents from low-income families. *Psychology of Sport and Exercise*. 2011. № 12. P. 490–499. DOI:10.1016/j.psychsport.2011.05.007
83. Dwyer T., Sallis J.F., Blizzard L., Lazarus R., Dean K. Relation of academic performance to physical activity and fitness in children // *Pediatric Exercise Science*. 2001. № 13. P. 225–237. DOI:10.1123/pes.13.3.225
84. Papacharisis V., Goudas M., Danish S.J., Theodorakis Y. The effectiveness of teaching a life skills program in a sport context // *Journal of Applied Sport Psychology*. 2005. № 17. P. 247–254. DOI:10.1080/10413200591010139
85. McKeough A., Lupart J.L., Marini A. (Eds.). *Teaching for transfer: Fostering generalization in learning*. New York : Routledge, 2013.
86. Heddy B.C., Sinatra G.M. Transforming misconceptions: Using transformative experience to promote positive affect and conceptual change in students learning about biological evolution // *Science Education*. 2013. № 97. P. 723–744. DOI:10.1002/sce.2013.97.issue-5
87. Pugh K.J., Linnenbrink-Garcia L., Koskey K.L., Stewart V.C., Manzey C. Motivation, learning, and transformative experience: A study of deep engagement in science // *Science Education*. 2010. № 94. P. 1–28.
88. Sibthorp J. Learning transferable skills through adventure education: The role of an authentic process // *Journal of Adventure Education & Outdoor Learning*. 2003. № 3. P. 145–157. DOI:10.1080/14729670385200331
89. Danish S.J., Forneris T., Wallace I. Sport-based life skills programming in the schools // *Journal of Applied School Psychology*. 2005. № 21. P. 41–62. DOI:10.1300/J370v21n02_04
90. Turnidge J., Côté J., Hancock D.J. Positive youth development from sport to life: Explicit or implicit transfer? // *Quest*. 2014. № 66 (2). P. 203–217. DOI: 10.1080/00336297.2013.867275
91. Jones M.I., Lavallee D. Exploring the life skills needs of British adolescent athletes // *Psychology of Sport and Exercise*. 2009. № 10 (1). P. 159–167. DOI: org/10.1016/j.psychsport.2008.06.005
92. Camiré M., Forneris T., Trudel P., Bernard D. Strategies for helping coaches facilitate positive youth development through sport // *Journal of Sport Psychology in Action*. Nhnjy. 2011. № 2. P. 92–99. DOI:10.1080/21520704.2011.584246
93. Fraser-Thomas J., Côté J. Understanding adolescents' positive and negative developmental experiences in sport // *The Sport Psychologist*. 2009. № 23. P. 3–23. DOI:10.1123/tsp.23.1.3
94. Hellison D.R. *Teaching personal and social responsibility through physical activity*. Champaign, IL : Human Kinetics, 2011.
95. Bangsbo J., Krstrup P., Duda J., Hillman C., Andersen L.B., Weiss M., Williams C.A., Lintunen T., Green K., Hansen P. R., Naylor P., Ericsson I., Nielsen G., Froberg G., Bugge A., Lundbye-Jensen J., Schipperijn J., Dagkas S., Agergaard S., von Seelen J., Østergaard C., Skovgaard T., Busch H., Elbe A. The Copenhagen Consensus Conference 2016: children, youth, and physical activity in schools and during leisure time // *Br J Sports Med*. 2016. № 50. P. 1177–1178. DOI:10.1136/bjsports-2016-096325

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 2 февраля 2021 г.

Monitoring and Management of Students' Health, Lifestyle and Physical Activity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 203–215.

DOI: 10.17223/15617793/464/23

Anna N. Zakharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: azakharova91@gmail.com

Yulia A. Karvounis, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: E-mail: juliakarvounis@gmail.com

Leonid V. Kapilevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: E-mail: kapil@yandex.ru

Keywords: health; healthy lifestyle; movement; education; motivation; students.

The article presents a critical analysis and assessment of the current state of foreign experience in monitoring and management of health, lifestyle and physical activity of student youth. An important aspect of lifestyle monitoring is the assessment of physical activity. However, monitoring is not an end in itself; its results are used to develop approaches and methods of correction, and to manage the situation. The concept of health management is becoming more and more popular as a set of measures to preserve and restore the health of large social groups. One such methodological approach is Teaching Personal and Social Responsibility (TPSR), a model that uses sports and physical activity to teach adolescents to become personally and socially responsible people. This model focuses on two sets of values: personal responsibility and social responsibility. Effort and self-reliance are goals of personal responsibility, while respecting and helping others is social responsibility. The model has been widely adopted as a program for at-risk youth. The Personal and Social Responsibility Questionnaire (PSRQ) was developed as an indicator for assessing young people's perceptions of personal and social responsibility. Perceptions of personal and social responsibility are positively correlated with intrinsic motivation. Physical education programs based on health and lifestyle management principles can provide students with positive motivational and emotional experiences that will encourage them to continue participating in physical activity. Physical skills are transferred into other areas of life activity (SBYD – Sports-Based Youth Development), it is claimed that sports can be used as a tool for psychological, emotional and/or academic development. The research has shown that many sports-based youth development programs contribute to the acquisition of life skills (e.g., leadership, self-control) with the ultimate goal of promoting positive social and academic outcomes for young participants. Researchers call this “life skills transfer” (i.e., the idea that the physical, behavioral and cognitive skills that young people acquire in sports can be used in non-athletic settings to promote healthy development). An important result of the development of the concept of monitoring and managing the health and lifestyle of young people is the formation of a consensus on this issue. According to this consensus, physical activity is seen as an all-encompassing term that consists of many structured and unstructured forms in and outside educational settings, including organized sports, physical education, outdoor recreation, motor programs, breaks, and active modes of transportation. such as cycling and walking.

REFERENCES

1. Chung, S.J., Ersig, A.L. & McCarthy, A.M. (2018) Parent, school, and peer factors related to US adolescents' diet and exercise. *Journal for Specialists in Pediatric Nursing*. Art. e12227. DOI: 10.1111/jspn.12227
2. Laursen, B. & Collins, W.A. (2009) Parent-child relationships during adolescence. In: Lerner, R.M. & Steinberg, L. (eds) *Handbook of Adolescent Psychology*. 3rd ed. Vol. 2. Hoboken, N. J.: Wiley. pp. 3–42.
3. Parekh, S., Vandelandotte, C., King, D. & Boyle, F.M. (2012) Improving diet, physical activity and other lifestyle behaviours using computer-tailored advice in general practice: a randomised controlled trial. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. 9 (108). DOI: https://doi.org/10.1186/1479-5868-9-108
4. National Prevention Council. (2011) *National prevention strategy: America's plan for better health and wellness*. Washington, DC: U.S: Department of Health and Human Services, Office of the Surgeon General.

5. Ministry of Public Health Welfare and Sport (VWS). (2012) *Health close to people. National policy document on health*. The Hague.
6. Taskforce AGNPH. (2009) *Australia: The Healthiest Country by 2020 - National Preventative Health Strategy - the roadmap for action*. Commonwealth of Australia. p. 316. DOI: 10.1071/PY11041.
7. Secretary of State for Health. (2010) *Healthy Lives, Healthy People: our strategy for public health in England*. London.
8. Stiefel, M.C., Riley, C.L. & Roy, B. (2020) *100 Million People Living Healthier Lives. Worldwide by the End of 2020*. Boston: Improving Health and Health Care Worldwide. [Online] Available from: <http://www.ihl.org/100MLives>.
9. Venkatraman, T., Honeyford, K. & Costelloe, C.E. (2020) Sociodemographic profiles, educational attainment and physical activity associated with The Daily Mile™ registration in primary schools in England: A national cross-sectional linkage study. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 75 (2). pp. 137–144.
10. Pfortner, T. et al. (2015) Does the association between different dimension of social capital and adolescent smoking vary by socioeconomic status? a pooled cross-national analysis. *International Journal of Public Health*. 60. pp. 901–910.
11. Monshouwer, K., Harakeh, Z. & Lugtig, P. (2012) Predicting transitions in low and high 604 levels of risk behavior from early to middle adolescence: the TRAILS study. *J. Abnorm Child Psychol*. 40. pp. 923–931.
12. Trang, N.H., Hong, T.K. & HP VDP. (2012) Longitudinal physical activity changes in 666 Q10 adolescents: Ho Chi Minh City Youth Cohort. *Med. Sci. Sports Exerc*. 44 (8). pp. 1481–1489.
13. Ortega, F.B. et al. (2013) Objectively measured physical activity and sedentary time during childhood, adolescence and young adulthood: a cohort study. *PLoS One*. 8. e60871.
14. Djoussé, L., Driver, J.A. & Gaziano, J.M. (2009) Relation between modifiable lifestyle factors and lifetime risk of heart failure. *JAMA*. 302. pp. 394–400.
15. Pearso, N. et al. (2009) Patterns of adolescent physical activity and dietary behaviours. *Int. J. Behav. Nutr. Phys. Act*. 6 (45-5868-6- 631 45).
16. Pronk, N.P. (2012) The power of context: moving from information and knowledge to practical wisdom for improving physical activity and dietary behaviors. *Am. J. Prev. Med*. 42. pp. 103–104.
17. Lawlor, D.A. et al. (2005) Socioeconomic position, cognitive function, and clustering of cardiovascular risk factors in adolescence: findings from the Mater University Study of Pregnancy and its outcomes. *Psychosom. Med*. 67. pp. 862–868.
18. Van Nieuwenhuijzen, M. et al. (2009) Clustering of health-compromising behavior and delinquency in adolescents and adults in the Dutch population. *Prev. Med*. 48. pp. 572–578.
19. Myint, P.K. et al. (2009) Combined effect of health behaviours and risk of first ever stroke in 20,040 men and women over 11 years' follow-up in Norfolk cohort of European Prospective Investigation of Cancer (EPIC Norfolk): prospective population study. *BMJ*. 338. b349.
20. Martin-Diener, E. et al. (2014) The combined effect on survival of four main behavioural risk factors for non-communicable diseases. *Prev. Med*. 65. pp. 148–152.
21. Khaw, K.T. et al. (2008) Combined impact of health behaviours and mortality in men and women: the EPIC-Norfolk prospective population study. *PLoS Med*. 5. e12.
22. Moffitt, T.E. et al. (2011) A gradient of childhood self-control predicts health, wealth, and public safety. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 108. pp. 2693–2698.
23. Griffin, K.W. et al. (2012) Long-term effects of self-control on alcohol use and sexual behavior among urban minority young women. *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 9. pp. 1–23.
24. Pampel, F.C., Krueger, P.M. & Denney, J.T. (2010) Socioeconomic disparities in health behaviors. *Annu. Rev. Sociol.* 36. p. 349.
25. Frech, A. (2012) Healthy behavior trajectories between adolescence and young adulthood. *Adv. Life Course Res*. 17. pp. 59–68.
26. Cameron, A.J. et al. (2011) Clustering of obesity-related risk behaviors in children and their mothers. *Ann. Epidemiol*. 21. pp. 95–102.
27. Hair, E.C., Park, M.J., Ling, T.J. & Moore, K.A. (2009) Risky behaviors in late adolescence: occurrence, predictors, and consequences. *J. Adolesc. Health*. 45. pp. 253–261.
28. Bachmann, M., Znoj, H. & Brodbeck, J. (2012) Smoking behaviour, former quit attempts and intention to quit in urban adolescents and young adults: a five-year longitudinal study. *Public Health*. 126. pp. 1044–1050.
29. Ievers-Landis, C.E. et al. (2015) Longitudinal correlates of health risk behaviors in children and adolescents with type 2 diabetes. *J. Pediatr*. 166. pp. 1258–1264 (e3).
30. Paavola, M., Vartiainen, E. & Haukkala, A. (2004) Smoking, alcohol use, and physical activity: a 13-year longitudinal study ranging from adolescence into adulthood. *J. Adolesc. Health*. 35. pp. 238–244.
31. Wills, T.A., Walker, C., Mendoza, D. & Ainette, M.G. (2006) Behavioral and emotional self-control: relations to substance use in samples of middle and high school students. *Psychol. Addict. Behav*. 20. p. 265.
32. Wills, T.A., Isasi, C.R., Mendoza, D. & Ainette, M.G. (2007) Self-control constructs related to measures of dietary intake and physical activity in adolescents. *J. Adolesc. Health*. 41. pp. 551–558.
33. Edwardson, C.L. & Gorely, T. (2010) Parental influences on different types and intensities of physical activity in youth: a systematic review. *Psychol. Sport Exerc*. 11. pp. 522–535.
34. Berge, J.M. et al. (2015) He said, she said: examining parental concordance on home environment factors and adolescent health behaviors and weight status. *J. Acad. Nutr. Diet*. 116 (1). pp. 46–60. DOI:10.1016/j.jand.2015.05.004. Epub 2015 Jul 7
35. Lawman, H.G. & Wilson, D.K. (2012) A review of family and environmental correlates of health behaviors in high risk youth. *Obesity*. 20. pp. 1142–1157.
36. Jimenez-Moreno, A.C. et al. (2017) Measuring Habitual Physical Activity in Neuromuscular Disorders: A Systematic Review. *Journal of Neuromuscular Diseases*. 4 (1). pp. 25–52.
37. World Health Organization. (2001) *International Classification of Functioning, Disability and Health: ICF. Towards a Common Language for Functioning, Disability and Health*. Geneva: WHO.
38. Bjornson, K.F., Zhou, C., Stevenson, R.D. & Christakis, D. (2014) Relation of stride activity and participation in mobility-based life habits among children with cerebral palsy. *Arch Phys Med Rehabil*. 95 (2). pp. 360–368.
39. Gill, D.L. et al. (2013) Physical activity and quality of life. *J Prev Med Public Health*. 46 (1). pp. 28–34.
40. Del Din, S., Godfrey, A., Mazza, C., Lord, S. & Rochester, L. (2016) Free-living monitoring of Parkinson's disease: Lessons from the field. *Mov Disord*. 31 (9). pp. 1293–1313.
41. Fini, N.A. et al. (2015) How is physical activity monitored in people following stroke? *Disabil Rehabil*. 37 (17). pp. 1717–1731.
42. Keawutan, P., Bell, K., Davies, P.S. & Boyd, R.N. (2014) Systematic review of the relationship between habitual physical capacity and motor capacity in children with cerebral palsy. *Res Dev Disabil*. 35 (6). pp. 1301–1309.
43. Abresch, R.T., Carter, G.T., Jensen, M.P. & Kilmer, D.D. (2002) Assessment of pain and health-related quality of life in slowly progressive neuromuscular disease. *Am J Hosp Palliat Care*. 19 (1). pp. 39–48.
44. Berlin, J.E., Storti, K.L. & Brach, J.S. (2006) Using activity monitors to measure physical activity in free-living conditions. *Phys Ther*. 86 (8). pp. 1137–1145.
45. Byrom, B. & Rowe, D.A. (2016) Measuring free-living physical activity in COPD patients: Deriving methodology standards for clinical trials through a review of research studies. *Contemp Clin Trials*. 47. pp. 172–184.
46. Shephard, R.J. (2003) Limits to the measurement of habitual physical activity by questionnaires. *Br J Sports Med*. 37. pp. 197–206.

47. Sallis, J.F. & Saelens, B.E. (2000) Assessment of physical activity by self-report: Status, limitations, and future directions. *Res Q Exerc Sport*. 71 (2). pp. 1–14.
48. Klein, P.D. et al. (1984) Calorimetric validation of the doubly-labelled water method for determination of energy expenditure in man. *Hum Nutr Clin Nutr*. 38 (2). pp. 95–106.
49. Hills, A.P., Mokhtar, N. & Byrne, N.M. (2014) Assessment of physical activity and energy expenditure: An overview of objective measures. *Front Nutr*. 1. p. 5. DOI: 10.3389/fnut.2014.00005
50. Falck, R.S. et al. (2015) Measurement of physical activity in older adult interventions: A systematic review. *Br J Sports Med*. 50 (8). pp. 464–570. DOI: 10.1136/bjsports-2014-094413
51. Van Remoortel, H. et al. (2012) Validity activity monitors in health and chronic disease: A systematic review. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 9. p. 84.
52. Bassett, D.R.J. (2000) Validity and reliability issues in objective monitoring of physical activity. *Res Q Exerc Sport*. 71 (2). pp. 30–36.
53. Andre, D. & Wolf, D.L. (2007) Recent advances in free-living physical activity monitoring: A review. *J Diabetes Sci Technol*. 1 (5). pp. 760–767.
54. Dos Santos, S.F.S., Freitas Junior, I.F. & Alvarenga, A.M. (2016) Prevalence and factors associated with leisure-time physical activity: Survey repeated in university students. Prevalência e fatores associados à prática de atividades físicas no lazer: Inquérito repetido em estudantes universitários. *Revista Brasileira de Cineantropometria e Desempenho Humano*. 18 (5). pp. 577–590. DOI: <http://dx.doi.org/10.5007/1980-0037.2016v18n5p577>
55. Saraiva, L.C. et al. (2018) Frequency and duration of physical activity practice of university teachers and servants. *Journal of Physical Education*. 29. e2958. DOI:10.4025/jphyseduc.v29i1.2958
56. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2002) *Handbook of self-determination research*. Rochester, N. Y.: University of Rochester.
57. Ntoumanis, N. & Standage, M. (2009) Motivation in physical education classes: A self-determination theory perspective. *Theory and Research in Education*. 7 (2). pp. 194–202.
58. Ryan, R.M. (1995) Psychological needs and the facilitation of integrative processes. *Journal of Personality*. 63. pp. 397–427.
59. Standage, M., Gillison, F.B. & Treasure, D.C. (2007) Self-determination and motivation in physical education. In: Hagger, M.S. & Chatzisarantis, N.L.D. (eds) *Self-determination theory in exercise and sport*. Champaign, IL: Human Kinetics. pp. 71–85.
60. Standage, M., Gillison, F.B., Ntoumanis, N. & Treasure, G.C. (2012) Predicting students' physical activity and health-related well-being: A prospective cross-domain investigation of motivation across school physical education and exercise settings. *Journal of Sport & Exercise Psychology*. 34. P. 37–60.
61. Kohl, H.W. & Cook, H. (2013) *Educating the student body: Taking physical activity and physical education to school*. Washington, DC: The National Academies Press.
62. National Association for Sport and Physical Education (NASPE). (2012) *Shape of the nation report: Status of physical education in the USA*. Reston, VA: American Alliance for Health, Physical Education, Recreation and Dance.
63. Sallis, J.F. (2000) Age-related decline in physical activity: A synthesis of human and animal studies. *Medicine and Science in Sports and Exercise*. 32. pp. 1598–600.
64. Subramaniam, R. & Silverman, S. (2007) Middle school students' attitudes toward physical education. *Teaching and Teacher Education*. 23. pp. 602–611.
65. Subramaniam, P.R. & Silverman, S. (2000) 2000. Validation of scores from an instrument assessing student attitude toward physical education. *Measurement in Physical Education and Exercise Science*. 4. pp. 29–43.
66. Dismore, H. & Bailey, R. (2011) Fun and enjoyment in physical education: Young people's attitudes. *Research Papers in Education*. 26. pp. 499–516.
67. Martinen, R., Fredrick III, R.N. & Silverman, S. (2011) Changes in student attitude toward physical education across a unit of instruction. *Journal of Physical Education and Sport*. 18 (1). pp. 62–70. DOI:10.7752/jpes.2018.01008
68. Donovan, C.B., Mercier, K. & Phillips, S.R. (2015) Investigating Attitudes Toward Physical Education: Validation Across Two Instruments. *Measurement in Physical Education and Exercise Science*. 19 (2). pp. 91–98. DOI:10.1080/1091367X.2015.1012511
69. Ferguson, R.H. et al. (2007) California secondary school physical education teachers' attitudes toward the mandated use of FitnessGram. *Journal of Teaching in Physical Education*. 26. pp. 161–176.
70. Keating, X.D. et al. (2008) Physical education teacher attitudes toward fitness tests scale: Cross-revalidation and modification. *Measurement in Physical Education and Exercise Science*. 12. pp. 72–87. DOI:10.1080/10913670801903969
71. Mercier, K. & Silverman, S. (2014) Validation of an instrument to measure high school students' attitudes toward fitness testing. *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 85 (1). pp. 81–89. DOI:10.1080/02701367.2013.872221
72. Phillips, S.R. & Silverman, S. (2012) Development of an instrument to assess fourth and fifth grade students' attitudes toward physical education. *Measurement in Physical Education and Exercise Science*. 16. pp. 316–327. DOI:10.1080/1091367X.2012.693359
73. Zeng, H.Z., Hipscher, M., & Leung, R.W. (2011) Attitudes of high school students toward physical education and their sport activity preferences. *Journal of Social Sciences*. 7 (4). pp. 529–537. DOI:10.3844/jssp.2011.529.537
74. Hellison, D. & Walsh, D. (2002) Responsibility-based youth programs evaluation: Investigating the investigations. *Quest*. 54. pp. 292–307.
75. Petipas, A.J., Cornelius, A.E., Van Raalte, J.L. & Jones, T. (2005) A framework for planning youth sport programs that foster psychosocial development. *The Sport Psychologist*. 19. pp. 63–80.
76. Escartí, A., Gutiérrez, M., Pascual, C. & Llopis, R. (2010) Implementation of the personal and social responsibility model to improve self-efficacy during physical education classes for primary school children. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*. 10. pp. 387–402.
77. Cummings, T. (1998) *Testing the effectiveness of Hellison's personal and social responsibility model: A dropout, repeated grade, and absentee rate comparison*. Unpublished master's thesis, California State Univer., Chico.
78. Lee, O., Kim, Y. & Kim, B.J. (2012) Relations of Perception of Responsibility to Intrinsic Motivation and Physical Activity Among Korean Middle School Students. *Perceptual & Motor Skills: Exercise & Sport*. 115 (3). pp. 944–952.
79. Timo, J., Sami, Y-P., Anthony, W. & Jarmo, L. (2015) Perceived physical competence towards physical activity, and motivation and enjoyment in physical education as longitudinal predictors of adolescents' self-reported physical activity. *Journal of Science and Medicine in Sport*. 19 (9). pp. 750–754. DOI: 10.1016/j.jsams.2015.11.003
80. Gould, D. & Carson, S. (2008) Life skills development through sport: Current status and future directions. *International Review of Sport and Exercise Psychology*. 1. pp. 58–68. DOI:10.1080/17509840701834573
81. Wright, P.M. & Burton, S. (2008) Implementation and outcomes of a responsibility-based physical activity program integrated into an intact high school physical education class. *Journal of Teaching in Physical Education*. 27. p. 138. DOI:10.1123/jtpe.27.2.138
82. Holt, N.L., Kingsley, B.C., Tink, L.N. & Scherer, J. (2011) Benefits and challenges associated with sport participation by children and parents from low-income families. *Psychology of Sport and Exercise*. 12. pp. 490–499. DOI:10.1016/j.psychsport.2011.05.007
83. Dwyer, T. et al. (2001) Relation of academic performance to physical activity and fitness in children. *Pediatric Exercise Science*. 13. pp. 225–237. DOI:10.1123/pes.13.3.225
84. Papacharisis, V., Goudas, M., Danish, S.J. & Theodorakis, Y. (2005) The effectiveness of teaching a life skills program in a sport context. *Journal of Applied Sport Psychology*. 17. pp. 247–254. DOI:10.1080/10413200591010139
85. McKeough, A., Lupart, J.L. & Marini, A. (eds) (2013) *Teaching for transfer: Fostering generalization in learning*. New York: Routledge.
86. Heddy, B.C. & Sinatra, G.M. (2013) Transforming misconceptions: Using transformative experience to promote positive affect and conceptual change in students learning about biological evolution. *Science Education*. 97. pp. 723–744. DOI: 10.1002/sce.2013.97.issue-5

87. Pugh, K.J. et al. (2010) Motivation, learning, and transformative experience: A study of deep engagement in science. *Science Education*. 94. pp. 1–28.
88. Sibthorp, J. (2003) Learning transferable skills through adventure education: The role of an authentic process. *Journal of Adventure Education & Outdoor Learning*. 3. pp. 145–157. DOI:10.1080/14729670385200331
89. Danish, S.J., Forneris, T. & Wallace, I. (2005) Sport-based life skills programming in the schools. *Journal of Applied School Psychology*. 21. pp. 41–62. DOI:10.1300/J370v21n02_04
90. Turnidge, J., Côté, J. & Hancock, D.J. (2014) Positive youth development from sport to life: Explicit or implicit transfer? *Quest*. 66 (2). pp. 203–217. DOI: 10.1080/00336297.2013.867275
91. Jones, M.I. & Lavalley, D. (2009) Exploring the life skills needs of British adolescent athletes. *Psychology of Sport and Exercise*. 10 (1). pp. 159–167. DOI: org/10.1016/j.psychsport.2008.06.005
92. Camiré, M., Forneris, T., Trudel, P. & Bernard, D. (2011) Strategies for helping coaches facilitate positive youth development through sport. *Journal of Sport Psychology in Action. Nhnjy*. 2. pp. 92–99. DOI: 10.1080/21520704.2011.584246
93. Fraser-Thomas, J. & Côté, J. (2009) Understanding adolescents' positive and negative developmental experiences in sport. *The Sport Psychologist*. 23. pp. 3–23. DOI: 10.1123/tsp.23.1.3
94. Hellison, D.R. (2011) *Teaching personal and social responsibility through physical activity*. Champaign, IL: Human Kinetics.
95. Bangsbo, J. et al. (2016) The Copenhagen Consensus Conference 2016: children, youth, and physical activity in schools and during leisure time. *Br J Sports Med*. 50. pp. 1177–1178. DOI:10.1136/bjsports-2016-096325

Received: 02 February 2021

С.С. Куклина, А.И. Шевченко

ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Рассматривается проблема создания условий, необходимых для подготовки обучающихся к профессиональной деятельности на занятиях по иностранному языку в вузе. Представлена методика формирования межкультурной компетенции в специально отобранной и организованной профессионально ориентированной информационной образовательной среде и результаты ее опытно-экспериментальной проверки.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; профессионально ориентированная информационная образовательная среда; принципы отбора и организации; методика формирования межкультурной компетенции; уровни сформированности межкультурной компетенции; опытно-экспериментальное обучение.

Современный период развития российского образования и социальный заказ общества требуют от вузов создать оптимальные условия для приобретения обучающимися совокупности общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-прикладных компетенций, необходимых в условиях интенсивного международного сотрудничества. Утверждение Правительством РФ стратегии подготовки рабочих кадров в период до 2020 г. устанавливает, что в сфере культуры, переживающей период трансформации, необходимы бакалавры, обладающие не только академическими знаниями, но и умениями прикладного характера в условиях профессиональной деятельности. Все это позволит обучающимся осуществлять культурную деятельность, развивать культурную индустрию, находить способы взаимосвязи культуры и потребностей общества.

Предмет «Иностранный язык» имеет важное значение в процессе приобретения выпускниками знаний, навыков и умений в широком масштабе культурной деятельности при условии, что иноязычная коммуникативная компетенция как цель обучения данной дисциплине в лингвистическом вузе приобретет, с одной стороны, профессионально ориентированный, а с другой – межкультурный характер. Ключевое положение в данном случае занимает межкультурная компетенция как одна из составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, которая по направлению подготовки «Культурология» предполагает способность обучающихся осуществлять взаимодействие с представителями иных культур с помощью иностранного языка в таких видах профессиональной деятельности, как историко-культурная, просветительская, экскурсионная и научно-исследовательская.

Анализ и обобщение исследований отечественных и зарубежных ученых последних лет (В.Г. Апальков, Н.В. Барышников, С.С. Куклина, Е.Г. Тарева, В.П. Фурманова, А. Džalalova, N. Magen-Nagar, N. Raud Narva и др.) показали значительный интерес как к самой межкультурной компетенции, так и к методике ее формирования на разных уровнях иноязычного образования. Так, применительно к общеобразовательной школе речь идет о формировании социокультурной компетенции как составляющей иноязычной коммуникативной компетенции (I. Anužienė, S. Colaiacomo, D. Puntil, Н.Н. Ефремова, С.А. Жолда-

сбаева и др.) [1. Р. 2; 2. Р. 192; 3. С. 78; 4. С. 127]. В высшей школе межкультурная коммуникативная компетенция представляет собой самостоятельную компетенцию, выступающую в виде совокупности взаимосвязанных межкультурных знаний, навыков и умений (Н.В. Барышников, С.С. Куклина, В.П. Фурманова, А. Džalalova, N. Raud Narva и др.) [5. С. 138; 6. С. 256; 7. С. 230; 8. Р.С. 71]. В исследованиях Е.Г. Таревой обосновывается необходимость включения профессиональной составляющей в структуру межкультурной компетенции, учитывая потребности выпускника в межкультурной коммуникации с коллегами-носителями иностранного языка [9. С. 758].

При создании методики формирования межкультурной компетенции В.Г. Апальков, О.Г. Бырдина, С.Г. Долженко, Н.А. Сушкова и другие наполняют ее оптимальным содержанием и соответствующим набором средств обучения, а также выявляют технологии, обеспечивающие активное участие обучающихся в образовательном процессе [10. С. 23; 11. С. 13; 12. С. 238]. Однако, несмотря на разностороннюю разработку перечисленных вопросов, в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию межкультурной компетенции, а ряд вопросов методики ее формирования требует дальнейших исследований применительно к новой образовательной ситуации.

Таковой является активная информатизация образования и внедрение в иноязычный образовательный процесс информационно-коммуникационных средств. В связи с этим формирование межкультурной компетенции вряд ли может рассматриваться в отрыве от информационной образовательной среды. Как показали исследования представителей пространственно-средового подхода (Brett Best, С.О. Simone [13], R.V. Mayer [14], В.И. Гинецинский [15], С.К. Гураль, О.А. Обдалова [16] и др.), ни названные понятия, ни их структура и содержание полностью не определены. Это затрудняет, с одной стороны, отбор и организацию содержания компонентов образовательной среды, предназначенного для формирования межкультурной компетенции, а с другой – инструментальное наполнение методики, создаваемой для этой цели.

Приведенные факты отрицательно сказываются на уровне сформированности межкультурной компетенции студентов и часто являются препятствием в их участии в профессиональном общении на иностран-

ном языке. Подтверждение этому можно видеть в результатах предэкспериментального среза, показавшего, что у обучающихся по направлению подготовки «Культурология» средний коэффициент сформированности межкультурной компетенции 41,5%.

Названный показатель демонстрирует, что студенты слабо знакомы с иноязычной культурой и недостаточно владеют лексико-грамматическими средствами иностранного языка. Поэтому они испытывают трудности при восприятии и понимании культурно-исторической информации, построении высказываний при обосновании своей точки зрения. Последние не всегда логичны и аргументированы, содержат ошибки в использовании лексико-грамматического материала.

Вышеизложенное показывает комплекс проблем, которые мы решали при проектировании методики формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде у студентов направления подготовки «Культурология». **Цель** статьи заключается в том, чтобы представить названную методику и результаты ее опытно-экспериментальной проверки на занятиях по иностранному языку в вузе.

Методология данного исследования базируется на совокупности компетентностного, пространственно-средового, профессионально ориентированного и межкультурного подходов, содержание которых в ходе анализа источников по рассматриваемой проблеме соотнесено с предметом нашего исследования. *Компетентностный подход* в условиях профессионально ориентированного обучения (Н.В. Барышников, А.Л. Бердичевский, [17] А.В. Хуторской [18] и др.) определяет цель-результат обучения иностранному языку по направлению подготовки «Культурология», каковым в нашем случае является сформированная межкультурная компетенция. Она представляет собой готовность и способность обучающихся осуществлять интеркультурные взаимодействия с представителями иной профессиональной культуры в ходе иноязычного общения.

В соответствии с данным подходом процесс обучения должен, с одной стороны, быть направлен на формирование межкультурной компетенции в составе ино-, интра- и интеркультурного компонентов как результата взаимопроникновения и взаимодействия родной и иноязычной культур, а с другой стороны, носить профессионально ориентированный характер для того, чтобы будущий культуролог мог успешно осуществлять интеркультурные взаимодействия с коллегой-носителем иностранного языка в условиях просветительской, историко-культурной, экскурсионной и научно-исследовательской деятельности.

Пространственно-средовый подход (Bdiwi, C. de Runze, S. Faiz, A.A. Cherif [19], В.И. Гинецинский, С.К. Гураль, Н.В. Попова [20], Э.К. Самерханова [21], В.А. Ясвин и др.) обуславливает организацию образовательного процесса дисциплины «Иностранный язык» по направлению подготовки «Культурология» в профессионально ориентированном информационном образовательном пространстве. Одной из единиц последнего является образовательная среда, предназначенная для формирования межкультурной компетенции.

Она включает ресурсный компонент в составе материальных и мультимедийных средств оснащения; информационный, объединяющий знания, навыки, умения и ценностно-ориентационный опыт, который должны освоить студенты, а также средства и способы овладения им; субъектно-деятельностный, куда входят участники образовательного процесса; и процессуальный компонент, где они взаимодействуют для достижения запланированного результата.

Если компетентностный и пространственно-средовый подходы определяют цель и организацию образовательного процесса в целом, то следующие за ними подходы позволяют уточнить содержание компонентов среды. Так, *профессионально ориентированный* (Д.Б. Абыкенова, А.Ж. Асаинова [22], К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе [23], С.С. Куклина [24] и др.) и *межкультурный* (N. Magen-Nagar, M. Shonfeld [25], Н.В. Барышников [17], Е.Г. Тарева [9], В.П. Фурманова [7] и др.) подходы требуют учитывать потребности студентов в изучении иностранного языка, диктуемые спецификой будущей профессии культуролога.

Поэтому компоненты образовательной среды необходимо наполнить межкультурной профессионально ориентированной информацией. Для работы с таким материалом требуются рецептивные и продуктивные упражнения, нацеленные на развитие у обучающихся умений понимать и применять полученную информацию для решения проблемных задач в межкультурных ситуациях, характерных для просветительской, историко-культурной, экскурсионной и научно-исследовательской деятельности, в ходе создания устных и письменных произведений.

Организационными формами выполнения этих упражнений являются групповая и совместная деятельность, готовящие обучающихся к выполнению будущей профессиональной деятельности. Именно в них они вступают в различные виды взаимодействий для передачи приобретения межкультурной профессионально значимой информации.

Описанные подходы позволили спроектировать методику формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде. Она прошла опытно-экспериментальную проверку, при проведении которой использовались такие методы исследования, как анкетирование, опрос, количественный и качественный анализ полученных результатов, статистическая обработка данных.

Первым шагом в проектировании методики формирования межкультурной компетенции стали отбор и организация содержания компонентов профессионально ориентированной информационной образовательной среды, в которой планируется осуществлять формирование названной компетенции. Такими компонентами являются ресурсный компонент в составе материальных и мультимедийных средств оснащения; информационный, объединяющий знания, навыки, умения и ценностно-ориентационный опыт, а также средства и способы овладения им; субъектно-деятельностный, куда входят участники образовательного процесса, и процессуальный компонент, где

они взаимодействуют для достижения запланированного результата.

Чтобы наполнить названные компоненты соответствующим содержанием и тем самым придать им межкультурный и профессионально ориентированный характер, мы вначале выявили принципы отбора и организации, которыми руководствовались для достижения

этой цели. Поскольку «принципы представляют собой основополагающие компоненты, которые определяют организацию обучения предмету» [26. С. 52], то, проявляясь во взаимосвязи, они требуют отобрать соответствующее содержание компонентов среды и так его организовать, чтобы создать оптимальные условия для формирования межкультурной компетенции (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Принципы отбора и организации компонентов профессионально ориентированной информационной образовательной среды

Принципы отбора	Принципы организации
<i>Принцип межкультурной направленности:</i> а) создает условия для подготовки обучающихся к выполнению роли субъекта диалога культур в ситуациях профессионально ориентированного иноязычного общения; б) включает проблемные тексты и задания, которые углубляют представления о современном поликультурном мире; в) развивает у обучающихся такие качества, как эмпатия, толерантность, речевой и социокультурный такт и др.	<i>Сравнительно-сопоставительный принцип:</i> а) обеспечивает взаимодействия участников образовательного процесса, направленные на сравнение различных картин мира; б) способствует определению своего отношения к полученной информации, избегая ложных стереотипов о явлениях изучаемых культур в рамках профессиональной деятельности; в) создает условия, максимально приближенные к коммуникации с коллегой-носителем иностранного языка
<i>Принцип профессиональной направленности:</i> а) создает условия для подготовки специалистов в соответствии с требованиями, которые предъявляются сферой их профессиональной деятельности; б) включает тексты и задания, содержащие профессионально-значимую информацию; в) развивает у обучающихся такие профессиональные качества, как «интерес к профессиональной деятельности, оценивание предметов искусства, прогнозирование механизмов формирования культуры и его воздействия на культурное развитие и т.д.» [9]	<i>Принцип личностной и субъектной индивидуализации</i> предназначен для того, чтобы организовать межкультурное профессионально ориентированное иноязычное общение студентов в рамках проблемных ситуаций, представленных в отобранных текстах, с учетом интересов, мотивов, и склонностей обучающихся, готовящихся к решению учебно-речевых задач, руководствуясь эмпатией, толерантностью, этическими нормами и профессиональным тактом
<i>Принцип информационной насыщенности</i> предполагает, что преподаватель осуществляет отбор достаточного количества межкультурной и профессионально ориентированной информации в соответствии с просветительской, историко-культурной, экскурсионной и научно-исследовательской деятельностью	<i>Принцип проблемно-информационной достаточности учебного материала и его адекватности компонентам межкультурной компетенции</i> побуждает преподавателя отбирать такую информацию, которая количественно достаточна, носит проблемный характер и направлена на совместное обучение всем видам речевой деятельности

Представленные принципы были учтены при наполнении содержания всех компонентов образовательной среды. Так, в состав ее ресурсного компонента, с помощью которого происходит наполнение содержания последующих компонентов, вошла совокупность материальных и мультимедийных средств оснащения в составе Интернет-ресурсов (hotlist, treasure hunt, multimedia scrapbook, subject sampler) и интернет-технологий (интеллект карты, webquest, форумы, kahoot) на базе Интернет платформы Google Classroom.

С помощью этих средств происходит оснащение информационного компонента, в котором выделены предметно-операционный и дидактико-методический субкомпоненты. Содержанием первого стала межкультурная профессионально ориентированная информация, отражающая сферы иноязычного общения, присущие просветительской, историко-культурной, экскурсионной и научно-исследовательской деятельности, и проблемы, значимые для них.

Она предъявляется в интра-, ино- и интеркультурных текстах, из которых обучающиеся черпают содержание и лексико-грамматический материал для участия в письменном и устном межкультурном общении. Операционная часть включает умения речевой деятельности как средств иноязычного общения, универсальные учебные умения, лежащие в их основе, и умения профессиональных видов деятельности.

Дидактико-методический субкомпонент среды представлен частной системой упражнений, созданной для этапов развития умений и функционирования общения [27] одновременно являющихся этапами

формирования межкультурной компетенции. Первая ее подсистема предназначена для этапа развития умений и включает рецептивные и продуктивные упражнения, выполняемые при работе с интра-, ино- и интеркультурными текстами. Упражнения обоих типов могут содержать опоры и памятки, поясняющие, как а) работать с такими текстами; б) строить монологические и диалогические высказывания соответствующего качества; в) использовать межкультурный профессионально ориентированный материал для обслуживания профессиональных видов деятельности.

Вторая подсистема предназначена для этапа функционирования общения, где студенты участвуют в профессионально ориентированных ролевых играх межкультурной направленности, которые имитируют условия интеркультурного взаимодействия.

Как можно видеть, содержание информационного компонента образовательной среды целенаправленно отобрано и методически организовано для формирования межкультурной компетенции и его применения в процессуальном компоненте. В нем преподаватель и обучающиеся, как участники субъектно-деятельностного компонента, вступают во взаимодействие во время передачи и усвоения межкультурной профессионально ориентированной информации и способов работы с ней с целью достижения указанного результата.

Поэтому именно для процессуального компонента профессионально ориентированной информационной образовательной среды спроектирована методика формирования межкультурной компетенции у студентов направления подготовки «Культурология» (см.

рис. 1). Она является «совокупностью приемов работы преподавателя и учащихся», где они вступают во взаимодействие «для достижения цели обучения» [28. С. 74].

Приемами спроектированной методики являются комплексы упражнений, отражающие способы взаимодействия преподавателя и обучающихся. Их содержание определяется этапом формирования межкультурной компетенции. Так, на этапе развития умений комплекс упражнений состоит из рецептивных и продуктивных упражнений, организованных вокруг содержания интра-, ино- или интеркультурных текстов. Поскольку в этих упражнениях взаимодействующие субъекты решают поисковые и творческие речевые задачи, выполняя роли, присущие профессиональным видам деятельности, то именно они определяют способы их взаимодействий. На этапе функционирования общения, где преподаватель и обучающиеся включаются в профессионально ориентированные ролевые игры, их взаимодействие обуславливается ролями, которые выполняют их участники.

И наконец, формы названных взаимодействий организуются с учетом их опосредованности мультимедийными средствами оснащения и местом в этом процессе. Такими формами являются: а) непосредственные взаимодействия преподавателя и студентов в аудитории; б) опосредованные интернет-ресурсами и интернет-технологиями взаимодействия в аудитории; в) опосредованные интернет-ресурсами и интернет-технологиями взаимодействия студентов вне аудитории под управлением преподавателя [29].

Сказанное позволяет говорить о *методике формирования межкультурной компетенции* в процессуальном компоненте профессионально ориентированной информационной образовательной среды как о совокупности комплексов упражнений, адекватных этапам формирования межкультурной компетенции, способами выполнения которых являются взаимодействия субъектов образовательного процесса, их содержание определяется типом решаемой речевой задачи, а организационные формы – опосредованностью мультимедийными средствами и видами профессиональной деятельности будущего культуролога.

Данная методика имеет циклический характер, проблемную организацию и профессиональную направленность. Первые три занятия цикла предназначены для этапа развития умений, где происходит присвоение межкультурной профессионально ориентированной информации и способов работы с ней. Каждое из занятий направлено на решение одной из подпроблем цикла и состоит из двух частей, где в первой взаимодействующие субъекты работают с комплексом рецептивных упражнений (тип I), а во второй – с комплексом продуктивных упражнений (тип II), организованных вокруг содержания соответствующих текстов.

Например, на первом занятии цикла первый комплекс состоит из содержательных поисковых упражнений для работы с интракультурным текстом, представленным мультимедийно, а второй включает речевые упражнения, где преподаватель организует непосредственные взаимодействия студентов, объединяя их в несколько подгрупп. Продуктом взаимодействий

участников являются монологические и диалогические высказывания, обусловленные содержанием прочитанных или прослушанных текстов.

Заключительное занятие в цикле представляет этап функционирования общения, где с помощью информации, полученной из текстов и интернет-ресурсов, а также приобретенных речевых умений, обучающиеся участвуют в профессионально ориентированных ролевых играх. Они проходят в форме дискуссии, виртуальной или заочной экскурсии либо мастерской письма, где студенты пишут небольшое эссе аргументационного характера. Продуктом данного занятия являются высказывания обучающихся в новых ситуациях, создаваемые в ходе интеркультурных взаимодействий, для представления своей позиции по историко-культурным проблемам и принятия взаимоприемлемого решения.

Качество продуктов, созданных на обоих этапах, является кумулятивным результатом, характеризующим уровень сформированности межкультурной компетенции. На первом этапе он демонстрирует готовность обучающихся к осуществлению интеркультурных взаимодействий, обслуживаемых речевой деятельностью как средством иноязычного общения. На втором полученный продукт показывает готовность и способность студентов вступать во взаимодействия с коллегой-носителем иностранного языка, создавая самостоятельные речевые произведения. В обоих случаях от обучающихся ожидается проявление личностных и профессиональных качеств, значимых для иноязычного общения в профессиональной деятельности (табл. 2).

Изложенное нашло отражение в модели методики формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной образовательной среде (рис. 1).

Эффективность спроектированной методики выявлялась в ходе опытно-экспериментального обучения на I курсе факультета истории, культурологии и политических наук Вятского государственного университета, в котором приняли участие 89 человек. В нем использовался константный эксперимент, где одна и та же группа выступала в роли экспериментальной и контрольной. Это, с одной стороны, позволило проследить динамику в формировании компетенции у обучающихся, а с другой – побудило провести предэкспериментальный, текущий и постэкспериментальный срезы.

В качестве показателя степени готовности и способности обучающихся осуществлять интеркультурные взаимодействия в ходе профессионально ориентированного иноязычного общения избран коэффициент, предложенный В.П. Беспалько [16], рассчитываемый по формуле

$$K = \frac{a}{n} \times 100\%,$$

где a – количество набранных баллов; n – максимально возможное количество баллов. Предельным мы считаем коэффициент не ниже 0,6 (60%). Коэффициент соотнесен с пятибалльной системой оценивания и является показателем сформированности межкультурной компетенции (табл. 3), которая в связи с этим характеризуется низким, средним и высоким уровнем.

Уровни сформированности межкультурной компетенции

Личностные и профессиональные качества: культурная неподвзятость, эмпатия, интерес к профессиональной деятельности	I уровень – готовность	
	а) целенаправленность, логичность и завершенность высказывания;	
	б) опора на содержание полученной информации и форму ее предъявления для обеспечения полноты высказывания;	
	в) корректность и грамотность в употреблении межкультурных профессионально ориентированных единиц	
	II уровень – готовность и способность	
	а) аргументированность, логичность и убедительность высказываний для представления своей точки зрения	
	б) понимание логического и побудительного аспектов сообщения оппонента и выявление сходств и различий в позициях	
	в) самостоятельность в общении, корректность в употреблении межкультурных профессионально ориентированных единиц	

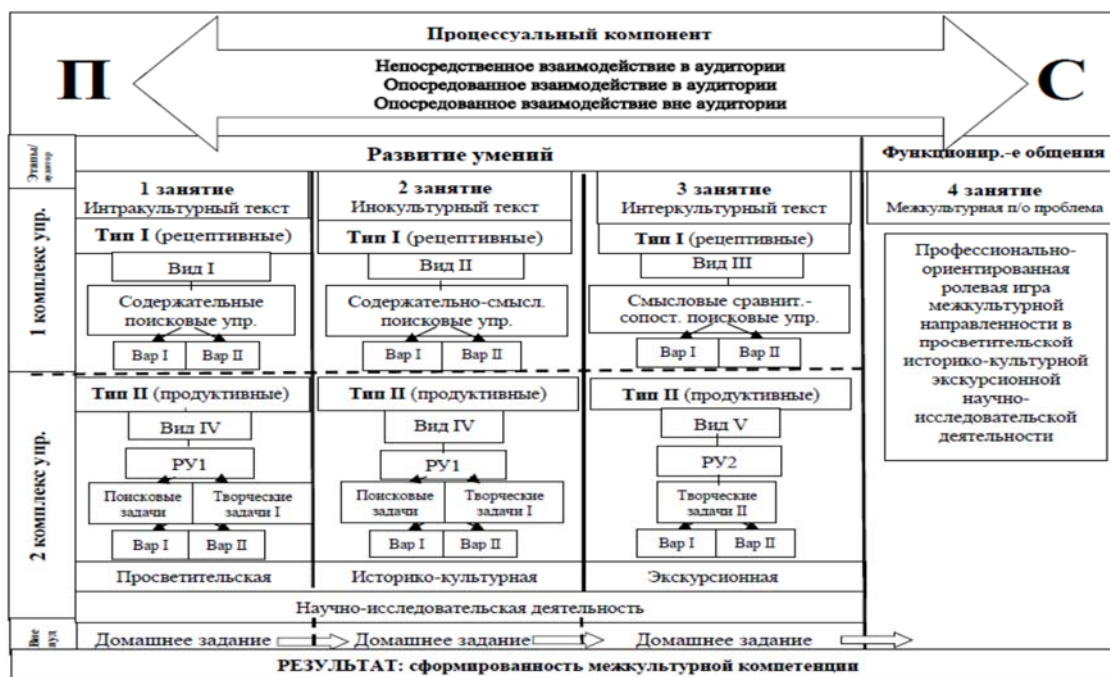

Рис. 1. Модель методики формирования межкультурной компетенции в профессионально ориентированной информационной образовательной среде

Таблица 3

Соотношение коэффициента успешности с пятибалльной шкалой оценивания

Величина коэффициента, %	84–100	59–83	22–58
Отметка	5	4	3
Уровень	Высокий	Средний	Низкий

Во время предэкспериментального среза мы смогли оценить только уровень готовности студентов осуществлять интеркультурные взаимодействия, так как в процессе обучения не были созданы условия для целенаправленного формирования межкультурной компетенции. Поэтому мы лишь оценили монологические / диалогические высказывания и письменные произведения обучающихся, построенные на базе интракультурного, инокультурного и интеркультурного текстов, в рамках профессиональных видов деятельности. Так, укажем средний коэффициент:

а) в просветительской деятельности он равен 43%, где наибольшие трудности при построении высказываний были связаны с недостаточным осмыслением культурно-исторической информации о родной стране и отсутствием аргументированности и последовательности в представлении достижений отечественной культуры;

б) историко-культурной деятельности – 42%, где интерпретация культурно-исторической информации

о стране изучаемого языка вызвала наибольшие трудности. Одновременно наблюдались ошибки в логике и последовательности изложения, что затруднило понимание смысла высказывания;

в) в экскурсионной деятельности – 41%, где обучающиеся столкнулись с трудностями при изложении общей и частной информации о своей и иноязычной странах, особенностях их культуры, что привело к смысловой неточности при сравнении и сопоставлении двух культур.

В итоге средний коэффициент по группе составил 41,5%, что соответствует низкому уровню сформированности МК. После двух циклов занятий, где применялась разработанная методика формирования межкультурной компетенции, был проведен текущий срез, показавший положительные изменения в полученных результатах. Так, на этапе развития умений большинство обучающихся смогли понять общее содержание прочитанных текстов, выделить необходимые межкультурные и профессионально ориентированные еди-

ницы для правильного оформления высказываний в рамках профессиональной деятельности.

В то же время студенты испытывали трудности в обобщении полученной информации для представления культурологических сведений в просветительской и историко-культурной деятельности, допускали ошибки при использовании иноязычных лексико-грамматических средств ($K = 64$ и 65%). В экскурсионной деятельности часть обучающихся не смогли ответить на дополнительные вопросы «экскурсантов» ($K = 64\%$).

На этапе функционирования иноязычного общения ролевая игра межкультурной направленности показала, что студенты в основном пользуются усвоенными ранее способами интеркультурных взаимодействий и затрудняются при создании новых способов, допускают ошибки в логике изложения своего мнения и не полностью понимают позицию оппонента. Это свидетельствует о частично сформированной готовности и способности вступать в интеркультурные взаимодействия в ходе профессионального иноязычного общения ($K = 64\%$) и говорит о среднем уровне сформированности компетенции.

Завершил опытно-экспериментальную проверку постэкспериментальный срез, показавший, что в ходе просветительской и историко-культурной деятельности на этапе развития умений обучающиеся правильно и практически безошибочно представляли историко-

культурные факты в виде доклада. Средний коэффициент по группе – 85 и 86% соответственно.

Что касается экскурсионной деятельности, то студенты смогли правильно организовать экскурсию с привлечением материала межкультурного характера, рассказать о достижениях культуры, дать информацию о народных традициях и социальных течениях, провести сравнение с родной культурой, ответить на большинство вопросов культурно-исторического характера ($K = 86\%$).

На этапе функционирования общения при проведении ролевых игр обучающиеся в основном корректно употребляли профессиональную лексику, представляя свою позицию логично и аргументированно. Во время перекрёстных вопросов они старались рассмотреть все точки зрения, проявляя такие качества, как культурная непредвзятость, социокультурный такт, толерантность и др. ($K = 84\%$).

Представим результаты трех срезов в сводной таблице (табл. 4).

Анализ результатов проведенных срезов продемонстрировал количественные изменения и прирост показателей степени готовности и способности студентов осуществлять интеркультурные взаимодействия в условиях профессиональной деятельности, что говорит о значительно возросшем уровне сформированности межкультурной компетенции (рис. 2).

Таблица 4

Результаты пред-, текущего и постэкспериментального срезов, %

Срез	Количество студентов, чел.				Средний коэффициент в группе
	1–15	16–31	32–47	48–61	
	Устные и письменные высказывания в				
	просветительской деятельности	историко-культурной деятельности	экскурсионной деятельности	ПО ролевая игра	
Предэксп.	43	42	41	42	41,5
Текущий	64	65	64	63	64
Постэксп.	85	86	86	84	85,25

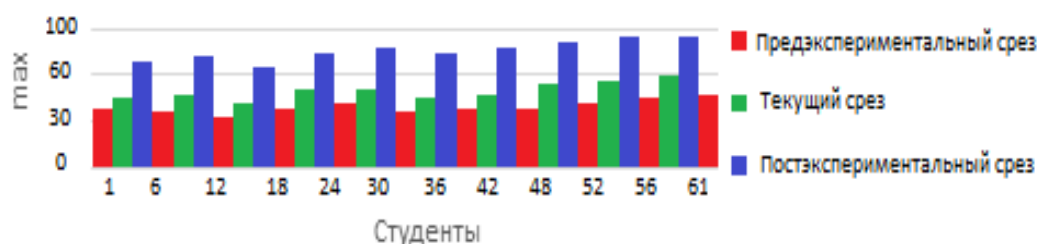

Рис. 2. Сравнительные показатели уровня готовности и способности обучающихся к интеркультурным взаимодействиям в профессионально ориентированном иноязычном общении

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи алгоритма расчета критерия Фишера ($F_{\text{стат.}} > F_{\text{крит.}}$, где $p < 0,05$) и показала, что на пересечении строки «Между группами» и столбца р-значение находится величина, которая во всех выборках меньше $< 0,05$ или 5% . В связи с проведенными расчетами мы можем утверждать с достоверностью 95% , что применение разработанной методики обеспечивает статистически значимое повышение уровня сформированности межкультурной компетенции студентов в профессионально ориентированной образовательной среде.

Полученные данные говорят об эффективности созданной методики, ибо она не только способна повысить уровень сформированности межкультурной компетенции, но и подготовить обучающихся направления подготовки «Культурология» к выполнению профессиональной деятельности в условиях диалога культур.

Результаты проведенного теоретико-эмпирического исследования и статистический анализ полученных данных доказали состоятельность и эффективность спроектированной методики в специально отобранной и организованной профессионально ориентированной информационной образовательной сре-

де и ее вклад в профессиональную подготовку обучающихся по направлению подготовки «Культурология». В дальнейшем актуальным представляется адап-

тация разработанной методики формирования межкультурной компетенции к другим лингвистическим направлениям подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anužienė I. The structure of socio-cultural competence (self) development // Vocational training: research and realities. 2015. Vol. 26, is. 1. P. 1–12. DOI: 10.1515/vtrr-2015-0006
2. Colaiacono S., Puntl D. Intercultural Learning – an undergraduate module supporting the development of students' cultural awareness in international settings // Language Learning in Higher education. 2018. Vol. 8, Is. 1. P. 187–196. DOI: 10.1515/cercles-2018-0011
3. Ефремова Н.Н. Формирование социокультурной компетенции учащихся старших классов гимназии // Образование и саморазвитие. 2007. № 5. С. 76–80. URL: <https://eandsjournal.org/wp-stuff/uploads/sites/2/2016/09/ESD-2007-5-Issue-5.pdf>
4. Жолдасбаева С.А. Некоторые аспекты формирования социокультурной компетенции у старшеклассников школы-интерната // Журнал научных публикаций дискуссия. 2013. № 8 (38). С. 125–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-formirovaniya-sotsiokulturnoy-kompetentsii-u-starsheklassnikov-shkoly-internata>
5. Барышников Н.В., Бернштейн В.Л. Формирование профессиональной коммуникативной межкультурной компетенции: обобщение опыта, поиск методических решений // Язык и культура. 2018. № 43. С. 136–147. DOI: 10.17223/19996195/43/9
6. Куклина С.С., Черемисинова И.С. Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучения иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. № 41. С. 255–270. DOI: 10.17223/19996195/41/16
7. Фурманова В.П., Ферстяев А.И. Развитие межкультурной компетенции студентов-бакалавров на основе концептуальной модели // Язык и культура. 2018. № 42. С. 226–242. DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/42/14>
8. Džalalova A., Raud Narva N. Multicultural competence and its development in students of teacher education curricula // Problems of education in the 21st century. 2012. Vol. 40. P. 65–74. URL: <http://oaji.net/articles/2014/457-1408532021.pdf>
9. Tareva E.G., Tarev B.V. The assessment of students' professional communicative competence: new challenges and possible solutions // XLingua: European Scientific Language Journal. 2018. № 2. P. 758–767. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.59
10. Апальков В.Г. Методика формирования межкультурной компетенции средствами электронно-почтовой группы. М. : МЭСИ, 2011. 138 с. URL: <http://kniga.seluk.ru/k-jazykoznanie/697802-1-vg-apalkov-metodika-formirovaniya-mezhkulturnoy-kompetentsii-sredstvami-elektronnopochtovoy-gruppi-monografiya-mo.php>
11. Бырдина О.Г., Долженко С.Г., Юринова Е.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции у студентов нефилологических профилей подготовки посредством content-based active speaking technology // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 4. С. 7–25. DOI: 10.15293/2226-3365.1804.01
12. Сушкова Н.А. Педагогические условия формирования межкультурной компетенции методом погружения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 233–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-mezhkulturnoy-kompetentsii-metodom-pogruzeniya>
13. Brett Best, Simone C.O. Conceição Transactional Distance Dialogic Interactions and Student Satisfaction in a Multi-Institutional Blended Learning Environment // European Journal of Open, Distance and E-Learning. 2017. Vol. 20, Is. 1. P. 139–153. DOI: 10.1515/eurodl-2017-0009
14. Mayer R.V. Research of didactic systems with use of methods of computer modeling // Psychology, sociology and pedagogy. 2014. № 7 (34). P. 37–42. URL: <http://psychology.snauka.ru/en/2014/07/3406>
15. Гиневский В.И. Проблема структурирования мирового образовательного пространства // Педагогика. 1997. № 3. С. 10–15. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1543
16. Гураль С.К., Обдалова О.А. Синергетическая модель развития образовательного пространства // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 90–94. URL: https://www.docme.ru/doc/1092630/38.yazyk-i-kul_tura-N4-2011
17. Барышников Н.В., Бердичевский А.Л., Викулова Л.Г. Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М. : Неолит, 2017. 424 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/202098018>
18. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Инновации в общеобразовательной школе // Методы обучения : сб. науч. трудов / под ред. А.В. Хуторского. М. : ГНУ ИСМО РАО, 2006. С. 65–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21696585>
19. Bdiwi R., de Runze C., Faiz S., Cherif A.A. Smart learning environment: Teacher's role in assessing classroom attention // Research in Learning Technology. 2019. Vol. 27. DOI: 10.25304/rlt.2072
20. Попова Н.В., Овсянникова Т.В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции и позиции посредника у студентов университета в поликультурном образовательном пространстве // Инновации в образовании. 2016. № 6. С. 68–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26039915>
21. Самарханова Э.К. Информационно-образовательное пространство: теоретико-методологический аспект. Н. Новгород : НГПУ, 2011. 129 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26458700>
22. Абыкенова Д.Б., Асаинова А.Ж. Проблема формирования информационно-коммуникационной компетентности магистранта как будущего научно-педагогического работника: опыт Казахстана // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 34–48. DOI: 10.15293/2226-3365.1701.03
23. Безукладников К.Э., Жигалев Б.А., Крузе Б.А. Профессионально ориентированное обучение английскому языку: методы, приемы, оценивание = ESP TEACHING, LEARNING, ASSESSMENT: MODERN TOOLS, STRATEGIES, PRACTICES. Пермь : Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2017. 122 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30497921>
24. Куклина С.С. Учебная деятельность по овладению иноязычным общением и ее организационные формы. Киров : РадугаПРЕСС, 2013. 175 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22920743>
25. Magen-Nagar N., Shonfeld M. Attitudes, Openness to Multiculturalism, and Integration of Online Collaborative Learning // Educational Technology & Society. 2018. Vol. 21, is. 3. P. 1–11. URL: https://www.j-ets.net/ETS/journals/21_3/1.pdf
26. Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Акимов Н.В. Методика обучения иностранным языкам : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2017. 350 с. URL: <https://static.my-shop.ru/product/fl6/290/2895860.pdf>
27. Пассов Е.И., Кибирева Л.В. Концепция коммуникативного иноязычного образования: теория и ее реализация: метод. пособие для русистов. СПб. : Златоуст, 2007. 199 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/522913>
28. Щукин А.Н., Фролова Г.М. Методика преподавания иностранных языков : учебник. М. : Академия, 2015. 288 с. URL: <https://www.twirpx.com/file/2285668/>
29. Chanpet P., Chomsuwan K., Murphy E. Online Project-Based and Formative Assessment // Technology, Knowledge and Learning. 2018. P. 1–21. DOI: 10.1007/s10758-018-9363-2

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 ноября 2020 г.

Experimental Verification of Methods for the Intercultural Competence Formation in the Professionally Oriented Informational Educational Environment of the University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 216–224.

DOI: 10.17223/15617793/464/24

Svetlana S. Kuklina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: svstkuk47@gmail.com

Anna I. Shevchenko, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: malice_sky@mail.ru

Keywords: intercultural competence; professionally oriented informational educational environment; principles of choice and organization; methods of intercultural competence formation; levels of intercultural competence formation; experimental teaching.

The article focuses on the problem of creating conditions for the preparation of university students for their future professional activities in the foreign language classroom. For this purpose, we took into account the external and internal factors of the organization of the educational process. The external factors include the Federal State Educational Standard of Higher Education, the Cultural Studies syllabus; the combination of competence-based, environmental, professionally oriented and intercultural approaches. The internal factors include the conditions of the educational process in the first year, the level of the development of students' personal and subjective qualities. These factors are determined by the principles of selection (intercultural and professional orientation, informational richness) and organization (personal and subject individualization, comparison, problematic sufficiency of educational material and its adequacy to components of the intercultural competence). The aim of the article is to present a methodology for the intercultural competence formation in a specifically selected and organized professionally oriented informational educational environment and the results of its experimental verification. The methodological basis of the research is a combination of competence-based, environmental, professionally oriented and intercultural approaches. The research methods include the analysis of literature, designing polls, experimental verification, quantitative and qualitative analysis of the results, statistic data verification. The article presents the methods of the intercultural competence formation in the professionally oriented informational educational environment designed for foreign language learners majoring in culturology. As a result of the purposeful selection and organization of the environment, the methodology is filled with the intercultural professionally oriented information and instrumentally equipped with the system of exercises to achieve the expected results. Controlling and evaluating tools for diagnosing the level of the intercultural competence formation are created. The process and results of experimental verification are described for determining the efficiency of the designed methods of the intercultural competence formation, which the future culture expert needs in order to take part in the professional foreign language communication. The results of the research and the statistic data verification have proved the efficiency of the designed methods of the intercultural competence formation in the purposefully selected and organized professionally oriented informational educational environment and its contribution to the professional training of students majoring in culturology.

REFERENCES

1. Anužienė, I. (2015) The structure of socio-cultural competence (self) development. *Vocational training: research and realities*. 26 (1). pp. 1–12. DOI: 10.1515/vtr-2015-0006
2. Colaiacomo, S. & Punttil, D. (2018) Intercultural Learning – an undergraduate module supporting the development of students' cultural awareness in international settings. *Language Learning in Higher Education*. 8 (1). pp. 187–196. DOI: 10.1515/cerles-2018-0011
3. Efremova, N.N. (2007) Formirovanie sotsiokul'turnoy kompetentsii uchashchikhsya starshikh klassov gimnazii [Formation of socio-cultural competence of high school students]. *Obrazovanie i samorazvitie*. 5. pp. 76–80. [Online] Available from: <https://eandsjournal.org/wp-stuff/uploads/sites/2/2016/09/ESD-2007-5-Issue-5.pdf>.
4. Zholdasbaeva, S.A. (2013) Some aspects of the social and cultural competence formation for senior high school students of boarding school "NIS" pedagogical mastery center. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy diskussiya*. 8 (38). pp. 125–129. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-formirovaniya-sotsiokulturnoy-kompetentsii-u-starsheklassnikov-shkoly-internata>. (In Russian).
5. Baryshnikov, N.V. & Bernshteyn, V.L. (2018) The formation of professional communicative intercultural competence: Summarising the experience and searching for new didactic solutions. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 136–147. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/9
6. Kuklina, S.S. & Cheremisina, I.S. (2018) Intercultural foreign language communicative competence as the basis of teaching foreign language communication in universities. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 255–270. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/41/16
7. Furmanova, V.P. & Ferstyayev, A.I. (2018) Development of bachelor students' intercultural competence based on a conceptual model. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 42. pp. 226–242. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/42/14
8. Džalalova, A. & Raud Narva, N. (2012) Multicultural competence and its development in students of teacher education curricula. *Problems of Education in the 21st Century*. 40. pp. 65–74. [Online] Available from: <http://oaji.net/articles/2014/457-1408532021.pdf>.
9. Tareva, E.G. & Tarev, B.V. (2018) The assessment of students' professional communicative competence: new challenges and possible solutions. *XLingua: European Scientific Language Journal*. 2. pp. 758–767. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.59
10. Apal'kov, V.G. (2011) *Metodika formirovaniya mezhkul'turnoy kompetentsii sredstvami elektronno-pochtovoy gruppy* [Methodology for the formation of intercultural competence by means of an e-mail group]. Moscow: MESI. [Online] Available from: <http://kniga.seluk.ru/k-jazykoznanie/697802-1-vg-apal'kov-metodika-formirovaniya-mezhkul'turnoy-kompetentsii-sredstvami-elektronno-pochtovoy-gruppy-monografiya-mo.php>.
11. Byrdina, O.G., Dolzhenko, S.G. & Yurina, E.A. (2018) Formation of foreign-language communicative competence of non-philological training profile students by means of content-based active speaking technology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Science for Education Today*. 8 (4). pp. 7–25. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1804.01
12. Sushkova, N.A. (2009) Pedagogical conditions of intercultural competence forming by means of immersion. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 7. pp. 233–241. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-mezhkul'turnoy-kompetentsii-metodom-pogruzheniya>. (In Russian).
13. Brett Best & Simone, C.O. (2017) Conceição Transactional Distance Dialogic Interactions and Student Satisfaction in a Multi-Institutional Blended Learning Environment. *European Journal of Open, Distance and E-Learning*. 20 (1). pp. 139–153. DOI: 10.1515/eurodl-2017-0009
14. Mayer, R.V. (2014) Research of didactic systems with use of methods of computer modeling. *Psychology, Sociology and Pedagogy*. 7 (34). pp. 37–42. [Online] Available from: <http://psychology.snauka.ru/en/2014/07/3406>.
15. Ginetinskiy, V.I. (1997) Problema strukturirovaniya mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva [The problem of structuring the world educational space]. *Pedagogika*. 3. pp. 10–15. [Online] Available from: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1543.
16. Gural', S.K. & Obdalova, O.A. (2011) Synergetic model of educational space development. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (16). pp. 90–94. (In Russian).

17. Baryshnikov, N.V., Berdichevskiy, A.L. & Vikulova, L.G. (2017) *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novye sotsiogumanitarnye tsennosti* [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: Man and new socio-humanitarian values]. Moscow: Neolit. [Online] Available from: <https://publications.hse.ru/books/202098018>
18. Khutorskoy, A.V. (2006) *Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy* [Technology of designing key and subject competences]. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21696585>.
19. Bdiwi, R., de Runze, C., Faiz, S. & Cherif, A.A. (2019) Smart learning environment: Teacher's role in assessing classroom attention. *Research in Learning Technology*. 27. DOI: 10.25304/rlt.2072
20. Popova, N.V. & Ovsyannikova, T.V. (2016) Building intercultural communicative competence and mediator's position in university students in a multicultural educational space. *Innovatsii v obrazovanii – Innovation in Education*. 6. pp. 68–83. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26039915>. (In Russian).
21. Samerkhanova, E.K. (2011) *Informatsionno-obrazovatel'noe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Information and educational space: theoretical and methodological aspect]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26458700>.
22. Abykenova, D.B. & Asainova, A.Zh. (2017) Forming master's degree students' ICT competencies as future researchers and educators: A Kazakhstan case study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 34–48. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1701.03
23. Bezukladnikov, K.E., Zhigalev, B.A. & Kruze, B.A. (2017) *Professional'no orientirovannoe obuchenie angliyskomu yazyku: metody, priemy, otsenivanie* [ESP Teaching, Learning, Assessment: Modern Tools, Strategies, Practices]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30497921>.
24. Kuklina, S.S. (2013) *Uchebnaya deyatel'nost' po ovladeniyu inoyazychnym obshcheniem i ee organizatsionnye formy* [Educational activities for mastering foreign language communication and its organizational forms]. Kirov: RadugaPRESS. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22920743>.
25. Magen-Nagar, N. & Shonfeld, M. (2018) Attitudes, Openness to Multiculturalism, and Integration of Online Collaborative Learning. *Educational Technology & Society*. 21 (3). pp. 1–11. [Online] Available from: https://www.j-ets.net/ETS/journals/21_3/1.pdf.
26. Gal'skova, N.D., Vasilevich, A.P. & Akimova, N.V. (2017) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methodology of teaching foreign languages]. Rostov-on-Don: Feniks. [Online] Available from: <https://static.my-shop.ru/product/f16/290/2895860.pdf>.
27. Passov, E.I. & Kibireva, L.V. (2007) *Kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya: teoriya i ee realizatsiya* [The concept of communicative foreign language education: theory and its implementation]. Saint Petersburg: Zlatoust. [Online] Available from: <https://znanium.com/catalog/product/522913>.
28. Shchukin, A.N. & Frolova, G.M. (2015) *Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: uchebnik* [Methods of teaching foreign languages: a textbook]. Moscow: Akademiya. [Online] Available from: <https://www.twirpx.com/file/2285668/>.
29. Chanpet, P., Chomsuwan, K. & Murphy, E. (2018) Online Project-Based and Formative Assessment. *Technology, Knowledge and Learning*. pp. 1–21. DOI: 10.1007/s10758-018-9363-2

Received: 03 November 2020

И.А. Сизова

МУЗЕЙ – АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК РЫНКА НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2019 г.*

Продемонстрированы возможности использования музеев в качестве нового и активного игрока в сфере непрерывного образования. Для лучшего понимания места и роли музея проводится анализ непрерывного образования в его различных видах (формальное, неформальное и информальное). Особое внимание уделяется внедрению различных музейных онлайн-продуктов образовательного характера. При этом делается акцент на необходимость развития сотрудничества музеев с университетами в области разработки образовательных онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: музей; образовательная деятельность; непрерывное образование; образовательный ресурс.

Сегодня в условиях быстро меняющегося мира и дефицита качественного человеческого капитала все актуальнее становится понимание необходимости непрерывного образования, ведущие идеи которого были сформулированы в ряде документов ЮНЕСКО: 1) «Учиться быть» или «Доклад Фора» (1972 г.) [1. С. 24]; 2) Гамбургская декларация об обучении взрослых по итогам V Международной конференции ЮНЕСКО (1997 г.) [2]; 3) доклад «Переосмысливая образование: образование как всеобщее благо?» (2015 г.) [3].

Если кратко, суть этих докладов сводится к тому, что образование человека включает весь комплекс процессов – от формального до информального, в том числе весь спектр неофициального обучения, и нацелено на необходимость постоянного пополнения и обновления получаемых знаний. Все это в конечном итоге привело к возникновению понятий «непрерывное образование» (continuing education) и «образование в течение всей жизни» (life long learning).

За рубежом теоретические основы непрерывного образования начали освещаться с середины XX в. [4–7]. В СССР вопросы непрерывного образования рассматривались в первую очередь в плане повышения квалификации работников, а исследования видов информального образования не были выстроены в единую систему. С 1990-х гг. работа по изучению непрерывного образования активизировалась, что выразилось в появлении ряда диссертационных исследований, посвященных вопросам непрерывного образования. Так, в Электронном каталоге диссертаций Российской государственной библиотеки (diss.rsl.ru) с 1989 г. по настоящее время было выявлено 242 работы, 88 из которых – докторские диссертации. Непрерывное образование рассматривали не только с точки зрения педагогических наук, но и со стороны психологии, социологии, философии и экономики. Именно социологи и экономисты развивали идеи о необходимости качественного непрерывного образования для формирования, сохранения и развития человеческого капитала в условиях социокультурной модернизации российского общества [8–10].

К настоящему моменту основные понятия и определения непрерывного образования достаточно качественно проработаны отечественными исследователями [11, 12]. Так, непрерывное образование может

осуществляться посредством формального, неформального и информального видов образования [13]. Под формальным образованием обычно понимают то, которое проводится в формальной образовательной среде по официально утвержденным стандартам, специально подготовленным персоналом и ведет к получению документа об образовании утвержденного образца – осуществляется специализированными институтами, имеющими образовательную лицензию (традиционно к ним относятся школы, колледжи, университеты, осуществляющие обучение в рамках образовательных стандартов, выдвигаемых государством и имеющих конкретные результаты и условия их реализации). То есть основной критерий формального образования – институализация и стандартизация. Под неформальным образованием понимается любой вид организованной и систематической познавательной деятельности, которая не совпадает с деятельностью школ, колледжей, университетов и других учреждений, входящих в формальную систему образования, но может ее развивать или дополнять. Определений информального образования довольно много, что обусловлено относительной новизной данного вида образования и отсутствием выработанных четких критериев [14]. Тем не менее его можно определить как любую деятельность, самостоятельно и независимо иницируемую обучающимися разного возраста, преимущественно взрослыми, которая происходит без наличия привнесенного извне учебного плана неформальных образовательных институциональных программ.

Таким образом, система непрерывного образования направлена на создание необходимых условий для всестороннего гармоничного развития личности независимо от возраста, первоначально приобретенной профессии, специальности, места жительства, но с обязательным учетом ее способностей, мотивов, интересов, ценностных установок [15].

В условиях изменения отношения к образовательной системе встает вопрос о расширении доступа к знаниям через появление новых образовательных пространств, находящихся за пределами формализованных образовательных институтов. В первую очередь, речь идет о музеях, которые до недавнего времени были на периферии образовательного простран-

ства, выступая лишь в качестве партнера образовательного учреждения. Сегодня музеи становятся одним из ключевых акторов системы образования в целом и непрерывного образования в частности. Если раньше основным видом деятельности музея по работе с посетителями являлась культурно-образовательная, появившаяся на рубеже XIX–XX вв. и трансформировавшаяся на протяжении всего этого времени [16. С. 54], то в настоящее время все большее значение приобретает образовательная деятельность музея.

В российских музеях культурно-образовательный вид деятельности традиционно был на вторых ролях, а сами музеи не были встроены в систему формального образования. В результате смены политико-экономической обстановки в стране в начале 1990-х гг. музеи начали пересматривать свою деятельность, выявляя те направления, которые могут приносить прибыль. И культурно-образовательная, а затем и образовательная деятельность стала выходить на ведущие позиции. Так, проанализировав посвященные музеям и их деятельности диссертации на портале diss.rsl.ru, с 1992 г. по настоящее время было выявлено 460 работ по музейной тематике, 90 (20%) из которых освещали вопросы музейного образования и музейной педагогики. По своей сути все работы укладываются в русло непрерывного неформального образования для детей и взрослых [17–19]. Таким образом, в области образования взрослых музеи получили статус места неформального непрерывного обучения, что в полной мере отвечает мнению шотландского исследователя Л. Бона: «...музей является учебным ресурсом, доступным каждому на протяжении всей жизни, и именно в этом качестве он может быть определен как инструмент реализации концепции “образования в течение всей жизни”» (цит. по: [20]).

Образовательная функция музея может реализовываться в самых разных формах. Основным критерием будет их встраивание в соответствующие программы всех видов образования:

- экскурсии различных типов и видов: индивидуальные или групповые, обзорные или тематические и т.п.;
- интерактивные занятия;
- квесты;
- выездные занятия;
- мастер-классы;
- музейные уроки;
- исследовательская деятельность посетителей;
- конкурсы, викторины, олимпиады и т.п.;
- научно-практические конференции, чтения, «круглые столы»;
- театральные постановки на профильную тему музея;
- клубы по интересам и видам культурного досуга и т.д.

Для осуществления самостоятельного формального образования музеем необходимо иметь лицензию на осуществление образовательной деятельности, а также образовательную программу, разработанную в рамках установленных стандартов. При анализе сайтов российских музеев подобных программ выявлено не было. Тем не менее музеи принимают участие в непрерывном формальном образовании в качестве

участников сетевой формы реализации образовательных программ школ, колледжей, вузов на основе ст. 15 Закона об образовании РФ [21]. В первую очередь имеются в виду как выездные занятия музейных специалистов в образовательных организациях (уроки по краеведению, естественнонаучным дисциплинам, по истории мировой культуры и искусства и проч.), так и проведение подобных занятий в стенах музея (музейные уроки и экскурсии). Говоря о высшем образовании, следует упомянуть научно-исследовательскую, проектную и практическую деятельность на базе музейных собраний для студентов таких направлений, как «История», «Музеология», «Дизайн», «Культурология», «Медицина», «Минералогия», «Палеонтология», «Ботаника» и др. Отметим, что на данный момент участие музеев в непрерывном формальном образовании невелико. Усиление его роли зависит от профиля музея, работающих в нем специалистов и заинтересованности в музейных занятиях со стороны образовательных учреждений.

Говоря о неформальном образовании и возможностях музея в его реализации, в первую очередь следует упомянуть о программах повышения квалификации, которые являются развитием формального образования, но не имеют обязательного требования следовать каким-либо имеющимся образовательным стандартам. Российские музеи национального и регионального уровней являются методическими центрами и имеют право предоставлять своим коллегам консультационную поддержку и оказывать профессиональную образовательную деятельность в виде программ повышения квалификации. Такие музеи, как Государственный исторический музей, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Государственный Русский музей и ряд других, а также областные краеведческие музеи предлагают пройти повышение квалификации по различным программам, ориентированным на вопросы осуществления основных направлений музейной деятельности. Программы являются платными и осуществляются в очной форме. Также в музеях имеются программы для повышения квалификации учителей, где они могут понять принципы использования музейных ресурсов в работе с учениками на своих занятиях.

Исходя из особенностей неформального образования (организованная и систематическая познавательная деятельность), следует упомянуть возможности музея предоставлять как традиционные, так и инновационные формы образовательной деятельности. К первым – традиционным – отнесем экскурсии, игровые форматы ознакомления с экспозицией / выставкой (квесты), музейные мастер-классы, интерактивные занятия на выставках или в специально оборудованных помещениях. Данные форматы получения познавательной информации через индивидуальный опыт музейного посетителя позволяют последним получать новые знания и навыки и лучше их усваивать. Отметим, что традиционными данные формы называют по причине их давно сложившейся и устойчивой практики, зарекомендовавшей себя и получившей широкое распространение. Инновационными принято называть те формы, которые внедряются в

последнее десятилетие и пока не приобрели массового характера и не являются устоявшейся практикой, а зачастую имеют дискуссионный характер.

В связи с этим к инновационным формам неформального образования в музее отнесем, например, внутримузейные программы, такие как театрализованные постановки в рамках профиля или темы музея или тематические занятия по примеру Политехнического музея – «Университет детей» [22], а также e-learning программы, т.е. музейные ресурсы образовательного характера, распространяемые через интернет. К последним отнесем как отдельные страницы официальных сайтов музеев, где представлена информация просветительского характера (онлайн-академии музеев [23, 24], виртуальные музеи [25, 26]), так и музейные группы в социальных сетях, нацеленные на образовательную деятельность. Много подобной информации в виде лекций от специалистов из различных сфер, связанных с профилем музея, представлено на официальных музейных каналах на YouTube [27–29], а также в виде вебинаров как на сайтах музеев, так и на сайтах культурно-ориентированных агрегаторов, например Культура.РФ [30] и Arzamas [31]. В результате для неформального непрерывного образования музеи предоставляют различные возможности, представленные на рис. 1.

Таким образом, неформальное образование в музеях включает в себя форматы образовательного и просветительского характера, ресурсы которых способствуют расширению знаний и навыков человека, соотносятся с его личными интересами.

Информальное образование, строящееся на желаниях и потребностях обучающегося, может использовать ресурсы музея в полном объеме, причем как традиционного формата, так и инновационного. Таким образом, музей предстает в роли института «добровольного образования», «подкрепленного личными интересами индивидуума, организуемого им самим» (цит. по: [32. С. 217]). Представленные на рис. 1 ресурсы, применяемые для неформального образования, могут быть применены и для информального образования, если это отвечает интересам и запросам обучающихся.

Кроме того, следует упомянуть о других музейных ресурсах, распространяемых, в первую очередь через интернет и предоставляющих возможности для неформального образования, тесно переплетающихся в данном случае с просветительской деятельностью музеев. Наибольший интерес представляют просветительские проекты музеев, предлагаемые к распространению через их официальные сайты. Так, в 2019 г. был открыт ряд просветительских ресурсов, таких как «Лаврус», «Академия Пушкинского», «Эрмитажная академия» и др. Обратим внимание, что все эти ресурсы посвящены истории русского и зарубежного искусства, истории мировой культуры. Любой желающий может познакомиться с материалом в текстовом, визуальном и видеоформатах, предоставленном ведущими экспертами в своей области. Данный инструмент позволяет привлечь в музей более подготовленную аудиторию, переведя ее из виртуального в очный формат знакомства с коллекцией.

К обучающим ресурсам относятся онлайн-игры музейного характера, которые являются частью одного из трендов развития онлайн-образования – edutainment. Так, в игровой форме интересующиеся знакомятся с произведениями изобразительного искусства, их историей и содержанием («Пазл: старые мастера» [33], совместная разработка ГМИИ им. А.С. Пушкина и Arzamas), учатся различать манеру написания картин различными художниками одного временного периода («Art Challenge» [34]), знакомятся с особенностями функционирования арт-рынка и его правилами («Азартная игра шедеврами» [35]). Сами музеи также разрабатывают онлайн-игры, позволяющие закрепить полученные знания после посещения экспозиций [36–39]. Кроме того, имеется ряд компьютерных игр, направленных на изучение профессиональной музейной деятельности, но в то же время они будут интересны не только сотрудникам музеев: «Музейный профессионал» [40] Государственной Третьяковской галереи, «Музей изнутри» [41] Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Mondo Museum [42], где можно с нуля создать свой собственный музей.

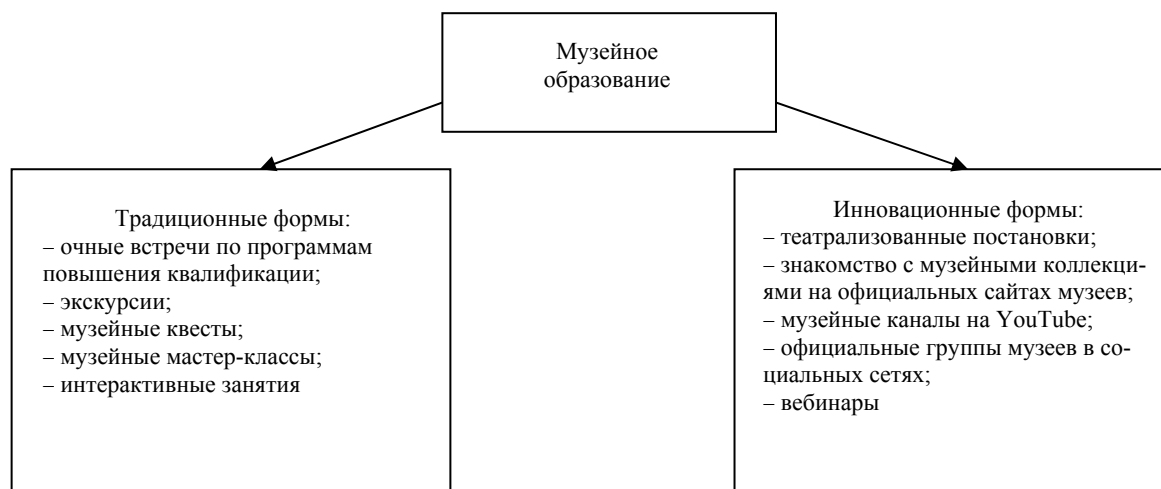

Рис. 1. Музейные ресурсы для неформального образования

Проекты сочетают в себе жанры экономической стратегии и симулятора реальной музейной жизни. Отметим, что компьютерные игры музейного характера для непрерывного образования находятся в стадии быстрого развития [43].

Принципиально новым форматом непрерывного образования, предопределяющим его инновационный характер, являются онлайн-курсы. Наиболее распространенными среди них в настоящее время стали массовые открытые онлайн-курсы (МООС), позволяющие получить новые знания и навыки в любом месте и в любое время. Известно, что первоначально МООС разрабатывались университетскими командами специалистов и представлялись на открытых платформах типа Coursera, FutureLearn, EdX и проч. Сейчас в этом направлении начинают работать и другие организации, имеющие в своем арсенале образовательную деятельность и уникальную источниковую базу, в числе которых и музеи. Отметим, что массовые открытые онлайн-курсы сегодня активно используются в формальном образовании в качестве дисциплин образовательной программы высшего и среднего профессионального образования. Также они успешно применяются в неформальном и информальном видах образования, обеспечивая открытый доступ к знаниям и реализуя принцип непрерывного образования. В числе МООС, разработанных как музеями самостоятельно, так и в коллаборации с университетами, имеются курсы на различные темы – от современного искусства до климата и стволовых клеток, включая освещение современных проблем музейной деятельности [44]. Подавляющее большинство курсов – на английском языке. На русском языке автором может быть упомянут только один курс, созданный сотрудниками Национального исследовательского Томского государственного университета для будущих и действующих музейных специалистов, посвященный музейному дизайну и вопросам экспозиционно-выставочной деятельности, – «Эксподизайн: проектирование музейной экспозиции в диалогах дизайнера и музеолога». Добавим, что МООС, разработанных самостоятельно музеями, немного. Из 40 МООС по музейной тематике, выявленных на платформах Coursera, FutureLearn, EdX и др., только 17 разработаны музеями самостоятельно. Это объясняется тем, что процесс разработки и создания массового открытого онлайн-курса ресурсо- и трудозатратный, осилить который могут только крупные музеи (например, Museum of Modern Art или American Museum of Natural History) и при наличии серьезной грантовой поддержки. В этой связи актуализируется вопрос о коллаборации музеев и вузов в области разработки подобных курсов.

Относительно новым для российских музеев образовательным ресурсом являются подкасты – это отдельные аудиофайл или видеофайл либо регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых на одном из ресурсов сети с возможностью подписки [45]. Как правило, они работают в формате теле- и радиопередач в интернете и имеют определенную тематику и периодичность издания. Зарубежные музеи впервые обратились к этому формату еще в 2016 г. Российские музейщики пока оценивают перспективы данного формата образовательной деятельности, хотя ряд музеев уже запустил данный продукт, и в целом можно предполагать, что музеи будут заинтересованы в его развитии как перспективном направлении [46–48].

Резюмирую вышесказанное, отметим, что сегодня в условиях востребованности непрерывного образования и расширения образовательного пространства музей становится одним из акторов непрерывного образования, предоставляя большое разнообразие образовательных музейных продуктов для различных видов образования – формального, неформального и информального, обеспечивая доступ к образованию для широких масс и на длительную перспективу. В результате проведенного исследования можно выделить ряд тенденций в модернизации образовательной музейной деятельности в контексте непрерывного образования: 1) усиление внимания к профессионально-ориентированному образованию через ее включение в программы формального и неформального (дополнительного) образования; 2) возрастание роли информального образования благодаря все большей доступности музейного контента посредством онлайн-технологий; 3) увеличение онлайн-контента образовательного и просветительского характера, особенно в условиях локдауна из-за пандемии COVID-19; 4) необходимость конвертации онлайн-активности в долгосрочное сотрудничество и коллаборации с образовательными организациями; 5) необходимость монетизации инновационных форматов непрерывного образования на базе музеев. При этом подчеркнем, что если традиционные музейные образовательные продукты для формального и неформального образования сотрудники музеев разрабатывали и разрабатывают самостоятельно, то выходить на рынок онлайн-образования музеям целесообразно в сотрудничестве с опытными игроками – ведущими университетами, которые имеют профессиональные студии для съемок и солидный опыт в области разработки массовых открытых онлайн-курсов. В итоге музейное пространство становится не просто активной площадкой для получения качественного непрерывного образования в современных форматах, но и уникальным в своем роде местом для получения знаний в свободной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / под общ. ред. д-р социол. наук, канд. экон. наук. Ю.В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с.
2. Гамбургская декларация ЮНЕСКО об обучении взрослых // V Международная конференция по образованию взрослых. Гамбург, Германия, 14–18 июля 1997 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hamburg_decl.shtml (дата обращения: 08.01.2020).
3. Переосмысля образование: образование как всеобщее благо? // Доклад ЮНЕСКО, 2015. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus (дата обращения: 08.01.2020).
4. Бабаева Э.С. История неформального образования за рубежом // Гуманизация образования: науч.-практ. журнал 2015. № 2. С. 131–137.

5. Faure E. Learning to Be: The World Education Today and Tomorrow. Paris : UNESCO, 1992.
6. Huberman A. Some models of adult learning and adult change. Studies on permanent education. Strasburg, 1974.
7. Parson S. Lifelong learning and the community school // Poster C., Kruger A. (eds.) Community education in the Western World. London : Routledge, 1990.
8. Смирнова С.Н. Непрерывное образование как фактор сохранения и развития человеческого капитала : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 20 с.
9. Габдуллина Э.Н. Непрерывное образование как фактор формирования человеческого капитала в современной социально-экономической среде Республики Татарстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2013. 25 с.
10. Ковалев И.В. Непрерывное образование как фактор социокультурной модернизации российского общества: социально-компетентностный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2016. 28 с.
11. Зайцева О.В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 7 (85). С. 106–109.
12. Борщева Н.Л., Глухова М.И. Непрерывное образование: различие подходов // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 163–165.
13. Меморандум непрерывного образования Европейского Союза. URL: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 10.01.2020).
14. Окерешко А.В. Информальное образование: опыт определения понятия // Академия профессионального образования. 2016. № 1. С. 74–79.
15. Гершунский Б.С. Методологические проблемы развития системы непрерывного образования // Перспективы и проблемы развития непрерывного образования : сб. науч. трудов. М. : АПН СССР, 1987. С. 3–18.
16. Актуальный словарь музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–68.
17. Именнова Л.С. Социально-педагогическая деятельность краеведческого музея : История, теория, методика : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 25 с.
18. Нагорский Н.В. Музей как открытая социально-педагогическая система : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. 40 с.
19. Нуттунен Е.А. Педагогические условия формирования основ патриотической культуры детей младшего школьного возраста средствами историко-литературного музея : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 27 с.
20. Сапанжа О.С. Музейное образование и музейная педагогика в российской академической традиции и практике музейного дела: границы использования понятий и их содержание // Общество: социология, педагогика, психология. 2017. № 1. С. 75–78.
21. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2019 года. Статья 15. Сетевая форма реализации образовательных программ. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/15.html> (дата обращения: 10.01.2020).
22. Университет детей // Политехнический музей. URL: <https://polymus.ru/ru/education/YDetei/> (дата обращения: 10.01.2020).
23. Медиалпортал Государственного исторического музея. URL: <https://mediashm.ru/> (дата обращения: 10.01.2020).
24. Академия Пушкинского. URL: https://www.pushkinmuseum.art/education/virt_academy/ (дата обращения: 10.01.2020).
25. Портал «Виртуальный Русский музей». URL: <https://rusmuseumvr.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
26. Виртуальный музей современной истории России. URL: <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoy-istorii-rossii/> (дата обращения: 10.01.2020).
27. GARAGEMCA // Официальный канал музея «Гараж». URL: <https://www.youtube.com/user/GARAGECCC/videos> (дата обращения: 10.01.2020).
28. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Официальный канал. URL: <https://www.youtube.com/user/TheArtsmuseum> (дата обращения: 10.01.2020).
29. Еврейский музей и центр толерантности. Официальный канал. URL: <https://www.youtube.com/user/jewishmuseummsk/featured> (дата обращения: 10.01.2020).
30. Портал «Культура.РФ». URL: <https://www.culture.ru> (дата обращения: 10.01.2020).
31. Культурно-просветительный портал «Arzamas». URL: <https://arzamas.academy> (дата обращения: 10.01.2020).
32. Коренева А.Ю. Музей как институт непрерывного и неформального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–2 (61). С. 216–220.
33. Пазл: старые мастера. URL: <https://arzamas.academy/materials/1064> (дата обращения: 10.01.2020).
34. ART CHALLENGE. URL: <http://artchallenge.ru/?lang=ru> (дата обращения: 10.01.2020).
35. Азартная игра шедеврами. URL: <https://arzamas.academy/materials/1355> (дата обращения: 10.01.2020).
36. Загоскин Д.В., Пэк Ю.В., Тищук О.В. «Помоги мне возникнуть»: возможный сценарный подход к разработке музейной мультимедийной игры-квеста по истории муниципального образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С. 45–52.
37. «Музейный Encounter» // Архитектурно-этнографический музей Семёново. URL: <http://me.semenkovo.ru/> (дата обращения: 11.01.2020).
38. Игротека // Музей природы и человека. URL: http://www.ugramuseum.ru/muzey_detyam/igroteka (дата обращения: 11.01.2020).
39. Тесты и игры // ГМИИ им. А.С. Пушкина. URL: <https://www.pushkinmuseum.art/media/quiz/index.php?lang=ru> (дата обращения: 11.01.2020).
40. «Музейный профессионал»: ответы на вопросы // Работа в Третьяковской галерее. URL: http://tretyakovgallery.blogspot.com/2017/09/blog-post_5.html (дата обращения: 11.01.2020).
41. Музей изнутри // Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. URL: <https://akhmatova.spb.ru/quiz/> (дата обращения: 11.01.2020).
42. Mondo Museum. URL: <https://mondomuseum.com/> (дата обращения: 11.01.2020).
43. Wang M., Nunes M.B. Matching serious games with museum's educational roles: smart education in practice // Interactive Technology and Smart Education, 2019. URL: <https://doi.org/10.1108/ITSE-03-2019-0013> (дата обращения: 10.01.2020).
44. Искусство, климат, музеи. 9 онлайн-курсов, чтобы провести праздники с пользой. URL: <https://iq.hse.ru/news/326516035.html> (дата обращения: 11.01.2020).
45. Что такое подкасты? URL: <http://kirillskobelev.com/podcasts-faq/> (дата обращения: 11.01.2020).
46. Подкасты Государственного музея истории религии. URL: <https://vk.com/podcasts-11147079> (дата обращения: 11.01.2020).
47. Подкаст Музеев Кремля «История царских пиров». URL: <https://www.kreml.ru/media-data/blog/podkast-muzeev-kremlya-istoriya-tsarskikh-pirovglava-1-chto-eli-i-bylo-li-eto-vkusno/> (дата обращения: 11.01.2020).
48. Подкаст Еврейского музея. URL: <https://music.yandex.ru/album/7138637> (дата обращения: 11.01.2020).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 18 января 2021 г.

Museum as an Active Participant in Continuing Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 225–231.

DOI: 10.17223/15617793/464/25

Irina A. Sizova, Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: sizova_i@mail.ru

Keywords: continuing education; museum; educational activities; educational resource.

The article presents a qualitative analysis of museum educational products. These products have been studied in terms of the possibility of their use in formal, non-formal and informal education. Thus, the role of the museum as an actor of continuing education has been determined. The role of continuing education in the educational process is becoming more obvious for most participants, and informal education plays a huge role in this process. It is urgent now to develop high-quality educational environment. Due to museums and their offline and online educational products, it is possible to get success. The author analyzed educational activities of leading Russian and foreign museums. As a result, the possibilities of museums as an educational institution for formal, non-formal and informal education were determined. Formal education is characterized by the network interaction of educational organizations and museums when the museum educational resources are included in the educational process. The largest number of museum educational products in traditional and innovative forms is made for non-formal or supplementary education. The traditional forms of museum educational resources include excursions, game formats for acquaintance with the exposition/exhibition (quests), museum master classes, interactive classes, as well as offline continuing education programs for a professional audience. The innovative forms include intra-museum programs, for example, performances, thematic classes within the museum's profile, and Internet resources such as pages of official museum sites, online academies of museums, museum groups on social media, official museum channels on YouTube, webinars, virtual museums. Thus, non-formal educations could be in onsite or online training forms. Informal education can apply the museum's resources both in traditional forms and in an innovative one. The museum online resources such as online museum games, massive open online courses (MOOC), and podcasts have the highest priority in this area. Museums and universities cooperate to get high-quality competitive educational online resources. In conclusion, it is possible to speak about a new stage in the development of museum educational activity. This stage is characterized by increasing attention to professional education by adding formal and non-formal (supplementary) educational programs, and, simultaneously, increasing the role of informal education due to online technology. It should be emphasized that museum staff could develop museum educational products for formal and non-formal education independently, but it is advisable for museums to intensify cooperation with universities to enter the online education market.

REFERENCES

1. Latov, Yu.V. (ed.) (2014) *Nepreryvnoe obrazovanie – stimul chelovecheskogo razvitiya i faktor sotsial'no-ekonomicheskikh neravenstv* [Continuing education: a stimulus for human development and the factor of socioeconomic inequalities]. Moscow: TsSPiM.
2. UN. (1997) *Adult education: The Hamburg Declaration*. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hamburg_decl.shtml (Accessed: 08.01.2020). (In Russian).
3. UNESCO. (2015) *Rethinking education: Towards a global common good?*. [Online] Available from: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus (Accessed: 08.01.2020). (In Russian).
4. Babaeva, E.S. (2015) The history of informal education abroad. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 2. pp. 131–137. (In Russian).
5. Faure, E. (1992) *Learning to Be: The World Education Today and Tomorrow*. Paris: UNESCO.
6. Huberman, A. (1974) *Some models of adult learning and adult change. Studies on permanent education*. Strasburg.
7. Parson, S. (1990) Lifelong learning and the community school. In: Poster, C. & Kruger, A. (eds) *Community education in the Western World*. London: Routledge.
8. Smirnova, S.N. (2003) *Nepreryvnoe obrazovanie kak faktor sokhraneniya i razvitiya chelovecheskogo kapitala* [Continuing education as a factor in the preservation and development of human capital]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
9. Gabdullina, E.N. (2013) *Nepreryvnoe obrazovanie kak faktor formirovaniya chelovecheskogo kapitala v sovremennoy sotsial'no-ekonomicheskoy srede Respubliki Tatarstan* [Continuing education as a factor in the formation of human capital in the modern socioeconomic environment of the Republic of Tatarstan]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Saratov.
10. Kovalev, I.V. (2016) *Nepreryvnoe obrazovanie kak faktor sotsiokul'turnoy modernizatsii rossiyskogo obshchestva: sotsial'no-kompetentnostnyy analiz* [Continuing education as a factor in the sociocultural modernization of Russian society: socio-competence analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Saint Petersburg.
11. Zaytseva, O.V. (2009) Continuous education: Main definitions and terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 7 (85). pp. 106–109. (In Russian).
12. Borshcheva, N.L. & Glukhova, M.I. (2013) *Nepreryvnoe obrazovanie: razlichie podkhodov* [Continuing education: the difference in approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 12. pp. 163–165.
13. EU. (2001) *Memorandum on lifelong learning*. [Online] Available from: <http://www.znanie.org/docs/memorandum.html> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
14. Okereshko, A.V. (2016) Informal'noe obrazovanie: opyt opredeleniya ponyatiya [Informal education: the experience of defining the concept]. *Akademiya professional'nogo obrazovaniya*. 1. pp. 74–79.
15. Gershunskiy, B.S. (1987) Metodologicheskie problemy razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya [Methodological problems of the development of the system of lifelong education]. In: *Perspektivy i problemy razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya* [Prospects and problems of development of lifelong education]. Moscow: USSR Academy of Pedagogical Sciences. pp. 3–18.
16. Muzey. (2009) Aktual'nyy slovar' muzeynykh terminov [An up-to-date dictionary of museum terms]. 5. pp. 47–68.
17. Imennova, L.S. (2004) *Sotsial'no-pedagogicheskaya deyatel'nost' kraevedcheskogo muzeya: Istoriya, teoriya, metodika* [Socio-pedagogical activity of the museum of local lore: History, theory, methodology]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
18. Nagorskiy, N.V. (2005) *Muzey kak otkrytaya sotsial'no-pedagogicheskaya sistema* [Museum as an open socio-pedagogical system]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Saint Petersburg.
19. Nuttunen, E.A. (2018) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya osnov patrioticheskoy kul'tury detey mladshego shkol'nogo vozrasta sredstvami istoriko-literaturnogo muzeya* [Pedagogical conditions for the formation of the foundations of the patriotic culture of children of primary school age by means of the historical and literary museum]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
20. Sapanzha, O.S. (2017) Museum education and museum pedagogy in the russian academic tradition and practice of museology: The scope of application of concepts and their content. *Obshchestvo: sotsiologiya, pedagogika, psikhologiya – Society: Sociology, Pedagogy, Psychology*. 1. pp. 75–78. (In Russian).
21. Russian Federation. (2019) *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" № 273-FZ ot 29 dekabrya 2012 goda s izmeneniyami 2019 goda. Star'ya 15. Setevaya forma realizatsii obrazovatel'nykh programm* [Federal Law "On Education in the Russian Federation" No. 273-FZ of December 29, 2012, as amended in 2019. Article 15. Network form of implementation of educational programs]. [Online] Available from: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/15.html> (Accessed: 10.01.2020).
22. Polytechnic Museum. (2020) *Universitet detey* [University of Children]. [Online] Available from: <https://polymus.ru/ru/education/YDetei/> (Accessed: 10.01.2020).
23. *Media portal of the State Historical Museum*. [Online] Available from: <https://mediashm.ru/> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).

24. *Pushkin Museum Academy*. [Online] Available from: https://www.pushkinmuseum.art/education/virt_academy/ (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
25. *Portal "Virtual Russian Museum"*. [Online] Available from: <https://rusmuseumvrm.ru> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
26. *Virtual Museum of Contemporary History of Russia*. [Online] Available from: <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoy-istorii-rossii/> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
27. *GARAGEMCA*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/user/GARAGECCC/videos> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
28. *Pushkin Museum. Official YouTube Channel*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/user/TheArtsmuseum> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
29. *Jewish Museum and Tolerance Center. Official YouTube Channel*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/user/jewishmuseumsk/featured> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
30. *Portal "Kul'tura.RF"*. [Online] Available from: <https://www.culture.ru> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
31. *Cultural and educational portal "Arzamas"*. [Online] Available from: <https://arzamas.academy> (Accessed: 10.01.2020). (In Russian).
32. Koreneva, A.Yu. (2015) Museum as a non-formal education and lifelong learning institution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1–2 (61). pp. 216–220. (In Russian).
33. Arzamas.academy. (2020) *Pazl: starye mastera* [Puzzle: old masters]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/materials/1064> (Accessed: 10.01.2020).
34. *ART CHALLENGE*. [Online] Available from: <http://artchallenge.ru/?lang=ru> (Accessed: 10.01.2020).
35. Arzamas.academy. (2020) *Azartnaya igra shedevrami* [A game of chance with masterpieces]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/materials/1355> (Accessed: 10.01.2020).
36. Zagoskin, D.V., Pek, Yu.V. & Tishchuk, O.V. (2013) "Help me to be": The possible scenario-based approach to the development of multi-media museum-game quest on the history of the municipality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (12). pp. 45–52. (In Russian).
37. Semyonkovo Architectural and Ethnographic Museum. (2020) *"Muzeyny Encounter"* ["Museum Encounter"]. [Online] Available from: <http://me.semenkovo.ru/> (Accessed: 11.01.2020).
38. Museum of Nature and Man. (2020) *Igroteka* [Game Library]. [Online] Available from: http://www.ugramuseum.ru/muzey__detyam/igroteka (Accessed: 11.01.2020).
39. Pushkin Museum. (2020) *Testy i igry* [Quizzes and games]. [Online] Available from: <https://www.pushkinmuseum.art/media/quiz/index.php?lang=ru> (Accessed: 11.01.2020).
40. Tretyakov Gallery. (2017) *"Muzeyny professional": otvety na voprosy* ["Museum Professional": Answers to Questions]. [Online] Available from: http://tretyakovgallery.blogspot.com/2017/09/blog-post_5.html (Accessed: 11.01.2020).
41. Anna Akhmatova Museum in the Fountain House. (2020) *Muzey iznutri* [Museum from the inside]. [Online] Available from: <https://akhmatova.spb.ru/quiz/> (Accessed: 11.01.2020).
42. *Mondo Museum*. [Online] Available from: <https://mondomuseum.com/> (Accessed: 11.01.2020).
43. Wang, M. & Nunes, M.V. (2019) Matching serious games with museum's educational roles: smart education in practice. *Interactive Technology and Smart Education*. 16 (4). DOI: 10.1108/ITSE-03-2019-0013
44. IQ HSE. (2020) *Iskusstvo, klimat, muzei. 9 onlayn-kursov, chtoby provesti prazdniki s pol'zoy* [Art, climate, museums. 9 online courses to get the most out of your holidays]. [Online] Available from: <https://iq.hse.ru/news/326516035.html> (Accessed: 11.01.2020).
45. Skobelev, K. (2017) *Chto takoe podkasty?* [What are podcasts?]. [Online] Available from: <http://kirillskobelev.com/podcasts-faq/> (Accessed: 11.01.2020).
46. State Museum of the History of Religion. (2020) *Podkasty Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Podcasts of the State Museum of the History of Religion]. [Online] Available from: <https://vk.com/podcasts-11147079> (Accessed: 11.01.2020).
47. Kremlin Museums. (2020) *Podkast Muzeev Kremlya "Istoriya tsarskikh pirov"* [Podcast of the Kremlin Museums "History of Tsars' Feasts"]. [Online] Available from: <https://www.kreml.ru/media-data/blog/podkast-muzeev-kremlya-istoriya-tsarskikh-pirovglava-1-chto-eli-i-bylo-li-eto-vkusno/> (Accessed: 11.01.2020).
48. Jewish Museum. (2020) *Podkast Evreyskogo muzeya* [Podcast of the Jewish Museum]. [Online] Available from: <https://music.yandex.ru/album/7138637> (Accessed: 11.01.2020).

Received: 18 January 2021

ПРАВО

УДК 34

Д.Г. Бачурин

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Рассматриваются правовые аспекты наднационального юридического регулирования налогообложения добавленной стоимости в странах Персидского залива. Исследованию подвергнуты вопросы Единого соглашения по НДС для стран Совета сотрудничества стран Персидского залива, а также акты национального законодательства по данному налогу. Сделан вывод о создании второй после европейской региональной системы правового регулирования налогообложения добавленной стоимости, которая начинает свое развитие на базе наднационального законодательства.

Ключевые слова: НДС; правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости; наднациональное законодательство; обратное начисление НДС; входной налог; вычитаемый налог; чистый налог; порог обязательной регистрации; порог добровольной регистрации; налоговая группа; закят.

При ориентации на те или иные модели правового регулирования социально-экономическим развитием важно исключить трафаретность их применения. Прежде всего речь должна идти о стройной и взаимосвязанной системе мероприятий, обеспечивающей проведение гибкой экономической политики.

В том случае, если логика национального развития взаимосвязанных между собой государств, обуславливает необходимость более тесной интеграции и координации, то основные вопросы совместного юридического регулирования требуют тщательной проработки с учетом их общих интересов.

В сфере налогообложения добавленной стоимости образцом такого правового регулирования до последнего времени, безусловно, является законодательство Европейского Союза, активно развивающееся с момента принятия Первой директивы Совета ЕС от 11 апреля 1967 г. № 67/227/ЕЕС «О гармонизации законодательства государств-членов относительно налогов с оборота» [1]. Данная директива устанавливает общие принципы исчисления НДС и порядок ее имплементации участвующими странами. В целом идея европейского НДС состоит в комплексном (когда налоговое изъятие применяется совместно с бюджетным и кредитно-финансовым перераспределением) экономико-правовом воздействии на сложную систему общественных отношений с целью умножения общего блага на основе гармонизации интересов различных социальных групп. При этом в экономически развитых странах ЕС фискальная функция НДС не является доминирующей, а выступает лишь в качестве обеспечительной составляющей функции налогового регулирования.

Примером современного развития подобной конвенциональной практики в западном мире становится совместная деятельность Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Королевства Бахрейн, Королевства Саудовская Аравия, Султаната Оман, Государства Катар и Государства Кувейт, которые 25 мая 1981 г. учреждают Совет сотрудничества стран Персидского залива (СССПЗ) и принимают Хартию сотрудничества, которую ратифицируют в течение 1982 г. По условиям соглашения, в частности, объявлено о сво-

боде открытия производств и осуществления контрактов в любом государстве-участнике их гражданами на равных правах, а также о ликвидации межгосударственных тарифных барьеров.

Решение о создании данного объединения далеко не случайно. Государства-участники отличаются общими характеристиками и общими проблемами развития: (1) все государства-члены являются монархиями; (2) их экономика слабо диверсифицирована и в основном зависит от добычи углеводородов, поставляемых на экспорт; (3) около 90% бюджетных доходов этих стран приносят нефтегазовые предприятия, а государство выполняет свои функции при минимальном налогообложении, предоставляя большие субсидии на внутреннее потребление энергоносителей; (4) рынок труда характеризуется большим числом экспатриантов, работающих в основном в частном секторе, а также чрезмерной представленностью граждан, находящихся на государственной службе и в государственном секторе экономики; (5) в связи с сокращением запасов углеводородов и упрочением долгосрочного тренда сравнительно низкой цены на нефть дальнейшее поступательное социально-экономическое развитие стран требует проведения структурных реформ, включающих отмену энергетических субсидий, принятие новых фискальных инструментов и сокращение государственных расходов.

Следует отметить, что налоговые системы стран Персидского залива до сих пор имеют весьма ограниченный характер. Упрощенная структура экономики с высокой рентной составляющей длительное время позволяет иметь минимальное налогообложение, обслуживая расходы государства за счет продажи сырья. Однако затяжной экономический кризис, вызвавший снижение рентных доходов, ставит на повестку дня вопросы усложнения экономики и применения универсального механизма налогообложения оборота (НДС).

К числу важнейших достижений в сфере совместной фискальной политики следует отнести введение с января 2003 г. унифицированных таможенных пошлин на основе общего внешнего тарифа в размере

5% на все поставки из стран, не входящих в Хартию сотрудничества, за исключением льготных товаров.

Подходящее налогообложение в общепринятой его трактовке применяется в отношении лиц, работающих в них по найму, не являющихся гражданами стран – членов СССПЗ. Гражданами этих стран выплачивается «закят», который выступает одним из пяти столпов ислама и представляет собой платеж, исчисляемый в размере 2,5% от чистой стоимости движимого и недвижимого имущества. По сути, это целевой налог, вносимый в соответствии с канонам мусульманского права всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев.

Закят является исторически обязательным платежом в Саудовской Аравии, добровольным в Бахрейне, Кувейте и ОАЭ. В Омане и Катаре он уплачивается вне рамок государственного налогового администрирования с учетом требований классических школ исламского права [2. Р. 195–203].

ОАЭ, Бахрейн и Оман взимают муниципальные налоги в размере от 3 до 10% на аренду недвижимости, услуги гостиниц и развлечения. В сфере энергопотребления Оман вводит налог на электроэнергию (2% с оборота), Бахрейн – налог с продаж бензина по ставке 12%.

В Бахрейне и ОАЭ отсутствует корпоративный налог. Остальные государства предпринимают шаги по сближению ставок данного налога: в период с 1999 по 2010 г. снижаются ставки в Саудовской Аравии с 45 до 20%, в Катаре – с 35 до 10%, в Кувейте – с 55 до 15%. Оман увеличивает корпоративный налог с 12 до 15% в 2017 г.¹

Исследование, проведенное австралийскими экспертами на основе данных внутреннего производства, сведений о доходах и расходах, взимаемых налогах, субсидиях и уровнях цен, позволяет рассчитать поступление бюджетных доходов через систему налогообложения и их обратный возврат в экономику. Оно показывает, что хотя введение новых налогов улучшает бюджетные поступления, рынки искажаются, снижая экономическую эффективность и производство из-за дополнительного фискального давления. В долгосрочной перспективе это вызывает падение реального ВВП, инвестиций и капитальных вложений. В итоге авторы делают вывод о том, что разработка оптимальной налоговой системы стран Персидского залива должна принимать во внимание те потери, которые наносятся экономической эффективности и производству из-за налогов [3. Р. 1–29].

Следует заметить, что в самой Австралии налог на товары и услуги (НТУ) [4], который приходит на смену разрозненным налогам с оборота, становится главным и достаточно эффективным инструментом налогообложения добавленной стоимости. Он выгодно отличается от европейской модели НДС достижением нового уровня нейтральности налога через расширение круга облагаемых операций и установлением единой налоговой ставки в размере 10%, которая принимается всеми категориями плательщиков НТУ.

Обобщение современного опыта налогообложения в Евросоюзе (НДС), Австралии (НТУ) и Новой Зеландии (НТУ) позволяет рассматривать в качестве центрального мероприятия структурных преобразований в сфере национального перераспределения реформу правового регулирования налогообложения добавленной стоимости государств – участников СССПЗ, которая должна обеспечить сокращение и постепенную ликвидацию нарастающего бюджетного дефицита.

Эта фискальная мера является частью серии экономических реформ, которые арабские государства Персидского залива вводят после снижения цен на нефть, начавшегося в 2014 г., стремясь диверсифицировать государственные бюджеты и увеличить доходы с помощью новых налогов и сборов. Международный валютный фонд также настоятельно рекомендовал арабским государствам Персидского залива ввести НДС, а также увеличить стандартную налоговую ставку выше 5%. Однако в самих эмиратах крайне осторожно относятся к идее высокого НДС. Существует понимание, что даже самая низкая в мире ставка НДС (5%) угнетающе воздействует на местное производство с низким уровнем добавленной стоимости.

Проводимая в Эр-Рияде 9–10 декабря 2015 г. тридцать шестая сессия Верховного Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива принимает решение о введении государствами-членами Совета консолидированного общего налога на потребление (НДС), который, как ожидается, может генерировать дополнительные ежегодные доходы в размере 25 миллиардов долларов.

Комитет финансово-экономического сотрудничества СССПЗ разрабатывает Конвенцию о налоге на добавленную стоимость по основной ставке в размере 5%, который устанавливается для операций поставки товаров и услуг на каждом этапе производства и распределения после подписания всеми главами арабских государств Персидского залива 24 июля 2016 г. Единое соглашение по НДС для стран Совета сотрудничества стран Персидского залива публикует газета «Умм Аль-Кура». Целью настоящей Конвенции [5] является создание правовой основы для разработки скоординированного правового регулирования НДС в каждом из шести арабских государств Персидского залива.

Анализ положений Конвенции позволяет сделать вывод о том, что предлагаемый ею инструмент налогообложения можно отнести к типу нейтрального правового регулирования налогообложения добавленной стоимости. Его особенность состоит в том, что страна по тем или иным причинам вводит в состав национальной налоговой системы налогообложение добавленной стоимости в виде НДС с минимальными налоговыми ставками и продолжает удерживать его на низком уровне, не оказывающем сдерживающего влияния на развитие собственной промышленности. Именно такой ориентир предусматривает Единое соглашение по НДС для стран Совета сотрудничества стран Персидского залива.

Сходство с системой модернизированного налога с оборота Евросоюза (НДС) заключается главным обра-

зом в движении товаров (и некоторых услуг) внутри стран Конвенции между предприятиями (B2B), а также между частными потребителями. В частности, положения о дистанционной продаже применяются таким образом, что лицо, поставляющее товары в другую страну, должно зарегистрироваться там как плательщик НДС [6].

Принципиально важно, что Единое соглашение по НДС носит не общий декларативный характер, а достаточно подробно регламентирует наиболее важные узловые моменты правового регулирования НДС. Его текст отличается логической завершенностью взаимосвязей предлагаемых юридических конструкций. Среди них необходимо выделить определения базовых понятий и режимов налогообложения добавленной стоимости.

В числе предложенных в первой статье Соглашения дефиниций интерес для развития теории и практики правового регулирования налогообложения добавленной стоимости, на наш взгляд, представляют следующие.

1. *Обратный учет (начисление)* – механизм, с помощью которого облагаемый налогом клиент обязан уплатить налог, причитающийся от имени поставщика, и несет ответственность за все обязательства, предусмотренные договором и местным законодательством.

2. *Связанные лица* – два или более лиц, одно из которых имеет надзорный или директивный контроль над другими, обладая административной властью, позволяющей влиять на бизнес других лиц с финансовой, экономической или регулятивной точек зрения. Сюда относятся лица, которые подчиняются полномочиям третьего лица, что позволяет ему контролировать их бизнес с финансовой, экономической или регулятивной точек зрения.

3. *Входной налог* – налог, взимаемый облагаемым налогом лицом в отношении товаров или услуг, поставляемых ему или импортируемых с целью осуществления экономической деятельности.

4. *Вычитаемый налог* – входной налог, который может быть вычтен из налога, причитающегося с поставок за каждый налоговый период в соответствии с соглашением и местным законодательством.

5. *Чистый налог* – налог, полученный в результате вычета вычитаемого налога в государстве-члене из налога, подлежащего уплате в этом государстве в течение того же налогового периода. Чистый налог может подлежать уплате или возврату.

6. *Порог обязательной регистрации* – нижний предел стоимости фактических поставок, при котором облагаемое лицо становится обязанным регистрироваться для целей налогообложения.

7. *Порог добровольной регистрации* – нижний предел стоимости фактических поставок, при котором облагаемое лицо может подать заявление на регистрацию для целей налогообложения.

Сравнительно-правовое исследование юридического регулирования НДС, складывающихся в различных правовых системах, позволяет выделить ключевые режимы и процедуры налогообложения добавленной стоимости в странах Персидского залива.

Статья 4 «Налоговая группа» Конвенции закладывает базовую характеристику режима налоговой консолидации для его последующего введения в национальное законодательство и определяет, что «каждое государство-член может рассматривать налоговую группу как единое налогооблагаемое лицо в соответствии с правилами и условиями, установленными для этой цели. Налоговая группа – это два или более юридических лица, являющихся резидентами одного и того же государства-члена».

Данный налоговый режим впервые широко предложен законодательством Евросоюза в ст. 11 Директивы Совета ЕС от 28 ноября 2006 г. № 2006/112/ЕС «Об общей системе налога на добавленную стоимость» [7]. Он с успехом применяется в большинстве европейских государств, которые формулируют индивидуальные критерии для групп налогоплательщиков и процедур внесения ими НДС-платежей в бюджет.

Разработчики Конвенции явно пренебрегают достаточно ощутимым каскадным эффектом, который возникает при наличии множественности налоговых льгот в правовом механизме налогообложения добавленной стоимости. Наиболее значимое изъятие из круга объектов налогообложения содержит ст. 36 Конвенции. В соответствии с ней финансовые услуги, осуществляемые банками и финансовыми учреждениями, имеющими лицензию согласно действующему законодательству каждого государства-члена, освобождаются от уплаты налогов. Более того, п. 2 ст. 36 предусматривает право банков и финансовых учреждений требовать возврата входного налога на основе ставок возврата, определенных каждым государством.

Совершенно очевидно, что каскадный эффект НДС, возникающий вследствие налоговых льгот и изъятий, может быть не столь существенным при применении нейтральной модели правового регулирования НДС. Однако следует учитывать, что если впоследствии базовая ставка налога, устанавливаемая ст. 25 Конвенции в размере 5% от стоимости поставки, будет увеличена, то и значение каскадного эффекта для снижения результативности налогообложения также существенно возрастет.

Конвенция предусматривает механизм обратного начисления налога (ст. 41), который учитывает резидентский статус субъекта налога, устанавливая правило: «если место поставки товаров или услуг находится в государстве-члене, где поставщик не является резидентом, то облагаемый налогом клиент, проживающий в этом государстве-члене, обязан уплатить причитающийся налог». Положения ст. 41 дополняются правилом вычета уплачиваемого в таком режиме налога. Оно представлено в п. 3 ст. 44: «Клиент, который обязан уплатить налог в соответствии с механизмом обратного начисления, может вычесть связанный с ним вычитаемый входной налог при условии, что он задекларировал налог, подлежащий уплате».

Текст документа не содержит подробной регламентации процедур «обратного платежа», оставляя их на усмотрение национального законодателя, который может использовать уже имеющийся опыт в данной области. В частности, речь может идти о механизмах

обратных платежей, применяемых в Евросоюзе и Республике Индия.

Так, например, правило «обратного платежа» в виде налогового обязательства об уплате НТУ получателя товара или услуги вместо их поставщика устанавливается в п. 98 ст. 2 Акта о налоге на товары и услуги Республики Индия [8]. По сути, оно представляет собой механизм обратной оплаты (RCM) в налогообложении товаров и услуг, который основан на принципе уплаты налога получателем от имени незарегистрированных, мелких поставщиков материалов и услуг.

Важным контрапунктом Конвенции, на наш взгляд, является статья 43 «Солидарная ответственность», в которой законодатель переводит формирующееся доктринальное положение международного налогового права о солидарной ответственности лиц, участвующих в налоговом правонарушении в фактический принцип налогового законодательства. Пункт 1 ст. 43 Конвенции излагает данный принцип следующим образом: «Лицо, умышленно участвующее в нарушении любого из обязательств, предусмотренных настоящим Договором и местным законодательством, несет солидарную ответственность с лицом, обязанным уплатить налог и любые другие, причитающиеся в результате нарушения суммы».

Столь расширенное толкование идеи солидарной ответственности в налоговом праве не может не вызывать осторожные опасения. Сама конструкция указанной нормы содержит элементы, которые теория права относит к категории норм-фикций, выделяя их при рассмотрении правовых презумпций, основанных на индуктивных обобщениях. Национальному законодателью следует обратить внимание на данное положение. При подготовке конкретного нормативного акта о НДС, на наш взгляд, нельзя не учесть то обстоятельство, что даже незначительные неясности налогового закона могут создавать серьезные проблемы правоприменения. Вместе с тем, сама идея привлечения к солидарной юридической ответственности лиц, участие которых в налоговом правонарушении имеет умысел на его совершение, не лишена смысла. Поэтому ее принятию должно предшествовать тщательное прогнозирование всех вероятностей возможного применения в условиях императивного метода правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

К числу наиболее удачных законодательных решений можно отнести ст. 44 Конвенции, предлагающую правовую регламентацию налоговых вычетов. Принципиально важным здесь является определение момента возникновения права на такой вычет. Пункт 2 ст. 44 трактует его в корреспонденции с возникновением НДС-обязательства по уплате вычитаемого налога следующим образом: «Право на вычет возникает, когда в соответствии с настоящим Соглашением подлежит уплате вычитаемый налог».

Значение этого положения обнаруживается в сопоставлении с налоговым законодательством других стран. В частности, в Российской Федерации с 1 января 2007 г. установлен особый порядок применения налоговых вычетов НДС, который заключается в

проведении обязательной камеральной проверки в случае превышения налоговых вычетов сумм налога, исчисленных для уплаты в бюджет (п. 1 ст. 176 НК РФ). Процедура осуществления данной камеральной проверки регулируется общей нормой ст. 88 НК РФ, которая предусматривает двухмесячный срок проведения камеральной проверки с правом налогового органа на продление срока ее проведения до трех месяцев (п. 2 ст. 88 НК РФ). Обыденной становится ситуация, когда проверка по декларации за предыдущий период с заявленным налоговым вычетом не завершена, а по следующему налоговому периоду налогоплательщик сдает декларацию с НДС к уплате в бюджет. В основном в подобных обстоятельствах налоговые администрации занимают позицию взыскания налога, невзирая на то что объективно требование уплаты НДС при наличии у налогоплательщика права на налоговый вычет порождает чрезмерность публично-правовых обременений и может существенно затруднить ведение, а в отдельных случаях привести к прекращению его финансово-хозяйственной деятельности.

Узловым пунктом Конвенции является ст. 40, которая устанавливает общие принципы определения субъекта налога. В условиях традиционного прямого платежа НДС «налогооблагаемое лицо обязано уплатить налог, причитающийся с налогооблагаемых поставок товаров и услуг, соответствующему налоговому органу в государстве-члене, где находится место поставки» (п. 1 ст. 40).

При применении правила «обратного» платежа «любое лицо, указывающее сумму налога на любые выставленные им счета-фактуры, становится обязанным уплатить эту сумму налога соответствующему налоговому органу в государстве-члене, где находится место поставки» (п. 2 ст. 40).

Определенный интерес представляет собой установление критериев обязательной регистрации (ст. 50 Конвенции) и добровольной регистрации (ст. 51 Конвенции) плательщиков НДС, которые выражены в виде денежных порогов выручки от реализации товаров и услуг в сумме 375 000 SAR и 50% от порога обязательной регистрации соответственно.

Достаточно четко ст. 54 Конвенции описывает условия подачи обязательного и добровольного заявлений о снятии с учета плательщиков НДС: (1) «Налоговое лицо, зарегистрированное для целей налогообложения, должно подать заявление о снятии с учета в любом из следующих случаев: а – прекращение осуществления хозяйственной деятельности; б – прекращение облагаемых поставок; в – если стоимость поставок облагаемого лица падает ниже порога добровольной регистрации»; (2) «Облагаемое налогом лицо может подать заявление о снятии с учета, если общий годовой доход его бизнеса падает ниже порога обязательной регистрации, но превышает порог добровольной регистрации».

Дифференцированно законодатель подходит к определению сроков хранения налоговых накладных, счетов-фактур, записей и бухгалтерских документов, устанавливая общий срок хранения – не менее пяти лет с конца года, к которому они относятся, а для документов, отно-

сящихся к недвижимому имуществу, – специальный 15-летний срок хранения (ст. 59 Конвенции).

Обобщение результатов сравнительно-правового исследования свидетельствует о достаточно высоком качестве базового акта наднационального законодательства стран Персидского залива, посвященного основам правового регулирования налогообложения добавленной стоимости. Авторы Конвенции постарались не только обобщить накопленный мировой опыт налогообложения добавленной стоимости, но и привнести собственные идеи, позволяющие продолжить продуктивное совершенствование юридического механизма налогообложения.

Опыт правового регулирования НДС зарубежных стран также показывает, что введение данного налога порождает многочисленные налоговые нарушения и злоупотребления. По этой причине проектируемое национальное законодательство заранее предусматривает меры уголовно-правовой ответственности.

Так, например, ст. 63 Декрета-закона № 48 2018 г. [9] выделяет в качестве отдельного уголовного преступления уклонение от уплаты НДС, под которым подразумевается совершение следующих деяний: (1) отсутствие регистрации по истечении 60 дней после установленного в законодательстве срока регистрации; (2) непредставление налоговой декларации и неуплата налога по истечении 60 дней после установленного срока; (3) умышленное занижение суммы налога; (4) представление ложных сведений, влекущих неуплату или неполную уплату налога; (5) начисление НДС на необлагаемые товары; (6) неправомерное взыскание входящего НДС; (7) непредставление счёта-фактуры; (8) нарушение правил ведения учёта и отчётности. Статья предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок от трёх до пяти лет и штрафа в размере подлежащего уплате налога. При повторном совершении преступления в течение трёх лет со дня вынесения приговора наказание удваивается. За уклонение от уплаты налога для организации установлена ответственность в двойном размере, если такое преступление совершалось от её имени за её счёт или в её пользу.

Указанный подход позволяет национальному законодателю в сжатые сроки приступить к созданию высоко интегрированных механизмов юридического регулирования НДС [8, 10].

Объединенные Арабские Эмираты [11] и Королевство Саудовская Аравия [12] вводят НДС с 1 января 2018 г. Через год, с 1 января 2019 г. начинает взимание НДС Королевство Бахрейн [13]. Завершают подготовку к принятию законодательства о налогообло-

жении добавленной стоимости и планируют введение НДС в Султанате Оман в начале 2021 г. [14], в Кувейте [15] и Катаре [16] – в начале 2022 г. В публикациях отмечается, что медлительная политическая бюрократия Кувейта, сложная экономическая обстановка в Омане и бойкот Катара затягивают процесс введения налога, а несогласованное развитие национальных налоговых систем затрудняет региональную интеграцию, необходимую для бесперебойного функционирования торговли товарами и услугами внутри стран залива [17].

Следует отметить, что уже известны результаты налогового администрирования НДС за 2018 г. Они демонстрируют достаточно высокую фискальную эффективность нового налога, благодаря которому общие показатели сбора доходов в Саудовской Аравии и ОАЭ превысили первоначальные ожидания на 1,55% и 1,79% ВВП соответственно [Ibid.].

Таким образом, можно сделать вывод о создании второй после европейской региональной системы правового регулирования на базовой платформе наднационального законодательства. В ее рамках государства – участники Конвенции организуют административное сотрудничество в сферах: (1) обмена информацией, необходимой для определения налоговой точности; (2) согласования синхронизированных аудиторских процедур и участия в аудиторских проверках; (3) оказания помощи в сборе налога и принятия необходимых процедур, связанных с взиманием НДС.

Определенный потенциал для организации своих региональных систем НДС имеют страны ЕАЭС и КНР, которая обнаруживает активное стремление к вовлечению в орбиту геополитического влияния целого ряда экономик азиатских стран. В частности, в 2018–2020 гг. Госналогслужба Китая осуществляет проекты помощи по налогообложению совместно с организацией «Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество» и Народным банком Китая, приглашая страны Центральной и Средней Азии к более тесному фискальному взаимодействию в рамках проекта «Один пояс и один путь».

Технически им значительно сложнее осуществить проекты по созданию интегрированных систем правового регулирования в сфере НДС, так как предполагаемые страны-участники таких соглашений длительное время индивидуально развивают свое налоговое законодательство в отличие от стран Европы и Персидского залива, которые в первую очередь создают наднациональное правовое регулирование налогообложения добавленной стоимости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Trading Economics online data. <https://tradingeconomics.com/country-list/corporatetax-rate?continent=asia> (дата обращения: 01.01.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonization of legislation of Member State concerning turnover taxes // Official Journal of the European Communities. 1967. 14 Apr. P. 1301–1303.
2. Marhaini A., Shamsiah M. Classical Jurists' View on the Allocation of Zakat: Is Zakat Investment Allowed? // Middle-East Journal of Scientific Research. 2012. № 12 (2). P. 195–203.

3. Roos E., Adams P. Fiscal Reform – an Aid or Hindrance to Economic Diversification in Saudi Arabia: A Computable General Equilibrium (CGE) analysis. Victoria University, Melbourne. 2019. 29 p. URL: <https://erf.org.eg/wp-content/uploads/2019/02/11-158-Louise-Roos.pdf> (accessed: 01.01.2020).
4. A New Tax System (Goods and Services Tax) Act. 1999. № 55 // The Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00033> (accessed: 01.01.2020).
5. Unified VAT agreement for the countries of the Gulf cooperation Council // Umm al-Qura. 2016. № 4667 of 24.07.1438 Hijri. URL: <https://gazt.gov.sa/en/RulesRegulations/Taxes/Pages/VATUnifiedAgreement.aspx> (accessed: 01.01.2020).
6. Whitehouse J. A quick guide to the GCC VAT treaty // ITR. 2017. June 27. URL: <https://www.internationaltaxreview.com/article/b1f7n8614c66zf/a-quick-guide-to-the-gcc-vat-treaty>
7. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax // Official Journal of the European Union. 2006. 11 Dec. № L347. P. 1.
8. The Central Goods and Services Tax Act // The Gazette of India. New Delhi, 2017. 12 April.
9. О введении в действие закона о НДС : декрет-закон № 48 от 2018 г. URL: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4818.pdf> (дата обращения: 01.01.2020).
10. О ратификации Конвенции о налоге на добавленную стоимость для государств – членов Совета сотрудничества стран Персидского залива : декрет-закон № 47 от 2018 г. URL: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4718.pdf> (дата обращения: 01.01.2020).
11. The Federal Decree-Law № 8 of 2017. URL: <https://u.ae/-/media/Information-and-services/Finance-and-Investment/En-VATDecreeLawNo8of2017.ashx?la=en> (accessed: 01.01.2020).
12. Value Added Tax Law. URL: <https://gazt.gov.sa/en/RulesRegulations/VAT/Pages/default.aspx> (accessed: 01.01.2020).
13. Об утверждении договоренностей и рамок финансового сотрудничества по программе «Финансового баланса» Королевства Бахрейн на период 2018–2022 гг. между Саудовской Аравией, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Королевством Бахрейн и Арабским валютным фондом, подписанных 4 октября 2018 г. : декрет-закон № 46 на 2018 год. URL: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4618.pdf> (дата обращения: 01.01.2020).
14. Султанат Оман откладывает НДС до 2021 г. Медленный рост и безработица задерживают экономические реформы). URL: <https://www.alarabiya.net/ar/aswaq/economy/2019/07/30/> (дата обращения: 01.01.2020).
15. Кувейт готовится к выборочному налогообложению и пересмотру цен на услуги). URL: [اقتصاد-الكويت-يعد-الخدمات-تسعى-إعادة-الانتقائية-الضريبة-لغرض-تسعيد](https://alkhaleejonline.net/اقتصاد-الكويت-يعد-الخدمات-تسعى-إعادة-الانتقائية-الضريبة-لغرض-تسعيد) (дата обращения: 01.01.2020).
16. Аль-Зааби А. Налог на добавленную стоимость и селективные налоги ждут утверждения парламентом Кувейта. URL: [البرلمان-موافقة-تتطلب-الاستهلاك-على-ضرائب-الكويت](https://www.alaraby.co.uk/economy/2019/2/21/البرلمان-موافقة-تتطلب-الاستهلاك-على-ضرائب-الكويت) (дата обращения: 1.01.2020).
17. Mogielnicki R. Value-Added Tax in Gulf Arab States: Balancing Domestic, Regional, and International Interests // Arab Gulf States Institute in Washington. 2019. 26 Aug. URL: <https://agsiw.org/value-added-tax-in-gulf-arab-states-balancing-domestic-regional-and-international-interests/> (accessed: 01.01.2020)

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 сентября 2020 г.

Conventional Legal Regulation of Value-Added Taxation by the Member States of the Gulf Cooperation Council

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 232–238.

DOI: 10.17223/15617793/464/26

Dmitry G. Bachurin, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: 01ter@mail.ru

Keywords: VAT; legal regulation of value-added tax; supranational legislation; reverse accrual of VAT; input tax; deductible tax; net tax; mandatory registration threshold; voluntary registration threshold; tax group; zakat.

The article discusses the legal aspects of supranational legal regulation of value added taxation in the Persian Gulf countries. The novelty of the research lies in the comparative aspect of the legal study of supranational law on the value-added tax in the Gulf countries, which allows formulating fundamentally new characteristics and interpretations that extend the theoretical and legal views on the legal mechanism of VAT, and analyzing the key provisions of the legal regulation of VAT of the states that are parties to the Common VAT Agreement. The issues of the Agreement for the countries of the Gulf Cooperation Council, as well as acts of national legislation on this tax, were studied. The analysis of the provisions of the Agreement allows concluding that the tax instrument this Agreement regulates can be classified as a type of neutral legal regulation of value-added taxation. Its peculiarity is that the country for one reason or another introduces VAT into the national tax system with minimal tax rates and continues to keep it at a low level that does not have a restraining effect on the development of its own industry. This is the reference point for the Common VAT Agreement for the countries of the Gulf Cooperation Council. The research shows that the supranational legislation of the Persian Gulf countries covers the most complex and fundamentally significant issues of legal regulation of value-added taxation, which developed taking into account the accumulated world experience in the administration of this tax. Conclusions have been obtained that the main direction of the adopted supranational legislation is the creation of a unified legal framework for the development of a coordinated legal regulation of VAT in each of the six Arab states of the Persian Gulf. The definitions of concepts that are crucial for VAT regulation are given, among which the following can be distinguished: reverse VAT accrual, input tax, deductible tax, net tax, mandatory registration threshold, voluntary registration threshold, and tax group. In the final part of the work, it is concluded that the second regional system of legal regulation of value-added taxation after the European one is being created, which begins its development on the basis of supranational legislation. Within its framework, the states that are parties to the Agreement shall organize administrative cooperation in the following areas: (1) exchange of information necessary for determining tax accuracy; (2) coordination of synchronized audit procedures and participation in audits; (3) assistance in tax collection and adoption of necessary procedures related to VAT collection.

REFERENCES

1. *Official Journal of the European Communities*. (1967) First Council Directive 67/227/EEC of 11 April 1967 on the harmonization of legislation of Member State concerning turnover taxes. 14 Apr. pp. 1301–1303.
2. Marhaini, A. & Shamsiah, M. (2012) Classical Jurists' View on the Allocation of Zakat: Is Zakat Investment Allowed? *Middle-East Journal of Scientific Research*. 12 (2). pp. 195–203.

3. Roos, E. & Adams, P. (2019) *Fiscal Reform – an Aid or Hindrance to Economic Diversification in Saudi Arabia: A Computable General Equilibrium (CGE) analysis*. Victoria University, Melbourne. [Online] Available from: <https://erf.org.eg/wpcontent/uploads/2019/02/11-158-Louise-Roos.pdf> (Accessed: 01.01.2020).
4. *The Federal Register of Legislation*. (1999) A New Tax System (Goods and Services Tax) Act. 55 [Online] Available from: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00033> (Accessed: 01.01.2020).
5. *Umm al-Qura*. (2016) Unified VAT agreement for the countries of the Gulf cooperation Council. 4667 of 24.07.1438 Hijri. [Online] Available from: <https://gazt.gov.sa/en/RulesRegulations/Taxes/Pages/VATUnifiedAgreement.aspx> (Accessed: 01.01.2020).
6. Whitehouse, J. (2017) A quick guide to the GCC VAT treaty. *ITR*. June 27. [Online] Available from: <https://www.internationaltaxreview.com/article/b1f7n8614c66zf/a-quick-guide-to-the-gcc-vat-treaty>.
7. *Official Journal of the European Union*. (2006) Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax. 11 Dec. No. L347. p. 1.
8. *The Gazette of India*. (2017) The Central Goods and Services Tax Act. 12 April.
9. Legalaffairs.gov.bh. (2018a) *Issuing the Value Added Tax Law: Decree-Law No. (48) of 2018*. [Online] Available from: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4818.pdf> (Accessed: 01.01.2020). (In Arabic).
10. Legalaffairs.gov.bh. (2018b) *On the ratification of the Value Added Tax Convention for the member states of the Gulf Cooperation Council: Decree-Law No. 47 of 2018*. [Online] Available from: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4718.pdf> (Accessed: 01.01.2020). (In Arabic).
11. U.ae. (2017) *The Federal Decree-Law No. 8 of 2017*. [Online] Available from: <https://u.ae/-/media/Information-and-services/Finance-and-Investment/En-VATDecreeLawNo8of2017.ashx?la=en> (Accessed: 01.01.2020).
12. Gazt.gov.sa. (n.d.) *Value Added Tax Law*. [Online] Available from: <https://gazt.gov.sa/en/RulesRegulations/VAT/Pages/default.aspx> (Accessed: 01.01.2020).
13. Legalaffairs.gov.bh. (2018c) *On approval of agreements and frameworks for financial cooperation under the Financial Balance Program of the Kingdom of Bahrain for the period 2018–2022 between Saudi Arabia, Kuwait, the United Arab Emirates, the Kingdom of Bahrain, and the Arab Monetary Fund, signed on 4 October 2018: Decree-Law No. 46 for 2018*. [Online] Available from: <http://www.legalaffairs.gov.bh/Media/LegalPDF/L4618.pdf> (Accessed: 01.01.2020). (In Arabic).
14. Alarabiya.net. (2019) *The Sultanate of Oman postpones VAT until 2021. Slow growth and unemployment delay economic reforms*. [Online] Available from: <https://www.alarabiya.net/ar/aswaq/economy/2019/07/30/> (Accessed: 01.01.2020). (In Arabic).
15. Alkhaleejonline.net. (2020) *Kuwait prepares for selective taxation and revision of prices for services*. [Online] Available from: <https://alkhaleejonline.net/%D8%A7%D9%82%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF/%D8%A7%D9%84%D9%83%D9%88%D9%8A%D8%AA-%D8%AA%D8%B3%D8%AA%D8%B9%D8%AF-%D9%84%D9%81%D8%B1%D8%B6-%D8%A7%D9%84%D8%B6%D8%B1%D9%8A%D8%A8%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%86%D8%AA%D9%82%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D9%88%D8%A5%D8%B9%D8%A7%D8%AF%D8%A9-%D8%AA%D8%B3%D8%B9%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AE%D8%AF%D9%85%D8%A7%D8%AA> (Accessed: 01.01.2020). (In Arabic).
16. Al'-Zaabi, A. (2019) *Value added tax and selective taxes are awaiting approval by the Parliament of Kuwait*. [Online] Available from: <https://www.alaraby.co.uk/%D8%A7%D9%84%D9%83%D9%88%D9%8A%D8%AA-%D8%B6%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D8%A8-%D8%B9%D9%84%D9%89-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D9%87%D9%84%D8%A7%D9%83-%D8%AA%D9%86%D8%AA%D8%B8%D8%B1-%D9%85%D9%88%D8%A7%D9%81%D9%82%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A8%D8%B1%D9%84%D9%85%D8%A7%D9%86> (Accessed: 1.01.2020). (In Arabic).
17. Mogielnicki, R. (2019) *Value-Added Tax in Gulf Arab States: Balancing Domestic, Regional, and International Interests*. Arab Gulf States Institute in Washington. 26 Aug. [Online] Available from: <https://agsiw.org/value-added-tax-in-gulf-arab-states-balancing-domestic-regional-and-international-interests/> (Accessed: 01.01.2020)

Received: 28 September 2020

Л.В. Зайцева, О.А. Абакумова

ВИРТУАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ТРАНСГРАНИЧНАЯ ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА: НАСТУПИВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00856 А «Разработка методологии и инструментария дифференциации регионов (стран) на основе оценки миграционной безопасности».

Исследовано правовое регулирование трансграничной дистанционной работы на основе сравнения трудового и налогового законодательства РФ и других стран. Выявлены противоречия правореализации, пробелы и рассогласованность трудового и налогового законодательства в отношении лиц, проживающих за пределами РФ и работающих у работодателей, находящихся на территории РФ. В результате сделаны выводы о необходимости внесения изменений в законодательство и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: дистанционная работа; миграция; иностранный работник; глобальный рынок труда; налогообложение дистанционных работников; обязательное социальное страхование иностранных работников.

Введение

Особенности регулирования труда дистанционных работников сегодня достаточно широко обсуждаются учеными [1], в том числе и в научных периодических изданиях [2–4]. Режим удаленной работы посредством использования сети Интернет создает широкие возможности для работодателей в поиске квалифицированной и более дешевой рабочей силы, а для работников расширяет возможности трудоустройства за рамками своего государства, делая рынок труда безграничным, повышая градус конкуренции и создавая риски недобросовестной конкуренции. Актуальность организации и регулирования дистанционной работы значительно возросла и в период вводимых ограничений, связанных с распространением в мире новой коронавирусной инфекции и объявленной ВОЗ пандемией.

Covid еще более ускорил начавшуюся цифровую трансформацию [5]. Последние исследования показывают, что количество людей, которые работают удаленно хотя бы раз в неделю, выросло на 400% с 2010 г. [6]. Такие быстрые темпы не удивительны, поскольку сегодня очень многое можно сделать через Интернет с помощью современных цифровых инструментов и технологий.

Однако и до пандемии мировая статистика по вопросам цифровизации впечатляла. К началу 2020 г. 16% мировых компаний работали в полностью удаленном режиме, 40% использовали комбинированную занятость, а 44% придерживались традиционной формы трудовых отношений [7]. Удаленная работа станет нормой, говорится в отчете Upwork. Согласно этому прогнозу к 2028 г. 73% организаций мира будут использовать удаленный труд [8].

По данным HeadHunter, 64% российских компаний имеют удаленных сотрудников. В России в основном вакансии предлагаются в сфере продаж (44%), IT (37%), банковских услуг (27%), маркетинга, рекламы, PR (9%), а также для административного персонала (22%) и недавних выпускников (20%). Каждая третья компания рассматривает возможность увеличения числа удаленных сотрудников. Только 8% компаний

не имеют таких планов, и в основном это малые и средние компании [9].

Тенденция к увеличению дистанционной занятости представляется неизбежной в результате пандемии. С момента ее объявления количество организаций, применяющих дистанционный труд, начало заметно расти. Так, уже 20 марта 2020 г. (т.е. еще до начала действия режима самоизоляции в Москве и в ряде областей России) было зафиксировано, что 3% отечественных компаний полностью перешли на дистанционную работу; по мере ухудшения эпидемиологической ситуации данная тенденция стала приобретать все большие масштабы, и к середине апреля доля подобных организаций составляла уже 14%, а количество таких вакансий выросло на фоне общего спада на рынке труда. Более того, стало очевидно, что многие компании будут применять дистанционный формат и после окончания пандемии. Это планирует сделать примерно четверть компаний [10].

Множество известных в мире компаний, таких как Google LLC, Facebook Inc., Twitter Inc. и Shopify Inc., пошли по этому пути. Канадская компания Shopify объявила о «цифровой по умолчанию» модели, которая будет продолжаться после пандемии [11].

В число наиболее популярных профессий, для которых доступен дистанционный формат, входят программисты и разработчики, администраторы баз данных и техподдержки, специалисты в цифровом маркетинге, операторы кол-центров, менеджеры по онлайн-продажам и работе с клиентами, а также преподаватели и онлайн-репетиторы.

На этом фоне продолжает развиваться законодательство о дистанционной работе. На рассмотрении находится законопроект № 966659-7 «О внесении изменений в ст. 57 Трудового кодекса Российской Федерации» [12]. Толчком последних изменений можно считать пандемию, из-за которой множество компаний поменяли свое представление о рабочем месте и политику в отношении дистанционной работы.

Похоже, что будущее для подавляющего числа «белых воротничков» – удаленная работа, поскольку работник при наличии доброй воли работодателя, имея достаточную скорость Интернета и работающий

ноутбук, потенциально может поселиться в любой точке мира. С другой стороны, даже небольшие компании получают доступ к глобальному кадровому резерву, больше не нуждаясь в разграничении своих границ найма по географическому признаку. В теории выигрывают все.

Понятие и развитие дистанционного труда

Термин «телеработа» ввел в далеком 1973 г. Джек Ниллес, исследователь из Университета Южной Калифорнии [13]. Его идея заключалась в создании более гибкой системы связи для сотрудников, сокращения потребности в транспорте и в итоге децентрализации традиционного рабочего места. Шесть лет спустя Марвин Минский, профессор Массачусетского технологического института, впервые использовал термин «телеприсутствие» для обозначения феномена, посредством которого люди могли бы использовать технологии для воспроизведения своего присутствия в среде, в которой они физически отсутствовали [14].

Далее терминология развивалась. Появились такие понятия как «мобильная работа», «телекоммьютинг», «удаленная работа», «дистанционная работа», «виртуальная работа» [1, 15–17].

В исследовании Еврофонда 2015 г. о новых формах занятости появился термин «мобильная работа на базе информационно-коммуникационных технологий», при которой работник не привязан к конкретному местонахождению работодателя и может выполнять ее где угодно, но с необходимостью подключения к общим ресурсам для достижения цели [18].

Точного понятия телекоммьютинга нет, существуют разные определения, содержащие даже взаимоисключающие элементы. По мнению одних, телекоммьютер находится на досягаемом расстоянии от работодателя и, в принципе, может ездить каждый день в офис, если в этом есть необходимость [19]. Другой источник определяет телекоммьютера как человека, который живет в одном государстве и использует компьютер для доступа к своему рабочему месту, расположенному в другом. В соответствии с любым из этих определений основным моментом является то, что место жительства и место работы или бизнеса находится в другом месте и работник использует компьютер для доступа к этому месту работы или рабочему месту для всей или части своей работы. Таким образом, в отличие от физического пересечения государственных границ для работы, телекоммьютер пересекает государственные границы в электронном виде [20].

Труд дистанционных работников также меняет общепринятую конструкцию трудовых отношений. Работодатель уже не выступает организатором рабочих мест, не устанавливает режимы рабочего времени и времени отдыха. Это делают сами работники, если иное не предусмотрено трудовыми договорами о дистанционной работе [21].

Так где же выполняется дистанционная работа? Вероятно, в общемировой информационно-телекоммуникационной сети, цифровой «мировой

паутине». Труд как процесс становится виртуальным. Трудовые ресурсы перемещаются, фактически оставаясь на месте. С точки зрения миграционного законодательства ничего не происходит. Физические лица не пересекают государственных границ. Вместе с тем процесс их труда и его результат за плату использует работодатель, находящийся в рамках совершенно другого правового порядка, другой правовой системы.

Географическое положение не имеет никакого отношения к интернет-коммуникациям – даже передача данных между физическими компьютерами, находящимися в одной и той же политической юрисдикции, может быть направлена через политические границы или обойти их через спутник. То есть в той мере, в какой этот процесс выходит за рамки традиционных политических и географических границ, традиционные правовые концепции, такие как юрисдикция и место проведения, могут представляться несправедливыми или неразумными и в итоге могут оказаться неосуществимыми [22].

Безусловно, дистанционная работа как нетипичная занятость может осуществляться в различных формах, разнообразие которых описала Н.В. Закалюжная, объединив под общим термином «телеработа» близкие и отличающие друг от друга варианты дистанционной занятости в ее широком понимании [23].

Плюсы и минусы дистанционной работы

Преимущества дистанционной работы бесконечны как для сотрудников, так и для работодателей, что неоднократно отмечалось многими авторами [24–26].

Статистика к числу преимуществ удаленной работы относит: экономию времени на дорогу – 76%, экономию денег (траты на дорогу, еду в офисе) – 84%, гибкий график работы – 59%, возможность позже вставать – 55%, высвобождение времени на домашние дела – 43% [27].

Исследования показывают [28], что дистанционные работники, как правило, имеют более высокую удовлетворенность работой и более счастливы, чем их коллеги по офису. Такая работа может улучшить производительность труда, креативность и моральный дух сотрудников.

Дистанционная работа также открыла перспективы трудоустройства для тех, кто ранее не мог найти свою нишу на рынке труда из-за инвалидности [29].

К числу основных преимуществ можно отнести и повышение уровня занятости в целом, снижение затрат на подбор персонала, смягчение энергетических, экологических и транспортных проблем. Кроме того, благодаря способности дистанционного труда создавать рабочие места и увеличивать число налогоплательщиков он может увеличить налоговые поступления в государство.

Выгода дистанционного труда очевидна для работодателя, поскольку позволяет существенно сократить расходы на персонал, к которым относятся не только заработная плата, но и аренда, оплата коммунальных платежей, обслуживающий персонал и т.д.

Большинство дискуссий о дистанционной работе сосредоточены вокруг положительного влияния, которое испытывают работники и компании. Фактически такая работа даже помогает поддерживать восемь целей ООН в области устойчивого развития [30].

Однако удаленная занятость имеет и негативные факторы, среди которых можно отметить следующие: ухудшение морального состояния работников, вызванное их удаленностью от коллег (проблема социальной и профессиональной изоляции, а также снижение корпоративной культуры и командного духа в организации); отсутствие контроля за удаленными работниками (за степенью их загруженности, возможностью раскрытия коммерческой тайны и т.д.); обеспечение условий труда и ответственности работодателя в области защиты прав удаленных работников [31]. В числе основных проблем названы набор лишнего веса (из-за неограниченного доступа к еде); ухудшение эмоционального состояния членов семьи (из-за нагрузки, связанной с дистанционным обучением детей); снижение эффективности работы (из-за плохого интернет-трафика); рост затрат на домашнюю еду и коммунальные услуги [27]. Кроме того, стоит отметить, что телеработа требует от работника большей степени самоорганизации.

Однако труд все больше перемещается в сектор услуг, для которого характерна самостоятельность лица, выполняющего работу, а также ориентация на результат [2].

Место работы и рабочее место дистанционного работника

Понятие рабочего места никогда не было статичным. Со времен ремесленников до промышленной революции и совсем недавнего наступления цифровой эпохи рабочее место находилось в постоянном движении. В настоящее время мы находимся на пороге новой эры труда, в которой новые технологии, такие как искусственный интеллект, автоматизация и виртуальная реальность, потенциально могут сравниться или даже превзойти потрясения, вызванные предыдущими революциями на рабочем месте [32].

Термин «рабочее место» кажется почти устаревшим, если работа происходит «в эфире» [33]. Фундаментальный вопрос заключается в том, приводит ли электронное рабочее место к исчезновению физического места работы. Конечно, рабочее место, как мы его знали в не столь отдаленном прошлом, резко изменилось. Революция в области информационных технологий, повсеместное внедрение электронных коммуникаций и электронных методов работы и ведения бизнеса навсегда изменили практику работы. Можно утверждать, что рабочее место рассеивается и преобразуется в ряде случаев электронной революцией [34]. С помощью новых технологий то, что когда-то делалось вручную, теперь делается автоматически с помощью компьютера и электронных средств. В связи с этим изменился характер многих рабочих мест. Информационная революция привела к появлению новой сущности, которую можно назвать рабочим местом в киберпространстве [35].

Как отмечал Верховный Суд РФ, в Трудовом кодексе РФ не раскрывается содержание понятия «место работы» [36]. Однако, по мнению Роструда, изложенному в письме от 07.10.2013 № ПГ/8960-6-1, трудовой договор о дистанционной работе должен содержать сведения о месте работы, в котором дистанционный работник непосредственно исполняет обязанности, возложенные на него трудовым договором [37]. А в письмах от 08.08.2013 № 03-03-06/1/31945, от 01.08.2013 № 03-03-06/1/30978 Минфин России указал, что местом работы дистанционного работника является место его нахождения. Таким образом, в трудовом договоре с дистанционным работником требуется указывать фактический адрес, по которому работнику можно направлять почтовую корреспонденцию. Представляется, что у работодателя должна быть информация об адресе дистанционного работника (пусть даже формально), чтобы, например, можно было связаться с ним в случае невыхода на связь в Интернете или направить ему почтовую корреспонденцию. Соответственно, на работника в этом случае возлагается риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, поступивших по указанному им адресу.

В свете разъяснений и Минфина РФ, и Минтруда РФ становится краеугольным вопрос о месте работы как обязательном условии трудового договора. Что же является местом работы дистанционного работника? Может ли оно быть определено традиционным образом?

Для ответа на этот вопрос представляется необходимым вернуться к полемике о том, кто же является дистанционным работником и каковы признаки дистанционных трудовых отношений как нетипичных.

На наш взгляд, основная полемика связана с буквальным или расширительным толкованием ст. 312.1 ТК РФ. Если буквально толковать указанную статью, то к признакам интересующих нас отношений относится не только выполнение трудовой функции вне места расположения работодателя, вне стационарного объекта, неподконтрольного работодателю, но и использование информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе Интернета, для выполнения трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником. Таким образом, телекоммуникации здесь должны использоваться не только для связи с работодателем, но и для выполнения трудовой функции. К сожалению, трудовое законодательство РФ не содержит правил общего характера, регулирующих электронное взаимодействие работодателя с работником, который лишь часть своих функций выполняет удаленно или использует информационно-телекоммуникационные сети только для взаимодействия с работодателем и его должностными лицами, выполняя трудовую функцию на конкретно определенных объектах, пусть даже с развездным характером труда, не имея собственно стационарного рабочего места. На необходимость разграничения собственно дистанционных работников и работников, осуществляющих трудовую функцию в реальном, а не виртуальном мире, указывает союз «и», используемый законодателем в ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ,

подчеркивая, что не только взаимодействие с работодателем, но и выполнение трудовой функции должно выполняться с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Дистанционное присутствие – это лишь один из примеров бесконечного развития технологий, которое сокращает необходимость физического присутствия сотрудников в офисах их работодателей. По сути, для многих работодателей не обязательно, чтобы сотрудник фактически посещал физическое рабочее место, чтобы присутствовать на своей работе. Появление мобильных телефонов, электронной почты и технологий телеконференций означает, что сотрудники могут удаленно общаться со своим работодателем. Облачные технологии означают, что сотрудники могут извлекать и отправлять документы, изображения, диаграммы, файлы или практически любые данные через Интернет. Более того, такая сложная технология, как роботизированное телеприсутствие, означает, что сотрудники могут даже копировать их физическое присутствие в офисе из удаленного места [14].

Таким образом, важной особенностью правового регулирования труда дистанционных работников, о которой следует упомянуть в рассматриваемом контексте, является видоизменение в дистанционном труде одного из обязательных условий трудового договора – условия о месте работы [38].

Соответственно, если дистанционный работник выполняет трудовую функцию в месте, неподконтрольном работодателю, по сути, в «виртуальном мире», где нет пространства и границ в общепринятом смысле, то есть ли необходимость вообще указывать место работы как обязательное условие такого трудового договора? Возможно, определить его место работы следует формально, как место расположения работодателя, поскольку он является «благоприобретателем» результата исполняемой трудовой функции.

Можно, конечно, предположить и возможность определения в качестве места работы и местонахождения работника. Но это место, с одной стороны, неподконтрольно работодателю, а с другой – может быть изменено работником в любое время и без последствий для него (коль скоро контроль работодателя исключен). Хотя современная судебная практика допускает возможность указания в трудовом договоре с дистанционным работником такое место работы, как работа на Крайнем Севере [39–41] или работа за рубежом [42]. Но эти судебные решения связаны со спорами по вопросам предоставления соответствующих трудовых гарантий, связанных с проживанием на определенных территориях с неблагоприятными природно-климатическими условиями, или с компенсациями затрат, связанных с переездом. Суды здесь не выходят за рамки рассмотрения аргументов сторон и свои выводы основывают на содержании трудового договора в части тех условий, о которых стороны договорились при его заключении. Получается, что если стороны договорились о том, что работник выполняет работу в сети, проживая фактически на Севере, то он приобретает право на «северные» гарантии и компенсации. Это, на наш взгляд, не противоречит принципу

диспозитивности в установлении условий трудового договора, вытекающему из содержания ст. 57 ТК РФ.

Однако при необходимости и в целях защиты интересов работодателя (например, от оплаты труда в повышенном размере) в трудовой договор о дистанционной работе можно включить условие об уточнении места исполнения трудовой функции, поскольку вполне допустима ситуация с переездом работника в другую местность, где установлены коэффициенты к заработной плате. Также в трудовом договоре возможно оговорить регионы, в которых работник не должен выполнять трудовую функцию.

К тому же разрешено платить страховые взносы по пониженным тарифам с выплат работникам, которые трудятся на новых рабочих местах, даже если они приняты по трудовым договорам о дистанционной работе [43]. То есть налоговые преимущества территорий опережающего развития распространяются в том числе и на дистанционных работников. Но опять возникает вопрос целесообразности и подконтрольности. Как впоследствии работодатель сможет проверить, действительно ли работник выполняет трудовую функцию, находясь на Крайнем Севере или же на территории опережающего развития? Что мешает этому работнику разрабатывать, например, дизайн-проекты или программное обеспечение, находясь на берегу любого теплого моря? И при этом сохранять регистрацию постоянного места жительства за полярным кругом.

Суть дистанционных отношений заключается как раз в том, что фрилансер может находиться в какой угодно точке земного шара и место его нахождения никак не влияет на процесс, результат и оценку его труда. Другое дело, если только часть трудовой функции осуществляется с применением телекоммуникационных технологий. Но это, на наш взгляд, и нельзя назвать дистанционными трудовыми отношениями в их чистом, формально определенном законом виде.

Важнейшим признаком дистанционных трудовых отношений, как уже отмечалось, является отсутствие контроля со стороны работодателя прежде всего рабочего места. Если использование рабочего времени можно отчасти проконтролировать с помощью онлайн-режима, то реальное месторасположение работника вряд ли. Да и какой в этом интерес для работодателя?

Можно сказать, что в целом для дистанционных работников часть условий утрачивает свою значимость, в частности такие, как место работы, условия труда на рабочем месте.

Трудовой или гражданско-правовой договор?

Можно согласиться с мнением, что дистанционный труд носит транснациональный характер, однако российское законодательство к такому виду отношений не приспособлено [2, 15, 44].

О возможностях, а скорее, о невозможности заключать трудовые договоры о дистанционной работе в РФ с иностранным гражданином сегодня написано много в связи с широко и печально известным письмом Министерства труда РФ от 16.01.2017 [45], где

высказана официальная позиция о невозможности заключения трудового договора о дистанционной работе с иностранным гражданином, проживающим за рубежом, поскольку, во-первых, это не предусмотрено Трудовым кодексом РФ (ТК РФ), а во-вторых, работодатель не может в этом случае обеспечить условия, соответствующие требованиям охраны труда.

Обоснованные и понятные контраргументы на этот счет привели Ю.В. Васильева и С.В. Шуралева [16]. Они совершенно верно заметили, что отсутствие правового регулирования совсем не означает запрета. В рассматриваемом случае речь, скорее, идет о несбалансированности двух глав Трудового кодекса РФ – о дистанционном труде и о труде иностранных работников. Кроме того, специфика дистанционной работы реально не позволяет работодателю отследить условия труда на рабочем месте дистанционного работника из числа российских граждан, как и обеспечить охрану их труда. Поэтому не понятно, чем в этом смысле от иностранных работников отличаются российские граждане, которые работают дистанционно и при этом могут находиться как на территории РФ, так и за рубежом. Причем Минтруд говорит о невозможности заключения трудового договора о дистанционной работе в целом с лицами, проживающими за пределами РФ, невзирая на наличие российского гражданства. Получается, что ведомство таким образом поощряет скрытую занятость.

Однако ТК РФ не содержит прямого запрета на работу из-за границы по трудовому договору о дистанционной работе. Более того, существует совершенно законная возможность заключения срочного трудового договора с сотрудником, направляемым за рубеж (ч. 1 ст. 59 ТК РФ). С другой стороны, обеспечить эти условия работодатель не сможет и работнику, направленному на работу за границу. Отсюда вопрос: почему лицо, направленное за границу по срочному трудовому договору, может работать там по трудовому договору, а работать дистанционно там же не может? Ответа на этот вопрос Минтруд не дал.

Однако не стоит забывать, что письма этого ведомства носят рекомендательный характер. А так как ТК РФ прямого запрета не содержит, то, в принципе, ничто не мешает работодателю на свой страх и риск заключить дистанционный трудовой договор с работником, находящимся за границей.

Возникают сомнения, во всех ли случаях реально исполнимы требования по обеспечению безопасных условий труда, ведь представляется, что работодатель в большинстве случаев реально не может проверить и обеспечить безопасность. При этом каких-либо особенностей расследования несчастных случаев, произошедших с дистанционными работниками, ТК РФ не устанавливает. Безусловно, несчастный случай может произойти и с дистанционным работником, что находит подтверждение в ст. 3 Федерального закона от 24.07.98 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», где сказано, что выполнение обязанностей по трудовому договору, в результате которого произошла смерть или повреждение здоровья сотрудника, может происходить как

на территории организации-страхователя, так и за ее пределами. Очевидно, что выполнение мероприятий по расследованию и выполнению обязанностей, установленных ст. 312.3 ТК РФ в ситуации, когда несчастный случай произошел за пределами РФ, как минимум затруднительно, а как максимум невозможно. Тем не менее Минтруд, предлагая заключать гражданско-правовой договор для дистанционной работы за рубежом, одновременно провоцирует нарушение ч. 2 ст. 15 ТК РФ, что образует состав административного проступка по ст. 5.27 КоАП.

С другой стороны, ТК РФ не сделал исключения о месте работы как обязательном условии трудового договора для дистанционного работника. Причем работодатель, как уже отмечалось, физически не может контролировать это место. Но если работник иностранец (включая и граждан ЕАЭС), то при его нахождении на территории РФ работодатель должен уведомить миграционную службу о заключении трудового договора. Естественно, что такой работник может выехать с территории РФ или не въезжать вовсе, если речь о дистанционной работе.

Отдельно следует отметить, что по вопросу о возможности дистанционной работы из-за границы диаметрально расходятся позиции Минтруда и Минфина.

Минфин не видит ничего незаконного в заключении трудового договора о дистанционной работе с лицом, работающим из-за границы, что подтверждается многочисленными письмами ведомства: от 28.09.2015 № 03 04 06/55272, от 13.07.2018 № 03-15-06/48881, от 21.02.2018 № 03-04-05/10825, от 18.01.2018 № 03-04-05/2325, от 08.05.2019 № 03-04-05/33559, от 01.08.2018 № 03-04-06/54321, от 8.05.2019 № 03-04-05/33559 и др.

Минфин, например, допускает возможность заключения трудовых договоров как с нерезидентами, работающими на территории Италии, так и на территории Республики Беларусь, и лишь указывает на особый порядок уплаты НДФЛ и сдачи отчетности по этому налогу.

Причем точка зрения Минфина подтверждается и нормативными актами, поскольку Налоговый кодекс РФ содержит прямое указание на такую возможность, а Трудовой кодекс РФ не содержит запрета.

Налоговым кодексом РФ предусмотрен такой вид дохода физических лиц, как «вознаграждение за выполнение трудовых... обязанностей... за пределами РФ» (пп. 6 п. 3 ст. 208 «Доходы от источников в РФ и доходы от источников за пределами РФ» главы 23 «Налог на доходы физических лиц»). Каких-либо особенностей для дистанционных работников, которые трудятся за рубежом, НК не устанавливает.

Налогообложение и обязательное социальное страхование

Минфином РФ издано уже более десятка писем, разъясняющих вопросы налогообложения доходов физических лиц, работающих за пределами РФ дистанционно [46–48]. Если лицо 183 и более календарных дней в течение двенадцати месяцев находилось за рубежом, согласно ст. 208 НК РФ оно не является

резидентом и его доходы считаются полученными от источников за пределами РФ. С точки зрения теории права и юридической техники перед нами – нормативная, предусмотренная кодифицированным законом РФ, что не делает ее ущербной с точки зрения правоприменения. Но уж коль скоро НК РФ предусматривает такие правила для любого лица в отношении налогообложения его доходов, то тем более не ясно, почему эти нормы могут в отношении регулирования труда относиться исключительно к российским гражданам, работающим на российской компании дистанционно, проживая фактически за рубежом. В противном случае можно говорить о нарушении принципа равного обращения, закрепленного многочисленными международными нормами.

В разных государствах существуют различные определения налогового резидентства, но наиболее важным фактором резидентства, как правило, является продолжительность физического присутствия в юрисдикции [49].

И налоговый режим дохода, получаемого работником, выполняющим работу для работодателя в государстве, отличном от того, где находится этот работодатель, является одним из важных последствий дистанционного труда. Большинство государств мира применяют критерий «физическое присутствие», который распределяет доход на основе числа дней, в течение которых налогоплательщик физически работает в каждом государстве.

Однако в мировой практике есть и другие варианты налогообложения дистанционных работников.

Например, США презюмирует, что все его граждане являются налоговыми резидентами. Базовым элементом налогового законодательства США является общемировое налогообложение граждан США без учета их соответствующих резиденций. Данный подход основан на предположении исключительности и особой ценности гражданства США. Соединенные Штаты являются единственной крупной страной, которая облагает налогом своих граждан и иностранцев, признанных постоянными резидентами (законные постоянные резиденты (LPRs), в просторечии известные как «держатели Зеленой карты»), на их общемировой доход независимо от места жительства [50]. Соответственно, у американцев нет мотивации переезжать за границу для снижения налогов.

Для обеспечения Всемирного налогообложения Соединенные Штаты устанавливают обременительные требования к отчетности для этих групп. В дополнение к подаче ежегодных налоговых деклараций американцы, проживающие за рубежом, должны представлять отчеты о своих иностранных банковских и других финансовых счетах, даже если они не должны никаких налогов США. Невыполнение этих обязательств по представлению отчетности влечет за собой серьезные штрафные санкции [51].

В законодательстве Германии более широкое понятие налогового резидентства (по их терминологии, это лицо, подлежащее неограниченному налогообложению дохода), имеющее «обычное жилище» [52]. Учитывается место жительства или место постоянно-

го пребывания, нахождение на государственной службе даже в случае проживания за рубежом.

Однако и у нас, несмотря на кажущуюся простоту определения статуса, с дистанционными работниками все не просто, ведь на практике достаточно сложно понять, является работник резидентом или нерезидентом, поскольку работодатель может просто не видеть его в лицо.

Установление налогового статуса физического лица – сотрудника организации – производится организацией самостоятельно, исходя из особенностей каждой конкретной ситуации [53]. Минфин предупреждает, что ответственность за правильность определения источника дохода, а также налогового статуса физлица – получателя дохода, несет организация – налоговый агент [54]. Окончательный налоговый статус физического лица в зависимости от времени его нахождения в Российской Федерации в данном налоговом периоде определяется по итогам налогового периода [55]. Этот же вывод был подтвержден Постановлением Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 23.08.2018 № 09АП-37003/2018 по делу № А40-25638/18, в котором суд отметил, что «для исчисления сумм налога при каждой выплате доходов организация-налоговый агент должна принимать во внимание налоговый статус физического лица. Соответственно, на налоговом агенте лежит ответственность за правильность исчисления НДФЛ, в том числе с учетом налогового статуса налогоплательщика. Установление налогового статуса физического лица может осуществляться как на основе сведений, имеющих у самого налогового агента (если он, например, является работодателем), либо сведений, предоставляемых налогоплательщиком». При этом НК РФ не установлено каких-либо правил подтверждения налоговыми агентами фактического времени нахождения налогоплательщика в РФ.

Поэтому работодателю – налоговому агенту рекомендуют затребовать документы, необходимые для подтверждения статуса работника. Однако в законодательстве отсутствует перечень документов, в соответствии с которыми можно определить налоговый статус лица. Следовательно, можно использовать любые документы, подтверждающие факт нахождения человека в стране (загранпаспорт, паспорт моряка, миграционную карту, документ беженца, квитанции о проживании в гостинице и т.д.).

Что касается подтверждения факта проживания в другой стране, то говорить о каком-либо обобщенном перечне документов, которыми может подтверждаться постоянное проживание (временное пребывание) гражданина России за рубежом, не представляется возможным. Данные документы, равно как и требования к их оформлению, устанавливаются законодательством каждого конкретного иностранного государства [56].

Таким образом, если место работы должно быть указано в трудовом договоре с дистанционным работником, то его налоговый статус работодатель должен уточнить самостоятельно исходя из особенностей конкретной ситуации.

При этом НК РФ не установлено каких-либо правил подтверждения налоговыми агентами фактического времени нахождения налогоплательщика в России.

В этих целях организация может запрашивать у работника необходимые сведения и документы. При этом работник может сам представить налоговому агенту соответствующие документы, необходимые для удержания НДФЛ в соответствии с его налоговым статусом.

А как быть, если работник откажется представить документ? Законодательством о налогах и сборах не предусмотрена обязанность налогового агента проверять статус налогового резидента при приеме на работу гражданина РФ (п. 3 ст. 24, ст.ст. 226, 230 НК РФ). Ведь для гражданина РФ нет обязанности предоставлять загранпаспорт или документ, подтверждающий его налоговый статус, равно как и другой не предусмотренный трудовым законодательством документ при приеме на работу или в процессе работы (ст. 65 ТК РФ). Поэтому, возможно, работнику – гражданину РФ в случае возвращения на территорию страны будет выгодно умолчать о возобновлении своего статуса резидента, поскольку он никакой ответственности не несет.

Однако законом предусмотрено, что налоговый агент должен правильно начислить налог (ст. 24 НК РФ), а также штраф за неполное его удержание (ст. 123 НК РФ). Вероятно, работодатель как налоговый агент, получив от работника – российского гражданина документы, подтверждающие его статус нерезидента (что освобождает его доход от обложения НДФЛ), должен иметь право требовать от такого работника по истечении полугодия (183 календарных дней) документы, определяющие его налоговый статус (его сохранение или изменение). Следовательно, трудовое или налоговое законодательство должно предусматривать такую обязанность работника, работающего удаленно за рубежом.

Сегодня сведения о налоговом резидентстве работник может представить в добровольном порядке, самостоятельно обратившись в налоговый орган за получением документа, подтверждающего статус налогового резидента РФ. Налоговый орган в силу пп. 16 п. 1 ст. 32 НК РФ обязан представить запрашиваемый документ. Форма заявления о представлении документа, подтверждающего статус налогового резидента Российской Федерации, утверждена Приказом ФНС России от 07.11.2017 № ММВ-7-17/837@.

Поэтому в контексте разъяснений Минфина РФ о возможности предоставления работником (налогоплательщиком) работодателю (налоговому агенту) подтверждений налогового резидентства сотрудники, работающие по трудовому договору о дистанционной работе, теперь имеют возможность дистанционно запрашивать, дистанционно получать от ФНС подтверждение о налоговом статусе резидента РФ и дистанционно предоставлять такое подтверждение работодателю посредством использования проверочного кода на сайте ФНС.

При этом, если не установлен факт отсутствия у работника статуса налогового резидента, его доходы

подлежат налогообложению НДФЛ по ставке 13%. То есть когда на работу устраивается новый сотрудник – россиянин, его статус никто не проверяет. Его изначально считают резидентом, и с его доходов удерживают НДФЛ по ставке 13%. Если на работу берут иностранца, то начинают изучать его «въездные-выездные» документы. Нерезидент, получающий доход в РФ, избежит налогообложения дохода в РФ, если подтвердит статус резидента другого государства соответствующими документами налоговому агенту либо налоговому органу при отсутствии налогового агента. Хотя вопросы двойного налогообложения являются очень актуальными [51], как и его избегания посредством межгосударственных соглашений, они не входят в предмет нашего изучения, поскольку неприменимы в отношении дистанционно работающих за пределами РФ, коль скоро на территории РФ у них не возникает налоговой базы.

Что касается ситуации, когда резидент РФ работает у иностранного работодателя дистанционно, то в этом случае иностранная компания не обязана вставать в России на налоговый учет, так как стационарное рабочее место, предусмотренное ст. 11 Налогового кодекса РФ, не создается. Иностранная компания в таком случае не является налоговым агентом по НДФЛ (п. 2 ст. 226 НК РФ). Уплата страховых взносов во внебюджетные фонды медицинского, пенсионного и социального страхования иностранным работодателем, не зарегистрированным на территории РФ, по действующему законодательству не осуществляется. В этом случае резидент РФ должен самостоятельно исчислить и оплатить НДФЛ. Стать участником системы обязательного пенсионного страхования и страхования на случай временной нетрудоспособности и материнства такой работник может на добровольной основе.

Страховые взносы на обязательное социальное страхование иностранного дистанционного работника (исполнителя по гражданско-правовому договору, по версии Минтруда) не начисляются, поскольку их начисление зависит от правового положения иностранца в России (беженец; получивший временное убежище в РФ; постоянно проживающий в РФ; временно проживающий в РФ; временно пребывающий в РФ; высококвалифицированный специалист), а не от его налогового статуса (резидент или нерезидент). Но если иностранец вообще не въезжал в Россию, а заключил трудовой договор или договор гражданско-правового характера с компанией из России и трудится у себя на родине дистанционно, то никакого миграционного статуса он не приобретает, а его заработок не включается в базу по страховым взносам. На такого работника не распространяются обязательные пенсионное, медицинское и социальное страхования, что следует из 420 НК РФ.

В этой связи у российского работодателя возникает соблазн приоритетного приема на дистанционную работу (по трудовому или гражданско-правовому договору) иностранного работника, проживающего за рубежом. Это становится выгодно, поскольку в отношении заработка граждан России страховые взносы начисляют в обычном порядке.

Поэтому в целях защиты рынка труда и занятости российских граждан (в том числе проживающих за рубежом), а также для сохранения доходной базы государственных внебюджетных фондов РФ, обеспечения пополнения их бюджетов следовало бы обсудить возможность введения солидарных страховых тарифов на доход, выплачиваемый российскими компаниями физическим лицам из числа иностранных граждан, работающих за рубежом дистанционно. Конечно, следует отдавать себе отчет в том, что такой работник, скорее всего, не сможет воспользоваться страховым возмещением, поскольку вообще не планирует переселение в РФ. И с точки зрения индивидуальных интересов такой подход может расцениваться как несправедливый или необоснованный. Но с точки зрения коллективных интересов стабильности системы обязательного социального страхования важно не допустить дальнейшего размытие финансовой базы этой системы и обеспечить соблюдение интересов большинства.

Выводы

Поскольку многие вопросы регулирования труда дистанционных работников и тех, кто трудовые функции выполняет частично удаленно, представляется необходимым:

- продолжить совершенствование механизмов правового регулирования дистанционной работы и электронного взаимодействия работодателя со всяким работником;
- предусмотреть взаимные права и обязанности, связанные с возможным пребыванием дистанционного работника за пределами РФ, том числе обязанность работника представлять работодателю информацию об изменении места жительства или пребывания (учитывая, что в налоговом законодательстве определены возможные доказательства статуса нерезидента);
- рассмотреть вопрос об исключении из числа обязательных условий трудового договора о дистанционной работе условия о месте работы, не исключая возможности для сторон устанавливать это условие в качестве дополнительного, особенно если стороны также определяют в договоре трудовые гарантии и компенсации, связанные с местом фактического

нахождения дистанционного работника (в районах Крайнего Севера, выезда за рубеж и т.п.);

– в целях защиты рынка труда и занятости российских граждан, а также для сохранения доходной базы государственных внебюджетных фондов РФ рассмотреть целесообразность введения солидарных страховых тарифов на доход, выплачиваемый российскими компаниями физическим лицам из числа иностранных граждан, работающих за рубежом дистанционно;

– урегулировать механизм подтверждения работником статуса резидента в целях правильности исчисления налоговыми агентами фактического времени нахождения налогоплательщика в России.

Остается также без должного внимания вопрос о работе российских граждан дистанционно на зарубежные компании. Здесь возникают следующие вопросы: как обеспечить выполнение ими требований налогового законодательства в части уплаты НДФЛ, особенно если отсутствует соглашение между РФ и соответствующим государством об избежании двойного налогообложения? Следует ли этих лиц каким-то образом включать в систему обязательного социального страхования, особенно пенсионного? Понятно, что отсутствие взносов в ПФР не формирует их пенсионных прав в системе обязательного пенсионного страхования. Но при всеобщем пенсионном обеспечении эти люди, пусть и на пять лет позднее, но получают доступ к государственному пенсионному обеспечению по старости, одновременно не участвуя в период своей активной занятости в формировании солидарной части пенсионной системы. То же самое можно сказать и о нерезидентах из числа российских граждан, работающих на российские компании дистанционно за рубежом.

Невнимание к этой стороне дистанционных трудовых отношений создает риски для финансовой устойчивости российской системы обязательного социального страхования, поскольку фактическая выплата зарплат происходит, а начисления на нее не производятся. Кроме того, увеличение числа граждан РФ, не охваченных системой обязательного социального страхования, создает угрозу для реализации принципа всеобщности социального обеспечения на условиях, обеспечивающих достойное существование при утрате трудоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Ю.В., Шуралева С.В., Браун Е.А. Правовое регулирование дистанционной работы: проблемы теории и практики. Пермь : Перм. гос. науч.-исслед. ун-т, 2016. 128 с.
2. Лютов Н.Л. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. № 10. С. 30–39.
3. Васильева Ю.В., Шуралева С.В. Содержание трудового договора о дистанционной работе: теоретические аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 88–97.
4. Закалюжная Н.В. Дистанционная работа и схожие правоотношения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 76–91.
5. Ferrari C. Lockdown has sparked a working-from-home revolution, with 74 per cent of organisations planning to shift some employees to remote work permanently. 2020. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:60CP-3X61-JCBW-N39G-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.07.2020).
6. 40 Remote Work Stats to Know in 2020. URL: <https://blog.hubspot.com/marketing/remote-work-stats> (accessed: 06.07.2020).
7. 45 Key Remote Work & Telecommuting Statistics for 2020 // Owl Labs. URL: <https://www.owllabs.com/blog/remote-work-statistics> (accessed: 06.07.2020).
8. 73% of all teams will have remote workers in the next decade // TechRepublic. 06.03.2019. URL: <https://www.techrepublic.com/article/73-of-all-teams-will-have-remote-workers-in-the-next-decade/> (accessed: 06.07.2020).
9. Петрова А. Удаленная работа набирает популярность в России. Страна и мир. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/blizhe_k_domu/ (дата обращения: 06.07.2020).

10. Разработаны поправки в ТК по удаленной работе. Авторы проекта – члены «Единой России». URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/500435/> (дата обращения: 06.07.2020).
11. Remote working offers employers and employees lots of opportunities - and just as many headaches. Postmedia Breaking News. (May 30, 2020 Saturday). URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:6018-NSS1-F125-14VF-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.07.2020).
12. Проект Федерального закона № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/966659-7> (дата обращения: 07.08.2020).
13. Biography of Jack Nilles, JALA Int'l. 2011. URL: <http://www.jala.com/jnmbio.php> (accessed: 05.06.2020).
14. Johnson B.D. Comment: there's no place like work: how modern technology is changing the judiciary's approach to work-at-home arrangements as an ada accommodation // University of Richmond Law Review. 2015. Vol. 49, № 1229. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5FY5-09B0-00CV-R17D-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.06.2020).
15. Gerasimova E., Korshunova T., Chernyaeva D. New Russian Legislation on Employment of Teleworkers: Comparative Assessment and Implications for Future Development // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 124–128.
16. Васильева Ю.В., Шураева С.В. Дистанционная работа в России: вопросы правоприменения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 216–225.
17. Martin N.T. Business law forum: the protected-class approach to antidiscrimination law: logic, effects, reform: diversity and the virtual workplace: performance identity and shifting boundaries of workplace engagement // Lewis & Clark Law Review. 2012. Vol. 16, № 605. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:560D-P160-00CW-503G-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.06.2020).
18. Eurofound. New forms of employment. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. P. 7–8. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/working-conditions-labour-market/new-forms-of-employment> (accessed: 01.07.2020).
19. Что такое телекоммьютинг? // Экономическая газета. URL: <https://neg.by/novosti/otkryty/cto-takoe-telekommuting-3600> (дата обращения: 06.08.2020).
20. Schultz D. New York state constitutional law: TRENDS AND DEVELOPMENTS: State Taxation of Interstate Commuters: Constitutional Doctrine in Search of Empirical Analysis // Touro Law Review. 2000. Vol. 16, № 435. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4379-5JM0-00C3-W190-00000-00&context=1516831> (accessed: 16.07.2020).
21. Миронов В.И., Новикова М.В. Дистанционная работа как явление на российском рынке труда: дифференциация и дискриминация (ч. 1) // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 36–40.
22. Vetter W.V. Preying on the Web: Tax Collection in the Virtual World // Florida State University Law Review. 2001. Vol. 28, № 649. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:445N-69P0-FMHM-5008-00000-01&context=1516831> (accessed: 16.07.2020).
23. Закалюжная Н.В. Основные черты дистанционной занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 37–40.
24. Potter E.E. Telecommuting: The Future of Work, Corporate Culture, and American Society, 24 // J. of Lab. Res. 2003. Vol. 73. P. 77–79. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Telecommuting%3A-The-future-of-work%2C-corporate-and-Potter/11a47451900de6e9fa7b0de306cf4f6eba987541> (accessed: 06.08.2020).
25. Cooney B. Virtual Offices: When Telecommuting Works, It's a Win/Win, The Stamford Advoc. 2006. Sept. 1. URL: <http://www.stamfordadvocate.com/features/scn-sa-telecommute1sep01,07042513.story?coll=stam-features-headlines> (accessed: 06.08.2020).
26. Mariani M. Telecommuters // Occupational Outlook Quarterly. 2000. Vol. 44, № 3. P. 10–17. URL: <https://webarchive.library.unt.edu/eot2008/20080917143925/http://stats.bls.gov/opub/ooq/2000/fall/art02.pdf> (accessed: 06.08.2020).
27. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsionnaya-rabota-kak-trend-vremeni-rezultaty-massovogo-opyta> (дата обращения: 06.08.2020).
28. Goluboff N.B. Tolls on the broadband commute: state tax limitations on interstate telework // Media Law & Policy. 2013. Vol. 20, № 213. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5B7C-0TK0-00CW-F0MG-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.08.2020).
29. Kraich M. The Chilling Realities of the Telecommuting Tax: Adapting Twentieth Century Policies for Twenty-First Century Technologies // University of Pittsburgh Journal of Technology Law & Policy. 2015. Vol. 15, № 224. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5KDX-HWN0-0198-F0HV-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
30. FlexJobs Details Intriguing Set of Remote Work Statistics for 2020; A number of studies demonstrate the trending growth and far-reaching impact of remote work. PR Newswire. (February 24, 2020 Monday). URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:5Y90-8HV1-JB72-13GB-00000-00&context=1516831> (accessed: 06.08.2020).
31. Kovalenko E.V., Rozentsvaig A.I., Bakhteeva E.I., Soshnikova I.V., Sherpaev V.I., Novikova Y.A. The development of remote workers with disability for entrepreneurship system // Journal of Entrepreneurship Education. 2020. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:5YM5-F1T1-JCBJ-K0DV-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
32. Hirsch J.M. Future work // University of Illinois Law Review. 2020. Vol. 20, № 889. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:605B-JXS1-F8SS-6233-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
33. Cherry M.A. Competition in the global workplace: the role of law in economic markets: the global dimensions of virtual work // Saint Louis University Law Journal. 2010. Vol. 54, № 471. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:509R-VH80-00CV-T066-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
34. Pittard M. The Dispersing and Transformed Workplace: Labour Law and the Effect of Electronic Work // Australian Journal of Labour Law. 2003. № 4. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:48W2-SJ40-00BP-N2B9-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
35. Gabel J.T.A., Mansfield N. On the Increasing Presence of Remote Employees: An Analysis of the Internet's Impact on Employment Law as it Relates to Teleworkers // University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy. 2001. № 233. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4620-VF40-010M-502K-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
36. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.05.2020).
37. Письмо Роструда от 7 октября 2013 г. № ПГ/8960-6-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).
38. Черных Н.В. Влияние нетипичных форм занятости на теоретические представления о трудовом отношении (на примере норм о дистанционном труде) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105).
39. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 30.10.2018 № 33-3721/2018 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.04.2020).
40. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.06.2018 № 33-12955/2018 по делу № 2-8090/2017 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.04.2020).

41. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.03.2018 по делу № 33-1558/2018 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.04.2020).
42. Апелляционное определение Курганского областного суда от 11 июня 2015 г. по делу № 33-1534/2015 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.04.2020).
43. Письмо ФНС России от 11.03.2019 N БС-4-11/4199@ О применении пониженных тарифов страховых взносов с выплат работникам и пониженной ставки налога на прибыль резидентом ТООСЭР, имеющим обособленные подразделения // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.04.2020).
44. Шуралева С.В. Регулирование дистанционной работы с иностранным элементом в эпоху глобализации: взгляд с позиций трудового права России // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 3 (25). С. 156–163.
45. Письмо Минтруда России от 16.01.2017 № 14-2/ООГ-245 // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»). 2017. № 7.
46. Письмо Минфина России от 24.12.2018 № 03-04-06/94010 // ЭЖ-Бухгалтер (Бухгалтерское приложение). 2019. № 3.
47. Письмо Минфина России от 16.10.2019 № 03-04-06/79311 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.04.2020).
48. Письмо Минфина России от 03.09.2019 № 03-04-06/67598 // Нормативные акты для бухгалтера. 2019. № 20.
49. IBFD International Tax Glossary. 7th Ed. 2015.
50. Schneider B. The end of taxation without end: a new tax regime for U.S. expatriates // Virginia Tax Review. 2012. Vol. 32, № 1. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:57G1-3240-00CW-C082-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
51. Mason R. Tax expenditures and global labor mobility // New York University Law Review. 2009. Vol. 84, № 1540. URL: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4Y71-XF80-02BN-104B-00000-00&context=1516831> (accessed: 11.04.2020).
52. Unbeschränkte Steuerpflicht. URL: <https://www.steuerklassen.com/einkommensteuererklärung/unbeschraenkt-steuerpflichtig-was-bedeutet-das/#unbeschraenkt-steuerpflichtig-doppelbesteuerung> (accessed: 11.04.2020).
53. Письмо Минфина от 21.10.2013 № 03-04-05/43781 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2020).
54. Письмо Минфина РФ от 22.02.2017 № 03-04-05/10518 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2020).
55. Письмо Минфина России от 21.02.2019 № 03-08-05/11299 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2020).
56. Письмо МИД России от 11.09.2012 № 7695/дэс // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.08.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 сентября 2020 г.

Virtual Mobility and Cross-Border Remote Work: Current Reality and Legal Uncertainty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 239–250.

DOI: 10.17223/15617793/464/27

Larisa V. Zaitseva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

Olga A. Abakumova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.a.abakumova@utmn.ru

Keywords: remote work; migration; foreign worker; global labor market; taxation of remote workers; mandatory social insurance of foreign workers.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-010-00856 A.

The aim of the research is to substantiate the urgent need to overcome the legal vacuum and legal uncertainty that have arisen in the Russian Federation regarding the possibilities of legal work remotely abroad. This study analyzes the norms of labor and tax law of the Russian Federation that regulate relations associated with remote work of a person who is outside the Russian Federation in the interests of an employer registered in Russia. The official letters of the Ministry of Labor and Social Protection of Russia and the Ministry of Finance of Russia, which express diametrically opposite positions of these state bodies on the possibilities of legal cross-border remote work, have been studied. The main methodological approaches in the study were comparative jurisprudence and the method of expert assessments. Also, analysis and synthesis, statistical, formal legal and functional methods were used. The study has found that the modern labor market is characterized by an increase in the number of people working remotely. The phenomenon of the globalization of the labor market in the context of the digitalization of the economy has been updated. It is concluded that it is necessary to distinguish between actual remote work in virtual space and work with duties partially performed remotely. The pros and cons of teleworking as a dynamically developing form of precarious employment are outlined. The thesis about the need to review traditional approaches in labor law in relation to the place of work and workplace as mandatory conditions of an employment contract in relation to remote labor relations is substantiated. The authors' position, explaining the difference in the approaches of the Ministry of Labor and the Ministry of Finance of Russia in relation to remote work abroad and based on the interpretation of the relevant norms of labor and tax law, is determined. The problems of income taxation and mandatory social insurance of remote employees who are located in a different jurisdiction than their employer are identified. Since the problem of cross-border remote labor has become global, the article provides examples from foreign (US) experience of legal regulation, which are radically different from the modern Russian practice. As a result, general problems of the development of cross-border distance employment and the legal consequences of the development of virtual labor migration from the point of view of labor and tax legislation and the practice of its application have been identified. The conclusion is made about the imperfection of the legal regulation and administrative practice of the Russian Federation in relation to the work of persons engaged remotely outside the jurisdiction of the country of registration of their employer. Separate proposals for improving the Russian legislation, designed to legalize and streamline cross-border distance labor relations, are presented.

REFERENCES

1. Vasil'eva, Yu.V., Shuraleva, S.V. & Braun, E.A. (2016) *Pravovoe regulirovanie distantsionnoy raboty: problemy teorii i praktiki* [Legal regulation of teleworking: problems of theory and practice]. Perm: Perm State University.
2. Lyutov, N.L. (2018) Remote work: The experience of the European Union and the problematic aspects of its legal status in Russia. *Lex Russica*. 10. pp. 30–39. (In Russian).
3. Vasil'eva, Yu.V. & Shuraleva, S.V. (2015) The content of the remote work employment contract: Theoretical aspects. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2 (28). pp. 88–97. (In Russian).
4. Zakalyuzhnaya, N.V. (2015) Distant Work and Similar Relations. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2. pp. 76–91. (In Russian).

5. Ferrari, C. (2020) *Lockdown has sparked a working-from-home revolution, with 74 per cent of organisations planning to shift some employees to remote work permanently*. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:60CP-3X61-JCBW-N39G-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.07.2020).
6. Blog.hubspot.com. (2020) *40 Remote Work Stats to Know in 2020*. [Online] Available from: <https://blog.hubspot.com/marketing/remote-work-stats> (Accessed: 06.07.2020).
7. Owl Labs. (2020) *45 Key Remote Work & Telecommuting Statistics for 2020*. [Online] Available from: <https://www.owllabs.com/blog/remote-work-statistics> (Accessed: 06.07.2020).
8. TechRepublic. (2019) *73% of all teams will have remote workers in the next decade*. 06.03.2019. [Online] Available from: <https://www.techrepublic.com/article/73-of-all-teams-will-have-remote-workers-in-the-next-decade/> (Accessed: 06.07.2020).
9. Petrova, A. (2019) *Udalennaya rabota nabirayet populyarnost' v Rossii* [Remote work is gaining popularity in Russia]. [Online] Available from: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/blizhe_k_domu/ (Accessed: 06.07.2020).
10. Klerk.ru. (2020) *Razrabotany popravki v TK po udalennoy rabote. Avtory proekta – chleny "Edinoy Rossii"* [Amendments to the Labour Code on remote work have been developed. The authors of the project are members of United Russia]. [Online] Available from: <https://www.klerk.ru/buh/news/500435/> (Accessed: 06.07.2020).
11. Postmedia Breaking News. (2020) *Remote working offers employers and employees lots of opportunities – and just as many headaches*. (May 30). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:6018-N5S1-F125-14VF-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.07.2020).
12. Sozd.duma.gov.ru. (2020) *Draft Federal Law No. 973264-7 "On Amendments to the Labour Code of the Russian Federation regarding the regulation of distance and remote work"*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/966659-7> (Accessed: 07.08.2020). (In Russian).
13. JALA Int'l. (2011) *Biography of Jack Nilles*. [Online] Available from: <http://www.jala.com/jnmbio.php> (Accessed: 05.06.2020).
14. Johnson, B.D. (2015) Comment: there's no place like work: how modern technology is changing the judiciary's approach to work-at-home arrangements as an accommodation. *University of Richmond Law Review*. 49 (1229). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5FY5-09B0-00CV-R17D-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.06.2020).
15. Gerasimova, E., Korshunova, T. & Chernyaeva, D. (2017) New Russian Legislation on Employment of Teleworkers: Comparative Assessment and Implications for Future Development. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2. pp. 124–128.
16. Vasil'eva, Yu.V. & Shuraleva, S.V. (2016) Remote Work in Russia: Issues of Law Enforcement. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2. pp. 216–225. (In Russian).
17. Martin, N.T. (2012) Business law forum: the protected-class approach to antidiscrimination law: logic, effects, reform: diversity and the virtual workplace: performance identity and shifting boundaries of workplace engagement. *Lewis & Clark Law Review*. 16 (605). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:560D-P160-00CW-503G-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.06.2020).
18. Eurofound. (2015) *New forms of employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. pp. 7–8. [Online] Available from: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2015/working-conditions-labour-market/new-forms-of-employment> (Accessed: 01.07.2020).
19. Ekonomicheskaya gazeta. (2004) *Chto takoe telekomm'yuting?* [What is telecommuting?]. [Online] Available from: <https://neg.by/novosti/otkryt/chto-takoe-telekomm'yuting-3600> (Accessed: 06.08.2020).
20. Schultz, D. (2000) New York state constitutional law: TRENDS AND DEVELOPMENTS: State Taxation of Interstate Commuters: Constitutional Doctrine in Search of Empirical Analysis. *Touro Law Review*. 16 (435). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4379-5JM0-00C3-W190-00000-00&context=1516831> (Accessed: 16.07.2020).
21. Mironov, V.I. & Novikov, M.V. (2019) Remote Work as a Phenomenon on the Russian Labor Market: Differentiation and Discrimination (Part 1). *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 1. pp. 36–40. (In Russian).
22. Vetter, W.V. (2001) Preying on the Web: Tax Collection in the Virtual World. *Florida State University Law Review*. 28 (649). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:445N-69P0-FMHM-5008-00000-01&context=1516831> (Accessed: 16.07.2020).
23. Zakalyuzhnaya, N.V. (2019) The main features of distance employment. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 4. pp. 37–40. (In Russian).
24. Potter, E.E. (2003) Telecommuting: The Future of Work, Corporate Culture, and American Society. *J. of Lab. Res.* 73 (24). pp. 77–79. [Online] Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Telecommuting%3A-The-future-of-work%2C-corporate-and-Potter/1a47451900de6e9fa7b0de306cf4f6eba987541> (Accessed: 06.08.2020).
25. Cooney, B. (2006) Virtual Offices: When Telecommuting Works, It's a Win/Win. *The Stamford Advoc.* Sept. 1. [Online] Available from: <http://www.stamfordadvocate.com/features/scn-sa-telecommute1sep01,07042513.story?coll=stam-features-headlines> (Accessed: 06.08.2020).
26. Mariani, M. (2000) Telecommuters. *Occupational Outlook Quarterly*. 44 (3). pp. 10–17. [Online] Available from: <https://webarchive.library.unt.edu/eot2008/20080917143925/http://stats.bls.gov/opub/ooq/2000/fall/art02.pdf> (Accessed: 06.08.2020).
27. Gurova, I.M. (2020) Remote Work as a Trend of Time: Results of Mass Testing. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) – MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2. (In Russian). DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147
28. Goluboff, N.B. (2013) Tolls on the broadband commute: state tax limitations on interstate telework. *Media Law & Policy*. 20 (213). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5B7C-0TK0-00CW-F0MG-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.08.2020).
29. Kraich, M. (2015) The Chilling Realities of the Telecommuting Tax: Adapting Twentieth Century Policies for Twenty-First Century Technologies. *University of Pittsburgh Journal of Technology Law & Policy*. 15 (224). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:5KDX-HWN0-0198-F0HV-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
30. PR Newswire. (2020) *FlexJobs Details Intriguing Set of Remote Work Statistics for 2020; A number of studies demonstrate the trending growth and far-reaching impact of remote work*. February 24, 2020. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:5Y90-8HV1-JB72-13GB-00000-00&context=1516831> (Accessed: 06.08.2020).
31. Kovalenko, E.V. et al. (2020) The development of remote workers with disability for entrepreneurship system. *Journal of Entrepreneurship Education*. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:5YM5-FIT1-JCBJ-K0DV-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
32. Hirsch, J.M. (2020) Future work. *University of Illinois Law Review*. 20 (889). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:605B-JXS1-F8SS-6233-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
33. Cherry, M.A. (2010) Competition in the global workplace: the role of law in economic markets: the global dimensions of virtual work. *Saint Louis University Law Journal*. 54 (471). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:509R-VH80-00CV-T066-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
34. Pittard, M. (2003) The Dispersing and Transformed Workplace: Labour Law and the Effect of Electronic Work. *Australian Journal of Labour Law*. 4. [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:48W2-SJ40-00BP-N2B9-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
35. Gabel, J.T.A. & Mansfield, N. (2001) On the Increasing Presence of Remote Employees: An Analysis of the Internet's Impact on Employment Law as it Relates to Teleworkers. *University of Illinois Journal of Law, Technology & Policy*. 233. [Online] Available from:

<https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4620-VF40-010M-502K-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).

36. Consultant Plus. (2014) *Review of the practice of court consideration of cases related to the implementation of labor activities by citizens in the Far North and equivalent areas (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 26, 2014)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216198/ (Accessed: 11.05.2020). (In Russian).
37. Consultant Plus. (2013) *Letter of Rostrud of October 7, 2013, No. PG/8960-6-1*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=87494> (Accessed: 11.05.2020). (In Russian).
38. Chernykh, N.V. (2019) Impact of atypical forms of employment on theoretical concepts of the labor relation (case study of the norms regulating distance labor). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 8 (105). pp. 108–117. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.108-117
39. Consultant Plus. (2018) *Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia of October 30, 2018, No. 33-3721/2018*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=220660> (Accessed: 11.04.2020). (In Russian).
40. Consultant Plus. (2018) *Appeal ruling of the St. Petersburg City Court of June 07, 2018, No. 33-12955/2018 in Case No. 2-8090/2017*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=223467> (Accessed: 11.04.2020). (In Russian).
41. Consultant Plus. (2018) *Appeal ruling of the Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra of March 13, 2018, in Case No. 33-1558/2018*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=174907> (Accessed: 11.04.2020). (In Russian).
42. Consultant Plus. (2018) *Appeal ruling of the Kurgan Regional Court of June 11, 2015, in Case No. 33-1534/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=60630> (Accessed: 11.04.2020). (In Russian).
43. Consultant Plus. (2018) *Letter of the Federal Tax Service of Russia of March 11, 2019, No. BS-4-11/4199@ on the application of reduced rates of insurance premiums on payments to employees and a reduced rate of income tax by a resident of PSEDA with separate subdivisions*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=183519> (Accessed: 11.04.2020). (In Russian).
44. Shuraleva, S.V. (2014) The regulation of distant work with a foreign element in the age of globalization: From the point of view of the Russian labor law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 3 (25). pp. 156–163. (In Russian).
45. *Ofitsial'nye dokumenty (Supplement to “Uchet. Nalogi. Pravo”)*. (2017) Pis'mo Mintruda Rossii ot 16.01.2017 № 14-2/OOG-245 [Letter of the Ministry of Labor of Russia of January 16, 2017, No. 14-2/OOG-245]. 7.
46. *EZh-Bukhgalter (Bukhgalterskoe prilozhenie)*. (2019) Pis'mo Minfina Rossii ot 24.12.2018 № 03-04-06/94010 [Letter of the Ministry of Finance of Russia of December 24, 2018, No. 03-04-06/94010]. 3.
47. Consultant Plus. (2018) *Letter of the Ministry of Finance of Russia of October 16, 2019, No. 03-04-06/79311*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=189188> (Accessed: 02.04.2020).
48. *Normativnye akty dlya bukhgaltera*. (2019) Pis'mo Minfina Rossii ot 03.09.2019 № 03-04-06/67598 [Letter of the Ministry of Finance of Russia of September 03, 2019, No. 03-04-06/67598]. 20.
49. Rogers-Glabush, J. (ed.) (2015) *IBFD International Tax Glossary*. 7th ed. Amsterdam, Netherlands: IBFD.
50. Schneider, B. (2012) The end of taxation without end: a new tax regime for U.S. expatriates. *Virginia Tax Review*. 32 (1). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:57G1-3240-00CW-C082-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
51. Mason, R. (2009) Tax expenditures and global labor mobility. *New York University Law Review*. 84(1540). [Online] Available from: <https://advance.lexis.com/api/document?collection=analytical-materials&id=urn:contentItem:4Y71-XF80-02BN-104B-00000-00&context=1516831> (Accessed: 11.04.2020).
52. *Unbeschränkte Steuerpflicht*. [Online] Available from: <https://www.steuerklassen.com/einkommensteuererklaerung/unbeschraenkt-steuerpflichtig-was-bedeutet-das/#unbeschraenkt-steuerpflichtig-doppelbesteuerung> (Accessed: 11.04.2020).
53. Consultant Plus. (2013) *Letter of the Ministry of Finance of October 21, 2013, No. 03-04-05/43781*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=129833> (Accessed: 11.06.2020). (In Russian).
54. Consultant Plus. (2017) *Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of February 22, 2017, No. 03-04-05/10518*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=165603> (Accessed: 11.06.2020). (In Russian).
55. Consultant Plus. (2019) *Letter of the Ministry of Finance of Russia of February 21, 2019, No. 03-08-05/11299*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=183279> (Accessed: 11.06.2020). (In Russian).
56. Consultant Plus. (2012) *Letter of the Ministry of Foreign Affairs of Russia of September 11, 2012, No. 7695/des*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=115999> (Accessed: 11.08.2020). (In Russian).

Received: 07 September 2020

Т.В. Новикова

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАСКРЫТИЮ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ

Исследуется тест наиболее близкой и реальной связи в английской судебной практике и закрепление принципа наиболее тесной связи в нормах международного частного права Российской Федерации и иных государств-участников СНГ, а также на уровне Европейского Союза. Обосновывается главенствующее значение территориального подхода, предлагается выделять принцип наиболее тесной связи в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах.

Ключевые слова: принцип наиболее тесной связи; территориальный подход; территориальная локализация; материально-правовой подход; материально-правовые факторы; коллизионно-правовое регулирование.

Введение

Принцип наиболее тесной связи отражает стержневую идею международного частного права, состоящую в отыскании для частноправового отношения с иностранным элементом наиболее тесно связанного с ним правопорядка. В международном частном праве Российской Федерации анализируемый принцип выполняет функции общей резервной коллизионной привязки (п. 2 ст. 1186 ГК РФ [1]), резервной привязки в случае отсылки к праву страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ), специальной привязки для смешанного договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а также корректирующей оговорки для договоров, регламентируемых пп. 1–8 ст. 1211 ГК РФ (п. 9 ст. 1211 ГК РФ). При этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, решающее значение для определения наиболее тесной связи имеет выявление преобладающей территориальной связи «различных элементов правоотношения» (п. 6 Постановления [2]).

Наименование и ключевой вопрос «территориального» подхода

В научной литературе указанный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи именуется как территориальный, или коллизионный [3. С. 301–302]. Последнее наименование объясняется тем, что «данный подход предлагает суду учитывать сугубо коллизионные нормообразующие факторы» (противопоставляемые факторам материально-правового характера [3. С. 301]). Мы полагаем, что в современных условиях широкого распространения общей тенденции к материализации международного частного права и, соответственно, к внесению непосредственно в коллизионные нормы материально-правовых соображений наименование «коллизионный» для анализируемого подхода не является удачным.

В качестве одного из примеров проникновения материально-правовых факторов в привязки коллизионных норм укажем следующий. Пункт 3 ст. 1199 ГК РФ, устанавливая для отношений между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством) генеральную привязку к праву страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя),

вместе с тем, делает следующую оговорку: «Когда лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, применяется российское право, *если оно более благоприятно для этого лица*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Т.Н.). Таким образом, если опекуна (попечителя) назначило учреждение иностранного государства, а лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, выбор коллизионной привязки, отсылающей к иностранному либо российскому праву, в соответствии с п. 3 ст. 1199 ГК РФ потребует от отечественного суда содержательного анализа материально-правовых норм об опеке (попечительстве) иностранного и российского права, а также их сравнения на предмет благоприятствования лицу, находящемуся под опекой (попечительством).

По этой причине, а также принимая во внимание, что термин «территория» используется для обозначения одного из центральных признаков государства, мы предпочитаем именовать анализируемый подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи именно как «территориальный». Так, М.В. Антонов указывает территорию в числе трех характерных признаков, «по которым по устоявшейся с XIX в. традиции принято описывать содержание понятия “государство”» [4. С. 96]. Р.Л. Иванов, ссылаясь на работы Г. Еллинека, Н.Н. Алексеева, Е.Н. Трубецкого, тоже констатирует, что «территорию принято считать существенным признаком (элементом) государства наряду с образуемыми им органами публичной власти и его населением (народом)» [5. С. 6]. При этом другое возможное наименование «географический» уступает наименованию «территориальный» по той причине, что при локализации правоотношения речь идет не о «природных условиях Земли, ее населении, экономических ресурсах и материальном производстве», а именно о территории – «пространстве в определенных границах»¹, с которым связаны какие-либо события или действия.

В качестве исходного момента следует сделать оговорку о том, что вслед за Ф.К. фон Савиньи, по мнению которого законодательная точка зрения в значительной степени совпадает с судебной в тех вопросах, какие законодательство оставило в существенной

мере для научной разработки [7. Р. 28], мы придерживаемся позиции о том, что трактовка принципа наиболее тесной связи на уровне законодательного (как фактора формирования содержания коллизионных норм) и правоприменительного (как общей или специальной коллизионной привязки и корректирующей оговорки) процессов должна быть единой, с такими лишь особенностями, в каких законодательство отличается от правоприменения. Подчеркнем, что в современной отечественной литературе данная точка зрения получает широкое признание [3. С. 315–316; 8. С. 11; 9. С. 9, 56–57].

Ключевым вопросом при реализации территориального подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи (как на законодательном уровне, так и на правоприменительном) является вопрос о том, с чем именно – с государством или с правом – следует выявлять связь конкретного частноправового отношения. При поверхностном восприятии эта дилемма может показаться незначимой, потому что связь с первым автоматически повлечет применение второго, а второе создается первым. Однако в определении критериев наиболее тесной связи данный выбор играет весьма существенную роль.

Так, В.В. Буланов небезосновательно в отдельных случаях, но, с нашей точки зрения, весьма неоднозначно в целом пишет: «Так как государство не может существовать без права, а право – без государства, то *чаще всего* связь имеется одновременно с тем и другим» [10. С. 68]. В приведенном высказывании автор фактически признает, что возможны те *нечастые* случаи, в которых связь имеется с государством, но не с правом либо, наоборот, с правом, но не с государством, однако не проясняет, каким образом это может произойти и каким будет юридическое значение таких особенных связей. Более того, тот же автор делает еще два заявления, которые еще больше усложняют уяснение его позиции по рассматриваемому вопросу. С одной стороны, в рамках анализа Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, ст. 4 которой действительно говорит о праве страны, с которой договор наиболее тесно связан, В.В. Буланов пишет, что «*иногда* речь может идти о связи скорее с государством, нежели с правом». Более того, автор заявляет: «Искомая связь – скорее связь с государством, нежели с правовой системой; как только связь с государством обнаружена, право этого государства применяется для регулирования договора» [10. С. 51; 11. С. 271–272]. С другой стороны, в рамках анализа принципа наиболее тесной связи как основы определения единого применимого права для группы связанных договоров В.В. Буланов пишет: «Принцип наиболее тесной связи, во всяком случае, в конечном счете, предполагает связь с правом, а не с самим государством» [10. С. 52; 11. С. 272]. Комментируя приведенные противоречивые высказывания автора, укажем, что, с нашей точки зрения, то, с чем необходимо выявлять связь, определяется подходом к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи. Попытку доказать эту взаимосвязь мы предпримем далее.

Территориальный подход в английской судебной практике

В качестве отправной точки рассмотрим получавший широкое признание в английском коллизионном праве тест наиболее близкой и реальной связи (*closest and most real connection* – англ.). Данный тест был установлен в решении Тайного совета по делу *Bonython and Others v. Commonwealth of Australia* [12], в котором лорд Саймондс указал, что право, свойственное договору, есть *система права*, с которой договор имеет наиболее близкую и реальную связь. Этот тест применялся в отсутствие прямо выраженного соглашения сторон о применимом праве, а также если суд не мог установить право на основании первого теста формулы *Bonython* (систему права, «с отсылкой к которой договор был заключен»).

Следует признать, что во многих случаях правоведы не придают юридического значения терминологии анализируемой формулы. Так, П. Норт, ссылаясь на указанное решение по делу *Bonython* в вопросах договорной ответственности, дает несколько двусмысленный комментарий о том, что таковая «определяется свойственным правом страны, или правовой системой, с которой² (остается неясным, со страной или с правовой системой? – прим. наше. – Т.Н.) договор имеет наиболее близкую и реальную связь» [13. Р. 214].

Вместе с тем отдельные авторы, основываясь на объективном характере теста наиболее близкой и реальной связи, но вступая в прямое противоречие с текстом формулы *Bonython*, настаивают на необходимости искать связи между правоотношением и государством. А. Джаффи, анализируя различные составляющие формулы *Bonython* и подчеркивая исключительно объективный характер теста наиболее близкой и реальной связи, называет в качестве индикаторов последнего «объективные связи со странами» [14. Р. 533]. В свою очередь П. Кинкейд, непосредственно задаваясь вопросом о том, с чем (государством или системой права) нужно искать связи в анализируемом тесте формулы *Bonython*, заявляет, что практика, хотя колебалась, установилась на поиске связей с государством, что, по мнению ученого, логично, так как «тест предполагается быть полностью объективным» [15. Р. 115].

Более того, в примерах английской судебной практики, в которых наиболее близкая и реальная связь предположительно устанавливалась в точном соответствии с формулой *Bonython* именно с «правовой системой», существенное значение имела та или иная степень кристаллизации намерений сторон. В частности, в решении Палаты лордов по делу *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*, в котором, как отмечает Дж. Коллиер, «договор имел незначительную связь с Англией, но был проникнут английским правом» [16. Р. 204], лишь лорд Вилберфорс мотивировал решение коллизионного вопроса вторым тестом формулы *Bonython* («наиболее близкой и реальной связью с английским правом»), в то время как подавляющее большинство, лорды Диплок, Роскилл, Брендон из Оакбрука и Брайтман, мотивировали решение первым тестом на том основании, что положения полиса (основанного на типовой форме морского страхового полиса

Ллойда) вели к «неизбежному выводу, что намерение сторон состояло в том, чтобы их взаимные права и обязанности подчинялись английскому праву морского страхования» [17].

В отечественной литературе на расхождении в мнениях судей при коллегиальном рассмотрении дел (в частности в деле *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.*) указывает Р.М. Ходыкин [8. С. 137; 18. С. 76]. Однако ученый рассматривает такое расхождение как пример поэтапного вытеснения в английской судебной практике концепции гипотетической воли тестом наиболее близкой и реальной связи. Напротив, мы рассматриваем этот пример как показательный в том смысле, что когда правоотношение связано исключительно с правом, такая связь обуславливается в большинстве случаев соглашением сторон: прямо выраженным либо подразумеваемым (вытекающим из совокупности обстоятельств дела).

Прямое противопоставление двух тестов формулы *Bonython*, обосновывающих противоположные правовые результаты, усматривается в решении Суда королевской скамьи по делу *Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co.* В данном деле судья МакНэир заключил, что «если бы тест состоял в том... с какой страной сделка имела наиболее близкую и реальную связь», то такой страной мог бы быть Египет, «но если действительный вопрос в том, какое намерение в отношении свойственного [договору] права должно быть приписано сторонам и если ответ на этот вопрос должен быть получен через уяснение того, какова правовая система, с отсылкой к которой договор был заключен или с которой сделка имеет наиболее близкую связь», то таковой «определенно будет не право Египта, а право Онтарио» [19]. Как следствие, правом, свойственным договору, в данном деле было объявлено право Канады.

Конечно же, нельзя не признать, что, как следует из других отрывков решения (последний абзац раздела IX решения), судья МакНэир в целом стоял на позиции, согласно которой формула *Bonython* по-прежнему ставила вопрос, какое намерение должно быть приписано сторонам. Однако принципиальное разграничение связей со страной, обусловленных территориальными контактами, и связей с правом, обусловленных намерениями сторон, является весьма важным. Более того, следует отметить, что в этом деле один из главных факторов, положенных в основу вывода суда о намерении сторон подчиниться праву Онтарио, состоял в том, что форма полиса была явно основана на праве Онтарио – фактор, который в современной юриспруденции традиционно включается в число показателей соглашения сторон о применимом праве, вытекающего из совокупности обстоятельств дела. Так, в трактате Читти о договорах «форма документов, составленных в отношении сделки» с прямой ссылкой на решение Суда королевской скамьи по делу *Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co.* (и ряд иных примеров английской судебной практики) указывается в качестве одного из факторов, которые могут дать основания для вывода о том, что стороны сделали выбор применимого права [20. С. 2175]. В практике судов Российской Федерации также встречаются дела с использованием типовых

форм документов. Однако в настоящее время подавляющее большинство типовых форм включают в свое содержание оговорку о применимом праве, за счет чего использование такой формы либо отсылка к ней в договоре составляют прямо выраженное соглашение о применимом праве. Например, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа, со ссылкой на п. 2 ст. 414 КТМ РФ и п. 1 ст. 1210 ГК РФ, применил избранные сторонами условия чартера ДЖЕНКОН (в редакции 1994 г.), в соответствии с которыми правоотношения сторон подчинялись английскому праву [21, 22]. Уточним, что проформа чартера ДЖЕНКОН (GENCON) рекомендована Балтийским и Международным Морским Советом (BIMCO – Baltic and International Maritime Council) и в боксе 25 части 1 предусматривает выбор права сторонами (согласно пункту 19 части 2 в отсутствие выбора сторон к отношениям применяется право Англии) [23].

Примечательно, что весьма схожая мотивировка представлена и в решении Верховного Суда Канады по делу *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*, в котором суд цитирует широко признанную высшими судами Англии формулу *Bonython* и при этом делает общий вывод о том, что превосходящее значение в данном деле имеет то, что заявки и полисы были изготовлены в Онтарио по общей стандартной форме, соответствующей законам этой провинции. По мнению суда, лицо, подающее заявку на страхование по форме, подготовленной в офисе компании в Онтарио, будет предвидеть, что полис будет регулироваться правом этой провинции, а форма полиса свидетельствует, что страховщик намеревался подчиниться этому праву [24].

Попытка сочленить отмеченные подходы, которая однако не имела успеха, была предпринята в деле *James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd.* [25]. Спор в данном деле вытекал из договора, который «был заключен по проформе Королевского института британских архитекторов» и на основании которого «шотландская компания согласилась осуществить перестройку помещения, занимаемого... английской компанией в Шотландии». Большинство (лорды Гест и Ходсон, а также виконт Дилхорн) считали, «хотя и по различным основаниям, что свойственным договору правом являлось английское право», при этом последние двое обосновывали свой выбор использованием сторонами проформы Королевского института британских архитекторов; меньшинство (лорды Рид и Вилберфорс) считали, что «договор был наиболее тесным образом связан с Шотландией». Таким образом, как обобщает Дж. Чешир, «если бы в качестве критерия выступала “правовая система”, свойственным договору правом могло бы быть сочтено английское право; однако другие факторы более веско говорили в пользу Шотландии». При этом заслуживает внимания то, что лорды Рид и Вилберфорс, усматривавшие наиболее тесную связь договора с Шотландией, также предлагали «сочетать критерии “правовая система” и “право страны”» и на этой основе определять, «какие связи преобладали» [26. С. 262–263]. Указанное предложение хотя и освещается в юридической литературе как таковое [16. Р. 204], не приобрело

поддержки большинства ни непосредственно в Решении палаты лордов по рассматриваемому делу, ни за его пределами. Это можно объяснить тем, что, как отмечается в Трактате Читти о договорах, практическая реализация данного предложения связана со сложностью сочленения двух различных подходов в том случае, когда различие между ними становится юридически значимым и каждый из них ведет к противоположному результату [20. Р. 2178].

Нельзя не признать, что, в сущности, именно о сочленении связей с государством и связей с правом идет речь в том случае, когда современное международное частное право рассматривает принцип наиболее тесной связи в широком смысле (как территориальную локализацию, обогащенную материально-правовыми факторами). Однако ключевое значение в таком сочленении имеет то, что главенствующую роль играет именно территориальная локализация, а материально-правовые факторы (такие как защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.) позволяют лишь перевесить чашу весов в пользу одного из территориально связанных право порядков. Если бы при реализации принципа наиболее тесной связи речь шла исключительно о связях с «правовой системой», как вытекает из буквального значения формулы *Bonython*, то суд, вероятно, выбирал бы «наилучшее» право из всех существующих на Земле вне зависимости от территориальной связи правоотношения с тем или иным государством.

Таким образом, следует заключить, что хотя формула *Bonython* использует словосочетание «правовая система» в отношении обоих устанавливаемых тестов, классическое ее прочтение английской судебной практикой и доктриной относит связи со страной к объективному тесту наиболее близкой и реальной связи на основе территориальных контактов, а связи с правовой системой – к субъективному тесту на основе намерений сторон, позволяющих установить соглашение о применимом праве, вытекающее из совокупности обстоятельств дела. Так, П. Кинкейд пишет: «Если предмет поиска является подразумеваемое намерение сторон, будет подходящим сфокусироваться на связи между *договором* и [правовой] *системой*, поскольку именно об этом думают стороны, когда формируют намерение... Но если второй тест представляет собой попытку “локализовать” вопрос, найти географическую территорию, которой принадлежат факты, и *тогда* применить право, подобрешенное такой локализацией, то это связь между *сделкой* и *страной*, которую следует искать» [15. Р. 115]. Схожее мнение по данному вопросу высказывает Э. Спиро [27. Р. 537].

Конечно же, в этом случае речь идет исключительно о том строго объективном понимании теста наиболее близкой и реальной связи [20. С. 2176–2177], которое сформировала английская юриспруденция на основе формулы *Bonython* и которое к настоящему времени по целому ряду причин (как за счет формального изменения нормативно-правовой базы, так за счет содержательного развития представлений о международном частном праве) подверглось существенному развитию. В первом случае речь идет о трансформации

английского коллизионного регулирования в сфере договоров, которая была запущена, прежде всего, Римской конвенцией о праве, применимом к договорным обязательствам [28], во втором – об общей тенденции к материализации международного частного права [3. С. 213–286].

Тем не менее проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что ядром принципа наиболее тесной связи (тем, что мы предлагаем именовать принципом наиболее тесной связи в узком смысле) был и остается объективный тест территориальной локализации, построенный на изыскании контактов именно с государством (страной), в то время как порожденное общей тенденцией материализации международного частного права обогащение территориального подхода разнообразными материально-правовыми соображениями, безусловно, нацелено на анализ преимуществ того либо иного права и, следовательно, установление связей с правом (правовой системой³).

Территориальный подход в нормах международного частного права

Полагаем, что именно различный характер связей с государством (страной) и правом (правовой системой) лежит в основе обобщения, в соответствии с которым «позицию законодателя относительно предпочтительного подхода к определению наиболее тесной связи можно определить путем анализа» используемой им терминологии: если законодатель говорит о наиболее тесной связи с государством (страной), налицо территориальный подход, а если о связи с правом (правовой системой), речь идет о материально-правовом подходе. А.В. Асосков указывает, что такое мнение распространено в англоязычной литературе, при этом сам ученый полагает, что «различие в лингвистических формулировках не может считаться определяющим» [3. С. 310–311].

Несмотря на то что данное обобщение основывается на сущностном различии наиболее тесной связи в двух приведенных случаях, оно дает неверную установку в том смысле, что допускает изолированное существование двух различных подходов к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи: либо территориального, либо материально-правового. По нашему мнению, исследуемый принцип всегда базируется на территориальном подходе и совершенно без него (по меньшей мере, в текущих условиях) существовать не может. В свою очередь материально-правовой подход не есть полная альтернатива территориальному, но его дополнение. При определенных условиях материально-правовые соображения уточняют, дополняют, корректируют территориальный выбор. Ведь если бы материально-правовой подход, будучи избранным для раскрытия содержания принципа наиболее тесной связи, существовал как единственный и всецело самодостаточный, то правоприменитель оказался бы вынужден игнорировать любые территориальные контакты правоотношения и изыскивать лучшее применимое право из всех существующих на Земле право порядков, в то время как в действительности материально-правовой подход лишь

помогает выбрать лучшее по тем или иным соображениям право из так или иначе территориально связанных правовых порядков.

В настоящий момент возможность выбора абсолютно любого правового порядка, в том числе не связанного территориально с отношением, признается только за самими сторонами на основании принципа автономии воли. На уровне Принципов, касающихся выбора права в международных коммерческих договорах, 2015 г. (первого в истории Гаагской конференции по международному частному праву юридически необязательного документа) выбор права вне зависимости от какой-либо взаимосвязи с осуществляющими такой выбор сторонами или их сделкой прямо санкционирован п. 4 ст. 2 [30; 31. Р. 7–8, 24]. В Российской Федерации п. 1 ст. 1210 ГК РФ устанавливает, что «стороны договора могут... выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору». При этом, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, на основании данного положения стороны могут выбрать и «право страны, которая не имеет связей с договором или его сторонами» (так называемое нейтральное право) – п. 32 Постановления [2]. Важно указать, что свобода выбора нейтрального права обусловливается, прежде всего, тем, что стороны в этом случае получают право избрать правовой порядок, который с материально-правовой точки зрения лучше всего подходит для регулирования складывающихся между ними отношений. Как подмечает П. Стоун в отношении неограниченной автономии воли в Регламенте Рим I, «логическое обоснование свободы выбора несвязанного права состоит в коммерческой пригодности» [32. С. 301].

Вместе с тем показательный пример учета материально-правовых факторов при конструировании коллизионных норм для отношений между опекуном (попечителем) и лицом, находящимся под опекой (попечительством), устанавливает альтернативу между правом страны, учреждение которой назначило опекуна (попечителя), и российским правом (если таковое является правом страны, в которой лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства) – в зависимости от того, какое из них более благоприятно для последнего, – п. 3 ст. 1199 ГК РФ. Следовательно, анализируемые коллизионные нормы учитывают материально-правовые факторы, всего лишь допуская корректировку коллизионного выбора в пределах двух территориально связанных правовых порядков (места назначения опекуна (попечителя) и места жительства лица, находящегося под опекой (попечительством)).

Именно на этом основании мы предпочитаем говорить не о разных подходах к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, а о принципе в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах. Примечательно, что в рамках анализа материально-правового подхода к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, исходя, по сути, из тех же соображений, А.В. Асосков признает, что, «возможно, правильнее именовать данный подход смешан-

ным, поскольку... не может идти речь о полном исключении коллизионных (географических) факторов» [3. С. 306]. Автор также справедливо заявляет: «Учет материально-правового результата происходит не среди всех существующих в мире правовых порядков, а только применительно к тем нескольким правовым порядкам, с которыми отношение демонстрирует территориальную (географическую) связь» [3. С. 306]. Тем не менее мы исходим из того, что существование смешанного подхода предполагает существование по меньшей мере двух (а в классификации А.В. Асоскова – трех) самостоятельных подходов, в то время как есть только узкое (территориальное) и широкое (дополненное иными факторами) понимание принципа наиболее тесной связи. По этой причине мы считаем характеристику исследуемого принципа в узком и широком смыслах более удачной, нежели выделение какого-то количества самостоятельных или смешанных подходов к нему.

С учетом изложенных замечаний мы полагаем, что при закреплении принципа наиболее тесной связи в нормах права целесообразно использовать такие термины, как «страна» или «государство». Хотя термин «государство» получает широчайшее признание в юриспруденции в целом (достаточно упомянуть наименование фундаментальной науки и учебной дисциплины «теория государства и права»), термин «страна» по сложившейся традиции в большей степени принят в международном частном праве, в особенности при конструировании привязок коллизионных норм (см. ст. 1186, 1188, 1190, 1192, 1195, 1199, 1201–1203, 1205, 1206–1214, 1217–1219, 1221–1222, 1223–1224 ГК РФ). В этом отношении п. 2 ст. 1186 ГК РФ, оперирующий оборотом «право страны, с которой гражданско-правовое отношение... наиболее тесно связано», полностью соответствует данной установке, адекватно отражая территориальное ядро закрепляемого принципа.

В особенности примечательно, что при разработке данного положения отечественный законодатель отклонился от формулировки Модельного гражданского кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, который был направлен парламентам государств-участников «для использования при разработке национального законодательства» и п. 2 ст. 1194 которого устанавливает, что «применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом» [33]. Более того, именно данную формулировку, указывающую на наиболее тесную связь отношения с правом, восприняли многие государства – члены СНГ, в том числе Республики Армения (п. 2 ст. 1253 Гражданского кодекса Республики Армения [34]), Беларусь (п. 3 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь [35]), Казахстан (п. 2 ст. 1084 особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан [36]), Таджикистан (п. 2 ст. 1191 ч. 3 Гражданского кодекса Республики Таджикистан [37]), Узбекистан (абз. 3 ст. 1158 ч. 2 Гражданского кодекса Республики Узбекистан [38]), а также Кыргызская Республика (п. 3 ст. 1167 ч. II Гражданского кодекса Кыргызской Республики [39]).

Исключениями являются Республика Молдова и Азербайджанская Республика. В частности, п. 2 ст. 2576 Гражданского кодекса Республики Молдова в качестве общей резервной коллизионной привязки устанавливает, что «применяется закон государства, с которым частноправовое отношение, осложненное иностранным элементом, связано наиболее тесно» [40]. Одобряя принципиально использование термина «государство», вместе с тем, отметим, что как приведенное положение, так и в целом законодательство о международном частном праве Республики Молдова характеризуются использованием термина «закон» для обозначения того регулятора, который будет применяться к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом. Это прослеживается и в регламентации порядка установления содержания иностранного закона (ст. 2579), и в множестве коллизионных норм (например, п. 1 ст. 2586 устанавливает, что «национальным законом гражданина является закон государства, гражданство которого имеет физическое лицо»). Мы полагаем, что в этих случаях правильнее было бы говорить о применении *права* государства (или страны, в зависимости от того, какая терминология принята для международного частного права), так как по общему правилу привязка коллизионной нормы указывает на применение именно права того или иного государства в целом, включая международные договоры, законы и подзаконные акты, а также признаваемые обычаи. В определенной степени это подтверждается п. 1 ст. 2576 Гражданского кодекса Республики Молдова, согласно которому источниками коллизионных норм являются не только собственно Гражданский кодекс и законы Республики Молдова, но также международные договоры, одной из сторон которых является Республика Молдова, и международные правила, признанные в Республике Молдова. Весьма маловероятно, что Республика Молдова признает самые различные источники коллизионных норм, но при этом ограничивает отсылку коллизионной нормы только законами (отечественными или иностранными), скорее в данном случае термин «закон» используется не в своем прямом значении, а как синоним термина «право». Наконец, Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» вообще не устанавливает принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки [41].

Напротив, широко известная Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, унифицировавшая в указанной сфере коллизионное регулирование государств-членов Европейских сообществ, включая на тот момент Великобританию (для которой Римская конвенция фактически заместила формулу *Bonython*)⁴, также использовала оборот «регулируется правом страны, с которой он [договор] наиболее тесно связан» (п. 1 ст. 4) [28]. Более того, пришедший на смену Римской конвенции Регламент Рим I, трансформировав принцип наиболее тесной связи из коллизионной привязки для договорных обязательств в резервное правило и корректирующую оговорку в той же области, сохранил терминологический подход в части определения связи правоотношения со страной (п. 3, 4 ст. 4) [44].

Вместе с тем мы убеждены, что не следует абсолютизировать значение той терминологии, которая используется при закреплении принципа наиболее тесной связи. Анализ ряда норм раздела VI ГК РФ, закрепляющих различные формы реализации принципа наиболее тесной связи, а не только нормы ст. 1186, открывающей раздел и устанавливающей этот принцип в качестве общей резервной коллизионной привязки, показывает, что в данном случае отечественный законодатель не проявляет последовательность в использовании терминов. Помимо названного п. 1 ст. 1186 ГК РФ о связи отношения со страной говорится для целей определения права, применимого к смешанному договору (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договору в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ), а о связи отношения с правовой системой – для целей применения права страны с множественностью правовых систем (ст. 1188 ГК РФ). Более того, закрепляя принцип наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений в одном и том же п. 9 ст. 1211 ГК РФ, отечественный законодатель в качестве условия ее применения указывает на то, что «договор более тесно связан с *правом* иной страны», чем та, которая установлена жесткими коллизионными привязками, а в качестве результата – на то, что «подлежит применению право *страны*, с которой договор более тесно связан». Изложенное позволяет заключить, что по меньшей мере в плане юридической техники закрепления принципа наиболее тесной связи законодатель не проводит различия между терминами «страна» и «право» («правовая система»).

Такая же терминологическая непоследовательность присуща Модельному гражданскому кодексу для государств – участников Содружества Независимых Государств. Несмотря на то что, закрепляя принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки, п. 2 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса использует оборот «*право*, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями», для того же принципа в качестве коллизионной привязки личного закона лица с множественным гражданством п. 1 ст. 1204 того же документа использует оборот «право *страны*, с которой лицо наиболее тесно связано» (в этом отношении ему следуют п. 1 ст. 1103 Гражданского кодекса Республики Беларусь, п. 1 ст. 1094 особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан, п. 1 ст. 1177 ч. II Гражданского кодекса Кыргызской Республики; незначительно отличающийся оборот «право государства, с которым лицо наиболее тесно связано» использует п. 1 ст. 1262 Гражданского кодекса Республики Армения). Таким же образом для того же принципа в качестве резервной коллизионной привязки в области договорных правоотношений п. 3 ст. 1225 того же документа использует оборот «право *страны*, с которой договор наиболее тесно связан» (в этом отношении ему следует п. 4 ст. 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь; незначительно отличающийся оборот «право государства, с которым договор наиболее тесно связан» использует п. 3 ст. 1285 Гражданского кодекса Республики Армения).

По этой причине, однако с оговоркой, что территориальное ядро принципа наиболее тесной связи обуславливает его понимание, прежде всего, как номинирующего связь отношения с государством (территорией), мы согласимся с мнением А.В. Асоскова о том, что для толкования норм права, закрепляющих исследуемый принцип, «различие в лингвистических формулировках не может считаться определяющим» [3. С. 311]. Ученый подтверждает данный тезис положениями Гаагской конвенции праве, применимом к трастам, и об их признании [3. С. 311]. Мы также отметим, что не только ст. 7 данной конвенции говорит о праве, с которым траст наиболее тесно связан (*the law with which it [a trust] is most closely connected* – англ.), а ст. 13 – о более тесной связи существенных элементов траста с государствами (*a trust the significant elements of which... are more closely connected with States* – англ.), но и в рамках только ст. 7 нетрудно обратить внимание на то, что, утверждая в качестве общего правила о связи с правом, она далее устанавливает список контактов, которые могут служить установлению такой связи с правом, а в действительности указывают на территориальные контакты отношения, как-то: с местом управления трастом, местом нахождения доверительной собственности, местом жительства или местом деятельности доверительного собственника, целями траста и местами, где они должны быть достигнуты [45].

Изложенный вывод подтверждается также тем, что в современном международном частном праве признание получает принцип наиболее тесной связи в широком смысле (как территориальная локализация, обогащенная материально-правовыми факторами). Именно в таком ключе принцип наиболее тесной связи, закрепленный в п. 2 ст. 1186 ГК РФ, был разъяснен в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», в соответствии с которым «при определении наиболее тесной связи суд», во-первых, устанавливает «преобладающую территориальную связь» и, во-вторых, «может принимать во внимание, применение права какой страны позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов» [2]. Таким образом, необходимость подключения материально-правовых соображений и их юридическое значение должны быть оценены правоприменителем «на основе изучения существа возникших правоотношений сторон, а также совокупности иных

обстоятельств дела» [2], не будучи предопределенными терминологически за счет выбора законодателем терминов «страна» или «право».

Заключение

По итогам проведенного исследования необходимо сделать ряд выводов.

Во-первых, принцип наиболее тесной связи базируется на территориальном подходе и совершенно без него существовать не может. При этом материально-правовые факторы (в числе которых защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки и др.) дополняют территориальный подход, перевешивая чашу весов в пользу одного из территориально связанных правовых порядков. На этом основании мы предлагаем вести речь не о разных подходах к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи, а о принципе в узком (территориальном) и широком (территориальном, обогащенном материально-правовыми факторами) смыслах.

Во-вторых, территориальный подход к раскрытию содержания принципа наиболее тесной связи построен на изыскании контактов с государством (страной), в то время как порожденное общей тенденцией материализации международного частного права обогащение территориального подхода важнейшими материально-правовыми факторами нацелено на анализ преимуществ того или иного права и, следовательно, на установление связей с правом (правовой системой). Тем не менее анализ норм международного частного права позволяет заключить, что при закреплении принципа наиболее тесной связи законодатель не проводит различия между терминами «страна» и «право» и поэтому не следует абсолютизировать значение этой терминологии для уяснения содержания принципа.

В-третьих, в современном международном частном праве признание получает принцип наиболее тесной связи в широком смысле как территориальная локализация, обогащенная материально-правовыми факторами, на что указывает, в частности, п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». При этом, что особенно важно, необходимость подключения материально-правовых соображений и их юридическое значение должны быть оценены правоприменителем «на основе изучения существа возникших правоотношений сторон, а также совокупности иных обстоятельств дела».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определения слов «география» и «территория» приводятся из Большого толкового словаря русского языка [6].

² Толкование авторского текста осложняется тем, что английский язык не знает родов и чисел для местоимения «который» (*which* – англ.).

³ Хотя большая часть теоретиков права рассматривает понятия «право» и «правовая система» как нетождественные [29. С. 27–34], в данном случае мы употребляем их как условно взаимозаменяемые.

⁴ В Великобритании данная конвенция вступила в силу 1 апреля 1991 г. [42, 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля. № 154.

3. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М. : М-Логос, 2017. 352 с.
4. Антонов М.В. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2020. 497 с.
5. Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1 (46). С. 6–11.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.05.2020).
7. Friedrich Carl von Savigny, Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time, translated, with notes, by William Guthrie. Edinburgh : T. & T. Clark, Law Publishers; London : Stevens & Sons, 1869. 387 p.
8. Ходыкин Р.М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 248 с.
9. Шулаков А.А. Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 206 с.
10. Буланов В.В. Категория наиболее тесной связи в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 143 с.
11. Буланов В.В. Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 267–274.
12. Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.
13. North P.M. Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws // Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlike Morris. Leyden, Boston : A.W. Sijthoff, 1978. P. 214–231.
14. Jaffey A.J.E. The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention // The International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33, is. 3. P. 531–557.
15. Kincaid P. Rationalising Contract Choice of Law Rules // Otago Law Review. 1993. Vol. 8, is. 1. P. 93–124.
16. Collier J.G. Conflict of Laws, 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 460 p.
17. Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co., the House of Lords of the United Kingdom [1984] A.C. 50.
18. Ходыкин Р.М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве // Право и международные экономические отношения : сборник статей / под ред. Н.Г. Дорониной. М. : Юрист, 2005. С. 72–84.
19. Rossano v. Manufacturers' Life Insurance Co., Queen's Bench Division of the High Court [of England and Wales] [1963] 2 Q.B. 352.
20. Hugh Beale (ed), Chitty on Contracts, Volume I (General Principles). 31st ed. (Sweet & Maxwell, Thomson Reuters, 2012) 2 480 p.
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22 сентября 2016 г. № Ф08-4231/2016 по делу № А53-21855/2015 // СПС КонсультантПлюс.
22. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 ноября 2015 г. № Ф08-8000/2015 по делу № А53-22068/2014 // СПС КонсультантПлюс.
23. GENCON 1994 // Официальный сайт Балтийского и Международного Морского Совета. URL: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (дата обращения: 01.05.2020).
24. Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares, Supreme Court of Canada [1967] S.C.R. 443.
25. James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd., House of Lords of the United Kingdom [1970] A.C. 583.
26. Чешир Дж., Норт П. Международное частное право / пер. с англ. С.Н. Андрианова; ред. и вступ. ст. М.М. Богуславского. М. : Прогресс, 1982. 496 с.
27. Spiro E. The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the Amin Rasheed Shipping Case // The International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33, is. 1. P. 199–202.
28. Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome) // Treaty Series. Volume 1605. New York : United Nations, 1997. P. 59–156.
29. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
30. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах, Записка Секретариата к Сорок восьмой сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (Вена, 29 июня – 16 июля 2015 г.) от 15 апреля 2015 г. A/CN.9/847 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
31. Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts // Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau, 2015. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).
32. Stone P. EU Private International Law, 2nd ed. Elgar European Law – Edward Elgar, 2010. 562 p.
33. Постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О модельном гражданском кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (часть третья)» от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ. 1996. № 10.
34. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // Официальные ведомости Республики Армения. 10 августа 1998 г. № 17 (55).
35. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.
36. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 г. № 409-І ЗРК // Казахстанская правда. 1999. 17 июля. № 172–173 (22889–22890); 20 июля. № 174 (22891); 22 июля. № 175 (22892); 23 июля. № 176–177 (22893–22894); 24 июля. № 178 (22894); 27 июля. № 179–180 (22896–22897).
37. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья) от 01 марта 2005 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3. Ст. 124.
38. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-І // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1996. № 11–12. Ст. 1.
39. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) от 05 января 1998 г. № 1 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 6. Ст. 226.
40. Гражданский кодекс Республики Молдова от 06 июня 2002 г. № 1107-XV // Официальный монитор Республики Молдова. 2002. 22 июня. № 82–86.
41. Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» от 6 июня 2000 г. № 889-ІГ // Газета Азербайджан. 2000. 29 октября. № 249.
42. Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom]. 1990. С. 36.
43. The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom]. 1991. № 707 (С. 16).
44. Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 4.7.2008. L 177. P. 6–16.
45. Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 01 July 1985 // Официальный сайт Гаагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 01.05.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июля 2020 г.

The Territorial Approach to the Content of the Closest Connection Principle

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 251–260.

DOI: 10.17223/15617793/464/28

Tatiana V. Novikova, North Caucasian Branch of Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: tnovikova@inbox.ru

Keywords: closest connection principle; territorial approach; territorial localization; material law approach; material law factors; conflict of laws.

The main aim of the research is to substantiate the predominant role of the territorial approach to the content of the closest connection principle. The research is conducted in three steps. Firstly, the title “territorial” (instead of “conflict of laws”) approach is defended. Secondly, the objective test of the closest and most real connection defined by the *Bonython* formula, which was elaborated in English case law, is analysed. Thirdly, the norms of the private international law of the Russian Federation, other states members of the Commonwealth of Independent States, and the European Union reflecting the closest connection principle are also analysed. As a result of the research, the following conclusions are formulated. Firstly, the closest connection principle is based on the territorial approach and absolutely cannot function without it. At the same time, material law factors (including weaker party protection, *lex validatis*, etc.) supplement the territorial approach being able to tip the scale in favour of one of the territorially connected legal orders. On this basis, the author proposes to consider the closest connection principle in narrow (territorial) and broad (territorial, supplemented by material law factors) senses instead of various approaches to its content. Secondly, the territorial approach to the content of the closest connection principle is based on search for contacts with a state (country), whereas the territorial approach enrichment with overriding material law factors, caused by the general trend of private international law materialization, is aimed at the analysis of one or another law’s preferences and consequently at the revelation of links with law (system of law). Nevertheless, the analysis of norms of private international law allows concluding that, when prescribing the closest connection principle, the legislator does not make a distinction between terms “country” and “law”, and therefore one should not overemphasise these terms in attempts to understand the content of the principle. Thirdly, modern private international law acknowledges the closest connection principle in broad sense as territorial localization supplemented by material law factors, which is indicated in particular by para. 6 of the Supreme Court of the Russian Federation Regulation “On the Application of Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation”. What is specifically important, the necessity to add material law considerations and their legal weight should be evaluated by the court on the basis of analysing the substance of the existing legal relations between the parties as well as the aggregate of other circumstances of the case.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* (chast’ tret’ya) ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ]. *Sobranie zakonodatel’sstva RF*. 49. Art. 4552.
2. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09 iyulya 2019 g. № 24 “O primeneni norm mezhdunarodnogo chastnogo prava sudami Rossiyskoy Federatsii” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 09, 2019, No. 24 “On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation”]. 17 July. 154.
3. Asoskov, A.V. (2017) *Osnovy kollizionnogo prava* [Basics of conflict of law]. Moscow: M-Logos.
4. Antonov, M.V. (2020) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook and student book for universities]. Moscow: Yurayt.
5. Ivanov, R.L. (2016) Territory and territorial principle of organization as signs of the state. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1 (46). pp. 6–11. (In Russian).
6. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Accessed: 01.05.2020).
7. Von Savigny, F.C. (1869) *Private International Law. A Treatise on the Conflict of Laws, and the Limits of Their Operation in Respect of Place and Time*. Translated, with notes, by William Guthrie. Edinburgh: T. & T. Clark, Law Publishers; London: Stevens & Sons.
8. Khodykin, R.M. (2005) *Printsipy i faktory formirovaniya soderzhaniya kollizionnykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave* [Principles and factors of formation of the content of conflict of laws in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Shulakov, A.A. (2013) *Printsipy naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave* [The principle of the closest connection in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Bulanov, V.V. (2012) *Kategoriya naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave* [The category of the closest connection in private international law]. Law Cand. Diss. Moscow.
11. Bulanov, V.V. (2012) Naibolee tesnaya svyaz’ kak obshchiy printsip mezhdunarodnogo chastnogo prava [The closest connection as a general principle of private international law]. *Aktual’nye problemy rossiyskogo prava*. 2. pp. 267–274.
12. Bonython and Others v. Commonwealth of Australia, the Privy Council of the United Kingdom [1951] A.C. 201; 66 T.L.R. (Pt. 2) 969.
13. North, P.M. (1978) Contract as a Tort Defence in the Conflict of Laws. In: *Contemporary Problems in the Conflict of Laws: Essays in Honour of John Humphrey Carlile Morris*. Leyden, Boston: A.W. Sijthoff. pp. 214–231.
14. Jaffey, A.J.E. (1984) The English Proper Law Doctrine and the EEC Convention. *The International and Comparative Law Quarterly*. 33 (3). pp. 531–557.
15. Kincaid, P. (1993) Rationalising Contract Choice of Law Rules. *Otago Law Review*. 8 (1). pp. 93–124.
16. Collier, J.G. (2001) *Conflict of Laws*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
17. The House of Lords of the United Kingdom. (1984) *Amin Rasheed Shipping Corporation v. Kuwait Insurance Co.* A.C. 50.
18. Khodykin, R.M. (2005) Istoriya i razvitie kontseptsii naibolee tesnoy svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [History and development of the concept of the closest relationship in private international law]. In: Doronina, N.G. (ed.) *Pravo i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya* [Law and international economic relations]. Moscow: Yurist”. pp. 72–84.
19. Queen’s Bench Division of the High Court [of England and Wales]. (1963) *Rossano v. Manufacturers’ Life Insurance Co.* 2 Q.B. 352.
20. Hugh Beale (ed.) (2012) *Chitty on Contracts*. Volume 1 (General Principles). 31st ed. Sweet & Maxwell, Thomson Reuters.
21. Consultant Plus. (2016) *Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 22, 2016, No. F08-4231/2016 in Case No. A53-21855/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=121001>. (In Russian).
22. Consultant Plus. (2015) *Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 22, 2016, No. F08-4231/2016 in Case No. A53-21855/2015*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=113757>
23. Baltic and International Maritime Council. (2020) *GENCON 1994*. [Online] Available from: <https://www.bimco.org/contracts-and-clauses/bimco-contracts> (Accessed: 01.05.2020).
24. Supreme Court of Canada. (1967) *Imperial Life Assurance Co. of Canada v. Segundo Casteleiro y Colmenares*. S.C.R. 443.
25. House of Lords of the United Kingdom. (1970) *James Miller & Partners, Ltd. v. Whitworth Street Estates (Manchester), Ltd.* A.S. 583.

26. Cheshire, J. & North, P. (1982) *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private International]. Translated from English by S.N. Andrianov. Moscow: Progress.
27. Spiro, E. (1984) The Proper Law of the Contract and Renvoi: Further Comments on the Amin Rasheed Shipping Case. *The International and Comparative Law Quarterly*. 33 (1). pp. 199–202.
28. UN. (1997) Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome). In: *Treaty Series*. Vol. 1605. New York: United Nations. pp. 59–156.
29. Alekseev, S.S. (1980) Pravo i pravovaya sistema [Law and legal system]. *Pravovedenie*. 1. pp. 27–34.
30. Hague Conference on Private International Law. (2015) *Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Secretariat note to the Forty-Eighth Session of the United Nations Commission on International Trade Law (Vienna, 29 June-16 July 2015) of 15 April 2015 A/CN.9/847*. [Online] Available from: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (Accessed: 01.05.2020). (In Russian).
31. Hague: The Hague Conference on Private International Law Permanent Bureau. (2015) *Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts*. [Online] Available from: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (Accessed: 01.05.2020).
32. Stone, P. (2010) *EU Private International Law*. 2nd ed. Elgar European Law.
33. *Informatsionnyy byulleten' Mezhparlamentskoy assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG*. (1996) Postanovlenie Mezhparlamentskoy assamblei gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv “O model'nom grazhdanskom kodekse dlya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (chast' tret'ya)” ot 17 fevralya 1996 g. № 7-4 [Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States “On a Model Civil Code for Member States of the Commonwealth of Independent States (Part Three)” of February 17, 1996, No. 7-4]. 10.
34. *Ofitsial'nye vedomosti Respubliki Armeniya*. (1998) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Armeniya ot 28 iyulya 1998 g. № ZR-239 [Civil Code of the Republic of Armenia No. ZR-239 of July 28, 1998]. 10 August. 17 (55).
35. *Vedomosti Natsional'nogo sobraniya Respubliki Belarus'*. (1999) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus' ot 07 dekabrya 1998 g. № 218-Z [Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998, No. 218-Z]. 7–9. Art. 101.
36. *Kazakhstanskaya pravda*. (1999) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (osobennaya chast') ot 01 iyulya 1999 g. № 409-I ZRK [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) of July 01, 1999, No. 409-I ZRK]. 17 July. 172–173 (22889–22890); 20 July. 174 (22891); 22 July. 175 (22892); 23 July. 176–177 (22893–22894); 24 July. 178 (22894); 27 July. 179–180 (22896–22897).
37. *Akhbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhikistan*. (2005) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Tadzhikistan (chast' tret'ya) ot 01 marta 2005 g. [Civil Code of the Republic of Tajikistan (Part Three) of March 01, 2005]. 3. Art. 124.
38. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan*. (1996) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Uzbekistan (chast' vtoraya) ot 29 avgusta 1996 g. № 256-I [Civil Code of the Republic of Uzbekistan (Part Two) of August 29, 1996, No. 256-I]. 11–12. Art. 1.
39. *Vedomosti Zhogorku Kenesha Kyrgyzskoy Respubliki*. (1998) Grazhdanskiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki (chast' II) ot 05 yanvarya 1998 g. № 1 [Civil Code of the Kyrgyz Republic (Part II) of January 05, 1998, No. 1]. 6. Art. 226.
40. *Ofitsial'nyy monitor Respubliki Moldova*. (2002) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Moldova ot 06 iyunya 2002 g. № 1107-XV [Civil Code of the Republic of Moldova of June 06, 2002, No. 1107-XV]. 22 June. 82–86.
41. *Gazeta Azerbaydzhana*. (2000) Zakon Azerbaydzhanskoy Respubliki “O mezhdunarodnom chastnom prave” ot 6 iyunya 2000 g. № 889-IG [Law of the Republic of Azerbaijan “On private international law” of June 6, 2000, No. 889-IG]. 29 October. 249.
42. United Kingdom. (1990) *Contracts (Applicable Law) Act 1990 [of the United Kingdom]*. 1990. C. 36.
43. United Kingdom. (1991) *The Contracts (Applicable Law) Act 1990 (Commencement No. 1) Order 1991 [of the United Kingdom]*. No. 707 (C. 16).
44. *Official Journal of the European Union*. (2008) Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I). 4.7.2008. L 177. pp. 6–16.
45. Hague Conference on Private International Law. (1985) *Convention on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition of 01 July 1985*. [Online] Available from: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (Accessed: 01.05.2020).

Received: 24 July 2020

М.Ю. Тарасов

НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ПРОЦЕДУРЕ ЭКСТРАДИЦИИ

Обоснован новый элемент в процедуре экстрадиции лица для уголовного преследования или исполнения приговора в виде проверки условий его возможного содержания до суда и в случае осуждения к лишению свободы, а также во время этапирования в стране, куда это лицо выдается, на предмет соответствия международно признанным стандартам. Предложен комплекс мероприятий по приведению условий возможного содержания экстрадируемого во время этапирования в России в соответствии с международно признанными стандартами.

Ключевые слова: международный розыск; выдача (экстрадиция) в целях уголовного преследования или исполнения приговора; условия содержания в местах лишения свободы; условия содержания во время этапирования; проверка условий в местах принудительного содержания; методика проверки мест лишения свободы в целях экстрадиции.

Экстрадиция (выдача) лица завершает систему действий по международному розыску. Обычно международный розыск включает в себя комплекс организационно-правовых, документальных, оперативно-розыскных, режимных и других действий, направленных на объявление лица в розыск, организацию его розыска и сам розыск, задержание и заключение под стражу, принятие решения о выдаче и саму выдачу лица правоохранительным органам Российской Федерации для уголовного преследования или исполнения приговора в установленном порядке [1. С. 212–213]. На этапе принятия решения о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора порой практикуется проверка представителями иностранного государства, решающего вопрос о выдаче, условий возможного содержания этого лица до суда и в случае осуждения его к лишению свободы в стране, куда выдается лицо, на предмет соответствия условий содержания заключенных международно признанным стандартам. В этом случае подобная проверка выступает в качестве необходимого элемента процедуры экстрадиции, обуславливающего успешность в итоге всей процедуры выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

На практике именно риск нарушения прав запрашиваемого лица является наиболее распространенной причиной отказа в экстрадиции. В основе такого отказа – неудовлетворительные условия содержания в местах лишения свободы, которые квалифицируются как нарушение запрета пыток в местах лишения свободы, куда попадают выданные в результате экстрадиции лица. Согласно ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в Риме 4 ноября 1950 г. [2] (далее – Европейская Конвенция, ЕКПЧ), никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Как отмечено на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, ситуация с соблюдением прав человека в учреждениях УИС России не может быть оценена как благополучная. Из ряда регионов поступает информация о применении в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных пыток, жестокого и унижающего обращения. В статистике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) наша

страна занимает первое место по констатациям нарушения ст. 3 Европейской конвенции о правах человека [3]. По данным Следственного комитета Российской Федерации, например, с 2015 по 2018 г. в России было возбуждено 148 уголовных дел об избыточном применении силы сотрудниками колоний и СИЗО [4]. Российские пенитенциарные учреждения подверглись широкой международной критике [5]. ЕСПЧ в решении по делу «Ананьев против России» [6] установил, что заявители подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению во время содержания в российских тюрьмах (п. 166), что было установлено в 80 случаях за последние 10 лет (п. 179).

В этой связи в юридической печати уже обращалось внимание на практику использования неудовлетворительных условий содержания в местах лишения свободы в качестве основания для отказа России в экстрадиции [7. С. 13–16]. При решении вопроса о выдаче задержанных по запросу российской стороны лиц для уголовного преследования в практике зарубежных партнеров работает организация проверок предполагаемых условий содержания под стражей в местах лишения свободы в Российской Федерации по конкретным уголовным делам в отношении конкретных лиц. На договорной основе организуются проверки зарубежными авторитетными специалистами условий в тех или иных пенитенциарных учреждениях. Только в 2014–2018 гг. во взаимодействии с Королевской прокурорской службой Великобритании Управление по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСИН России организовали четыре посещения пенитенциарных учреждений в г. Москве, Тульской и Вологодской областях, Краснодарском крае, Республике Мордовия, Кабардино-Балкарской Республике независимыми экспертами, назначенными английским судом (профессор Р. Морган и др.) [8. С. 132–138]. Результаты проверок условий содержания в конкретных пенитенциарных учреждениях имеют непосредственное значение в вопросах экстрадиции [9].

Дальнейшие исследования в данном направлении позволили расширить рамки рассматриваемого предмета за счет включения в него условий содержания заключенных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, во время их этапирования, и определения отдельного влияния результатов проверки

именно этих условий на решение об экстрадиции. Информация о неудовлетворительном состоянии условий этапирования в Российской Федерации все более становится достоянием зарубежных судебных органов и в конечном счете используется в качестве одного из оснований для отказа Российской Федерации в выдаче разыскиваемых лиц. Весьма поспособствовал этому Доклад «Этапирование заключённых в России: путь в неизвестность», подготовленный в 2017 г. основанной в Великобритании международной неправительственной организацией Amnesty International на английском языке и опубликованный в переводе на русский [10. С. 5]. Европейский Суд по правам человека выявил при рассмотрении дела «Томов и другие (Tomov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18255/10 и пять других жалоб) ряд ключевых проблем, порождающих большое количество случаев нарушения ст. 3 Европейской Конвенции при этапировании заключённых в Российской Федерации, а также обратил внимание на необходимость изменения морально устаревших норм законодательства. В п. 4 Постановления ЕСПЧ по указанному делу от 09.04.2019 непосредственно записано, что «имело место нарушение ст. 3 Конвенции в связи с бесчеловечными или унижающими достоинство условиями перевозки заключённых... в период предварительного расследования» [11].

Проблемы соблюдения прав этаплируемых для России действительно актуальны с учетом размеров страны, исторически сложившейся дислокации исправительных учреждений. Заключённых перевозят на большие расстояния, чтобы они могли попасть в место отбывания своего наказания. Их также необходимо перевозить из одного исправительного учреждения в другое, в больницы на лечение и в суды на судебные заседания и обратно. Во время этапирования они долго находятся в переполненных специальных железнодорожных вагонах и тюремных фургонах в условиях, которые зачастую могут быть признаны жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

Российские национальные стандарты по перевозке заключённых изложены в Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию от 24 мая 2006 г. [12]. В соответствии с действующей редакцией п. 167 этой Инструкции в больших камерах спецвагонов не может находиться более 12 человек и более пяти человек в малых камерах.

Большие камеры, упомянутые в этой Инструкции, имеют размер нормального купе пассажирского вагона (1640×2016×2870 мм), оборудованы 6 полками, рассчитанными на 4 места для лежания (по 1 человеку на полки 2-го и 3-го ярусов) и 8 мест для сидения (по 4 человека на каждую из 2 нижних полок). Малая камера (1000×2016×287 мм) оборудована 3 полками, рассчитанными на 2 места для лежания и 4 места для сидения. Получается, что по этим стандартам число заключённых, которое позволяет размещать в камерах вагона, в три раза больше числа спальных мест. В абз. 2 п. 167 этой Инструкции предусматривалось

также, что при конвоировании осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в спецвагоне не более 4 часов допускается посадка в большие камеры до 16 и в малые до 6 человек. Решением Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2012 г. № ГКПИ11-1774 [13], оставленным без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № АПЛ12-200 [14], эта норма признана недействующей в части, предусматривавшей посадку в большие камеры при конвоировании в спецвагоне не более 4 часов до 16 человек. Принимая во внимание размеры полок, ширину откидного клапана (не более 47 см), суд сделал вывод, что перемещение в большой камере, рассчитанной на 5 лежащих (с учетом откидного клапана) и 8 сидячих мест, 16 заключённых, создает для них излишние неудобства и не соответствует Минимальным стандартным правилам обращения с заключёнными.

В Докладе Amnesty International отмечается, что во время этапа заключённым ограничивают доступ к туалету, а во время длительных ожиданий на подъездных путях у них вообще нет туда доступа. На промежуточных остановках заключённых держат в транзитных камерах на протяжении нескольких дней, а то и недель, и условия в них даже хуже, чем в обычных камерах предварительного заключения, которые, в свою очередь, хуже, чем в исправительных учреждениях и не отвечают международным стандартам. В тюремном фургоне есть две большие камеры, в которых размещаются 10 заключённых, размером 3 квадратных метра, и одна маленькая изолированная камера, или «стакан», площадью от 0,3 до 0,5 квадратных метра, в которых перевозят «уязвимых» заключённых (к уязвимым относятся женщины и бывшие сотрудники исправительных учреждений) [10. С. 6, 23].

Известным примером испытания в виде перевозки в «стакане» является этапирование Анны Лозинской. В мае 2017 г. Европейский суд по правам человека постановил, что Анна Лозинская и Валерий Токарев подверглись жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, поскольку их неоднократно перевозили в таких маленьких камерах. С декабря 2013 г. по апрель 2014 г. Анну Лозинскую 15 раз перевозили между СИЗО и судом в «стакане», каждый раз она проводила там до двух часов. Европейский суд по правам человека в решении по делу «Кавалеров и другие против России» (Страсбург, 4 мая 2017 г.), в частности, записал: «Заявители содержались в плохих условиях во время транспортировки... Принимая во внимание свою прецедентную практику по данному вопросу, Суд считает, что в настоящем деле условия содержания заявителей во время их перевозки были неадекватными. Таким образом, эти жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении ст. 3 Конвенции» [15].

Подобного рода факты, оставленные без адекватной оценки и надлежащей реакции, неизбежно влекут в современных условиях отказ в экстрадиции. Так произошло, например, с обвиняемым Шматко А.И., установленным на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. В связи с об-

винением его в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество приотягчающих обстоятельства), Генеральная прокуратура Российской Федерации обратилась к министру внутренних дел Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии с просьбой о его выдаче. По запросу британской стороны были представлены дополнительные сведения об условиях содержания Шматко А.И. в случае его выдачи и в случае последующего осуждения по приговору суда и предложены дополнительные гарантии, аналогичные данным ранее по делу Дзгоева – первого реально выданного России за последние годы из Великобритании преступника [16]¹, которые предварительно были признаны достаточными. 13 декабря 2017 г. министром внутренних дел Великобритании на основании судебного решения Вестминстерского магистратского суда г. Лондона было принято решение об удовлетворении запроса Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче Шматко А.И. в Российскую Федерацию [17].

Шматко А.И. обжаловал указанное решение, представив в обоснование своих доводов о нарушении прав заключенных в России во время их этапирования упомянутый выше доклад Amnesty International. В связи с этим компетентными органами Великобритании были запрошены дополнительные сведения, связанные с его возможным этапированием на территории Российской Федерации. Причем в запросе содержится весьма детализированная просьба предоставить сведения об условиях его заключения во время этапирования применительно к отдельным маршрутам перевозки.

В представленной в этой связи информации ФСИН России содержится подробное описание маршрутов перемещения Шматко А.И. в случае его выдачи, спецтранспорта, используемого для перевозки осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с утверждением о его соответствии Санитарным правилам от 04.03.2003 № 12, Техническому регламенту Таможенного союза от 09.12.2011 № 877. Конкретно в Справке к вопросам, поставленным в запросе Королевской прокурорской службы Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о выдаче Шматко А.И. от 26 января 2018 г. по поводу доклада Amnesty International «Этапирование заключенных в России: путь в неизвестность», записано: «Используемые специальными подразделениями УИС по конвоированию спецавтомобили и спецвагоны соответствуют основным общеприменимым международным требованиям и правилам перемещения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, из исправительных учреждений, следственных изоляторов» [18].

Такие сведения в ответ на конкретные факты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, приведенные в Докладе Amnesty International, оказались для британской стороны неубедительными, на что прямо обращено внимание в решении Высокого суда (административного суда) Англии и Уэльса от 19 декабря 2018 г. по делу «Шматко против Российской Федерации» [18. П. 55]. Тем более что у

Суда имелись альтернативные источники информации, среди которых значительное внимание уделено отчетам зарекомендовавших себя зарубежных экспертов, которые с выездом на место скрупулезно и достаточно объективно анализируют имеющиеся факты ущемления прав и достоинства заключенных [18. П. 15–16]. Так, в дополнительном экспертном заключении профессора Джудит Пэллот (Judith Pallot) от 18 июня 2018 г. утверждается, например, что «анализ дел против России, по которым подаются заявления в ЕСПЧ российским агентством правовой и судебной информации (РАПСИ), показывает, что за последние два года дела по этапированию и условиям в исправительных колониях количественно превысили заявления относительно условий содержания в СИЗО как в судах внутри страны, так и по заявлениям в Совет Европы» [18].

Фактически подобные ответы послужили началом конца многолетним усилиям по розыску обвиняемого и его экстрадиции. В итоге Высокий суд (административный суд) Англии и Уэльса отказал в выдаче Шматко А.И. в Россию. Основания отказа мотивированы тем, что в случае его выдачи существует реальный риск того, что он будет подвергнут обращению, противоречащему ст. 3 ЕКПЧ, включая в соответствии с экспертными заключениями и ситуации при этапировании [18].

Аналогичная ситуация сложилась по делу об экстрадиции Ольги Егоровой, при рассмотрении апелляции по которому в Высоком суде Лондона также было обращено внимание на проблемы транспортировки женщин-заключенных и на длительность предполагаемой поездки на транспорте пенитенциарного учреждения, которая может занять несколько дней или «даже недель». 9 декабря 2019 г. Вестминстерский магистратский суд принял решение² о недопустимости выдачи Егоровой в Россию для привлечения к уголовной ответственности. Тем же решением было отказано в выдаче Цуркана И., Киндрачука Ф., Смычковского Д. Суд посчитал предоставленные российской стороной гарантии недостаточными и мотивировал отказ наличием реального «риска нарушения их прав» [19].

Таким образом, новый элемент в процедуре экстрадиции лица для уголовного преследования или исполнения приговора в виде проверки условий его возможного содержания до суда и в случае осуждения к лишению свободы, а также во время этапирования в стране, куда это лицо выдается, на предмет соответствия международно признанным стандартам становится действительной реальностью. Помимо теоретического значения такой вывод имеет конкретные последствия на практике. Прежде всего, необходимо отдавать отчет в возможности проверок международными, общественными, неправительственными организациями и иностранными экспертами, дипломатическими представителями условий содержания в местах лишения свободы при решении вопроса об экстрадиции. В период пандемии эти проверки свернуты, однако это не означает, что они не будут практиковаться впредь. Далее, необходимо овладевать навы-

ками приема иностранных проверяющих, чтобы исключить случаи необоснованного отказа в выдаче иностранными государствами разыскиваемых правоохранительными органами Российской Федерации лиц. Наконец, и это самое главное, следует обеспечивать соответствие этих условий содержания в местах лишения свободы и при этапировании общепризнанным международным нормам.

Для решения последней названной задачи необходимым широким комплекс мероприятий. Многие в системе ФСИН России для этого уже сделано, что отмечают и зарубежные эксперты. Со своей стороны, предлагаем комплекс мер трех разных уровней.

Первый уровень носит стратегический характер и касается общего реформирования пенитенциарной системы в Российской Федерации, включающего выделение необходимых средств, приведение ее в соответствие с международными нормами и стандартами. Понятно, что мероприятия такого уровня напрямую зависят от государственного финансирования и могут планироваться только на перспективу.

Второй уровень относится к корректировке действующих правил конвоирования, их ревизии с учетом современных требований и мировых стандартов. Примером здесь может послужить упомянутое выше Решение Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2012 г. № ГКПИ11-1774 [13]. При ревизии действующих правил конвоирования необходимо уходить от формализма, оценки фактов нарушения ст. 3 ЕКПЧ на основе не реальных вещей, а соответствия когда-то кем-то установленным нормам. Такой подход усматривается, например, в Решении Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2011 г. по делу № ГКПИ11-1143 «О признании недействующим абз. 1 п. 167 Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, утвержденной приказом

Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 мая 2006 г. № 199дсп/369дсп [20]. В нем нормы посадки осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в спецвагон расцениваются как не противоречащие Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей применение пыток, жестокого и унижающего достоинство обращения, как раз по тому факту, что «отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, имеющий большую юридическую силу, который бы устанавливал иные нормы посадки осужденных в спецвагон».

Поэтому второй уровень возможных мероприятий по исправлению негативной ситуации с соблюдением требований ст. 3 ЕКПЧ при этапировании осужденных и лиц, содержащихся под стражей, заключается в ревизии действующих нормативов на предмет соответствия Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными [21], запрете перевозки заключенных в условиях недостаточной вентиляции или освещения или же в любых других физически излишне тяжелых условиях с учетом современных стандартов.

Наконец, третий уровень преодоления негативных проявлений при перевозке осужденных и лиц, содержащихся под стражей, предполагает адекватное применение имеющихся норм на практике. Рядовой исполнитель может истраковать по собственному усмотрению любые самые современные нормы о вентиляции, освещении, предоставлении возможности пользоваться туалетом, лекарствами. Можно поместить тучного по телосложению заключенного в одноместную камеру спецавтомобиля длиной по стандарту 42 см, а можно найти иные варианты его посадки, которые избавят от необходимости оказывать ему экстренную медицинскую помощь в связи с острой сердечной недостаточностью и от последующих жалоб. Данный уровень решения проблемы содержит немалые, а самое главное, вполне доступные и реальные резервы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Специальный прокурор отдела экстрадиции Королевской прокурорской службы Англии и Уэльса г-жа Кейт Леонард в своем письме от 5 июля 2017 г. прямо обратила внимание российской стороны на прецедентное значение гарантий, предоставленных в свое время Россией по делу об экстрадиции Дзгоева, для дела о выдаче Шматко А.И.: «Решение Высокого суда по делу Дзгоева будет тщательно изучено нижестоящим судом для использования при рассмотрении будущих российских запросов о выдаче. В том числе дел Авдаляна и Шматко, которые в настоящее время рассматриваются судом низшей инстанции. Суд с большой долей вероятности будет удовлетворять такие запросы, если будут представлены гарантии, аналогичные (в тех же выражениях) данным по делу Дзгоева».

² Приказом судьи Высокого суда (административный суд) Англии и Уэльса (отделение королевской скамьи) от 19 марта 2020 г. в разрешении на подачу апелляции по этому решению отказано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М. : Экзамен, 2014. Т. II. 559 с.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004). Начало действия редакции (за исключением изменений, внесенных Протоколом № 11 от 11.05.1994) – 01.09.1998 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Рекомендации 64-го специального (126-го) заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему «Открытость и законность – главные гарантии уважения человеческого достоинства в учреждениях уголовно-исполнительной системы», состоявшегося 19 сентября 2018 г. // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/629/> (дата обращения: 28.01.2021).
4. АLEXINA M. СКР впервые раскрыл данные по делам о пытках в колониях и СИЗО // РБК. 2019. 02 декабря URL: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (дата обращения: 28.01.2021).
5. Kingsley Napley. Extradition and Russian prison conditions – genuine improvement or Potemkin Village? // Lexology. 2015. 17 декабря. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=7c8a1f5c-d82d-402b-8598-8e577bfdb1d4> (accessed: 28.01.2021).
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. Дело «Ананьев и другие против России» [Ananyev and Others v. Russia] (жалобы NN 42525/07 и 60800/08) (I Секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8.

7. Тарасов М.Ю. Экстрадиция и проверка условий в местах принудительного содержания // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С. 13–16.
8. Тарасов М.Ю. Проверка международными, общественными, неправительственными организациями и иностранными экспертами, дипломатическими представителями условий содержания в местах лишения свободы при экстрадиции // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–19 нояб. 2020 г.) : в 6 т. Т. 4: Материалы всероссийских круглых столов с международным участием «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовой и теоретико-методологический аспекты» и «Особенности профессиональной подготовки в правоохранительных органах». Рязань : Академия ФСИН России, 2020. С. 132–138.
9. Практика Генеральной прокуратуры РФ по исполнению решений Европейского Суда по правам человека по вопросам экстрадиции // Юридическая компания ЛЕГАС. 2017. 20 мая. URL: <https://legascom.ru/notes/2008-echr-i-zacshita-prav-cheloveka-stati-20-05-2017> (дата обращения: 28.01.2021).
10. Этапирование заключённых в России: путь в неизвестность. London : Amnesty International Ltd, 2017. 36 p. URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4668782017RUSSIAN.PDF> (дата обращения: 28.01.2021).
11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2019 г. Дело «Томов и другие (Tomov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 18255/10 и пять других жалоб) [рус., англ.] // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 7.
12. Инструкция по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию. Утверждена приказом Минюста России и МВД России от 24 мая 2006 года № 199дсп/369дсп (с изменениями, внесенными приказом Минюста России и МВД России от 22 октября 2008 года № 236дсп/900дсп и решением Верховного Суда России от 12 января 2012 г. по делу № ГКПИ11-1774) [Извлечения] // Под стражей, при конвоировании. Инструкция по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. Раздел I. 05.08.2019. URL: <https://casepm.ru/in-custody-during-escort-instructions-for-the-protection-of-correctional-facilities-investigative-isolators-of-the-penal-system-section-i/> (дата обращения: 28.01.2021).
13. Решение Верховного Суда РФ от 24.01.2012 № ГКПИ11-1774 «О признании недействующим абзаца второй пункта 167 Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, утвержденной приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24.05.2006 № 199дсп/369дсп, в части, предусматривающей посадку в спецвагон осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в большие камеры до 16 человек // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.
14. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № АПЛ12-200 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда Российской Федерации от 24.01.2012, которым частично удовлетворено заявление о признании недействующими абзацев второго и третьего пункта 167 Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, утвержденной приказом Министерства юстиции РФ и Министерством внутренних дел РФ от 24.05.2006 № 199дсп/369дсп» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.01.2021).
15. Кавалеров и другие против России, Страсбург, 4 мая 2017 года // HUDOC – European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-173388> (дата обращения: 28.01.2021).
16. Dzgoev v Prosecutor General's Office of the Russian Federation. England and Wales High Court (Administrative Court) (6 Apr, 2017) / Дзгоев против Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. Высокий Суд Англии и Уэльса (Административный суд) (6 апреля 2017 года) // CASEMINE. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff75460d03e7f57eab563> (дата обращения: 28.01.2021).
17. Справка по итогам работы управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества в 2017 году // Архив Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018.
18. Shmatko v The Russian Federation [2018] EWHC 3534 (Admin) (19 December 2018) // British and Irish Legal Information Institute. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admin/2018/3534.html> (accessed: 28.01.2021).
19. Аналитическая справка об итогах работы Главного управления международно-правового сотрудничества и основных задачах на 2021 год // Архив Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2021.
20. Решение Верховного Суда РФ от 13 октября 2011 г. по делу № ГКПИ11-1143 «О признании недействующим абзаца первого пункта 167 Инструкции по служебной деятельности специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию, утвержденной приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 мая 2006 г. № 199дсп/369дсп // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/wvYyL5py19xU/> (дата обращения: 28.01.2021).
21. Минимальные стандартные Правила обращения с заключенными (Приняты в г. Женеве 30.08.1955) // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юридическая литература, 1990. С. 290–311.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 февраля 2021 г.

A New Element in the Extradition Procedure

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 261–266.

DOI: 10.17223/15617793/464/29

Maxim Yu. Tarasov, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tarasov0123@gmail.com

Keywords: international search; extradition for criminal prosecution or sentence execution; confinement conditions; conditions during transfer; checking confinement conditions; methodology for checking places of deprivation of liberty for purposes of extradition.

The aim of the article is to justify a new element in the procedure for the extradition of a person for criminal prosecution or sentence execution. This element is the checking for compliance with internationally recognized standards of the conditions of the possible detention before trial, incarceration, as well as during transfer, in the country this person is extradited to. The source basis of the study were materials of the European Court of Human Rights, courts of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Supreme Court of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of Russia, the Main Directorate of International Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, materials of checks of confinement conditions in Russian penitentiary institutions. Materials of checks of confinement conditions in specific penitentiary institutions have been supplemented with materials of checks of conditions for transferring prisoners in the Russian Federation. The study is based on the application of the method of participatory observation expressed in the collection of factual material during direct participation in the work of the Main Directorate of International Legal Cooperation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation in organizing checks by foreign experts of the confinement conditions of prisoners when deciding on extradition. Methods of observation, interviewing, experiment, analysis, comparison, and others were also used. The analysis of the available materials and the author's own practice showed that foreign partners began to actively use information about unsatisfactory confinement conditions in prisons in specific cases as a basis for refusal to extradite people to Russia. When deciding on the extradition of persons detained at the request of the Russian side for criminal prosecution, the practice of foreign partners has introduced the organization of regular checks of the

alleged confinement conditions in the Russian Federation on specific criminal cases in relation to specific persons. In order to overcome the emerging problems, on a contractual basis, foreign authoritative specialists are organizing inspections of the conditions in various penitentiary institutions. The results of such inspections in specific penitentiary institutions are of direct importance in matters of extradition in specific cases. On the basis of this material, the need was justified to include an additional element in the theoretical and legislative model of extradition, which no one has yet mentioned in the legal literature – checking the conditions of the possible detention of the extradited person before trial and incarceration. In order to overcome the negative trends, a set of measures at three different levels has been proposed to bring the conditions of the person extradited during the transfer to Russia in line with internationally recognized standards.

REFERENCES

1. Bastrykin, A.I. (ed.) (2014) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensic science: A textbook]. Vol. 2 Moscow: Ekzamen.
2. Russian Federation. (2001) Konventsia o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod. Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950 (s izm. ot 13.05.2004). Nachalo deystviya redaktsii (za isklyucheniem izmeneniy, vnesennykh Protokolom № 11 ot 11.05.1994) – 01.09.1998 [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Concluded in Rome on November 04, 1950 (as amended on May 13, 2004). The beginning of the work of the editorial office (except for the changes introduced by Protocol No. 11 of May 11, 1994) – September 01, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 163.
3. Presidential Council for Civil Society and Human Rights. (2018) *Recommendations of the 64th special (126th) meeting of the Presidential Council for Civil Society and Human Rights on the topic "Openness and legality are the main guarantees of respect for human dignity in the institutions of the penal system", held on September 19, 2018*. [Online] Available from: <http://president-sovet.ru/documents/read/629/> (Accessed: 28.01.2021). (In Russian).
4. Alekhina, M. (2019) SKR v pervye raskryl dannye po delam o pytkakh v koloniyakh i SIZO [The Investigative Committee of the Russian Federation for the first time disclosed data on cases of torture in colonies and pre-trial detention centers]. *RBK*. 02 December [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/02/12/2019/5de12fe99a79475fb2beadb6> (Accessed: 28.01.2021).
5. Napley, K. (2015) Extradition and Russian prison conditions – genuine improvement or Potemkin Village? *Lexology*. 17 December. [Online] Available from: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=7c8a1f5c-d82d-402b-8598-8e577bdfbd1d4> (Accessed: 28.01.2021).
6. *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. (2012) Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 10 yanvarya 2012 g. Delo "Anan'ev i drugie protiv Rossii" [Ananyev and Others v. Russia] (zhaloby NN 42525/07 i 60800/08) (I Sektsiya) [Judgment of the European Court of Human Rights of 10 January 2012 in the case of Ananyev and Others v. Russia (appeals NN 42525/07 and 60800/08) (Section I)]. 8.
7. Tarasov, M.Yu. (2020) The Extradition and Examination of Conditions in Detention Facilities. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 5. pp. 13–16. (In Russian).
8. Tarasov, M.Yu. (2020) [Checking of the conditions of detention in places of confinement during extradition carried out by international, public, non-governmental organizations, and foreign experts and diplomatic representatives]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape i perspektivy ee razvitiya* [The penal system at the present stage and the prospects for its development]. Proceedings of International Conference. Ryazan. 18–19 November 2020. In 6 vols. Vol. 4. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 132–138.
9. LEGAS. (2017) *Praktika General'noy prokuratury RF po ispolneniyu resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po voprosam ekstraditsii* [Practice of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on the execution of decisions of the European Court of Human Rights on extradition]. [Online] Available from: <https://legascom.ru/notes/2008-echr-i-zachita-prav-cheloveka-stati-20-05-2017> (Accessed: 28.01.2021).
10. Amnesty International. (2017) *Etapirovaniye zaklyuchennykh v Rossii: put' v neizvestnost'* [The transfer of prisoners in Russia: the path into the unknown]. London: Amnesty International Ltd. [Online] Available from: <https://www.amnesty.org/download/Documents/EUR4668782017RUSSIAN.PDF> (Accessed: 28.01.2021).
11. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. (2019) Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 9 aprelya 2019 g. Delo "Tomov i drugie (Tomov and Others) protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba № 18255/10 i pyat' drugikh zhalob) [rus., angl.] [Judgment of the European Court of Human Rights of April 9, 2019, in the case Tomov and Others v. Russia (application No. 18255/10 and five other applications) [Russian, English]]. 7.
12. Casepm.ru. (2019) *Instruction on the service activities of special units of the penal system for escorting. Approved by order of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on May 24, 2006, No. 199dsp/369dsp (as amended by order of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 236dsp/900dsp of October 22, 2008, and the decision of the Supreme Court of Russia of January 12, 2012, in Case No. GKPI11-1774) [Extracts]*. [Online] Available from: <https://casepm.ru/in-custody-during-escort-instructions-for-the-protection-of-correctional-facilities-investigative-isolators-of-the-penal-system-section-i/> (Accessed: 28.01.2021). (In Russian).
13. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2012) Reshenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.01.2012 № GKPI11-1774 "O priznanii nedeystvuyushchim abzatsa vtoroy punkta 167 Instruksii po sluzhebnoy deyatelnosti spetsial'nykh podrazdeleniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy po konvoirovaniyu, utverzhdennoy prikazom Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii i Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii ot 24.05.2006 № 199dsp/369dsp, v chasty, predumatrivayushchey posadku v spetsvagon osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhysya pod strazhey, v bol'shie kamery do 16 chelovek [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of January 24, 2012, No. GKPI11-1774 "On invalidating the second paragraph of Clause 167 of the Instruction on the service activities of special units of the penal system for escorting, approved by order of the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia on May 24, 2006, No. 199dsp/369dsp, in the part providing for the boarding of convicts and persons in custody in a special wagon, in large cells up to 16 people]. 10.
14. Consultant Plus. (2012) *Determination of the Appeals Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of April 17, 2012, No. APL12-200*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=273303> (Accessed: 28.01.2021).
15. HUDOC – European Court of Human Rights. (2017) *Case of Kavalero and others v. Russia, Strasbourg, 4 May 2017*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-173388> (Accessed: 28.01.2021).
16. CASEMINE. (2017) *Dzgoev v Prosecutor General's Office of the Russian Federation. England and Wales High Court (Administrative Court) (6 Apr, 2017)*. [Online] Available from: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff75460d03e7f57eab563> (Accessed: 28.01.2021).
17. Archive of the Main Directorate of International Legal Cooperation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2018) *Report on the results of the work of the extradition department of the Main Directorate of International Legal Cooperation in 2017*. (In Russian).
18. British and Irish Legal Information Institute. (2018) *Shmatko v The Russian Federation [2018] EWHC 3534 (Admin) (19 December 2018)*. [Online] Available from: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Admin/2018/3534.html> (Accessed: 28.01.2021).
19. Archive of the Main Directorate of International Legal Cooperation of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2021) *Analytical report on the results of the work of the Main Directorate of International Legal Cooperation and the main tasks for 2021*. (In Russian).
20. Sudact.ru. (2011) *Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2011, in Case No. GKPI11-1143*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/wvYyL5py19xU/> (Accessed: 28.01.2021). (In Russian).
21. Melkov, G.M. (ed.) (1990) Minimal'nye standartnye Pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi (Prinyaty v g. Zheneve 30.08.1955) [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Adopted in Geneva on August 30, 1955)]. In: *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sb. dok.* [International Protection of Human Rights and Freedoms: Documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. pp. 290–311.

Received: 10 February 2021

В.А. Терентьева

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ И ПОМЕЩЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И СООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

На примере института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних доказывается, что пробелы в законе, а также дефекты юридической техники могут существенно снизить эффективность применения как одной нормы, так и всего института. Отмечается, что такая ситуация на практике приводит к избыточному применению уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: пробелы в уголовном праве; условное осуждение; освобождение от наказания несовершеннолетних.

Уголовное право России оперирует самым репрессивным инструментарием среди других отраслей права, а именно уголовной ответственностью и наказанием, воздействующими на основные права и свободы человека и гражданина. Такого мнения придерживаются, например, Ф.Р. Сундугов и А.В. Наумов [1. С. 139; 2. С. 163]. Любая отрасль права представляет собой не хаотичный набор норм, а их упорядоченную систему. Именно системность отрасли права формирует ее основные признаки: нормативность, обязательность, универсализм, т.е. отсутствие казуистичности [3. С. 12]. Полагаем, что системность отрасли уголовного права по большей части зависит от устранения коллизий, пробелов и различных ошибок юридической техники в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации, который служит формой ее выражения вовне.

Системность уголовного права обуславливается иерархией задач, стоящих перед этой отраслью, самостоятельностью предмета регулирования, а также особенностями метода. УК РФ определяет в качестве задач отрасли «охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Свое отражение задачи уголовного права получили и при кодификации норм Особенной части уголовного кодекса РФ. Общеизвестно, что указанная часть делится на главы и разделы в соответствии с охраняемым объектом, указанным выше, что позволяет избежать казуальности закона, достичь большей степени обобщенности, а следовательно, и унификации норм.

Та же ст. 2 УК РФ упоминает, что именно для достижения вышеуказанных задач уголовное право оперирует уголовно-карательным методом, т.е. методом реализации уголовных наказаний за совершение преступлений, а также методом поощрения, т.е. применения иных мер уголовно-правового характера. Именно сочетанием двух методов – императивного (уголовно-карательного), и диспозитивного (в том числе и метода поощрения), и обеспечивается гибкость механизма регулирования общественных отношений, целью которого является, безусловно, превенция, как общая, так и частная.

Представляется оправданным рассмотреть, как влияют пробелы в уголовном законодательстве на

системность отрасли на примере института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. Нормы, регулирующие освобождение от уголовного наказания несовершеннолетних, помещены не только в главу 12 УК РФ «Освобождение от наказания», но и в главу 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в ст. 84, 85, 73 УК РФ. Полагаем, что такое расположение норм не исключает признака системности по отношению к институту освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. Однако отсутствие в законодательстве термина «освобождение от уголовного наказания», его основных функциональных характеристик подчас затрудняет работу правоприменителя и приводит к размыванию границ института освобождения от наказания несовершеннолетних.

Правовой институт воспринимается нами как комплекс взаимосвязанных норм, регулирующих вид схожих и близких по содержанию отношений, составляющих предмет определенной отрасли [4. С. 15]. Такая взаимосвязь норм в данном случае образует определенную систему норм, т.е. «целое из составных частей; порядок, обусловленный правильным, закономерным расположением частей в определенной связи» [5]. С точки зрения системного подхода рассматривают институт освобождения от наказания А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков [6. С. 464]. Единая правовая природа правоотношений, возникающих на одном и том же основании, требует одинаковых способов урегулирования, правовое регулирование, как в случае применения норм главы 12 УК РФ, так и в случае применения норм главы 14 УК РФ, преследует одни и те же цели. Таким образом, если институт права представляет собой систему норм, выражающих единство государственной политики по отношению к определенному общественному явлению или феномену, то институт освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания – это система норм, регулирующих применение к несовершеннолетним любого вида освобождения от наказания.

Таким образом, системность анализируемого института, на наш взгляд, тесно связана с правовой природой освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания, поскольку все вышеуказанные нормы имеют единое основание применения – определенный уровень общественной опасности личности, в том числе исходящий из возрастных особенностей лица. Именно она определяет свойства, которыми обладают

нормы, место института в соотношении с другими, его роль и структуру. Освобождение от уголовного наказания несовершеннолетних при всем его разнообразии воспринимается нами как единая форма реализации уголовной ответственности, отличающаяся тем, что при вынесении обвинительного приговора в отношении несовершеннолетнего уголовное наказание не реализуется. Таким образом, унифицировав содержание норм, составляющих институт освобождения от наказания несовершеннолетних, мы можем говорить об упорядоченности уголовно-правового воздействия, при котором элементы одного института не пересекаются друг с другом, а сообразно с существующими между ними связями образуют единую систему. Под пересечением элементов одной системы мы понимаем такое взаимодействие между элементами, при котором один элемент (вид освобождения от уголовного наказания) полностью или частично включается в другой элемент (вид освобождения от уголовного наказания).

Отметим, что на практике пересечение между собой различных видов освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания встречается. В ходе изучения привлечения к уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних в Западно-Сибирском Федеральном округе были выявлены случаи одновременного применения ст. 73 УК РФ и ч. 2 ст. 92 УК РФ, которые, как мы полагаем, составляют один институт, а именно институт освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. Так, в изученных нами материалах о помещении несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ) было обнаружено пять приговоров, в которых, назначая лишение свободы, суд одновременно за одно и то же деяние применял сначала ст. 73 УК РФ, признавая назначенное наказание условным, а затем освобождал от него согласно ч. 2 ст. 92 УК РФ. Уголовный Кодекс РФ не содержит прямого запрета на освобождение от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, назначенного условно в порядке ст. 73 УК РФ. Однако полагаем, что в данном случае имеется пробел в законодательстве, который приводит к нарушению признака системности института освобождения от наказания несовершеннолетних. По сути своей условное осуждение означает неприменение реального наказания под определенным условием. Таким условием является выполнение возложенных на несовершеннолетнего обязанностей в течение испытательного срока. Назначая после применения условного осуждения помещение в СУВУЗТ, суд фактически исключает возможность исполнять обязанности, возложенные на несовершеннолетнего ранее тем же приговором в порядке ст. 73 УК РФ. Следовательно, полностью утрачивается смысл применения условного осуждения.

Остановимся на приведенном примере более подробно. Условное осуждение как альтернатива реальному наказанию является самой назначаемой мерой к лицам, не достигшим совершеннолетия. На наш взгляд, наиболее полно отражает суть условного

осуждения несовершеннолетних следующая точка зрения: условное осуждение как особая форма осуществления уголовной ответственности, выражающаяся в освобождении условно осужденного от реального отбывания основного вида наказания под определенным условием [7. С. 144–153; 8. С. 62; 9. С. 10]. Весьма сходным с предыдущей точкой зрения является и понимание условного осуждения как разновидности условного освобождения от наказания [10. С. 62]. А помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ – это разновидность освобождения от уголовного наказания, предусматривающая создание специальных условий обучения и воспитания под надзором с изъятием подростка из обычной среды. Раскрыть нарушение структурности института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних можно, проанализировав следующие положения ст. 73 и ч. 2 ст. 92 УК РФ:

1. Применение условного осуждения возможно только при определенных условиях. К таковым относится вид назначенного наказания: условное осуждение несовершеннолетним может быть применено при назначении им исключительно исправительных работ и лишения свободы на срок до восьми лет, поскольку остальные виды наказаний (при которых возможно применить ст. 73 УК РФ – ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части) не применяются к данной категории лиц. Помещение же в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа возможно только при назначении лишения свободы за преступление средней тяжести и тяжкое.

Однако анализ правовой статистики показал, что условное осуждение для несовершеннолетних является реальной альтернативой только лишению свободы. В 2018 г. по данным судебного департамента Российской Федерации условное осуждение к лишению свободы было применено к 37,4% несовершеннолетних, а условное осуждение к иным видам наказания – всего к 1,5% несовершеннолетних осужденных. В 2019 г. указанные показатели практически не изменились: условное осуждение к лишению свободы было применено к 37,7% несовершеннолетних, а условное осуждение к иным видам наказания – всего к 1,2% несовершеннолетних осужденных [11]. Такая ситуация обусловлена, во-первых, особенностями системы уголовных наказаний для несовершеннолетних, а во-вторых – особенностями правоприменительной практики, сложившейся в отношении указанной категории лиц. Поскольку освобождение от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ и ст. 73 УК РФ могут применяться к одной и той же категории лиц, полагаем, что это скорее альтернативные виды освобождения.

2. Реализация уголовной ответственности при применении условного осуждения и помещении несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа происходит в виде порицания деяния и лица, его совершившего, путем вынесения обвинительного приговора суда. Именно отрицательная оценка деяния и лица, его совершившего, вынесенная от имени государства судом, и является формой реализации уголовной ответственности, а последующие обязанности и ограничения не

несут карательной составляющей. Одновременное применение ст. 73 и ч. 2 ст. 92 УК РФ приводит не к «усугублению» уголовной ответственности, а лишь к удвоению обязанностей, следующих за определенным видом освобождения. Отметим, что, исходя из содержания упомянутых выше статей, они зачастую являются взаимоисключающими или дублируются.

3. Освобождение несовершеннолетнего от реального отбывания уголовного наказания. Отметим, что в случае применения ст. 73 УК РФ, как и в случае применения ч. 2 ст. 92 УК РФ, виновное лицо не несет тех обременений и лишений, которые предусмотрены содержанием назначенного наказания. В этой связи невозможно утверждать, что условное осуждение является особым порядком отбывания наказания, а помещение в СУВУЗТ – освобождением от наказания, поскольку последствия их применения одинаковы.

4. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение подразумевает, что у несовершеннолетнего, освобожденного от уголовного наказания, возникает ряд обязанностей и правоограничений. Например, воспитанники СУВУЗТ не имеют возможности покинуть учреждение, поскольку находятся под постоянным контролем, они обязаны обучаться по соответствующим программам, не имеют возможности общаться с криминогенным окружением, поскольку проживают в закрытом учреждении. Анализ обязанностей, назначаемых при условном осуждении несовершеннолетним, показывает, что при применении к ним ст. 73 УК РФ суды выбирают точно такие же обязанности, которые были перечислены нами выше. Однако их соблюдение при условном осуждении осуществляется осужденным самостоятельно, поскольку несовершеннолетний находится дома. Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда одному несовершеннолетнему за одно и то же деяние дважды назначаются одинаковые обязанности, ряд которых самостоятельно он исполнить не может, так как они при применении применительной меры воспитательного воздействия (ПМВВ), предусмотренной ч. 2 ст. 92 УК РФ, реализуются принудительно. На наш взгляд, такое положение является пробелом в регулировании института освобождения от уголовного наказания.

5. Основным же различием условного осуждения и помещением несовершеннолетнего в СУВУЗТ, на наш взгляд, является наличие испытательного срока, в течение которого виновный обязан выполнять предъявляемые требования. Испытательный срок при условном осуждении является тем временем, в течение которого не прекращается уголовное правоотношение, а следовательно, возможно привлечение виновного к реальному отбыванию наказания. Условность применения ст. 73 УК РФ вытекает из характеристики личности (учитывается уровень общественной опасности личности) виновного и необходимости исправления лица. В связи с этим сложно согласиться с позицией В.С. Орлова и М.М. Бабаева, утверждавших, что испытательный срок обладает не только воспитательной функцией, но и наделен определенными элементами кары. Авторы указывают, что продолжительность испытательного срока выступает как составная часть индивидуализации ответственности и

наказания и зависит от вида и размера последнего [12. С. 44–45; 13. С. 113]. Полагаем, что испытательный срок не может быть признан мерой, индивидуализирующей уголовное наказание, поскольку размер наказания не влияет на длительность испытательного срока. Кроме того, при отмене условного осуждения и назначении наказания по совокупности приговоров неотбытой частью по первому приговору (с применением условного осуждения) считается весь срок наказания вне зависимости от течения испытательного срока. Также невозможно признать испытательный срок мерой, индивидуализирующей уголовную ответственность, поскольку тяжесть преступления, совершенного лицом, служит лишь для определения минимального и максимального размера испытательного срока, который может быть ему назначен. Конкретная же продолжительность испытательного срока должна быть выбрана с учетом индивидуальных особенностей личности осужденного таким образом, чтобы способствовать его исправлению.

Стало быть, наличие испытательного срока при условном осуждении не делает этот вид реализации уголовной ответственности чем-то совершенно иным по своей правовой природе по сравнению с другими видами освобождения от уголовного наказания, а лишь указывает на условность освобождения от него. В том случае, если осужденный выполнит назначенные судом обязанности и запреты, указанные в ч. 5 ст. 73 УК РФ, он избежит реального исполнения назначенного наказания. При помещении же несовершеннолетнего в СУВУЗТ освобождение от наказания является безусловным, т.е. окончательным.

Полагаем, что именно понимание условного осуждения как формы реализации уголовной ответственности, выражающейся в освобождении от наказания под определенным условием позволяет сделать вывод об основных существенных признаках условного осуждения, а именно: неприменение реального уголовного наказания к виновному, реализация уголовной ответственности в форме вынесения обвинительного приговора суда, а также наличие определенных условий применения освобождения и сохранение уголовного правоотношения между виновным и государством.

Законодательное несовершенство конструкции ст. 73 УК РФ, отсутствие реальных альтернатив условному осуждению как мере, исключаящей реальное применение наказания к несовершеннолетнему, приводит к его низкой эффективности. Именно о низкой эффективности условного осуждения свидетельствует высокий уровень рецидивной преступности условно осужденных несовершеннолетних: от 55,8 до 59,5%. При этом 71,2% лиц, имевших фактический рецидив, совершили свое повторное преступление во время испытательного срока [14. С. 3]. К сожалению, при анализе уголовно-правовой статистики, приведенной на сайте судебного департамента Верховного Суда РФ, а также при анализе практики по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Западной Сибири была выявлена неблагоприятная тенденция применения повторно (иногда даже в 3, 4 и даже в 5 и 6-й раз) условного осуждения к несовершеннолетним лицам.

Вместе с тем совершение несовершеннолетним повторного преступления при не истекшем условном сроке свидетельствует о повышенной общественной опасности его личности. Зачастую это тесно связано с увеличением влияния субъективных детерминант преступного поведения лица, например неблагоприятной среды, в которой проживает подросток. Именно они, на наш взгляд, снижают эффективность психологического воздействия угрозы применения реального наказания, что делает нецелесообразным его применение к несовершеннолетним, ранее осуждавшимся условно. Полагаем разумным ограничить количество случаев применения условного осуждения при совершении лицом преступления в период не истекшего испытательного срока. Таким образом, применение условного осуждения не более одного раза, если преступление было совершено в течение испытательного срока, позволит привести практику применения условного осуждения в соответствие с целями указанного института.

Более подходящим в вышеописанных случаях представляется помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение, так как в нем исполнение практически идентичных обязанностей с условным осуждением обеспечивается принудительным потенциалом СУВУЗТ. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является разновидностью освобождения от наказания с изъятием подростка из неблагоприятной среды, направлено на обучение и воспитание подростка. Указанная принудительная

мера воспитательного воздействия в большей степени, чем условное осуждение, учитывает возрастные особенности несовершеннолетних, позволяет реализовать педагогическое воздействие, так необходимое подростку. Попытка применить одновременно две указанные нормы приводит к избыточности уголовно-правового регулирования, неясности обязанностей несовершеннолетнего, поскольку обязанности ч. 5 ст. 73 УК зачастую противоречат обязанностям воспитанников СУВУЗТ или же дублируют их. Полагая, что одновременно применение ст. 73 и ч. 2 ст. 92 УК РФ было обусловлено желанием судей проконтролировать процесс исправления несовершеннолетнего. Статья 73 УК РФ предусматривает ясные последствия неисполнения виновным своих обязанностей, суд имеет возможность отменить условное осуждение и привлечь лицо к реальному отбыванию наказания. Помещение же несовершеннолетнего в СУВУЗТ в большей степени учитывает его возрастные особенности хотя и имеет больший исправительный потенциал, поскольку изымает лицо из неблагоприятной среды, все же является безусловной. Применение указанной ПМБВ не может быть отменено в случае неэффективности воспитательного процесса в СУВУЗТ, а следовательно, нет реальных рычагов воздействия, как при применении условного осуждения. Возможным выходом из сложившейся ситуации представляется устранение имеющейся избыточности правового регулирования одного правоотношения путем изменения формулировки ч. 2 ст. 92 УК РФ в части признания такого вида освобождения от наказания условным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовное право : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 410 с.
2. Сундугов Ф.Р. Репрессивные начала в уголовном праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. С. 163–167.
3. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. М. : Юрид. центр, 2004. 339 с.
4. Киримова Е.А. Правовой институт: понятие и виды / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2000. 54 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. 799 с.
6. Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2005. 930 с.
7. Неманежин В.Ю. Некоторые проблемы теории и практики условного осуждения в уголовном праве России // Правоведение. 2006. № 4. С. 144–153.
8. Расторопов С.В., Звонов А.В., Лядов Э.В., Пичугин С.А., Скобелев С.Ю. Условное осуждение к лишению свободы. Законодательная регламентация, практика применения и исполнения. М. : Юрид. центр, 2018. 458 с.
9. Музеник А.К., Уткин В.А., Филимонов О.В. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 173 с.
10. Емельянова О.А. Условное осуждение // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-8. С. 61–64
11. Данные уголовной статистики с сайта судебного департамента РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>
12. Орлов В.С. Испытательный срок при условном осуждении несовершеннолетних // Вестник МГУ. Серия: Право. 1967. № 3. С. 44–47.
13. Бабаев М.М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М., 1968. 120 с.
14. Тараленко К.Н. Рецидивная преступность несовершеннолетних, осужденных условно, и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 12 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 января 2021 г.

Suspended Sentence and Placement in a Special Educational Institution: Features of Application and Correlation in the Context of the Systematic Nature of Criminal Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 267–271.

DOI: 10.17223/15617793/464/30

Valeria A. Terentieva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: terent@list.ru

Keywords: gaps in criminal law; suspended sentence; release of minors from punishment.

The systematic nature of criminal law forms the main features of the industry, namely: normativity, universalism, that is, the absence of casuistry and obligation. The strict consistency of both the entire industry and its individual institutions allows avoiding the redundancy of criminal law regulation, clearly determining the legal status of a person in conflict with the law. However, the norms of the Criminal Code of the Russian Federation do not always meet these requirements due to defects in legal technology, and, some-

times, gaps in regulation. In practice, the courts, in an effort to minimize the above defects, sometimes resort to excessive criminal law regulation; as an example, the article gives the ratio of the application of suspended sentence and placement in a special educational institution of a closed type. The article analyzes sentences to minors in which Art. 73 and Part 2 of Art. 92 of the Criminal Code of the Russian Federation were simultaneously applied in one sentence for the same act. For a comprehensive study, the article analyzed sentences to minors held in special educational institutions of a closed type for the period from 2014 to 2020, criminal statistics posted on the website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as various points of view of leading legal scholars. The research methods of static observation, analysis and synthesis, the system-structural method, as well as a number of factographic methods, were used. The study develops from the general to the specific, i.e., first, systematicity is analyzed as a property of the branch of criminal law and then as a property of a legal institution, namely, the release of minors from criminal liability. Consistency as a property of the institution of exemption from criminal punishment presupposes the impossibility of intersecting elements within one institution. Special attention is paid to the legal nature of suspended sentence as the most common punishment measure for minors, and its effectiveness. Then the cases of the simultaneous application of Art. 73 and Part 2 of Art. 92 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. In the course of the study, the author examines the features of suspended sentence and placement in a special educational and educational institution of a closed type, compares these two forms of criminal liability, and highlights the differences. The conclusion is that the simultaneous placement in a special educational institution of a closed type and suspended sentence are a redundancy of criminal law regulation. The article raises the question of the need to improve the Criminal Code in terms of the development of placement in a special educational and educational institution of a closed type as a type of exemption from criminal punishment: the court is to be provided with the opportunity to control the juvenile offender's correctional process.

REFERENCES

1. Naumov, A.V. et al. (eds) (2019) *Ugolovnoe pravo: v 2 t.* [Criminal law: in 2 volumes]. A textbook for academic bachelor's degree. Vol. 1. Moscow: Yurayt.
2. Sundurov, F.R. (2011) Repressivnye nachala v ugovnom prave [Repressive principles in criminal law]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.* 153 (4). pp. 163–167.
3. Lopashenko, N.A. (2004) *Osnovy ugovno-pravovogo vozdeystviya* [Fundamentals of criminal law impact]. Moscow: Yurid. tsentr.
4. Kirimova, E.A. (2000) *Pravovoy institut: ponyatie i vidy* [Legal institution: Concept and types]. Saratov: Saratov State Law Academy.
5. Ushakov, D.N. (2013) *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow: Adelant.
6. Ignatov, A.N. & Krasikov, Yu.A. (eds) (2005) *Ugolovnoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov: v 2 t.* [Criminal law of Russia: A textbook for universities: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Norma.
7. Nemanzhin, V.Yu. (2006) Nekotorye problemy teorii i praktiki uslovnogo osuzhdeniya v ugovnom prave Rossii [Some problems of the theory and practice of suspended sentence in the criminal law of Russia]. *Pravovedenie.* 4. pp. 144–153.
8. Rastoropov, S.V. et al. (2018) *Uslovnnoe osuzhdenie k lisheniyu svobody. Zakonodatel'naya reglamentatsiya, praktika primeneniya i ispolneniya* [Suspended sentence. Legislative regulation, practice of application and execution]. Moscow: Yurid. tsentr.
9. Muzenik, A.K., Utkin, V.A. & Filimonov, O.V. (1990) *Uslovnnoe osuzhdenie i otsrochka ispolneniya prigovora* [Suspended sentence and respite]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Emel'yanova, O.A. (2017) Uslovnnoe osuzhdenie [Suspended sentence]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii.* 3-8. pp. 61–64
11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Dannye ugovnoy statistiki* [Criminal statistics data]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru>.
12. Orlov, V.S. (1967) Ispytatel'nyy srok pri uslovnno osuzhdenii nesovershennoletnikh [Probationary period in suspended sentences conditional for minors]. *Vestnik MGU. Seriya: Pravo.* 3. pp. 44–47.
13. Babaev, M.M. (1968) *Individualizatsiya nakazaniya nesovershennoletnikh* [Individualization of punishment for minors]. Moscow: Yurid. lit.
14. Taralenko, K.N. (2004) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh, osuzhdennykh uslovno, i ee preduprezhdenie* [Recidivism of minors with suspended sentences and its prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.

Received: 10 January 2021

Л.К. Фазлиева

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ И ЕГО РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Выявлены правовая неопределенность по вопросу о соотношении территориального планирования и градостроительного зонирования, противоречивость трех базовых федеральных законов относительно полномочий городских и сельских поселений по установлению правил землепользования и застройки. Аргументирована невозможность замены градостроительного зонирования на территориальное.

Ключевые слова: полномочия органов местного самоуправления; правовой режим земель; деление земель на категории; разрешенное использование земельных участков; регламенты использования земель.

Отношения по управлению земельным фондом (ресурсом) регулируются публичными образованиями, в том числе муниципальными. В частности, к полномочиям по управлению земельным фондом (ресурсом) относятся: определение правового режима земель (установление целевого назначения земель и его разрешенного использования в соответствии с классификатором); осуществление перевода земель из одной категории в другую (ст. 7, 8 ЗК РФ) и др.

Градостроительное законодательство определяет два этапа формирования правового режима земель муниципальных образований:

1) установление генеральным планом функциональных зон;

2) установление правил землепользования и застройки (ПЗЗ) территориальных зон.

Обязательность функционального и территориального (градостроительного) зонирования поселения (городского округа) закреплена в императивной форме (кроме случаев, указанных в ч. 6 ст. 18, ч. 4 ст. 31 ГрадК РФ). Исследователи указывают на непосредственное взаимодействие органов публичной власти и правообладателей земельных участков и других объектов недвижимости на стадии согласования проектов территориального планирования [1. С. 10]. При этом карта градостроительного зонирования в обязательном порядке должна содержать границы населенных пунктов муниципальных образований [2].

Кроме этого, отраслевые законы (ч. 2 ст. 85 ЗК РФ и ч. 4 ст. 30 ГрадК РФ) не допускают установления на одном земельном участке нескольких функциональных и территориальных зон. Исключение из этого положения – территории общего пользования. Так, Округин С.Г. обратился в Красноярский краевой суд с административным иском о признании не действующими приложений № 1 и 3 к Решению № 7-107 Красноярского городского Совета депутатов об утверждении Генерального плана городского округа г. Красноярск в части отнесения принадлежащих ему на праве собственности земельных участков с кадастровыми номерами... к двум функциональным зонам и приложения № 1 к ПЗЗ в части отнесения данных земельных участков к двум территориальным зонам [3]. В ходе рассмотрения дела суд установил, что часть земельного участка Округина С.Г. расположена на магистральной улице общегородского значе-

ния регулируемого движения. Следовательно, нахождение земельного участка согласно генеральному плану муниципального образования одновременно в двух функциональных зонах, если одна из данных зон фактически определяет границы территории общего пользования, не влечет возникновения неопределенности правового режима земельного участка, поскольку позволяет установить в отношении земельного участка одну территориальную зону и отобразить в ней территорию общего пользования, на которую действие градостроительного регламента установленной территориальной зоны распространяться не будет. Поэтому отнесение земельного участка на основании ПЗЗ к двум территориальным зонам не соответствует фактическим обстоятельствам дела и не основано на имеющихся в материалах дела доказательствах.

Однако, как отмечается в правоприменительных актах, отображение функциональных зон опосредует лишь вектор развития территории и предложения по территориальному планированию [4].

Органы местного самоуправления (ОМСУ) принимают непосредственное участие в установлении ПЗЗ на основании закрепленных полномочий. В соответствии со ст. 132 Конституции РФ ОМСУ самостоятельно решают вопросы местного значения. В ст. 11 ЗК РФ к полномочиям ОМСУ отнесено установление ПЗЗ территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований.

Общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в РФ и государственные гарантии его осуществления установлены ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [5]. В указанном законе п. 20 ч. 1 ст. 14 и п. 26 ч. 1 ст. 16 к вопросам местного значения городского поселения и городского округа относят утверждение ПЗЗ, а п. 15 ч. 1 ст. 15 к вопросам местного значения муниципального района – утверждение подготовленной на основе схемы территориального планирования муниципального района документации по планировке территории. Полномочия сельских поселений по данному вопросу переданы муниципальным районам (ч. 4 ст. 14 указанного закона).

Однако до сих пор сохраняется правовая неопределенность по вопросу о правовом соотношении указанных видов зонирования, утверждаемых в разных

по правовому статусу документах – генеральном плане и ПЗЗ, являющихся результатами территориального планирования и градостроительного зонирования. В частности, карта градостроительного зонирования и градостроительные регламенты входят в состав ПЗЗ (п. 2 ст. 30 ГрадК РФ); согласно ч. 3 ст. 31 ГрадК РФ подготовка проекта ПЗЗ осуществляется с учетом документов территориального планирования, а согласно ч. 9 проект ПЗЗ проверяется на соответствие указанным документам.

Выделяют аргументацию исследователей по решению обозначенной проблемы. Так, по мнению В.А. Шишканова не хватает законодательной регламентации градации в принятии градостроительной документации на муниципальном уровне, он предлагает предусмотреть следующую очередность: сначала – генеральный план, а затем – ПЗЗ [6. С. 8]. Данную позицию поддерживают и правоприменительные органы. В соответствии с правовой позицией ВС РФ основополагающим документом территориального планирования является генеральный план, предусматривающий обеспечение функционального градостроительного развития территории в долгосрочной перспективе. Следовательно, генеральный план первичен перед ПЗЗ [7].

Следует указать, что на основании актов правоприменительных органов, генеральный план приравнивается к статусу нормативного правового акта. Однако текст генерального плана не соответствует требованиям юридической техники в отличие от ПЗЗ, в частности содержит терминологию, которая не соответствует с градостроительной деятельностью.

Поэтому считаем, что неприменение средств юридической техники к одному правовому акту (генеральный план) и принципиальное применение к другому (ПЗЗ) свидетельствует о различиях в их правовой природе, а также неизбежно ставят под вопрос позицию о возможности и необходимости строгого соответствия ПЗЗ генеральному плану.

Следовательно, для устранения внутренних противоречий в законодательстве мы предлагаем в кодифицированном градостроительном законе закрепить правила соотношения генерального плана и ПЗЗ и установить требования к разработке генерального плана.

ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» № 373-ФЗ от 03.07.2016 [8] в градостроительное законодательство России были внесены изменения, связанные с введением новой градостроительной процедуры, которая получила название «комплексное развитие территории» (КРТ), касающиеся полномочий органов государственной власти и ОМСУ по подготовке документации по планировке территории.

Уполномоченные ОМСУ муниципального района принимают решение, обеспечивают подготовку и утверждают документацию по планировке территории, предусматривающую размещение объектов:

- 1) местного значения муниципального района;
- 2) капитального строительства, размещение которых планируется на территориях двух и более поселений и (или) межселенной территории в границах муниципального района;

- 3) местного значения муниципального района, финансирование строительства, реконструкция которого осуществляется полностью за счет средств местного бюджета муниципального района и размещение которого планируется на территориях двух и более муниципальных районов, городских округов, имеющих общую границу, в границах субъекта РФ, по согласованию с указанными муниципальными районами, городскими округами. При получении отказа о согласовании документации данное полномочие передается уполномоченному органу исполнительной власти субъекта РФ с учетом результатов рассмотрения разногласий согласительной комиссией (аналогичное регулирование установлено и при размещении объекта, финансируемого за счет средств бюджета городского округа и размещаемого на территории смежных городских округов, муниципальных районов).

Решение о комплексном развитии территории может быть принято уполномоченным ОМСУ только в отношении территории, которая указана в утвержденных ПЗЗ в качестве территории, в границах которой допускается осуществление деятельности по комплексному и устойчивому развитию территории.

Остается до конца не ясным вопрос о том, какой именно ОМСУ вправе выполнять предусмотренные в законе (ст. 46.9–46.11 ГрадК РФ) действия, необходимые для реализации процедуры комплексного развития территории. Подчеркнем, что при законодательном утверждении рассматриваемых юридических новелл не были внесены необходимые корректировки в ст. 6–8 ГрадК РФ. Соответствующие изменения также не были внесены и в Закон № 131-ФЗ.

Таким образом, вопрос о том, какой из ОМСУ уполномочен на принятие решений и заключение договора на комплексное развитие территории, остается открытым.

Необходимо указать еще на одно противоречие. Градостроительный кодифицированный закон определяет, что ПЗЗ поселений утверждаются ОМСУ поселений; межселенных территорий – ОМСУ муниципальных районов, а муниципальных, городских округов – их ОМСУ (ч. 1–3 ст. 8 ГрадК РФ). При этом указанный закон не проводит разграничение между полномочиями городских и сельских поселений. Такой подход вполне логичен, поскольку вопросы, связанные с ПЗЗ, больше регулируются градостроительным законодательством.

Однако в п. 1 ст. 39.30 ЗК РФ установлено, что находящиеся в федеральной собственности земельные участки, расположенные на территориях поселений и городских округов, подлежат безвозмездной передаче в собственность этих поселений и городских округов, если ими (включая и сельские поселения) утверждены генеральные планы и ПЗЗ.

Таким образом, в части ПЗЗ имеется явная противоречивость трех базовых федеральных законов: ГрадК РФ, так же как ЗК РФ и Закон № 131-ФЗ,

предусматривает, что ему не могут противоречить федеральные законы, содержащие нормы, регулирующие соответствующие отношения, в данном случае в области градостроительной деятельности (ч. 2 ст. 3 ГрадК РФ). Следовательно, различная трактовка категориальных элементов вопросов местного значения приводит к неоднозначному пониманию муниципальных прав и обязанностей. Считаем необходимым привести в соответствие нормы, касающиеся полномочий ОМСУ, содержащиеся в отраслевых законодательствах с нормами Закона № 131-ФЗ.

Одним из векторов совершенствования государственной политики использования земельного фонда России на 2012–2020 гг. [9] назван правовой институт «территориальное зонирование», определяющий изъятие из оборота принципа деления земель по целевому назначению. Данное положение реализовано в законопроекте № 496293-7 «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и некоторые законодательные акты РФ» [10] (далее – законопроект № 496293-7), который предусматривает замену градостроительного зонирования на территориальное.

Нами рассмотрена аргументация исследователей сторонников и противников идеи полного отказа от принципа деления земель по целевому назначению. Так, сторонники (авторы) законопроекта № 496293-7 предпосылкой внесения изменений определяют возможность сокращения сферы государственного (муниципального) управления землепользованием, а также указывают на отсутствие в романо-германских (европейских) правовых системах критерия деления земель по целевому назначению. Напротив другие исследователи, например Т.А. Дедкова [11. С. 150], не считают данное обоснование авторов законопроекта необходимым для изъятия из земельного законодательства принципа деления земель на категории.

Следует обратить внимание, что деление земель по целевому назначению на категории – это отраслевой принцип регулирования отношений в области охраны и использования земель, что подтверждается и материалами правоприменительной практики. Так, в Постановлении КС РФ от 30.06.2011 № 13-П определяется целевое назначение земельного участка как публичного компонента его правового режима (п. 6) [12]. В другом Определении КС РФ от 17.07.2012 № 1375-О [13] установлено, что возможные цели использования земель различными участниками землепользования, в том числе гражданами, направлены на защиту прав и законных интересов граждан (п. 2). Действительно, принятие законопроекта № 496293-7 приведет к нарушению принципа баланса публичных и частных интересов в области охраны и использования земель, в частности граждане будут лишены возможности судебного обжалования решений произвольного изменения границ территориальных зон публичными органами.

Постановление КС РФ от 23.04.2004 № 8-П [14] строится на содержательной части нормы Конституции России (ч. 1 ст. 9) – законодательное обеспечение рационального и эффективного использования природных ресурсов включено в обязанности органов публичной власти.

Следовательно, определение правового режима земель по его целевому назначению является отражением и развитием в отраслевом законодательстве положений Конституции РФ.

Кроме этого, законопроектом № 496293-7 вводится категория «регламенты использования земель». Этот акт устанавливает четыре регламента использования земель: 1) сельскохозяйственный регламент; 2) лесохозяйственный регламент; 3) регламент использования особо охраняемых территорий; 4) градостроительный регламент.

При этом возникают сомнения в необходимости принятия таких регламентов. Во-первых, они практически копируют действующие градостроительные регламенты в части их содержания. Во-вторых, все регламенты содержат положения нормативного характера, т.е. представляют собой нормативные правовые акты (лесохозяйственный и градостроительный регламенты в настоящее время признаны таковыми и подтверждаются правоприменительной практикой). Однако введение в действие всех перечисленных видов регламентов использования земель, устанавливающих виды разрешенного использования земельных участков, связано не с правилами вступления в силу нормативных правовых актов, а с моментом внесения в ЕГРН сведений о них (п. 4 ст. 14.1 законопроекта № 496293-7). Правила вступления в силу нормативных правовых актов имеют конституционную основу (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ), взаимосвязаны с соблюдением прав, свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ), имеют толкование в п. 6 ППВС РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» [15], всесторонне исследованы во многих работах, в том числе в тех, в которых обосновывается, что их нарушение создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу [16. С. 645–649].

Таким образом, ОМСУ обладают полномочиями по определению правового режима земель в области установления генеральным планом функциональных зон и правил землепользования и застройки территориальных зон. В то же время сохраняется правовая неопределенность по вопросу о соотношении указанных видов зонирования. Для устранения внутренних противоречий в законодательстве мы предлагаем в кодифицированном градостроительном законе закрепить соотношение генерального плана и правил землепользования и застройки, а также установить требования к разработке генерального плана. Для устранения противоречивости трех базовых федеральных законов в части установления правил землепользования и застройки территориальных зон считаем необходимым привести в соответствие нормы, касающиеся полномочий ОМСУ, содержащиеся в отраслевых законодательствах с нормами Закона № 131-ФЗ. Направлением совершенствования государственной политики использования земельного фонда России является замена градостроительного зонирования на территори-

альное, что предполагает изъятие из оборота деления земель по целевому назначению. Однако принцип деления земель на категории по целевому назначению

следует рассматривать как вытекающее из положений ст. 9 Конституции России основное начало правового регулирования земельных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников Н.Н., Савельева Е.А. Значение правил землепользования и застройки и документов территориального планирования в регулировании правового режима земель населенных пунктов // *Российская юстиция*. 2013. № 6. С. 8–11.
2. Об отчете о деятельности органов исполнительной власти РТ за 2017 г.: Постановление Государственного Совета РТ от 22 марта 2018 г. № 2211-V ГС // *Ведомости Государственного Совета Татарстана*. 2018. № 3.
3. Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2019 г. № 53-АПА19-45 // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
4. Постановление Федерального Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 декабря 2009 г. по делу № А28-6194/2009-133/16 // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2003. Ст. 3822.
6. Шишканов В.А. Реализация полномочий органов местного самоуправления в сфере градостроительства: на примере городов Иркутской области : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 26 с.
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2017 года № 51-АПГ17-8 // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
8. О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования подготовки, согласования и утверждения документации по планировке территории и обеспечения комплексного устойчивого развития территорий и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: ФЗ № 373-ФЗ от 03.07.2016 // *Собрание законодательства РФ*. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4306.
9. Основы государственной политики использования земельного фонда Российской Федерации на 2012–2020 годы (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.03.2012 № 297-р) // *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 12. Ст. 1425.
10. Проект Федерального закона № 465407-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию». Внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации 04.03.2014 // СПС КонсультантПлюс.
11. Дедкова Т.А. Правовые последствия принятия законопроекта о зонировании территорий для земель сельскохозяйственного назначения // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2019. № 1 (31). С. 142–153.
12. Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 13-П // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
13. Определение КС РФ от 17.07.2012 № 1375-О // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
14. Постановление КС РФ от 23.04.2004 № 8-П // ГАРАНТ. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.04.2020).
15. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: ППВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // *ВС РФ*. 1996. № 1.
16. Казанцев А.О. Право на участие в осуществлении местного самоуправления и градостроительная политика // *Конституционное право и политика* : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30.03.2012) / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М. : Юрист, 2012. 799 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 июня 2020 г.

Local Self-Government Powers to Establish the Target Purpose of Lands and Their Permitted Use: Analysis of Theoretical Problems

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 464, 272–276.

DOI: 10.17223/15617793/464/31

Liliya K. Fazlieva, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Kazan, Russian Federation). E-mail: LKFaz@mail.ru

Keywords: powers of local self-government; legal regime of lands; division of lands into categories; permitted use of land plots; land use regulations.

The study aims to determine the powers of local authorities in defining the legal regime of lands and to study problems in this area. Legal uncertainty in the relationship between territorial planning and urban planning zoning, the inconsistency of the three basic federal laws regarding the powers of urban and rural settlements to establish land use and development rules have been revealed. The impossibility of replacing urban planning zoning with a territorial one is argued. The research methods are the dialectical method of cognition, general methods of formal logic, certain general research methods (systems aspect, analysis of regulatory legal sources), and specific methods of law (formal-logical method of interpretation of law, comparative legal method). Based on the study, the following conclusions are made. (1) There is still legal uncertainty on the issue of zoning, which is contained in documents of different legal force – results of territorial planning and urban planning zoning: the site plan, which is equal in the status to a regulatory legal act and rules of land use and development. At the same time, the text of the site plan does not meet the requirements of legal technology in contrast to rules of land use and development. To eliminate internal contradictions in the legislation, it is proposed to fix the correlation of the site plan and the rules of land use and development in a codified urban planning law, and to establish requirements for the development of the site plan. (2) Urban planning and land codified laws do not distinguish between the powers of urban and rural settlements in the field of approving land use and development rules (Part 3 of Article 8 of the Town Planning Code of the Russian Federation, Paragraph 1 of Article 39.30 of the Land Code of the Russian Federation). Moreover, the approval of land use and development rules was removed from the rural settlement's issues of local importance and transferred to the municipal areas (Part 4 of Article 14 of Law No. 131-FZ). Consequently, the different interpretation of the categorical elements of issues of local importance leads to an ambiguous understanding of municipal rights and obligations. The author considers it necessary to bring the norms regarding the powers of local self-government contained in the industry laws in line with the norms of Law No. 131-FZ. (3) In order to improve the state policy on the use of the land fund of Russia, it is planned to replace urban planning zoning with territorial zoning, which involves the removal from circulation of the principle of dividing land for its intended purpose. It has been established that territorial zoning performs only the functions of detailing and concretizing the legal regime of the corresponding land plot. In this

regard, the principle of dividing land into categories for the intended purpose should be considered as the main principle of legal regulation of land relations arising from the provisions of Article 9 of the Constitution of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Mel'nikov, N.N. & Savel'eva, E.A. (2013) *Znachenie pravil zemlepol'zovaniya i zastroyki i dokumentov territorial'nogo planirovaniya v regulirovani pravovogo rezhima zemel' naselennykh punktov* [The value of land use and development rules and territorial planning documents in the regulation of the legal regime of land in settlements]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 8–11.
2. *Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Tatarstana*. (2018) Ob otchete o deyatelnosti organov ispolnitel'noy vlasti RT za 2017 g.: Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta RT ot 22 marta 2018 g. № 2211-V GS [On the report on the activities of the executive authorities of the Republic of Tatarstan for 2017: Resolution of the State Council of the Republic of Tatarstan No. 2211-V GS of March 22, 2018]. 3.
3. GARANT. (2019) *The appeal ruling of the Investigative Committee on administrative cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53-APA19-45 of December 18, 2019*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
4. GARANT. (2009) *Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District of December 11, 2009, in Case No. A28-6194/2009-133/16*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
5. Russian Federation. (2003) Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: FZ ot 06.10.2003 № 131-FZ [On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law No. 131-FZ of October 06, 2003]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 40. Art. 3822.
6. Shishkanov, V.A. (2008) *Realizatsiya polnomochiy organov mestnogo samoupravleniya v sfere gradostroitel'stva: na primere gorodov Irkutskoy oblasti* [The implementation of the powers of local governments in the field of urban planning: the example of the cities of Irkutsk Oblast]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
7. GARANT. (2017) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51-APG17-8 of July 6, 2017*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
8. Russian Federation. (2016) O vnesenii izmeneniy v Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii, otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya regulirovaniya podgotovki, soglasovaniya i utverzhdeniya dokumentatsii po planirovke territorii i obespecheniya kompleksnogo ustoychivogo razvitiya territorii i priznaniyu utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii: FZ № 373-FZ ot 03.07.2016 [On amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation, certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the regulation of preparation, coordination and approval of documentation for the planning of the territory and ensuring integrated sustainable development of territories, and invalidation of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 03, 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 27 (II). Art. 4306.
9. Russian Federation. (2012) *Osnovy gosudarstvennoy politiki ispol'zovaniya zemel'nogo fonda Rossiyskoy Federatsii na 2012–2020 gody (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 03.03.2012 № 297-r)* [Fundamentals of state policy for the use of the land fund of the Russian Federation for 2012–2020 (approved by order No. 297-r of the Government of the Russian Federation of March 03, 2012)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 12. Art. 1425.
10. Consultant Plus. (2014) *Draft Federal Law No. 465407-6 “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Transition from Division of Land into Categories to Territorial Zoning”*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=126237>. (In Russian).
11. Dedkova, T.A. (2019) Legal implications of the draft law on zoning areas for agricultural lands. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1 (31). pp. 142–153. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/13
12. GARANT. (2011) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-P of June 30, 2011*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
13. GARANT. (2012) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1375-O of July 17, 2012*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
14. GARANT. (2004) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 8-P of April 23, 2004*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru> (Accessed: 27.04.2020). (In Russian).
15. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. (1996) O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii pri osushchestvlenii pravosudiya: PPVS RF ot 31 oktyabrya 1995 g. № 8 [On some issues of the application by the courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 8 of October 31, 1995]. 1.
16. Kazantsev, A.O. (2012) [The right to participate in the implementation of local self-government and urban planning policy]. *Konstitutsionnoe pravo i politika* [Constitutional law and politics]. Proceedings of International Conference. Moscow. 28–30 March 2012. Moscow: Yurist. (In Russian).

Received: 22 June 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета. E-mail: o.a.abakumova@utmn.ru

АБДРАШИТОВА Мария Овсеевна – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: mabdrashitova@hse.ru

АБРАМОВА Ирина Евгеньевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета. E-mail: lapucherabr@gmail.com

АЛПЫСПАЕВА Галья Айтпаевна – д-р ист. наук, доцент кафедры истории Казахстана Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина (г. Нур-Султан, Казахстан). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

БАЧУРИН Дмитрий Геннадьевич – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник сектора финансового, налогового, банковского, и конкурентного права Института государства и права Российской академии наук (г. Москва). E-mail: 01ter@mail.ru

БИРЮКОВ Дмитрий Сергеевич – д-р филос. наук, PhD in Philosophy, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); научный руководитель Научно-образовательного центра проблем философии, религии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: dbirjuk@gmail.com

БОГДАНОВА Анна Геннадьевна – канд. филол. наук, и.о. директора Института иностранных языков и международного сотрудничества Томского государственного педагогического университета. E-mail: bogdanovaag@tspu.edu.ru

ВАСИЛЬЕВА Алиса Александровна – преподаватель кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: sknc_vaslyeva@mail.ru

ВЕЛЬМАКИНА Мария Сергеевна – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: mvelmakina@ya.ru

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: vsv1304@yandex.ru

ГОЛОВАЦКИЙ Евгений Васильевич – канд. социол. наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: xomaik@rambler.ru

ГОЛОВКО Вячеслав Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: vmgolovko@mail.ru

ГРЯЗНОВА Елена Владимировна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского педагогического университета им. К. Минина. E-mail: egik37@yandex.ru

ДЕМЕНТЬЕВА Тамара Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: tdementyeva@hse.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета. E-mail: demeta@rambler.ru

ЕГОРОВ Константин Борисович – канд. ист. наук, ректор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: egorov@pspu.ru

ЖУКОВА Арина Геннадьевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: agzhukova@pushkin.institute

ЗАЙЦЕВА Лариса Владимировна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета. E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru

ЗАХАРОВА Анна Николаевна – канд. биол. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: azakharova91@gmail.com

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КАРВУНИС Юлия Алексеевна – старший преподаватель кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: juliakarvounis@gmail.com

КОНСТАНТИНОВ Михаил Сергеевич – канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: konstantinov@sfedu.ru

КОРОТЧЕНКО Татьяна Валериевна – канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: tatyana1003@mail.ru

КРАНЗЕЕВА Елена Анатольевна – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: elkranzeeva@mail.ru

КУКЛИНА Светлана Станиславовна – д-р пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и методики обучения иностранным языкам Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: svstkuk47@gmail.com

ЛОШКАРЕВА Мария Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: mloshkareva@hse.ru

МАМОНТОВ Александр Степанович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

НОВИКОВ Михаил Васильевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org

НОВИКОВА Татьяна Васильевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар). E-mail: tnovikova@inbox.ru

ОРЛОВА Анна Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: anniov@bk.ru

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна – канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: tan5@bk.ru.

ПУЗАНОВ Даниил Викторович – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск). E-mail: puzanov_dv@udman.ru

РЫЧКОВ Александр Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru

СИЗОВА Ирина Алексеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории экономики культуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: sizova_i@mail.ru

СТОЛЯРОВА Александра Георгиевна – соискатель кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: Aleks-stolyarova@yandex.ru

ТАРАСОВ Максим Юрьевич – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России (г. Москва). E-mail: tarasov0123@gmail.com

ТЕРЕНТЬЕВА Валерия Александровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета. E-mail: terent@list.ru

ФАЗЛИЕВА Лилия Канзеловна – канд. хим. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России. E-mail: LKFaz@mail.ru

ШАБАЛИНА Анастасия Олеговна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nastyapl1003@gmail.com

ШЕВЧЕНКО Анна Игоревна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков неязыковых направлений Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: malice_sky@mail.ru

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна – д-р филос. наук, зав. кафедрой социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: shestop0505@rambler.ru

ШИШМОЛИНА Елена Петровна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных направлений Петрозаводского государственного университета. E-mail: elena.shishmolina@yandex.ru

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета. E-mail: nuap1@yandex.ru

ЯКИМОВА Светлана Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: 005563@pnu.edu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 464. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.03.2021 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4694. Цена свободная.

Дата выхода в свет 17.06.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru